

Этьен Кабе

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ РОМАН

VOYAGE ET AVENTURES LORD VILLIAM CARISDALL EN ICARIE
TRADUITS DE L'ANGLAIS DE FRANCIS ADAMS PAR TH. DUFRUIT.

Paris, HIPPOLYTE SOUVEHAIN, EDITEUR, RUE DES BEAUX ARTS, 5, A LENTRESOL. 1840.

Перевод с французского под редакцией *Э.Л.ГУРЕВИЧА*
Комментарии *Э.Л.ГУРЕВИЧА* и *Ф.В.ШУВАЕВОЙ*
Вступительная статья *В.П.ВОЛГИНА*

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР
Редактор О.М.Подгорненская
Технический редактор Н.П.Аузан
Корректор В.Б.Несвижский

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2011
Комментарии перемещены из конца каждого тома в подстрочные ссылки.
Комментарии с пометкой «Ред.» также принадлежат Э.Л.Гуревичу и Ф.В.Шуваевой. Ссылки на дополнительные материалы даны нами - редакторы [Vive Liberta](#).

СОДЕРЖАНИЕ

В.П.Волгин. Этьен Кабе - статья подготовлена отдельно (скан|pdf, скачать http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html)

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ

Предисловие ко второму изданию

Часть первая. Путешествие. Рассказ. Описание

Глава первая. Цель путешествия. Отъезд

Глава вторая. Прибытие в Икарию

Глава третья. Прибытие в Икару

Глава четвертая. Описание Икарии. Описание Икары

Глава пятая. Взгляд на общественный и политический строй и историю Икарии

Глава шестая. Описание Икары (продолжение)

Глава седьмая. Пища

Глава восьмая. Одежда (продолжение письма Евгения к брату)

Глава девятая. Жилище. Обстановка

Глава десятая. Воспитание

Глава одиннадцатая. Воспитание (продолжение)

Глава двенадцатая. Труд. Промышленность

Глава тринадцатая. Общественное здравие. Врачи. Больницы

Глава четырнадцатая. Писатели. Ученые. Адвокаты. Судьи

Глава пятнадцатая. Женская мастерская. Роман. Брак

Глава шестнадцатая. Динаица не хочет выходить замуж. Отчаяние Вальмора

Глава семнадцатая. Сельское хозяйство

Глава восемнадцатая. Сельское хозяйство (продолжение)

Глава девятнадцатая. Сельское хозяйство. Торговля (продолжение)

Глава двадцатая. Религия

Глава двадцать первая. Излечение Вальмора. Тоска милорда

Глава двадцать вторая. Национальное представительство

Глава двадцать третья. Икарийское пэрство. Провинциальное представительство. Пантеон

Глава двадцать четвертая. Народные собрания

Глава двадцать пятая. Пресса

Глава двадцать шестая. Исполнительная власть

Глава двадцать седьмая. Брак. Бал. Танцы

Глава двадцать восьмая. Прогулка верхом

Глава двадцать девятая. Милорд любит Динаицу. История Ликсдокса и Клорамиды. История Икара

Глава тридцатая. Театры

Глава тридцать первая. Историческая драма. Пороховой заговор. Суд и осуждение невинного

Глава тридцать вторая. Ревность и безумие. Разум и преданность

Глава тридцать третья. Прелюдия к юбилейным празднествам. День рождения школьника, рабочего, гражданина

Глава тридцать Четвертая. Празднества, игры, развлечения, роскошь

Глава тридцать пятая. Колонии

Глава тридцать шестая. Религия (продолжение главы двадцатой)

Глава тридцать седьмая. Франция и Англия

Глава тридцать восьмая. Брак милорда решен

Глава тридцать девятая. Женщины

Глава сороковая. Внешние сношения. Проект коммунитарной ассоциации

Глава сорок первая. Первое обсуждение проекта ассоциации

Часть вторая. Установление режима общности. Переходный порядок.
Дискуссия

Возражения. Опровержение возражений. История. Мнения философов.

Глава первая. История Икарии

Глава вторая. Недостатки старого общественного строя

Глава третья. Пороки старого политического строя

Глава четвертая. Революция 1782 г. Установление режима общности

Глава пятая. Выборы. Конституция. Приговор. Война. Мир. (Продолжение истории революции)

Глава шестая. Переходный порядок. Политическое равенство. Уменьшение социального неравенства. Прогрессирующее социальное равенство

Глава седьмая. Возражения против равенства и общности имущества

Глава восьмая. Ответ на возражения против равенства и общности имущества

Глава девятая. Прогресс демократии и равенства

Глава девятая. Прогресс демократии и равенства
Глава десятая. Прогресс демократии и равенства. (Продолжение)
Глава одиннадцатая. Прогресс промышленности и производства
Глава двенадцатая. Мнения философов о равенстве и общности имущества
Глава тринадцатая. Мнения философов о равенстве и общности имущества. (Продолжение)
Глава четырнадцатая. Будущность человечества
Глава пятнадцатая. Ассоциация и пропаганда в пользу общности
Глава шестнадцатая. Крестовый поход в Икарии для установления общности
Глава семнадцатая. Счастье милорда
Глава восемнадцатая. Брак и свадьба
Глава девятнадцатая. Катастрофа

Часть третья. **Резюме учения, или принципы общности**
Единственная глава. Объяснения автора. Учение об общности

КОММЕНТАРИИ

Э.Л.Гуревич. Э.Кабе. Биографический очерк - статья подготовлена отдельно (скан|pdf, скачать <http://vive-liberta.narod.ru/ref/cabet.pdf>)

Издания и переводы основных произведений Э.Кабе

Примечания (ко второй части)

Литература о Кабе

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Если принять во внимание богатства, которыми благодетельная природа одарила в такой огромной мере человеческий род, и понимание или разум, который она ему дала, чтобы этот разум служил человеческому роду орудием и руководителем, невозможно допустить, что судьба человека – быть несчастным на этой земле. И если принять во внимание, что человек по самой сущности своей существо общительное, следовательно, сочувствующее и любящее, столь же невозможно допустить, что он по природе своей зол.

И все же во все времена и во всех странах история являет нам только смуты и беспорядки, пороки и преступления, войны и революции, казни и резню, катастрофы и бедствия.

Но если эти пороки и несчастья не являются следствием воли природы, то приходится искать их причину в другом месте. Не заключается ли эта причина в плохой организации общества? И не является ли коренным пороком этой организации неравенство, которое служит ее основой?

Ни один вопрос, очевидно, не заслуживает в такой степени всеобщего интереса, ибо если бы доказано было, что страдания человечества представляют непреложное веление судьбы, пришлось бы искать против него средство только в покорности и терпении. Наоборот, если это зло представляет только результат плохого общественного строя

и, в особенности, неравенства, то, не теряя ни минуты, Надо стараться искоренить это зло, уничтожая его причину путем замены неравенства равенством.

Что касается нас, то чем больше мы изучаем историю, тем более глубоко убеждаемся, что неравенство есть причина, порождающая нищету и богатство, все пороки, проистекающие из первой и второго, жадность и честолюбие, ненависть и зависть, раздоры и войны всякого рода, одним словом – все зло, которое угнетает отдельных людей и нации,

И наше убеждение становится непоколебимым, когда мы видим, что почти все философы и все мудрецы провозглашают равенство, когда мы видим, что Иисус Христос, провозвестник величайшей реформы, основатель новой религии, которому поклоняются, как богу, провозгласил равенство, чтобы освободить род человеческий, когда мы видим, что все отцы церкви, все христиане первых веков, Реформация и ее бесчисленные приверженцы, философия XVIII века, Американская революция, Французская революция, всеобщий прогресс – все провозглашают равенство и братство людей и народов.

Итак, учение равенства и братства, или демократии, является ныне интеллектуальным завоеванием человечества; осуществление этого учения представляет цель всех усилий, всех боев, всех сражений на земле.

Но когда мы серьезно и страстно углубляемся в изучение вопроса, каким путем общество может быть организовано как демократия, т.е. на основах равенства и братства, мы приходим к выводу, что эта организация требует и влечет за собою общность имущества.

И мы спешим прибавить, что эта общность равным образом была провозглашена Иисусом Христом¹, всеми его апостолами и учениками, всеми отцами церкви и всеми христианами первых веков, Реформацией и ее последователями, философами, которые представляют собою свет и честь человеческого рода.

Все, во главе с Иисусом Христом, признают и провозглашают, что общность, основанная на воспитании и общем интересе, составляющая общее и взаимное обеспечение против всех несчастий и бед, гарантирующая каждому пищу, одежду, жилище, возможность вступить в брак и воспитать семью, при одном только условии умеренного труда, – что эта общность представляет единственную систему общественного строя, которая могла бы осуществить равенство и братство, предупредить жадность и честолюбие, прекратить конкуренцию и антагонизм, уничтожить зависть и ненависть, сделать почти невозможным порок и преступление, обеспечить согласие и мир и дать, наконец, счастье возрожденному человечеству.

Но уже с давних пор своекорыстные и тупые противники общности, хотя и признают чудеса, которые она породила бы, сумели создать предрассудок, что она невозможна, что это только прекрасная мечта, великолепная химера.

Итак, вопрос заключается в том, осуществима ли и возможна ли

общность?

Основательное изучение этого вопроса глубоко убедило нас, что общность могла бы быть легко осуществлена, как только народ и правительство приняли бы ее. Мы придерживаемся убеждения, что прогресс промышленности сделает общность более осуществимой, чем это было возможно прежде, а нынешнее безграничное развитие производительной мощности при посредстве пара и машин может обеспечить равенство избытка, и никакая другая социальная система не является более благоприятной для усовершенствования изящных искусств и всех разумных наслаждений цивилизации.

Чтобы сделать эту истину осязательной, мы написали «Путешествие в Икарию».

В первой части мы рассказываем, описываем и показываем великую нацию, организованную как общность: мы выводим ее в действии в самых различных положениях; мы ведем наших читателей в ее города, деревни, села, фермы; мы показываем им шоссе, дороги, каналы, реки, ее дилижансы и омнибусы, ее мастерские, школы, больницы, музеи, общественные памятники, театры, игры, празднества, развлечения, политические собрания; мы объясняем организацию снабжения пищей, одеждой, жилищем, обстановкой, указываем основы брака и семьи, организацию воспитания, лечебного дела, труда, промышленности, сельского хозяйства, изящных искусств и колоний; мы изображаем избыток и богатство, изящество и великолепие, порядок и единение, согласие и братство добродетель и счастье, являющиеся неизбежным результатом общности.

Впрочем, общность, как и монархия, как и республика, как и сенат, поддается бесконечному ряду различных организаций; ее можно организовать с городами или без городов и т.д. и т.п., и мы вовсе не претендуем на то, что мы с первого же раза нашли самую совершенную систему для организации большой общности. Мы хотели только представить пример, чтобы показать возможность и полезность системы общности. Путь открыт. Пусть другие представят лучшие планы организации, лучшие образцы! Кроме того, нация сможет вносить свои поправки и усовершенствования, как и следующие поколения, в свою очередь, смогут изменить и еще более усовершенствовать всю систему.

Что касается деталей организации, то многие применимы к простой демократии так же хорошо, как и к общности, и мы льстим себя мыслью, что они уже и теперь могут быть бесполезны.

Мы предположили, что политическим строем Икарии является республика, но мы берем слово республика в самом широком смысле (*res publica* – общественное дело), в том смысле, который давали этому слову Платон, Боден и Руссо, называвшие республикой всякое государство или всякое общество, которым правят или которое управляется в общем интересе, какова бы ни была форма правления, единоличная или коллегиальная, наследственная или избирательная. Монархия подлинно представительная, демократическая, народная может быть в тысячу раз предпочтительнее аристократической

республики, и общность не более несовместима с конституционной монархией, чем с республиканским президентом.

Во второй части мы указываем, как может установиться общность, как великая и старая нация может превратиться в общность. Мы искренно и глубоко убеждены, что такое превращение не может быть осуществлено сразу, путем насилия и принуждения, что оно может совершаться только последовательно, постепенно, путем убеждения, показа, общественного мнения, национальной воли. Мы изображаем переходный порядок, который представляет не что иное, как демократию, принявшую принцип общности, применяющую немедленно только то, что пригодно для немедленного применения, подготовляющую вместе с тем последовательное осуществление, воспитывающую первое поколение для общности, обогащающую бедных без ограбления богатых, уважающую приобретенные права и привычки существующего поколения, но уничтожающую без замедления нищету, обеспечивающую всем труд и существование, дающую массе счастье в труде.

Третья часть содержит резюме принципов коммунистической системы.

Написанное в форме романа, «Путешествие в Икарию» представляет настоящий трактат о морали, философии, социальной и политической экономике, плод долгих трудов, обширных исследований и постоянных размышлений. Чтобы хорошо с ним ознакомиться, мало прочесть его, – надо его перечитывать, перечитывать часто и изучать.

Несомненно, мы не можем льстить себя мыслью, что не совершили ни одной ошибки, но наша совесть дает нам утешительное свидетельство, что наше произведение вдохновлено самой чистой и самой горячей любовью к человечеству.

Осыпанные уже клеветой и оскорблениями, мы должны иметь мужество и не бояться ненависти партий и, быть может, преследований. Благородные и славные примеры научили нас, что человек, которого одушевляет и увлекает преданность благу его братьев, должен всем жертвовать ради своих убеждений, и каковы бы ни были эти жертвы, мы готовы взять их на себя, чтобы всюду и всегда торжественно свидетельствовать об истинности и благодетельности коммунистического учения.

*Кабе
Февраль 1842*

Часть первая. ПУТЕШЕСТВИЕ. РАССКАЗ. ОПИСАНИЕ

Глава первая. ЦЕЛЬ ПУТЕШЕСТВИЯ. ОТЪЕЗД

Читатель, надеюсь, простит меня, если я сначала объясню ему в нескольких словах, что побудило меня опубликовать рассказ о путешествии, которое было совершено другим лицом.

Я познакомился с лордом У. Керисдоллом в Париже, у генерала Лафайета.² Понятно было бы удовольствие, которое я испытал, встретившись с ним в Лондоне в 1834 году, если бы я мог, не задевая его скромности, говорить о всех качествах его ума и сердца. Я мог бы сказать, что он один из самых богатых сеньоров трех королевств и один из самых красивых людей, каких я когда-либо видел, с самой симпатичной физиономией, какую я знаю. Я мог бы сказать это, не вызывая его недовольства, ибо он не чванится этими милостями случая, но я не буду говорить ни о широте его познаний, ни о благородстве его характера, ни об учтивости его манер. Скажу только, что, лишенный с детства отца и матери, он провел свою молодость в путешествиях и что страстью его было изучение не каких-либо пустых предметов, а только тех, которые представляют интерес для человечества.

Он часто с горечью повторял, что всюду на земле видел человека несчастным, даже там, где природа, казалось, собрала все для его счастья; он жаловался на недостатки общественного строя в Англии, как и в других странах, и все же считал, что аристократическая монархия, наподобие монархии его страны, представляет форму правления и общества, более всего пригодную для человеческого рода.

В один прекрасный день, когда он сообщил мне о своем намерении жениться на мисс Генриетте, одной из богатейших и красивейших наследниц Англии, он заметил на моем столе книгу в красивом и оригинальном переплете, которую подарил мне путешественник, прибывший недавно из Икарии.

— Что это за книга? — спросил он, взяв ее; чтобы рассмотреть. — Какая прекрасная бумага! Какая великолепная печать! Как, это грамматика!

— Да, грамматика и словарь, — ответил я. — Можете радоваться. Вы часто жалуетесь на препятствия, которые ставят успехам просвещения множественность и несовершенство языков. И вот, язык в высшей степени правильный и простой, все слова которою пишутся, как говорят, и произносятся, как пишутся. Правила этого языка немногочисленны и не имеют никаких исключений, все слова, правильно образованные из небольшого числа корней, имеют совершенно определенное значение, грамматика и словарь так просты, что они содержатся в этой маленькой книге, и изучение этого языка так легко, что любой человек может научиться ему в четыре-пять месяцев.

— В самом деле! Значит, это и есть, наконец, столь желанный всеобщий язык.

— Да, я не сомневаюсь в этом. Рано или поздно все народы примут

его взамен своего или в дополнение к нему, и, икарийский язык станет когда-нибудь языком всего мира.

— Но что это за страна — Икария? Я о ней никогда не слышал.

— Верю вам. Это страна, которая была до сих пор неизвестна и только недавно открыта. Это нечто вроде Нового мира.

— И что вам о ней рассказывал ваш друг?

— О, друг мой говорит о ней, как человек, которого энтузиазм свел с ума. Если верить ему, это страна, столь же населенная, как Франция и Англия вместе взятые, хотя едва ли больше по территории, чем одна из них. Если послушать его, это страна чудес и сокровищ: дороги, реки, каналы — прекрасны, поля — восхитительны, сады — волшебны, жилища — уютны, деревни — очаровательны, города — великолепны и украшены памятниками, которые напоминают памятники Рима и Афин, Египта и Вавилона, Италии и Китая. Если верить ему, промышленность этой страны превосходит промышленность Англии, а искусства стоят выше, чем искусства Франции. Нигде не встретить такого числа колоссальных машин, как в этой стране; там путешествуют на воздушных шарах, и празднества, которые устраиваются в воздухе, затмевают своим великолепием самые блестящие празднества на земле. Деревья, плоды, цветы, животные всякого рода — все там вызывает удивление. Дети там прелестны, мужчины сильны и красивы, женщины очаровательны и божественны. Все общественные и политические учреждения отличаются разумностью, справедливостью и мудростью. Преступления там неизвестны. Все живут в мире, удовольствии, радости и счастье. Одним словом, Икария — это поистине вторая обетованная земля, Эдем, Элизиум,³ новый земной рай.

— Ваш друг настоящий фантазер, — заметил милорд.

— Возможно, и я боюсь этого. Однако он имеет репутацию философа и мудреца. Впрочем, эта грамматика, это совершенство переплета, бумаги и печати, в особенности этот икарийский язык, — не являются ли они первым чудом, предвещающим другие чудеса?

— Правда! Этот язык смущает и волнует меня. Не можете ли вы дать мне эту грамматику на несколько дней?

— Конечно. Можете ее взять.

И он ушел от меня с задумчивым и озабоченным видом.

Через несколько дней я зашел к нему.

— Ну как? — сказал он, увидя меня, — едете? Я решил ехать!

— И куда вы направляетесь?

— Как, вы не догадываетесь? В Икарию.

— В Икарию! Вы смеетесь!

— Ничуть. Четыре месяца — дорога туда, четыре месяца, чтобы ознакомиться со страной, четыре — на обратный путь, и через год я расскажу вам все, что я видел.

— А ваше намерение жениться?..

— Ей нет еще пятнадцати лет, а мне — едва двадцать два года. Она еще не вступила в свет, а я не закончил своего образования. Мы никогда еще не виделись. Разлука и этот портрет, который я уношу с собой,

заставят меня еще больше желать оригинал... Я сгораю от желания увидеть Икарию. Вы будете надо мною смеяться, но меня просто лихорадит! Я хочу видеть совершенное общество, вполне счастливый народ... А через год я вернусь и женюсь.

— Мне очень досадно, что друг мой уехал во Францию. Но я напишу ему, чтобы узнать подробности о его путешествии, которые могли бы вам пригодиться.

— Спасибо. Это бесполезно. Мне не нужно больше знать ничего. Я хотел бы забыть даже все, что вы мне сказали. Я хочу испытать полностью удовольствие неожиданности. Паспорт, две или три тысячи гиней, в кошельке,⁴ мой верный Джон и ваша икарийская грамматика, которую я стащу у вас, — вот и все, что мне нужно. Зная уже семь других языков, я без особых затруднений изучу и этот язык в дороге.

— А если кто-нибудь скажет, что вы оригинал, эксцентричный человек?

— Сумасшедший, быть может?

— Да, сумасшедший!

— Ну, значит, и вы можете присоединиться к нему. Я буду над ним смеяться, если только буду иметь удовольствие встретить народ в таком состоянии, в каком хотел бы видеть весь род человеческий.

— Вы будете вести дневник вашего путешествия?

— Конечно.

Он вернулся в июне 1837 года еще в большом восторге от Икарии, чем мой друг, которого я назвал фантазером, но больной, терзаемый скорбью, с разбитым сердцем, точно умирающий.

Я нашел его дневник (ибо он сдержал слово) настолько интересным и признания его столь трогательными, что настаивал на его опубликовании.

Он согласился на это, но, слишком больной, чтобы заняться самому этим делом, он передал мне свою рукопись, предоставив мне право сделать все необходимые сокращения и прося меня исправить небрежность стиля, которая вызвана была спешностью работы.

Я, действительно, счел возможным сократить некоторые детали, которые, вероятно, будут опубликованы позже, но я не внес никаких поправок, предпочитая лучше оставить некоторые ошибки, чем изменить подлинник. Благородный молодой путешественник сам расскажет о своих приключениях и путешествии, о своих радостях и огорчениях.

Глава вторая. ПРИБЫТИЕ В ИКАРИЮ

Я покинул Лондон 22 декабря 1835 года и приехал 24 апреля вместе с верным товарищем моих путешествий, моим добрым Джоном, в порт Камирис, на восточном берегу страны Марволей. Ее отделяет от Икарии морской пролив, для переезда через который требуется шесть часов.

Не буду рассказывать о своих многочисленных приключениях в дороге. Меня обворовывали почти на всех постоянных дворах; на одном чуть не отравили; преследовали жандармы или чиновники; терзали и придирались на таможах. Я был арестован и заключен в темницу на

несколько дней за то, что резко ответил на грубость одного таможенного чиновника. Мне грозила часто опасность разбиться вместе с нашим экипажем на отвратительных дорогах. Только чудом спасся я из пропасти, куда меня сбросил несчастный возница, одуревший от пьянства. Раз я был почти занесен снегом, а затем чуть не погиб в песках. Три раза нападали на меня разбойники. Я был ранен, находясь между двумя путешественниками, которые были убиты рядом со мной. И тем сильнее я ощущал невыразимое счастье, когда, наконец, добрался до цели своего путешествия.

Я был тем более счастлив, когда, встретив там икарийцев, убедился, что говорю на икарийском языке, который я сделал единственным предметом своих занятий в дороге.

Радость моя еще возросла, когда я узнал, что иностранцы, не говорящие на этом языке, не допускаются в Икарию; они обязаны остаться на несколько месяцев в Камирисе, чтобы изучить язык.

Я узнал скоро, что марволи являются союзниками икарийцев, а Камирис — почти икарийский город, что икарийский пароход должен завтра отправиться в Тираму, в Икарии, и нужно сперва обратиться к икарийскому консулу, дом которого находится недалеко от пристани, и что этот чиновник всегда готов принять иностранцев.

Я сейчас же направился в консульство и немедленно был допущен.

Консул принял меня весьма радушно и усадил рядом с собой.

— Если вы хотите, — сказал он мне, — покупать какие-нибудь товары, то не стоит ехать в Икарию, ибо мы не продаем ничего; если вы едете туда продавать товары, то лучше оставайтесь, ибо мы ничего не покупаем. Но если вас влечет туда только любознательность, вы можете ехать; ваше путешествие доставит вам много удовольствия.

«Они ничего не продают, ничего не покупают», — повторял я про себя с удивлением.

Я объяснил ему мотивы своего путешествия и передал свой паспорт.

— Вы, стало быть, любопытствуете посмотреть нашу страну, милорд? — спросил он, просмотрев мой паспорт.

— Да, я хочу видеть, действительно ли у вас все так хорошо организовано и вы так счастливы, как я слышал, я хочу изучать и учиться!

— Хорошо, очень хорошо! Мои сограждане с радостью принимают иностранцев, и в особенности влиятельных лиц, которые изучают средства быть счастливыми, чтобы переносить их в свою страну. Вы можете посетить и осмотреть всю Икарию, и икарийский народ, считая вас своим гостем и другом, всюду примет вас, как этого требует честь страны.

— Я должен, однако, — продолжал он, — как в интересах моих сограждан, так и в ваших, указать вам условия допущения в нашу страну.

— Вы обязуетесь сообразоваться с нашими законами и обычаями» как это подробно указано в «Путеводителе иностранца в Икарии», который вам дали в отеле; вы в особенности обязуетесь сохранять

нерушимое уважение к нашим девушкам и женщинам.

Если почему-либо эти условия вам не подходят, не продолжайте своего путешествия.

После моего заявления, что я подчиняюсь всем этим условиям, он спросил меня, сколько времени я предполагаю провести в Икарии.

Когда я ответил, что хочу провести там четыре месяца, он заявил мне, что паспорт мой готов, и пригласил меня внести в кассу двести гиней за меня и столько же за моего спутника, согласно тарифу цен, соответствующих продолжительности нашего пребывания в Икарии.

Несмотря на всю любезность консула, мне показалось, что двести гиней за паспорт чересчур большая цена, и, опасаясь, что если все цены будут в такой же степени несоразмерны, кошелек мой, хотя он и был хорошо наполнен, окажется недостаточен для других моих расходов, я осмелился спросить у консула некоторые разъяснения на этот счет.

— А сколько мне придется заплатить за переезд? — спросил я.

— Ничего, — ответил он.

— Сколько мне будет стоить экипаж, который отвезет меня в столицу?

— Ничего.

— Как ничего?

— Да, ровно ничего. Двести гиней, которые вы вносите, представляют цену всех расходов ваших в течение четырех месяцев. Вы можете всюду ездить, и всюду вы будете иметь лучшие места во всех публичных экипажах, не платя нигде ничего. Всюду вы найдете отель для иностранцев, где вы будете жить, столоваться, где вам будут стирать белье и где вы можете получить даже одежду. За все это вам ничего не придется платить. Вы будете также бесплатно допущены во все общественные учреждения и театры. Одним словом, нация, получая ваши двести гиней, принимает на себя обязательства обеспечить вас всем, так же как и своих граждан.

— А так как продажа, — продолжал он, — у нас совершенно неизвестна и вы поэтому не сможете ничего купить, и так как пользование деньгами запрещено отдельным лицам с тех пор, как добрый Икар избавил нас от этой язвы, то вы в то же время должны оставить здесь все имеющиеся у вас деньги.

— Как, все мои деньги!

— Не бойтесь, этот вклад будет возвращен вам на границе, через которую вы будете возвращаться.

Я все еще удивлялся всем этим странным новшествами, когда на другой день, в шесть часов утра, мы сели на огромный и великолепный пароход.

Я был приятно удивлен тем, что на пароход можно было попасть непосредственно, что женщины не должны были сначала перейти в маленькие лодки, которые причиняют им больше страха, подвергают их большому риску и часто даже большим страданиям, чем все остальное путешествие.

Я был поражен и восхищен, найдя там пароход, не менее

прекрасный, чем лучшие английские и даже лучшие американские пароходы. Хотя его салоны были обиты не красным деревом, а туземным — имитация под красивый мрамор, он казался мне более элегантным и в особенности более удобным и уютным для путешественников.

Житель Пагилии, не видевший еще никогда пароходов, не переставал восторгаться богатством и красотой двух салонов, украшенных коврами, зеркалами, позолотой, цветами, красивыми стульями, даже пианино и другими музыкальными инструментами. Он все время бегал вверх и вниз и приходил в бешеный восторг, когда наблюдал, как в этом пловучем дворце читали, писали, играли, занимались музыкой, и в особенности, когда смотрел, как пароход величественно разбивает волны без гребцов, без парусов, без ветрил на спокойном море.

Что касается меня, то больше всего меня удивляли все меры, принятые для защиты путешественников не только от холода и жары, солнца и дождя, но и от всех опасностей и неудобств путешествия. Кроме длинной и широкой палубы, совершенно чистой и гладкой, уставленной изящными сидениями, где каждый мог гулять или сидеть и наслаждаться прекрасным видом моря, укрывшись под навесом, кроме двух прекрасных салонов, где все могли погреться у хорошего камина, каждый имел свою закрытую каюту, в которой помещались постель и вся необходимая обстановка.

Икарийский консул простер свою внимательность до того, что приказал напечатать и дать в отеле каждому путешественнику «Путеводитель путешественника по морю», в котором было указано, что каждый должен был делать до путешествия и во время него, соответствующую полу и возрасту, чтобы предупредить или смягчить морскую болезнь.

Я просмотрел эту маленькую столь изящно изданную книжечку и мне доставило величайшее удовольствие сообщение, что правительство Икарии объявило большой конкурс среди медиков и предложило большую премию тому, кто укажет средство избавления человека от ужасной морской болезни. Я узнал также с еще большим удовольствием, что эту болезнь удалось сделать почти нечувствительной.

Сейчас же после посадки, еще до отправления, начальник парохода, называемый тегар (попечитель), собрал нас и предупредил, что нам нечего беспокоиться: судно, матросы и рабочие в полном порядке, приняты все мыслимые предосторожности, чтобы сделать невозможным кораблекрушение, взрыв паровой машины, пожар и вообще какой-нибудь несчастный случай. Я нашел все эти уверения в моем маленьком «Путеводителе путешественника по морю». Я прочитал с удовольствием, что капитаны, лоцманы и матросы допускаются к работе только после экзамена, завершающего прекрасную теоретическую и практическую подготовку, а рабочие, управляющие паровой машиной, тоже являются механиками, получившими хорошую подготовку, опытными и рассудительными. Я прочитал с удовлетворением, что всегда до отхода парохода попечитель, сам тоже очень искусный человек, осматривает

весь пароход, в особенности машину, и составляет детальный протокол, констатирующий, что возможность несчастных случаев исключается. Восхищение, которое вызвала во мне эта внимательность и все эти заботы о безопасности путешественников, еще более усилилось, когда я узнал, что правительство Икарии, как и для борьбы с морской болезнью, объявило большой конкурс и назначило крупную премию тому, кто представит проект парохода, наиболее совершенного во всех отношениях.

После этого я с большим вниманием и удовольствием осмотрел замеченные мною прежде две бронзовые статуи авторов сочинений, получивших премии в обоих конкурсах, вместе с авторами десяти других лучших работ.

Я тогда хорошо понял, каким образом пароход мог предоставить столько удобств путешественникам, и понял это еще лучше, когда увидел большую и прекрасную книгу для записи в ней замечаний и предложений, которые каждый путешественник хотел бы внести для усовершенствования судна.

Около восьми часов утра, когда мы уже проехали треть пути, мы все вместе позавтракали в салоне. Хотя завтрак был весьма примечателен изяществом сервировки, я заинтересовался только пагилийцем, который никак не мог понять, как стаканы и бутылки удерживаются в равновесии, и своими жестами и восклицаниями сильно забавлял всю компанию.

После девяти часов утра со стороны Икарии внезапно поднялся ветер, и мы тотчас же очутились во власти сильной бури, что дало мне случай еще раз удивиться заботливости, которую проявляли по отношению к путешественникам.

Все было рассчитано на то, чтобы устранить всякий повод для испуга. Все предметы были размещены и прикреплены так, что ни один из них не мог скатиться или произвести какой-нибудь шум или беспорядок.

В то время как капитан и матросы занимались исключительно пароходом, попечитель успокаивал пассажиров.

Он говорил нам, что его правительство в тысячу раз больше интересуется людьми, чем товарами, и благополучие путешественников составляет главную цель его хлопот; оно отдает лучшие суда для перевозки людей, кораблекрушения почти невозможны с судами этого рода, и их уже не было больше десяти лет, хотя часто бывали гораздо более сильные бури. Поэтому никто не испытывал страха.

Не находя ничего более красивого, чем буря на море, я остался на палубе, где любовался волнами: зеленые или белые, как пена, они с ревом двигались на нас, как горы, готовые поглотить нас, и, поднимая наш пароход, то, казалось, бросали нас в глубь черной пропасти, причем мы ничего не видели, кроме воды, то поднимали нас к небу, и мы видели только темные тучи.

Заметив несколько больших пароходов, которые, казалось, наблюдали за нами, я спросил капитана, не таможенные ли это суда.

— Таможенные! — сказал он с удивлением. — Уже пятьдесят лет у

нас нет никаких пошлин: добрый Икар уничтожил этот вертеп воров, более безжалостных, чем пираты и бури. Пароходы, которые вы видите, — это спасательные суда, выходящие во время бури, чтобы указать путь или помочь другим судам, находящимся в опасности. Вот они удаляются, потому что буря начинает утихать.

Скоро мы заметили берег Икарии, затем город Тираму, в порт которого мы не замедлили войти.

Я едва успел рассмотреть берег, дома и корабли.

Наш пароход остановился у подножия длинного и широкого, напоминающего Брайтонский мост, железного помоста, построенного для удобства высадки и в то же время служащего местом для прогулок. Великолепная лестница, по которой мы поднялись непосредственно с парохода, вела на помост.

В конце его гигантская арка, украшенная колоссальной статуей, имела следующую надпись огромными буквами: «Икарийский народ — брат всех других народов».

Попечитель, предупредивший нас, что мы должны делать после прибытия, отвел нас всех в отель иностранцев, расположенный около арки, на месте старой таможни, куда наш багаж прибыл сейчас же после нас, причем нам не пришлось о нем заботиться или платить кому-либо.

Люди, казавшиеся хозяевами, а не слугами, с предупредительной вежливостью повели нас в отдельные комнаты, похожие одна на другую, изящные и чистые, обставленные всем, что может быть необходимо для путешественников. В отеле были даже ванны.

В каждой комнате висело в рамке объявление, в котором имелись нужные путешественнику указания и сообщалось, что в специальной зале он найдет карты, планы, книги и всякие сведения, какие ему понадобятся.

Немного спустя нам подали прекрасный обед, во время которого пришло нас приветствовать от имени икарийского народа пользующееся уважением должностное лицо. Он уселся среди нас, чтобы рассказать нам о своей стране и дать указания насчет дальнейшего путешествия.

Его очень обрадовало появление в Икарии английского лорда.

— Так как вы приехали, чтобы изучить нашу страну, — сказал он мне после обеда, — то я советую вам поехать прямо в столицу на дилижансе, который выезжает сегодня вечером, в пять часов. Вы найдете там хорошего спутника в лице прекрасного молодого человека, сына одного из моих друзей. Он с удовольствием будет вам служить в качестве чичероне. А так как вам придется ждать еще три часа, то, если вы желаете взглянуть на наш город, я дам вам проводника, который будет вас сопровождать.

Я еще не оправился от изумления и не успел еще отблагодарить предупредительного представителя икарийского народа за его приветливый прием, как явился проводник, и мы вышли с ним, чтобы бегло осмотреть несколько кварталов города.

Тирама показалась мне новым и правильно построенным городом. Все улицы, которые я обошел, были прямые, широкие, образцово чистые,

с тротуарами или крытыми колоннадами. Все дома, которые я видел, были красивы, сплошь четырехэтажные, окружены балюстрадами с изящными воротами и окнами, окрашенными в различные цвета.

Все здания на каждой улице были одинаковы, но сами улицы были различные. Мне казалось, что предо мной красивые улицы Риволи и Кастильоне в Париже или прекрасный квартал Риджент-парка в Лондоне, и я даже находил квартал Тирамы более красивым.

Один из моих компаньонов по путешествию тоже на каждом шагу восторгался изяществом домов, красотой улиц, привлекательностью фонтанов и площадей, великолепием дворцов и памятников.

В особенности показались мне восхитительными сады, которые в то же время служили местами общественного гулянья. Признаюсь, что, поскольку я мог осмотреть этот город, он показался мне самым красивым из всех городов, которые я знал. Я действительно был очарован всем, что видел в Икарии.

Когда проводник предупредил нас, что нам уже пора прекратить осмотр, мы вернулись назад через толпы народа, вид которых свидетельствовал о богатстве и счастье. Я пришел к дилижансу, весьма недовольный тем, что не мог предложить какое-нибудь доказательство моей благодарности лицам, чья предупредительная вежливость меня так очаровала.

Глава третья. ПРИБЫТИЕ В ИКАРУ

Вид кареты, называемой старагоми, запряженной шестью лошадьми, доставил мне невыразимое удовольствие, напомнив прекрасные почтовые кареты и лошадей моей дорогой родины. Рысаки, походили на наших самых красивых английских лошадей, горячие и в то же время послушные, хорошо вычищенные и лоснящиеся, едва прикрытые изящной и легкой упряжью. Карета, такая же красивая, как и английские, такая же легкая, хотя и несколько больше, так как в ней должны поместиться путешественники и их ручной багаж, казалась мне более совершенною во всем, что касается безопасности путешественников. Я с удовольствием и удивлением увидел в ней множество мелких приспособлений для защиты от холода, в особенности ног, и для предохранения от утомления и всяких несчастных случаев.

Молодой икариец, о котором говорил мне Представитель Икарии, любезно предложил мне свои услуги; я охотно согласился, поблагодарив его за внимание.

— Погода прекрасная, — сказал он. — Поднимемся на верхнюю площадку, чтобы лучше видеть поля.

Мы уселись на передней скамейке, обращенной к дороге, и лошади, которые шли медленно в городе, пустились вскачь при звуках рожка, исполнявшего боевой марш.

Я не переставал удивляться красоте, горячности и грациозным движениям прекрасных рысаков, которые уносили нас быстро вперед и едва давали время различать множество предметов, мелькавших пред нашими глазами.

Хотя я привык к прекрасной пашне и прекрасным полям Англии, я не мог удержаться от возгласов удивления при виде совершенства икарийской пашни и восхитительной красоты полей, безукоризненно обработанных, поднимающихся посевов, виноградников, лугов, цветущих деревьев, кустарников, посаженных, казалось, для того, чтобы доставлять удовольствие глазам; восхищался фермами и деревнями, горами и холмами, работниками и животными.

Я не менее восхищался дорогой, едва ли не более красивой, чем найти английские дороги: ровная и гладкая, как аллея, окаймленная тротуарами для пешеходов, цветущими деревьями, очаровательными фермами и деревнями, перерезанная на каждом шагу мостами и речками или каналами, со множеством карет и лошадей, мчащихся во всех направлениях, она казалась длинной улицей в бесконечном городе или длинной и великолепной аллеей среди огромного и роскошного сада.

Я скоро познакомился с моим молодым чичероне, который был очень обрадован, когда узнал, кто я и какова цель моего путешествия.

— Вы рассматриваете, — сказал он мне, — нашу карету с большим вниманием.

— Меня больше всего удивляет, — ответил я, — с какой заботливостью предусмотрено все, что необходимо для удобства путешественников.

— Да, — заметил он, — это принцип, установленный нашим добрым Икаром как в нашем воспитании, так и в управлении: во всем искать полезное и приятное, но начинать всегда с необходимого.

— Вы, стало быть, настоящие люди.

— Мы, по крайней мере, стараемся заслужить это название.

— Будьте добры, — сказал я, — объяснить мне затруднительный для меня вопрос, который меня занимает. Ваш консул сказал мне, что вам запрещено пользоваться деньгами, — как же вы платите за ваше место в карете?

— Я не плачу.

— А другие путешественники?

— Карета принадлежит нашей благородной государыне.

— А лошадь?

— Нашей могущественной государыне.

— А все общественные кареты и лошади?

— Нашей богатой государыне.

— И ваша государыня даром перевозит всех граждан?

— Да.

— Но...

— Я сейчас объясню вам.

Когда он сказал эти слова, карета остановилась, чтобы принять двух дам, которые поджидали ее. Если судить по тому уважению и вниманию, с которым каждый предлагал им место или помогал взойти, можно было думать, что это были высокопоставленные дамы.

— Вы знаете этих дам? — спросил я своего компаньона.

— Нисколько, — ответил он, — это, несомненно, жена и дочь какого-

нибудь фермера, но мы приучены уважать и помогать нашим согражданкам, как будто бы они были наши матери, наши жены, наши сестры или наши дочери. Разве этот обычай вас шокирует?

— Напротив!

И я сказал правду, ибо этот ответ, сперва смутивший меня, преисполнил меня удивлением пред народом, способным к таким чувствам.

В свою очередь Вальмор (это было его имя) задавал мне множество вопросов насчет Англии, повторяя ежеминутно, что весьма рад видеть лорда, специально приехавшего, чтобы ознакомиться с его страной,

Он сообщил мне затем, что ему двадцать два года, он готовится стать священником, живет в столице с родными, и все они, в числе двадцати шести, живут в одном доме. Я лишь с большим трудом узнал (настолько был он скромнен и сдержан), что отец его — одно из первых должностных лиц, а Корилла, его старшая сестра, — одна из самых красивых девушек в стране.

Все, что он рассказал мне о своей семье, внушило мне большое желание познакомиться с ней.

При наступлении ночи мы должны были пересечь цепь довольно высоких гор, но луна, светившая полным светом, позволяла нам наслаждаться живописными видами.

И больше всего меня опять-таки удивляла дорога, которая была проложена великолепно. Она поднималась и спускалась совершенно незаметно, и мы постоянно мчались по ней галопом, даже на больших подъемах, потому что припряженные к первым шести две или четыре или шесть свежих лошадей легко преодолевали всякие трудности.

И больше всего меня удивляли предосторожности, принятые всюду, чтобы сделать невозможным всякого рода несчастные случаи.

Так, мы спускались по очень крутой дороге, на краю ревущего потока и страшной пропасти, и спускались все время галопом, потому что дорога была ограждена длинным парашютом, а карета была снабжена такими хорошими тормозами, что лошади без всякого усилия могли везти ее вверх и вниз.

Вальмор никогда не упускал случая заметить мне, с каким вниманием его благодетельная государыня все предвидела для безопасности граждан, тогда как я вспоминал с горечью и ужасом, сколько происходит у нас несчастных случаев вследствие беспечности правительств.

— Эти предосторожности, — говорил он мне с видимым удовлетворением, — предпринимаются нашей доброй государыней всюду, на всех дорогах, реках и улицах, потому что в ее глазах безопасность людей есть предмет первой необходимости. Всяду она старается уничтожить или удалить пропасти или принимает все необходимые меры, чтобы устранить всякую опасность, которой они угрожают. Она считала бы нелепым или преступным не произвести всюду, где можно было опасаться падения, все необходимые работы на мостах.

После того как мы проехали много деревень и пять или шесть

городов, нигде не останавливаясь (лошади все время быстро сменялись) и не встречая ни разу ни ворот, ни барьеров, ни инспекторов, мы остановились, чтобы поужинать в отеле путешественников, похожем на отель в Тираме.

— Как уплатили вы за ужин? — спросил я Вальмора.

— Я ничего не платил,

— Значит, отель принадлежит вашей государыне, как и кареты и лошади?

— Да.

— Следовательно, ваша государыня кормит и перевозит своих подданных?

— Да.

— Но...

— Терпение! Я объясню вам все, что вас удивляет.

Спустившись в долину, мы перешли на колеиновую дорогу с желобами из железа или камня, по которым карета летела, как по железной дороге.

Немного спустя мы достигли большой железной дороги, по которой паровая машина понесла нас с быстротой ветра или молнии.

Меня мало удивляла эта дорога, когда она проходила через гору или поднималась над долиной, ибо я видел такие дороги в Англии, но я был очень удивлен, когда увидел дорогу, поднимающуюся этажами, как канал, и машины, поднимающие и спускающие вагоны, как шлюзы поднимают и спускают суда.

— Много ли у вас таких железных дорог? — спросил я Вальмора.

— У нас их двенадцать больших, пересекающих страну в различных направлениях, и множество соединяющих их мелких дорог. Но кажется, что открыли силу, более мощную, чем пар, и производимую сорубом, веществом, более изобильным, чем уголь, которое произведет революцию в промышленности и позволит еще больше расширить сеть железных дорог.

Мы, кроме того, имеем большое число каналов, не говоря уже о том, что почти все наши реки тоже канализованы. Меньше чем через час, мы поедем по одной из наших самых красивых рек.

День едва занимался, когда мы приехали в Камиру, расположенную на берегу широкой реки, с множеством пароходов, предназначенных — одни для перевозки путешественников, другие — для доставки товаров.

Железная дорога доставила нас прямо к пароходу, так что я не имел времени осмотреть город, показавшийся мне, однако, как и все города, которые мы проехали ночью, таким же красивым, как Тирама.

Едва мы оставили за собой город, как нам открылось великолепное зрелище — восходящее пред нами солнце посреди реки, между двумя очаровательными холмами, покрытыми зеленью, цветущими деревьями, беседками и красивыми домами, которые казались замками. Этот вид напомнил мне берега Соны при въезде в Лион.

Вальмор обратил мое внимание на красоту парохода, который вез нас, и в особенности на все мелкие приспособления для восхождения на пароход и спуска с него без помощи небольших лодок. Таким образом,

женщины и маленькие дети, даже самые робкие, никогда не испытывают ни малейшего страха.

И эти пароходы, – спросил я его, – тоже принадлежат вашей государыне?

– Конечно.

– И те, что перевозят товары?

– Тоже.

– И товары, быть может, тоже ей принадлежат?

– Без сомнения.

– Но объясните мне, пожалуйста...

– Да, я вам все объясню... Но посмотрите на людей, ждущих там внизу, чтобы сесть на наш пароход.

Он едва успел кончить, как пароход остановился пред восемью или десятью путешественниками, которые должны были скоро стать нашими спутниками. Среди них были две дамы, казавшиеся матерью и дочерью.

Вальмор побежал к ним, приветствовал их, как очень близких знакомых, и усадил около нас, сам усевшись справа от меня. Я не мог рассмотреть их лиц, так как они были скрыты под большими шляпами и густыми вуалями, но грация их движений, их сложение заставляли меня думать, что обе, и в особенности более молодая, должны быть очаровательны. Я невольно вздрогнул, когда услышал ее голос, один из тех неизъяснимых голосов, которые волнуют душу и вызывают легкую дрожь, голос, какого я больше не слышал с тех пор, как мадемуазель Марс⁵ заставила меня плакать от умиления и удовольствия.

Я был убежден, что такой голос может исходить только из божественных уст. Тем не менее я хотел, не знаю почему, убедиться в этом собственными глазами, и чем больше скрывалась ее фигура, тем сильнее хотелось мне ее увидеть, но, несмотря на все мои усилия, ревнивая вуаль и надоедливая шляпа точно хотели наказать мое любопытство.

Но мое разочарование дошло до крайнего предела, и я почти проклинал невидимку, когда часа два спустя Вальмор, занимавшийся почти только ими, пришел сообщить мне, что дамы останавливаются в соседней деревне, а он сойдет вместе с ними и вернется лишь завтра.

Несмотря на то, что я знал его недолгое время, я с большим огорчением расстался с ним. Однако, уходя, он опять повторил свое приглашение. Он прибавил, что его семья примет меня с большим удовольствием, если я удостою ее своим посещением, и он сам будет счастлив, если его дружеские чувства ко мне заслужат ему мою дружбу.

Хотя он и был весьма усердным в своей учтивости, она казалась мне настолько естественной и искренней, что вызвала во мне чувство признательности. Сам он казался мне таким просвещенным, добрым, любезным, (что между нами завязалась горячая дружба, которая с каждым днем становилась более тесной и близкой. Но если она сперва была для меня весьма приятна и дорога, то впоследствии она стала источником больших сожалений и горестей.

Немного спустя я вместе с другими путешественниками покинул

реку, чтобы перейти на железную дорогу. К одиннадцати часам мы заметили крыши многочисленных зданий столицы.

Вскоре, проехав между двумя рядами высоких тополей, мы прибыли к западной арке, гигантскому памятнику, под огромной аркадой которого я стоял, не будучи в состоянии ни прочитать выделяющуюся на нем надпись, ни разглядеть его.

Там открылся моему взору самый великолепный вход в столицу, какой я когда-либо видел: вдоль длинной и широкой аллеи со слабым уклоном, наподобие Елисейских Полей⁶ в Париже, окаймленной с обеих сторон четырьмя рядами деревьев, пред нами предстал город. Два великолепных дворца с колоннадами открывали вид на широкую улицу, пересекавшую город. Уже один этот величественный вход, признаюсь, заставил меня поверить всем рассказам о чудесах Икарии. Карета остановилась перед отелем для приезжающих из разных провинций страны. Рядом с этим отелем был расположен отель для иностранцев.

Оба отеля были колоссальны, и, однако, все соотечественники могли там легко встретиться, ибо отели были разделены на столько же секций, сколько было провинций в Икарии или народов, населяющих Икарию.

– Сколько места, – воскликнул я при виде этих колоссальных отелей, – занимают, однако, путешественники в Икаре!

– Думаете ли вы, – ответил мне кто-то, – что они заняли бы меньше места, если бы им были отведены сотни и тысячи маленьких отелей во всех кварталах города?

Мне было досадно, что я не встретил там ни одного англичанина. Это обстоятельство сделало для меня еще более ценной встречу с молодым французским живописцем Евгением, изгнанным из Франции, после Июльской революции и приехавшим в Икарию за две недели до меня.

Все, что он видел, до такой степени возбуждало его энтузиазм, что он, казалось, был охвачен лихорадкой. Я сначала принял его за сумасшедшего.

Но затем я открыл в нем столько прямоты, такие благородные чувства, такую прекрасную душу и доброе сердце; он был так рад встретить соотечественника (ибо француз и англичанин, которые встречаются на таком расстоянии от своей родины, считают себя как бы соотечественниками), что я тотчас же ответил ему дружбой.

Глава четвертая. ОПИСАНИЕ ИКАРИИ. ОПИСАНИЕ ИКАРЫ

На другое утро, когда, приняв ванну, я опять улегся в постель, ко мне пришел Вальмор и пригласил меня от имени своего отца провести вечер в его семье. Я охотно принял его предложение, так как горел нетерпением повидать лиц, о которых он рассказал мне в дороге. Мы условились встретиться в четыре часа.

– А прекрасную невидимку, – спросил я, – вы привезли с собой?

– Нет.

– Она должна быть безобразна, если так тщательно скрывает свое

лицо.

— Безобразна! Да, ужасно! Но вы, наверное, найдете (так как вы ее увидите позже), что трудно иметь более привлекательный характер.

Когда он вышел, явился Евгений.

— Это мой товарищ по путешествию, о котором я вам говорил, — сказал я ему.

— А как его зовут?

— Вальмор.

— Вальмор! Поздравляю вас. Я слышал о нем, как об одном из самых выдающихся и благородных молодых икарійцев.

— Он говорил мне, что отец его — одно из первых должностных лиц.

— Да, я знаю его. Он — слесарь.

— Сестра его одна из первых красавиц Икарии.

— Да, совершенно верно. Она прелестная швея.

— Но что вы говорите? Слесарь, швея...

— Что же вас удивляет? Разве швея не может быть красивой? Разве слесарь не может быть прекрасным должностным лицом?

— Но здесь имеются благородные?

— Да, очень много благородных, славных, знаменитых: механики, врачи, рабочие, которые отличились каким-нибудь крупным открытием или крупными заслугами.

— Как! Королева не окружена родовитым дворянством?

— Какая королева?

— Королева Икарии, государыня, о которой мне часто говорил Вальмор, расхваливая всегда ее неистощимую доброту, заботливость об общем благе, его огромные богатства и всемогущество. Я был бы весьма рад узнать, что есть королева, которая приносит столько чести королевской власти.

— Но, еще раз, о какой королеве вы говорите? Как ее зовут?

— Вальмор не назвал мне ее имени. Он сказал только, что именно государыня Икарии владеет каретами, лошадьми, отелями, пароходами, что она перевозит всех пассажиров, заботясь всюду об их безопасности.

— Понял, — воскликнул Евгений, заливаясь смехом: — государыня, которую вы приняли за королеву, — это республика, добрая и прекрасная республика, демократия, равенство. Я понимаю, что вы могли поверить, что королева владеет всей собственностью и располагает всею властью. Но как вы могли подумать?.. Ах, милорд, вам необходимо отказаться здесь от всех ваших аристократических предрассудков и стать демократом, как я, или бежать из этой страны, ибо предупреждаю вас, воздух, которым дышат здесь, губелен для аристократии.

— Мы еще увидим, мы еще увидим, господин демократ! А пока, согласны ли вы сопровождать аристократа по Икару?

— Охотно, ибо убежден, что я вас дез-аристократирую с головы до пяток. Хотите ли вы посмотреть город, не особенно утомляясь?

— Конечно, если это возможно.

— Ну, так следуйте за мной.

Евгений повел меня в громадный общий зал, где развешано было

большое число огромных карт и планов.

— Бросим сначала, — сказал он, — взгляд на эту карту Икарии, на которой нанесены только ее границы, провинции и общины.

Вы видите, что Икария ограничивается с юга и с севера двумя горными цепями, которые отделяют ее от Пагилии и Мирона, с востока — рекой, а с запада — морем. Последнее отделяет ее от, страны Марволей, через которую вы приехали.

Вы видите также, что территория делится на сто провинций, почти равных по пространству и населению.

А вот карта провинции. Вы видите, что она делится на десять почти одинаковых по величине общин, что главный город провинции находится почти в ее центре, а каждый город общины — в центре последней.

Теперь взгляните на карту общины. Вы видите, что, кроме города, на ней обозначено восемь деревень и много ферм, правильно расположенных на ее территории.

Посмотрим теперь на другую карту Икарии, показывающую горы и долины, плоскогорья и низменности, озера и реки, каналы и железные дороги, большие шоссе и провинциальные дороги.

Смотрите, большие железные дороги отмечены красным цветом, малые — желтым, желобчатые дороги — голубыми, а все другие — черным. Вы видите также все каналы, большие и малые, все реки, судоходные или канализованные. Вы видите также все копи и каменоломни, находящиеся в эксплуатации. Посмотрите также на провинциальные дороги на картах провинций и общинные дороги на картах общин.

Скажите мне, можно ли найти более многочисленные и более удачные пути сообщения!

Я действительно, был очарован, потому что все это было еще лучше устроено, чем в Англии.

Мы ознакомились затем с великолепным планом Икары.

— Он поразительно правилен! — воскликнул я.

— Да, — ответил Евгений. — Он был начертан вполне произвольно в 1784 году, а выполнение его, начатое пятьдесят два года тому назад, не будет закончено раньше чем через пятнадцать или двадцать лет. Смотрите! Город, почти круглый, разделен на две приблизительно равные части Таиром (или Величественным), течение которого было выправлено и заперто между двумя стенами по прямой линии, а русло углублено, чтобы принимать суда, прибывающие морем.

Вот порт, бассейны и склады, которые образуют почти целый город!

Вы видите, что посередине города река делится на два рукава, которые удаляются друг от друга, сближаются и снова соединяются в первоначальном направлении, чтобы образовать довольно обширный круглый остров. Этот остров представляет площадь, центральную площадь, усаженную деревьями; посередине ее возвышается дворец с обширным и роскошным садом, подымающимся террасой из центра которого выступает высокая колонна, увенчанная колоссальной статуей, господствующей над всеми зданиями. На обоих берегах реки вы видите

широкие набережные, окаймленные величественными общественными зданиями. Вокруг этой центральной площади и вдали от нее вы можете заметить два круга других площадей, рассеянных по всему городу почти на одинаковом расстоянии друг от друга.

Посмотрите на все эти прямые и широкие улицы! Вот пятьдесят больших улиц, которые прорезывают город параллельно реке, и пятьдесят, которые прорезывают его перпендикулярно к реке. Другие тоже более или менее длинны. Те, которые отмечены черными точками и сходятся вместе к площадям, усажены деревьями, как бульвары Парижа.⁷ Десять больших красных — это железные дороги; все желтые — это улицы с желобчатыми дорогами, а голубые изображают улицы-каналы.

— А что означают, — спросил я его, — все эти широкие и длинные розовые ленты, которые я замечаю всюду между домами двух улиц?

— Это сады, находящиеся позади этих домов. Я вам сейчас их покажу. Но сперва посмотрите на эти массы, отличающиеся легкими оттенками всех цветов и разбросанные по всему городу. Их шестьдесят; это шестьдесят кварталов (или общин), почти одинакового размера, представляющих каждый по площади и населению обычный город общины.

Каждый квартал носит имя одного из шестидесяти главных городов древнего и нового мира и представляет в своих памятниках и домах архитектуру одной из шестидесяти главных наций. Вы найдете поэтому кварталы Пекина, Иерусалима, Константинополя, как и кварталы Рима, Парижа и Лондона. Таким образом, Икара, — действительно, земной шар в миниатюре.

Посмотрите на план одного из этих кварталов! Все, что окрашено, представляет собой общественные здания. Вот школа, больница, храм! Красные — это большие мастерские, желтые — большие магазины, голубые — дома собраний, фиолетовые — памятники. Заметьте, все общественные здания распределены так, что они имеются на всех улицах, и все улицы имеют одинаковое количество домов с более или менее многочисленными и обширными зданиями.

А вот план улицы! Вы видите с каждой стороны шестнадцать домов с одним общественным зданием посередине и двумя другими на обоих концах. Эти шестнадцать домов внешне одинаковы или соединены так, чтобы составить один комплекс зданий, но ни одна улица не походит полностью на другие. Вы имеете теперь представление об Икаре. Хотите вы рассмотреть еще план дома и памятника или вы немного пройдетесь?

— Выйдем, поспешим!

— Если хотите, мы сядем на пароход ниже порта, чтобы подняться по реке до центральной площади.

— Да, поспешим, посмотрим сначала несколько садов!

Мы почти тотчас же вошли через великолепный портик в один из этих обширных садов, и я с удовольствием увидел, что это такой же сад, какие я видел в Тираме. Этот сад представлял собой обширный квадрат между домами четырех улиц (из которых две параллельные и две перпендикулярные), перерезанный посередине широким газоном между

двумя аллеями, покрытыми прекрасным красноватым песком. Все остальное пространство было занято газоном вплоть до самых стен или покрыто цветами, кустами, плодовыми деревьями.

Все тыловые фасады домов отличались разнообразной сельской архитектурой. Они были украшены разрисованными трельяжами и покрыты зелеными и цветущими ползучими растениями.

Весь этот ансамбль составлял великолепный сад, который наполнял благоуханием воздух и очаровывал взор; являясь восхитительным общественным местом для гулянья, он в то же время увеличивал удобства примыкавших к нему домов.

— Город, — сказал мне Евгений, покрыт такими же садами, какие вы видели на плане, ибо они имеются на всех улицах, позади домов. Газон посередине часто заменяется то деревьями или крытыми аллеями, то ручейками или даже каналами, окаймленными красивыми балюстрадами, и во все сады, как и в этот, публика входит через четыре роскошных портика в центре четырех улиц, а каждый дом имеет свой отдельный вход.

— Поистине, — воскликнул я с восторгов — эти сады столь же прекрасны, как и наши великолепные скверы Лондона!

— Как, столь же прекрасны? — возразил Евгений. — Скажите же, во сто раз лучше ваших аристократических скверов, укрытых за высокими стенами или высокими решетками и оградами, зачастую не допускающими проникнуть туда даже глазу народа, тогда как здесь народ свободно гуляет в демократических садах по этим очаровательным аллеям, уставленным красивыми скамьями, и может наслаждаться всем этим видом, в то время как каждый дом имеет для своего исключительного пользования сад, отделенный от других простой железной проволокой, которую вы даже не заметите. Посмотрите, как прекрасно обработаны все эти маленькие сады, как хорошо почищены эти газоны, как красивы эти цветы и как хорошо посажены и подстрижены эти деревья, которые выращиваются в самых разнообразных формах.

— Как? Каждый дом имеет свой сад? Сколько же садовников нужно иметь, чтобы за ними ухаживать?

— Ни одного или очень мало, потому что каждая семья находит большое удовольствие в выращивании цветов и кустов. Вы видите теперь только детей и их матерей, но вечером вы всюду увидите мужчин, женщин, юношей и девушек, работающих вместе в садах... Но пойдём, если мы хотим окончить нашу прогулку.

— Здесь, наверное, имеются кабриолеты или фиакры, как в Париже и Лондоне; возьмем какой-нибудь, чтобы поспеть скорее!

— Да, возьмите, возьмите. В этой жалкой демократической стране нет даже фиакров, нет кабриолетов, нет даже экипажей!

— Что вы говорите?

— Правду! Посмотрите, на всем расстоянии этой большущей улицы вы не заметите ни одного экипажа.

— И нет даже омнибусов?

— Имеются только старagoми (народные кареты), которые вы,

наверное, видели. Мы сядем в один из них.

Мы вошли, действительно, в старагоми, который проходил по соседней улице. Это было нечто вроде двухэтажного омнибуса, который мог вместить сорок человек. Для них было устроено восемь пятиместных скамеек, каждая из которых имела свой отдельный вход сбоку. Все было устроено для наибольшего удобства пассажиров, чтобы зимой в карете было тепло, а летом прохладно, и в особенности чтобы избежать всяких несчастных случаев и даже всяких неприятностей. Колеса были под каретой и направлялись по двум железным желобам, по которым их быстро влекла вперед тройка прекрасных лошадей.⁸

Мы встречали очень много этих старагоми, которые двигались по другую сторону улицы в обратном направлении. Они все имели различную форму и казались более изящными, чем английские и французские омнибусы.

Евгений сказал мне, что половина улиц (чередуюсь попарно) обслуживалась омнибусами. Все пятьдесят больших улиц обслуживались достаточным количеством омнибусов; они могли следовать друг за другом через каждые две минуты, причем среди них были тысячи всяких других со специальным назначением, так что все граждане могли передвигаться с большим удобством, чем если бы каждый имел свой экипаж.

В конце улицы мы перешли железную дорогу и заняли места в другом старагоми, который нас повез вниз, в порт, где мы пересели на пароход, чтобы подняться по реке до центра города.

Мне показалось, что я в Лондоне, и я испытал неизъяснимое чувство удовольствия и сожаления, когда увидел огромный бассейн, каналы, другие бассейны меньшего размера, прекрасные набережные, великолепные склады, тысячи мелких паровых и парусных судов, тысячи машин для погрузки и разгрузки, словом — все оживление торговли и промышленности.

— На другом конце города, — сказал мне Евгений, — мы найдем другой, почти такой же красивый порт для судов, которые привозят продукты из провинции.

Я удивлялся все больше и больше, но был восхищен, когда, подвигаясь внутри города по этому Величественному, покрытому множеством легких разрисованных и украшенных лодок и барок, я любовался, как разворачивались предо мною, с правой и с левой стороны, набережные, усаженные деревьями и окаймленные дворцами и памятниками. В особенности восхищали меня берега реки, которые, хотя и были заключены между двумя стенами по прямой линии, были неправильны и излучисты, сближались или удалялись друг от друга и были покрыты газонами, цветами, деревьями, плакучими ивами или высокими тополями, тогда как стены скрывались под ползучими растениями.

Не доезжая до центральной площади, мы встретили два маленьких очаровательных острова, покрытых зеленью и цветами, и прошли под пятнадцатью или двадцатью прекрасными мостами, деревянными, камен-

ными или железными, из которых одни назначались для пешеходов, другие — для карет и повозок, одни были плоские, другие — изогнутые, одни с одной или двумя арками, другие — с десятью или пятнадцатью.

Центральная площадь, место гулянья у воды, расположенные на ней обширный национальный дворец, внутренний сад и гигантская статуя вызывали мое удивление.

Затем Евгений повел меня к причудливому мосту, по названию Сагал, или Со, сделанному из параллельных и изогнутых канатов, прикрепленных с одной стороны к верхушке башни на высоте двадцати футов над набережной, а с другой — к пристани на другом берегу реки. К каждой паре канатов привешена лодочка, вмещающая четырех человек: она принимает на башне пассажиров и, тихо скользя по канатам, высаживает их на противоположном берегу. Другая башня, другие канаты и другие лодочки привозят пассажиров обратно.

Я испытал невыразимое наслаждение (потому что мне тоже захотелось прокатиться), когда я вдруг, точно одним прыжком, перемахнул через разверзшуюся под моими ногами пропасть. На этих лодочках катались бы, как когда-то катались на русских горах, если бы не удалили тех, кто приходил сюда только забавы ради.

Я не оправился еще от изумления, когда Вальмор в условленный час явился в отель, чтобы захватить меня с собой.

— Какие у вас старагоми! — сказал я ему. — Неужели же в вашей республике делают и эти народные кареты, как и кареты для путешественников, как и пароходы, заботясь только об удобстве граждан?

— Вы угадали.

— А эти огромные упряжные лошади, которых я видел (они прямо великолепны, и мне кажется, что ваши упряжные лошади так же красивы, как наши английские колоссы), они тоже принадлежат, вместе с повозками, республике?

— Вы опять угадали!

— Но ваша республика в таком случае превосходный хозяин дилижансов, карет, омнибусов и транспорта!

— Так же как ваша монархия — превосходный хозяин почты, пороха и табака, с той только разницей, что ваша монархия продает свои услуги, тогда как наша республика предоставляет свои услуги даром.

— Но если все лошади и все средства перевозки принадлежат республике, то она должна иметь прекрасные конюшни.

— Она имеет их пятьдесят или шестьдесят на окраинах города.

— Они должны быть интересны!

— Хотите вы видеть одну из них? У нас достаточно времени.

— Идем!

Мы садимся на омнибус — и вот мы в квартале, где расположены конюшни.

Я был поражен. Представьте себе колоссальную конюшню в пять этажей или, вернее, пять колоссальных конюшен, одну над другой, чисто вымытых, красивых, как дворцы, и содержащих от двух до трех тысяч

лошадей.

Представьте себе рядом с ними огромные склады зерна и фуража.

Представьте себе колоссальные сараи в несколько этажей для экипажей.

Представьте себе такие же колоссальные каретные мастерские, кузницы, шорные мастерские, в которых рабочие изготавливают все необходимое для ухода за лошадьми и экипажами.

Вальмор с удовольствием указал мне на экономию, порядок и все те выгоды, которые являются следствием этой новой системы концентрации: никаких частных конюшен, никаких сараев в отдельных домах, никакого навоза, сена, соломы, разбрасываемых по улицам.

Я был так удивлен и увлечен, что провел бы там всю ночь, если бы Вальмор не напомнил мне, что пора направиться в дом его семьи.

Мы нашли ее в полном составе в салоне. Там соединены были четыре поколения: дед Вальмора, старик семидесяти двух лет, потерявший несколько лет тому назад свою старую подругу, глава всей семьи; отец и мать Вальмора, в возрасте от сорока восьми до пятидесяти лет; его старший брат с женой и их трое детей; его две сестры, Корилла, двадцати лет, и Селиния, которой было всего восемнадцать лет; наконец, двое дядюшек, из которых один был вдовец, и десять или двенадцать кузенов и кузин разного возраста, — в общем двадцать четыре или двадцать пять человек.

Старец, не отличаясь особенной красотой лица, производил, однако, благодаря седым волосам и широкому, покрытому морщинами лбу, впечатление благородства и доброты, которое делало его для меня весьма привлекательным.

Отец Вальмора являл собой образ силы и достоинства.

Мать его была менее других находившихся там женщин наделена от природы красотой, но, казалось, ее хотели за это вознаградить, или же ее доброта возмещала недостаток красоты, ибо она была главным предметом всеобщей привязанности.

Дети почти все были очаровательны, в особенности маленький племянник Вальмора, часто усаживавшийся у него на коленях.

Одна из его кузин была, к несчастью, крива на один глаз, но две другие были необычайно красивы. Сестра его Селиния, с прекрасными белокуроыми волосами, которые спускались буклями по плечам, и прекрасным цветом лица, показалась мне красивой, как англичанка; а ее сестра Корилла, с черными и жгучими глазами, казалась мне еще более красивой: она обладала всей грацией и живостью француженки.

Все дышало великолепием, прекрасным вкусом, исключительным изяществом в этом салоне, который был украшен цветами и наполнен их ароматом. Но больше всего в моих глазах этот салон украшали радость, счастье и довольство, которые сияли на всех лицах. Я все еще не мог оправиться от изумления при виде слесаря и швеи, о которых говорил мне Евгений.

Вальмор сперва представил меня отцу, который, в свою очередь, представил меня деду, а уж тот как патриарх представил меня остальным

членам семьи.

Разговор сперва шел на общую тему. Мне задавали много вопросов об Англии.

— Я знаю вашу родину, — сказал мне старец, — я ездил туда в 1784 году, чтобы выполнить миссию, порученную мне нашим добрым Икаром, моим другом, и я сохраняю благодарное воспоминание о приеме, который был мне там оказан. Она очень богата и могущественна, ваша родина. Ваш Лондон очень велик, и в нем сосредоточено много больших красот. Но, милорд, позвольте мне вам сказать, что там все же есть нечто весьма отвратительное, весьма возмутительное, весьма позорное для вашего правительства. Это — ужасная нищета, которая истребляет часть населения. Я никогда не забуду, как, выходя после великолепного праздника, устроенного одним из ваших богатых лордов, я наткнулся на трупы женщины и ее ребенка, которые, почти голые, умерли от холода и голода на мостовой. [В этом месте дети испустили крик ужаса, который произвел на меня горестное впечатление.]

— Ах, вы совершенно правы, — ответил я ему. — Я краснею за свою страну, и это разрывает мне сердце. Но что делать? У нас есть немало великодушных мужчин и добрых женщин, которые делают очень много для бедных...

— Я это знаю, милорд; я знаю даже одного молодого лорда, столь же скромного, как и доброго, построившего в одном из своих имений приют, в котором он содержит пятьдесят пять несчастных. [Я невольно покраснел при этих словах, но сейчас же оправился, не понимая все же, откуда он мог знать то, что касалось меня лично...] Эти люди делают честь своей стране, — продолжал он, — да будут они благословенны! Их благотворительность в наших глазах более привлекательна, чем все их богатства и титулы. Их заслуги даже больше наших, ибо им приходится бороться против преград плохого социального строя, тогда как у нас, благодаря нашему доброму Икару, нет бедных...

— Как! У вас нет бедных?

— Конечно, ни одного! Заметили ли вы хотя бы одного человека в лохмотьях? Хотя бы одно жилище, похожее на лачугу? Разве вы не видите, что республика делает нас всех одинаково богатыми, требуя только, чтобы мы все одинаково работали?

— Как, вы работаете все?

— Конечно, и только этим счастливы и гордимся! Мой отец был герцог и один из крупных вельмож страны, а сыновья мои должны были быть графами, маркизами и баронами, но они теперь: один — слесарь, другой — печатник, а третий — архитектор; Вальмор будет священником, брат его — маляр; а все эти девушки, которых вы видите, имеют каждая свою профессию, и это не делает их ни более безобразными, ни менее привлекательными. Разве наша Корилла не прекрасная швея? Посмотрите на нее в мастерской!

— Действительно, я совершенно подавлен.

— Так как вы, милорд, приехали к нам поучиться, мы покажем вам и много других вещей, но мы не можем вам показать ни праздных, ни слуг.

– У вас нет слуг?

– Их нет ни у кого. Добрый Икар избавил нас от бича слуг, как он избавил их от бича прислужничества.

– Но скажите мне, наконец, кто этот добрый Икар, о котором я так часто слышу? И как вы сумели?..

– У меня не хватает времени, чтобы объяснить вам это сегодня, но Вальмор, – которого вы, кажется, околдовали, так он полюбил вас, – и его друг Динар, один из наших наиболее ученых профессоров истории, доставят себе удовольствие объяснить и показать вам все и ответить на все ваши вопросы. Вы можете даже пользоваться их руководством, изучая нашу Икарию.

– Любите ли вы цветы, милорд? – спросила меня одна из присутствовавших матерей.

– Очень, мадам, я не знаю ничего более красивого.

– Ничего более красивого, чем цветы? – заметила, покраснев, одна из молодых девиц.

– Да, мадемуазель, простите, ничего более красивого, чем... некоторые... розы.

– Вы не любите детей? – спросила меня одна из девочек, примостившись ко мне на колени и посматривая на меня каким-то испытующим взглядом, которого я не мог понять.

– Я люблю только маленьких ангелов, – ответил я, обнимая ее.

– Любите ли вы танцы? – спросила Селиния.

– Я люблю смотреть на танцы, но сам я плохой танцор.

– Так вы научитесь, – заметила Корилла, – потому что я хочу танцевать с вами.

– Любите ли вы музыку? – спросил меня неожиданно ее отец.

– Страстно.

– Вы поете?..

– Немного.

– На каком инструменте вы играете?

– На скрипке.

– Мы не будем сегодня просить милорда, сказал старый дедушка. – Он уплатит свой долг в другой раз, но так как он любит музыку, споем что-нибудь, дети. Милая Корилла, покажи милорду, что представляет собою икарийская швея.

– Но, – заметил я ему тихо, – не поступаете ли вы, как живописец, который заявляет, что показывает вам все свои картины, а в действительности показывает только свои шедевры?

– Вы увидите, вы увидите, – ответил он с улыбкой.

Дети уже бросились бежать за гитарой, которую одна из девушек с очаровательной улыбкой передала Корилле, а Вальмор взял свою флейту, чтобы аккомпанировать сестре. Не заставляя себя больше упрашивать и не придавая особого значения своему таланту, Корилла запела. Непринужденность, простота, грация, блестящая красота, чистота дикции, прекрасный голос, глаза, сверкающие умом, – все это привело меня в восхищение.

Вторая песнь, припев которой был повторен всеми молодыми девушками и детьми, еще больше очаровала меня.

– Наш патриотический гимн! – воскликнул отец Вальмора. И Вальмор взял на себя роль запевалы. Все дети пели хором. Мужчины, игравшие в шахматы, и женщины, игравшие за другим столом, приостановили свою игру, чтобы повернуться к певцам. И все, увлеченные общим энтузиазмом, присоединились к хору, чтобы воспеть отечество, да и сам я увлекся и с третьего куплета присоединился к хору, что вызвало всеобщий смех и аплодисменты.

Я никогда еще не видел ничего более восхитительного.

В одно мгновение, когда еще смеялись над моим музыкальным энтузиазмом, на стол были поставлены свежие и сухие фрукты, варенье, сливки, пирожные и различные легкие напитки. Все было сервировано изящными руками молодых девиц, все с очаровательной улыбкой было подано молоддежью.

– Так вот, милорд, – сказал мне помолодевший старец, – думаете ли вы, что мы нуждаемся в лакеях, чтобы нам услуживать?

– Конечно, нет, когда (прибавил я тихо, приблизившись к нему) вам прислуживают грации и любовь...

Я сказал, с грехом пополам, несколько комплиментов отцам и матерям по поводу их семейств, поблагодарил за оказанный мне любезный прием и удалился, исполненный сладких воспоминаний. И сон медленно смежил мои очи только для того, чтобы убаюкать меня прекрасными сновидениями.

Глава пятая. ВЗГЛЯД НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И ИСТОРИЮ ИКАРИИ

Песни вчерашнего дня и чарующие улыбки еще услаждали мой сон, когда меня разбудил Вальмор.

– Как вы счастливы, мой дорогой друг, – сказал я ему, – имея такую милую семью.

– Она, значит, удостоилась понравиться вам?

– Больше, чем я могу вам выразить!

– Тем хуже, – сказал он с видом, который меня очень поразил, – мне очень досадно за вас, но я обязан сказать вам правду. Вот что случилось дома после вашего ухода.

– Говорите, я горю нетерпением...

– Знайте же, что хотя мой дед – глава семьи и может допустить к себе кого ему угодно, он не хочет, однако, ввести в дом никого, кто не нравится хотя бы одному из его детей.

– Не имел ли я несчастье оскорбить кого-нибудь? Расскажите, пожалуйста!

– После вашего ухода он собрал всех нас в круг и поставил вопрос, не имеются ли возражения против вашего допущения в нашу семью, заметив предварительно, что я некоторым образом уже наперед расположил, ее в вашу пользу.

– Кончайте же!

– Я сказал, что знаю вас хорошо, весьма хорошо, точно прожил с вами несколько лет, и питаю к вам непобедимое чувство дружбы...

– Еще раз, кончайте!

Все, казалось, отнеслись вполне одобрительно... но Корилла взяла слово... и вы были...

– Отвергнут! – воскликнул я, вскочив с постели.

– Ничуть, – продолжал он, смеясь, – приняты единогласно со всем пылом, какого только мог желать ваш друг. Простите эту шаловливую проделку, внушенную удовольствием, которое доставило мне допущение вас в нашу семью. Вам следовало бы, впрочем, еще больше сердиться на Кориллу, ибо именно она мне подала эту мысль. Но дабы знать наверняка, что вы не досадуете на нее, она требует, чтобы вы сегодня же вечером сделали ваш торжественный визит как друг дома. Вы увидите ученого профессора истории, о котором вчера говорил мой дед, моего друга Динара, брата безобразной, но любезной невидимки. Вы согласны? Вы меня протааете? [Я мог ответить ему только объятием.]

– Не будем, однако, спешить. Сговоримся сначала об условиях, ибо Корилла ставит одно условие.

– Какое? Говорите скорей!

– Чтобы Вильям пришел сообщить ей, что милорд вышел. Согласны? [Я обнял его во второй раз.]

– Ладно, – сказал он, смеясь, как сумасшедший, – я счастливо выполнил опасную миссию. Бегу теперь отдать отчет о своей миссии моему грозному господину, который ждет меня. Итак, сегодня вечером, в шесть часов.

Если бы земля вращалась, согласно моему желанию, скорее, то вечер настал бы раньше, чем обыкновенно. Чтобы ждать его с меньшим нетерпением, я принял приглашение Евгения посмотреть с ним вместе одну из национальных типографий.

Осмотр этой типографии доставил мне едва ли не большее удовольствие, чем зрелище египетских пирамид.

Прежде всего следует заметить, что эту типографию построила республика и архитектор получил всю необходимую для этого территорию.

Представьте себе теперь огромное по своей длине здание, где в двух этажах, поддерживаемых сотнями небольших железных колонн, работают пять тысяч типографов.

В двух верхних этажах, против стен, расположены полки со сложным на них разного рода типографским шрифтом, доставляемым вверх машинами. Посредине, на одной линии, стоят наборные кассы, скрепленные спинками по две: перед каждой из них работает наборщик, имеющий под рукой все, что ему нужно.

Сбоку, на одной линии, расположены каменные доски, на которых ставится набор, свёрстывается и замыкается форма.

Около каждого из этих столов есть отверстие, через которое форма механически спускается в пресс, находящийся в нижнем этаже.

В каждом этаже находятся три или четыре ряда касс и столов.

Это, действительно, великолепное зрелище. В нижнем этаже находятся скоропечатные машины.

Налево от типографии расположены огромные заведения для фабрикации бумаги, красок, шрифта и для хранения сырых материалов или фабрикатов, которые доставляются и увозятся по каналу на машинах.

И эти машины имеются в таком большом количестве, что они исполняют почти все, заменяя, сказали нам, около пятидесяти тысяч рабочих. Все так хорошо налажено, что тряпье превращается в бумагу, переходящую непосредственно на печатную машину, которая печатает на ней с обеих сторон и передает ее, отпечатанную и высушенную, в фальцовочную мастерскую. Последняя находится направо от типографии вместе с другими большими зданиями для комплектования, сшивания и брошировки отпечатанных листов, переплета книг и книжных складов.

Таким образом, все мастерские и все рабочие, связанные с печатным делом, соединены в одном квартале и составляют вместе маленький город, ибо эти рабочие почти все живут по соседству от своих мастерских.

– Подумайте, – повторял все время восхищенный Евгений, – подумайте только, какая экономия места и времени вытекает из этой удивительной организации, не говоря уже об экономии ручного труда, достигаемой благодаря применению машин. И именно республика умеет организовать таким образом свои мастерские, своих механиков и рабочих!

Я был так же удивлен, как и Евгений, при виде этого ансамбля, этого порядка, этой деятельности, и уже предвидел, как много может производить страна, если все отрасли промышленности организованы по такому плану.

Но все это не мешало мне находить, что шесть часов приближались чересчур медленно.

Я пришел, наконец, к Вальмору точно в условленное время и не без волнения входил в салон, где собралась уже вся семья.

Представьте себе мое смущение, когда я увидел, что Корилла быстро поднялась с места, воскликнув:

– А, вот и он! Я хочу его принять! – И подбежала ко мне, говоря: – Да, подойдите же, Вильям, и дайте мне руку, сегодня я хочу вас представить моему отцу.

– Милорд, – произнес старец торжественным тоном, протягивая мне руку, – полный благодарности за хороший прием, который я получил когда-то в вашей стране, я буду весьма доволен, если дом мой будет вам приятен, и вся моя семья будет польщена, если вы будете рассматривать нас как друзей. Допуская вас в среду моих дорогих дочерей и любимых внуков, я даю вам доказательство моего высокого уважения к вашему характеру и полного доверия к вашей чести. Будьте снисходительны к моим детям, которые в своем невинном и шаловливом веселье обходятся с вами как со старым знакомым.

Все дети после этого столпились вокруг меня и взапуски старались меня приласкать. Я был смущен, проникнут почтением, очарован,

восхищен, и слова старца запечатлелись в душе моей, как священные.

— Динар не придет, — сказал мне Вальмор, — потому что он ждет свою мать и сестру. Хотите вы посетить его?

Я согласился, и мы поднялись, чтобы уйти.

— Прекрасно, — сказала Корилла, взяв свою шляпу, — мы имеем только одного холостяка-брата и одного друга дома, и когда бедная Селиния и я хотим повидать наших друзей, эти галантные господа уходят, не удосуживаясь даже узнать, хотим ли мы, чтобы они нас проводили... Но подождите, господа, мы желаем вас проводить. Селиния, дай руку Вальмору, а я возьму под руку Вильяма.

Почти опьяненный соседством такого очаровательного создания, я все же чувствовал себя совершенно свободно с Кориллой, хотя вообще я очень робок и стесняюсь в обществе женщин.

Какое-то благоухание невинности и добродетели, казалось, давало моей душе свободу и внушало мне сладостную, лишенную какой-либо тревоги, уверенность.

— Мои искренние чувства к вашему брату и даже к вашей семье, — сказал я ей, идя рядом с ней, — и мое уважение к вам, конечно, должны встретить с вашей стороны некоторый отклик, но вы меня просто осыпаете любезностями, и как бы ни были они драгоценны для меня, какое бы удовольствие ни доставляли они мне, я опасаясь, что недостаточно заслужил их.

— Я понимаю вас, несмотря на ваше запутанное объяснение. Вы удивлены, что мы так скоро сдружились с вами, вы поражены моей ветреностью, моим сумасбродством. Ну, так не заблуждайтесь. В нашей республике столько же шпионов, сколько и во всех ваших монархиях... Вы окружены шпионами... Ваш Джон, которого вы считаете таким верным, — предатель. Допрошенный Вальмором, он все предал и разоблачил все ваши преступления... Мы знаем, кто построил для пятидесяти пяти бедняков приют, о котором говорил вам вчера дедушка. Мы знаем, кто содержит школу для бедных девочек его поместий, мы знаем, чье имя несчастные в одном графстве произносят, только благословляя. Я тоже подвергла вас допросу без того, чтобы вы это заметили, и констатировала, что вы любите детей и цветы, а это для нас является свидетельством чистой и простой души. Одним словом, мы знаем, что вы имеете доброе, прекрасное сердце. А так как доброта является в наших глазах первым из всех качеств, так как дедушка уважает ваг и любит, то и мы все любим и уважаем вас, как старого друга... Все теперь, надеюсь, выяснено вполне. Не будем больше говорить об этом... Кстати, здесь нам нужно войти. Подождем Вальмора и Селинию, мы не заметили, что обогнали их. Вальмор, а вместе с ним и Корилла представили меня Динару, физиономия которого мне чрезвычайно понравилась, а манеры и прием — еще больше.

Так как дамы, которых ждали, не приехали и должны были приехать, вероятно, только на другой день, то мы все вместе с Динаром вернулись к отцу Вальмора, пройдя при этом часть афинского квартала.

— У вас, значит, нет никаких лавок, никаких магазинов в частных

домах? — спросил я Вальмора, когда мы вошли в дом.

— Нет, — ответил он, — республика имеет большие мастерские и большие магазины; но добрый Икар избавил нас от лавки и лавочника, избавив в то же время лавочника от всех забот, делавших его несчастным.

— Ну, а теперь, Динар, — сказал маститый дедушка, — объясните милорду чудеса, которые являются для него загадкой, изложите ему принципы нашего общественного и политического строя, расскажите ему о нашем добром Икаре и нашей последней революции.

— Вас выслушает с удовольствием не один только милорд.

Даже дети бросили свои игры, чтобы послушать своего друга Динара, и молодой историк незамедлительно удовлетворил нашу просьбу.

Принципы общественного строя Икарии

— Вы знаете, — сказал он, — что человек отличается по существу от всех других общественных животных своим разумом, способностью к совершенствованию и общительностью.

Глубоко убежденные опытом, что не может быть счастья без ассоциации и равенства, икарийцы составляют общество, построенное на основе самого полного равенства. Все — члены ассоциации, граждане, с равными правами и обязанностями, все в равной степени разделяют тяготы и блага ассоциации; все, таким образом, составляют одну семью, члены которой связаны в одно целое узами братства.

Мы образуем, следовательно, народ, или нацию братьев, и все наши законы должны иметь своей целью установление среди нас совершенного равенства, за исключением случаев, когда это равенство невозможно физически.

— Однако, — заметил я, — разве природа сама не установила неравенство, одарив людей физическими и духовными качествами, почти всегда неравными?

— Это правда, — ответил он, — но разве сама эта природа не дала всем людям равное желание быть счастливыми, равное право на существование и счастье, равную любовь к равенству, рассудок и разум, чтобы организовать счастье, общество и равенство?

Впрочем, милорд, не останавливайтесь на этом возражении, ибо мы решили проблему, и вы сейчас увидите самое полное общественное равенство.

Точно так же, как мы составляем одно общество, один народ, одну семью, так и наша территория, с ее подземными недрами и надземными постройками, составляет одно земельное достояние, которое есть наше общественное земельное достояние.

Все движимое имущество членов ассоциации, со всеми продуктами земли и промышленности, составляет один общественный капитал.

Общественное земельное достояние и общественный капитал принадлежат нераздельно народу, который обрабатывает и эксплуатирует их сообща, который управляет ими сам через посредство своих уполномоченных и затем распределяет поровну все продукты.

Принципы политического строя Икарии

– Так как мы – члены ассоциации, граждане, равные в правах, то все мы избираем и можем, быть избраны; все мы составляем народ и входим в состав народной гвардии.⁹

Объединенные, мы составляем нацию, или, скорее, народ, ибо у нас народ есть совокупность всех икарийцев без всякого исключения.

Мне нет нужды говорить вам, что народ суверенен и что только ему вместе с суверенитетом принадлежит полномочие составлять или поручать кому-либо составлять свой общественный договор, конституцию и законы; мы не можем даже представить себе, чтобы какой-нибудь индивид, или семья, или класс могли иметь нелепую претензию стать нашим господином.

Так как народ суверенен, то он имеет право регулировать при помощи конституции и законов все, что касается его самого, его действий, имущества, пищи, одежды, жилища, его воспитания, труда и даже развлечений. Если бы икарийский народ мог легко и часто собираться в полном составе в одной зале или в одной долине, он осуществлял бы свой суверенитет, составляя сам свою конституцию и законы. Ввиду физической невозможности собираться таким способом, он передает власти все функции, которые он не может использовать непосредственно сам, и сохраняет за собой все остальные. Он передает Народному представительству полномочия выработать конституцию и законы, а исполнительному органу (или исполнительному корпусу) – следить за их выполнением. Но он сохраняет за собой право избирать своих представителей и всех членов исполнительного органа, одобрять и отвергать их предложения и акты, отправлять правосудие, поддерживать порядок и общественное спокойствие.

Все государственные служащие являются, таким образом, уполномоченными народа, все они являются выборными, временными, ответственными и сменяемыми. Для предупреждения с их стороны всяких честолюбивых поползновений законодательные и исполнительные функции признаются несовместимыми. Наше Народное представительство состоит из двух тысяч депутатов, обсуждающих дела сообща в одной палате. Она – перманентна, всегда или почти всегда в сборе и возобновляется ежегодно наполовину. Наиболее важные законы, принятые ею, как и конституция, подлежат одобрению народа.

Исполнительный орган, состоящий из президента и пятнадцати других членов, половина которых каждый год обновляется, подчинен Народному представительству.

Что касается народа, то он использует все обеспеченные за ним права в собраниях; он производит в них выборы, обсуждает дела и выносит решения.

Чтобы обеспечить народу использование его прав, вся территория разделена на сто небольших провинций, подразделенных, в свою очередь, на тысячу коммун, почти равных по пространству и населению.

Вы знаете, что каждый провинциальный город находится в центре своей провинции, каждый коммунальный город – в центре своей

– Но ведь это общность имущества! – воскликнул я.

– Именно, – ответил дед Вальмора. – Разве вас эта общность пугает?

– Нет... но... ее всегда считали невозможной!

– Невозможной! Вы сейчас увидите...

Так как все икарийцы состоят членами ассоциации и все между собой равны, – продолжал Динар, – то все они должны принимать участие в производстве и работать одинаковое число часов, но все их способности направлены на то, чтобы при помощи всевозможных средств сделать труд коротким, разнообразным, приятным и безопасным.

Все орудия труда и сырые материалы для обработки доставляются из общественного капитала и точно так же все продукты земли и промышленности складываются в общественных магазинах.

Все мы получаем пищу, одежду, жилище и обстановку за счет общественного капитала, и все это в равной мере, соответственно полу, возрасту и некоторым другим обстоятельствам, предвиденным законом.

Таким образом, именно республика, или общество, является единственным собственником всего, организует своих рабочих, строит мастерские и магазины; это она обрабатывает землю, строит дома, производит все предметы, необходимые для питания, одежды, жилища и обстановки; это она, наконец, кормит, одевает, доставляет жилище и обстановку всякой семье и всякому гражданину.

Так как воспитание рассматривается у нас как база и основание общества, то республика дает его всем детям в равной степени, как она дает им всем в равной степени пищу. Все получают одно и то же элементарное образование и специальное обучение, соответствующее особенностям даваемой им профессии. Это воспитание ставит себе целью создать хороших рабочих, хороших родителей, хороших граждан и настоящих людей.

Таков, по существу, наш общественный строй, и эти немногие слова позволят вам угадать все остальное.

– Вы должны теперь понять, – сказал старец, – почему у нас нет ни бедных, ни слуг.

– Вы должны также понять, – прибавил Вальмор, – каким образом республика является собственницей всех лошадей, средств передвижения, отелей, которые вы видели, и каким образом она даром перевозит и кормит своих путешественников.

Вы должны еще понять, что так как каждый из нас получает все, что ему необходимо, в натуре, то деньги, купля и продажа для нас совершенно бесполезны.

– Да, – ответил я, – все это понятно... Но...

– Как, милорд, – сказал старец с улыбкой, – вы видите пред собой коммуитарное общество, идущее полным ходом, и вы не желали бы верить этому! Продолжайте, Динар, изложите ему основы нашего политического строя.

коммуны, и все так организовано, чтобы все граждане могли присутствовать на народных собраниях.

Чтобы интересы всех были соблюдены, каждая коммуна и каждая провинция занимаются специально своими вопросами, в то время как все коммуны и все провинции, т.е. весь народ и его представительство занимаются общими, или национальными, делами.

На тысяче своих коммунальных собраний народ принимает, таким образом, участие в обсуждении законов после совещания его представителей или до этого.

Для того чтобы народ мог обсуждать законы с полным знанием дела, все происходит в свете гласности, все факты регистрируются статистикой, и все публикуется в народной газете, которая распространяется среди всех граждан.

А чтобы каждая дискуссия проходила с полной основательностью, Народное представительство и каждое коммунальное собрание, т.е. весь народ, разделяются на пятнадцать больших главных комитетов: конституции, воспитания, сельского хозяйства, промышленности, пищи, одежды, жилищ, обстановки, статистики и т.д. Каждый большой комитет составляет, следовательно, пятнадцатую часть всей массы граждан; и весь разум народа, состоящего из хорошо воспитанных и хорошо образованных людей, постоянно стремится изыскивать и применять всякие улучшения и усовершенствования.

Следовательно, наш политический строй — это демократическая республика, и даже почти чистая демократия.

— Да, милорд, — прибавил отец Вальмора, — именно весь народ вырабатывает у нас все законы, и вырабатывает их только в своих интересах, т.е. в общих интересах, и выполняет их всегда с удовольствием, потому что они — его собственное создание и выражение его суверенной воли.

Эта единодушная воля, как мы уже сказали, заключается всегда в том, чтобы творить равенство социальное и политическое, равенство благосостояния и прав, всеобщее и абсолютное равенство. Воспитание, пища, одежда, жилище, обстановка, труд, развлечения, право избирать и быть избранным и право обсуждения — все это одинаково для каждого из нас. Даже наши провинции, наши коммуны, наши города, наши деревни, наши фермы и наши дома, поскольку это возможно, похожи друг на друга; всюду, одним словом, вы увидите здесь равенство и благосостояние.

— Но с какого времени и как, — спросил я его, — вы установили это равенство?

— Уже слишком поздно, — сказал дедушка, — чтобы объяснить это вам сегодня, да вы сможете, впрочем, прочитать нашу национальную историю. Однако мы можем дать вам о ней представление, если Динар не устал или если Вальмор хочет его заместить.

— А разве я, — воскликнула Корилла, — не могу рассказать так же хорошо, как Динар и Вальмор?

— Да, да, — закричали со всех сторон, — Корилла, Корилла!

И Корилла начала рассказывать историю Икарии.

Очерк истории Икарии

— Не буду рассказывать вам, что бедная Икария была, как почти все другие страны, завоевана и опустошена злыми завоевателями, затем в течение долгого времени ее притесняли и тиранили злые короли и злые аристократы, которые делали рабочих несчастными, а бедных женщин жалкими. Это печальный жребий человечества во всем мире.

Вот почему в течение столетий происходили ожесточенные бои между богатыми и бедными, революции и случаи ужасной резни следовали друг за другом.

Вот, однако, шестьдесят лет, — я не помню точно года [в 1772 году, — сказал Вальмор], — как старый тиран Коруг был свергнут и казнен, молодой сын его изгнан, и на престол взошла прекрасная Клорамида.

Эта молодая королева сначала приобрела себе популярность своей мягкостью и добротой. Но несчастная подпала под влияние своего первого министра, злого Ликсдокса, и его тирания вызвала последнюю революцию [13 июня 1782 года, — прибавил дедушка] после двух дней ужасной борьбы и страшной резни.

К счастью, диктатор, избранный народом, добрый и мужественный Икар, оказался лучшим из людей! Именно ему и нашим благородным предкам, его соратникам, мы обязаны тем благополучием, которым мы пользуемся теперь.

Именно он и его соратники, жертвуя своей жизнью и проделав огромную работу, организовали республику и общность имущества, обеспечивающие счастье их жен и детей.

Судите поэтому, Вильям, как должны мы любить нашего дорогого Икара и нашего дорогого дедушку, одного из его ближайших друзей, одного из благодетелей и освободителей своего отечества...

При этих словах старец, который, мне казалось, слушал с удовольствием рассказ своей внучки, мягко упрекнул ее за болтливость, оскорбившую его чувство скромности, но Корилла бросилась к нему на шею, и дед с нежностью обнял ее.

— Нас всех повлек за собою Икар! — воскликнул он. Глаза его блестели, и в них показались слезы. — Ему одному честь и слава! Спойте, дети, в честь Икара и родины!

И мы спели все вместе их гимн благодарности Икару и патриотическую песнь.

Вернувшись к себе, возбужденный всем, что я узнал и видел, я не мог успокоиться и своим воображением старался постигнуть или угадать то, что еще оставалось для меня неизвестным.

Я продолжал думать о красноречии, грации и непринужденности, с какими выражались Вальмор, Динар и в особенности Корилла, и я хотел бы иметь возможность уничтожить ночь, чтобы скорее состоялась прогулка, на которую пригласила меня эта очаровательная девушка.

Глава шестая. ОПИСАНИЕ ИКАРЫ (продолжение)

Я с таким трудом уснул, что когда Евгений, как сумасшедший, вбежал в мою комнату, я спал еще. Он рассказал мне о том, что, благодаря странному случаю, узнал накануне, как и я, об Икаре и Икарии.

— Что за человек или, вернее, что за бог этот Икар! — воскликнул он. — Какой народ! Какая страна! Счастливые икарийцы! Ах, почему так случилось, что судьба не послала нам Икара после Июльской революции! Какие это были прекрасные дни! Такие же прекрасные, как два дня у икарийцев! О, парижский народ, как был ты прекрасен, велик, героичен, благороден, великодушен! Какой новый путь славы и счастья открывался для моей родины! Почему же нужно было?.. Несчастливая Франция, Франция, от которой я бегу, которую презираю, которую ненавижу... Ах, нет, которую я обожаю больше, чем кто-либо! И он ходил по комнате большими шагами, как будто был один; глаза его налились слезами, и его возбуждение, которое сперва меня рассмешило, вызвало во мне затем глубокое волнение.

Когда его возбуждение улеглось, он прочитал мне письмо, которое он написал своему брату. Это письмо показалось мне настолько интересным и поучительным; что я попросил у него позволения списать его. Семья Вальмора, которой я прочитал это письмо, выслушала его с таким удовольствием, что выразила желание познакомиться с автором и дала мне разрешение представить ей Евгения.

Вот это письмо.

Образцовый город

Разорви свои планы городов, мой бедный Камилл, и все же радуйся, ибо я тебе посылаю взамен их план образцового города, который ты уже давно желал иметь. Я крайне сожалею, что ты не здесь и поэтому не можешь разделить со мной мое удивление и восхищение.

Прежде всего представь себе, что либо в Париже, либо в Лондоне обещана великолепная премия за план образцового города, что назначен большой открытый конкурс, а многочисленный комитет из живописцев, скульпторов, ученых, путешественников собирает планы или описания всех известных городов, мнения и идеи всего населения и даже иностранцев, обсуждает все недостатки и преимущества существующих городов и представленных проектов и из тысяч образцовых планов выбирает наиболее совершенный. Ты сможешь тогда спроектировать более красивый город, чем все, которые существовали ранее, ты сможешь затем составить себе первое представление об Икаре, в особенности, если ты не забудешь, что все граждане равны, что все делает республика и что правило, неизменно и постоянно соблюдаемое во всем, гласит: прежде всего необходимое, затем полезное и в заключение приятное.

А теперь, с чего начать? Вот это меня затрудняет. Буду

держаться правила, о котором я тебе только что говорил, и начну с необходимого и полезного.

Я не буду говорить о мерах предосторожности, принятых, чтобы обеспечить, целебность и свободную циркуляцию воздуха, сохранить его чистоту и даже очищать его. Внутри города нет кладбищ, нет вредных производств, нет больниц. Все эти учреждения находятся на окраинах, в открытых местностях, около проточной воды или в деревне.

Мне очень трудно будет перечислить тебе все меры, придуманные для поддержания чистоты улиц. Само собой разумеется, что тротуары каждое утро подметаются и моются, и они всегда безукоризненно чисты. Но улицы так замощены или так устроены, что вода никогда не застаивается на них, так как всюду находятся отверстия, и вода исчезает в подземных каналах.

Не только грязь, собираемая и сметаемая при помощи остроумных и удобных орудий, исчезает, уносимая водой фонтанов в те же самые каналы, но и все Средства, которые ты только можешь себе представить, пускаются в ход, чтобы скапливать как можно меньше грязи и пыли.

Посмотри прежде всего на устройство улиц! Каждая имеет восемь колеи с железными или каменными желобами для четырех экипажей в ряд, из которых два могут двигаться в одном, и два в другом направлении. Колеса никогда не выскакивают из этих колеи, и лошади никогда не сходят с промежуточного тротуара. Четыре тротуара вымощены камнями или щебнем, а все остальные полосы улицы вымощены кирпичом. От колес не остается ни грязи, ни пыли, от лошадей — весьма мало, а машины на улицах — железнодорожных путях — совсем не дают грязи.

Заметь к тому же, что все крупные мастерские и большие магазины расположены по бокам улиц — каналов и улиц — железнодорожных путей; повозки, — впрочем, всегда мало нагруженные, — проходят только по этим улицам; улицы с колеями пропускают только омнибусы и половина улиц города не пропускает ни омнибусов, ни возов, а только небольшие повозки, в которые Впрягают больших собак, развозящих необходимые для семейств предметы.

Никакие нечистоты не выбрасываются на улицы из домов или мастерских, никогда по этим улицам не возят ни соломы, ни сена, ни навоза, так как все конюшни и их запасы находятся на окраинах. Все повозки и тележки запираются так герметически, что их содержимое прекрасно сохраняется, а разгрузка их производится при помощи машин, не грязнящих ни тротуаров, ни улиц.

Фонтаны на каждой улице доставляют воду, необходимую для чистки, поливки и освежения воздуха.

Все, как видишь, организовано так, чтобы улицы были всегда чисты, мало портились и легко чистились.

Закон (ты, быть может, начнешь с того, что будешь смеяться, но кончишь тем, что будешь удивляться) постановил, что пешеходу

всегда должна быть обеспечена полная безопасность от каких бы то ни было несчастных случаев со стороны экипажей, лошадей и других животных или с какой-либо другой стороны. Сообрази все это, и ты скоро увидишь, что для правительства, которое хочет блага народа, нет ничего невозможного.

Прежде всего, что касается рысистых и верховых лошадей, то на них не разрешается ездить внутри города, — прогулки на лошадях разрешаются только вне города, а конюшни находятся на окраинах.

Что касается лошадей, обслуживающих дилижансы, омнибусы и транспорт, то, независимо от того, что приняты всякие меры, чтобы они не понесли, они никогда не могут покинуть свои колеи или выскочить на тротуары. Кучера обязаны сдерживать их шаг при приближении к тем местам, где пешеходы переходят улицы. Эти поперечные переходы окружены всякими предохранительными приспособлениями: они обыкновенно снабжены колоннами, образующими поперек улицы нечто вроде ворот для экипажей, и промежуточными площадками, на которых пешеход имеет возможность остановиться, пока не удостоверится, что может продолжать свой путь, не подвергаясь никакой опасности. Бесполезно говорить тебе, что эти переходы почти так же чисты, как тротуары. На некоторых улицах переходы находятся даже под землей, как тоннель в Лондоне,¹⁰ а на других переходами служат мосты, под которыми проезжают экипажи.

Другая весьма простая мера предосторожности, дающая возможность избежать множества несчастных случаев и которую плохо используют в наших городах, так как ничего не делается для того, чтобы все ее знали и усвоили привычку соблюдать ее, заключается в том, что все экипажи и пешеходы всегда движутся вперед по правой стороне улицы или дороги.

Ты поймешь, кроме того, что кучера, которые все являются рабочими республики и ничего не получают от пассажиров, не имеют никакого интереса подвергаться таким авариям, а, напротив, заинтересованы в том, чтобы избегать их. Ты понимаешь также, что так как население находится в мастерских или домах до трех часов, а повозки с грузами циркулируют только в те часы, когда омнибусы не ходят и пешеходы очень немногочисленны, колеса же никогда не могут выскочить из своих колеи, то всякие аварии от повозок и между повозками должны быть почти невозможны.

Что касается других животных, то тут никогда не увидишь стада быков и баранов вроде тех, что загромаждают и позорят улицы Лондона, вызывая там тысячи несчастных случаев, распространяя беспокойство, а часто ужас и смерть, и в то же время приучая народ к мысли о резне, — ибо здесь скотобойни и мясные находятся вне города, так что животные никогда не проникают в его черту. Поэтому здесь никогда не видят ни крови, ни трупов животных или большого числа мясников, которые приучаются смотреть без содрогания на человеческую резню, потому что привыкли омыwać

свои руки и ножи кровью других жертв.

Говоря о животных, я не могу не рассказать тебе о собаках, которые в республике содержатся и используются в большом числе. Отличаясь своим ростом и силой, они служат для перевозки различных предметов, а это сопряжено с еще меньшими опасностями, чем перевозка лошадьми. Все собаки, хорошо откормленные, всегда запряженные и в намордниках или на привязи, не могут никогда ни взбеситься, ни укусить, ни испугать, ни вызвать скандала, который в наших городах в одно мгновение уничтожает все результаты многолетнего воспитания.

Все так хорошо рассчитано, что никогда ни труба, ни горшок с цветами, ни какой-либо другой предмет не может быть сорван бурей или выброшен через окно.

Пешеходы защищены даже от непогоды, ибо все улицы снабжены тротуарами, которые покрыты крышами, стеклянными навесами, чтобы защитить от дождя, не лишая света, и с подвижными шторами, чтобы защитить от жары. Имеются даже улицы, во всю длину покрытые крышами, в особенности между большими складскими помещениями. Все переходы между улицами тоже покрыты крышами.

Предосторожность доведена до того, что на известном расстоянии друг от друга построены крытые места остановок омнибусов, чтобы можно было подниматься на них или спускаться с них, не опасаясь ни грязи, ни дождя.

Ты видишь, мой дорогой друг, что можно прогуляться, по всему городу Икаре — в экипаже, когда спешишь, садами, когда погода хороша, и под портюками, когда погода плоха, не нуждаясь ни в солнечном, ни в дождевом зонтике и ничего не опасаясь, тогда как тысячи аварий и несчастных случаев, ежегодно обрушивающихся на жителей Парижа и Лондона, свидетельствуют о позорном бессилии или варварском равнодушии правительства.

Ты, конечно, представляешь себе, что город прекрасно освещен,¹¹ так же хорошо, как Париж и Лондон, даже гораздо лучше, так как осветительные материалы не поглощаются ни лавками, ибо таковых нет, ни мастерскими, ибо никто не работает вечером. Освещаются поэтому главным образом улицы и общественные здания. Не только газ не распространяет никакого запаха, ибо найдено средство для его очистки, но и освещение соединяет в самой высокой степени приятное с полезным либо при помощи изящной и разнообразной формы фонарей, либо многочисленными фигурами и цветами, которыми украшают осветительные аппараты. Я видел достаточно много хороших иллюминаций в Лондоне на некоторых улицах в известные праздники, но в Икаре освещение всегда великолепно, а иногда это настоящая феерия.

Ты не увидишь здесь ни кабаков, ни харчевен, ни кафе, ни ресторанов, ни бирж, ни игорных домов, ни постыдных или преступных развлечений, ни казарм и гаупвахт, ни жандармов и шпионов, ни

публичных женщин, ни жуликов, ни пьяниц, ни нищих, но вместо них ты всюду найдешь места необходимости, столь же изящные, сколь чистые и удобные, одни для женщин, другие для мужчин, куда может на время заглянуть сама стыдливость, не опасаясь ничего ни по отношению к себе самой, ни в отношении общественного приличия.

Тебе не придется возмущаться такими рисунками, картинками, надписями, которые грязнят стены наших городов и заставляют нас опускать глаза, ибо дети приучены здесь никогда ничего не портить, не грязнить, равно как и не краснеть при виде всего, что непристойно и неприлично.

Ты не будешь даже испытывать удовольствия или досады видеть столько всяких вывесок и табличек над воротами домов или всяких объявлений и торговых плакатов, которые почти всегда обезображивают здания, но зато ты увидишь прекрасные надписи на памятниках, общественных мастерских и складах и всякие полезные объявления, великолепно напечатанные на бумаге различных цветов в специальных рамках, предназначенных для этой цели, так что сами эти афиши способствуют украшению города.

Ты не увидишь также богатых и красивых лавок всякого рода, которые можно видеть в Париже и Лондоне во всех домах на торговых улицах. Но что представляют собой самые красивые из этих лавок, самые богатые из этих магазинов и базаров, самые обширные рынки или ярмарки в сравнении с мастерскими, лавками, магазинами Икары? Вообрази, что все, например, мастерские и лавки ювелирных и драгоценных изделий Парижа и Лондона соединены в одну или две мастерские и в один или два магазина; вообрази, что это сделано также для всех отраслей промышленности и торговли, и скажи мне, не должны ли эти магазины ювелирных изделий, часов, цветов, перьев, материй, мод, инструментов, плодов и т.д. и т.п. затмить все лавки мира, скажи мне, не доставило ли бы тебе столько же, а может быть, и больше удовольствия побывать в них, чем осматривать наши музеи и памятники изящных искусств! Так вот каковы мастерские и магазины Икары!

И все они размещены с наибольшим удобством для жителей и выгодой для внешнего вида города, и, чтобы украсить его еще больше, все они снаружи построены как общественные здания, отличающиеся простотой и украшенные предметами производства.

Я упомянул об общественных зданиях. Мне нет нужды говорить тебе, что общественные здания, которые можно найти всюду, в еще большем числе имеются здесь: школы, приюты, храмы, здания, отведенные для государственных учреждений, залы для народных собраний, даже арены, цирки, театры, всякого рода музеи и все учреждения, которые благодаря доставляемому ими удовольствию сделались почти необходимыми.

Никаких аристократических отелей, никаких экипажей, но зато и никаких тюрем и домов призрения! Никаких королевских или министерских дворцов, но школы, больницы, залы для народных

собраний — это те же дворцы, или, если хочешь, все дворцы служат общественной пользе!

Я никогда не кончил бы, мой дорогой брат, если бы я вздумал перечислить тебе все, что Икара содержит полезного, но я уже достаточно рассказал тебе об этом, быть может, даже слишком много, хотя я уверен, что детали доставят тебе некоторое удовольствие. Я перехожу к приятному, где ты найдешь разнообразие — постоянного спутника единообразия.

Рассмотрим поэтому внешний вид домов, улиц и общественных зданий.

Я уже говорил тебе, что все дома на каждой улице одинаковы, но улицы различны и на каждой воспроизводятся красивые дома других стран.

Взор твой никогда не будет омрачен ни видом лачуг, трущоб и закоулков, которые мы в других местах находим рядом с самыми великолепными дворцами, ни видом отрепьев, которые мы встречаем наряду с роскошью аристократии.

Твой взор не будет также опечален решетками, которые закрывают канавы у лондонских домов и в соединении с мрачными кирпичами придают им вид огромных тюрем.

Дымовые трубы, столь отвратительные во многих других странах, здесь являются украшением или совсем незаметны, тогда как верхушки домов являют глазу изящную железную балюстраду.

Тротуары или портики с легкими колоннами, которые обрамляют все улицы, уже и сейчас великолепные, будут совсем очаровательны, когда, как теперя проектируется, все колоннады будут украшены зеленью и цветами.

Стану ли я описывать формы фонтанов, площадей, мест для гулянья, колонн, общественных памятников, колоссальных ворот города и его великолепных улиц-аллей? Нет, мой друг, у меня не хватило бы слов, чтобы изобразить мое восхищение, да к тому же пришлось бы исписать не один том. Я привезу тебе все планы, а здесь ограничусь тем, что дам тебе общее представление о них.

Ах, как я жалею, что не смогу еще раз осмотреть их вместе с моим братом! Ты увидел бы, что ни один фонтан, ни одна площадь, ни один памятник не похож на другие и что в них исчерпаны все разновидности архитектуры. Здесь ты вообразишь себя в Риме, в Греции, Египте, Индии — всюду, и никогда ты не придешь в ярость, как это случилось с нами в Лондоне перед собором св. Павла¹² при виде лавок, которые мешают охватить одним взглядом весь ансамбль великолепного здания.

Нигде ты не увидишь большего числа картин, скульптурных произведений, статуй, чем здесь в общественных зданиях и в общественных садах. В то время как в других местах произведения изящных искусств спрятаны в дворцах королей и богачей, в то время как в Лондоне музеи, закрытые в воскресенье, никогда не открыты для народа, который не может оставить работу, чтобы посетить их

в будни, здесь все достопримечательности существуют только для народа и помещены только в тех местах, которые посещаются народом.

А так как все это создается в республике при помощи живописцев и скульпторов и все художники, получающие полное содержание – пищу, одежду, квартиру и обстановку – от общества, не имеют других побуждений, кроме любви к искусству и славе, и другого руководителя, кроме вдохновения, то ты легко поймешь, каковы последствия этого.

Ничего бесполезного и, в особенности, ничего вредного, но все направлено к полезной цели! Ничего в угоду деспотизму и аристократии, фанатизму и суеверию, но все в интересах народа и его благодетелей, свободы и ее мучеников или против былых тиранов и их приспешников.

Нигде не увидишь нагих фигур или соблазнительных картин, которые выставляются в наших столицах, чтобы угодить могущественным распутникам. Но чудовищному противоречию, непрестанно проповедуя пристойность и целомудрие, у нас выставляют напоказ изображения, которые муж хотел бы скрыть от жены и мать от детей.

Нет здесь и произведений невежества или неспособности, которые нищие продают в других местах за дешевку, за кусок хлеба, и которые портят общий вкус, позоря искусства. Ибо здесь в республике ничего не принимают без испытания. Так же, как в Спарте, где убивали при рождении всех больных или уродливых детей, здесь безжалостно опускают во тьму небытия все произведения, недостойные света лучей бога искусств.

Я кончаю, мой дорогой Камилл, хотя мог бы еще много рассказать тебе об улицах-садах, реке и каналах, набережных и мостах и о памятниках, которые только начаты или проектируются.

Но что ты скажешь, когда я прибавлю, что все города Икарии, хотя и менее крупные, построены по тому же плану и отличаются от главного города лишь отсутствием больших национальных учреждений!

И мне думается, что вместе со мною ты восклицаешь: «Счастливые икарийцы! Несчастные французы!».

Чем больше я знакомился с городом, тем более точным казалось мне это описание Евгения.

Когда я снял копию с его письма, мы пошли вместе, чтобы осмотреть одну из булочных республики.

Мы обошли пять или шесть огромных, построенных параллельно зданий: одно – для муки, другое – для теста, третье – для печей, четвертое – для топлива и пятое, где складывается печеный хлеб, откуда его на повозках развозят по домам.

По каналу доставляются мука и топливо, которые перевозятся в магазины машинами,

Из широких труб мука сыплется в месильные чаны, тогда как по

другим трубам доставляется туда вода в необходимом количестве. Весьма остроумно сконструированные машины месят тесто, режут его и задвигают в печи, куда другие машины доставляют топливо. Особые машины перевозят хлеб в последнее здание.

Евгений не переставал удивляться тому облегчению, которое давала рабочим эта система, и поразительной экономии, являвшейся ее результатом.

Разделяя его восхищение, я думал о нашем плане прогулки и в пять часов побежал к Вальмору.

Там уже были готовы, и почти вся семья в полном составе направилась вместе со мною в путь. Вальмор предложил руку одной из своих кузин, а очаровательная Корилла взяла мою с такой пленительной фамильярностью, что я потерял бы голову, если бы я не был столь неуязвим.

Мы шли улицами-садами; многие сады были полны молодыми девушками, детьми и мужчинами, занимавшимися поливкой растений или другими садовыми работами.

Чем больше я рассматривал эти сады, тем более восхитительными казались они мне; газоны, розы и разнообразнейшие цветы, цветущие кусты, стены, покрытые жасмином, виноградом, лилиями, жимолостью, одним словом, зеленью, перемежающейся цветами различной окраски, ароматный воздух, картина трудящихся и детей – все это представляло чарующий ансамбль.

Но место гуляния показалось мне еще более привлекательным: усыпанные песком аллеи, прямые или извилистые, обширные газоны, кусты самых различных видов, великолепные деревья; всюду маленькие беседки и арки из цветов, на каждом шагу изящные зеленые скамьи, искусственные гроты или холмики, усеянные птицами, пруды, ручьи, каскады, фонтаны, струи, изящные мосты, статуи и небольшие памятники, – все что плодотворное воображение самого искусного художника может вообразить, здесь соединено вместе, даже всякого рода птицы и животные на воде и газонах.

И еще больше, чем все эти чудеса природы или искусства, это место гулянья украшает бесчисленное множество больших семей, которые заполняют его, – отцы, матери, дети, гуляющие обыкновенно вместе. Тысячи юношей и девушек всех возрастов, все чисто и изящно одетые, бегают, прыгают, танцуют и играют в самые разнообразные игры, всегда группами и на глазах собравшихся родителей. Всюду видишь только радость и удовольствие, слышишь только смех, веселые крики, песни и музыку.

– Кажется, – сказал я Корилле, – ваши соотечественники питают страсть к музыке?

– Да, – ответила она, – нам привил к ней вкус добрый Икар, как и к зелени, цветам и плодам. С того времени наше воспитание распространило эти склонности среди всех нас. Все получают общие знания обо всем, что касается растений и их обработки. Все дети без исключения учатся вокальной музыке и умеют петь; каждый умеет играть

на каком-нибудь инструменте. Поэтому всюду и везде вы услышите музыку и пение — в семьях и публичных собраниях, в храмах и мастерских, как и на спектаклях и в местах гулянья.

Мы посещали музыкальные оркестры всякого рода, помещавшиеся в специально устроенных для них красивых салонах, и, кроме того, слушали множество концертов, которые давали музыкальные автоматы, вполне заменяющие музыкантов.

— Сигналы почти все даются трубой, тысячи наших общественных карет отправляются и останавливаются по звуку, который дает рожок. Разве вы не находите их фанфары очаровательными?

— Действительно, они очаровательны.

— И вы еще увидите наши национальные праздники с хорами в пятьдесят и сто тысяч певцов.

Мы тем временем подошли к месту прогулок верхом. Пред нами прошли сотни небольших кавалькад, мужчин и женщин всех возрастов, изящно одетых, хотя и совершенно иначе, чем наши всадники и амазонки в Лондоне и Париже. Так как я выражал свое восхищение грацией дам и красотой лошадей — статных для мужчин, прелестных для женщин, маленьких и красивых — для детей, то Корилла сказала:

— Не удивляйтесь. Решив, что мы будем иметь удовольствие от верховой езды, республика особенно позаботилась о нашем коневодстве и даже закупила за границей лучшие породы лошадей. В силу этой же причины обучение верховой езде составляет часть нашего воспитания с детского возраста, и вы не найдете теперь ни одного икарийца, который не был бы хорошим всадником.

— Но, — заметил я, — каким образом можете вы располагать достаточным количеством верховых лошадей для всех?

— А вот как, — ответила она: — республика имеет только тысячу верховых лошадей для каждого города коммуны и шестьдесят тысяч для Икары, но она распределяет этих лошадей между всеми гражданами так, что каждая семья может пользоваться ими раз в шестьдесят дней.

— И все эти лошади принадлежат республике?

— Конечно, и содержатся в ее конюшнях, и за ними ухаживают рабочие.

Мы беседовали обо всем: о празднествах, театрах, развлечениях, нравах и обычаях страны. Она рассказала мне даже о народных собраниях и газетах и делала это с такой легкостью и так занимательно, что я не заметил, как наступила ночь, пока я с таким удовольствием учился, слушая столь очаровательную учительницу.

Глава седьмая. ПИЩА

Это был день отдыха, воскресенье Икарии, или, точнее, десятый день икарийской недели, и Вальмор, предупредивший меня об этом за два дня, рано пришел за мною и Евгением, чтобы отправиться с нами в деревню.

Позже я расскажу о средствах, придуманных и применяемых в республике, чтобы облегчить от весны до самой осени эти экскурсии и

сельские трапезы, к которым икарийцы имеют большое пристрастие.

Мы отправились все, — одни пешком, другие на красивых осликах, мулах или лошадях, третьи — в омнибусах.

Мы направились к знаменитому источнику, который находится в двух лье от Икары, на склоне прекрасного холма, господствующего над городом.

Я не в состоянии описать зрелище дороги, по которой гуляла публика и двигались кареты, лошади, ослы, мулы, собаки и экипажи с провизией, направлявшиеся в одно и то же место. Я не в состоянии также описать ни чарующую красоту пейзажа, газонов, беседок и источника, где искусство и природа потратили все свои средства украшения, ни восхитительные картины, которые представляли сотни групп, обедающих на траве, поющих, смеющихся, прыгающих, бегающих, танцующих и развлекающихся самыми разнообразными играми.

Следуя приглашению своего деда, Корилла коротко описала нам два или три десятка сельских мест отдыха, куда население Икары направляется обыкновенно в дни празднеств и отдыха.

Она объяснила нам, что все эти красивые места, составляющие теперь предмет наслаждения всего народа, в прежние времена служили исключительно для удовольствия нескольких семейств, которые закрывали их стенами или рвами своих замков и парков.

Но как бы ни был интересен для меня рассказ Кориллы, которому она умела придать столько прелести, Вальмор заинтересовал меня еще больше, описав мне систему, принятую республикой для обеспечения пищей своих граждан.

Я передал бы здесь сущность его рассказа, если бы не нашел прекрасного изложения этой системы в другом письме Евгения к брату. Это письмо, которое я здесь привожу, заменит, таким образом, мой собственный рассказ. И чтобы перейти сейчас же к нему, я прибавлю только, что возвращение с прогулки было столь же оживленным и радостным, как и сама прогулка, и что душа моя была исполнена счастья; отражение такого же счастья я заметил на всех лицах.

Письмо Евгения к брату

О дорогой мой Камилл, как скорбит мое сердце, когда я думаю о Франции и когда вижу благополучие, которым наслаждается здесь народ Икарии! Суди об этом сам, знакомясь с его учреждениями, ведающими пищей и одеждой.

Пища

Все, что касается этой первой потребности человека, как и других его потребностей, в нашей несчастной стране предоставлено случаю и сопряжено с чудовищными злоупотреблениями. Здесь, напротив, все это весьма разумно и тщательно регулируется.

Представь себе сперва, мой дорогой брат, что нет решительно ничего во всем, касающемся пищи, что не было бы регулировано законом. Именно он дозволяет любой вид пищи.

Комитет ученых, учрежденный Национальным представительством, составил при содействии граждан список всех

известных предметов питания, указав хорошие или плохие качества их.

Он сделал больше. Среди хороших предметов питания он указал необходимые, полезные и приятные и напечатал список их в 12 нескольких томах. Каждая семья имеет один экземпляр.

Сделано было еще больше: указаны были лучшие способы приготовления каждого предмета питания, и все семьи имеют такой экземпляр поваренной книги.

Установив таким образом список хороших предметов питания, республика организовала при помощи своих земледельцев и рабочих их производство и распределяет их между семьями. А так как никто не может иметь других средств питания, кроме тех, которые распределяет республика, то ты поймешь, что никто не может потреблять других предметов питания, кроме тех, которые она одобряет.

Она сперва производит предметы необходимые, затем полезные и, наконец, приятные, и все это в таком количестве, какое только возможно.

Она распределяет их между всеми поровну таким образом, что каждый получает одно и то же количество какого-нибудь предмета питания, если его хватает на всех, и каждый получает только по очереди, если его хватает в течение года или дня только для одной части населения.

Каждый, следовательно, имеет равную часть всех предметов питания без различия, начиная с тех, которые мы называем самыми грубыми, и кончая теми, которые мы квалифицируем как наиболее тонкие, и весь народ Икарии питается так же хорошо и даже лучше, чем наиболее богатые жители других стран.

Ты видишь, таким образом, мой бедный друг, что правительство поступает здесь совершенно иначе, чем наша монархия: в то время как монархия так много кричит о добром короле,¹³ который хотел, чтобы каждый крестьянин мог в воскресенье есть курицу, республика здесь, ничего не говоря, дает всем и ежедневно все, что можно в других странах видеть только на столе аристократов и королей.

Республика не только разводит всех необходимых животных, дичь и рыбу, она не только производит и распределяет все овощи и фрукты, которые потребляются в сыром виде, но и использует все средства, чтобы консервировать их, высушивая, варя и т.д., чтобы распределить их между всеми.

Но это не все. Комитет, о котором я только что говорил, обсудил и указал, сколько раз в день следует принимать пищу, в какие часы, число блюд, какие именно, и порядок следования, беспрестанно изменяя их не только соответственно сезону и месяцам, но и соответственно дням; таким образом обеды в течение недели совершенно различны.

В шесть часов утра, до начала работ, все рабочие, т.е. все граждане, совместно подкрепляются в своих мастерских очень про-

стым первым завтраком (который наши парижские рабочие называли «капля» или «утренний глоток»), изготовленным и сервированным ресторатором мастерской.

В девять часов они завтракают в мастерской, тогда как жены и дети их завтракают дома.

В два часа все жители данной улицы вместе обедают в республиканском ресторане, где пищу приготовляет один из рестораторов республики.

А вечером, между девятью и десятью часами, каждая семья у себя дома ужинает или ест легкую закуску, приготовленную женщинами.

При всяком обеде первый тост провозглашается во славу доброго Икара, благодетеля рабочих, благодетеля семей, благодетеля граждан.

Ужин состоит главным образом из плодов, печенья и сладостей.

Но общий обед в роскошных залах, изящно декорированных и вмещающих от одной до двух тысяч человек, превосходит своим великолепием все, что ты можешь вообразить.

Самые красивые наши рестораны и кафе в Париже в моих глазах ничто в сравнении с ресторанами республики. Ты, быть может, мне не поверишь, когда я скажу тебе, что, помимо обилия и тонкого качества блюд, помимо убранств из цветов и всего прочего, прекрасная музыка чарует слух обедающих, в то время как обоняние их воспринимает запах восхитительных благоуханий.

Таким образом, когда молодые люди женятся, им нет нужды тратить свое приданое на свадебное пиршество плохого качества и разорять своих будущих детей; обеды, которые муж находит в ресторане жены, жена — в ресторане мужа, и обе семьи вместе в своих ресторанах, заменяют самые прекрасные обеды других стран.

И все же ты легко поймешь, что эти общие обеды дают огромную экономию в сравнении с индивидуальными обедами и, следовательно, позволяют значительно улучшить их качество.

Ты поймешь также, что это общее питание рабочих и соседей имеет и другие большие преимущества, а именно, оно способствует сближению масс и значительно упрощает домашние работы женщин.

А так как республика занята только благом своих детей, ты не будешь также удивлен, что она простирает свою заботливость до того, что дает им возможность по воскресеньям есть у себя дома, в своем кругу, обедать со своими личными друзьями и даже проводить день в деревне. С этой целью во всех ресторанах готовятся холодные блюда, которые доставляются семьям. Когда горожане хотят воспользоваться деревенским воздухом, в их распоряжение предоставляются средства транспорта.

Поистине, брат мой, я не лгу, когда уверяю тебя, что эта страна — рай, который радует душу так же, как и чувства, и, несмотря на это, я прихожу в бешенство... я... француз, обожающий свое отечество, я иногда испытываю за него все муки Тантала!¹⁴

Но будем мужаться и надеяться. А пока будем изучать!

Глава восьмая. ОДЕЖДА (продолжение письма Евгения к брату)

Ты, несомненно, пожелаешь знать, как организуется и проводится распределение предметов питания. Нет ничего проще. Но восхищайся снова!

Распределение предметов питания

Республика делает то, что мы часто видим в Париже и Лондоне, что делают иногда наши правительства и что делают теперь почти все торговцы.

Ты уже знаешь, что именно республика заботится о возвращении или производстве предметов питания, получает и собирает их, складывает в своих бесчисленных громадных магазинах.

Ты можешь легко представить себе общие погреба, такие, как погреба в Париже и Лондоне, большие склады муки, хлеба, мяса, рыбы, овощей, плодов и т.д.

Каждый республиканский магазин имеет, как любой из наших булочников или мясников, таблицу ресторанов, мастерских, школ, приютов и семей, которых он должен снабжать с указанием количества, какое он должен каждому доставлять. Он имеет также служащих, тару и все необходимые транспортные средства. Все эти средства снабжения соперничают друг с другом по своим качествам.

Так как предметы питания подготавливаются в магазине заранее, то в районе магазина рассылают на-дом большие запасы продуктов на год, месяц или на неделю, а также провизию на каждый день.

Распределение провизии поистине восхитительное. Я не стану говорить тебе о совершенной чистоте, царящей повсюду, как необходимое условие, но я не премину сказать тебе, что магазин имеет для каждой семьи отдельную корзину, вазу, определенную меру, отмеченную номером ее дома и содержащую ее долю провизии, хлеба, молока и т.д.; и все эти сосуды имеются в двойном количестве, чтобы одни относились наполненными, а другие возвращались пустыми. Каждый дом имеет при входе специально устроенную для этого нишу, в которой развозчик находит пустые сосуды и замещает их наполненными. Таким образом, распределение производится всегда в одно и то же время, причем оно возвещается особым сигналом, совершается без всяких забот для семьи и без потери времени для развозчика.

Ты представляешь себе, мой дорогой друг, экономию времени и все выгоды этой системы массового распределения?

В общем все совершенно в этой счастливой стране, населенной людьми, которые достойны, наконец, звания человека, так как даже в самых малых вещах они всегда делают полезное употребление из высшего разума, данного им провидением для их счастья.

А теперь ознакомься еще с их системой обеспечения одеждой, и снова удивляйся и удивляйся, если только ты не придешь в ярость, как я...

Все, что я сказал тебе о пище, мой дорогой Камилл, относится также к одежде. Все регулирует закон по указанию комитета, который, выслушав разные мнения и ознакомившись с формой одежды разных стран, составил список всех форм и цветов (великолепное издание, которое имеется у каждой семьи) одежды, указал, какие из этих форм и цветов принимаются и какие отвергаются, и классифицировал их соответственно необходимости, полезности и приятности.

Все необходимое сырье выращивается и производится земледельцами по заказу республики. Это она в своих мануфактурах производит все одобренные материи, и она же при помощи своих рабочих и работниц изготавливает всю одежду и распределяет ее между семьями.

Республика начала с производства самых необходимых материй, а теперь заказывает все материи без исключения как самые приятные, так и самые полезные.

Все, что по форме, рисунку и цвету было фантастично или безвкусно, было заботливо устранено.

Ты не можешь себе представить ничего более чистого и приятного, чем выбранные цвета, ничего более изящного и простого, чем рисунки материй, ничего более элегантного и удобного, чем форма одежды.

И ты это легко поймешь, когда вспомнишь, что нет ни одного экземпляра обуви, головного убора и т.д., который не был бы одобрен и принят согласно плановому образцу. И хотя при моей страсти к живописи я, как ты знаешь, всегда был очень требователен по части одежды мужчин и, в особенности, женщин, клянусь тебе, что не мог найти недостатков в одеждах этой страны.

Я говорил тебе о женщинах. О, дорогой мой Камилл, как любил бы икарийцев ты, такой галантный и такой же поклонник, как и я, этого венца творения создателя, если бы ты видел, как они окружают женщин своими заботами, уважением и почетом, как они сосредоточивают на них свои мысли, заботливость и попечение, как они непрестанно стараются нравиться им и делать их счастливыми, как они украшают их, уже от природы красивых, чтобы иметь еще больше удовольствия в обожании их! Счастливые женщины! Счастливые мужчины! Счастливая Икария! Несчастливая Франция!

В особенности одежда женщин вызовет твое удивление: твой жадный глаз будет не только очарован, когда увидит в ней все, что ты знаешь наиболее тонкого, великолепного, восхитительного в материях, цветах и формах, но он в известных случаях будет также удивлен роскошью перьев и поражен блеском драгоценностей и камней.

Правда, перья почти все искусственные, как и цветы; драгоценности редко сделаны из чистого золота, но почти всегда из сплавов или других позолоченных или не позолоченных металлов; все драгоценные камни изготавливаются фабричным способом. Но какое это

имеет значение? Разве все эти украшения поэтому менее красивы, разве они меньше украшают головы, которые их носят, разве они менее драгоценны как украшения, в особенности когда все женщины носят их и ни одна из них не может выставить напоказ другие? И все эти икарийки, которые презирают и отвергают всякую условную красоту, всякое пустое тщеславие, ценят только настоящие удовольствия и разумные чувства, разве они поэтому менее рассудительны, менее красивы и менее счастливы?

Ты был бы опьянен, вдыхая те нежные и восхитительные запахи, которыми пропитаны одежды женщин и даже мужчин, ибо икарийцы считают привычку к духам не только удовольствием для себя, но и обязанностью по отношению к другим. Тебя удивило бы разнообразие их масел и эссенций, их помад и паст, — одним словом, их духов для мужчин, как и для женщин, если бы ты и не знал, что вся страна покрыта цветами и что для них нет ничего легче и дешевле, как иметь духи для всего населения.

Если бы ты попал в республиканскую парфюмерию, тебе показалось бы, что ты находишься во дворце феи.

Все имеют одинаковую одежду, а это исключает зависть и кокетство. Но не думай, пожалуйста, что одинаковость исключает разнообразие. Напротив, именно в одежде разнообразие может самым счастливым образом совмещать свои достоинства с выгодами одинаковости. Не только оба пола одеты различно, но и в каждом из обоих полов человек часто меняет одежду соответственно возрасту и положению, ибо особенности одежды указывают все обстоятельство и различия положения отдельных лиц. Детство и юность, возраст половой зрелости и совершеннолетия, положение холостяка или женатого, вдовца или вновь вступившего в брак, различные профессии и разные функции — все это отличается в одежде. Все лица одного и того же положения носят одинаковую одежду, но тысячи различных форм одежды соответствуют тысячами различных положений.

Разница в одежде состоит в разнице материй или цветов и в разнице формы или некоторых особенных признаков.

Прибавь к этому, что если материя или форма бывает одинаковой, например, у молодых девушек одного возраста, то цвет может быть различным сообразно их вкусу или желанию, так как один цвет, как ты знаешь, идет лучше блондинкам, а другой — брюнеткам.

Прибавь еще, что для одного и того же лица простая и удобная рабочая одежда и одежда домашняя, элегантное платье для салона или публичных собраний и великолепное платье для праздников или церемоний совершенно различны.

И ты поймешь, что разнообразие костюма должно быть почти бесконечным.

Подумай только, что цветы дозволены лишь начиная с определенного возраста, шляпы, перья, драгоценности, камни, прекрасные материи — для других определенных возрастов, и ты

легко поймешь, что республика может производить их в достаточном количестве для небольшого числа лиц этих различных возрастов.

Представь себе теперь все население в полном сборе, в праздничных платьях, в цирках, на гуляньях или спектаклях, и ты поймешь, что ложи парижской и лондонской оперы, так же как и салоны и даже дворы этих двух столиц, не кажутся более блестящими и великолепными и что эти маленькие привилегированные общества являются только пигмеями в сравнении со всем населением Икары.

Рассказывать ли об изготовлении и распределении одежды!

Ты понимаешь, как легко для республики установить необходимое количество сырья, материи и одежды, произвести сырье на своих землях при помощи земледельцев или закупить его за границей, изготовить затем материи в массовом количестве в своих огромных мануфактурах при помощи мощных машин и сшить, наконец, платья в своих огромных мастерских силами рабочих и работниц.

Ты можешь даже догадаться, что форма каждой одежды рассчитана была таким образом, чтобы она могла быть изготовлена наиболее легко, скоро и по возможности экономно.

Почти все платья, головные уборы и обувь эластичны, так что могут подойти нескольким лицам разного роста и объема.

Почти все изготавливаются при помощи машин, целиком или (частично), так что рабочим остается сделать немного, чтобы закончить их.

Почти все делается в четырех или пяти разных номерах по ширине и величине, так что рабочие не имеют нужды предварительно снимать мерку.

Вся одежда, как и материи, изготавливается в огромных количествах и часто одновременно, а затем она складывается в огромных магазинах, куда каждый может всегда притти с уверенностью, что тотчас же найдет все необходимые предметы, которые ему полагаются по закону.

Мне нет нужды отмечать для тебя ни совершенство работы, выполняемой машинами или рабочими, которые всегда выделяют одну и ту же вещь, ни поразительную экономию, которая вытекает из этого массового производства, ни огромные потери, которых избегает республика, предупреждая капризные и смешные изменения моды.

Что касается распределения одежды, то каждый магазин имеет таблицу семей, которые он должен снабжать, с указанием количества, которое он должен доставлять. Он открывает счет каждой из них и посылает то, что ей следует, когда она выбрала, что ей подходит.

Чистка и починка составляют труд женщин в каждой семье, но эта работа очень невелика, а стирка, более хлопотливая, лежит на обязанности национальных прачечных.

Суди о прочем по всему тому, что ты теперь знаешь!

И если я хочу кончить пожеланием тебе счастья, то пожелаю

тебе, мой дорогой Камилл, скоро иметь такое отечество, как Икария.

Я направился к Вальмору, который назначил мне свидание в часовой мастерской, где работал один из его кузенов. Я привел с собой Евгения.

Нет нужды говорить, что Вальмор хорошо принял моего товарища и показал нам все до последних мелочей.

Это нечто удивительное! Все там собрано вместе — от необходимых материалов, находящихся в первом магазине, до стенных часов, маятников, карманных часов, аппаратов всякого рода, расположенных в последнем магазине, который кажется блестящим музеем.

Специальная часовая мастерская представляет собою здание площадью в тысячу квадратных футов. Все три этажа его поддерживаются железными колоннами, которые заменяют самые толстые стены и позволяют сделать из каждого этажа одну залу, прекрасно освещенную при самой простой системе освещения.

Внизу находятся огромные и тяжелые машины для резки металлов и изготовления вчерне разных частей. Наверху — рабочие, разделенные на столько групп, сколько изготавливается различных частей. Каждый рабочий всегда выделяет одни и те же части. Порядок и дисциплина господствуют среди них в такой степени, что их можно назвать армией солдат.

Приятно видеть также, в каком порядке расставлены полки, привязаны и привешены все инструменты.

Кузен Вальмора объяснил нам весь распорядок работы этой маленькой армии.

— Мы приходим в шесть часов без четверти, — сказал он, — снимаем свое платье в раздевальне, которую я сейчас покажу вам, и надеваем наше рабочее платье.

Ровно в шесть часов мы по звуку колокола приступаем к работе. В девять часов мы спускаемся на двадцать минут в столовую, чтобы позавтракать молча, пока один из нас громко читает утреннюю газету. В час работа прекращается, и когда все приведено в порядок, вычищено, мы спускаемся в раздевальню, где мы переодеваемся в свои костюмы, чтобы в два часа пойти пообедать вместе с нашими семьями и затем свободно располагать остатком дня.

Я забыл вам сказать, что в первые два часа работы мы соблюдаем строгое молчание, но в течение двух других часов мы можем говорить с нашими соседями, а в течение остального времени каждый поет для себя или для других, которые слушают его, и часто мы поем хором.

Мы вышли, удивляясь этому разумному распорядку, и направились посмотреть роскошный памятник, о котором я буду говорить позже.

Немного спустя после моего прихода к Корилле вошла дама и шесть или семь детей различного возраста, среди которых находилась молодая девушка прелестной наружности.

Вскочить, побежать к ней, снять с нее шляпу и обнять ее — все это для Кориллы было делом одного мгновенья.

— Я имею удовольствие, — сказал отец Вальмора, взяв меня за руку, — представить любезной госпоже Динаме почтенного милорда

Керисдолла, о котором ей должен был рассказать ее сын. Он наш друг...

— А следовательно, и наш, — прибавила эта дама самым любезным тоном.

— А я, — сказала в свою очередь Корилла, взяв меня за руку и стараясь говорить торжественно, — имею честь... представить доброго мистера Вильяма злой... [я бы сказал: очаровательной, точно и без меня не видят этого] Динаизе, которая скрывает дьявола под наружностью ангела и расцарапала бы мне лицо, если бы никого не было, чтобы меня защитить.

— Ты никогда не перестанешь сумасбродничать, — ответила мадемуазель Динаиза, покраснев.

Трудно сказать, что испытал я, услышав этот голос: это был голос невидимки! Я чувствовал, что краснею или бледнею. К счастью, пылкие ласки детей, которые бегали от одной к другой, мешали заметить мое смущение.

Но каково было мое замешательство, когда насмешливый Вальмор громко сказал мадемуазель Динаизе:

— Вы узнаете пассажира, который ехал с вами, но вы не знаете, что он сказал о вас...

— А что он сказал? — воскликнула Корилла.

— Что сказал он? — воскликнули все.

— Могу ли я повторить это, Вильям?

— Да, да! — закричали со всех сторон.

— Ну, так вот, он сказал... он сказал, что скрывающаяся под вуалью и шляпкой невидимка была, несомненно, ужасно безобразна.

Это вызвало продолжительный взрыв смеха и град шуток по поводу моего искусства угадывать.

— Я не мог тогда думать, — сказал я, почти пролепетав мои слова, — что наружность человека должна быть красива, когда он обладает таким божественным голосом.

Но мой комплимент показался таким неудачным, что заставил Динаизу еще больше покраснеть: он не помешал Корилле и другим беспощадно повторять: «безобразная», «ужасная», «страшная».

Скоро, однако, занялись музыкой, и Корилла, которая подала пример, пела еще лучше, чем прежде.

Мадемуазель Динаиза не хотела петь, но Корилла так настойчиво и ласково просила ее, что она в конце концов согласилась. Она пела робко и плохо, но таким голосом... голосом, который заставлял меня тихо дрожать с головы до ног.

— Не судите о Динаизе по ее робости, — сказала мне мать Вальмора, около которой я сидел, — она очень умна и образованна; это лучшая из дочерей, сестер и подруг. Она привязана к другим, любит их, мила и обходительна, как никто, она забывает о себе и заботится только о других; она обожает своего брата Динара, и если бы была менее застенчивой, менее меланхоличной или менее робкой, она была бы так же любезна, как моя Корилла. Семья ее тесно связана с нашей; брат ее — друг детства Вальмора; она первая подруга моей дочери, она любит

меня, как свою мать, я люблю ее, как свое дитя, и скоро буду иметь удовольствие дать ей это имя, ибо Вальмор безумно влюблен в нее, родители ее так же желают этого брака, как и мы, и через несколько дней мы назначим день их свадьбы.

— Довольно, довольно, — сказала мне Корилла, приближаясь к нам, — теперь ваша очередь петь, г-н Вильям, одному, или с Динаизой, или со мной, выбирайте. Вы очень счастливы, что я предоставляю вам выбор, но вы будете петь.

Мне не хотелось петь, и я извинился насколько мог лучше.

— Вы мне отказываете, — сказала она, — и никто не присоединяется ко мне, чтобы заставить непокорного! Ну, хорошо! Я отомщу вам всем и распорядюсь вами: завтра мы все поедем смотреть подъем воздушных шаров, и мы подыдем вместе с милордом. После завтра мы проведем вечер у госпожи Динаме и будем заниматься музыкой. Милорд изучит эту пьесу во время воздушного путешествия, и если под чистым небом к нему вернется его голос, он в случае счастливого возвращения будет петь один, затем с Динаизой, затем со мной... Так я постановляю, правда, с согласия доброй госпожи Динаме и с утверждения нашего грозного суверена и господина. Дедушка и госпожа Динаме засмеялись, мать назвала ее сумасбродкой, мадемуазель Динаиза, казалось, была на нее сердита, но дети аплодировали, прыгая от радости, и вопрос об увеселительных прогулках был решен.

Глава девятая. ЖИЛИЩЕ. ОБСТАНОВКА

Я писал письмо в Англию, когда вошел Евгений, чтобы пригласить меня осмотреть внутренний вид дома одной знакомой семьи, хозяйка которого обещала ему показать его во всех деталях. Я принял его предложение, и мы вышли.

Жилище

Зная, что Икар установил образцовый план дома после совещания с жилищным комитетом и всем народом, после того как исследовал дома различных стран, я ожидал найти дом, совершенный во всех отношениях, в особенности с точки зрения удобства и чистоты. И все же мои ожидания были превзойдены.

Я буду говорить здесь не о внешнем виде и не о том, что касается украшения улицы и города, но о том, что интересует жильца дома.

Здесь было собрано все, что можно представить себе необходимого и полезного и даже приятного.

Каждый дом имеет четыре этажа (не считая партера), каждый в три или четыре «ли пять окон шириною.

Под партером находятся погребка, погребки, дровяные и угольные сараи, пол которых на пять или шесть футов ниже, чем тротуар, а свод на три или четыре фута выше. Хозяйка объяснила нам, каким образом дрова, уголь и все остальное доставляется машинами от возов до этих подземных помещений без прикосновения к тротуару и без загрязнения его. Она показала нам затем, как все эти предметы поднимаются в корзинах или вазах через отверстия в своде до самой кухни и верхних

этажей при помощи небольших машин, которые делают ненужным употребление человеческой силы.

В партере нет никаких лавок, нет помещения для швейцара, нет конюшен, сараев, ворот, ни вестибюля, ни двора, зато мы находим там столовую, кухню и все необходимые для нее помещения, небольшую приемную, которая служит библиотекой, ванную с домашней аптечкой, маленькую мастерскую для мужчин и другую для женщин, со всеми инструментами, в которых имеется нужда в хозяйстве, небольшой птичий двор, кладовую для садовых орудий и сад, расположенный за домом.

В первом этаже помещается большой салон, где находятся музыкальные инструменты. Остальные комнаты первого этажа, равно как и комнаты других этажей, представляют спальни или помещения, назначенные для всякого иного употребления.

Все окна открываются внутрь и снабжены балконами.

Все расположено так, чтобы сделать лестницы удобными и изящными, не отводя для них слишком много места.

— Какой прекрасный вид! — воскликнул я, поднявшись на террасу, окруженную балюстрадой и обсаженную цветами. Она как бы окружает дом венком и образует еще другой прелестный сад, из которого открывается великолепный вид.

— В хорошие летние вечера, — сказала хозяйка, — почти все семьи собираются на своих террасах, чтобы подышать свежим воздухом. Они там поют, занимаются музыкой и ужинают. Вы это увидите. Это нечто очаровательное!

Другая маленькая терраса, украшенная цветами поверх нависающей над тротуаром галереи, и цветы почти на всех балконах еще более усиливают привлекательность жилища и наполняют окружающий воздух благоуханием.

Дождевая вода, спускающаяся с террас, не причиняет никаких неудобств; собираемая в резервуаре или цистерне, она используется так же целесообразно, как источник и колодцы, из которых легко черпают воду при помощи насосов.

Мы — Евгений и я — удивлялись также устройству каминов и системе отопления, распространяющей всюду, с соблюдением величайшей экономии, одинаковую и мягкую теплоту с полной гарантией от дыма и пожаров.

Эти две маленькие статуи, которые вы видите на камине, республика присудила изобретателям средств против пожаров и дыма. Посмотрите, как все скомбинировано в конструкции здания и в выборе материалов, чтобы охранить их от огня! Вот почему мы почти не знаем пожаров ни в наших домах, ни в мастерских, и если вспыхивает пожар, то его почти мгновенно тушат. Говорят даже, что уже нашли средство, чтобы в случае надобности делать дерево и материю негорючими.

— Посмотри, — сказал мне Евгений, — двери и окна двигаются без всякого шума на шарнирах, плотно закрываются и совершенно преграждают доступ внешнему воздуху.

— И, несмотря на это, — сказала хозяйка, — вы видите, как, не

открывая дверей и окон, мы прекрасно вентилируем все наши помещения при помощи этих отверстий, которые выходят наружу и закрываются или открываются по желанию!

Но в особенности удивила меня система, придуманная для соблюдения чистоты, а также система, ставившая целью освобождение женщины от всякой тяжелой и грязной работы в домашнем хозяйстве.

Для соблюдения чистоты приняты все меры. Нижние части помещений, больше всего подвергающиеся загрязнению, покрыты оглазуренным фаянсом или краской, которая не допускает грязи и легко моется. Питьевая и непитьевая вода, получаемая из высоких резервуаров и поднимающаяся до верхней террасы при помощи труб и кранов, распределяется по всем этажам и даже по всем комнатам или спускается машинами для мытья, тогда как грязная вода и нечистоты, нигде не застаиваясь и не распространяя никакого дурного запаха, уносятся широкими подземными трубами, которые проведены под улицами. В местах наиболее зловонных техника потратила особенно много усилий, чтобы изгнать из них все неприятное, и одной из самых красивых статуй, присужденных республикой, является та, которую можно видеть во всех домах над дверью маленького очаровательного кабинета: она должна увековечить имя женщины, которая изобрела средство для устранения неприятных запахов.

Даже грязь, которую ноги могут принести с собой извне, составляет предмет особого попечения. Независимо от того, что тротуары в высшей степени чисты, устроено бесконечное множество мелких приспособлений, чтобы грязные ноги не пачкали комнаты и даже порог двери и лестницу, между тем как воспитание приучает детей к соблюдению чистоты как одной из первых обязанностей.

Мусор и всякие отбросы складываются таким образом, что если их нельзя использовать как удобрение для сада, то можно убрать, не испытывая к этой операции отвращения и не тратя на нее большого труда. Что касается хозяйства, которое должно вестись в каждой семье не слугами, а женщинами и детьми, то я не переставал удивляться той заботливости, с какой республика устраняет из домашних работ все, вызывающее утомление и отвращение.

— Подметать не представляет почти никакого труда, — сказала мать семейства, — а другие работы еще менее утомительны. Не только воспитание и общественное мнение приучают нас, женщин, выполнять наши обязанности без стыда и раздражения, но они делают для нас эти обязанности приятными, непрерывно напоминая нам, что это единственное средство пользоваться неоценимым преимуществом обходиться без наемных людей в обслуживании нас и наших семей.

К тому же благодаря нашему доброму Икару и нашей возлюбленной республике все помыслы наших мужей постоянно устремлены к цели — сделать нас счастливыми и упростить наши домашние работы. Завтрак и обед, две главных трапезы, происходят вне дома и готовятся общественными поварами, тогда как пошивка всей нашей одежды, мужской и женской, а также стирка белья выполняются мастерскими

республики, так что нам приходится заботиться только о содержании в порядке одежды и о приготовлении самых простых блюд для двух трапез, требующих лишь наиболее приятной кухонной работы.

А наша кухня — посмотрите ее. Обратите внимание на плиту, печь, краны для холодной и горячей воды и на все эти маленькие инструменты и орудия. Скажите мне, можно ли себе представить что-нибудь более чистое и более удобное, и разве не правда, что архитектор, который все это так построил, чтобы мы любили свои работы, столь же остроумен, сколь и галантен!

Поэтому наши молодые девушки любят петь чудесную песню в честь молодого и галантного строителя кухонь.

— Но главная заслуга принадлежит не архитектору, — заметил Евгений, — а республике, этому самому отеческому правительству или самой нежной из матерей, которая все устроила к благу и удовольствию своих детей. Несчастливая Франция!..

— Вы правы, мой дорогой друг, — прибавил я сейчас же, чтобы прервать его и предупредить повторение его патриотического энтузиазма.

— Да, — сказала хозяйка, — если бы наша республика подверглась когда-либо нападению наших мужей, мы немедленно развелись бы с ними, старые и молодые, мы стали бы ее защищать! Вы имели бы даже удовольствие слышать, как наши дочери каждое утро клянутся сделать это в другой песне, ибо они работают по хозяйству или в мастерских всегда при звуке песен (так все мы счастливы), и вы можете верить, что их платье хозяйек и работниц нравится им больше, чем платье для праздников или отдыха.

Таков дом в Икарии! И все дома города внутри абсолютно одинаковы, и каждый дом занят! только одной семьей.

Но дома имеются трех размеров — в три, или четыре, или пять окон в ряд для семей, насчитывающих меньше двенадцати, двадцати пяти или сорока человек. Когда семья более многочисленна (что случается часто), она занимает два небольших дома, сообщающихся при помощи внутреннего хода; так как все дома одинаковы, то соседняя семья обыкновенно охотно уступает свой дом, чтобы занять другой, или коммунальное должностное лицо принуждает ее к этому в случае отказа, если многочисленная семья не может найти два свободных смежных дома.

В этом случае, ввиду того, что обстановка абсолютно одинакова, как и дома, каждая семья уносит с собой только личные вещи и покидает свой вполне благоустроенный дом, чтобы занять другой, столь же благоустроенный.

Эти перемены жилья, впрочем, так редки, что республика избегает огромной потери мебели и труда, вызываемой в других странах перемещением и перевозкой всего движимого имущества в постоянных переездах с одной квартиры на другую.

Но самый остов дома или его расположение — это только одна часть, и, чтобы получить полное представление об икарском жилье, нужно

еще рассмотреть его обстановку.

Обстановка

В отношении обстановки сохраняют свою силу те же самые правила: все необходимое, все полезное (что мы называем комфортабельным) и, поскольку возможно, приятное; во всем предусмотрительность и рациональность.

Поэтому всюду можно видеть паркет и ковры, всюду вместо острых выступов и углов округленные формы для того, чтобы избежать несчастных случаев с детьми, а также и со взрослыми. Дверцы шкафов так герметически закрываются, что пыль не может в них проникнуть. Вообще, как заметила хозяйка, по отношению к мебели заботливо приняты такие меры, что пыль не может сесть на нее, или же пыль легко ежедневно сметать. Эта милая дама объяснила нам также с некоторой гордостью, что все выступы и углубления (например, образуемые стенами или панелями) заботливо покрыты гипсом или мастикой и всюду округлены, для того чтобы их легче было чистить.

Она показала нам также с видимым удовлетворением все меры предосторожности, принятые для предохранения жилищ от всяких насекомых, которыми они некогда изобиловали, к прискорбию обитателей, и я должен признать, что все эти маленькие меры предосторожности понравились мне столько же, сколько самые большие красоты квартир.

Все эти квартиры снабжены стенными и простыми шкафами, буфетами, полками и т.д. Стены устроены так, что эта мебель неподвижна; она вделана в них, прислонена или приложена к ним и состоит только из внутренних отделений или ящиков с дверцами спереди и, иногда, с полками сверху, что обеспечивает огромную экономию труда и материала.

Все стены обиты обоями или материей или разрисованы, покрыты лаком и снабжены плакатами в рамках, содержащими не картины, а весьма поучительные прекрасные наставления из области общепользных знаний.

Плакаты в кухне, например, указывают наиболее обычные рецепты, так что кухарка может в них сейчас же найти необходимые ей указания, не обращаясь к большой книге. В ванной плакаты указывают температуру, время и т.д., необходимые для пользования ванной. В комнате кормилицы плакаты напоминают с одного взгляда обо всех необходимых мерах предосторожности для кормилицы и ее питомца. В комнате детей плакаты указывают все, что они должны делать в течение дня. Но в этих рамках очень мало гравюр или картин, так как каждый может в национальных музеях и в общественных зданиях видеть коллекции картин, гравюр и статуй.

Все кровати — из железа, спальни меблированы очень просто, хотя и содержат все необходимое, а также особые уборные для мужчин и женщин.

Столовая и небольшая приемная убраны лучше, ванная комната очаровательна, а гостиная великолепна.

Мы знали, что всякая часть мебели в комнатах, спальне, столовой и т.д., находящаяся в доме, допущена законом, изготовлена и доставлена по распоряжению правительства и каждая семья имеет нечто вроде атласа или большого портфеля, в котором содержится список этой «законной» подвижности с гравюрами и эстампами и описывается вид и качество каждого предмета. Мы пожелали видеть эту любопытную книгу и пробежали ее с таким же интересом, как и удовольствием.

— Каждый предмет из этой мебели, — сказала нам хозяйка, — был выбран из тысяч такого же рода и принят по конкурсу соответственно рисунку-образцу. Предпочтение отдано было наиболее совершенному с точки зрения удобства, простоты, экономии времени и материала, наконец, изящества и красоты. И результаты налицо!

Мы были, действительно, очарованы всем, что нас окружало. В коврах, обивке, обоях, мебели разного рода, одним словом, всюду, мы с удивлением замечали простоту, изящество и вкус а выборе цветов, рисунков и форм.

И еще больше удивляло меня то, что во всей этой, мебели блистали самые ценные материалы, все металлы, золото и серебро, мрамор и камни, фарфор и всякого рода глины, кристаллы и стекла, дерево всех видов, материи разных качеств и разного цвета, — одним словом, всякие минеральные, растительные и животные продукты.

Когда я на каждом шагу выражал свое изумление, Евгений сказал мне:

— Я сперва удивлялся, как и вы, но мне объяснили, что все материалы, добываемые из недр Икарии, в глазах республики одинаково ценны, если она имеет их в изобилии, и республика, например, доставляла бы семьям лопаты из золота и серебра, столь же охотно, как лопаты из железа, если бы все три металла были одинаково распространены. Она делит все золото и серебро между гражданами, как она делит между ними железо и свинец. Когда какое-нибудь вещество слишком редко встречается, чтобы его можно было дать всем, его не дают никому, и если оно полезно или приятно, то его используют только для общественных зданий.

— Так вот, — продолжал он, — не понимаете ли вы теперь, как и я, что драгоценные предметы, собранные некогда в дворцах королей и аристократии, имеются в достаточном количестве, чтобы каждый дом получил свою долю?

— Заметьте, между прочим, — продолжала хозяйка, — что легированное золото и серебро, искусственные кристаллы и сфабрикованные камни в наших глазах так же хороши и прекрасны, как и чистое золото и серебро, алмазы и драгоценные камни, и республика имеет достаточно сплавов и смесей, чтобы доставить их каждой семье в нужном количестве. Таким образом, зеркала, кристаллы, стекла, люстры, бронза, алебастр и гипс, искусственные цветы и духи, — одним словом, все, что республика добывает или производит, все она делит между гражданами. И заметьте, как совершенно все, что касается освещения! Не только наши лампы, наши сальные свечи и наш газ не

распространяют никакого дурного запаха, но наши масла, наши восковые свечи и все наши другие материалы парфюмированы, и все вместе чаруют обоняние и зрение, не утомляя их.

Внимательно рассмотрите и наш салон.

Хотя я видел уже такие салоны, я был, однако, поражен, осмотрев его с большим вниманием во всех деталях. Не буду перечислять здесь всех его удобств и красоты и ограничусь лишь утверждением, что ни в одном дворце я не видел ничего более изящного, более элегантно и великолепно.

— И все дома в Икарии похожи на этот! — воскликнул восторженно Евгений. — Счастливая страна!

— И это однообразие не утомительно, — прибавил я.

— Прежде всего, это бесценное благо, — сказала хозяйка, — даже необходимость и является основой всех наших учреждений; затем оно комбинируется с бесконечным разнообразием в каждой части. Посмотрите: в этом доме, как и во всех других, вы не увидите двух комнат, двух дверей, двух каминов, двух ковров, которые были бы похожи друг на друга, и наши законодатели сумели соединить все привлекательные стороны разнообразия со всеми выгодами однообразия.

Мы ушли, вполне очарованные, поблагодарив хозяйку за ее любезную предупредительность и поздравив ее с тем, что она является членом такого разумного и счастливого народа.

Я с нетерпением ждал полета на управляемых воздушных шарах, а Евгений, которому я предложил пойти со мной, горел не меньшим нетерпением увидеть мадемуазель Динаизу. Но представьте себе мое разочарование, когда, придя к Вальмору, я узнал, что мадемуазель Динаиза не может притти, она не может нас принять даже завтра, а только на третий день, Корилла же находится у своей подруги и тоже не может пойти с нами. Мы отправились одни, Евгений, Вальмор и я, и не знаю, кто из нас больше всех досадовал, хотя мы все, казалось, философски покорились своей судьбе.

— Как это возможно, — спрашивал я по пути Вальмора, — управлять шаром в воздухе?

— А разве не говорили то же самое, — ответил Вальмор, — до изобретения кораблей, компаса, до открытия Америки, введения оспопрививания, до изобретения громоотвода, садовых машин, воздушных шаров и тысячи других вещей?

— Нужно было найти точку опоры, и казалось невозможным найти ее в воздухе. Но ведь говорили также, что необходимы вещи, которые невозможно открыть, и все же их открывали. А затем, кто может сказать, что безусловно необходима точка опоры? Или кто может сказать, что эта точка опоры не может быть найдена в воздухе? Конечно, можно сказать, как скажет слепой: «Я не вижу солнца». Но точно так же, как слепой был бы неправ, говоря: «Нет солнца», так никто не имеет права сказать: «Невозможно управлять воздушным шаром».

— Но, — сказал Евгений, — теперь это уже не проблема, ибо мы сейчас увидим, что можно управлять воздушным шаром по своей воле.

— Сначала было много несчастных случаев, — прибавил Вальмор, — как и с паровыми машинами и даже с паровыми повозками. Многие шары сгорели, или были разбиты молнией, или спускались слишком быстро, или падали на острые возвышения или в море, многие воздухоплаватели погибли, но наши ученые были так убеждены, что дело кончится успешно, что республика предоставила в их распоряжение все средства, чтобы возобновить опыты. В результате всех этих опытов случай помог открыть то, что начинали считать невозможным. Найдено было средство разрешить все трудности, и вот уже два года, как воздушное путешествие является не только самым скорым и самым приятным, но и таким, которое представляет менее всего риска и опасности.

Когда он заканчивал свои объяснения, мы прибыли на место. Какое зрелище! В огромном дворе, наполненном зрителями, пятьдесят колоссальных воздушных шаров, из которых каждый в своей украшенной различными цветами гондоле вмещал от сорока до пятидесяти человек, ожидали начала отправления, как пятьдесят почтовых карет или пятьдесят дилижансов.

По сигналу, данному рожком, пятьдесят шаров величественно поднимаются среди взаимных приветствий пассажиров и зрителей, при звуках рожков, которые слышны еще некоторое время вверх. Затем, достигнув определенной высоты, различной для каждого из них, они выбирают себе разные направления и исчезают, как ветер, но еще долгое время за ними можно следить с помощью сотен направленных на них телескопов.

— Их направляют по желанию, — сказал мне Вальмор, — направо или налево, вверх или вниз, замедляют или ускоряют их полет. Они останавливаются и часто спускаются в городах, расположенных на их пути, чтобы высадить пассажиров или взять других.

Говорят даже, что они скоро возьмут на себя перевозку почтовой корреспонденции. Прибавляют еще, что ими будут пользоваться вместо телеграфа.

В это время мы услышали крик: «Вот он!» Это был шар из Моры, прибытия которого ждали; он уже виднелся, как точка, на горизонте.

Мы его скоро увидели над нашими головами. Он сделал поворот и медленно опустился на землю, высадил пассажиров и выложил пакеты.

Никогда не забуду я впечатления, которое произвел на меня вид этих прибывающих и отбывающих шаров. Размышления, которые оно породило, вызвали во мне состояние, похожее на экстаз. Мне казалось, что это сон, и я, должно быть, был похож на безумного.

— Эта новинка сначала произвела на всех такое же впечатление, — сказал Вальмор. — Теперь это зрелище удивляет нас не больше, чем вид пароходов или вагонов без лошадей, которые мы видим каждый день. Но что скажете вы, когда вы через несколько дней увидите воздушное празднество!

— Я слышал даже, — сказал Евгений, — что вы имеете подводные суда, которые двигаются в воде, как воздушные шары в воздухе.

— Это правда: мы нашли средство подражать механизму рыб, как и

механизму птиц, и передвигаться в воде, пробегая все глубины, как мы передвигаемся в воздухе, пробегая все высоты. Вы прочтете описание наших подводных и воздушных путешествий, и вы увидите, что море представляет удивленному взору людей почти столько же чудес, сколько небо и земля. Вы будете одинаково удивлена — я убежден в этом, — когда вы узнаете все наши другие открытия за последние пятьдесят лет и все чудеса нашей промышленности.

— Но так как вы хотите, — прибавил он, обращаясь ко мне, — чтобы мы руководили изучением вами нашей страны, то я приглашаю вас сперва хорошо ознакомиться с нашей системой воспитания. Динар, который обещал вам объяснить ее, поручил мне сказать вам, что завтра он будет в вашем распоряжении, и если случайно господин Евгений пожелает вас сопровождать, то я уверен, что наш друг имел бы такое же удовольствие видеть его, какое я испытал, познакомившись с ним.

Глава десятая. ВОСПИТАНИЕ

Так как Евгений получил приглашение, помешавшее ему пойти вместе со мной, я отправился один к Динару.

— Вы, значит, желаете, милорд, — сказал он мне, — ознакомиться во всех деталях с организацией и состоянием нашей счастливой страны и хотите начать с воспитания. Вы вполне правы, ибо воспитание является для нас основой и фундаментом всей нашей социальной и политической системы, и именно ему народ и его представители посвятили, быть может, наибольшее свое внимание.

Вспоминаю прежде всего, что в эпоху нашего возрождения многочисленный комитет подготовил организацию общественного воспитания, изучив предварительно все древние и новые системы и собрав все мнения.

Затем закон регулировал различные виды воспитания (физическое, умственное, нравственное, профессиональное и гражданское) и для каждого из этих видов — предметы воспитания, время и порядок учебы и методы преподавания.

Все икарийцы, без различия пола и профессии, получают одинаковое общее, или элементарное, воспитание, охватывающее элементы всех человеческих познаний.

Все лица, работающие по одной и той же промышленной или научной профессии, получают, кроме того, одинаковое специальное, или профессиональное, образование, включающее всю теорию и практику этой профессии.

Воспитание разделяется на домашнее, которое проводится родителями в семье, и общественное, или общее, вверенное народным учителям в общественных школах.

Вы сами понимаете, что республика может легко найти любое число нужных ей воспитателей или воспитательниц, потому что учительство считается самой почетной профессией, если принять во внимание, что оно наиболее полезно для общества и наиболее влияет на общее благосостояние.

Вы поймете также, что эти учителя могут легко приобрести в учительских семинариях все желательные знания и практическую сноровку, а в особенности искусство терпения, мягкости и отеческой доброты. Но вам трудно самому разобраться, и я должен вам тут же объяснить вот что: за последние пятьдесят лет в результате абсолютно одинакового воспитания для всех, каждый приучался передавать приобретенные им познания другим, и теперь нет отца, который не был бы в состоянии воспитать своих сыновей, матери, которая не была бы способна воспитать своих дочерей, нет брата или сестры, которые не были бы достаточно обучены, чтобы обучать своих младших братьев или сестер. Нет даже просто мужчины или женщины, которые в случае нужды не могли бы воспитать своих более молодых соотечественников.

Я начинаю теперь с физического воспитания, которое мы считаем основой всех других видов воспитания.

Физическое воспитание

Комитет все предвидел и все обсудил; народный закон все регулировал.

Вам надо с самого начала знать, что республика заботится о своих детях не только со времени их рождения, но даже и в период беременности их матерей.

Сейчас же после брака молодые супруги обучаются всему, что они должны знать в интересах матери и детей, так как республика распорядилась, чтобы были составлены сочинения по анатомии, гигиене и т.п., и открыла необходимые для этого курсы.

Новые инструкции на время беременности указывают все предосторожности, которые мать должна принимать для себя и будущего ребенка.

Роды происходят в присутствии членов семьи и почти всегда нескольких акушерок.

Врачи постоянно составляют новые инструкции, указывающие в мельчайших деталях все, чего требует здоровье матери и физическое состояние ребенка.

Не думайте, что хотя бы одна женщина не знает того, что она должна знать. Так как создание для республики возможно более совершенных и счастливых детей считается наиболее важной из всех общественных функций, то конституция ничего не упускает для того, чтобы воспитание сделало матерей способными в совершенстве выполнять эту функцию.

Нет ничего интереснее курсов материнства, которые читаются специально подготовленными для этого матерями семейств для будущих молодых матерей, счастливых тем, что они несут в себе первый плод самой чистой любви, ибо только в период беременности они посещают эти курсы, на которых могут присутствовать из мужчин только их мужья.

Там обсуждаются тысячи вопросов, относящихся не только к кормлению ребенка и отнятию его от груди, прорезыванию зубов, обучению ходьбе, его питанию, одежде и купанию, но и к развитию и усовершенствованию каждого его органа, так как мы убеждены, что

ребенок может быть известным образом так же сформирован, как и растения и животные, и что пределы усовершенствования человеческого рода еще неизвестны.

Я прибавлю, забегая вперед, что так как на матери лежит воспитание ребенка до пяти лет, то ее инструктируют также по всем вопросам, касающимся умственного и нравственного воспитания.

И мы придаем такое значение этому начальному воспитанию, проводимому матерями под руководством отца, что республика издает журнал для матерей, где печатаются все полезные указания. Судите, сколько собирается указаний такого рода, когда все женщины и все мужчины достаточно обучены, чтоб делать их!

Вы замечаете уже, что, в то время как прежде наши женщины и мужчины были только большими детьми, неспособными воспитать других, наши матери и отцы теперь являются женщинами и мужчинами, достойными этого имени и вполне способными вести воспитание своих семей и сделать из детей настоящих мужчин и настоящих женщин.

Следствия этого первого большого нововведения неисчислимы, и вы найдете еще массу нововведений такого же рода.

Если ребенок рождается больным или уродливым, то ему оказывается всяческая помощь на-дому у матери или, в случае необходимости, в специальной лечебнице, и мало таких болезней или уродств, которых врачебное искусство не могло бы излечить или исправить при помощи недавно изобретенных искусных инструментов, доставляемых республикой, никогда не останавливающейся перед расходами.

Бесполезно говорить вам, что мать всегда сама кормит своего ребенка, и в тех редких случаях, когда она не может выполнять этот долг и наслаждаться этим счастьем, всегда находится достаточно родственниц, или подруг, или соседок или согражданок, которые с удовольствием соглашаются стать второй матерью ребенка. Для этой цели коммунальное должностное лицо и акушерки имеют всегда список всех женщин, которые в случае нужды способны заменить мать.

Мать не покидает своего ребенка ни во время кормления, ни после него. Она всегда имеет его перед глазами, она окружает его нежностью и, как благодетельная богиня устраняет все несчастные случайности, которым подвергали ребенка некогда наемные руки.

Если бы вы знали, как заботятся и ухаживают все окружающие за нашими матерями во время беременности и кормления, как их почитают и уважают, как спокойны они, без забот, — одним словом, как счастливы и какое хорошее молоко приготавливают детям их счастье и здоровье!

Вы не можете себе представить все открытия, которые сделаны за последние сорок лет в области воспитания детей, все улучшения, введенные за это время, все старания, которые пускают в ход теперь матери, чтобы развить физическую силу и красоту, совершенство зрения, слуха, рук и ног детей!

Посмотрите на наших детей! Видели ли вы где-нибудь более красивых, более сильных и лучше сложенных? И если вы сравните наши

различные поколения со времени нашей счастливой революции, то увидите, что наше население непрерывно улучшалось и совершенствовалось.

Со дня рождения ребенка мать старается привить ему все физические навыки, которые впоследствии пригодятся ему.

С трех до пяти лет все дети с одной улицы, мальчики и девочки, вместе играют и гуляют под надзором своих матерей или некоторых из них.

С того момента, когда ребенок достаточно окреп, начинаются в родительском доме, а затем в школе все гимнастические упражнения, заботливо установленные законом, чтобы развить и усовершенствовать все члены и органы тела.

Все игры ставят себе целью развить грациозность, силу и здоровье.

Хорошо ходить, бегать, прыгать во всех направлениях, карабкаться, взбираться, спускаться, плавать, ездить верхом, танцевать, кататься на коньках, фехтовать, проделывать., наконец, военные упражнения,— все эти упражнения и игры укрепляют тело и совершенствуют его. Некоторые производственные и земледельческие работы, самые простые, дают тот же эффект и доставляют то же удовольствие.

Я сказал сначала — хорошо ходить (т.е. ходить легко, с грацией и долго), потому что в наших глазах — это талант, и талант первой необходимости, которому мы учимся с детства, присоединяя к нему затем танцы и разного рода упражнения. Все прогулки школьников почти всегда носят военный характер.

И большинство этих упражнений обязательно для девочек, как и мальчиков, даже плавание и верховая езда с подходящими упражнениями.

Наблюдайте нашу молодежь и все население, когда дети, мужчины или женщины ходят одни, или парами, или группами! Разве не правда, что наши мужчины совмещают гибкость с силой, а женщины — грацию с здоровьем? Вполне естественно, что от них должны рождаться поколения детей более крепких и более красивых, чем их отцы и матери.

Но вы увидите, что наше умственное воспитание ни в чем не уступает физическому.

Умственное воспитание

Нет нужды повторять вам, что и в этой области тоже все было предусмотрено и обсуждено комитетом и предписано народом или законом.

Вы не забыли также, что либо книги, либо курсы материнства обучают молодых супругов хорошо воспитывать детей.

Однако вы не можете себе представить заботливость, с которой во всех семьях республики наблюдают, изучают, культивируют развитие ума! Если бы вы видели, с какой настойчивостью и удовольствием, в особенности в первые годы детства, мать постоянно, а отец после работы, занимаются воспитанием своего ребенка и соревнуются, лаская его!

Так, еще раньше, чем он научится выражать свои мысли, ребенок

обнаруживает поразительную понятливость, которая позволяет ему приобрести массу положительных сведений, часто меня поражавших.

До пяти лет проводится домашнее воспитание, и в течение этого времени матери и отцы обучают детей родному языку, чтению, письму и множеству положительных и практических сведений.

Всегда именно мать требует для себя чести и славы дать как сыну, так и дочери первые элементы человеческих знаний. Каждая икарыйская женщина всегда готова ответить, как мать Гракхов,¹⁵ указав на своих детей «Вот мои драгоценности!»

В пять лет начинается общественное воспитание, до семнадцати и восемнадцати лет совмещающееся с домашним, ибо дети отправляются в школу только в девять часов, после завтрака, а возвращаются в шесть часов, после учения и двукратного приема пищи в школе.

Как и все остальные члены семьи, дети всех возрастов встают в пять часов.

До восьми часов с половиной дети под руководством старших занимаются хозяйством, туалетом и уроками.

Вечером, по возвращении, они находятся в семье и распределяют свое вечернее время между прогулкой, играми, беседой и уроками, но все так рассчитано и согласовано, что всегда является частью воспитания.

Ребенок затем приучается хорошо читать вслух, хорошо произносить, а позже он проходит курс декламации, чтобы быть в состоянии доставить удовольствие другим, прочитав какой-нибудь отрывок — исторический, политический, драматический, или речи оратора.

Таким образом, в то время как прежде трудно было найти одного человека на тысячу, который умел бы хорошо читать и хорошо говорить, вы теперь не найдете ни одного на тысячу, кто не мог бы этого делать. Вы услышите наших детей, наших беседы, наших профессоров, наших священников, наших врачей, наших ораторов и наших актеров!

Ребенок учится также письму под руководством своей матери, и с того момента, как он научился писать, не допускают, чтобы он писал неразборчиво. Таким образом, вы увидите, что многие икарыйцы пишут очень хорошо, многие (имеющие специальность копиистов) пишут великолепно; но вы не найдете ни одного неразборчивого почерка, ибо, по нашему мнению, нет ничего легче, как писать разборчиво, а потому ничего более непростительного, как неумение делать это, а также нет ничего более смешного и более дерзкого, чем писать свое имя, адрес или письмо таким манером, что другие лишь с великим трудом могут разобрать написанное.

Наш язык так правилен и легок, что мы усваиваем его незаметно, и менее месяца достаточно, чтобы хорошо усвоить его правила и теорию под руководством наставника, который не столько занимается простым изложением грамматики, сколько заставляет своих учеников составлять ее.

Литература является более поздним занятием, точно так же как и

ораторское искусство. Но как только ребенок научился писать, мать приучает его сочинять коротенькие письма и небольшие рассказы для отсутствующих родных и товарищей. Она приучает его также рассказывать устно, отвечать, спрашивать и даже дискутировать.

Вас удивила, как мне показалось, плавность, с которой наши дети рассказывают что-нибудь, но вы были бы еще более удивлены, если бы знали плавность и грацию их письменных рассказов.

Что касается изучения латинского, греческого и других древних и живых иностранных языков, то мы не хотим, чтобы наши дети теряли на эту скучную учебу драгоценное время, которое может быть употреблено более полезным образом.

Наши ученые могут найти в наших публичных библиотеках все иностранные произведения, древние и новые, мы находим там также переводы всех этих произведений, по крайней мере наиболее полезных, и, следовательно, мы можем использовать опыт всех времен и всех народов, не зная их языков.

Что касается изучения этих языков только с филологической и литературной точки зрения, то это такое слабое преимущество, когда есть столько других вещей, более полезных для изучения, и в особенности когда владеешь таким совершенным языком, как наш, что мы считаем чудовищной нелепостью старый обычай тратить все время молодости на изучение греческого и латинского. Мы даже убеждены, что наши старые тираны навязывали эти бесполезные занятия, чтобы помешать своим подданным учиться.

Мы, однако, имеем известное число молодых людей, которые изучают древние языки и иностранные, но к ним принадлежат лишь те, кто превращает это в профессию, как переводчики, толкователи, профессора, ученые и путешественники, посылаемые республикой в чужие страны.

Изучение этих языков является, следовательно, профессией, и эта профессия, как и все другие, составляет часть специального воспитания, которое начинается с восемнадцати лет.

Технический чертёж — одно из первых занятий ребенка, поэтому нет молодого человека или молодой девушки, которые не могли бы зарисовать какой-нибудь предмет, нет рабочего, нет работницы, которые, имея карандаш и альбом, не были бы способны набросать чертёж, выражающий их мысль. Вы не можете исчислить всего влияния рисования на развитие вкуса, искусства и промышленности.

Что касается живописи, гравюры, скульптуры и всех остальных искусств, то это профессии, которые впоследствии являются предметом специального изучения.

Уже очень рано детям преподаются элементы естественных наук, геологии, географии, минералогии, истории животных и растений, физики, химии, астрономии.

Судите, каким должен быть народ, который, вместо пустяков старого воспитания, владеет в полном составе элементами этих великолепных наук!

Только после всех этих занятий детям говорят о религии и божестве.

Элементарное исчисление и геометрия также преподаются, а потому нет ни одного икарийца, который не умел бы считать, измерять и даже снимать планы.

Вы знаете, что вокальная и инструментальная музыка также составляет предмет общего воспитания, и каждый обучается ей уже с детства. Поэтому все у нас — мужчины и женщины, дети и старики — музыкальны, тогда как прежде мы имели почти только иностранных музыкантов. Вам трудно представить себе счастливые следствия этой музыкальной революции!

Изучение элементов сельского хозяйства, механики и промышленности также составляет часть нашего общего воспитания.

И все это элементарное воспитание почти одинаково как для девочек, так и для мальчиков, хотя часто в отдельных школах и с различными учителями.

И наши девушки хорошо отомстили за то презрительное мнение, которое существовало о них некогда, будто их умственные способности ниже способностей их братьев, ибо они почти во всем соперничают с ними, и если есть некоторые науки, в которых вообще отличается мужчина, то есть и некоторые другие, в которых пальма первенства, повидимому, принадлежит женщинам.

Судите теперь, если вы можете, о благодетельных последствиях этой революции в воспитании женщин!

Вы восхищаетесь каждый день изысканным вкусом наших икариек и в их украшениях и во всем, что выходит из их рук. Но что значит эта грация и ум в сравнении с выдающимися талантами, которые ставят многих наших женщин в первом ряду в медицине, педагогике, красноречии, литературе, изящных искусствах и даже астрономии!¹⁶ Если бы Динаиза не была моей сестрой, я сказал бы вам, что ее ум и образование гораздо выше прелести ее лица. Да, мой дорогой, мы не можем оспаривать у них венец красоты, а эти очаровательные повелительницы оспаривают у нас венец ума!

В семнадцать лет для девушек и в восемнадцать для юношей начинается специальное и профессиональное воспитание с целью дать каждому все теоретические и практические познания, необходимые для преуспевания в научной или промышленной профессии.

Но общее воспитание еще не прекращается, ибо только тогда начинается изучение элементарных курсов литературы, всеобщей истории, анатомии и гигиены, так же как и полных курсов материнства, о которых я говорил вам, и все то, что входит в область гражданского воспитания.

Изучение всех этих курсов, обязательных для всех молодых людей, продолжается до двадцати и двадцати одного года; их проходят после дневного труда.

Но воспитание не заканчивается и после двадцати одного года, ибо республика устраивает много курсов для лиц всякого возраста, например

курс истории человека.

Журналы и книги (ибо мы умеем учиться и самостоятельно при помощи хороших книг) опять-таки являются средством образования, которое длится всю жизнь. Хотя это дополнительное образование и необязательно, все же очень мало найдется таких икарийцев, которые жадно не стремились бы к нему и не хотели бы говорить, подобно древнему философу: «Я учусь, старея».

Но как можем мы усвоить столько вещей? А вот как.

Метод преподавания

— Мы желаем сообщить ребенку как можно больше сведений, а потому употребляем все возможные средства, чтобы сделать для него всякую учебу легкой, скорой и приятной.

Наш великий принцип состоит в том, что каждое обучение должно быть игрой и каждая игра — обучением.

Члены комитета поэтому напрягали свои усилия в поисках средств для этого, и, как только опыт открывал новое, его старались применить.

Красота и удобство школ, терпение и мягкость наставников, а равно их искусство, простота методов, ясность доказательств, смесь учебы и игры — все это вместе способствует достижению цели.

Так как мы имеем счастье обладать совершенно правильным языком и все говорят на нем одинаково хорошо, то ребенок усваивает его естественно и без усилий. Тем не менее, мы следуем определенной системе, действенность которой доказана опытом, в выборе и порядке слов и идей, сообщаемых учащемуся, заботясь при этом, чтобы всегда, называя ему какую-либо вещь, одновременно показывать ее. С этого момента, и даже раньше, мать и отец с особым вниманием стараются не внушать любимому ребенку никаких ложных идей, заблуждений или предвзвешенных, которые им прежде внушали слуги или невежественные и плохо воспитанные родители.

Вы не поверите, к каким только способам не прибегал комитет воспитания, чтобы научить детей чтению как можно скорее и доставляя им при этом максимум удовольствия.

После длительного обсуждения лучшего метода был выбран тот, который проводится обычно матерью, превращающей учебу в такое удовольствие для ребенка, что он сам хочет дальнейших уроков, и пыл его, искусно разогреваемый, приходится даже сдерживать. Притом же слова в нашем языке пишутся точно так же, как произносятся, в нем нет ни одной бессмысленной или бесполезной буквы, и вследствие этого легко научиться читать на нем. Вот почему эта первая большая ступень воспитания, которая когда-то стоила столько слез и времени ребенку и столько хлопот наставнику, представляет теперь в течение нескольких месяцев столько забав для ребенка и его матери.

Должен ли я сказать вам, что выбор первых книг, употребляемых для обучения чтению, кажется нам настолько важным, что наша республика поручила их составление нашим наиболее знаменитым писателям? Мы имеем только одну книгу для детей одного возраста, и я покажу ее вам (он направился в соседнюю комнату, чтобы взять ее).

Смотрите, вот «Друг детей»! Смотрите, какой изящный переплет, какие прекрасные цветные гравюры, какая хорошая бумага и великолепная печать! Возьмите ее с собой и прочтите: вы увидите, сколько простоты, ясности, интереса, очарования и поучительности заключает эта маленькая книга, в которой нет ни одного слова, ни одной вещи, ни одной мысли, недоступных пониманию ребенка, ибо в ней нет ни одной мысли, ни одного выражения, ни одного мнения, которое не было бы взвешено и выбрано автором. Маленькая книга, которая у нас служила для этой цели и получила премию в конкурсе среди множества других, была уже почти совершенством, но эта, принятая только двадцать лет назад (ибо мы улучшаем непрерывно), — настоящий шедевр. Что касается меня, то я не знаю более совершенного и более полезного произведения и никакой другой статуи, которая была бы лучше заслужена, чем та, которую республика присудила автору этой книги.

Мать все объясняет ребенку, задает ему вопросы, чтобы убедиться, что он понимает и хорошо знает все прочитанное. Затем в школе, когда все дети одного возраста собираются вместе, наставница (ибо это женщина) заставляет их читать и расспрашивает их, чтобы таким образом приковать внимание каждого. Если один колеблется, отвечает другой, и наставница сама объясняет только тогда, когда никто не может дать объяснение. И когда в конце шести месяцев ребенок прочитал или, скорее, проглотил эту маленькую книгу, вы будете удивлены теми поразительными сведениями, которые он приобрел!

Бесполезно говорить вам, что наставница — это почти вторая мать по той ласке и нежности, с какими она обращается с каждым из своих маленьких воспитанников, потому что один из наших великих принципов требует, чтобы наставник был всегда для своих учеников тем же, чем является самый нежный отец для своих детей. Ругать ребенка, ненавидеть его и вообще раздражаться против него из-за какого-нибудь порока или недостатка кажется нам бессмыслицей и безумием, которые поставили бы человека ниже уровня самого ребенка.

Итак, «Друг детей» — первая книга, которую читают все наши дети, достигшие пяти лет. У нас есть для каждого возраста книги того же рода, и детская библиотека очень немногочисленна, потому что мы думаем, что небольшое число прекрасных книг, которые ребенок хорошо знает, стоит бесконечно больше, чем куча хороших и, в особенности, смесь посредственных и плохих.

Мы ввели даже большое нововведение в составление учебных книг: все наши книги первых лет, например книги по географии, счету, когда-то такие скучные, написаны в форме очаровательных рассказов.

Дитя обучается письму согласно тем же принципам, забавляясь в игре, под руководством своей матери, которая объясняет ему цель всего, что она делает и заставляет его делать, ибо всегда имеется причина, почему действуют таким образом, а не иным, и один из наших великих принципов состоит в том, что мы упражняем ум детей и их способность рассуждать, приучая их всегда добиваться причины и всегда объяснять мотивы того, что они видят. Мать объясняет ребенку, как он должен

держат перо и почему, как он должен положить бумагу и почему. Когда дети собраны в школе, наставник приучает их задавать себе вопросы: «как?» «почему?», какой почерк произведет такое-то положение и какое положение произведет такой-то почерк. Это теория письма. И во всех частях воспитания, даже в гимнастике и играх, мы всегда соединяем теорию и практику. Из этого вам должно быть ясно, что все, кто умеет писать, могут преподавать это искусство другим.

Этот метод упражнять способности рассуждать применяется ко всему и всегда употребляется всеми, кто имеет дело с ребенком. Нисколько не подавляя его любопытства, когда это любопытство вызывается желанием научиться, его поощряют, отвечая на все вопросы, и даже возбуждают беспрестанно, спрашивая у него всегда мотив или причину всего, что он видит.

Его приучают также не краснеть, если он не знает того, что ему еще не сообщали, и отвечать без всякого колебания: «Не знаю», когда он не знает. Вы можете себе представить следствия этой привычки все исследовать и всегда рассуждать!

Элементарный счет и геометрия преподаются в школе при помощи инструментов и таких приемов, что изучение их доставляет детям большое удовольствие, тем более, что здесь совмещают практику с теорией и большинство практических операций производится в национальных мастерских и магазинах, чтобы приучить ребенка считать, взвешивать и измерять всякие виды материалов и продуктов, или в деревне, чтобы научить его измерять поверхности и решать тригонометрические проблемы на земле.

Вы не нуждаетесь в объяснении средств, которые придуманы для того, чтобы научить рисованию, географии, музыке и пр. Впрочем, я вам покажу их, когда мы посетим школу. Но вы должны понять, что если вся нация непременно хочет, чтобы преподавание каждой науки или каждого искусства было приятно и доступно даже самым ограниченным способностям, эта нация обязательно должна найти средства осуществить свою волю.

Вы будете изумлены, когда увидите наши пособия для преподавания и наши музеи, Я не говорю вам о музеях естественно-исторических, минералов и растений, живых животных или их чучел, геологии, анатомии (мы имеем разные научные музеи и музеи искусств, не говоря уже о том, что наши крупные мастерские и крупные национальные магазины являются в то же время и промышленными музеями). Я назову вам только наши географические музеи, где тысячи карт и машин всякого рода представляют земной шар во всех его различных аспектах, — одни только с его странами или народами, другие только с его реками или горными цепями; наши музеи религии, где статуи и картины представляют богов и церемонии всех различных религий; наши астрономические музеи, в одном из которых чудеснейшая машина представляет вселенную в движении и делает совершенно осязательными и наглядными все астрономические явления, которые иначе было бы весьма трудно понять.

Вы должны понять, что благодаря применению всех этих средств, ежедневным прогулкам в деревне в хорошую погоду или посещениям музеев в плохую погоду, нет больше ни усталости, ни отвращения, ни трудностей при усвоении элементов наук и искусств.

Но мы не довольствуемся инструментами и материальными средствами, употребляемыми для облегчения понимания. Один из наиболее действенных приемов преподавания состоит в том, что мы непрерывно упражняем мысль и способность к суждению и обязываем каждого учащегося обучать младших тому, что он уже знает сам. Преподаватель объясняет только то, что необходимо объяснить, чтобы ускорить обучение, руководит своими учениками в их занятиях и больше заставляет их думать самих, нежели думает за них. Талант его проявляется больше всего в искусстве спрашивать или, скорее, в искусстве заставлять своих учеников учиться друг у друга. Так, один из учеников объясняет или повторяет объяснение, другой спрашивает, каждый отвечает, а преподаватель вмешивается только тогда, когда его вмешательство безусловно необходимо.

Но я должен уйти до завтра! Если вы придете до половины девятого, мы пойдем посмотреть школу нашего квартала, и я расскажу вам о нашем нравственном воспитании.

Глава одиннадцатая. ВОСПИТАНИЕ (продолжение)

Нравственное воспитание

Я пришел к Динару до указанного часа, и мы вышли, беседуя.

— Вы догадываетесь, — сказал он мне, — что комитет воспитания и наши законодатели сделали для нравственного воспитания то же, что и для воспитания физического и умственного. Они сделали даже больше, если это только возможно, потому что душа и сердце человека нам кажутся более важными, чем его тело и ум.

Вы будете поэтому удивлены, если прочтете дискуссии наших философов и моралистов по этому предмету, а также огромное число рассмотренных ими вопросов и правил, одобренных ими.

Начальное нравственное воспитание опять-таки доверено семье, и главным образом матери, под руководством отца,¹⁷ а потому и на курсах материнства, о которых я вам уже говорил вчера, объясняют отцам и матерям все, что они должны делать, чтобы дети их, по мере возможности, стали совершенными нравственно и физически.

Вы были бы восхищены, если бы видели, с какой тщательностью матери и все те, кто находится около них, внимательно исследуют и направляют первые душевные движения и первые влечения молодого существа, чтобы пресечь дурные наклонности уже при их зарождении и развить в ребенке хорошие качества. Нигде, я убежден в этом, вы не найдете более нежных матерей и детей менее плаксивых, менее крикливых, менее сердитых, менее капризных, одним словом, менее избалованных.

Первое чувство, которое мать старается развить в своем ребенке, — это любовь к родителям, безусловное доверие и, следовательно,

беспрекословное повиновение, крайности которого умеет устранить сама мать. Мать приучает ребенка нежно любить отца, а последний осмысливает его любовь к матери. Поэтому наши дети приучены почитать мать и отца и слушаться их, как высших благодетельных и мудрых божеств.

Как только ребенок физически окрепнет, его приучают самого себя обслуживать и делать все, что он может, без посторонней помощи. Так, например, ребенок с удовольствием чистит сам свое платье и приводит в порядок свою комнату, не подозревая даже, что в старое время он делал бы это только с чувством отвращения и стыда.

Потом его приучают даже обслуживать мать и отца, затем — более пожилых родных, за ними — старших братьев и сестер, затем — друзей и гостей, и нет ничего менее надоедливого и более любящего, чем наши дети, старающиеся хоть чем-нибудь услужить другим.

Ребенка приучают также заботиться о младшем брате или сестре, обслуживать и охранять их, и эта братская заботливость является одним из первых благ детства.

Так ребенок приучается ко всем домашним работам под руководством старших, которые предоставляют более молодым делать все, что они могут, и все эти работы, где каждый подает и получает пример, выполняются весело и с песнями.

Ежедневно ребенок встает в пять часов, зимою так же, как и летом. В продолжение часа или двух он занимается домашними работами в особом рабочем костюме, затем, всегда под надзором старшего, справляет свой туалет, о чистоте которого его приучают заботиться, так же как и о вкусе, грации и изяществе, но не из чувства тщеславия, а из чувства долга и приличия по отношению к другим. Затем он приступает к своим учебным занятиям, под надзором матери или старших, и готовит их до завтрака и отправления в школу.

Вы понимаете, сколько уроков заботливости, внимания и сноровки получает ребенок во время этих занятий по хозяйству и туалету и сколько других полезных уроков ему дают во время занятий и еды, всегда сопровождаемых лаской!

Вы понимаете также, как должны укорениться чувства любви между родными, покровительства и нежности со стороны старших к младшим, уважения и признательности со стороны младших по отношению к старшим!

Я уже сказал вам, что после трех лет, когда ребенок научился говорить, на несколько часов соединяют вместе всех детей с одной улицы, девочек и мальчиков, чтобы под надзором одной или нескольких матерей устроить прогулку или игры для укрепления здоровья детей. Но главная цель объединения — приучить их к обществу, равенству и братству — привычка, которую неустанно стараются еще больше развивать, как только дети начинают посещать школу.

Но вот и школа квартала. Посмотрите, какое монументальное здание, сколько надписей, сколько статуй, какой великолепный фасад! Сколько пространства кругом и какие прекрасные деревья! А сейчас вы

увидите, какое великолепие внутри. Разве все это не свидетельствует о том, что республика рассматривает воспитание как первое из благ, а молодежь — как сокровище и надежду отечества! Разве не внушает все это детям нечто вроде религиозного почтения к воспитанию и к республике, которая дает его детям! Видите вы людей, входящих в ту дверь? Это наставники, которые направляются в свою залу.

Бьет девять часов, подождем немного, чтобы увидеть, как собираются дети.

Вот они! Смотрите! Вот дети со всей улицы! Разве не похожи они на маленькую армию, составленную из двенадцати рот, различного роста, возраста и в различных формах? Все дети всех семей собрались под руководством старшего в одном из зданий их улицы; и все дети с этой улицы, соединенные в этом здании, разделились по возрасту и по школам и отправились все вместе в школу.

Сегодня вечером, уходя из школы, они расположатся в порядке домов их улицы, и когда вся эта маленькая армия пройдет по улице, дети каждой семьи войдут в свой дом, дружески попрощавшись со своими товарищами.

Вы видите, как опрятны все они в своих особых формах для каждого возраста и какими они выглядят счастливыми, дисциплинированно приходя в школу! Теперь, когда пред вами прошли дети со всех улиц квартала, поспешим в большую залу!

Мы вошли в огромную залу, украшенную статуями людей, оказавших величайшие услуги делу воспитания, и я был приятно поражен, увидев столько же девочек, сколько и мальчиков.

— Смотрите, — сказал мне Динар, — вот все преподаватели и школьники, разделенные по школам. Послушайте теперь.

Я был восхищен, слушая, как эти тысячи детей пели все вместе два куплета гимна: первый — в честь Икара, второй — в честь какого-то другого благодетеля молодежи.

— Гимн имеет более ста куплетов, — сказал мне Динар, — и каждое утро школьники поют куплет об Икаре вместе с одним из других куплетов. Так приучаем мы детей к благодарности.

— Я вижу, вы удивлены тем, что нашли здесь девочек. Знайте, что они вошли в другую дверь; все здание разделено на две большие отдельные части; одна — для девочек, другая — для мальчиков, с несколькими общими залами.

— Как, — воскликнул я, девочки от пяти до шестнадцати лет в одной зале вместе с мальчиками того же возраста?

— Конечно! И без всякого неудобства, и даже со множеством преимуществ, потому что мы приучаем мальчиков с детства, в семье и школе, относиться ко всем девочкам, как к собственным сестрам, а девочек — внушать к себе уважение своей благопристойностью.

Рассматривая стыдливость как охрану невинности и украшение красоты, мы развиваем в ребенке чувство стыдливости не только в отношениях между обоими полами, но и между девушкой и ее подругами, даже между мальчиком и его товарищами.

Дети теперь в классах, войдем в один из них.

— Смотрите, — сказал мне Динар — как внимательны и почтительны дети, как ласково говорит с ними учитель! Смотрите также, как все чисто! Ни одного чернильного пятна ни на столах, ни на платьях! Перочинный ножик служит только для чинки перьев! Так могущественная привычка к порядку и чистоте!

Посетив классы, составленные либо из мальчиков, либо из девочек, и другие — для обоих полов, разделенные легкой перегородкой, мы последовали за детьми в гимнастический зал, где увидели множество аппаратов и приспособлений для гимнастических упражнений. Мы там видели также мальчика десяти лет, который забрался на мачту, вышиной в тридцать футов, отвязал веревки, привязанные к горизонтальному блоку, и спустился, соскользнув вниз вдоль столба.

Нам рассказали, что накануне другой мальчик того же возраста взобрался на блок и прыгнул с высоты в тридцать футов, не причинив себе никакого вреда. Но так как это было запрещено, потому что он рисковал сломать себе ногу, его будут судить за непослушание, и мы сможем присутствовать на этом суде.

В то время как дети возвращались в класс, мы пошли осмотреть две школы плавания, которые находились во дворе; одна — для мальчиков, другая — для девочек. Динар показал мне купальный костюм для каждого из обоих полов и объяснил, что когда ребенок уже умеет плавать, его приучают это делать в полном одеянии, чтобы он мог спастись, если бы упал в воду одетый; его обучают также, как надо спасать другого человека, если он тонет, ибо не пренебрегают никаким случаем, чтобы научить детей быть полезными своим близким.

В ожидании суда над маленьким недисциплинированным прыгуном мы пошли погулять по двору.

— В чем заключаются, — спросил я Динара, — награды, присуждаемые с целью возбудить соревнование?

— Ни в чем, ни в премиях, ни в венках, ни в отличиях, потому что, желая укоренить в детях чувство равенства и братского благоволения, мы весьма остерегались бы создавать отличия, которые возбуждали бы эгоизм и честолюбие одних и в то же время зависть и ненависть других. Мы, впрочем, имеем столько других средств развивать в детях любовь к занятиям, что считаем полезным скорее сдерживать, чем разжигать пыл учащихся. Единственное отличие, которого желают дети, это быть выбранным — в качестве самого способного и самого достойного — руководить и наставлять товарищей под наблюдением учителя. И это отличие там более почетно в их глазах, что выборы, как и все экзамены, производятся самими школьниками под надзором учителя, поэтому у нас нет лентяев, а если случайно и находятся такие, то вместо того, чтобы еще увеличить их отвращение к занятиям, перегружая их в виде наказания трудом, мы удваиваем мягкость, ласки и заботы, чтобы внушить им вкус к занятиям.

Неспособных детей у нас не больше, чем ленивых, и если такие находятся, то вместо того, чтобы сердиться на них, мы удваиваем

терпение, интерес и усилия, чтобы помочь им победить несправедливое неравенство природы.

Ненавидеть неспособных и даже ленивых детей и дурно с ними обращаться кажется нам несправедливостью, нелепостью, безумием, почти варварством, менее простительным для наставника, чем пороки для ребенка.

У нас даже весьма мало других проступков, заслуживающих наказания, а сами наказания — легкие, и состоят они в лишении виновного некоторых удовольствий или даже некоторых занятий, а главным образом в публичном порицании.

Впрочем, все наказания школьников установлены так же, как и их обязанности и проступки в «Своде школьника». И чтобы облегчить выполнение правил этого свода, школьники сами его обсуждают и голосуют, принимая его, таким образом, как собственное произведение и заучивая наизусть, чтобы лучше его применять. Пять лет назад этот свод обсуждался одновременно во всех школах и был принят школьниками почти единогласно.

Когда совершен проступок, школьники организуют свой суд, определяющий проступок и выносящий по нему приговор. Но вернемся в большую залу, и мы, вероятно, скоро увидим один из этих школьных судов.

Зал был уже полон. Как и утром, все учителя и школьники были налицо.

Один из самых старших школьников должен был выступить обвинителем, пять других — предложить наказание, а все остальные составляли жюри.

Изложив дело, учитель, руководивший прениями, призвал обвинителя к умеренности обвинения, обвиняемого — защищаться без страха, свидетелей — давать показания без лжи, присяжных — отвечать, следуя своей совести, и судей — применять закон без пристрастия.

Обвинитель выразил сожаление, что ему приходится обвинять брата, и свое желание, чтобы он оказался невиновным. Но он понял, что Свод — дело всех школьников и обвиняемого; предписания свода, все его запреты и все наказания установлены в интересах всех и каждого; обвиняемый мог убить или ранить себя, прыгая с (высоты мачты, и общий интерес требует его наказания, если он виновен, но еще больше — его оправдания, если он невиновен.

Маленький обвиняемый защищался с уверенностью. Он откровенно признал, что спрыгнул, он признался, что нарушил закон и заслуживает наказания, хотя и раскаивается в своем непослушании. Но он был увлечен желанием показать товарищам свою смелость и уверенностью, что не причинит себе никакого вреда.

Другой школьник заявил, что он сам совершил проступок, побуждая его спрыгнуть и забыв запрещение закона.

Третий, вызванный в качестве свидетеля, сказал, что видел, как обвиняемый прыгнул, и ему, к сожалению, приходится заявить об этом, по обязанности говорить правду.

Защитник признал, что совершен проступок, но он выставил как смягчающее и извиняющее обстоятельство признание обвиняемого, его раскаивание и подстрекательство товарищей. Он просил жюри принять во внимание, что его друг — самый бесстрашный прыгун среди его товарищей по возрасту, и именно его бесстрашие и ловкость были причиной того, что он дал себя увлечь.

Обвинитель признал, что обвиняемый заслуживал бы венка, если бы его давали за бесстрашие прыгуна, но поставил вопрос, не было ли установлено запрещение именно с целью сдерживать бесстрашных и не следует ли применять этот закон главным образом к ним, чтобы охранить их от слишком рискованных затей.

Жюри единогласно признало обвиняемого виновным в нарушении свода, но незначительным большинством присоединилось к мнению, что проступок извинителен.

Комитет Пяти предложил не выносить другого наказания, кроме опубликования факта в школе.

Собрание приняло это предложение, и Верховный совет учителей одобрил это решение.

Один из учителей в заключение напомнил детям, что они не должны теперь меньше любить маленького прыгуна, последнему — что он не должен меньше любить своих судей, всем — что они должны еще больше любить республику, которая столько сделала для их благополучия, и любить друг друга еще больше, чтобы быть достойными республики.

Я вышел изумленный и взволнованный всем, что видел, и проводил Динара, который возвращался к себе домой.

— Практический курс морали! — сказал я ему. — Я теперь хорошо понимаю ваших детей, ваших женщин, вашу нацию!

— И мы имеем, кроме того, специальный курс морали, который каждый проходит в течение двенадцати лет и познает все свои обязанности, все достоинства и добродетели, которые нужно приобрести, все недостатки и пороки, которых следует избегать. И этот курс, некогда столь пренебрегаемый и столь скучный, теперь является не менее привлекательным, чем другие, так как с ним связывают историю всех великих добродетелей и великих преступлений, знаменитых героев и знаменитых преступников.

Самые интересные книги, написанные нашими наиболее талантливыми авторами, наши романы, наши театральные пьесы — все содействуют воспитанию в его усилиях привить любовь к нравственности, и республика, неограниченная повелительница, не разрешает издавать никаких безнравственных произведений.

Вы даже можете сказать, что жизнь семьи есть постоянный практический курс морали, как вы только что назвали его, потому что, как только дитя раскрывает глаза, оно познает, повторяет и практикует только то, что нравственно: никогда, например, вы не увидите, чтобы дети лгали.

И зачем икарыйские дети будут лгать, когда общность делает их такими счастливыми? Как могли бы они не любить эту общность и

равенство, когда они дают им столько счастья!

Прощайте, я оставляю вас. Скажу вам только, что специальный «Журнал воспитания», распределяемый между учителями, держит их всегда в курсе, всех новых открытий и улучшений, касающихся обучения.

Но вы ведь проведете вечер у моей матери вместе с Вальмором и его семьей. Мы сможем там поговорить немного о нашем гражданском воспитании.

Я уже два дня не видел Кориллу, и, несмотря на все мое возбуждение, мне казалось, что с тех пор прошло уже два века. Я испытывал сильную потребность видеть ее и слышать.

Поэтому я рано направился в дом ее семьи, чтобы провести там некоторое время, прежде чем направиться вместе с ними к госпоже Динаме.

Я еще не видел Кориллу такой красивой и любезной.

— А, вот и вы, наконец, — сказала она, подходя ко мне. — Видно, что вам доставляет большое удовольствие видеть нас! Как могли вы не приходиться два долгих дня и не засвидетельствовать своего почтения моему дедушке!.. Это плохо, очень плохо, и дедушка вами недоволен. Правда, дедушка? Но вы здесь... и мы прощаем... Ах да, мы должны вместе петь у Динаизы! Посмотрим, не скомпрометирую ли я себя, когда буду петь с вами.

Мы спели.

— Не плохо, — сказала она, — и выйдет еще лучше, надеюсь, во второй раз.

Во все время пути она была чарующе весела.

Вся маленькая семья госпожи Динаме была в сборе, и нас оказалось около сорока человек. Как все были ласковы, особенно дети, какое было веселье, радость, счастье!

— Поистине, вы счастливый народ, — сказал я Динару, с которым уселся в углу.

— Вероятно, самый счастливый народ на земле, — ответил он, — и это — влияние нашей общности.

— И вашего воспитания.

— Да, и нашего воспитания, ибо без него общность была бы немыслима, а именно она приносит нам все радости и обязанности общественной и политической жизни.

Можно сказать, что уже с первых лет своей жизни дитя учится быть гражданином. Оно учится этому главным образом в школе, где обсуждение Свода школьника, экзамены, выборы и дискуссии учащихся готовят детей к гражданской жизни.

Но собственно гражданское воспитание начинается в восемнадцать лет, когда молодой человек знакомится с элементами литературы, ораторского искусства и всеобщей истории.

В более узком смысле оно состоит в углубленном изучении национальной истории, общественного и политического строя, конституции и законов, прав и обязанностей должностных лиц и прочих граждан.

Каждый школьник заучивает наизусть всю конституцию, и нет икарийца, который не знал бы в совершенстве всего, что касается выборов и избирателей, Национального представительства и представителей, народных собраний и национальной гвардии; нет ни одного, который не знал бы всего, что должностные лица могут и чего не могут делать, и всего, что закон разрешает или запрещает. Тот, кто пренебрег бы своим гражданским воспитанием, был бы лишен пользования гражданскими правами, и это было бы позором и несчастьем, которым никто не хотел бы себя подвергнуть.

Даже женщины знакомятся с элементами гражданского, воспитания, чтобы не быть чуждыми ничему, что их интересует, и понимать все, что так сильно занимает их мужей.¹⁸

Наконец, хотя мы надеемся, что у нас всегда будет мир, внутренний и внешний, все граждане являются членами национальной гвардии и обучаются от восемнадцати до двадцати одного года употреблению оружия и военным упражнениям; эти упражнения являются одновременно большим украшением национальных праздников, дополнением к гимнастике, полезным для тела и здоровья дополнением к гражданскому воспитанию.

В двадцать один год молодой человек — уже гражданин, и вы видите, что молодые икарийцы воспитаны так, чтобы быть хорошими патриотами, а также хорошими супругами, хорошими отцами, хорошими соседями, наконец, настоящими людьми.

Я мог бы прибавить, что это — люди мира и порядка, ибо основной принцип гражданского воспитания, принцип, который их всегда заставляют применять на практике, состоит в том, что после свободного и исчерпывающего обсуждения, когда каждый может изложить свое мнение, меньшинство должно подчиниться без всякого сожаления большинству, потому что иначе не было бы другого способа решения, кроме грубой силы и войны, победы и завоевания, влекущих за собой тиранию и угнетение.

— При вашей общности и вашем воспитании, — сказал я ему, — у вас не должно быть много преступлений.

— Какие преступления у нас могли бы совершаться? — ответил Вальмор, который нас слушал. — Может ли у нас встречаться воровство какого-либо рода, когда у нас нет денег и когда каждый владеет всем, что он может пожелать? Не сумасшедшим ли нужно быть, чтобы воровать? И как могли бы быть у нас убийства, поджоги, отравления, когда невозможно воровство? Как возможны были бы у нас самоубийства, когда все у нас счастливы?

— Но, — ответил я, — убийства, дуэли и самоубийства могли бы совершаться и в силу других причин, например из любви или ревности.

— Наше воспитание, опять ответил Вальмор, — делает из нас людей и учит нас уважать права и волю других, следовать во всем; советам разума и справедливости. Икарийцы почти все философы, и они с детства умеют укрощать свои страсти.

— Вы видите, следовательно, — сказал Динар, — что общность одним

ударом уничтожает и предупреждает воровство и воров, преступления и преступников, и мы не имеем поэтому нужды ни в трибуналах, ни в тюрьмах, ни в уголовных карах.

— Простите меня, милостивый государь, — вскричала Корилла строгим тоном, приближаясь к нам, — имеются воровство и преступления, воры и преступники, нужны трибуналы, чтобы их судить, и кары, чтобы их наказывать. И я, отнюдь не профессор истории, сейчас докажу это вам самым неопровержимым образом. Слушайте вы все! [Все дети подбежали к ней.] Я за полчаса успела уже охрипеть, распевая, чтобы заслужить аплодисменты этих господ, а они не только лишают меня аплодисментов, которых я заслуживаю, но их болтовня мешает другим мне аплодировать. Вы, следовательно, воры [«браво!»]. Больше того, — и это преступление еще ужаснее, — сейчас будет петь Динаиза. а эти господа продолжают трещать, чтобы мешать нам слушать ее! Они хотят принудить нас слушать их, точно они находятся на кафедре, ораторствуя о республике и общности! Вы, следовательно, смутьяны, захватчики [«браво!»], и я обвиняю вас пред августейшим трибуналом, который заседает здесь [«браво, браво!»], и призываю против вас всю строгость правосудия и законов [продолжительные аплодисменты]. Или, скорее, так как я опасаюсь, что могут подкупить недобросовестных судей [ропот], я вас хочу осудить сама, чтобы быть уверенной, что приговор будет справедлив [взрыв смеха]. Я вас поэтому объявляю виновными, уличенными в ужасном преступлении: в оскорблении музыки, и в наказание изгоняю вас из общности [ропот] или, вернее (так как сочувственные замечания, которые я слышу, предупреждают меня, что я хотела наказать невиновных вместе с виновными), я осуждаю вас обоих, солидарно и сообща, сначала слушать соловья, который будет петь, а затем самим выступить соловьями [повторное «браво!»].

— Суровые исполнители закона, — сказала она детям, — привести в исполнение приговор! Сперва установите тишину, а затем вы заставите осужденных петь.

Мадемуазель Динаиза пела, смущаясь и неуверенно, но таким; божественным голосом, который вызвал аплодисменты, а у меня — почти слезы.

— А теперь, — сказала Корилла, — очередь за соловьем старшим [все дети подбежали к нему и, ухватившись за него ручками, тащили или толкали его.] И пусть он поет хорошо, или иначе ему грозит музыкальная юстиция!

— Сумасбродка, сумасбродка, — сказал Динар.

— Да, пусть сумасбродка, но вы, господин мрачный философ, имейте мудрость подчиняться время от времени сумасбродству.

Я тоже был принужден петь, сначала с Кориллой, а затем с мадемуазель Динаизой.

— А теперь, — сказала Корилла, — я буду присуждать призы и сделаю это со всем присущим мне беспристрастием. Внимание!

— Ученый и красноречивый профессор пел, как простуженный соловей [взрыв смеха]; великий ученик коммунизма пел с Динаизой, как

лиса, попавшая в западню [новый, еще более бурный взрыв смеха], а Динаиза пела, как испуганный соловей [продолжительный смех].

Что касается меня, Кориллы, то где безумец, который осмелился бы отрицать, что я богиня или королева пения? Я поэтому ожидаю аплодисментов такой просвещенной аудитории [гром аплодисментов] и приказываю, чтобы сейчас же были выданы прекрасные пирожки, которые приготовила Динаиза [да, да, да!], и все вкусные вещи, которые, как я видела, приготовлены, чтобы эти прекрасные певцы, отличающиеся в искусстве... красть лакомства... имели удовольствие... видеть, как мы будем их поедать [смех и «браво!»].

Вечер прошел восхитительно, в играх и смехе. Корилла просила у меня извинения за свои шалости таким тоном, который продолжал еще чаровать мой слух после того, как я уже долго не слышал ее голоса, и я провел ночь в чарующих снах: как маленькая птичка, прыгал я с цветка на цветок, преследуемый роем молодых девушек, избегая со страхом мадемуазель Динаизы и позволяя приблизиться ко мне Корилле, чтобы счастливо ускользнуть от нее как раз тогда, когда ее руки собирались меня поймать.

Глава двенадцатая. ТРУД. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

— Люблю ли я ее? — проснувшись, спросил я себя со страхом. — Люблю ли я ее? Ведь я слышу еще голос консула в Камирисе, рекомендующего мне нерушимое почтение к икарийским девушкам, ведь я слышу в особенности голос почтенного деда, доверяющего своих детей моей чести? Люблю ли я ее я, почти связанный словом по отношению к прекрасной мисс Генриетте и желающий выполнить свое обязательство? Люблю ли я ее? Посмотрим, исследуем...

И я вышел, чтобы захватить Вальмора, который должен был повести меня в мастерскую для обработки камня.

Находишь ли ты ее прекрасной, остроумной, любезной, очаровательной? — говорил я себе на ходу.

Да.

Не испытываешь ли ты удовольствия, любуясь ее волосами, глазами, ртом, зубами, руками, ногами?

Да, все мне нравится в ней.

Испытываешь ли ты радость, встречаясь с ней, и сожаление, когда расстаешься?

Да.

Думаешь ли ты о ней днем и снится ли она тебе ночью?

Да.

Несчастный! Я думаю, что ты ее любишь.

Однако радость, которую я испытываю, спокойна и приятна; сожаление, которое я испытываю, расставаясь с ней, лишено горечи и принуждения; я думаю о ней без волнения, я не мечтаю о ней безумно, я встречаю ее без смущения; я прикасаюсь к ее руке без трепета... Нет, я люблю ее только как сестру или как друга!

А она?... Если бы я смутил ее покой и счастье!.. Ах, как я был бы

виновен и как терзался бы! И, однако, когда я вспоминаю... Но нет... Впрочем, мы отправимся сегодня вечером на прогулку, и я хочу, если только смогу, спросить ее сердце.

Я зашел к Вальмору, который уже ждал меня. И мы сейчас же вышли, беседа, чтобы осмотреть мастерскую для обработки камня.

— Так как мы идем посмотреть рабочих, — сказал он мне, — то я хочу объяснить вам нашу организацию труда и промышленности, ибо труд есть одна из главных основ нашего общественного строя.

Вспомните сперва несколько главных фактов, которые являются ключом ко всем другим.

Я уже сказал вам и хочу повторить в немногих словах: у нас установлен режим общности имущества и работ, прав и обязанностей, прибылей и убытков. У нас нет ни собственности, ни денег, ни купли, ни продажи. Мы равны во всем, за исключением случаев, когда это абсолютно невозможно. Мы все одинаково работаем для республики, или общности. Она одна собирает все продукты земли и промышленности и делит их поровну между нами; она одна нас кормит, одевает нас, дает нам жилище, учит нас и доставляет всем нам в равной мере все, что нам необходимо.

Вспомните еще, что цель всех наших законов — сделать народ в меру возможности наиболее счастливым во всем, начиная с необходимого, продолжая полезным и кончая приятным, не ставя при этом никаких пределов. Так, например, если бы можно было дать каждому экипаж, то каждый имел бы экипаж, но так как это невозможно, то никто не имеет их, и каждый может пользоваться общими средствами передвижения, которые стараются сделать возможно более удобными и приятными.

Вы сейчас увидите применение этих принципов в области организации труда.

Республика, или общность, ежегодно устанавливает список всех предметов, которые необходимо производить для пищи, одежды и жилища народа. Она, и только она, предписывает производить их, с помощью своих рабочих, на своих предприятиях, так как все отрасли промышленности и все мануфактуры являются национальными и все рабочие также работают для нации. Она строит свои мастерские, выбирая всегда наиболее пригодное местоположение и наиболее совершенные планы, организуя огромные фабрики, соединяя некоторые из них, если это представляет выгоду, и не отступая никогда ни перед каким необходимым расходом для получения полезного результата. Она выбирает способы обработки, отдавая предпочтение всегда наилучшим и стараясь всегда опубликовать все открытия, все изобретения и все усовершенствования. Она обучает своих многочисленных рабочих, доставляет им все сырье и орудия труда и распределяет между ними работы, на основе разделения труда, наиболее производительным образом и оплачивая их натурой вместо денег. Она, наконец, получает все произведенные предметы и складывает их в своих огромных магазинах, чтобы затем распределить их между всеми своими рабочими или,

вернее, детьми.

И республика, которая всем распоряжается таким образом, это — комитет промышленности, Национальное представительство, это — сам народ!

Вы должны сразу же увидеть неисчислимую экономию и все неисчисляемые выгоды, которые неизбежно вытекают из самых основ нашего строя.

Все являются, национальными рабочими, и все работают для республики. Все, мужчины и женщины, без исключения, занимаются каким-нибудь ремеслом, или каким-нибудь искусством, или какой-нибудь профессией, предписанными законом.

Юноши начинают работать с восемнадцати лет, девушки — с семнадцати лет, так как первые годы их жизни посвящены развитию их сил и их воспитанию. Старики освобождены от работы — мужчины от шестидесяти пяти лет, женщины от пятидесяти, но труд так мало утомителен и даже так приятен, что очень немногие требуют для себя освобождения от работы, и все продолжают свое обычное занятие или используют свои силы в другой области.

Нет нужды говорить вам, что больные освобождены от работы. Во избежание каких бы то ни было дурных последствий, больной должен отправиться или быть перевезен в больницу, которая имеет вид дворца.

Нет нужды также прибавлять, что каждый рабочий может получить отпуск в случаях, определенных законом, и с согласия товарищей по работе.

Я сказал вам, что труд приятен и неумолим. Наши законы, действительно, ничего не жалеют, чтобы сделать его таковым, потому что никогда еще не было фабриканта, столь благожелательного к своим рабочим, как республика по отношению к своим работникам. Число машин огромно: они заменяют двести миллионов лошадей или три миллиарда рабочих; они выполняют все опасные, утомительные, нездоровые или грязные и неприятные работы. Именно в этой области с особым блеском проявляются разум и та изобретательность наших соотечественников, так как все, что, например, в других местах возбуждает только отвращение, здесь скрывают с наибольшей заботой или содержат в наибольшей чистоте. Поэтому вы не только не увидите на улицах ни сочащегося кровью мяса, ни навоза, но вы никогда не увидите даже в мастерских, чтобы рука рабочего касалась какого-нибудь неприятного предмета.

Все способствует тому, чтобы сделать труд приятным: воспитание, которое с детства приучает любить и уважать труд, чистота и удобства мастерской, пение, которое возбуждает и радует массы рабочих, равенство труда для всех, его умеренная продолжительность и почет, которым окружены все работы в общественном мнении, и все в равной степени.

— Как, — воскликнул я, — все ремесла в равной степени уважаемы, сапожник в такой же мере, как и врач?

— Да, без сомнения, и вы перестанете этому удивляться, потому что

только закон устанавливает, какие ремесла или профессии допускаются и какие продукты следует производить. Никаким другим ремеслам не обучают и их не допускают, как не разрешают никакие другие производства. У нас нет, например, профессии кабатчика, в наших мастерских ножевых изделий не изготавливаются кинжалы. Все наши профессии и наши производства являются поэтому в равной степени законными и в известном отношении в равной степени необходимыми: раз закон предписывает, чтобы были сапожники и врачи, нужно, чтобы были и те, и другие. И так как все не могут быть врачами, то нужно, чтобы сапожники были так же счастливы и довольны, как врачи. Следовательно, нужно установить между ними, в меру возможности, самое полное равенство, и нужно, чтобы оба, посвящая одно и то же время республике, пользовались равным уважением.

— И вы не делаете различия для ума, образования, гения?

— Нет, разве все это не дар природы? Разве справедливо было бы наказывать того, кого судьба одарила меньше? Разве разум и общество не должны компенсировать неравенство, созданное слепым случаем? Разве тот, кого гений делает более полезным, недостаточно вознагражден удовлетворением, которое он испытывает? Если бы мы хотели проводить различие, то это было бы в пользу самых тяжелых профессий или работ, чтобы в известной мере вознаграждать и поощрять занятых ими работников. Одним словом, наши заботы делают врача настолько уважаемым и настолько счастливым, насколько это возможно. Почему же будет он жаловаться на то, что сапожник так же счастлив и уважаем, как и он?

Хотя воспитание в достаточной мере внушает всякому желание быть наиболее полезным общности, все же, чтобы возбудить полезное соревнование, всякий рабочий, делающий из чувства патриотизма больше, чем он обязан, или делающий в своей профессии полезное открытие, пользуется особым почетом или получает публичное отличие, или даже всенародные почести.

— А лентяи?

— Лентяи? Мы таких не знаем. Как могут они быть, когда труд так приятен, когда праздность и лень у нас в такой же степени позорны, как воровство в других странах?

— Следовательно, неправы те, кто говорит, как я слышал во Франции и Англии, что всегда будут пьяницы, воры и лентяи?

— Они правы, поскольку речь идет об общественном строе этих стран; но это неверно по отношению к строю Икарии.

Продолжительность рабочего дня, которая сначала составляла от десяти до восемнадцати часов, постепенно сокращалась и теперь установлена в семь часов летом и шесть часов зимой, от шести или семи часов утра до часа пополудни. Ее будут сокращать и дальше постольку, поскольку это будет возможно, гели новые машины заменят рабочих или сокращение производства (например, построек) сделает ненужным труд большого числа рабочих. Но продолжительность труда, вероятно, теперь достигла минимума, потому что если некоторые отрасли производства

сократятся, то вместо них будут возникать новые отрасли, тем более, что мы будем постоянно работать над тем, чтобы расширять наши потребности. Так, например, в прошлом году новая мебель была прибавлена к старой, и так как понадобилось сто тысяч рабочих, чтобы доставить эту мебель всем семьям, то эти сто тысяч рабочих были завербованы из рядов трудящегося народа, и общая продолжительность рабочего времени была увеличена на пять минут.

В каждой семье женщины и девушки выполняют вместе все домашние работы от пяти или шести часов утра до восьми с половиной, а от девяти часов до часа пополудни они работают по своей профессии в мастерских.

— Конечно, все беременные или кормящие женщины освобождены от работы?

— Именно так, и даже женщины, находящиеся во главе семьи, освобождены от работы в мастерских, потому что забота о семье и доме есть тоже полезное занятие для республики.

Все рабочие каждой профессии работают вместе в огромных общих мастерских, где во всем своем блеске обнаруживается проницательность и разум нашего правительства и народа.

Я посетил несколько мастерских, вызвавших мое глубокое удивление.

— Не правда ли, это великолепно? В особенности следует посмотреть женские мастерские. Видели ли вы их?

— Нет.

— Так вот, я попрошу разрешения, и мы пойдем осмотреть ту мастерскую, где работает моя младшая сестра Целиния, или ту, где работает Корилла.

И вас не удивит совершенство наших мастерских, когда вы вспомните, что план каждой из них был установлен после конкурса, после совещания с рабочими данной профессии, учеными и всем народом.

Передвижные и портативные мастерские для всех работ, которые выполняются на открытом воздухе, представляют равным образом все возможные удобства, как вы увидите сами, потому что мы приближаемся к мастерской для обработки камня, которую я хотел вам показать.

Это была целая улица в процессе постройки: пятьсот или шестьсот рабочих разного рода работали там.

Сбоку находился обширный передвижной амбар, покрытый непромокаемым полотном и содержащий раздевальню и столовую, как в больших обыкновенных мастерских.

Все помосты, на которых работали каменщики, были также покрыты, чтобы укрывать работающих от солнца и дождя.

Все материалы, камни и кирпичи, дерево и железо, цемент и даже известковый раствор, доставлялись в обработанном виде и были вполне готовы к употреблению.

— Камни, — сказал мне Динар, — обрабатываются в огромных мастерских около каменоломни при помощи машин, которые их

распиливают или начерно обрабатывают.

Кирпичи всех размеров также заготавливаются при помощи машин в огромных мастерских, воздвигнутых на участке, глина которого используется для их изготовления.

Цемент и известковый раствор тоже приготавливаются в массовом количестве в других мастерских, а иногда на месте, но всегда при помощи машин.

Все эти материалы, доставляемые по каналам в большие складочные помещения, перевозятся затем на всякого рода возах и фурах к строящимся зданиям.

Посмотрите, как все эти транспортные средства хорошо приспособлены для погрузки и разгрузки, чтобы ничего не испортить или не уронить.

Посмотрите на транспортные приспособления, по которым самые большие тяжести легко двигаются или скользят, и эти бесчисленные машины, большие и малые, которые переносят все вверх, вниз, во все стороны! Так, в этой толпе работающих вы не заметите ни одного с тяжестью на голове или на плечах: они не имеют иной задачи, кроме управления машинами или подачи материалов.

Посмотрите, какие предосторожности приняты, чтобы избежать пыли и грязи! Посмотрите также, как все эти рабочие платья сохраняют чистый вид!

Сегодня утром все эти рабочие, т.е. все граждане, пришли в шесть часов, причем почти все прибыли на общественных омнибусах. Они сняли свое гражданское платье, чтобы надеть рабочее, которое было приготовлено в раздевальне, и в назначенное время, когда они прекратят свой дневной труд, все они переоденутся в свои гражданские платья и уедут в общественных омнибусах, и если вы их встретите, то вы, знающие только каменщиков других стран, никогда не примете их за каменщиков, возвращающихся со своей работы.

— Я понимаю, — сказал я ему, — почему здесь профессию каменщиков избирают так же охотно, как и всякую другую профессию.

— И все рабочие, которые работают вне мастерских, пользуются таким же вниманием республики; все в равной мере находят в своих мастерских орудия, рабочее платье и все, что им необходимо. Даже возчик, как вы видите, имеет всегда место на своем возу.

Замечаете ли вы также, какой порядок господствует среди этого всеобщего движения? Здесь, как и во всех наших мастерских, каждый имеет свое место, свое занятие и, так сказать, свой чин. Одни руководят другими, те доставляют материалы, и все выполняют свою работу точно и с удовольствием. Можно сказать, что весь этот ансамбль образует только одну обширную машину, каждое колесо которой выполняет регулярно свою функцию.

— Да, эта дисциплина кажется мне изумительной.

— Почему изумительной? Во всякой мастерской правила распорядка обсуждаются и должностные лица избираются самими рабочими, в то время как общие законы для всех мастерских вырабатываются

выборными всего народа, т.е. выборными рабочих всех мастерских. Гражданин должен всегда подчиняться правилам или законам, в составлении которых он сам принимал участие, а потому он подчиняется им всегда без колебания и без отвращения.

— Но каким образом, — сказал я ему, возвращаясь вместе с ним, — распределяются профессии? Каждый волен выбрать ту, которая ему нравится, или вынужден принять ту, которую ему навязывают?

Распределение профессий

— Чтобы ответить на ваш вопрос, нужно сперва изложить вам систему нашего промышленного или профессионального воспитания.

Вы помните, что до восемнадцати лет дети получают элементарные сведения в области всех наук и все учатся рисованию и математике.

Мы даем им общее представление о всех искусствах и ремеслах, о сырье (минеральном, растительном и животном), об орудиях и машинах.

И мы не ограничиваемся теоретическим объяснением, а совмещаем его с практикой, приучая детей в особых мастерских обращаться с рубанком, клещами, пилой, напильником и основными инструментами, и это упражнение, которое делает молодого человека умелым и подготавливает его к освоению всяких профессий, является для него настоящим развлечением и, вместе с тем, первым трудом, полезным для общности.

Молодой человек, таким образом, способен выбрать себе профессию, когда ему исполнится восемнадцать лет. Вот как он делает свой выбор.

Ежегодно в течение десяти дней, которые предшествуют годовщине нашей революции, республика, которая на основании статистических данных знает число рабочих, необходимых в каждой профессии, публикует их список для каждой коммуны и приглашает молодых людей восемнадцати лет сделать свой выбор.

В случае конкуренции профессии распределяются по конкурсу, после экзаменов и согласно приговору самих конкурентов, образующих жюри.

Все молодые люди восемнадцати лет, находящиеся на территории республики, распределяются таким образом в один день, ежегодно, по всем профессиям и по всем местностям; это — день рождения рабочего, один из наших больших дней, один из самых главных праздников.

Но это не все! Можно сказать, что до этого времени молодой человек получал в школе индустриальное образование, элементарное и общее. Теперь, в восемнадцать лет, когда он выбрал свою профессию, для него начинается специальное, или профессиональное, обучение.

Это обучение длится довольно долго, потому что требует более или менее обширных специальных занятий для научных профессий.

Оно является теоретическим и дается на курсах, где преподают теорию и историю всякой профессии.

Оно является практическим и дается в мастерской, где ученик проходит через все ступени ученичества и начинает более полно уплачивать общности свой долг труда и пользы.

Точно так же поступают и с молодыми девушками, чтобы обучить их домашним работам или дать им общие понятия, общие навыки в отраслях промышленности, свойственных женщинам, или дать им возможность выбрать профессию в семнадцать лет, или дополнить их профессиональное образование. Судите сами, каковы рабочие и каковы работницы, получившие элементарное и специальное образование!

Видите ли вы теперь все следствия нашей системы труда и промышленности?

— Мне думается, что я вижу некоторые из них: все мужчины должны уметь использовать свои способности, чтобы расширить границы человеческой изобретательности; все женщины должны знать в совершенстве домашние работы; в домах не должно быть магазинов, все дома предназначаются только для семейных квартир; все мастерские должны быть распределены по различным кварталам и снаружи декорированы, чтобы таким образом способствовать украшению всего города; ни у кого нет интереса скрывать или красть полезное изобретение; никто не знает, что такое уплата по векселям и что такое банкротство!

— Наша система имеет еще и другие полезные последствия. В старое время наши рабочие, вынужденные думать только о денежном заработке, работали скоро и плохо; часто они даже сговаривались портить взаимно работу, чтобы обеспечить друг, другу дополнительный заработок. Так, когда слесари, или столяры, или маляры работали в каком-нибудь доме, то слесарь, например, портил нарочно дверь или окраску, чтобы сделать таким образом необходимой новую работу столяра или маляра. Теперь, напротив, рабочий не имеет никакого другого интереса, как только сделать возможно лучше свою работу; все его движения отмечены предусмотрительностью и разумом, и все работы почти совершенно безупречны.

Вы можете поэтому легко заметить чувство достоинства, которым дышат лица наших рабочих или, вернее, наших граждан!

Каждый рассматривает свой труд как общественную службу, точно так же как каждое должностное лицо рассматривает свою службу как труд.

Заметили ли вы также, как регулярен распорядок для движения нашего населения по улицам города. В пять часов все встают; к шести часам все наши общественные средства передвижения и все улицы переполнены мужчинами, которые направляются в свои мастерские. В девять часов вы видите женщин и детей. От девяти до часа пополудни все население находится в мастерских или школах. В половине второго вся масса рабочих оставляет мастерские и соединяется со своими семьями и соседями в народных ресторанах. От двух до трех все обедают. От трех до девяти все население наполняет сады, террасы, улицы, места для гулянья, народные собрания, курсы, театры и все другие общественные места. В десять часов все ложатся спать, и в течение ночи, от десяти до пяти, улицы совершенно пустынные.

— У вас, стало быть, также есть закон о тушении огней, закон, который казался таким тираническим?

— Предписанный тираном, он, действительно, был невыносимым притеснением, но принятый всем народом, в интересах его здоровья и хорошего порядка в работе, — это наиболее разумный, наиболее полезный и наиболее тщательно исполняемый закон.

— Да, я понимаю это, и понимаю также, как должны быть счастливы ваши рабочие.

— Они настолько счастливы, что потомки нашего старого дворянства гордятся званием слесарей, печатников и т.д., которое заменяет титулы герцогов или маркизов.

Все эти детали, сообщенные мне с любезностью, которая удваивала их цену, меня бесконечно интересовали, хотя и не уменьшали моего нетерпения подвергнуть Кориллу допросу, необходимому для моего спокойствия.

Представьте мою досаду, когда, найдя в ее семье госпожу Динаме, ее дочь и сына, которые зашли к ним, чтобы вместе отправиться гулять, я услышал, как Корилла сказала:

— Мне нужно взять урок истории у профессора, и я пойду с ним: вы, мсье Вильям, дайте руку Динамизе!

Вальмор предложил руку госпоже Динаме.

Я почти хотел бы найти предлог, чтобы уйти, но это было невозможно, и я предложил свою руку как только мог непринужденно. Я бы охотно избил себя, до такой степени я чувствовал себя смущенным рядом с молодой очаровательной девушкой, которую считал еще более любезной, чем красивой, и которую я так горячо желал видеть, когда я впервые услышал ее голос.

Она казалась так же мало довольной, как и я, и ее смущение еще больше увеличивало мое.

Пройдя некоторое время, не говоря ни слова или говоря о хорошей погоде и прекрасных деревьях, я думал доставить ей удовольствие, заговорив о Вальморе и расхваливая его со всем пылом, который мне внушила живейшая и искренняя дружба, тем более, что мне казалось, будто она слушала меня с волнением и некоторым удовольствием.

В свою очередь, она мне говорила о своей подруге Корилле, восхваляя ее ум и веселость, выражая к ней самую нежную привязанность и уверенность, что никто не заслуживал больше, чем она, быть любимой и счастливой.

Но судите о моем удивлении, когда она прибавила, что Корилла с нетерпением ожидала приезда друга ее брата, которого она любила и за которого должна была выйти замуж.

— Мадемуазель Корилла выходит замуж! — воскликнул я.

— Я думала, что вы это знали, — заметила она в крайнем смущении.

Я таким образом узнал случайно тайну, которую желал знать, и все же не знаю (насколько человеческое сердце неисповедимо), доставило ли мне это открытие огорчение или удовольствие. Но оно погрузило меня в мечты и неопределенное смущение, в которых я не мог отдать себе отчета.

Я проводил назад мадемуазель Динамизу, нежный голос которой не

мог восстановить спокойствие в моей душе. Я испытывал такое сильное желание остаться наедине с самим собой, что ускользнул, как только получил возможность сделать это.

Глава тринадцатая. ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДРАВЬЕ. ВРАЧИ. БОЛЬНИЦЫ

«Очень любезно с вашей стороны, Вильям! Вы бросаете нас, чтобы проводить Динаизу, и не возвращаетесь даже, чтобы попрощаться со мной!.. Я рассердилась!..

Однако я готова вас простить: нужно лишь, чтобы вы пришли просить извинения. Приходите сегодня вечером, в восемь часов, чтобы проводить меня к Динаизе.

Приходите непременно! Я сообщу вам нечто весьма приятное. Приходите!»

Эта записка снова повергла меня в замешательство: «Что означают, — говорил я себе, — этот гнев и прощение? Что собственно хочет она мне сообщить? О своем браке? Не кокетка ли она? Нет, нет, она — сама искренность! Увидим!»

После завтрака я пошел вместе с Евгением и его знакомым врачом, который нас сопровождал, осматривать больницу квартала.

Я думал, что придется оставить там моего бедного товарища, чтобы излечить его от возбуждения, вызываемого его постоянно возрастающим энтузиазмом от всего, что он видел в Икарии.

Признаюсь, что и сам я все больше и больше приходил в восхищение и целиком разделял взгляды, которые он изложил в своем рассказе брату о нашем посещении. Я сейчас приведу его письмо, но раньше сообщу о своем разговоре с Кориллой.

Она была готова, когда я пришел, и мы сейчас же вышли.

— Идите же, — сказала она мне, взяв меня под руку, — я хочу сообщить вам мою радость! Вы знаете, что брат мой любит Динаизу, он сходит с ума по ней, бедный мальчик!.. Но ведь она так мила, добра, любезна, очаровательна!.. Мне не нужно об этом говорить вам; услышав и увидев ее в первый раз, вы нашли ее голос божественным... наружность ангельской!.. Да, это ангел по отношению ко всем своим родственникам и друзьям, и если бы она была менее скромной, более уверенной в себе, менее дикой или робкой с людьми, которых она знает очень мало, она была бы совершенством.

— Она, стало быть, любит Вальмора? — спросил я ее.

— Да и как бы она не любила его, такого образованного, уважаемого славного юношу, брата ее лучшей подруги, лучшего друга ее брата, юношу, с которым она, так сказать, вместе выросла!.. О, как были бы мы все несчастны, если бы она не любила его!..

Сколько огорчения она мне иногда причиняла, когда у нее случайно вырывалось замечание, что она не могла бы никогда покинуть свою мать и поэтому не желала бы выходить замуж!.. Она, казалось, избегала Вальмора, хотя относилась к нему весьма дружески, когда они встречались. Бедный Вальмор не осмеливался говорить ей о своей любви, и все мы, мои родные и ее родные, которые желают этого брака

так же, как мой брат, не осмеливались настаивать на положительном ответе. К счастью, однако, плохие дни прошли: с некоторого времени она бывает у нас чаще. Брат ее и мать подают нам самые лестные надежды; они даже больше не сомневаются в ее согласии, и мы условились, что послезавтра наши матери потребуют у нее положительного ответа, который нас всех переполнит счастьем. Вы увидите наши свадьбы... И, чтобы знать наверное, что у меня будет кавалер, который мне нравится, я заранее вас приглашаю: вы будете моим кавалером, Вильям.

Хотя я весьма искренно разделял ее пожелания, надежды и радость по поводу Вальмора, я чувствовал недовольство и был почти задет ее молчанием по поводу ее самой.

— И вы не имеете ничего больше доверить мне? — спросил я ее.

— Нет.

— Ничего?

— Да нет, несомненно, ничего.

— Вы скрываете от меня свой собственный брак.

— Как? Мать моя вам рассказала об этом...

— Нет.

— Так как же...

— Да нет, говорю я вам...

— Я так и думала...

— И этот брак вам нравится?

— Он дополнит их счастье... Это лучший из людей... Вы, несомненно, полюбите его, когда он вернется через два месяца... В письме, которое мой отец получил от него сегодня утром, он пишет, что, узнав вас по нашему описанию, он уже разделяет нашу дружбу к вам... Он будет одним из лучших мужей, а я буду одной из наиболее счастливых жен.

— А я, чем был бы я, если бы любил вас?

— Если бы вы меня любили... Ха, ха, ха [захохотав]... а прекрасная мисс Генриетта, которая вас любит, которую вы любите, на которой вы обещали жениться и на которой вы женитесь через восемь или десять месяцев...

— Вы смеетесь!.. Но если бы я вас любил, снова повторяю вам...

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнула она с ужасом. — Сколько упреков, сколько сожалений, сколько угрызений, как была бы я несчастна!.. Вильям, милорд, пожалуйста, успокойте меня скорее!..

— Так вот, да, я вас люблю, я вас нежно люблю... Я вас люблю, как самый нежный брат, как самый почтительный и преданный друг...

— Ах, я могу вздохнуть свободно, — сказала она. — Какую тяжесть вы с меня снимаете. Какое благо вы мне доставляете!.. Я была в этом уверена!.. Но какой урок для девушек!.. Прощайте, мой друг, не заходите к нам, оставьте меня. Я побегу к матери рассказать ей, как ваша сестра счастлива дружбой своего нового брата!

«Святая дружба, — говорил я себе, удаляясь, — я знаю только тебя, но когда ты даешь нам такую подругу, кто лучше, чем ты, может заслужить наше поклонение и наше почитание!»

А теперь следует письмо Евгения к его брату.

Общественное здравие. Врачи. Больницы

Почему ты не здесь, около твоего брата, мой дорогой Камилл, ты, чье сердце исполнено любви к человечеству! Почему ты не находишься около твоего друга, чтобы делить с ним его восхищение и сожаления, его восторг и скорбь! Я только что осмотрел икарийскую больницу вместе с одним из здешних лучших врачей, который любезнейшим образом все показал мне и все объяснил. Слушай!

Не буду описывать тебе колоссальное здание, или, скорее, великолепный дворец, расположенный на небольшой открытой возвышенности, среди обширного и очаровательного сада, перерезанного красивым ручьем. Так как ты уже знаешь, что республика всегда стремится к удобству и привлекательности всех своих общественных зданий, воздвигаемых в соответствии с образцовым планом, то легко себе представишь, чем должна быть в Икарии больница, которая принимает не бедных и нищих, а всех граждан без исключения (когда они страдают серьезной болезнью), и граждан, живущих так хорошо! Я не лгу, говоря, что внутренность так же великолепна, как и внутренность роскошного дворца; она еще более прекрасна, чем внутренность домов, ибо республика думала, что больных граждан следует устроить еще лучше, чем граждан, находящихся в добром здравии.

Среди зелени и цветов видны статуи тех людей, которые оказали больше всего услуг лечебному искусству.

Но сильнее всего удивили меня меры предосторожности против шума, скверных запахов и вообще всего, что может раздражать больных, в особенности заботы о том, чтобы доставить им удовольствие – то гармонической и нежной музыкой, доносящейся из невидимого автомата, то приятными благоуханиями и всегда красочными предметами, услаждающими взоры.

И в такой же степени вызывали мое восхищение подвижные и эластичные постели, бесчисленные инструменты и машины, придуманные для переноски больных, а также чтобы дать им возможность принять любое положение, могущее принести им облегчение, или чтобы избежать несчастных случаев и боли, или чтобы облегчить операции и перевязки.

Все устроено так, словно самая заботливая и нежная мать употребила все усилия, чтобы удалить страдание от постели своего горячо любимого ребенка. Если бы ты видел, сколько здесь проявлено забот, чтобы сделать лекарства менее горькими, перевязки менее мучительными и даже операции менее страшными и менее жестокими! Можно сказать, что больной, является любимцем благодетельного божества.

Я был глубоко тронут, но, однако, уже больше ничему не удивлялся, когда сообразил, что республика предписала комитету общественного здравия организовать все к наибольшему благу больных, не останавливаясь ни перед какими расходами. Меня уже

больше ничто не поражало, когда я подумал, что в этой больнице нет ни одного наемного работника и ни одного бедного, а только граждане, которые ухаживают за больными, как за своими детьми, и больные, которые видят вокруг себя только братьев.

Каждый больной, его семья и друзья к тому же имеют удовольствие видеться так часто и так долго, как это позволяет благоразумие и разрешает врач.

Когда этого требует характер болезни, больной помещается в отдельной палате, но обычно больные лежат в обширных залах, в которых помещаются кровати, а когда является семья, то место больного сразу превращается в закрытую комнату, куда можно войти, не проходя мимо других больных.

Посмотри, как все прекрасно устроено для ухода за больными!

Врачи, хирурги, аптекари и сиделки живут в районе больницы и, можно даже сказать, в самой больнице. Они настолько многочисленны, насколько это необходимо, и никогда не утомляются чрезмерно, так как каждый из них работает не больше шести или семи часов в день.

Ежедневно врачи навещают три или четыре раза всех больных, а в промежутках они всегда остаются в достаточном числе в больнице на случай, если бы потребовалась их экстренная помощь какому-нибудь больному. Кроме того, там находится много молодых врачей, которые всегда остаются в залах, чтобы перевязывать больных и следить за течением болезней, а также вызывать врачей в случае нужды.

Лечение больных производится по крайней мере тремя врачами, а операции – хирургом в присутствии двух других; в очень тяжелых случаях на консультацию собираются все врачи и хирурги больницы.

Ты понимаешь, насколько полезнее для больного лечиться в больнице, ибо, оставляя в стороне те удобства, которые он нашел бы дома в кругу своей семьи, он в больнице находит бесконечное число преимуществ, которые ему невозможно было бы получить в другом месте.

Впрочем, только в случае серьезных болезней больные перевозятся или переносятся в больницу, а эти заболевания, устанавливаемые врачами, хорошо известны во всех семьях из книг по гигиене.

Что касается легких болезней и недугов, которые не требуют помощи врача, то их лечат в семьях, главы которых, проходившие курсы гигиены и умеющие пользоваться книгами, прекрасно знают все случаи, когда вмешательство врача является необходимым, » случаи, когда в них нет нужды, и способ лечения, которому надо следовать, и умеют готовить лекарства, большинство которых готовится в небольшой домашней аптеке.

Это всеобщее знакомство с гигиеной, в соединении с небольшими аптеками в каждой семье, представляет неоценимое нововведение, ибо если прежде семьи не умели готовить самые простые

лекарства, которые прописывались врачами, не дававшими себе труда объяснять способ их приготовления, то теперь нет никого, кто не умел бы готовить обычные лекарства. В то время как большинство этих лекарств обычно применялось наугад или даже во вред больному, теперь нет ни одного, которое не употреблялось бы осмотрительно и целесообразно.

В виде примера я возьму ножные ванны. Больные или другие члены семьи пользуются этими ваннами по предписанию, а часто без предписания врачей, причем врачи даже не осведомляются, хорошо ли в семье умеют готовить эти ванны. А между тем, ты хорошо знаешь, что ножная ванна может быть приготовлена на тысячу ладов, очень горячая или недостаточно горячая, очень длительная или недостаточно длительная, с большим или малым количеством воды и т.д. и т.п., и из тысячи способов только один полезен, а все остальные вредны, а иногда и губительны; однако невежественные люди избирают почти всегда один из вредных способов. Сколько несчастий вызывалось таким образом, тогда как теперь в Икарии нет женщины или мужчины, которые не умели бы отлично приготовить ножную ванну.

Гигиена доводится до того, например, для зубов, что ежедневный уход за ними с детства почти целиком охраняет их от мучительных и опасных заболеваний, которые были так часты в прежнее время.

Другое большое и ценное нововведение заключается в том, что к каждой мастерской, работа в которой может вызвать какие-нибудь несчастные случаи, приписан хирург с маленькой аптечкой, чтобы оказать сейчас же необходимую помощь пострадавшему.

Таким образом, врачи, особенно в городе, посещают семьи лишь изредка и только в экстренных случаях (ибо они чаще всего разъезжают по деревням). Для таких дальних поездок в небольшой общественной конюшне, устроенной при каждой больнице, всегда имеются наготове верховые лошади.

Стало быть, только в больнице врачи лечат больных, нуждающихся в их помощи, и главным образом только в больнице производятся почти все хирургические операции.

Из этого вытекает для успехов медицинского искусства неизмеримая польза, которую ты, конечно, понимаешь, а именно, все старые врачи или хирурги, молодежь и студенты, могут присутствовать — и присутствуют — при всех важных операциях и при лечении всех серьезных болезней. Таким образом опыт одного идет на пользу всем другим, и опыт этот весьма велик, потому что каждый врач или хирург наблюдает всех больных квартала или коммуны.

Но и другое важное нововведение должно вызвать твое удивление!

Икарийцы, убежденные, что серьезные и многочисленные неудобства вытекают оттого, что врачами, помогающими при родах, оперирующими и лечащими женщин, являются только врачи-

мужчины, установили, чтобы среди врачей и хирургов было столько же женщин, сколько и мужчин, и чтобы только женщины осматривали, помогали при родах, оперировали и лечили женщин, в то время как мужчины предоставляются исключительно заботам врачей-мужчин.

Ты не можешь себе представить, сколько преимуществ вытекает из этой медицинской революции!

Ты понимаешь, что женщина может быть столь же умна и образованна, как мужчина, в общем более терпелива, более обходительна, в особенности более приветлива, что она должна внушать больше доверия, менее оскорбляя стыдливость, и она может даже лучше знать болезни, свойственные ее полу. Но ты, быть может, скажешь: откуда у женщины возьмутся мужество и сила, особенно необходимые при хирургических операциях? У женщин нет недостатка в мужестве. Более привычные, чем мужчины, к своим страданиям и к зрелищу чужих страданий, они умеют совмещать с мужеством большую ласковость, помогающую переносить страдание, а также большую отзывчивость к скорбим и способность утешать их.

Что касается силы, то женщины обладают ею в достаточной степени, так же как и достаточной сноровкой для всех обыкновенных случаев, в особенности пройдя хирургическую школу, и если в некоторых редких случаях оказывается необходимым вмешательство мужчин, то это вмешательство испрашивается самой женщиной-врачом, делающей операцию.

Таким образом, в республике нет акушеров, а есть только акушерки, нет хирургов и врачей для женщин, а есть только женщины — хирурги и врачи.

Когда женщины серьезно заболевают, то их, как и мужчин, направляют в больницу. Поэтому каждая больница состоит из двух одинаковых отдельных зданий: одного — для женщин, где лежат только женщины, и другого — для мужчин, где находятся только мужчины.

А вот и другое нововведение. Почти все женщины рожают в больнице, куда они переходят за несколько дней до родов и остаются в течение необходимого времени. Из опасения, что это нововведение отпугнет многих женщин, республика долго откладывала его применение, пока воспитание и общественная польза не убедили женщин, что эта мера не представляет для них никаких реальных неудобств и что они, напротив, найдут в ней неизмеримые преимущества для своих детей, для себя и для нации.

Ты понимаешь, что при таких условиях установить факт рождения очень легко. Именно в больнице, в самый момент родов, регистрируется рождение согласно заявлениям акушерок.

Ты понимаешь также, что при наличии системы общности нет никаких мотивов скрывать рождение и гражданское состояние ребенка.

Некоторые женщины, однако, рожают у себя, но всегда в присутствии по меньшей мере трех акушеров, и исключительные случаи, при которых женщины пользуются лечебной помощью вне больницы, более многочисленны, чем для мужчин.

Маленьких детей большей частью лечат на-дому, и до пятилетнего возраста и мальчиков и девочек всегда лечат женщины.

Детей старшего возраста лечат в небольшой школьной больнице или в обычной больнице.

Что касается немощных или стариков, которые могут пользоваться уходом как в семье, так и в больнице, то их окружают нежным уходом родные.

Никогда не увидишь здесь такого возмутительного зрелища, как слепой, передвигающийся с помощью палки или собаки и вынужденный, в упрек людям и природе, просить милостыню. Нет, напротив, более трогательного зрелища, какое видишь здесь в местах гулянья, когда юноши или девушки катают в прекрасных маленьких колясках старых родителей или братья и сестры – маленьких детей, в сопровождении отцов и матерей!

Ты легко догадаешься, что все службы, больницы, кухня, прачечная, бани представляют собою огромные и великолепные постройки, но, что тебя больше всего очаровало бы, – это меры, принятые, чтобы всюду при помощи машин, без шума и почти без помощи рук, поднимать все кушанья, лекарства и снадобья, ванны и воду до самой постели больных.

Еще более удивили бы тебя аптека, ее лаборатория и армия фармацевтов.

Представь себе, если можешь, ее огромные размеры, когда я скажу тебе, что в квартале или коммуне имеется лишь одна такая аптека, которая доставляет не только все необходимые лекарства для больницы, но и снабжает ими все домашние аптеки.

Но всего этого мало, мой дорогой Камилл, – нужно ознакомиться с системой медицинского образования.

Молодых девушек семнадцати лет и молодых юношей восемнадцати лет, желающих посвятить себя какой-нибудь отрасли медицины или хирургии, сперва подвергают экзамену, чтобы проверить их элементарное образование.

Все допущенные к изучению медицины проходят в специальной медицинской школе в течение пяти лет общие курсы, целью которых является ознакомление их, одинаково для всех, со всем состоянием медицины и хирургии.

После нового экзамена каждый выбирает медицину или хирургию и проходит затем в течение двух лет курсы, представляющие для него специальный интерес.

После третьего экзамена каждый хирург или врач опять-таки выбирает себе одну из многочисленных специальностей и в течение года проходит еще новые частные курсы.

Таким образом, имеются врачи по всем болезням и врачи-

специалисты; врачи по детским болезням, врачи-психиатры и врачи по разным глазным болезням; точно так же имеются хирурги вообще, затем дантисты, окулисты, акушерки и другие специалисты-хирурги для сложных хирургических операций.

Только после четвертого экзамена учащийся получает звание врача или хирурга и может заниматься своей профессией.

И никто не может жаловаться на продолжительность обучения, ибо каждый получает содержание от республики.

Но представляешь ли ты себе, что за люди все эти врачи-хирурги, и, например, эти дантисты, которые так же учены, как и самый ученый врач и самый ученый хирург? Поэтому (ты, быть может, будешь смеяться, а между тем это правда) искусство и наука дантиста настолько усовершенствованы, дети до такой степени приучены ухаживать ежедневно за своими зубами, дантисты так часто посещают семьи, что икарийцы почти не знают уже ни страшной зубной боли, ни потери зубов.

Прибавь теперь к этим средствам все, что можно придумать с целью облегчить и усовершенствовать занятия: анатомические музеи (содержащие препараты всех частей человеческого тела и картины всех болезней – в виде костей, скелетов, в воске и рисунках); музеи краниологии (содержащие тысячи замечательных черепов со всеми их особенностями); музеи сравнительной анатомии (демонстрирующие строение всех животных); хирургические музеи (содержащие все инструменты и описание операций) и т.д. и т.п. Прибавь также практику в связи с теорией, ибо, как только учащиеся получили достаточную подготовку, они присутствуют в больницах при всех лечебных процедурах и всех операциях, делают больным перевязки и следят за их лечением.

Прибавь, наконец, такое неизмеримой важности нововведение, что все трупы без исключения вскрываются в огромном амфитеатре в присутствии всех учащихся, под руководством одного или нескольких врачей, которые пользовали усопшего, и протокол, составляемый при всяком вскрытии, регистрирует все поучительные факты, не упоминая имени данного лица.

Республика долго не могла победить предрассудок в отношении вскрытий, как она долго не могла победить предрассудок в отношении родов в больнице в присутствии многих других женщин, но, наконец, при помощи непреодолимого могущества воспитания и общественного мнения, она сумела убедить каждого, что его рождение и смерть, как и его жизнь, должны быть посвящены благу ему подобных. Первые обращенные сами завещали вскрывать их, тогда как другие запрещали это делать; в настоящее время разум одержал окончательную победу над предрассудком.

Эти два главных акта – роды и вскрытие – окружены, впрочем, по постановлению республики, известного рода религиозным почитанием.

В течение нескольких лет имена рожениц и лиц, подлежащих

вскрытию, оставались неизвестны присутствовавшим при нем лицам; даже в настоящее время тела женщин доверяются только женщинам. Это священная реликвия, которую не должен профанировать глаз мужчины, тем более, что вскрытия, производимые женщинами-хирургами, опубликовываются как сделанные мужчинами-хирургами.¹⁸

В другой раз я расскажу о погребении, а пока скажу только: вместо того, чтобы быть предоставленными гниению и червям, останки людей посылаются в небо, превращенные в пламя, которое не нуждается в кладбищах и не боится никаких профанации.

Я не кончил бы, если бы хотел, дорогой мой брат, описать тебе все выгоды, которые вытекают из этой системы погребения, родов и наблюдений над трупами, производимых врачами и хирургами всех специальностей, из которых одни исследуют сердца, другие печень или иные части тела. Скажу, однако, что роды совершаются не только без всякой опасности как для матери, так и для ребенка, но что их умеют обставлять и облегчать почти до полного устранения всякой боли. В настоящее время умеют даже производить на теле ребенка операции, которые имеют огромное влияние на его здоровье, силу, физическое и умственное совершенство.

Что касается вскрытий, то открытия, к которым они дали повод, заставляют смотреть на них как на одно из величайших благодеяний, полученных человечеством.

Мне не нужно говорить тебе о журналах по медицине и хирургии, которые публикуют все наблюдения, усовершенствования и открытия.

Мне не нужно также говорить тебе о фармацевтах и о фармации. Ты, конечно, понимаешь, какая революция совершилась в этой важной профессии: исследования фармацевтов, их теоретическое и практическое образование, в особенности их безукоризненная честность, проистекающая из высокой квалификации и стремления заслужить общественное уважение при отсутствии всякого интереса к обогащению.

Могу тебе сказать, что их искусство сделало такие успехи, что им удалось нейтрализовать все неприятные свойства лекарств и сделать их даже почти все приятными.

Ты можешь сам догадаться, что сиделки имеют необходимую подготовку, но я прибавлю, что эта профессия вообще избирается лицами, которым их плохое здоровье запрещает брак и которые, будучи лишены возможности дать отечеству новых граждан, посвящают себя сохранению тех, которых оно имеет, в то время как республика ничего не тратит, чтобы обеспечить им все другие средства быть счастливыми, а больные почитают их, как служителей божества!

Суди теперь, мой дорогой друг, каковы последствия всех этих революций в медицине, хирургии, гигиене и фармации! Результаты таковы, что несколько болезней, которые считались неизлечимыми, теперь легко излечиваются, другие совершенно исчезли, и смертность

необычайно уменьшилась.

Икарийцы не только заимствовали из-за границы оспопрививание с целью предотвратить такой бич, как оспа, которая обезображивала людей и уносила их массами в могилу. Они ввезли или открыли много других средств с целью предотвратить другие, почти столь же страшные бедствия, и в то время как гений воспитания учит заик говорить плавно, глухонемых — все понимать глазами и все говорить пальцами, слепых — все видеть при помощи осязания, хирургия возвращает речь немым, слух — глухим, зрение — слепым и члены тела — тем несчастным, которые лишились их. Таким образом, теперь можно сказать: в Икарии нет больше ни слепых, ни глухих, ни немых, ни беззубых и т.д. Республика доставляет также каждому все инструменты и все лекарства, необходимые для его здоровья.

И все эти инструменты безукоризненны, так как никто не заинтересован в том, чтобы производить и распределять плохие.

Нет ничего более любопытного, чем магазин, в котором они содержатся.

Их распределяет опытный хирург-механик, весьма искусно приспособляющий их к нуждам больного. Если бы ты видел, например, как внимательно выбирает окулист стекла, которые необходимы для исправления зрения, подбирая почти всегда различные стекла для каждого глаза.

И ты можешь быть уверен, что такого рода приборы выдаются только тем, кто в них действительно нуждается.

Ты не найдешь здесь смешной моды носить бесполезные и вредные очки.

И тебе никогда не приходилось бы здесь возмущаться, как это ты часто делал, привычкой, обыкновенно столь же бесполезной и стеснительной для того, кто ее имеет, как и неудобной и неприятной для присутствующих, столь же расточительной для бедного, сколько смешной для молодых девушек и юношей, мерзкой привычкой к табаку — нужно назвать ее настоящим именем! — ибо ты увидел бы здесь курящими или нюхающими табак только незначительное число людей, которым врачи выдают табак, как необходимое лечебное средство.

Ко всем улучшениям, которые общественное здравие получает от медицины, прибавь, мой дорогой Камилл, все те, которые оно получает от нового общественного строя.

Так, например, нет больше вредных произведений, нет чрезмерного труда ни для женщин, ни для детей, ни для мужчин, почти нигде нет несчастных случаев, нет нищеты, плохих съестных припасов, пьянства, неумеренности, а следовательно, почти нет подагрических заболеваний, нет больше сильных страстей, а потому и почти нет сумасшедших; нет больше разврата, а потому нет больше позорных болезней, которые под покровом тайны уносили столько жертв.

Прибавь, наконец, что исчезли и те губительные привычки, которые с детства истощают тело, губят разум, иссушают сердце и

душу и приносят человечеству, быть может, больше зла, чем чума. Республика, комитеты воспитания и здравия, отцы и матери так много сделали и так много делают, что этот враг юности почти совершенно исчез.

Вот такая колоссальная революция в общественном и индивидуальном здравии. В республике нет теперь и сотов части больных, которые были в стране до революции.

Какая разница также в продолжительности жизни. Детство счастливое и лишнее труда, зрелость без усталости и забот, благополучная старость без печали почти удваивают средний возраст человеческой жизни.

Какой рост населения, которое увеличивается непрерывно благодаря плодovitости женщин, не знающих безбрачия, всегда здоровых и счастливых, в то время как молодежь не истребляется теперь ни путем детоубийства или войн, ни избиениями или казнями, ни убийствами, дуэлями или самоубийствами. Таким образом, с двадцати пяти миллионов жителей, которых Икартия насчитывала в 1782 году, она теперь дошла почти до пятидесяти миллионов, не считая нескольких колоний!

И это еще не все! Больше всего приходится удивляться улучшению чистоты крови, цвета лица, красоты форм.

Ты знаешь, как сильно влияют избыток или нужда, спокойствие или горе, достаток или нищета на физическую красоту и умственные способности. Ты знаешь, насколько дети богатых в общем более красивы, чем дети бедных, как известные категории населения красивы и как некоторые другие обезображиваются нищетой.

Рассчитай поэтому, какое действие на физическое и нравственное совершенствование должны были произвести все нововведения и все благосостояние, которым наслаждаются икартийцы.

В первые дни после моего приезда я почти не верил своим глазам, когда видел столько сильных и величественных мужчин, прекрасных женщин, красивых молодых людей, очаровательных девушек и детей, которых можно было принять за ангелов. Но теперь я уже ничему не удивляюсь!

Прими еще во внимание, что вот уже пятьдесят лет, как многочисленная комиссия, учрежденная Икаром, состоящая из врачей и наиболее сведущих людей, занимается непрерывно усовершенствованием человеческого рода в убеждении, что человек во всех отношениях бесконечно более способен к усовершенствованию, чем другие животные и растения.

Республика прежде всего устанавливает при помощи этой комиссии случаи, в которых молодой человек или молодая девушка могут дать жизнь больным детям, а закон тогда запрещает им вступать в брак. Он предписывает родителям больного не только предупредить юношу и девушку о болезни, но и воспротивиться браку; он обязует должностных лиц напомнить им их долг в этом

отношении до торжественного обручения, и хотя этот закон не имеет никакой другой санкции, кроме общественного мнения, никто его не нарушает, — такова его сила и сила воспитания!

Но это еще не все. Из всего, что я видел здесь или узнал, ничто не поразило меня до такой степени, как труды, опыты, наблюдения, открытия, достижения и перспективы этой комиссии усовершенствования, журнал которой жадно читается всеми учеными. И когда я размышляю об этом, ничто не вызывает во мне большего раздражения против аристократии и монархии, которые в продолжение стольких веков совсем не заботились об усовершенствовании человеческой расы и в то же время столько трудились над усовершенствованием пород собак и лошадей, тюльпанов и персиков.

Заметь только эту непоследовательность. Почти всегда и почти всюду запрещали брак между братом и сестрой. И почему? Потому что знали, что если бы братья и сестры вступали между собою в брак в течение нескольких поколений, то дети их все больше вырождались бы. Стало быть, уже была понята необходимость смешивать кровь, смешивать семьи, скрещивать расы. И несмотря на это, ограничились одним только запрещением браков между близкими родственниками.

Здесь, напротив, республика, добрая республика, Народное представительство, комиссия усовершенствования, сам народ думают и работают постоянно над улучшением человеческой расы; брюнет выбирает блондинку, блондин — брюнетку, горец — дочь равнины, и часто северянин — дочь юга. Республика ведет переговоры с несколькими наиболее красивыми чужеземными народами, чтобы получить большое число красивых детей обоего пола, которых она усыновляет, воспитывает и сочетает со своими гражданами. И, как бы ни были уже великолепны результаты этих опытов, я не осмелился бы сказать тебе, как далеко заходят надежды икартийских ученых по вопросу о физическом и умственном усовершенствовании человечества.

И все эти чудеса, которые преисполняют меня восхищением и в то же время гнетут меня скорбью при мысли, что Июльское солнце могло вырастить такие же прекрасные плоды на плодородной земле нашего прекрасного отечества, а произвело только бунты и гражданскую войну, расстрелы и обстрелы картечью, проскрипции и казни вместе с извращением умов, раболепством душ и трусостью сердец!.. О мой брат! О мое отечество!

Глава четырнадцатая. ПИСАТЕЛИ. УЧЕНЫЕ. АДВОКАТЫ. СУДЬИ

Я собирался выйти, когда ко мне вошел Вальмор, сияя радостью.

— Я слишком счастлив, — сказал он, бросившись ко мне на шею, — чтобы не сообщить тебе сейчас же о моем счастье! Ибо мы теперь почти братья, так как моя сестра почти твоя сестра, и я хочу с тобой обращаться, как с братом, так как жду от тебя всех свидетельств братской дружбы... Мое счастье поэтому должно быть твоим счастьем,

как твои муки были бы моими страданиями. Корилла вчера мне сказала и всем нам рассказала после твоего ухода, и я не знаю, что доставляет мне большее счастье: дружба моей сестры к тебе или нежность Динаизы к твоему другу. С каким нетерпением я жду ее согласия! Какими долгими покажутся мне эти два дня, хотя брат ее и мать почти уже дали мне за нее слово!

— О друг мой, как я буду счастлив! Если бы ты знал, какое это сокровище, какой ангел!.. Ты ее видел и слышал. Но ты не знаешь ее ума, ее души, ее сердца... Если бы ты знал ее, как я, ты понял бы мой энтузиазм, мои восторги... Ты, быть может, полюбил бы ее тоже... но тогда я убил бы тебя!..

— Хорошо, очень хорошо, — сказал я ему со смехом. — Как икариец-мудрец, философ, умеи укрощать свои страсти! Как ты торопишься, мой бедный Вальмор! Ты, стало быть, Каин в Икарии, священник-человекоубийца!

— Да, так... но мисс Генриетта ведь существует... И ты был бы бессмертен, — прибавил он, обнимая меня, — если бы тебе пришлось умирать только от руки Вальмора!

— Но будем говорить серьезно; мы проведем вечер вместе, и Корилла просит тебя притти пораньше. Не забудь же!

Когда он закончил эти слова, вошел со смехом Евгений.

— Вы еще не знаете? — спросил он. — Я вчера чуть не подрался!

— Вы — драться! В этой стране! Вы шутите?

— Да, я все еще смеюсь над этим... Он весь покраснел от гнева, это большое животное, прибывшее уже дня три-четыре тому назад неизвестно откуда, что-то весьма трудно определимое. Вы, вероятно, заметили его огромную бороду и острый чуб.

— А что было серьезной причиной вашей ссоры?

— Вы сейчас узнаете! Разговор шел о прелестной песенке, посвященной женщине, и по поводу этого кто-то сказал, что все икарийские песенки очень хороши, потому что никто не может напечатать какое-либо сочинение без разрешения республики. «Вы ошибаетесь, — воскликнул человек с острым чубом, грубо прервав его. — Невозможно, чтобы республика налагала цензуру, как это делала монархия! Это невозможно!» «Не знаю, — сказал я в свою очередь, — но я также думаю, что писать можно только с разрешения республики.» — «Так вот, вы неправы, думая это!» — «Однако разве это не простое следствие принципа общности?» — «Такое следствие было бы явной нелепостью!» — «Но мне кажется, что республика могла бы позволить печатать книги лишь известным людям, как она позволяет только фармацевтам готовить лекарства.» — «Ваша столь хваленая республика была бы более деспотической, чем деспот!» — «Но, милостивый государь, свобода не есть право делать все без различия, она состоит только в том, чтобы делать лишь то, что не вредит другим гражданам, а некоторые песенки могут представлять собою нравственный яд, столь же смертоносный для общества, сколько и физические яды.» — «Вы противник свободы печати!» — «Нет,

милостивый государь, я желаю, чтобы она была в деспотических монархиях, но в Икарийской республике...» — «Вы переодетый аристократ!..»

Я, быть может, оборвал бы грубияна, если бы взрыв смеха слушателей, когда он назвал меня аристократом, не заставил меня самого рассмеяться и не положил конец спору.

— Так вот, что скажете вы по этому вопросу, вы, посещающий ученых, — прибавил Евгений, обращаясь ко мне, — или скорее вы, господин икарийский ученый? — сказал он, обращаясь к моему другу.

— Вам ответит Вильям, — сказал Вальмор.

— Право, я не знаю ничего определенного по этому вопросу, — ответил я, — но я думаю, как и вы, основываясь на том, что мне известно об организации Икарии, что писание сочинений должно быть профессией, как и медицина; я думаю, что здесь имеются национальные ученые, писатели, поэты, как имеются национальные врачи, священники, профессора; я убежден даже, обдумывая этот вопрос, что одна только республика может печатать книги, так как только она имеет типографии, печатников, бумагу и т.д., и республика, несомненно, печатает только хорошие произведения. Никто не может продавать книг, потому что никто не имеет денег, чтобы купить их: никто не может иметь никаких книг, кроме книг, распределяемых бесплатно, и опять-таки несомненно, что республика не может распределять плохие книги.

— Да, ваши аргументы грубияну мне кажутся неопровержимыми. Я убежден, что никто не может печатать свои произведения без согласия республики, и в этом нововведении, которое на первый взгляд удивляет, я не вижу никакого неудобства, ибо кто мог бы жаловаться, что он не может напечатать плохую книгу (которую все равно не читали бы), когда республика дает каждому пиитцу одежду и жилище? И если какой-нибудь хороший гражданин, посвящая свои досуги общему благу, пишет полезное произведение, то как можно допустить, что республика не позаботится принять его и напечатать?

— Что касается меня, — заметил вновь Евгений, — то я не только не вижу никаких неудобств, но предвижу огромные выгоды. Я предполагаю, что труд писателя рассматривается как профессия; в восемнадцать или семнадцать лет молодой человек или молодая девушка, которые желают выбрать эту профессию, получают разрешение на это только после экзамена, свидетельствующего о наличии соответствующих способностей; будущий писатель получает тогда, в течение пяти или шести лет, необходимое специальное образование, и его произведения печатаются в силу закона по докладу комитета. Разве в этом случае мы не имели бы гарантию, что не будут печатать больше плохих книг, и в то же время все возможные шансы получить желаемые хорошие книги? Республика имела бы таким образом национальных историков, романистов, поэтов, сочинителей песен, как в былое время короли имели получавших пенсии писателей. Она требовала бы у них таких сочинений, которые она считала бы полезными. Не было бы тогда ни скабрёзных романов, ни грязных песен; никто не имел бы нужды спешить, чтобы

написать посредственное произведение. И эта система, примененная ко всем отраслям литературы, наук и искусств, Могла бы привести к совершенству. По зрелом размышлении это и есть система Икарии!

— Вы оба хорошо разобрались, — сказал Вальмор, — и я вижу с большим удовольствием, что вы уяснили себе основы нашего строя. А теперь продолжайте!

— Так как все мальчики и все девочки, — сказал я, — обучаются элементам всех наук и проходят курс литературы, то все икарийцы без исключения имеют представление обо всем и умеют выражать свои мысли устно или письменно. Совершенство икарийского языка и привычка к лаконизму²⁰, которую каждый приобретает с детства, должны еще больше распространить умение легко писать. Нет, несомненно, ни одного рабочего, который не был бы способен послать в комиссию и журналы хорошо написанные заметки, содержащие полезные указания, и, вероятно, среди них имеется множество таких, которые после своих обязательных работ в мастерской составляют хорошие произведения всякого рода, лучшие из которых могут быть приняты и напечатаны республикой.

— Именно так, — сказал Вальмор,

— Что касается многочисленных профессиональных ученых (химиков, геологов, механиков, физиков, астрономов и т.д.), то здесь дело обстоит совершенно иначе. В течение долгого времени, начиная с семнадцати и восемнадцати лет, их специальные занятия должны быть до такой степени глубокими и основательными, чтобы в самых различных отраслях ученые двадцати пяти лет могли в общем овладеть своей наукой или своим искусством во всех деталях и посвятить остаток долгой и счастливой жизни экспериментам и открытиям, расширяющим пределы этого искусства или этой науки. Именно в этой массе ученых нашлись бы экспериментаторы, специалисты прикладных наук или искусств, профессора, авторы и редакторы научных и промышленных трактатов и журналов.

— Очень хорошо!

— И точно так же, как существуют мастерские для слесарей, печатников и других рабочих, будут устроены мастерские для писателей (историков, поэтов и т.д.), ученых (химиков, астрономов и т.д.) и художников (живописцев, скульпторов и т.д.); и эти мастерские, с огромными залами для экзаменов, конкурсов и дискуссий, будут все построены по особому плану-образцу.

— Очень хорошо!

— И республика, — прибавил Евгений, — не будет жалеть никаких расходов для экспериментов, исследований, лабораторий, музеев химии и других полезных или приятных практических применений, для образования, редактирования трактатов и журналов, печатания и распределения принятых произведений.

— Очень хорошо!

— И все произведения, — прибавил я от себя, — будут одобрены или приняты на основании конкурса или отбора между учеными таким

образом, что всегда будет отобрано лучшее из большого числа хороших и прекрасных трудов.

— Очень хорошо! Очень хорошо!

— И республика, — продолжал Евгений, — печатает получившие предпочтение книги, чтобы распределять их бесплатно, как и все остальное, либо только между учеными, либо между всеми семьями, и таким образом библиотека гражданина составляется только из шедевров.

— Очень хорошо!

— И республика, — прибавил я, — могла распорядиться переделать все полезные книги, которые были не совсем удовлетворительны, например национальную историю, и сжечь все старые книги, которые найдены были опасными или бесполезными.

— Сжечь! — сказал Евгений. — Если бы мой грубиян вас слышал, он обвинил бы вас в подражании свирепому Омару,²¹ который сжег Александрийскую библиотеку, или китайскому тирану, который сжег летописи страны, чтобы услужить своей династии!

— Но я ему ответил бы, — сказал Вальмор, — что мы делаем в пользу человечества то, что угнетатели делали во вред ему; мы развели костры, чтобы сжечь дурные книги, тогда как разбойники или фанатики разводили костры, чтобы сжигать невинных еретиков. Однако мы в наших больших национальных библиотеках сохранили несколько экземпляров всех старых произведений, чтобы иллюстрировать невежество или безумие прошлого и прогресс настоящего.

— И счастливая Икария, — воскликнул Евгений, который постепенно приходил в возбуждение, — счастливая Икария движется гигантскими шагами по пути прогресса человечества! Счастливая Икария не имеет ничего плохого, не имеет даже ничего посредственного и достигла почти во всем совершенства, тогда как мое несчастное отечество, которое также могло бы устремиться вперед с орлиной быстротой, терзается и мучается, как Прометей на своей скале, скованное деспотизмом, столь же гибельным для других народов, сколько и для моих соотечественников!

— Какой прекрасный молодой человек, — сказал Вальмор, когда Евгений вышел, — как он любит свое отечество и как он вместе с тем благороден!

После обеда Евгений проводил меня к Вальмору.

Мы нашли там госпожу Динаме и ее семью, и хотя Евгений бывал уже в нескольких семьях Икарии, он показался мне очень смущенным, когда случайно оказался между Кориллой и Диназой: обе, казалось, соревновались в дружбе к нему и наговорили ему много комплиментов по поводу его писем к брату, которые я давал им читать.

Со своей стороны, дедушка похвалил его за любезность, патриотизм и хорошее мнение, которое он составил себе об икарийцах.

— И икарийцах, — прибавила Корилла.

Вальмор рассказал об утренней сцене, и все много смеялись, когда он говорил о грубияне с острым чубом, который назвал Евгения аристократом.

— Так как вы столь хорошо разобрались во всем, что касается наших писателей и ученых, — сказал дедушка, — то посмотрим теперь, верно ли вы себе представляете также и то, что касается воспитания наших юрисконсультов и должностных лиц.

— Да это вовсе не трудно! — ответил я.

— Посмотрим, — сказал старец.

— С вашими законниками, — сказал я, — дело обстоит так же, как и со всеми вашими учеными: в восемнадцать или семнадцать лет (ибо вы имеете, возможно, также и женщин-адвокатов)...

— И они вовсе не принадлежат к наименее способным, — сказала Корилла.

— ...молодые люди, желающие избрать эту профессию, допускаются к ней только после экзамена, свидетельствующего, что они завершили элементарное образование.

— Хорошо, — сказал с улыбкой дедушка.

— Будучи допущены, они в течение пяти или шести лет посвящают себя в юридических школах и под руководством опытных профессоров специальным занятиям, имеющим своим предметом законодательство.

— Хорошо, — сказал старец.

— Хорошо! — повторили все другие.

— Они изучают не только все своды национальных законов, но и историю древних и иностранных законодательств.

— Хорошо! Хорошо! — закричала вся компания, аплодируя.

— Они изучают судопроизводство и законы, практику и теорию. Их приучают хорошо рассуждать и выражать свое мнение с надлежащей осторожностью. А так как они не имеют никакого побуждения обманывать своих клиентов, потому что находятся на содержании республики, то они берут на себя только такие дела, которые считают справедливыми. Им не приходится, как в былое время, унижаться перед прокурорами, которых они презирают, чтобы получить сомнительные процессы для защиты.

— Очень хорошо! Очень хорошо! — кричали со всех сторон, смеясь еще сильнее.

— И стряпчие почти так же образованны, как адвокаты, и не менее честны... И даже судебные приставы отличаются своим образованием, вежливостью и прекрасным почерком.

— Очень хорошо! Очень хорошо! — воскликнул Вальмор, смеясь еще больше.

— И судьи, выбранные из наиболее опытных и уважаемых адвокатов, совмещают в себе добродетель с наукой и являются достойными служителями справедливости и закона. В особенности уголовные судьи...

— Но, дорогой мой Вильям, в какой стране вы теперь находитесь? — воскликнул Евгений, разражаясь смехом. — Обретаетесь ли вы во сне? Или вы сошли с ума? Разве вы забыли, что мы находимся в Икарии, в стране общности, где не может быть ни преступлений, ни процессов, потому что нет ни денег, ни собственности?

— Хорошо, — сказал Динар, потирая себе руки.

— Кому нужны эти своды и законы о собственности, продаже,

гипотеках, векселях, банкротствах? Кому нужен уголовный свод, свод уголовного судопроизводства, свод гражданского судопроизводства? И не представляют ли собою все эти огромные своды негодные книги и глупые измышления?

— Очень хорошо! Очень хорошо! — воскликнула Корилла.

— И когда эти дамы только что вам аплодировали, — прибавил он, смеясь еще громче, — разве вы не видели, мой бедный Вильям, что они смеялись над вашей простотой!

[Все посмотрели на меня тогда с насмешливым видом.]

— А я думаю, — ответил я, — что именно таким образом должны быть воспитаны законники в Икарии... если бы они существовали; но я знаю так же хорошо, как и вы, мой милый друг-насмешник, что их не может быть, и, в то время как вы забавлялись моей простотой, вы не видели, ни вы, ни другие, что я сам издевался над вашим легковерием! Все тогда засмеялись еще больше.

— Таким образом, — продолжал Евгений, — все эти карикатуры или маски в черном платье, с просвечивающими под пудрой огромных париков свежими и розовыми щеками (каких мы видели много, мой дорогой Вильям), эти стаи черных гарпий с крючковатыми пальцами, эти банды голодных воронов — все это не существует больше в икарыйском раю.

— А эта армия судей или палачей, — прибавил я, — в красном платье, чтобы скрыть кровь, которой они покрыты, эти негодяи осуждали истину (как много их, мой бедный Евгений), — в какой ад их отправили с тех пор, как их не видно в Икарии?..

— Как вы счастливы! — сказал Евгений, обращаясь к дедушке. — Нет больше никаких адвокатов, стряпчих, нотариусов, биржевых агентов, маклеров в Икарии! Никаких приставов, ни понятых, ни жандармов, ни полицейских, ни шпионов, ни тюремщиков, ни палачей! Нет больше ни великих, ни малых судей, красных и черных, приспешников тирании и пособников Люцифера!²² О, общность, какой бог был более благодетелем, чем ты!

И бедный Евгений даже не замечал, что молодые девушки смеялись над его энтузиазмом.

— И все же у нас есть, — заметил Вальмор, — преступления, уголовные законы и трибуналы.

— Но какие преступления, — сказал Евгений, — можно совершить здесь при системе общности и счастье, которым она вас затопляет? Воровство — невозможно. Банкротство, фальшивые деньги — невозможны. Никакого мотива для убийства. Никаких мотивов для поджогов, насилий, даже оскорблений. Никакого повода для заговоров. Поистине, я не нахожу места ни для каких, кроме эксцесса добродетели или маленьких грешков.

— И все же мы имеем крупные преступления, — прибавил Динар.

— Но какие преступления, скажите!

— Например, запоздание или неаккуратность при выполнении какой-нибудь обязанности; распределитель, пославший недостаточное

количество; чрезмерные требования; убыток, причиненный неблагоразумием...

[При этом Евгений разразился смехом.]

— Одно из наиболее ненавистных преступлений для нас, — это клевета.

— Вы правы. Когда она обдуманна, клевета является воровством, трусливым убийством.

— Но у нас клевета приносит вред только клеветнику: оклеветанного защищают, как защищали бы жертву, на которую напали убийцы, и всякое обвинение, которое не доказано, производит так мало впечатления, как будто оно никогда не было выдвинуто.

— Стало быть, здесь нельзя сказать: «Клеветнице — всегда что-нибудь останется».²³

— Действительно, кое-что останется, но только против клеветника, зато против оклеветанного ничего, абсолютно ничего, не больше, чем если бы кто-нибудь сказал, что Динаиза ужасно безобразна...

— Кто тот преступник, который мог?.. [И все дети указали на меня пальцем, говоря: «Это Вильям. Это Вильям».]

— Но воспитание, — сказал Вальмор, — внушает нам такой ужас к клеветникам, чувство братства, развитое воспитанием, так неизменно, что вот уже больше двадцати лет нельзя было бы привести ни одного случая клеветы, тогда как, наоборот, иногда возбуждают преследование против граждан, не донесших о преступлении, свидетелями которого они были.

— И каковы наказания за преступления, которые оскверняют вашу несчастную страну? — спросил Евгений.

— Страшные, — ответил Вальмор. — Оглашение преступления трибуналом, осуждение, более или менее широкая публичность выговора (в пределах коммуны, провинции или всей республики); лишение известных прав в школе, в мастерской или в коммуне; исключение на более или менее продолжительное время из общественных мест, даже из дома граждан... Вы, кажется, смеетесь! Так знайте же, что воспитание приучило нас бояться этих наказаний столько же, сколько в других странах бояться позорного столба или эшафота.*

— У вас нет даже тюрем?..

— Мы не нуждаемся в них.

— Но, — сказал я в свою очередь, — если бы нашелся какой-нибудь зверь, насильничество которого грозило бы общественной безопасности?

— У нас нет животных этого рода... а если бы нашелся, то его лечили бы в больнице...

— Но, в конце концов, как бы вы ни были в общем разумны и бескорыстны, не могли ли бы у вас иметь место убийства из ревности?

— Нет.

— Однако ты знаешь так же хорошо, как и я, кое-кого...

— Кто, кто? — воскликнули молодые девушки.

— Молчи!.. С убийцей обошлись бы, как с сумасшедшим.**

— Но тогда вы не нуждаетесь, — сказал Евгений, — и в том

измышлении зла, в той адской машине, которую называют полицией.

— Говорите о своей Франции, — сказал я ему, — и квалифицируйте, как вам угодно, вашу полицию, но относитесь с уважением к нашим английским полисменам, которые следят только за ворами и пьяницами и вечером удостоверяются, хорошо ли заперты двери лавок и домов, чтобы каждый мог спать спокойно.

— Удивляйтесь скорее, — ответил он, — Икарыйской республике, которой не нужно запирают свои двери и в которой нет ни пьяниц, ни воров, ни полиции.

— Вы ошибаетесь, — заметил Вальмор. — Нигде вы не найдете такой многочисленной полиции. Ибо наши общественные служащие и даже все наши граждане обязаны следить за выполнением законов и преследовать или изобличать все преступления, свидетелями которых они являются.

— И вы не боитесь ненависти или мести обвиняемого против обвинителя?

— Никогда. Ибо, с одной стороны, обвинитель обвиняет без страсти и без злости и, с другой стороны, обвиняемый хорошо знает, что закон вынуждает обвинителя выполнять свой долг из общих интересов. И если случайно осужденный увлечется чувством раздражения, то это было бы новое преступление, возмущение против закона, враждебный акт против народа, который бы вызвал всеобщее негодование. Но вы сейчас увидите тому пример, ибо сегодняшний журнал содержит приговор, который был вынесен по такому поводу народным собранием одной из коммун нашей провинции.

— Корилла, — оказал дедушка, — прочти нам этот приговор, или лучше дай его маленькой Марии, которая покажет нашим гостям, как умеют читать икарыйские дети.

Милая девочка, которой едва исполнилось семь лет, прочитала нам приговор с такой чистотой произношения, пониманием и изяществом, которые нас очаровали не меньше, чем доставили удовольствие старцу.

Вот этот приговор.

Приговор в Икарии

«Докладчик дисциплинарного комитета говорит, что Т..., будучи пред этим осужден собранием за преступление, в котором признался на основании показания Д..., обвинил последнего в его отсутствии в том, что он действовал злобно.

Докладчик добавляет, что это обвинение было бы бесчестным для Д..., если бы оно было заслуженным, но что собрание может вспомнить поведение Д..., когда он давал свое показание; что никто не обвинял его тогда в злобности; что поэтому обвинение Т... является ложным и клеветническим, что эта клевета против гражданина, который только исполнил свой долг, тем более серьезна, что могла бы смутить общественный мир и отвратить граждан от повиновения закону и оказания услуг народу, и, наконец, что Т... заслуживает наказания, если он виновен.

Докладчик затем называет информатора и свидетелей.

Президент приглашает их предстать пред судом и допрашивает их.

Они подтверждают изложенный факт.

Обвиняемый, вызванный в свою очередь, признает главный факт, указав только на незначительную ошибку свидетелей.

Тонем глубокого убеждения он заявляет, что закон в высшей степени справедлив и полезен, что Д... только выполнил долг хорошего гражданина, что он глубоко сознает, что поддался первому движению досады, но хочет исправить свою ошибку тем, что сам призывает своих сограждан применить к нему закон.

Некоторые члены берут на себя его защиту, хотя и не извиняют его целиком.

Докладчик затем выступает против него, признавая, однако, благородный и патриотический характер его раскаяния.

Затем президент обращается к собранию:

— Виновен ли Т... в клевете?

Собрание отвечает утвердительно вставанием.

— Имеются ли смягчающие обстоятельства?

— Да, — почти единогласно.

Наконец докладчик и два других члена дисциплинарного комитета, быстро обсудив между собою вопрос, предложили в виде наказания опубликование дебатов в коммунальном журнале с указанием имен сторон и опубликование приговора в провинциальном и национальном журналах без указания имен. Предложение это было принято народным собранием единодушно».

— Как! — сказал Евгений, в то время как я обнимал маленькую чтицу, — народное собрание и есть трибунал?

— А почему нет? Разве вы не повторяете постоянно, что гражданин должен быть судом равными себе, т.е. своими согражданами?

— Всеми?

— А почему нет? Разве трибунал из двух или трех тысяч не имеет большего значения, чем трибунал из двух или трех?

— И народное собрание судит все преступления?

— О нет! У нас есть и другие трибуналы... Каждая школа является трибуналом, который судит школьные преступления; каждая мастерская судит преступления в мастерской; Национальное представительство судит преступления, совершенные в его среде; каждая семья превращается в судебную палату и судит семейные преступления... Вы видите, что нигде нет такого числа трибуналов и нигде обвиняемые не могут так справедливо похвалиться тем, что их судят равные.

— Женщин, стало быть, судят женские трибуналы?

— А почему нет? Женские проступки, совершенные в мастерской, подлежат суду товарок по мастерской, которые являются ничуть не менее опытными судьями. За другие проступки женщин судят старшие женщины в семьях. А если имеется налицо серьезное преступление, то они должны предстать пред народным собранием. Но икарийские женщины...

— Ангелы, не правда ли?

— И ваши народные собрания, несомненно, не часто имеют удовольствие увидеть их в качестве обвиняемых.

— Никогда. Вы можете легко сообразить, — прибавил Вальмор, — что маловажные проступки, совершенные во время общего обеда в ресторане округа, подлежат суду собрания обедающих, а так как это всегда все граждане с одной улицы, и все они собираются, естественно, каждый день, то они ежедневно судят все незначительные публичные проступки, совершенные накануне жителями улицы.

— Это, наверное, очень удобно и целесообразно, — заметил я, — но если многие из судей окажутся пьяными...

— Пьяными! Ты забываешь, что ты говоришь об Икарии!

— Ко всем этим трибуналам прибавьте еще, что каждый гражданин имеет право и обязанность вмешаться в спор двух других, если он грозит выродиться в ссору, и спорящие должны разойтись, если третий приглашает их сделать это магическим именем закона.

Прибавьте также, что когда у нас возникает какое-нибудь разногласие, мы имеем обыкновение выбирать священника или другого гражданина в качестве полюбовного арбитра-примирителя.

— Я вижу, — воскликнул Евгений, — что раздор и фурии могут остаться в аду или источать свои яды в других местах, а не у вас!

— У нас есть даже, — прибавил Динар, — трибунал для мертвых.

— Ах! Меня это очень радует, — воскликнул Евгений, — ибо ничто меня не возмущает так сильно, как торжество преступления, и я часто желал, чтобы трупы тиранов были вырыты, судимы и преданы вечному позору.

— Этот трибунал, — продолжал Динар, — был учрежден по предложению Икара. В первый год нашего возрождения Национальное представительство постановило, чтобы все историки Икарии собирались ежегодно в течение одного месяца, с целью высказаться, после обсуждения, о спорных пунктах истории и судить людей и дела прошлого.

Этот исторический трибунал сперва судил память главных икарыйских исторических личностей с 1772 года, потом деятелей предшествующего периода, затем — наиболее знаменитых иностранцев, всегда стараясь тщательно расследовать истину.

— Вы, стало быть, — сказал я ему, — имеете официальную биографию всех знаменитых людей древности?

— Мы имеем биографии всех наших соотечественников, но, хотя труд этот начат еще пятьдесят лет назад, он все еще не закончен для других стран.

Мы имеем, кроме того, Исторический музей, настоящий храм справедливости, нечто вроде Пантеона и Пандемониума,²⁴ где, по предложению дисциплинарного комитета, Национальное представительство присуждает славу старым друзьям народа и позор врагам человечества.

Вы увидите там Икара во главе славных и Ликсдокса во главе негодяев.

— Я увижу его, — вскричал Евгений, — я спустился бы в самый ад, чтобы увидеть там злодеев и тиранов, избалованных и опозоренных.

Счастливая Икария, прибавил он, — которая показывает, наконец, народам пример справедливости. Несчастливая Франция, которая может показать только пример несправедливости!

Эта новая выходка Евгения опять вызвала смех молодых людей. И старец, опасаясь, чтобы их веселье не показалось насмешкой, уверил моего демократического друга, что вся семья любит и уважает его за искренность, пыл и патриотический энтузиазм.

Глава пятнадцатая. ЖЕНСКАЯ МАСТЕРСКАЯ. РОМАН. БРАК

Вальмор, казалось, не мог усидеть на месте. Бедный юноша горел нетерпением узнать свой приговор из уст Динаизы.

Битый час рассказывал он нам — мне и Евгению — о совершенствах своего божества, о своей любви и счастье.

— Но, — воскликнул он, наконец, — мы болтаем, тогда как мы должны были уже быть в пути! Пойдем скорее, не то мы опоздаем.

— Вы пойдете с нами? — сказал он Евгению.

— Нет, мне нужно писать...

— Бросьте, напишете завтра, пойдете с нами посмотреть наших красивых работниц в их мастерской.

— Ваших работниц! — воскликнул Евгений. — Бегу туда! Подождите только минуту, я сейчас же вернусь.

Мы сели в омнибус, и через десять минут уже входили в мастерскую модисток.

Вальмор повел нас в салон директрис, который господствовал над всей мастерской и откуда можно было видеть все, не будучи замеченным.

Какое зрелище! Две тысячи пятьсот молодых женщин, работающих в одной мастерской, одни сидя, другие стоя, почти все очаровательные, с прекрасными волосами, стянутыми на голове или падающими на плечи буклями, все с изящными фартуками поверх изящных платьев. В руках у них шелка, бархат ярких цветов, кружева и ленты, цветы и перья, роскошные шляпы и изящные шапочки.

Это были работницы, столь же образованные, как и самые воспитанные женщины других стран. Все они были художницы, у которых привычка к рисованию развила прекрасный вкус. Это были дочери и жены различных граждан, работавшие в мастерской республики, чтобы украшать своих согражданок или, скорее, своих сестер.

Вальмор показал нам одну из дочерей высшего должностного лица столицы, затем жену президента республики. Вблизи от нас сидели его сестра и сестра Динаизы, и ни одной из них не приходило в голову, что она может стоять выше какой-либо из своих товаров.

И как здесь все было приспособлено, чтобы доставить удобства и удовольствия этой женской молодежи, цвету нации! Как чудесно разукрашена вся мастерская! Каким тонким благоуханием был напоен там воздух! Какая чудесная музыка слышалась там время от времени! Все говорило о народе, поклоняющемся женщинам, о республике, более внимательной к удовольствиям своих дочерей, чем к благу других своих

детей²⁵.

Одна из директрис объяснила нам основы управления мастерской, правила распорядка, обсуждаемые работницами, выборы всех шефов самими работницами, разделение труда и распределение работниц. Можно было подумать, что видишь пред собой великолепно дисциплинированную армию.

Другая рассказала нам, что мода никогда не меняется, имеется только определенное число различных фасонов для шляп, токов, тюрбанов и шапочек, модель каждого из этих фасонов была выбрана и установлена комиссией модисток, живописцев и т.д. и каждый головной убор так скомбинирован, что может по желанию суживаться или расширяться и подходит почти ко всем головам, так что нет надобности снимать мерку с каждой головы.

Так как республика желает, чтобы всякая вещь производилась как можно быстрее, то каждая шляпа, например, комбинируется таким образом, что делится регулярно на большое число отдельных частей, которые фабрикуются в огромных количествах механическим способом, и работнице приходится только сшивать и скреплять эти части; поэтому она может закончить шляпу в несколько минут.

Навык, который приобретает каждая работница, выделяющая всегда одну и ту же вещь, удваивает скорость работы и придает ей совершенство.

Самые изящные головные уборы рождаются тысячами каждое утро в руках их прекрасных создательниц, как цветы в лучах солнца и дыхании зефира.

Хотя регламент предписывает молчание только в течение первого часа, чтобы шефы могли давать свои инструкции всем и уроки ученицам, в мастерской царил такая глубокая тишина, что я был удивлен, хотя уже давно был убежден, что языки собравшихся вместе женщин не более активны, чем языки собравшихся мужчин, и что женщины умеют сохранять молчание и даже тайну так же хорошо, как и их несправедливые обвинители.

Но я весь вздрогнул, когда сейчас же после того, как пробило десять часов, две тысячи пятьсот прекрасных ртов раскрылись, чтобы запеть великолепный гимн, слишком, однако, короткий, в честь доброго Икара, который рекомендовал своим соотечественникам культ женщин, как культ божеств, от которых зависело их счастье. Мне казалось, что среди этих голосов я различаю голос Динаизы, и я был бы убежден, что это ее голос, если бы не знал, что она находится в другом месте.

Затем несколько голосов спели остроумную и изящную песню, посвященную радостям мастерской, и я очень жалею, что не запомнил веселого припева, который вся мастерская подхватывала с очаровательным весельем.

Этот час пения промелькнул, как молния, и опять уступил место тишине. Мы продолжали восхищаться порядком, который поддерживался во время движения директрис, обходивших все ряды.

Я очень хотел видеть час, когда разрешается беседа между двумя

тысячами пятыстами соседок. Я хотел также видеть, как эти красивые работницы снимают свои красивые передники, прячут снова свои красивые головки под своими красивыми шляпками с вуалями и всходят на омнибусы, которые должны отвезти их в различные кварталы города... Я хотел также посмотреть все пристройки, огромный склад материй и других необходимых для мастерской материалов и огромный магазин шляп, шапочек и других законченных произведений... Но Вальмор должен был уйти, и мы вышли вместе с ним, хотя директриса пригласила нас остаться.

— Все женские мастерские, — сказал нам Вальмор, расставаясь с нами, — мастерские швей, цветочниц, белошвеек, прачек и т.д., похожи на эту почти целиком, так что, посмотрев эту, вы в сущности видели все.

— Нет, нет! — воскликнул Евгений, — я хотел бы видеть их все и всегда!

И хотя я разделял его восхищение галантностью икарійцев, все же на обратном пути его энтузиазм часто вызывал у меня смех.

Вернувшись в отель, я нашел следующую записку:

«Мы будем в четыре часа иметь столь желаемое да. Приходите, приходите! Я сама хочу вам сообщить эту новость. Корилла».

Как же было велико мое изумление, когда два часа спустя я получил другую записку, без подписи, но в которой я сейчас же узнал почерк Вальмора.

«Не приходи... завтра утром в пять часов жди меня у входа в Северный сад».

Почему эта перемена, это новое свидание, это место, этот час. Я решил все-таки пойти.

Я побежал к Корилле: «Их нельзя видеть». Я побежал к госпоже Динаме: «Они выехали в деревню».

В сильном беспокойстве и смущении, не зная, куда деться, я шел машинально вперед и очутился, не заметив того, на берегу ручья, в одном из больших мест гулянья Икары. Найдя себе местечко в уединенном убежище, я, желая немного отдохнуть, хотел начать чтение романа, который мне дала Корилла, но это чтение так сильно захватило меня, что я пожирал книгу — страницу за страницей и остановился, только дочитав ее до конца. Картины, рассказы, анекдоты, стиль — все в этой книге было очаровательно.

Правда, что и сюжет был сам по себе весьма интересен: речь шла о браке, его счастье или несчастье, о качествах, необходимых для супругов, и их обязанностях, чтобы быть счастливыми, о неудобствах и катастрофах, которые являются следствием каждого из их недостатков. Легко догадаться, какие изящные картинки, какие пикантные историйки, сколь полезные уроки мог дать подобный сюжет!

Этот же роман был, что касается вопросов брака, прекраснейшим руководством морального воспитания для молодых людей, супругов, отцов и матерей.

Поэтому роман был премирован Национальным представительством. Все национальные писатели были призваны представить свои

произведения, все граждане были приглашены представить свои отзывы, и этот роман получил премию среди большого числа других.

Я жалею, что не могу дать здесь детальное изложение этого романа, но рассказ до того сжат, что мне трудно было бы дать его анализ, и я предпочитаю ограничиться некоторыми размышлениями, чем уродовать такое прекрасное произведение.

Начинаю с двух наиболее важных замечаний. Во-первых, согласно системе общности, приданое в Икарии так же неизвестно, как и наследство. Молодые люди и их семьи при вступлении в брак никогда не обращают внимания на состояние, а интересуются только личными качествами. Во-вторых, так как все юноши и девушки одинаково хорошо воспитаны, то все они могли бы быть одинаково хорошими супругами даже в том случае, если бы пары составлялись при помощи жребия. Но молодые икарійцы, рассматривая брак как рай или ад в этой жизни, вступают в брак только тогда, когда хорошо знают своих избранных, и чтобы лучше узнать друг друга, женихи и невесты должны быть знакомы по меньшей мере в течение шести месяцев, а очень часто они знакомы с самого детства и в течение долгого времени, так как молодая девушка не выходит замуж ранее восемнадцати лет, а молодой человек не женится раньше двадцати.

Чтобы молодые девушки могли хорошо изучить характер своих будущих супругов, им предоставляют полную свободу говорить и гулять с юношами их возраста, но всегда под надзором их матерей, на прогулке, как и в салоне. Воспитание внушает в такой сильной степени мужчинам уважение к женщинам и приучает к их обществу, а общественное мнение так строго отнеслось бы ко всякой слабости, что можно было бы без всякого риска оставлять наедине молодых людей, которые любят друг друга. Не говоря уже о крайней бдительности матери, семьи и общества в целом, о почти непреодолимой фактически трудности избежать людских глаз, воспитание считает преступлением со стороны дочери желание скрыться с глаз матери или иметь от нее какой-нибудь секрет. Молодой человек питает такое же доверие к своему отцу.

Так как мать или отец всегда знают первые чувства своих детей и чувства, которые могут к ним питать другие, то всякое неподходящее знакомство может быть прекращено с самого начала.

Впрочем, отцы и матери никогда не препятствуют браку, который нравится их детям, и не навязывают того, кто им не нравится, в то время как дети привыкли выслушивать советы своих родителей как советы своих богов-покровителей.

Как только возникает вопрос о браке для молодой девушки или молодого человека, им преподают все обязанности и обязательства, которые он налагает. Это преподавание в первую очередь берут на себя отцы и матери, которым помогают книги и священники, как мужчины, так и женщины.

Поэтому супруги прекрасно знают, что они соединяются на всю жизнь, отдаются друг другу без оговорок, все должно быть у них общее, горе и радость, и счастье каждого из них зависит от счастья другого.

Каждый из них, вполне добровольно и сознательно обязуется выполнить все эти обязанности.

Но нужно ли говорить об обязанностях супругам, которые любят и уважают друг друга? Все предосторожности, принятые, чтобы они всегда любили друг друга, их воспитание, образование жены, которое делает ее способной говорить обо всем со своим мужем и всюду сопровождать его, их семейная жизнь, привязанность новых родных, их взаимная любовь, действенность трудового, не знающего праздности существования, в особенности счастье, которое доставляют им республика и общность, — разве все это не имеет большего значения, чем все проповеди и увещевания законов, дабы гарантировать выполнение ими своих обязанностей! И разве образцовый общественный строй, данный Икаром своей стране, не состоит в том, что он делает всех супругов добродетельными без всяких с их стороны усилий? Им так легко быть добродетельными, что даже нельзя приписывать им это название. Оно должно быть наградой для той несчастной, которая только в силу долга и из желания остаться верной ненавидимому тирану отказывает в любви человеку, обожание которого пленило ее сердце. Икарийке так же трудно было бы обмануть своего любимого супруга, как этой несчастной доводить до отчаяния своего возлюбленного. Икарийка достаточно скромна, чтобы довольствоваться тем, что она счастлива, не оспаривая у другой заслуженной награды за ее добродетель.

Если бы, однако, в силу какого-нибудь случая счастье хотело, казалось, покинуть семейный очаг, то именно тогда родители, которые не преминули бы это заметить, призвали бы на помощь долг или, скорее, разум, благоразумие, чтобы убедить несчастного супруга или каждого из них, что их настоящий интерес заключается в том, чтобы покориться судьбе и переносить взаимно свои недостатки, как мать переносит недостатки своего ребенка, не переставая его любить. Тут иногда и священники, мужчины или женщины, присоединяют авторитет своих слов к нежным увещеваниям семьи, чтобы побудить супругов искать счастье или, по крайней мере, мир в добродетели.

Роман, который доставил мне сильное удовольствие, содержит на этот предмет два прекрасных образа: один — несчастней женщины, которая завоевывает привязанность своего супруга и находит вновь счастье при помощи терпения, мягкости и такта; другой — тоже несчастной женщины, которая удесятеряет свое несчастье, увлекшись мезью.

К тому же незначительное число супругов, не находящих счастья в своем союзе, достаточно рассудительно, чтобы не нарушать своих обязательств и обязанностей по отношению к республике, разрешающей им развод,²⁶ когда их семьи считают его необходимым, и позволяющей им искать в новом брачном союзе счастье, которого они не нашли в первом.

Признавая брак и супружескую верность основой порядка в семьях и нации, давая каждому прекрасное воспитание, обеспеченное существование для его семьи и его самого, все возможности вступить в

брак и средство развода, республика клеймит добровольное безбрачие как акт неблагодарности и как подозрительное состояние, и заявляет, что незаконный брак и прелюбодеяние являются непростительными преступлениями. Этого заявления достаточно и без наказаний, потому что воспитание приучает смотреть на такие преступления с ужасом, и общественное мнение было бы беспощадно к таким преступникам.

Впрочем, республика приняла все меры, чтобы незаконный брак и прелюбодеяние были физически невозможны, так как при установившемся строе семейной жизни и данном устройстве городов прелюбодеяние не может найти для себя убежища.

Роман, о котором я говорил, дает также ужасающее изображение затруднений, тревог, угрызений совести и всеобщего преследования, которым подвергается несчастная женщина, давшая себя соблазнить.

Но это изображение является теперь только продуктом фантазии, ибо если еще можно было встретить несколько редких разводов в последние годы, то уже в течение двадцати лет, говорят, не было ни одной женщины, виновной в нарушении закона.

И общественное мнение в данном случае не подражает несправедливой и жестокой непоследовательности древних времен и других стран, которые, при всем своем снисхождении к соблазнителю, были и бывают беспощадны только к его жертве. Напротив, общественное мнение и закон вдвойне неумолимы по отношению к главному виновнику. Соблазнить девушку, обещая на ней жениться, нарушить после свое обещание, обмануть и покинуть ее было бы по отношению к ней, ее семье и республике изменой, воровством, убийством, преступлением более ненавистным, чем были некогда здесь — и в настоящее время в других местах — все остальные преступления. Вместо того чтобы найти поклонников его опытности, он встретил бы только презрение и проклятия. Вместо того чтобы торжествовать и безнаказанно смеяться над слезами и отчаянием своей жертвы, он был бы отвергнут обществом, а она вызвала бы жалость к себе.

Нет также ничего более ужасающего, чем даваемое в указанном романе изображение соблазнителя замужней женщины, которого преследует общественное презрение, женщины третируют как убийцу, мужа — как вора и все семьи — как врага.

Там фигурирует также кокетка-вдова, доставляющая себе удовольствие в возбуждении страсти молодых людей и испытывающая высшее счастье при виде трупа одного из них, покончившего с собой у ее ног. Все отвергают ее как смутьянку и соблазнительницу.

Но какое бы очарование ни придавал талант автора своим героям высочайшей нравственности, цель их достигнута в такой полноте, что теперь больше нельзя найти подобных им людей, ибо во всей Икарии нельзя было бы назвать ни одного примера незаконного брака или прелюбодеяния.

Похищение неизвестно, потому что как мог бы похититель увести свою жертву? Даже обольщение почти неосуществимо, ибо что мог бы предложить обольститель?

Нет больше скандальных процессов, поводами для которых являются отказ отца признать ребенка, требование расторжения брака вследствие импотенции супруга, требование развода вследствие побоев: муж, который бил бы свою жену, был бы чудовищем, которого женщины побили бы камнями или разорвали на куски!

Новый язык не имеет даже слов для таких вещей, как аборт, детоубийство и подбрасывание новорожденных,— настолько эти ужасы кажутся невозможными.

Нет больше отравления супруги супругом! Нет больше вероломных ухаживаний, нет больше разрушительной ревности, нет больше дуэлей!

В Икарии имеются только целомудренные девы, почтительные юноши, верные и уважаемые супруги, наслаждающиеся счастьем, которое мой роман изображает с натуры в самых восхитительных красках, показывая, что из всех народов земли, древних и современных, икарыйский народ, несомненно, наиболее полно наслаждается всеми радостями, которые природа сосредоточила в любви.

И — я обязан это признать — все эти чудеса являются плодами республики и общности. И вместе с Евгением я готов воскликнуть: «Счастливая Икария! Счастливая Икария!»

Глава шестнадцатая. ДИНАИЗА НЕ ХОЧЕТ ВЫХОДИТЬ ЗАМУЖ. ОТЧАЯНИЕ ВАЛЬМОРА

Когда, охваченный сильным беспокойством, я приближался к входу в Северный сад, я заметил на некотором расстоянии Вальмора, который в крайней ажитации ходил большими шагами. Услышав мой голос, он сейчас же подбежал ко мне.

— Друг ли ты мне? — закричал он вне себя. — Иди, следуй за мною! Я бегу из Икары! Не оставляй несчастного... очень несчастного человека, — повторил он, бросаясь в мои объятия, прежде чем я успел ему ответить. — Она не любит меня, Вильям!.. Вчера утром я был еще счастливейший из людей, а сегодня я самый несчастный человек!.. Она меня не любит!.. Вот уже больше десяти лет, как я сосредоточиваю на ней мои надежды, всю мою привязанность, все счастье моего будущего... и она меня не любит!.. Брат ее и мать поддерживали во мне иллюзию, которая делала меня счастливым, и одно слово навсегда разрушило для меня всякое счастье! Она никогда не выйдет замуж!.. О, мой друг, как гнетет меня моя скорбь и скорбь моей семьи и сестры! Ибо мы все окружали ее нашей любовью, и отказ ее причиняет всем нам сильное горе... Если ты сохранишь свою дружбу к несчастному, ты не увидишь больше среди нас радости, а только печаль и уныние.

Я старался приласкать его и успокоить, пытаюсь изо всех сил подать ему какую-нибудь надежду.

— Нет, — сказал он, пожимая мои руки, — нет больше надежды для твоего друга!.. Если бы она меня ненавидела, я скорее бы надеялся; но она питает ко мне дружбу... И как могло бы такое доброе сердце ненавидеть друга детства, столь нежного и почтительного к ней! Она глубоко огорчена моим отчаянием, огорчена печалью моей семьи и почти в

отчаянии из-за горя, которое она причиняет своей матери и брату... Но она заявляет со слезами, что не может стать чьей-либо женой; и нас приводит в отчаяние как раз то, что этот ангел невинности и красоты, обычно столь скромная, столь робкая, всегда готовая уступить желаньям тех, кого она любит, иногда вместе с сердечной добротой и ангельской робостью проявляет самый твердый и несгибаемый характер. Сознывая огорчение, которое она собиралась причинить нам, она долго боролась с собой, колебалась, и ее отказ, дорого стоивший ей самой, приводит нас в отчаяние тем больше, что он всем нам представляется непреодолимым и безвозвратным.

Дав ему в течение долгого времени излить свое горе и засвидетельствовав ему все мое горячее сочувствие, я пытался несколько утешить его, обращаясь с призывом к его разуму, мужеству, любви к сестре и матери, печаль которых он должен был смягчить примером твердости в беде и своей покорности непоправимому несчастью.

Я добился того, что он не уехал, но я не покидал его в течение всего дня, так как дружба моя приносила ему как будто некоторое облегчение, и семья его, в особенности бедная Корилла, которую я нашел погруженную в печаль, разрывавшую мне сердце, просила меня сопровождать его в деревню, куда Динар в следующее утро должен был его отвезти на несколько дней.

Глава семнадцатая. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Мы вышли все трое через ворота, через которые я прибыл в Икару, и вскоре, промчась по железной дороге, достигли реки, по которой я приехал. Вальмор сильно заволновался, когда мы прошли мимо того места, где Динаица сошла с парохода. Я был так же смущен, как и он, когда пароход остановился, чтобы спустить нас у того моста, где она села на пароход и где я в первый раз увидел ее с матерью, или, вернее, услышал ее голос. Я был еще сильнее тронут, когда Вальмор сказал мне:

— Вспоминаешь ли ты? Здесь она около нас поднялась на пароход... Как улыбалось тогда мне будущее! А сегодня!..

Мы миновали несколько ферм, которые мне показались очаровательными.

— Какая великолепная погода! — воскликнул Динар. — Какая прекрасная местность!

— Да, — ответил Вальмор, — и однако солнце мне надоедает, зелень нравится мне меньше, природа не имеет больше для меня прелести.

— Полно, друг мой, — сказал Динар, — мужайся! Разве ты не мужчина? Неужели ты перестал быть мудрым Вальмором?

После часа ходьбы мы подошли к ферме, расположенной у подножия холма.

— Сюда она шла, когда мы ее встретили с матерью, — сказал мне Вальмор. — С каким удовольствием я приближался к этому месту, когда шел с нею и братом! А теперь мне кажется, что воздух давит меня своей тяжестью! — и он не мог больше продолжать.

Отец госпожи Динаме, Мироль, близкий друг отца Вальмора, живший на этой ферме, был предупрежден о нашем приезде письмом Динара. Сердечное участие, смешанное с печалью, с которым он и его семья приняли нас, едва не исторгли слезы у Вальмора.

— Я был тут несколько раз вместе с ней, — сказал он мне, — и вид этих мест принесет мне большое облегчение и... много горя!

Семья Мироль оказалась очень многочисленной. Она состояла больше чем из сорока человек: он и жена, пять сыновей и их жены, четырнадцать внуков и десять внучек, из которых трое были замужем, пять или шесть малолетних правнуков и три или четыре внука, посещавшие уже школу.

Один из внуков, девятнадцати лет, скоро должен был закончить свое образование,

Во время обеда, который вначале проходил в молчании и печали, дед расспрашивал своего внука о его занятиях и учении. Он спросил внука, какие животные причиняют вред сельскому хозяйству. Молодой человек без запинки назвал всех четвероногих, птиц, насекомых и червей, которые портят корни, пожирают семена, листья, зерна плодов вместе с цветами и зрелые плоды или въедаются в кожу полезных животных. Он описал затем главных из этих животных, их размножение, привычки и способы их уничтожения.

Один из его братьев, более взрослый, рассказал нам, в свою очередь, историю полезных животных, со всеми особенностями их роста, питания, их достоинств и болезней.

Одна из молодых девушек рассказала историю шелковичных червей, а мать, обратив наше внимание на хрустальный улей, наполненный медом, красоту которого и отменное качество очень расхваливали, рассказала историю меда и пчел.

В ходе рассказа этих главных четырех рассказчиков слушатели прибавили несколько интересных подробностей.

Хотя я достаточно знал Икарию, чтобы уже ничему не удивляться, я был, однако, поражен их умением рассказывать, прекрасным произношением, а также обширностью их познаний.

— Вы удивлены, — сказал мне Динар, — найдя здесь таких фермеров и фермерш, но Вальмор вам расскажет сегодня вечером о системе воспитания наших земледельцев (ибо мы решили заставить Вальмора говорить как можно больше, чтобы рассеять его), и вы поймете тогда все чудеса, которые вы будете иметь удовольствие созерцать здесь.

После обеда Мироль пожелал мне показать свое жилище. Я нашел его по внутреннему расположению и обстановке совершенно похожим на городской дом, но более обширным и с тем преимуществом, что все стороны дома имели окна.

Многие из комнат предназначались для приема родных или друзей. Кухня, где готовились обед и ужин, более обширна и полнее обставлена, чем городская, так как селянки должны быть более умелыми кухарками, чем горожанки. Салон так же великолепен, как салоны Икары, но сделан более просторным с той целью, чтобы он мог вместить семьи обоих

фермеров-соседей, когда они пожелают приехать.

Я заметил, что стены покрыты всюду планами и красивыми печатными таблицами, содержащими наиболее нужные и наиболее полезные наставления в области сельского хозяйства.

— Вы видите, — сказал мне Мироль, — что нам, селянам, нечему завидовать нашим братьям из городов (ибо внутри наших домов такая же обстановка), и мы нисколько не стесняемся и не изумляемся, когда попадаем к ним, а они не чувствуют никаких лишений или отвращения, когда приезжают к нам. Правда, мы не можем постоянно любоваться зрелищем их великолепных памятников, но они также не всегда наслаждаются великолепием природы, а мы к тому же можем так же легко попасть в город, как они в деревню. Мы имеем в своем распоряжении, как и они, больших и меньших размеров дилижансы, которые постоянно циркулируют по большой дороге, и даже больше, чем они, верховых лошадей, и кабриолеты, которые доставляют нас к этим дилижансам или даже к воротам города, где мы их сдаем на хранение в национальные конюшни и садимся в омнибус. Как вы могли сами видеть, дороги наши так хороши, лошади до такой степени резвы и фермы наши находятся настолько близко от коммунального города, что двух часов всегда достаточно, чтобы съездить туда и обратно, так что мы можем легко попасть на все наши народные собрания, в школы, на курсы и даже на спектакли.

К тому же специальные подводы привозят нам регулярно из города все, чего нам не хватает из пищи, одежды и обстановки.

Мироль закончил эти пояснения, когда мы вышли из дома. Он обратил мое внимание на то, что все четыре стороны дома имеют различный вид и представляют четыре различных дома, соединяющие все оттенки архитектуры.

— Ни одна ферма в коммуне, — прибавил он, — не похожа на другую по своей внешности, но все одинаково красивы.

И посмотрите отсюда на стены зданий фермы; все они огорожены красиво, хотя и просто, покрашенными решетками, окаймленными зеленью и цветами.

Разве они не очаровательны?

А сейчас вы увидите молочную ферму, курятник и прочее.

Но сначала посмотрим парк и фруктовый сад.

Вот огород, самое существенное ведомство моей дорогой Элизы и моего племянника Элоизия. Наша Элиза весьма искусная повариха, как вы уже могли заметить и как она вам это еще лучше докажет!.. А мой друг Элоизий весьма искусный садовник! Посмотрите эти прекрасные овощи всех сортов! В течение сорока лет урожая почти всех сортов, благодаря поразительным успехам обработки, стали вдвое и втрое больше по количеству и лучше по качеству. Посмотрите эти стеклянные колпаки, грядки и все смелые изобретения людей, дерзающих помогать природе!

Теперь вы находитесь в царстве моей милой Алаэ и ее маленького брата Альвареса. Полюбуйтесь на эти многочисленные виды роз,

гвоздику, разнообразные цветы, которые чаруют наши взоры до того времени, как их переправляют в наши национальные парфюмерии, а пока они снабжают своим медом пчел. Это дворец и двор, где величественная Алаэ собирает своих наиболее богатых подданных. Вы увидите и почувствуете эти цветы всюду, ибо они украшают и наполняют своим благоуханием всю территорию республики.

Остановитесь! Это пчельник! Работницы, которые работают в этих мастерских из стекла и соломы, столь же дикие и свирепые, как и невероятно искусные, могли бы дать вам почувствовать, как остры их жала и насколько они предпочитают заботы моей милой Камиллы нескромному любопытству английского милорда.

Вы замечаете отсюда наши шпалерники, а дальше вы можете видеть наши земляничники и все плодовые кусты: это государство Фрезии и ее кузена Комора, ибо каждый здесь министр или принц и принцесса и царствует как абсолютный господин над своими подданными, из чего вы не должны, однако, заключить, что мы сожалеем о деспотизме или монархии.

Вот тебе раз! Вальмор [который чуть не упал в небольшой ручей], вы, значит, уже забыли наши воды и наш сад?.. Прежде, милорд, у нас были большие затруднения с орошением, но вот уже тридцать лет, как мы нашли прекрасный способ проникать в самые недра земли и рыть колодцы, чтобы извлечь из них на поверхность ее источники, реки и подземные воды, и у нас есть теперь везде вода, необходимая для наших домов, садов, лугов и полей. И орудия орошения так удобны, что, не утомляясь и не обрызгивая себя, вы можете доставить себе удовольствие дать нашим цветам и овощам свежесть и жизнь. И если вы любите ужение, вы будете иметь также удовольствие найти в наших ручьях, реках, каналах и резервуарах рыб всякого рода, которых мы там разводим с большой заботливостью.

Вот фруктовый сад. Здесь владения мои и моей старой верной властительницы. Но мы столь мало деспотичны, она и я, что нам тут плохо повинуются; наши собственные дети приходят сюда нас обворовывать.

— Какие прекрасные деревья! — воскликнул я. — Какие прелестные вишни!

— А что сказали бы вы о других фруктах осенью? — заметил Динар.

— Да, да, — продолжал старец, — мы тщательно ухаживаем за садом, мы внимательно обдумываем наше дело. Мы поступаем с нашими деревьями так же, как с нашими овощами и цветами. У нас есть питомники, в которые мы отбираем самые красивые растения; мы прививаем лучшие сорта; мы вырываем все, что негодно или становится негодным; мы разрыхляем землю и орошаем ее; всегда с садовым ножом в руках, мы срезаем и стрижем все бесполезные и паразитические ветки; мы удаляем все излишние растения; мы защищаем наших питомцев против всех их врагов; и от рождения их до смерти мы лелеем их, как детей. Поэтому вы не должны удивляться, что они прекрасны и хорошо возвращены, а их урожайность пропорциональна нашей заботливости.

Впрочем, вы не увидите ни одного бесполезного дерева или живой изгороди, но на наших полях всюду, где фруктовое дерево окажется более полезным, чем какое-нибудь другое, вы найдете фруктовое дерево, и вы найдете их бесчисленное множество в сельских местностях.

Но наступает ночь, вечер будет прекрасным. Пойдемте к нашим детям на террасу, где мы, отдыхая, будем наслаждаться великолепным закатом солнца.

Мы поднялись на верхнюю террасу дома, где нашли всю семью в сборе, среди цветов, у большого стола, под палаткой, которую можно было раскрывать и складывать по желанию.

Вид окружающих полей и соседних ферм, слегка освещенных умирающим светом; лучи солнца, золотившие еще верхушки деревьев, подножия которых исчезали в тени; облака и небо, окрашенные различными цветами; крики животных, возвращавшихся в стойла или приветствовавших закат дня; пение птиц, славивших час отдыха и сна; благоухание и свежесть воздуха; великолепие солнца, обещавшего нам на завтра прекрасный день, величественно исчезая за горизонтом, — все это вместе приводило меня в экстаз и восхищение.

— Ну, милорд, — сказал мне Мироль, — разве у нас нет тоже своих спектаклей в деревне, и думаете ли вы, что они менее великолепны, чем опера городов? А если бы вы еще видели отсюда прекрасную летнюю грозу, тысячи молний, зажигающих со всех сторон этот обширный горизонт, внезапно освещающих глубочайшую тьму и представляющих нашим ослепленным глазам картину мира, выходящего из хаоса по велению создателя! Если бы вы слышали среди глубокой тишины удары молний и грохот грома, повторяемый многочисленным эхо наших гор! Но вы сейчас увидите, как миллионы светил осветят бесконечный свод нашего безмерного салона, затем еще более блестящую луну, которая захочет их затмить, чтобы соперничать со своим братом!

— Я видел, — сказал мне Вальмор на ухо, — как она любовалась здесь всеми этими красотами, и я также любовался ими, ибо сердце мое было исполнено надежды и счастья, а теперь!..

— Ну, Вальмор, — сказал ему Мироль, — так как милорд удивляется, найдя земледельцев Икарии столь искусными, то докажите ему, что это вполне естественное следствие нашего воспитания;²⁷ и для того чтобы ничего не знать, мы должны были бы быть так же глупы и упрямы, как наши ослы. Мы усядемся вокруг стола и послушаем вас с большим удовольствием. Начинайте!

Вальмор пытался сперва извиниться.

— Я здесь — твой отец, — прибавил старец отеческим тоном, — а потому приказываю. Мы ждем с нетерпением. Ну, начинай же, Вальмор!

— Ты знаешь, мой дорогой друг, — сказал он тогда, наконец, обращаясь ко мне, — что до восемнадцати лет для мальчиков и семнадцати лет для девочек все дети Икарии получают сообща элементарное, или общее, воспитание.

Так как сельское хозяйство рассматривается у нас как наиболее необходимое из искусств, то республика хочет, чтобы все граждане

могли быть, в случае нужды, земледельцами и были воспитаны и обучены таким образом, чтобы могли стать ими.

Впрочем, знания, необходимые земледельцу, считаются необходимыми и для граждан всех профессий. Поэтому все дети изучают основы сельского хозяйства.

И так как у нас всегда стремятся, в меру возможности, соединить практику с теорией, то детей постоянно возят в деревню, чтобы объяснить, как возделывается земля, и показать сельскохозяйственные работы. Для них эти экскурсии столь же привлекательны и полезны для здоровья, сколь и поучительны.

Наиболее крепкие из них и старше четырнадцати лет приходят туда даже как рабочие, чтобы принимать участие в некоторых легких работах, как очистка поля от камней или уборка урожая. Эти работы опять-таки представляют для них прекрасные увеселительные прогулки.

В восемнадцать и семнадцать лет дети земледельца могут свободно избрать другую профессию, если какая-нибудь семья в городе согласна усыновить их, точно так же, как дитя города может стать земледельцем, если какой-нибудь фермер соглашается принять его в свою семью, но дети земледельцев предпочитают оставаться земледельцами, как их отцы.

Дети, избравшие сельское хозяйство, получают в течение года специальное образование, теоретическое и практическое, которое они заканчивают затем на родительской ферме. Это образование должно их сделать такими совершенными сельскими работниками, насколько это только возможно.

Земледелец изучает, стало быть, и знает все виды металлов, минералов и в особенности земель, различные их качества и их состав; все виды растительной продукции и их качества, все орудия и их преимущества; все, касающееся ветров, непогоды и средств защиты от них.

Земледелец изучает и знает все, что относится не только к урожаю, но и к превращению продуктов в вино, сидр и т.д.

Он обязан знать все, что касается животных, как вредных, так и полезных, домашних или диких, а также различных продуктов животноводства.

Дочь фермера также изучает и знает все, что ее может интересовать в сельском хозяйстве, в особенности то, что касается молочного дела, дичи, овощей, цветов и плодов.

И заметь еще, что так как каждая провинция или каждая коммуна имеет земли различного качества, а следовательно, и различную продукцию, — одна, например, землю, пригодную только для виноградников, а другая — только для произрастания зерновых хлебов, — то школы провинции и коммуны проводят обучение молодых земледельцев по соответствующей специальности.

Прибавь к этому, что так как у каждой фермы имеется своя местная статистика, а следовательно, еще более специальная характеристика своей небольшой территории, то именно в области данной специальности

проводится окончательное обучение каждого фермера.

Теперь, когда ты знаешь, какое образование получают наши фермеры и фермерши, тебя не должны больше удивлять их познания и искусство.

И не говори мне, что тебя, по меньшей мере, все же поражает, как много они могут усвоить, ибо, поразмыслив, ты заметишь, что дети могут научиться многим вещам до девятнадцати или восемнадцати лет, особенно когда об их воспитании заботятся со дня рождения.

К тому же образование наших земледельцев, как и образование наших городских рабочих и наших граждан, не заканчивается в школе, а продолжается и расширяется в течение всей жизни. Вышедшие из школы и вернувшиеся на свои фермы молодой человек и молодая девушка находят там самых опытных и любящих наставников в лице их отцов и матерей, дядей и теток, братьев и сестер.

Они находят там также великолепно отпечатанные республикой книги и руководства, которые они изучали, обширную сельскохозяйственную энциклопедию, множество путеводителей садовника, цветовода и т.д., наконец, «Журнал сельского хозяйства», сообщающий им все открытия и все усовершенствования, которые ежедневно применяются на всей территории республики.

Суди сам, сколько наблюдений, изобретений, улучшений должно дать население, среди которого много сельских хозяев, имеющих такое образование и привыкших обо всем рассуждать.

Ибо если ты сравнишь наших современников-земледельцев с земледельцами старых времен, такими же грубыми, как и их скотина, ты поймешь, что мы имеем в качестве земледельцев миллионы искусных людей вместо тупых животных и что наше сельское хозяйство должно было сделать больше успехов в течение пятидесяти лет, и в особенности в течение последних тридцати лет, чем во все предшествовавшие века.

Прогресс во всех отраслях так велик, что у нас самих есть потребность вспомнить о причинах его, чтобы не удивляться.

Ты был бы также чрезвычайно удивлен, если бы я рассказал тебе об астрономических наблюдениях, сделанных нашими селянами на террасах или, точнее, в обсерваториях.

Здесь, например...

— Хорошо, очень хорошо, мой дорогой Вальмор, — сказал ему Мироль, прерывая его, — мы забудем, слушая тебя, про наш ужин и про наши постели. Но ты, должно быть, устал. Завтра мы будем иметь удовольствие снова увидеться, с условием, что ты опять доставишь нам удовольствие слушать тебя.

Я, со своей стороны, испытал большое удовольствие, ибо независимо от интереса самого предмета и прекрасной речи Вальмора, его меланхолия делала еще более трогательным его голос, который по природе своей напоминал немного глубокий тембр голоса Динаизы.

Мы едва приступили к обозрению неба и его созвездий, как одна из молодых девушек сообщила нам, что ужин подан.

После прекрасной трапезы Вальмор увел меня спать в ту же комнату,

где он устроился, и мне долго не удавалось заснуть, так как несчастный не мог удержаться, чтобы не говорить снова о своем горе, о достоинствах и совершенствах той, из которой его любовь делала ангела.

Глава восемнадцатая. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (продолжение)

Встав рано утром, я повел Вальмора в пристройки фермы, где к нам вскоре присоединился Динар.

Мы последовательно обошли различные стойла многочисленных домашних животных, навозохранилища, сараи для повозок, машин и сельскохозяйственных орудий, мастерскую для ремонтных работ, обширные амбары для немолоченного хлеба, риги для обмолота и склады для продуктов, готовых к отправке в город. Под конец мы прошли через птичий двор, курятник и молочную ферму.

Если бы я не знал, что фермы были построены согласно плану-образцу, как и все остальные мастерские республики, я удивился бы еще больше этой ферме, чем домам, ибо там, где обыкновенно в других местах видишь только отвратительную грязь, беспорядок и запустение, я нашел чистоту, порядок, удобство и изящество, которые я видел повсюду.

Вальмор, все объяснявший мне, обратил мое внимание на большие и малые плуги и многочисленные машины, недавно изобретенные с целью облегчить, сократить и усовершенствовать земледельческие работы, а также избавить земледельца почти от всяких тягот, заменяя его руки и плечи животными или неодушевленными орудиями в такой степени, что роль земледельца сводится почти к роли интеллигентного управляющего и просвещенного руководителя, и в то же время один человек делает столько же, сколько прежде десять или пятнадцать, и делает даже гораздо лучше.

— Мул, — сказал мне Вальмор, — осел и даже собака представляют собой живые машины, которые вместо человека перевозят тяжести даже по самым узким тропинкам.

К тому же рабочая одежда земледельца, теплая зимой и прохладная летом, всегда непромокаемая, так же, как и рабочая одежда любого работника, до того чиста и даже элегантна, что любишь ее. Нечего прибавлять, что платья молодых фермерш просто очаровательны, как и сами фермерши на фоне зелени, цветов и плодов их деревень.

Мы встретили двух кузин Динара на молочной ферме, где белизна их кожи соперничала с белизной молока, а их розовые щеки походили на розы среди лилий.

Как была чиста эта молочная ферма, уставленная сосудами с молоком, сливками, маслами и сырами десятков сортов!

Но как был красив и оживлен птичий двор! Он освещался водоемом, в котором плавали водяные птицы, и был обставлен кругом клетками для птиц разных видов. Какие красивые петухи, гордые и ревнивые, как султаны в своих сералях! Как все эти птицы сбегались со всех сторон при появлении их прекрасной госпожи, наделяющей их своими благодеяниями.

— Смотри, вот ее любимая курица, — сказал мне Вальмор, показывая мне великолепную курицу, белую, как снег. — Ах! если бы ты видел ее посреди этих птиц! Как она была счастлива, рассыпая им зерно, которое самые смелые из них клевали прямо с ее рук! С каким восхищением смотрел я на нее сквозь эту листву, когда, смеющаяся и счастливая, она распространяла вокруг себя довольство! И теперь я уже больше не увижу ее!..

После завтрака Мироль пожелал лично отвести меня на поля фермы.

Сначала он показал мне на великолепном плане фермы, украшавшем стену одной из зал, сад направо и постройки позади него, поля слева, а впереди луг, пересекаемый речкой и заканчивающийся рощей из высоких деревьев.

— Вчера, — сказал он, — мы видели сад, утром вы осмотрели пристройки, а теперь мы пойдем лугом, который приведет нас к питомнику и лесу, и мы вернемся полями.

У нас нет бесполезных роскошных газонов, но можно ли найти более красивый ковер, чем этот луг, испещренный цветами; его зелень, усеянная красными, белыми и синими цветами, делает еще более яркими прекрасные желтые цветы репы, окаймляющие его. Посмотрите там на животных, наслаждающихся на окопанных пастбищах, которые избавляют нас от необходимости наблюдать за ними.

Впрочем, этот луг, несмотря на всю его величину, был бы для нас совершенно недостаточен, если бы мы не имели почти всюду других, искусственных лугов, других трав и других овощей, до или после наших новых урожаев, ибо искусство разнообразить культуры и семена доведено до такой высокой степени, что мы теперь умеем получать ежегодно, последовательно одно за другим, различные растения с одного поля, не давая ему никогда отдыхать.

Посмотрите, какой красивый бассейн и какая прекрасная река. Мы можем сейчас же устроить по ней прогулку на лодке! Но обратите особенное внимание на то, с каким искусством сыновья мои выровняли берега, чтобы устранить всякую опасность. Выше, где река протекает мимо отвесной скалы, они устроили небольшой барьер, чтобы нельзя было упасть в реку, ибо, хотя наши юноши и девушки все учатся плавать, республика предписывает укреплять берега всех наших рек, каналов и всяких водоемов таким образом, чтобы устранить возможность несчастных случаев.

Перейдя через реку красивым мостом и пробежав остальную часть луга, мы добрались до питомника, затем до леса или, вернее, до рощи, деревья которой мне показались прекрасными. Я с большим удивлением заметил, что они были так же тщательно обработаны и окружены таким же уходом, как деревья фруктового сада.

— Сколько лет вы дадите им? — спросил меня Динар.

— Шестьдесят или восемьдесят, — ответил я.

Тридцать пять, — возразил он.

— Но следует вам сказать, — заметил Мироль, — что республика приняла совершенно новую систему разведения лесов. Она заставила

вырубить все леса, которые были плохо расположены, или с трудом поддавались эксплуатации, или могли быть заменены более выгодными культурами. Другие были частью распаханы, и были оставлены только решеи попережку с пахотными участками и фермами или мануфактурами, были вырваны все кусты в этих рощах и культивировались только оставшиеся большие деревья. Затем на всех фермах, не имевших рощ, республика предписала развести такие же, как эта. Я выбрал место и обработал его; затем я подобрал в питомнике растения, которые казались мне наиболее подходящими и полезными, и пересадил их сюда. С тех пор я не переставал обрабатывать, подстригать их, ухаживать за ними, как это в старое время делали только для винограда, хмеля, тополя и других деревьев – аристократов-деревьев, и вы видите, как они красивы!

Поэтому у нас нет ни обширных лесов, ни чащ, ни лесных порослей, как в старое время. Но около всех ферм есть рощи, помимо плодовых деревьев, собранных в фруктовых садах или рассеянных по полям, и других деревьев, которые часто окаймляют реки, каналы и дороги.

Мы имеем, таким образом, достаточно дров для отопления, во всяком случае столько, сколько нам нужно, с тем преимуществом, что у нас гораздо больше земель, гораздо больше плодовых деревьев и гораздо больше прекрасного леса разного рода для всех нужд нашей промышленности.

Прибавьте ко всем этим выгодам и ту, – а она является не меньшей, – что мы очистили страну почти от всех животных, опасных для человека или вредных для сельского хозяйства.

А с другой стороны, мы нашли средство сеять или сажать кусты и деревья на лишенных растительности горах, которые не представляют ничего, кроме камня, переносить туда или как бы создавать там почву и растительность и, так сказать, отвоевывать их у бесплодия.

Мы теперь на наших полях, и вы видите повсюду моих детей и наших соседей, так как начиная с первого и кончая последним днем года, всегда находится какая-нибудь работа вне дома или внутри него, тем более, что мы не обязаны работать только шесть или семь часов, как горожане, и наши работы которые мы исполняем по доброй воле или соответственно времени года, для нас так приятны, что мы занимаемся ими беспрестанно.

Но я уже устал говорить. Вальмор, объясните вашему другу то, что касается наших земель.

– Заметь сначала, – сказал мне Вальмор, – все обработано так, что не пропадает ни один клочок земли. Не только нет ни одного бесполезного растения или травки, ни чертополоха, ни дикого кустарника, но нет даже ни одной ограды, ни одной стены, ни одной излишней изгороди. Только необходимые каналы, борозды, дороги и тропинки.

Эта красивая изгородь из смородины и крыжовника находится на месте большой разрушенной стены, которая с каждой стороны отнимала по десяти футов земли.

Сосчитай, если можешь, стоимость стен, решеток, палисадов, каменных рвов, и ты увидишь, как велика экономия, являющаяся результатом уничтожения оград.

Этот прекрасный откос, который ты видишь там внизу, у дороги, украшенный зеленью и цветами замечательных овощей, занял место старых лесных зарослей и шиповника, по которому ползали гусеницы.

И ты видишь, что дороги, тропинки, рвы, каналы, даже борозды – все это сделано по прямой линии. Все наши поля, в меру возможности, представляют длинные четырехугольники, что облегчает обработку полей и экономит землю. Это, впрочем, нетрудно было осуществить, так как площадь каждой фермы, как ты знаешь, была определена инженерами республики.

Посмотри также, как поверхность выровнена, даже там, где она наклонна. Ты не замечаешь ни возвышений, ни впадин. Ты не видишь даже ни одного камня.

Можно ли найти более совершенную обработку, более крупные колосья, более прекрасные конопляники, более вкусную репу!

Обрати внимание на эти ровные дороги, гладко вырытые и вычищенные каналы, красивые тропинки, обложенные камнем и посыпанные песком! Не видишь ли ты всюду с удовлетворением труд людей, которые все обдумывали, во всем ищут совершенства и вносят во все столько же вкуса, сколько и понимания!

Разве вся эта ферма не кажется тебе одним великолепным садом, прекрасные тропинки которого могут послужить восхитительным местом для прогулки?

– Что ты говоришь? – сказал Динар: – все эти фермы вместе действительно представляют один сад, а все эти поля – бесконечную дорогу для прогулок.

– Ты прав, – ответил Вальмор: – у нас нет больше ни оград, ни тяжб, потому что мы не знаем больше собственности, и каждый фермер может прогуливаться на соседних фермах, как горожане могут гулять в любой деревне.

И не бойся, что кто-либо осмелится тронуть что-либо или испортить во время гулянья: наша система воспитания приучает нас с детства все уважать, тем больше, что если горожане, впрочем и в городе ни в чем не нуждающиеся, приходят на ферму, нет такого фермера, который отказал бы им в цветах и плодах.

– Но, – сказал я ему, – ведь все фермы не могут быть так красивы, как эта; например, фермы в горах.

– В горных местностях, – ответил он, – имеются еще более очаровательные фермы, окруженные прелестными ландшафтами, живописными видами и прозрачными водами, то журчащими, то падающими каскадами! Правда, есть горы менее плодородные и, естественно, менее привлекательные, но именно в эту сторону направляются все усилия и вся заботливость республики, чтобы исправить при помощи благодетельного искусства явную несправедливость природы. Достаточно напомнить тебе, что там, в

коммунах, города совершенно похожи на другие города, а на территории коммун размещается равное другим коммунам число ферм одинакового размера! Не буду также повторять тебе, что дома этих горных ферм похожи на все другие дома, а другие строения соответствующего назначения — одинаковы: Нет нужды также прибавлять, что эти фермы также имеют свои сады, овощи, особые цветы и плоды. Культуры и продукты, правда, не те же самые ни по виду или качеству, ни по количеству. Но земля одинаково обработана, и хорошо обработана, и производит она столько, сколько может произвести, и производит даже много, настолько агрикультура стала могущественной. Все эти фермы имеют прелести, которые свойственны только им; все доставляют удовольствие тем, кто в них живет или их посещает; все они полезны для республики; и я должен признаться тебе, что именно места наиболее пустынные и бесплодные нравятся мне, в сущности, больше всего благодаря чудесным метаморфозам, которым подверг их человеческий гений.

— Но ведь может случиться, — сказал я, — что на некоторых фермах имеется больше рабочих рук, а на других их недостаточно. Как поступаете вы тогда?

— Прежде всего ты должен принять во внимание, что разумные люди, по воспитанию своему трудолюбивые и полезные, найдут всегда что делать с целью улучшить то, что уже хорошо. Затем, если какой-нибудь земледелец действительно останется без работы, он может, даже на ферме своего отца, заниматься другой работой или помогать соседнему фермеру. Что касается тех, которые нуждаются в постоянной или временной помощи, то они всегда получают ее от членов соседних ферм, или некоторых молодых горожан, охотн в вступающих в их семью, или друзей, или школьников, или горожан, которые никогда не отказываются от удовольствия, доставляемого сельскими работами.

— Налеву, Вальмор! — крикнул Мироль, — вернемся со стороны шпалерников, я хочу показать их милорду.

Он мне, действительно, показал очень своеобразные шпалерники; там были не стены, а подвижные изгороди, которые еще лучше отражали солнечные лучи, чтобы ускорить созревание плодов; их снимают, когда опасаются, чтобы деревья не были сожжены слишком жгучим солнцем.

Мы отдохнули немного в очаровательных беседках из виноградных лоз, где мы дышали благоухающим воздухом под сводом из зелени и цветов, а затем мы вернулись, собирая плоды к обеду, вместе с молодыми девушками, которые прибежали, чтобы обнять своего дедушку.

— Как была она хороша под своей широкой соломенной шляпой, — тихо сказал бедный Вальмор, пожимаая мне руку, — в последний раз, когда она здесь собирала землянику! Ах, друг мой, да не будешь ты никогда так несчастлив, как я!..

Во время обеда Мироль повел разговор про уборку, охоту и рыбную ловлю, обращаясь к своим дочерям или внукам и выслушивая их с большим удовольствием.

Одна из них рассказала, как проводятся сенокос, жатва, сбор винограда, уборка овощей, цветов и плодов.

Она отметила, что каждый фермер выбирает время, которое кажется ему наиболее подходящим для различных видов уборки, и он стремится каждый раз произвести уборку в один день для того, чтобы быть более уверенным в хорошей погоде. Если бы ему понадобилась помощь, он попросил бы соседних фермеров, которым он сам в свое время помогал, или молодых школьников, или городских друзей, которые никогда не отказывают, потому что уборка всегда является для нас удовольствием и праздником. Для этой цели каждая ферма имеет наготове комплекты обуви и сельской одежды для сорока или пятидесяти посторонних, со всеми необходимыми орудиями труда.

С чарующей прелестью она рассказала дальше, как все эти импровизированные фермеры и фермерши приезжают из города в омнибусах или дилижансах, а свои съестные припасы привозят на мулах.

Затем она живо и остроумно описала, вызывая общие улыбки, радость юношей и девушек в час приезда, веселье, царящее при переодевании, крики и песни во время работы, забавы во время полевых обедов, красивые и шуточные церемонии, которыми начинается работа, танцы и игры, затягивающиеся иногда до полуночи, и всегда на глазах их родителей, столь же веселых, как и их дети. Этот остроумный рассказ вызвал радостные или, вернее, горестные воспоминания у бедного Вальмора, в глазах которого я несколько раз замечал блеснувшую слезу.

Другая молодая девушка описала нам охоту, но не на больших диких животных, которые уже все уничтожены, а на вредных птиц, которым расставляют всякие западни, и главным образом на насекомых. Как и ее сестра, она заставила нас много смеяться, описав охоту, предпринятую однажды на всей территории республики одновременно за птицами, пожирившими четвертую часть всего урожая хлебов и целиком уничтоженными в один день. Она опять насмешила нас, рассказав о другой охоте — на одно насекомое, появляющееся в огромном количестве в определенное время. Эта охота проводилась в один и тот же день на всех фермах республики, и на нее почти все горожане являлись в деревню, как для самого важного сбора.

Один из юношей рассказал, как производится ремонт дороги, общей для нескольких ферм, объяснив, каким образом все фермеры и их дети, собравшись в один отряд и руководимые одним командиром, кончают обыкновенно всю работу в два или три дня.

После обеда мы проводили к пароходу Динара, который не мог больше оставаться с нами.

Я очень сожалел об этом, потому что в немногие часы наших совместных бесед я открыл в нем столько же доброты и любезности, сколько прежде находил в нем образованности, а его привязанность к Вальмору делала их обоим еще более дорогими для меня. Он был мне признателен за дружбу, которую я проявлял к его другу, как если бы Вальмор был его братом, и заставил меня обещать ему часто посещать его после нашего возвращения.

Бедный Вальмор чуть не упал в обморок, когда обнимал его, прощаясь с ним.

— Каким слабым я должен тебе казаться, — сказал он мне затем. — Но я опять стану мужчиной, ты увидишь!

Так как на обратном пути мы прошли через пять или шесть ферм, каждая из которых соперничала с другими по красоте и богатству, я приходил во все больший восторг при виде всего этого.

— И что сказал бы ты, — спросил меня Вальмор, — если бы ты сравнил расцвет нашего сельского хозяйства в настоящее время с убожеством старого времени? Наши достижения не удивляют меня, но они неизмеримы, неисчислимы. Куда бы мы ни бросили взор, все поразительным образом усовершенствовано. Площадь обрабатываемой земли почти удвоилась вследствие распашки нови и обработки запущенных прежде и загубленных участков. Та же самая земля почти как бы удвоилась по пространству благодаря более совершенному искусству обработки и удобрений, а также вследствие разнообразия чередующихся посевов на той же земле в течение одного года. Каждый из наших продуктов не только более изобилен по количеству и размерам, но несравненно лучше и по качеству; мы имеем даже много новых, в высшей степени полезных видов. Например, ты видел в саду дыню, чудовищную по размерам и лучшую по качеству, чем все наши прежние дыни. Так вот, еще тридцать лет назад у нас не было дынь, и первые дыни, привезенные из соседней страны, были посредственны и по вкусу, и по величине, тогда как теперь они так же велики, как и вкусны, и их так много, что все икарійцы наслаждаются ими.

И все, что я говорю тебе о плодах, целиком относится к животным и животным продуктам, а также и к растениям и их продуктам. Республика не щадила никаких средств, чтобы заимствовать из чужих стран все, что у них было лучшего в области сельскохозяйственных приемов, видов растений и пород животных. Поэтому наши лошади, быки, бараны и наша шерсть так же неузнаваемы, как наши зерновые хлеба и овощи, наши плоды и цветы. Одним словом, принимая в расчет все улучшения, угадай, во сколько раз увеличилась валовая продукция сельского хозяйства за пятьдесят лет, согласно национальной статистике?

— Откуда мне знать? В пять раз?

— В двенадцать раз, и ты можешь это сам проверить. После всего этого удивляйся тому, что население почти удвоилось и что пятьдесят миллионов икарійцев имеют такие жилища, обстановку, пищу и одежду, которые ты видел!

— О, я не удивляюсь ничему.

Он хотел продолжать, когда мы заметили Мироля, который обещал нам притти навстречу с несколькими своими детьми.

Он хотел нас повести к очаровательному источнику, но мы уже устали и рано отправились к себе.

Я еще размышлял над всем, что видел и слышал, а Вальмор уже спал беспокойным сном, бормоча отрывочные фразы или, скорее, издавал нечленораздельные звуки, среди которых я едва различал слова:

хорошая... прекрасная... ангельская... вечное сожаление...

Глава девятнадцатая. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. ТОРГОВЛЯ (продолжение)

До завтрака, пока Вальмор писал своей сестре, Мироль показал мне чертежи и планы, покрывавшие стены его библиотеки. Один из них представлял большой план коммуны, с городом, находящимся почти в самом центре и окруженным деревнями, с указанием всех ферм, путей и дорог, рек и гор. Мироль показал мне фермы, где выращивали только виноград, другие, где производили только зерновые хлеба. Он показал мне также некоторые минеральные месторождения и несколько крупных мануфактур. Он много рассказывал мне об одной весьма любопытной фабрике, находящейся в одном лье²⁸ от его фермы, и предложил мне осмотреть ее после завтрака.

Одна таблица показывала инвентарь, или состояние, фермы, с перечислением всего, что в ней находилось.

Другая таблица, сделанная одним из копиистов, почерк которого вызвал мое восхищение, представляла собою статистику фермы. Она указывала все, что ферма произвела в прошлом году, что оставлено было для потребления фермера и что он отправил на национальные склады. Я был поражен количеством продуктов и ясно понял, каким образом сельское хозяйство могло давать республике все, что необходимо было для полного снабжения всех граждан пищей, одеждой, жилищами и обстановкой.

Третья таблица содержала список продуктов, которые требовались республике в текущем году. Мироль мне показал, что от него требовали меньшее количество одного продукта, большее количество другого и некоторое количество новой продукции для пробы.

Он затем объяснил мне, каким образом продукты фермы перевозятся на склады республики, некоторые на его собственных подводах, другие — на национальных. Что касается овощей, дичи, молочных продуктов, плодов, которые должны доставляться в город ежедневно, то каждый фермер имеет необходимые корзины и сосуды и в определенные часы ставит их на краю дороги, где различные национальные фуры, соответственно устроенные, забирают их, чтобы отвезти в город.

Фабрика, которую мы пошли осмотреть, производила фаянсовые изделия. Она расположена была около особого минерального месторождения, каких нет нигде в других местах, в полулье от коммунального города.

Там производят фаянс для всей республики. На заводе занято почти все население коммунального города, откуда переезд по железной дороге занимает всего пять минут. Сколько там различных мастерских! Сколько машин! Какое оживление! Какая кипит там работа! Какие склады, принимающие непосредственно с фабрики изготовленные вазы! Какое движение в упаковочном отделении! Сколько возов для транспорта во все коммуны республики! Если бы мы провели там целый день, нам все же нехватило бы времени, чтобы все осмотреть и всему надивиться.

— Я вижу, — сказал я, возвращаясь, — что вы не имеете никакой нужды в торговле.

— Без всякого сомнения, нет, — ответил Вальмор: — республика требует от каждой коммуны сельскохозяйственные и промышленные продукты, которые лучше всего соответствуют свойствам ее почвы и ее положению, и она же берет у каждой коммуны ее излишек, чтобы распределить его между другими, и доставляет ей те продукты, в которых она нуждается, получая их от других коммун.

Это обмен или, вернее, раздел и распределение продуктов, и никто не может сделать это так хорошо, как республика.

Представь себе, в самом деле, богатого и опытного негодяя, могущественную компанию, которая производит торговый обмен между двумя коммунами, или между двумя провинциями, или между двумя странами, покупая у каждой ее избыточные продукты и продавая ей те, которых ей не хватает.

Ты понимаешь, что республика может делать то же самое и даже гораздо лучше, потому что все негодяи, вместе взятые, никогда не могли бы достигнуть ее могущества, ее единства и, в особенности, ее слаженности в работе и добровольной помощи всего народа.

Все необходимые средства транспорта — возы и лошади, паровозы и железные дороги, пароходы и каналы и т.д. и т.д. — все это находится в распоряжении республики. Возчиков, матросов, работников всякого рода — всех их она имеет, и все они преданы ей, потому что она их великолепно кормит и обслуживает.

Средства перевозки республики часто безостановочно переправляются из одного конца страны в другой, но возчики и лошади не выходят из территории своей коммуны или своей провинции и сменяются другими.

Какая скорость! И никогда воз, отправлявшийся полным, не возвращается пустым! Обрати внимание и на размещение продуктов. Каждая коммуна имеет свои коммунальные склады, куда сперва свозят часть продуктов, необходимую для ее потребления; провинциальные склады и национальные склады, которые получают избыток, чтобы отправить его в другие коммуны и другие провинции или за границу.

Что касается предусмотрительности и всех средств предупреждения голода, то кто может сделать в этом отношении больше, чем республика? Кто может лучше, чем она, знать, какие бедствия грозят урожаю, каковы нужды каждой провинции и что следует требовать от каждой в интересах других провинций?

Кто в состоянии соперничать с ней по своему могуществу в области внешней торговли? Она имеет дело не с частными лицами, а с иностранными правительствами, по крайней мере со своими союзниками. Она сперва устанавливает, какие продукты она должна вывозить и какие ввозить. Сам народ или его представители решают вопрос, и затем правительство производит обмен,

И республика старается не разводить и не фабриковать то, что она легко может получить из другой страны, если ее сельское хозяйство и

промышленность могут с большей пользой быть направлены на производство других продуктов.

Ты опять-таки понимаешь, как велики экономия и преимущества, которые должны проистекать из этого для блага народа.

Вечером разговор зашел на тему о деревенских развлечениях в сравнении с городскими.

— Не знаю, — сказал я, — более или менее счастливы горожане в сравнении с селянами, но я наблюдаю тут с большим удовольствием, что трудно быть столь счастливыми, как одни, и невозможно наслаждаться большим счастьем, чем другие. Если бы римский поэт жил в настоящее время, то вместо того чтобы говорить: «O fortunatos nimium, sua si bona norint, agricolas» (вы знаете латинский лучше, чем я), он сказал бы: блаженны земледельцы, ибо они умеют ценить свое счастье!

— Вы правы, — ответил Мироль, — я поэтому не жалею ни о дворце, который имел когда-то в городе, ни о земле моего графства, ни о моем парке, ни о моей охоте, ни даже о моей ложе в опере. И если вы хотите встать завтра около четырех часов, я поведу вас к большому дубу на вершине холма, чтобы созерцать восход солнца, и вы увидите, что наш утренний спектакль стоит всех вечерних спектаклей в городах.

Глава двадцатая. РЕЛИГИЯ

За четверть часа до восхода солнца мы — Мироль, Вальмор и я — были уже на горе.

— Какое великолепие, — воскликнул я, — предшествует появлению Солнца! Даже сама прекрасная Венера исчезает при его появлении, после того как она своим блеском служила путеводительницей пастухам. Как очаровательна Аврора! Радостное воображение греков имело основание сделать из нее молодую богиню с алыми щеками и розовыми перстами, сеющую вокруг себя росу, цветы и благоухания, раскрашивающую легкие облака своей кистью, дающей тысячи оттенков самого прелестного красного цвета, возвещающую пришествие своего господина и раскрывающую, наконец, безмерные врата неба, чтобы освободить ему проход.

Солнце приближается, но его еще не видно, а уже его могучие лучи освещают, согревают и оживляют растения, которые наливаются зеленью и выпрямляются при легком дыхании зефира; цветы, раскрывающие свои благоухающие чашечки: птиц, выражающих свою благодарность и радость своим пением, и рабочих, весело расходящихся по пробужденным полям.

Наконец, оно появляется, окруженное огнями и светом, затмевая все вокруг себя, освещая ярким блеском небо, ослепляя глаз того, кто осмеливается пристально взглянуть на его блеск и великолепие.

Посмотрите, как оно устремляется вперед, чтобы величественно пробежать неизмеримый свод лазоревых небес на своей сверкающей колеснице, влекомой четырьмя быстрыми и великолепными лошадьми, сопровождаемое Орами и распространяющее всюду потоки тепла, света и жизни!

Это отец, благодетель, бог природы, получающий почти всюду почести своих созданий и поклонение смертных!

— И все это только иллюзия и ложь, — воскликнул Вальмор, испустив долгий вздох, — как и счастье на этой земле! Это Солнце, которое твое воображение делает таким быстрым и благородным, есть только маленькая лампа или маленькая печь, неподвижно прикрепленная к своему месту, чтобы освещать и согревать нашу маленькую Землю и несколько других атомов, вращающихся вокруг него, наряду с миллиардами других солнц и других земель, из которых каждая имеет свое место и свою функцию в мастерской вселенной.

Удивлять нас должна именно эта вселенная эта мастерская, вечная во времени, бесконечная в пространстве, без конца и начала, без меры в длину, ширину и высоту, где кишат бесчисленные армии рабочих всякого роста и всякого вида вокруг бесчисленных машин, свисающих и нагроможденных в беспорядке, из которых одни, бесконечные по размеру, весу, скорости и мощи, в миллионы раз больше Земли и, несмотря на это, мчатся в тысячи раз скорее, чем пушечное ядро, в то время как другие создания, бесконечно тонкие и малые, в миллионы раз меньше, чем самый незаметный клещ.

Вальмор, казалось нам, был охвачен энтузиазмом, мы не хотели его прерывать, и я сильно жалею, что не могу с надлежащей точностью вспомнить его слова.

— И могли думать, — продолжал он, — что это Солнце, эта маленькая лампа, эта маленькая печь — бог!

Стало быть, все эти бесчисленные солнца представляют столько же богов! Но кто бы их создал, всех этих богов? Кто управлял бы ими? Кто создал бы их империи и их подданных?

Потому что я не могу себе представить землю, которая не была бы сотворена, бога, который не был бы создателем или отцом.

Я поэтому имею потребность верить в единого бога, творца, отца, зиждителя всей остальной вселенной.

И, с другой стороны, кто этот зиждитель, который начертал план этой вселенной и построил ее? Где взял он материалы и рабочих? Откуда взялась у него сила, чтобы сотворить эти поразительные машины и сотворить эти чудесные создания?

Почему, с какой целью, для кого создал он столько машин и столько чудес?

И этот создатель, этот зиждитель, этот отец богов и людей — кем он сам был создан? Кто его отец? Когда, где, как, от кого он родился?

Как понять всемогущество, вечность, бесконечное? И в то же время как понять также и пределы пространства и времени, начало и конец вселенной, границы возможного и невозможного?

Следовательно, нет бога? Материя существовала сама по себе и извечно? Это бесконечное могущество, этот поразительный порядок, предполагающий бесконечный разум и предусмотрительность бесконечно искусного работника, все чудеса минеральной, растительной и животной жизни — неужели все это только проявление свойств материи? Столь

разнообразное оперение птиц, чудесное строение глаза, столь изящная форма рта, все эти удивительные части удивительной человеческой машины — неужели все они формируются, как соли и кристаллы?

Но разве постичь чудеса самой кристаллизации легче, чем существование бога? И разве это не есть лишь словесная проблема?

Ибо разве эта материя не обладает всеми теми атрибутами, которые приписываются божеству, атрибутами всемогущества, бесконечности, вечности? Не является ли материя с ее свойствами тем, что хотят выразить слишком неопределенными и слишком туманными понятиями: бог, божество, природа, высшее существо?

Для меня божество есть та первопричина, следствия которой я вижу, которой я придаю человеческую форму, чтобы лучше его понять и иметь возможность легче о нем говорить, но форму и сущность которого я, при ограниченности моих чувств и несовершенстве моей организации, не могу постичь.

Я преклоняюсь перед ним, глубоко чувствуя свое несовершенство и свою подчиненность. Я понимаю, что мне не хватает, как глухому или слепому, чувства, чтобы ощущать или постигать его, и когда мой слабый разум слишком упорствует в своем желании проникнуть во все тайны, я чувствую, что он затемняется и впадает в безумие, мое слабое зрение ослепляется, когда оно упрямо хочет фиксировать блеск Солнца, и я теряю сознание.

Я удивляюсь его чудесам. Иногда я нахожу всюду предметы для удивления, даже в иле и грязи, откуда выходят тысячи зародышей животных или растений, а иногда я не удивляюсь ничему или, вернее, не удивляюсь уже больше ничему, готовый открыть еще более великие чудеса.

Я склонен благословлять его доброту (если я только могу, говоря о нем, употребить выражение, которое обыкновенно применяется к человеку), хотя не могу себе, впрочем, объяснить, почему это всемогущее божество осуждает невинного ребенка на оплату необходимых ему зубов ужасными болями, ни почему это самое божество делает меня сегодня столь несчастным, меня, который никого не ненавидит и никогда не причинял никому зла, который любит всех себе подобных и различает их в своей любви только более теплой нежностью по отношению к родным и друзьям. Почему оно заставляет меня страдать сегодня?

[Я думал, что он не сможет продолжать, до такой степени был он тогда угнетен.]

Я хотел бы верить в его справедливость в другой жизни, в вечную награду для добрых и вечные муки для злых, ибо, чтобы не обвинять его, я иногда чувствую потребность надеяться, что несчастья угнетенных будут вознаграждены счастьем другого рода и наглое торжество угнетателей сменится унижением и страданием; я чувствую потребность надеяться, что тираны будут наказаны, не желая им, впрочем, бесконечных страданий.

И если я говорю о тиранах, то только по отношению к другим

народам, ибо мы поступили лучше, мы не проклинали или осуждали их, а мы их изгнали навсегда, не рассчитывая на то счастье, какое нам обещали в загробной жизни.

Когда я взвешиваю все могущество разума, рассудка и гения, заключающихся в такой маленькой голове и в таком слабом теле, я часто с удовольствием думаю, что душа есть божественная эманация.

Я люблю думать, что душа бессмертна. Ибо я вижу в природе только превращения без уничтожения, и для меня невыносима мысль, что создание столь прекрасное, столь совершенное, столь ангельское...

Волнение помешало ему закончить, и он закрыл лицо руками.

Тогда старец, чтобы рассеять скорбь своего молодого друга, взял нас обоих под руку и повел посмотреть восхитительный грот, который расположен был в нескольких шагах дальше, с другой стороны, на склоне холма.

— Есть ли у вас в Икарии материалисты? — спросил я Вальмора, чтобы вызвать его на разговор.

— Да, несколько.

— И вы их терпите?

— Как терпим? Какое зло может причинять их убеждение, когда все регулируется законами, а они подчиняются законам? Какое значение может иметь религиозное убеждение нескольких лиц, когда вся нация счастлива? И к тому же, разве наши убеждения не независимы от нашей воли? Свободны ли мы верить или не верить? Разве верования не должны быть так же уважаемы, как и вкусы? Слишком долго наши предки были суеверными, фанатичными, нетерпимыми, преследователями и кровожадными! Слишком долго религия, на которую ссылались как на спасение человечества, была его бичом! Разве казни и войны между представителями различных убеждений не столь же нелепы, как между теми, кто предпочитает землянику смородине, и теми, кто предпочитает смородину землянике? Разве преследование материалистов не было бы актом несправедливости, угнетения, варварства, безумия и злобы точно так же, как если бы подвергали преследованиям тех, кто придерживается взглядов меньшинства в многочисленных вопросах астрономии, медицины и других наук?

— Стало быть, у вас есть и различные религиозные секты?

— Да. А так как мы затронули теперь предмет, который тебя сильно интересует, насколько я могу судить по вопросам, с которыми ты ко мне постоянно обращаешься, я изложу тебе нашу религиозную систему, если ты желаешь и если мой почтенный друг разрешит мне,

— Говорите, говорите, — ответили мы все вместе.

— Так вот слушайте, ибо эта система — один из шедевров нашего доброго и божественного Икара, который благоразумно и бережно подготовлял умы, пока не склонил их повсюду к своему мнению. То, что я тебе сообщу теперь, есть, стало быть, как и все наши учреждения, дело всего народа. А теперь слушай меня внимательно, потому что в этом, как и во всем почти, мы совершили радикальную революцию: мы все перестроили наново, соответственно с принципом общности.

Мы сперва заменили выражения: бог, божество, религия, церковь, священник — новыми и столь определенными выражениями, что они не оставляют места ни для каких двусмысленностей...

Затем, здесь опять, как во всем, воспитание есть основа всей системы. До шестнадцати и семнадцати лет дети ничего не слышат о религии и не причисляются ни к какому религиозному знамени. Закон не позволяет ни родителям, ни чужим влиять на них до умственного совершеннолетия. Только в этом возрасте, в шестнадцать и семнадцать лет, когда их общее воспитание почти закончено, преподаватель философии, а не священник, излагает им в течение года все религиозные системы и все религиозные мнения без исключения.

— Но что служит уздой для детей и молодых людей?

— О какой узде ты говоришь? Для чего узда? В старое время эта узда могла быть необходима. Но теперь какое зло (не говорю — какое преступление) могло бы совершить дитя? Разве гарантия его доброго поведения не заключается в воспитании, любовном попечении его наставников, в сознательной любви его родителей и в счастье которым ему дают наслаждаться? Спроси у нашего почтенного друга, встречается ли повод сделать серьезный упрек детям Икарии.

В семнадцать или восемнадцать лет каждый вполне сознательно присоединяется к мнению, которое кажется ему лучшим, и свободно избирает религию, соответствующую его настроению. Каково бы ни было его верование, его уважают. Каков бы ни был его культ, он ему дозволяется. И если какая-нибудь секта достаточно многочисленна, чтобы иметь храм и священника, республика дает ей храм и священника.

Не думай, однако, что секты очень многочисленны. В религии, как в политике и в морали, как и во всем, истина если и не абсолютна, все же едина, и наша республика идет к единству в области религии, как и во всех других делах, потому что влияние воспитания, разума и дискуссий естественно приводит каждого к наиболее ясному мнению, которое становится всеобщим мнением. Быть может, и даже вероятно, что мы в будущем изменим наши религиозные суждения, как мы уже изменили их и как мы, наверное, будем менять наши суждения в науке и технике. Но в настоящее время и в течение последних пятидесяти лет секты среди нас редки, сектанты очень немногочисленны, и можно сказать, что все икарийцы придерживаются одного религиозного верования.

— И в чем состоит это верование?

— Предположи, что в наши дни, при современном состоянии просвещения, наиболее образованные, наиболее мудрые и наиболее рассудительные люди сходятся на собор, как это некогда делали христиане, чтобы, оставив все личные интересы, обсудить различные религиозные мнения и установить, какое из них является наиболее разумным. Ты понимаешь, что собор сможет установить если и не единодушно, то по крайней мере огромным большинством, что он придерживается одного верования.

— Да, я понимаю это. Но каково же, наконец, это верование, которое вы приняли всем народом?

– Было бы слишком долго излагать его тебе теперь, потому что нельзя затронуть такой предмет, не входя во все детали, и я не хотел бы оскорбить твою религиозную щепетильность...

– Не бойся ничего и скажи мне, в чем заключается это верование.

– Прошу тебя, не настаивай сегодня. Я обещаю изложить тебе его позже.

Но что я могу сказать уже сегодня, это то, что религия не связана ни с правительством, ни с государством, что она совершенно отделена от него, не имеет никакой гражданской власти и ни в каких случаях не освобождается от повиновения законам, тогда как, с другой стороны, закон вмешивается в религию только с целью охранять свободу верований, поддерживать общественное спокойствие и обеспечить все благо, которое она может дать, избегая всего зла, которое она часто причиняла или к которому давала повод.

Наша религия, всеобщая, или народная, есть только, по правде говоря, система нравственности и философии и приносит лишь ту пользу, что учит людей любить друг друга, как братья, давая им в качестве правил поведения следующие три наставления, которые заключают все: «Люби ближнего, как самого себя. Не делай другому зла, которого ты не желал бы, чтобы он делал тебе. Делай другому все добро, которое ты желаешь для себя самого».

Наш культ бесконечно прост. Каждый восторгается божеством, благодарит, молит и почитает его, как ему угодно, внутри своего дома. Мы имеем даже храмы, в которых мы просвещаемся или поклоняемся сообща, но мы думаем, что справедливость, братство, а следовательно, подчинение общей воле и любовь к отечеству и человечеству, представляя культ, наиболее приятный божеству. Мы считаем, что тот лучше поклоняется и нравится ему, кто умеет быть лучшим отцом, лучшим сыном, лучшим гражданином, и в особенности тот, кто больше любит и уважает женщину – лучшее создание творца. Мы думаем, что лишения и страдания, которые налагает на себя фанатизм, являются оскорблением божественной доброты. Мы думаем также, что вся природа есть самый красивый храм, где можно воздавать почести высшему существу.

Стало быть, наш культ не знает никаких обрядов, ни службы, которые пропитаны суеверием или имеют целью дать власть священникам. Никаких постов, никаких умерщвлений плоти, никакого добровольного или наложенного покаяния! Если кто-нибудь совершает ошибку, которая причиняет какое-нибудь зло, то наказание состоит в том, чтобы исправить это зло и удвоить усилия быть полезным своим согражданам и отечеству.

Мы считали бы нелепым произносить молитвы на незнакомом языке или вообще не на нашем языке, как мы считали бы глупостью читать официальные молитвы, не самим молящимся составленные.

Наши храмы без образов, красивые и в особенности удобные и здоровые, как все наши общественные здания, предназначаются главным образом для проповедей и религиозного просвещения.

И, чтобы закончить в двух словах, я прибавлю, что наши священники

не имеют никакой власти, даже духовной, что они не могут ни наказывать, ни отпускать грехи, что они только проповедники нравственности, религиозные наставники, советчики, руководители и друзья-утешители, счастливые, когда они сами не нуждаются в утешениях и советах.

После этих слов он, казалось, хотел остановиться, погруженный в глубокую меланхолию.

– Как! – сказал я ему тогда. – Ты хочешь быть священником, ты знаешь, что все касающееся ваших священников, быть может, больше всего интересует меня, и ты мне ничего не говоришь о них. Расскажи мне об их воспитании, о том, как они становятся священниками, об их службе.

– Хорошо, – ответил он печальным и дружеским тоном, – слушай дальше.

Знай сначала, что мы имеем священников женского пола для женщин и священников-мужчин для мужчин. То, что я скажу тебе о священниках, относится также к священникам женского пола.

Священство, как и медицина, есть профессия, или, если хочешь, общественная функция. В восемнадцать лет, когда общее образование закончено и каждый выбирает себе профессию, молодого человека, который хочет быть священником, подвергают экзамену, чтобы узнать, имеет ли он необходимое образование, наклонности и способности.

Если он допускается как аспирант, то до двадцати пяти лет он занимается специальным изучением риторики и морали, философии и религии. В продолжение этого времени изучения и испытания он посвящает себя еще воспитанию юношества как наставник. Он должен вступить в брак до двадцати пяти лет, чтобы в меру возможности укротиться от страстей и чтобы можно было судить, сумеет ли он служить образцом для других во всех областях общественной жизни.

В двадцать пять лет его снова подвергают экзамену, чтобы увериться, что он достоин и способен давать советы и утешение тем, кто имеет в этом нужду, ибо хотя икарийцы воспитываются так, чтобы стать людьми, достойными этого имени, хотя отцы, матери и друзья вполне способны быть советниками и утешителями своих детей и друзей, голос священника иногда не бесполезен в особых случаях и производит тем большее действие, чем реже он бывает слышим.

Так как священник должен быть советчиком и руководителем для несчастных, вторым отцом – для молодых, братом – для людей его возраста, другом – для всех, то от него требуют, чтобы он был человеком, наиболее отличающимся своим благоразумием, мудростью, терпением и даром убеждать.

Если экзамен в двадцать пять лет для него кончается успешно, аспирант объявляется кандидатом, а уже из этих кандидатов граждане каждого квартала выбирают затем своего священника.

Они выбирают его только на пять лет, чтобы можно было устранить того, чья добродетель не всегда является достойной служить образцом для других, ибо от священников в первую очередь требуется

добродетель, и чем больше его уважают, тем больше хотят, чтобы он был добродетелен, и чем он более добродетелен, тем больше его уважают.

— Поэтому и ждут с нетерпением, — сказал, прерывая его, старец, — когда ты достигнешь двадцати пяти лет, ибо никто, мой дорогой Вальмор, не выдержал более блестяще экзамена на аспиранта, никто не имел большего успеха как наставник, никто вообще не любим и не уважаем больше тебя, никто не имеет больше шансов быть объявленным кандидатом и быть единодушно избранным священником. И ты знаешь, как я счастлив этим, я, самый старый друг твоего дедушки и любящий тебя, как своего сына.

— Ах, — воскликнул Вальмор, который уже давно казался мне страшно возбужденным, — что вы говорите мне об общественном уважении! Этого уважения, которого я так добивался и заслужил (ибо, призываю небо в свидетели, чье сердце чище моего?), я больше не заслуживаю. И как мог бы я советовать покорять свои страсти, я, позволяющий им покорять себя? С каким лицом осмелюсь я увещевать другого переносить несчастье с мужеством, я, столь слабый и малодушный? Но какое несчастье также могло бы сравниться когда-либо с моим, скажите мне вы, ее дедушка, вы, который знаете ее душу!..

Скорбь его, долго сдерживаемая, прорвалась, наконец, как поток, который ломает плотину, и несчастный разразился слезами. О, какое страдание причиняют слезы мужчины его друзьям! Мы оба плакали вместе с ним.

Но он, стыдясь своих рыданий и раздраженный ими, сказал нам, указывая на свою красную грудь, почти всю исцарапанную его руками:

— Смотрите, как я боролся с моими слезами и как я наказывал себя за мою слабость!

— Плачь, мое дитя, плачь без стеснения с твоими друзьями! Я также страдал в молодости и вполне сочувствую твоим страданиям. Я тоже плакал и знаю, что если мы впадаем в искушение и обвиняем небо за то, что оно посылает нам страдания, мы должны по крайней мере признать, что слезы представляют благодеяние природы.

— Да, я чувствую облегчение, точно с меня свалилась тяжесть, которая давила меня...

— Ну, а теперь побольше разума, побольше мужества! Разве моя дочь Наиза не была также ангелом? И мы, которые нежно любили ее, разве не перенесли эту утрату?

— Ах, если бы Динаиза умерла, я был бы, может быть, менее несчастен! [И он опять залился слезами.]

— Полноте, Вальмор, — сказал ему старец почти суровым тоном, — побольше мужества! Пора быть мужчиной, пора показать свою добродетель, и нельзя быть добродетельным, если не умеешь справляться с несчастьем. Вместо того, чтобы сказать: «Я слаб и не хочу больше быть священником», нужно сказать, Вальмор: «Я буду священником и хочу быть достойным этого звания».

— Пусть будет так! — вскричал Вальмор восторженно. — Я буду достоин этого звания, и я беру на себя при вас обязательство, при вас, ее

отце, который должен был стать моим! Но извините опять мою слишком законную скорбь. [И Вальмор бросился в объятия старца, опять заливаясь слезами, и старец плакал вместе с ним.]

— Мне лучше, — сказал он, наконец... — Я чувствую себя более сильным, я добьюсь победы, я хочу этого. Но дайте мне время бороться.

Завтра или, может быть, сегодня вечером мы уедем.

Я не буду избегать ее... Вы будете скоро довольны мною.

Бедный Вальмор! Ему придется еще много страдать и выдержать много сильных бурь! Но у него будет утешение.²⁹ А я, помогающий ему сегодня утешаться, буду скоро подавлен тяжестью неутешной скорби! Он излечится, а я стану добычей болезни, против которой нет средств. Его сердце еще будет биться от счастья и удовольствия, а я, несчастный, выпью до дна чашу человеческих бедствий!

Глава двадцать первая. ИЗЛЕЧЕНИЕ ВАЛЬМОРА. ТОСКА МИЛОРДА

Я привел Вальмора назад в его семью, где не знали, как благодарить меня за дружбу, которую я проявил к нему, сопровождая его в деревню, и особенно благодарна была мне Корилла, которую печаль делала более трогательной. Она удвоила свои ласки и любезность по отношению к своему брату и ко мне.

Через час после нашего прибытия Вальмор захотел повидать Динара, и вечером мы все вместе отправились к госпоже Динаме.

Каждый старался вести себя, как и до фатального объяснения. Вальмор и Динаиза не старались избегать друг друга, но Вальмор не оставался около нее так долго, как прежде, и все как будто сговорились занимать их обоих, одни собираясь вокруг Вальмора, другие — вокруг Динаизы.

Я тоже несколько раз подходил к ней, когда около нее сидела Корилла, и не мог не пожалеть втайне Вальмора, ибо никогда Динаиза не казалась мне такой восхитительной. Я был удивлен, найдя ее менее робкой со мной. Тон ее показался мне почти сердечным. Мне казалось даже, что, подобно Корилле, она была мне благодарна за мою заботливость о Вальморе. Но в то время как она становилась смелее, я смущался не менее, когда осмеливался любоваться ею, и в особенности когда слышал ее голос, каждый раз заставлявший меня вздрагивать. Я часто вспоминал все, что мне рассказывал о ней Вальмор, и я все лучше понимал его энтузиазм и отчаяние.

Меня даже удивило спокойствие Вальмора. Однако я раз заметил, что он побледнел и как изменился его голос, когда он смотрел на нее. Но это промелькнуло мгновенно, как молния.

— Ну как, — сказал он, выходя, Корилле и мне, — довольны ли вы Вальмором? Если бы вы знали, как я страдал и какую борьбу мне нужно было выдержать!.. Я считал себя более сильным! Как слаб, однако, человек! Но теперь все кончено, я победил и — я в этом уверен — я буду побеждать. Я верну вам спокойствие, тебе, моя дорогая сестра, и тебе, мой добрый и верный друг. [И он часто горячо пожимал мою руку.]

Я должен был быть довольным и состоянием Вальмора, и его

ласками, и приемом Динаизы. Но как странно устроено человеческое сердце! Я ушел печальный и смущенный, не умея объяснить себе самому причину моей печали и не подозревая даже, что неопределенное беспокойство, угнетавшее меня, было только предзнаменованием несчастий, которые должны были обрушиться на меня, как удушливый воздух является обыкновенно предвестником бури.

Глава двадцать вторая. НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Мы сговорились, Корилла, Динар и я, что я буду как можно чаще уводить с собою Вальмора из дому, чтобы развлечь его, а я взял с него обещание объяснить мне более детально, какова их политическая организация, и показать мне ее в действии.

Так как дед Вальмора предупредил нас, что ближайшее заседание Национального представительства должно быть интересным, то я просил его повести меня туда вместе с Евгением, общество которого, как я знал, было ему приятно.

Поэтому мы с Вальмором зашли за Евгением очень рано и, беседуя, отправились вместе, обещав вернуться домой, где мы, вероятно, застанем госпожу Динаме и ее семью.

— Национальное представительство, — сказал нам Вальмор по дороге, — есть высшая власть после власти народа.

Вы увидите, что оно состоит из двух тысяч депутатов, избранных на два года; половина их обновляется каждый год.

Так как тысяча коммун, которые составляют республику, имеют каждая двух депутатов, то каждая из них переизбирает одного депутата ежегодно.

Выборы происходят во всей республике в один день — 1 апреля.

Они заканчиваются всюду на одном заседании, после того как списки кандидатов были составлены и обсуждены на двух предыдущих собраниях, с десятидневным промежутком.

Так как все граждане приобретают навык в общественных делах на народных собраниях и почти все выполняют какие-нибудь функции в своей коммуне или провинции, а наиболее опытные выполняют последовательно все эти функции, так как депутаты выбираются из среды наиболее выдающихся между опытными, то вы поймете, что депутаты почти все являются людьми, умудренными возрастом и опытом, сливками страны по своим талантам, добродетелям и патриотизму.

Если среди них встречаются, как вы увидите, некоторые молодые люди, не прошедшие через ряд низших должностей, то это люди гениальные.

Национальное представительство перманентно, как народ и как народный суверенитет, который оно представляет.

Оно заседает в течение девяти месяцев и три раза расходится на один месяц. В течение каникул оно представлено комиссией надзора, которая может созвать его в случае необходимости.

Депутаты собираются и распускаются в сроки, определяемые конституцией, без всякого приказа, кроме мандата суверенного народа.

Все получают жилище и стол сообща в Национальном дворце.

В другой раз мы посетим их квартиры и столовую, и вы увидите, что они получают то же самое содержание, что и все другие граждане. Их зал конференций и все, что служит исключительно для их личного потребления, не представляют ничего особенного.

Но взгляните хорошо на этот общественный памятник [мы в это время приближались к нему], на Национальный дворец, и скажите мне, вы, так много путешествовавшие, видели ли вы более красивый императорский или королевский дворец? Всюду разосланы были люди, чтобы достать образцы; план вырабатывался и обсуждался в течение четырех лет. Всего двадцать два года, как он закончен, после двадцативосьмилетнего труда. Икар и республика сказали вместе: пусть Национальный дворец будет самым красивым зданием на земле. И вот он!

Но войдем скорее, потому что приближается час открытия заседания. Я не возьмусь описывать внутренность... Не думаю, чтобы какой-нибудь тронный зал в каком-либо дворце монарха был так величествен, так великолепен, так роскошен, как этот зал совещаний представителей народа, народа, осуществляющего власть императора, папы или короля.

Несколько обширных галлерей вмещают более шести тысяч зрителей.

Ни одного солдата, ни одного гвардейца, никакого оружия! Но музыка, то величественная, то чарующая!

В четыре часа без пяти минут президент, вице-президенты и секретари, предшествуемые многочисленными сотрудниками, и следующие за ними две тысячи представителей в прекрасных костюмах вошли в залу и заняли свои места среди торжественной тишины.

Эти две тысячи депутатов, сидящие полукругом на скамьях, поднимающихся, как в амфитеатре; эти шесть тысяч зрителей, как бы повисшие над их головами, блестящие костюмы, элегантные и ослепительные туалеты женщин, все эти красивые или приятные лица, трибуна, расположенная против публики, служащие, сидящие позади нее и выше, президент посреди них на возвышении, надписи и статуи, искрящиеся люстры и знамена, музыка и тишина (среди которой, казалось, слышался голос: «Здесь решается вопрос о счастье или несчастье великого народа»), — все вместе представляло зрелище, которого не может дать ни пустое великолепие двора, «и суетная феерия оперы.

Пробило четыре часа, когда величественный старик в гражданском платье появился внизу, перед президентом, и произнес торжественным тоном следующие слова:

— Представители Икарии, помните: народ послал вас сюда, чтобы вы трудились для его счастья, и ваши братья выбрали вас, дабы получить от вас пример всех добродетелей!

Сейчас же президент объявил, что заседание открыто.

— Все ли представители на своих местах? — спросил он главного

сотрудника.

– Нет.

– Сколько отсутствует?

– Три.

– Кто это?

Сотрудник назвал их.

– Заявляю собранию, – продолжал президент, – что двое первых прислали мне письма с объяснением мотивов отсутствия, и я передам их письма наблюдательному комитету.

Не просит ли кто-нибудь временного отпуска?

Четыре депутата поднялись и изложили свои мотивы. Собрание предоставило отпуск трем, а четвертого направило в наблюдательный комитет.

Затем докладчик от имени Комитета по обеспечению населения мебелью прочел свой доклад о проекте закона, предполагавшего прибавить новую часть мебели к движимости каждой семьи. Он объявил, что комитет был единогласно за принятие, и кратко изложил свои мотивы. Так как никто не потребовал слова по поводу этого доклада, то собрание голосовало без обсуждения, путем вставания, и приняло закон единогласно.

Другой докладчик уже стоял на трибуне, когда дверь залы открылась с трезвонном колокольчиков, который привлек все взоры.

– Смотрите внимательно, – сказал нам Вальмор, – это третий депутат, отсутствие которого констатировал главный сотрудник.

– Но для чего, – сказал я ему, – эта дверь устроена так, что когда ее открывают, то звон прерывает оратора?

– Это для того, чтобы собрание заметило вход опоздавшего. Ты сейчас увидишь!

Докладчик, остановивший чтение, когда депутат усаживался на свое место, кончил свой доклад.

После голосования собрания президент сказал депутату:

– Представитель Б..., вы не дали своим согражданам примера точного выполнения своих обязанностей. Каковы ваши извинения?

Депутат изложил причину своего опоздания.

– Желает ли собрание, – оказал затем президент, – отослать заявление в наблюдательный комитет?

Все остались сидеть.

– Принимает ли оно извинение?

Все встали.

– Но эта церемония есть уже сама по себе суровое наказание, – воскликнул я, забыв, что меня могут слышать.

– Милостивый государь, – сказал мне вежливо сидевший около меня старик, – я пришел сюда слушать наших представителей, а не ваши размышления. Не лишайте меня моего права!

– Извините меня, – ответил я ему (ибо он был прав).

От пятнадцати до двадцати проектов законов были также приняты, а некоторые отвергнуты без обсуждения, единогласно, комитетами и

собранием.

Один докладчик заявил затем, что его комитет принял проект только большинством двух третей. После него выступил другой докладчик, выбранный меньшинством этого комитета, чтобы изложить мотивы оппозиции. Несколько ораторов взяли затем слово, чтобы высказаться за проект и против него, и говорили они крайне лаконично. Так как собрание не было единодушно, то сосчитали меньшинство, которое голосовало против проекта. В меньшинстве оказалось 105 депутатов, имена которых были быстро записаны, и таким путем узнали имена тех 1895 депутатов большинства, которые составили большинство в пользу закона.

Заседание было тогда прервано на четверть часа.

– Выговор, который я получил от соседа, был справедлив, – сказал я тогда более свободно Вальмору, но и мое размышление само по себе не менее справедливо: ваша дверь с трезвонном и перерыв оратора представляют настоящее наказание для опоздавшего.

– Мы не шутим со своими обязанностями, – ответил мне Вальмор. – Обязанности представителей не являются для нас игрушкой. Вы слышали, как человек из народа напоминал Национальному представительству, что оно должно дать пример всех добродетелей? Депутат, который без нужды нарушает свои обязанности, кажется нам более виновным, чем всякий другой, и общественное мнение настолько неумолимо на этот счет, что десять лет назад один депутат был единогласно исключен из Национального представительства за то, что отсутствовал один раз в палате без надлежащего мотива. Поэтому никто не отсутствует, и на две тысячи депутатов вы видели только одного опоздавшего.

– О! Я далек от того, чтобы порицать эту суровость, – ответил я. – Я, напротив, одобряю ее от всего сердца и удивляюсь ей.

– Как видно, – сказал Евгений, – ваши комитеты принимают большое участие в законодательной работе. Как они поступают?

Вы знаете, что Национальное представительство имеет пятнадцать главных комитетов, каждый из ста тридцати трех членов, они подразделяются на шестьдесят подкомиссий из тридцати трех членов. Все эти комитеты и подкомиссии имеют в своем ведении специальные предметы, и у них свои особые помещения; все предложения распределяются между ними согласно их специальностям, и они должны исследоваться и рассматриваться отдельно и без промедления. Заседания этих комитетов публичны и происходят каждый день утром, от десяти до часа, тогда как общие собрания происходят вечером от четырех до восьми часов, а иногда до девяти.

Хотя эти комитеты имеют все статистические данные, которые им могут понадобиться, и находятся в постоянных сношениях с аналогичными комитетами во всех народных собраниях, они часто с разрешения палаты раздают анкеты и допрашивают публично либо государственных должностных лиц, либо граждан.

Они даже организуют специальные комиссии, в которые они

приглашают граждан не депутатов, собирающих сведения и дающих свои заключения. Эти свободные комиссии, присоединенные к комитетам, сыграли большую роль при организации системы общности.

Когда комитет принимает решение, его докладчик составляет тотчас же доклад, который вносится, печатается и распределяется за десять дней до его чтения и обсуждения, за исключением случаев большой спешности, которые крайне редки.

Когда заседание было вновь открыто, я имел удовольствие присутствовать при оживленных дебатах по важному вопросу, доклад о котором был разослан в народные собрания с целью получить их заключение. Доклад вызвал разногласия в этих собраниях так же, как и в комитете. Это был вопрос о том, что удобнее: работать ли семь с половиной часов в день вместо семи и иметь день отдыха каждые пять дней вместо одного дня каждые десять дней, чтобы граждане могли чаще наслаждаться отдыхом в деревнях. Два очень искусных оратора были выбраны меньшинством и большинством, чтобы защищать оба мнения. Они забрасывали друг друга в течение получаса вопросами, возражениями и рассуждениями, отвечали раз двадцать друг другу, но постепенно пришли к соглашению по ряду вопросов, по которым вначале у них были разногласия, и кончили тем, что согласились произвести опыт в течение трех летних месяцев, предложив, однако, и этот новый план на одобрение народных собраний. Национальное представительство, которое их выслушало в молчании, как трибунал слушает двух адвокатов, почти единодушно приняло их мнение.

Я получил затем позволение присутствовать при очень редком зрелище: президент исполнительного корпуса был вызван Национальным представительством и поднялся на трибуну, чтобы дать сведения, которые оно от него затребовало. Речь шла о состоянии переговоров, начатых по постановлению палаты с пятью иностранными государствами касательно проекта колонизации, который должен был осуществляться сообща. Президент прочитал письма, ответил на все вопросы и сообщил, что три из этих правительств приняли предложения республики, а два других скоро примут их. Затем он удалился с теми же церемониями, которые сопровождали его приход.

— Стало быть, президент никогда не отказывается, — спросил я у Вальмора во время второго перерыва, — явиться по приглашению представителей?

— Отказаться! — ответил он. — Это был бы бунт, и Народное представительство сместило бы его и отдало под суд! Народное представительство — суверен или представитель суверена, а президент — его подчиненный, исполнитель его законов, выбранный им и ответственный перед ним.

Таким образом, ежегодно Национальное представительство в установленные дни призывает президента, чтобы выслушать его отчет об исполнении всех законов; оно также призывает часто министров, чтобы потребовать у них отчет.

— И все ваши иностранные дела обсуждаются, таким образом,

публично?

— Несомненно! Разве могут быть какие-нибудь тайны для Народного представительства? Не было ли бы это абсурдом, поскольку оно является сувереном?

— Однако, если бы президент утверждал, что благо народа требует, чтобы дело оставалось неизвестным кому-либо другому?

— Нелепость! Наглая ложь деспотов и тиранов! Если бы президент заявил, что дело требует тайны, то палата сама бы разобралась в этом. Если бы она имела какие-нибудь сомнения, она назначила бы специальную комиссию, пользующуюся полным ее доверием, и представила ей доклад. Но если она считает, что более или менее обширная гласность не представляет никаких неудобств, никто не может настаивать на противном. Впрочем, эта трудность еще ни разу не представлялась со времени нашей революции, и все наши иностранные дела проводятся столь же гласно, как и другие дела.

По возобновлении заседания палата быстро рассмотрела ряд дел. Она распределила между своими комитетами несколько петиций, внесенных народными собраниями, и предложения, сделанные и оглашенные ее собственными членами. Затем она установила порядок дня на завтра, и члены палаты разошлись таким же порядком, как собрались, внушив всем зрителям уважение, а нашему Евгению — энтузиазм.

— Если каждое заседание до такой степени заполнено, — сказал я Вальмору при выходе, — то какое количество законов должно ваше Народное представительство вырабатывать ежегодно в течение девяти месяцев!

— Да, — ответил Евгений, — но все законы составлены, наверное, как и эти, в интересах народа, а потому, я думаю, вы не будете жаловаться на их количество.

— Евгений прав, — сказал Вальмор, — и чтобы тебя убедить, я тебе покажу, когда мы придем домой, список законов, выработанных в прошлом году.

— Но, — ответил я, — нам всегда говорили, что законодательная власть не должна ни управлять, ни централизовать, а я вижу, что здесь Народное представительство управляет и централизует.

— Нет, — возразил Вальмор, — наше Народное представительство не управляет, оно только обсуждает, решает и издает многие административные постановления, как это делают все законодатели. И мы сожалеем, что оно не может обсуждать все подобные акты, потому что, какое зло может проистекать из того, что они будут вынесены двумя тысячами законодателей вместо того, чтобы быть декретированы несколькими генеральными исполнителями или даже только одним? Разве не более целесообразно, чтобы они рассматривались учреждением, которое имеет больше знаний и может, кроме того, запрашивать мнение всех других учреждений и всего народа?

— Ты говоришь, что оно централизует... Тем лучше! Пусть оно всюду устанавливает единство и равенство, стараясь избегать всего

неблагоприятного и объединять все благоприятное. Бич при деспотизме и тирании, централизация представляет благодеяние при республике и общности.

Когда мы пришли домой, где Динар сообщил нам, что мы не увидим его матери и сестры, у которых была Корилла, Вальмор передал Евгению список законов, вотированных в прошлом году, и Евгений быстро прочел его вслух.

«Закон, устанавливающий введение нового сорта овощей в список съестных припасов, их обработку и распределение. Десять других законов того же рода о съестных припасах, одежде, жилищах и обстановке.

Закон, предписывающий улучшить все дороги. Пять других законов того же рода относительно каналов и рек.

Закон, предписывающий составление, напечатание и распределение хронологической и алфавитной Таблицы всех изобретений человека. Двенадцать законов того же рода.

Закон, предписывающий возвести некоторые сооружения и провести опыты в связи с проектом градоотвода.

Пятнадцать законов, обеспечивающих выгоды и удобства для женщин в мастерских и других местах.

Сорок законов, предписывающих конструкцию и употребление новых машин в национальных мастерских».

— Хватит, надеюсь...

— Нет, нет, продолжайте, — сказал Вальмор.

— «Пятнадцать законов, имеющих целью улучшение обучения.

Два закона, предписывающих выработку и распределение некоторых предметов для одного дикого народа, с целью попытаться его цивилизовать.

Закон, содержащий предложение конгрессу союзных народов предпринять сообща геологические раскопки и разведки».

— Довольно, довольно!

Две или три сотни других законов имеют равным образом своей целью общий интерес.

— Ну, — спросил меня дедушка, входя, — довольны ли вы?

— Я очарован, — ответил я ему, — изумлен! Я, впрочем, не слышал ни одной блестящей речи, я не видел ничего драматического, но я удивляюсь разуму, мудрости, благопристойности, достоинству, лаконизму ваших представителей. Их можно было бы назвать судьями, заседающими в трибунале: всегда молчаливые, внимательные и сидящее на своих местах. Ни одного перерыва, ни одного крика, ни малейшего шума, который мог бы помешать оратору или слушателям. Напротив, полная внимательность, все знаки уважения и братства. Несомненно, ваши народные собрания, ваши государственные должностные лица и сами граждане находят там образцы для своего поведения. Вот чего я всегда же лал, вот что приводит меня в восторг и в восхищение.

— Но я не понимаю вашего восхищения, — возразил мне старец: — вы

видите здесь то же самое, что вы видите в наших школах, мастерских, театрах, на наших публичных собраниях. И почему избранники народа должны быть менее рассудительны, чем школьники? вспомните, что уже с самого детства воспитание дает нам все физические и моральные навыки, необходимые для человека в обществе, и в особенности для гражданина на собрании: уметь слушать молча, отвечать кратко, никогда не мешать своему соседу. Все это не представляет ничего трудного; гораздо более трудным казалось привить собранию все привычки, необходимые, чтобы уметь оставаться в течение нескольких часов на месте, сохранять молчание и быть внимательными. Но, приучаясь с детства, мы достигли этого в полной мере. Что касается вежливости, чувства братства, аккуратности и исполнения своих обязанностей, то было бы преступлением для наших избранников подавать пример их несоблюдения.

— О, как вы счастливы! — воскликнул Евгений, — как вы счастливы!

— Мы тем более счастливы в этом отношении, — возразил старец, — что в старое время, до нашей революции 1782 года, у нас наблюдалось нечто совсем противоположное.³⁰ В эту эпоху, печальной и позорной памяти, наши депутаты издевались над своими обязанностями. Те, кто больше всего надавал обещаний, чтобы добиться избрания, неделями и месяцами не являлись в палату, пренебрегая своими обязанностями ради своих удовольствий или интересов. Ежедневно большое число их являлось после открытия заседания и уходило до окончания, и часто, к великому возмущению народа, можно было видеть театр, наполненный депутатами, законодательный дворец без законодателей и президента, вынужденного закрыть заседание потому что он оставался почти один.

Во время дискуссии они гуляли в зале, входили и выходили ежеминутно. На своих скамьях они читали газеты, писали письма или говорили со своими соседями. Все время слышно было хлопанье дверей; ходили, говорили, производили всякого рода шум, так что некоторые не слушали оратора и мешали другим слушать его, да и ему самому мешали говорить спокойно.

Наши молодые люди не могут притти в себя от удивления, когда им рассказывают об этих временах раздоров и угнетения. Они с трудом верят, что возможны были такая невнимательность, такая невежливость и грубость даже среди наиболее просвещенных людей страны. Но эта чудовищная нелепость, это извращение всех представлений о разуме, к несчастью, были тогда весьма обыкновенны. Те, кто скорее предпочел бы задохнуться, чем сопеть в присутствии певицы или балерины, шумели как пьяные люди, когда долг их приводил в так называемое святилище законов.

Не было школы, гауптвахты, казармы, кабака, даже ярмарки, где не было бы больше порядка и приличия, чем иногда на торжественном собрании законодателей...

— Но, папа!.. — воскликнул Вальмор.

— Оставь, оставь, мой сын, — продолжал почтенный старец, все больше воодушевляясь, — я знаю, как эта правда заставляет тебя

краснеть за отечество, но позор и безумие прошлого возвышают мудрость и славу настоящего. И нужно вспоминать пороки и бедствия нашего старого режима, чтобы лучше ценить добродетели и счастье, которыми мы обязаны нашему Икару. Нужно показать нашим молодым друзьям то, чем мы были, чтобы они могли судить о чудесах, которые произвела наша система общности. Я поэтому продолжаю.

Законодательная палата делилась на две фракции: большинство, которое защищало интересы аристократии, и меньшинство, или оппозицию, которая защищала интересы народа. Эти две партии составляли два отдельных лагеря, две враждебные армии, которые всячески нападали друг на друга, обменивались руганью и оскорблениями, аплодировали, как ошалелые, своим ораторам или ревели, чтобы не давать слова своим противникам, которые ворчали или рычали, громко смеялись или топали ногами, как бешеные, грозили кулаками и выпускали воинственные крики, точно варвары, нападающие на укрепление врага, расправлялись с законом, как солдаты с крепостью, среди беспорядка ужасного шума, убивали друг друга на дуэлях и, наконец, только и думали о том, как бы уничтожить друг друга, и действительно уничтожали.

Вы содрогаетесь, дети мои, при рассказе о таких ужасах... Но все шло вверх ногами в эти времена тирании, гражданской войны ужасов. Министры, которые должны были быть лучшими из лучших, подавали часто на трибуне пример самой беззастенчивой лжи, провозглашали самые безнравственные положения, расточали оскорбления и клеветы, хвалили измену и награждали убийство.

И эти министры имели бесстыдство курить себе фимиам, петь себе хвалы, приписывать себе всю мудрость и все добродетели, обвинять народ в тупости и невежестве и третировать как идиотов и дураков, смутьянов и анархистов — тех, кто защищал интересы народа. И большинство всегда приветствовало их речи аплодисментами и знаками одобрения

И эти же министры, заседая во главе большинства, как генералы во главе своих солдат, давали ему сигналы аплодировать или шуметь, подниматься или сидеть.

И это большинство утверждало предоставляемые министрами законы, ведущие к тирании, террору и крови, и миллионы, которые они спрашивали для королевы и трех ее детей.

Но, быть может, вы спросите, что представляло собою это большинство? Из какого рода животных оно составлялось? Пресмыкающиеся, домашние и хищные лисицы, росомахи, легавые, хамелеоны, рыси, — вы нашли бы все виды в этом зверинце...

Кучка богачей (едва двести человек), выбранная другой кучкой богачей (тридцать или сорок тысяч) или, вернее, указанная и назначенная министрами, распоряжалась избирателями благодаря своему влиянию и местам или милостям, которые она раздавала или обещала. И все богачи выбирали депутатами аристократов, у которых были одинаковые с ними интересы, агентов или чиновников, которые

были им наиболее преданы (т.е. были наиболее преданы своим местам), камергеров, шталмейстеров, капитанов гвардии, евнухов, придворных служащих или камер-лакеев, даже прекрасных пажей королевы. Одно время можно было думать, что богачи пошлют в палату в качестве законодателей представителей государыни, ее красивых горничных и прекрасных фрейлин, но они удовольствовались тем, что назначали себя самих, и в некоторых решающих случаях именно их голоса составляли большинство, а следовательно, и закон.

Мне самому кажется, что все это сон, когда я думаю об этом, и иногда мне трудно верить собственным воспоминаниям... Мы называли эту машину представительным правительством, но, как видите, это был только грубый фарс, — простите мне это выражение, — настоящая комедия, и комедия, которая дорого стоила народу. Ибо в действительности законы составляла королева или, вернее, ее министры, и эти министры были более самодержавны, чем самодержцы, более деспоты, чем султан, и более смелы по части хищения миллионов, потому что они имели к своим услугам призраки депутатов, которые служили для них прикрытием и давали им все от имени народа.

В то время как наше Народное представительство вырабатывает теперь законы только в интересах народа и человечества, вы пришли бы в содрогание, если бы я привел вам законы, принятые в нашей несчастной Икарии с 1772 до 1782 года. Бюджеты, цивильный лист для королевы, уделы для двух ее сыновей, приданое для ее дочери,³¹ свирепые законы — все в угоду королевской семье и ее лакеям, министрам и аристократии, все — против народа! И если из страха и лицемерия, с целью добиться популярности, Сперва соглашались на некоторые законы, которые казались народными, то их затем постепенно брали назад, или искажали, или не применяли.

И посмотрите, как забывают всякий стыд, когда деспотизму удастся все деморализовать. Это большинство, эти депутаты, которым якобы поручали контролировать и обвинять министров, не покидали ни министерских отелей, ни даже дворца королевы, и набрасывались, как голодные, на обеды и празднества двора и придворных. Каждый старался превзойти другого лестью, поклонением, хамством и низостью. Вы не поверите, быть может, что эти депутаты, которым поручено совещаться о благе народа, серьезно обсуждали однажды в течение двух часов вопрос о том, не больше ли к лицу королеве перья, чем цветы.

И чтобы совсем соблазнить и купить их, министры раздавали им, их женам и их детям места, милости всякого рода, ребяческие отличия, маленькие ленты разных цветов, маленькие крестики разных форм, между тем как они унижали и разоряли депутатов, которые голосовали против них, отдавая предпочтение своей совести перед своим интересом.

Разделив палату, чтобы управлять ею, они напускали свое большинство на меньшинство, как шуты науськивают одну собаку на другую.

Они даже не позволяли меньшинству говорить и в особенности вносить какие-нибудь предложения.

– Но, – сказал я старцу, – что говорили свидетели этих дебатов и народ, который читал отчеты об этих заседаниях?

– Они говорили, что это была школа скандалов и безнравственности, вертеп, трущоба, притон, чумной очаг, дом сумасшедших, курилка, скверна, которую следует очистить.

И народ не подавал петиций, как в Англии?³²

– Петиции? Но кому? Министрам или королеве против их угодников и подхалимов-депутатов? Королеве против ее угодников и подхалимов-министров?

– И народ не собирался, как в Англии, совещаться на своих митингах?³³

– Но закон (т.е. богатые, депутаты и министры) запрещал ассоциации и собрания.

– А пресса не кричала в пользу народа, как в Англии?

– Но закон (т.е. аристократия) зажимал рот прессе.

– И народ не забрасывал грязью, как в Англии, тех, кто его предавал, уверяя, что представляет его?

– Но враги народа окружали себя свитой из бандитов и убийц.

И народ не протестовал против министров, как в Англии, где великий герцог Веллингтон³⁴ вынужден был в своем дворце сделать железные ворота и железные ставни и окружить его железной решеткой?

– А митральезы и чрезвычайные суды!³⁵

– Стало быть, не было никакого выхода, как в Англии, где народ сумел добиться парламентской реформы?³⁶

– Что вы! Разве небо не послало нам Икара и системы общности за сорок лет до того, как оно послало вам то, что вы называете парламентской реформой? И хотя, признаю это, вы можете ею гордиться, но что представляет собою эта маленькая реформа в сравнении с нашим радикальным возрождением? Можем ли мы удержаться от смеха, когда слышим здесь, в Икарии, о вашем английском радикализме?³⁷ Я с большим удовольствием смотрел, признаю это опять, как ваши гордые кандидаты скромно выступали на ваших избирательных собраниях на вольном воздухе перед всем народом и излагали ему свои взгляды и принципы, как бы для того, чтобы воздать должное его суверенитету. Но почему этот же народ презрительно устраняется на другой день, когда нужно голосовать и выбирать? К чему эта недостойная клевета партий одна на другую, грубые оскорбления друг друга среди конкурентов, крики завывания, ругательства, позорные и дикие насилия народа против тех, кто будут его законодателями? К чему открытый и бесстыдный подкуп голосов³⁸ за деньги, подкуп, который в одном себе сосредоточивает все виды разложения и бесстыдства, превращает ваши выборы в безмерную ложь, бесчестит ваших богатых развратителей и бедных развращенных и вполне достаточен, чтобы неопровержимо доказать роковое влияние чрезмерного богатства рядом с нищетой? Не говорите поэтому больше, мой бедный милорд, о вашей реформе, ваших выборах, о так называемом представительстве английского народа, в особенности когда вы выходите из заседания нашего икарийского

Народного представительства. Не правда ли, демократ Евгений?

– О да, – ответил Евгений, который, как я видел, успел за это время несколько раз покраснеть, побледнеть и закрыть лицо руками. Да, я завидую, я восхищаюсь... я восхищаюсь вашим представительством, законодателями, вашим народом... или, скорее, я восторгаюсь вашей конституцией, воспитанием, вашей общностью, которые так преобразили ваших избирателей, депутатов и министров... И когда я об этом думаю, у меня закипает кровь. Но не к людям испытываю я чувство ненависти и гнева, а к ужасному общественному и политическому строю, который развращает богатых и бедных, избирателей и депутатов, даже министров и монархов, обуславливая несчастье аристократов и отчаяние народов.

– Прекрасно, Евгений! Bravo, bravo! – сказал старец, протягивая ему руку.

Хотя беседа представляла высокий интерес все казались печальными, даже дети сохраняли серьезность, как будто все должны были томиться в отсутствии Кориллы и Динаизы!

Глава двадцать третья. ИКАРИЙСКОЕ ПЭРСТВО.³⁹ ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО. ПАНТЕОН

– Представь себе, – сказал я Вальмору, – Евгений провел ночь в палате депутатов, в Париже, и проснулся совершенно красный от гнева.

– Ладно, – сказал Вальмор, – чтобы успокоить его, я покажу ему, если он хочет, нашу палату пэров.

– Как, – воскликнул Евгений, сейчас же вспыхнув, – пэры в Икарии? Вы смеетесь надо мной!

– Ничуть: у нас есть пэры, которые одобряют или отвергают наиболее важные законы, вотированные Народным представительством, и наша палата пэров составлена не из нескольких сот пэров, а из нескольких тысяч, и мы имеем не одну палату, а тысячи палат пэров...

– Вы не понимаете, – сказал я Евгению, – что их пэры – это все граждане, которые все равны, а тысячи палат пэров – это тысячи коммунальных или народных собраний.

– Прекрасно, – сказал Евгений, – я готов посмотреть их, и сейчас же, хотя я уже видел несколько.

– Не торопитесь! Собрание состоится только завтра. Да, впрочем, я хотел бы показать вам одно заседание нашего провинциального представительства.

– Как, – спросил я, – вы имеете также провинциальное представительство?

– Конечно, – ответил он, – представительство каждой провинции имеет свой дворец; дворец расположен в центре главного города, а главный город – посреди своих десяти коммун.

Это провинциальное представительство составляет из ста двадцати депутатов, избираемых коммунами. Оно организуется по образцу Национального представительства, возобновляется ежегодно наполовину, делится на пятнадцать комитетов и совещается публично.

– Но это маленькая палата депутатов, – сказал я, – и если бы вдруг

ей захотелось объявить себя соперницей Национального представительства...

— Никогда! — ответил Вальмор. — Это представительство слишком малочисленно, оно заседает в году только четыре месяца, в течение которых происходят десятидневные сессии с большими интервалами; оно может заниматься только теми вопросами, которые ему специально отведены конституцией. По существу подчиненное Национальному представительству, подобно тому как провинция подчиняется нации, оно в первую очередь должно следить за исполнением законов во всех коммунах провинции. Оно может совещаться и издавать декреты только с целью облегчить и обеспечить исполнение законов или с целью решать дела, которые интересуют только данную провинцию.

Так как заседание этого провинциального представительства могло быть только небольшим повторением того, что мы видели на заседании Национального представительства, то я предпочел посетить Исторический музей, или Пантеон.

Все фигуры были из цветного воска, в натуральную величину, с настоящими волосами, глазами и в костюмах и производили такую полную иллюзию, что, казалось, находишься посреди собрания живых людей.

Все стояли в различных позах, а многие при помощи скрытого механизма производили разные движения, делавшие иллюзию еще более полной.

Евгений восхищался художественным совершенством изображаемых фигур.

— Да, — сказал я ему, — но эти восковые, фигуры менее искусно сделаны, чем мраморные или бронзовые статуи.

— Что мне до того, что данная искусность достигнута с большим трудом? — ответил он. — Я прежде всего ценю сходство, ибо в этом заключается цель живописи и скульптуры. Так вот, найдите мне портрет или бюст, картину или статую, которые могли бы так же хорошо, как этот воск, воспроизвести всего человека или его голову!

— Впрочем, — прибавил Вальмор, — не думай, что достигнуть совершенства восковых статуй — легкое дело. Рассмотрите эти формы, руки, голову, это тело, эти позы, и знайте, что наши наиболее талантливые скульпторы и наиболее ученые живописцы имеют здесь свои лучшие работы, увенчанные на конкурсах. Даже воспроизведение в точности костюмов требует больше знаний и таланта, чем тебе это кажется. Именно сюда приходят теперь наши актеры и живописцы, чтобы изучать одежду древних персонажей, которых они хотят представить на сцене или изобразить на своих картинах.

Мы обошли сперва в Пантеоне, а затем в Пандемониуме не помню уже сколько зал, содержащих изображения наиболее знаменитых людей каждой нации, и пред нами прошли, как на смотре, времена и страны, благодетели и злодеи человеческого рода. Но пришлось бы посвятить целый месяц этому обзору, и быстрота нашего осмотра только утомила мою голову, ослепляя глаза.

Вальмор обращал наше внимание главным образом на современных икарийских деятелей, предупредив нас, что мы точно видим их самих в действительности, до того поразительно сходство.

Я готовился найти в Икаре, этом кумире Икарии, тип вдохновенного, а в Ликсдоксе, имя которого всегда произносится с ужасом, тип демона или разбойника, но Икар привлекал к себе внимание только ясным и спокойным выражением лица, а Ликсдокс был безобразным, кривым и горбатым человеком, который казался более хитрым, чем злым, хотя в действительности он был так же зол, как честолюбив и лицемерен.

Что касается молодой королевы Клорамиды, то образа ее я никогда не забуду, как и опрометчивости Евгения, который, увидев ее, воскликнул:

— Как похожа она на сестру Динара!

Я видел, как Вальмор покраснел, и его очевидное смущение повергло меня самого в невыразимое смущение.

Никогда не видел я ничего более очаровательного! Никогда еще, думаю, не носил диадемы более красивый лоб; никогда еще более прекрасные волосы не сплетались с короной; никогда еще не восседали на троне такое величие и такая грация; никогда еще не проникал в сердца более мягкий взгляд; никогда еще более красивый рот не улыбался такой чарующей улыбкой. Нехватало только голоса Динаизы, и я вслушивался напряженно, чтобы услышать его из полуоткрытых уст.

— Бедная женщина! — воскликнул я. — Какое несчастье, какое несчастье, что она имела Ликсдокса своим министром!

— Какое несчастье, — прибавил Евгений — что она имела это звание королевы, которое может развратить лучшие сердца!

Я продолжал любоваться прекрасным образом, и только с трудом отвлекли меня от этого зрелища Евгений и Вальмор. Но я еще не раз вернусь в этот музей!

Глава двадцать четвертая. НАРОДНЫЕ СОБРАНИЯ

Я отказался пойти с Евгением, который предлагал мне посмотреть один памятник, и вернулся в Пантеон, где провел целое утро, осматривая разные залы.

Я часто возвращался к прекрасной Клорамиде и каждый раз все более чувствовал, что Евгений был прав, находя в ней черты Динаизы.

После обеда Евгений, который был недоволен моим отказом сопровождать его, согласился вместе со мной зайти за Вальмором, чтобы направить на коммунальное собрание.

— Если бы весь икарийский народ мог собраться в Икаре, — оказал нам Вальмор, — мы не имели бы Народного представительства. Мы не имели бы, провинциального представительства, ибо все население провинции могло бы собираться в ее главном городе. Вот почему мы не имеем коммунального представительства, ибо все граждане коммуны могут легко собираться в коммунальном дворце.

Население коммуны, таким образом, в области своих чисто коммунальных интересов является своим собственным представи-

тельством, или своим собственным советом, или, вернее, само осуществляет свой суверенитет и вершит свои дела.

Оно сначала принимает все необходимые меры, чтобы обеспечить в коммуне исполнение законов Национального представительства и декретов провинциального представительства. Затем оно издает, в установленных инструкцией случаях, распоряжения которые регулируют специальные интересы коммуны

Народ собирается регулярно три раза в месяц, каждые десять дней, а чрезвычайные собрания происходят каждый раз, когда этого требует известное число граждан или выборная администрация

Обыкновенные собрания происходят в один и тот же день и тот же час во всей республике, так что весь народ оказывается собранным в одно и то же время.

Собрания начинаются всегда вечером, в четыре часа, после работы и обеда, и в дни собрания все остальные общественные места (театры, концерты, научные курсы, музеи и т.д.) закрыты, потому что все граждане, без исключения, должны быть на собрании, которое длится обыкновенно до восьми или девяти часов.

Если бы вы вышли в такой час, вы встретили бы на улицах и в местах гулянья только женщин, детей и молодых людей, как вы уже, несомненно, заметили, и если бы вы увидели нескольких мужчин, то это были бы иностранцы. Вы даже найдете только несколько омнибусов в движении, управляемых молодыми людьми, которые не являются еще гражданами.

— Значит, все до единого присутствуют на собрании? — сказал я ему.

— Все. Ты понимаешь, что если все граждане получают содержание от республики и мастерские закрываются в один час, то никто не имеет побуждения или предлога уклониться от исполнения своего долга. Это было бы позором, чем-то вроде воровства по отношению к республике, одним из самых тяжких проступков. Но таких проступков не бывает, потому что мы привыкли рассматривать наше участие в собраниях как право, которым мы гордимся и которое ревниво отстаиваем.

— Смотрите, — прибавил он, указывая нам на печатный листок, — вот порядок дня на сегодня. Вы видите, что нам предстоит рассмотреть много дел: одиннадцать коммунальных, пять провинциальных и восемь национальных. Но мы с ними быстро справимся, потому что все эти дела были уже объявлены на предпоследнем заседании и пересланы в специальные комитеты, которые тотчас же рассмотрели их. Доклады о них были внесены на последнем заседании, на другой же день розданы всем нам и поставлены сегодня в порядок дня.

— Значит, ваш совет разделен на комитеты так же, как и Национальное представительство?

Точно так же. Он разделен более чем на шестьдесят комитетов или подкомиссий каждому из которых передаются все дела, относящиеся к его специальности, чтобы он рассмотрел их отдельно накануне заседания.

Мы поэтому готовы голосовать, тем более, что мы могли обсудить

все эти вопросы либо в наших мастерских, либо в наших салонах.

— А! Я вижу, — сказал я ему, — предложение, о котором ты мне говорил, относительно расширения отеля иностранцев.

— Да, я его сделал на предпоследнем заседании, чтобы оно было известно заранее и могло быть обсуждено сегодня.

— Но что означает это движение [ибо с тех пор, как мы вошли, прошло уже некоторое время, и толпа устремилась в зал]?

— Это граждане, которые занимают свои места, потому что пробило четыре часа и заседание сейчас откроется. Вы видите президента и членов бюро, которые усаживаются в свои кресла. Опоздание считаете серьезным упущением, и вы не найдете ни одного неаккуратного.

Вальмор тотчас же покинул нас, чтобы побежать на свое место, обещая вернуться к нам во время первого перерыва.

Зал был огромный, великолепный, вместивший более чем десять тысяч граждан, си девших на своих местах. Можно было сказать, что это малая или, скорее, большая палата представителей, ибо в ней было в пять или шесть раз больше граждан, чем депутатов, но галерея для зрителей была гораздо обширнее, и на ней видны были почти только женщины.

Когда заседание было открыто посреди глубокого молчания, сигнал к которому был дан только боем часов, сначала занялись коммунальными делами, чтоб постепенно перейти к провинциальным и национальным делам в той последовательности, которая была указана порядком дня.

Каждое дело начиналось чтением очень краткого доклада, составленного от имени комитета.

Огромное число дел было проголосовано без обсуждения, вставанием, очень значительным большинством.

Несколько дел вызвало замечания со стороны некоторых ораторов, говоривших стоя, со своего места.

Таким же образом произведены были выборы пяти или шести коммунальных должностных лиц по спискам, установленным и опубликованным на последнем заседании.

Были назначены также другие выборы, для которых каждый гражданин приглашался представить своих кандидатов до ближайшего заседания.

После рассмотрения коммунальных и провинциальных дел заседание было прервано на полчаса, и мы пошли прогуляться на окрестную площадь вместе с Вальмором присоединившимся к нам.

— Какая тишина, — сказал ему Евгений, — какое спокойствие, какой порядок, какая быстрота! Я прямо изумлен!

— Но вы всегда изумляетесь, мой дорогой Евгений, — ответил ему Вальмор, — и я, право, не понимаю вашего удивления: тишина, внимание, порядок, лаконизм — разве это не необходимые, сознаваемые всеми предпосылки, чтобы рассматривать наши дела и использовать наше право собираться? Почему нам не быть спокойными, когда мы не имеем ни эгоистических интересов, ни партий, ни политических страстей? Неужели вы забыли о влиянии, которое должно иметь наше

общее и, в особенности, гражданское воспитание?

И это относится также к нашим выборам. Не будете же вы удивляться тому, что у нас нет ни интриг, чтобы домогаться высших должностей, которые являются исполнением наших обязанностей, ни подкупа избирателей, которые так же мало могут получить что-нибудь от кандидатов, как последние – дать им.

Затем наступила очередь для дел, интересующих всю нацию. Некоторые из них были направлены Национальным представительством на рассмотрение народа, чтобы получить его отзыв или санкцию. Среди этих дел был и вопрос, поднятый одним гражданином из провинции на своем коммунальном собрании. Одобренный последним, а затем всеми собраниями той же провинции, он был направлен затем в Национальное представительство и, наконец, последним во все собрания всех других провинций.

Дискуссия была более продолжительна, большое число ораторов высказалось «за» и «против»; голосование происходило путем ответов: «да» или «нет», так что Национальное представительство могло точно знать число голосов, поданных «за» и «против» в тысяче коммунальных собраний республики, т.е. мнение всего народа.

Когда порядок дня был исчерпан, президент предложил собранию порядок дня следующего заседания.

Затем заслушаны были десять или двенадцать предложений, внесенных разными членами. Одни из них касались коммунальных или провинциальных дел, а другие интересовали всю нацию. Все были переданы соответствующим комитетам. Среди этих предложений я заметил одно, внесенное сапожником, который предлагал средство сократить труд в национальных книгопечатнях. По его мнению, следовало отлить, как отдельные буквы, слова, которые очень часто повторяются в одном и том же произведении, как, например, «Национальное представительство», «представители народа», «республика», «правительство» и т.д., слова, тысячи раз встречающиеся во всех изданиях, касающихся законодательства.

– Вы будете опять смеяться надо мной, если вам угодно, но я все же удивлен всем, что я видел.

Тем лучше! Вы можете получить то же самое удовольствие завтра второй раз, ибо наши стенографы все записали, и вы завтра можете все прочитать в нашем коммунальном журнале.

– Я люблю, – прибавил Евгений, – прямоту и смелость публичного голосования вставанием или ответами «да» и «нет»!

– Причем тут смелость? Разве нам нужно иметь мужество, чтобы выразить мнение? Разве мы можем что-нибудь потерять или выиграть от этого? И если бы потребовалось мужество, то разве наше воспитание не дало бы нам его? Я не позволю вам удивляться даже праву инициативы, предоставленному каждому гражданину, и праву, которым он пользуется, чтобы излагать на собрании все свои взгляды по поводу коммунальных, провинциальных или национальных интересов, ибо нет ничего более резонного и более естественного.

– Вы, стало быть, хотите чтобы я удивлялся только тому, что нерезонно и неестественно?

– Ладно, удивляйтесь, сколько вам угодно, так как наше воспитание и наша социальная организация не дают нам возможности предвидеть, сколько тысяч полезных мнений могут порождаться нашими народными собраниями.

– Но в таком случае право петиций для вас бесполезно?

– Без сомнения, или, вернее, каждый гражданин обращается с петицией только к своему собранию, и если собрание принимает ее, она становится тогда петицией собрания к Национальному представительству. Если собрание отвергает ее, она может быть представлена в следующем году или тотчас же собранию другой коммуны. Таким образом, все хорошие идеи могут пробить себе дорогу, а дурные не могут мешать работам Национального представительства.

Вальмор хотел рассказать нам о прессе, совершенство которой он считает следствием права вносить предложения. Но, вынужденный нас покинуть, он отложил на завтра свои детальные объяснения

Глава двадцать пятая. ПРЕССА

Как только мы снова собрались, мы возобновили нашу беседу о прессе, и я был весьма удивлен, когда слышал, как горячо нападает на нее Евгений.

– Несомненно, – сказал он, – свобода печати, со всеми ее крайностями, необходима для борьбы с аристократией и королевской властью; это средство против нетерпимых злоупотреблений. Но какая лживая свобода и какое ужасное средство – свобода печати в известных странах, которые мы, Вильям и я, знаем так хорошо!

Монополия, денежная спекуляция, личный интерес, партийность, клевета и оскорбления, на которые нельзя отвечать, ложь, неверные новости и ошибки, которые нельзя разоблачать, ежедневные противоречия, ненадежность и путаница доктрин, – вот что мы находим в большинстве газет и журналов. И какая каша, какой хаос порождаются их множеством! Нужно, чтобы социальная и политическая организация была уж очень плоха, чтобы прибегать против нее к такому защитнику.

– Мы, – сказал Вальмор, – почти пресекли зло в самом корне: 1) создали общественный и политический строй, который делает бесполезной газетную борьбу; 2) разрешили только одну коммунальную газету для каждой коммуны, одну провинциальную газету для каждой провинции и одну национальную газету для всей нации; 3) доверили редактирование газет государственным должностным лицам,⁴⁰ избранным народом или его представителями, беспристрастным, временным и сменяемым; мы вырвали корень зла, постановив, чтобы газеты были только протоколами и содержали только описания и факты, без всякого обсуждения со стороны журналиста. Как всякий другой гражданин, журналист может представить свое мнение своему коммунальному собранию, которое обсуждает его и принимает или отвергает. И если каждый может публично высказать свое мнение,

предлагая его своему собранию, то зачем разрешать ему опубликовывать его другим способом, который оставил бы без всякого контроля опасные ошибки?

Наша свобода печати — это наше право вносить предложения на наших народных собраниях. Мнение этих собраний — вот наше общественное мнение. И наша пресса, которая публикует все наши предложения, наши дискуссии и протоколы наших совещаний, приводя всегда число присутствующих и мнение меньшинства, является, во всем значении этого слова, выражением нашего общественного мнения.

— Так вот, я удивляюсь, удивляюсь, удивляюсь, — опять сказал Евгений.

— Прибавьте, что избираемые журналисты являются наиболее талантливыми писателями, и они считают своей честью излагать факты и анализировать дискуссии ясно, точно, по возможности живо и драматично, и в особенности наиболее лаконично, чтобы не пропустить ничего важного и не написать ни одного лишнего слова. Вы видели также качество бумаги, удобство формата, великолепную печать, распределение материала. Сравните их с вашими английскими или французскими газетами. Удивляйтесь поэтому, удивляйтесь!

— И почему вы, так часто упрекавшие меня за то, что я удивляюсь, хотите теперь сами, чтобы я удивлялся? Я не хочу удивляться, не хочу! Что за чудо, что газета лучше издается республикой и общностью, чем журналистом-лавочником?!

— Да, вы правы, — сказал Вальмор, улыбаясь.

Глава двадцать шестая. ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

— Наше первое основное правило, — сказал нам Вальмор, — состоит в том, что исполнительная власть по существу подчиняется законодательной власти и имеет единственным назначением выполнение ее решений, приказов и воли. Таким образом, она всегда действует от имени народа и Национального представительства.

Из этого явно следует, что она подотчетна, ответственна и сменяема.

Вы понимаете также, что она по существу выборная и временная.

Другой основной принцип заключается в том, что эта власть никогда не доверяется одному человеку, а всегда — исполнительному корпусу, который мы называем исполнительной, и возглавляет его президент.

Мы, следовательно, не имеем президента республики, а только президента исполнительного корпуса, или исполнительной республики.

Каждый законодательный корпус имеет свою исполнительную. Мы имеем, стало быть, одну национальную исполнительную, сто провинциальных исполнительных и тысячу коммунальных исполнительных.

Национальная исполнительная состоит из шестнадцати членов, называемых генеральными исполнительными (на одного больше, чем число главных комитетов Народного представительства); каждый из этих генеральных исполнительных является чем-то вроде министра, имеющего свой специальный департамент, и президент их есть настоящий

президент совета министров.

Национальная исполнительная имеет — в столице, в главных городах провинции и во всяком коммунальном городе — необходимых и подчиненных ей должностных лиц.

Шестнадцать генеральных исполнительных избираются на два года. Национальная исполнительная обновляется наполовину каждый год, как и Национальное представительство.

Все другие второстепенные должностные лица избираются, некоторые — исполнительной, другие — Национальным представительством, главная масса — народом.

Таким образом, ответственность исполнительной, поскольку речь идет о действиях ее подчиненных, ограничивается теми упущениями, какие проистекают из ее собственных действий. Генеральные исполнительные и их президент помещаются в Национальном дворце, рядом с дворцом Национального представительства, и все их министерства или бюро тоже помещаются там или по соседству. Таким образом, сношения между Национальным представительством и его исполнительной в высшей степени облегчаются.

Мне нет нужды говорить вам, что члены исполнительной не имеют ни охраны, ни гражданского листа, ни жалованья, как и все другие должностные лица. Лично члены ее содержатся не лучше, чем все другие граждане, ибо у нас (мне кажется, я уже сказал вам это) все общественные функции являются только профессиями, или все профессии являются только общественными функциями. Все государственные должности являются не чем иным, как повинностями, от которых никто не может отказаться без достаточного мотива, и они часто не освобождают даже от работы в мастерской.

Таким образом, исполнительная не имеет в своем распоряжении никаких средств соблазна или коррупции, устрашения или превышения власти.

— А президент исполнительного корпуса, — спросил я Вальмора, — заменяющий прежних королей, не считает ли он, что его подчиненное положение унижает его?

— Унижает! Если бы наши президенты были бывшими принцами бывшей королевской семьи, они могли бы считать себя униженными, но все наши президенты и их коллеги были и продолжают оставаться рабочими. Как все наши представители, как все наши должностные лица и все наши граждане, наш теперешний президент, один из наиболее почитаемых лиц, бывший президентом Национального представительства, — каменщик, который в промежутке вновь взялся за свою профессию, а все его дети работают в мастерских. Ни одному из наших президентов и в голову не приходило, что может быть какое-нибудь унижение в том, чтобы подчиняться Национальному представительству или народу.

Из опасения какого-нибудь конфликта между двумя властями или какой-нибудь попытки превосходства со стороны одной по отношению к другой сперва предполагали создать специальный охранительный корпус, который поддерживал бы равновесие между ними и стоял бы на страже

конституции. Но эта предосторожность была признана излишней, и опыт показал, что имелось полное основание отвергнуть ее.

Скажу вам только несколько слов о провинциальной экзекутиве, на которую возложена обязанность исполнять все законы и постановления, касающиеся интересов провинции. Эта экзекутива организована наподобие национальной и состоит из членов, выбранных населением провинции на основе списка кандидатов, представленного провинциальным представительством.

Что касается коммунальной экзекутивы, то она также состоит из шестнадцати членов, из которых один — президент; все они выбираются населением коммуны, заведуют каждый специальным отделом и руководят подчиненными им должностными лицами.

Эти подчиненные коммунальные должностные лица чрезвычайно многочисленны, чтобы каждый мог лучше выполнять свои специальные функции и общественная повинность могла выполняться помимо постоянной профессии, не отягощая граждан чрезмерно, и чтобы максимальное число их приучалось к ведению общественных дел. Таким образом, школы, больницы, стационарные или передвижные мастерские, магазины, памятники, улицы, места гулянья, деревни переполнены специальными должностными лицами.

— Вы, однако, не имеете ни армии, — сказал Евгений, — ни генералов, ни национальной гвардии на действительной службе, ни жандармов, ни полицейских, ни шпионов, так как вы не имеете ни гражданских распрей, ни политических партий, ни бунтов, ни заговоров?

— Конечно, нет!

— Вы не имеете также ни тюремщиков, ни палачей, так как вы не имеете ни преступлений, ни тюрем?

— Конечно, нет!

— А так как вы не имеете больше ни налогов, ни денег, ни таможен, ни косвенных налогов, ни акцизов, то вам не нужны ни армия сборщиков и плательщиков, ни армия таможенных чиновников, ни армия агентов фиска?

— Нет! Но это не мешает тому, что мы имеем собирателей, получателей и распределителей всех продуктов земли и промышленности, директоров мастерских и всякого рода должностных лиц, чтобы защищать граждан, блюсти их интересы и даже заботиться об их развлечениях.

Все эти должностные лица ежегодно избираются народом. Они присутствуют на всех его собраниях и всегда готовы дать ему отчет в своих действиях.

— Они, стало быть, не считают себя слугами правительства, — сказал Евгений, — обязаны ли работать в его интересах против интересов народа? Они не ведут себя нагло по отношению к нему?

— Какая нелепая бессмыслица! — ответил Вальмор. — Уполномоченные своих сограждан, они обращаются с каждым из них со всей вежливостью, вниманием и уважением, которые они обязаны оказывать суверенному народу и его членам, тогда как каждый гражд-

данин обращается с ними со всем уважением, которое он обязан сам оказывать народу и его уполномоченным.

В принципе мы хотели, чтобы гражданин мог оказать сопротивление должностному лицу, которое злоупотребило бы своей властью, но мы предпочли обязать гражданина повиноваться без сопротивления должностному лицу, которое говорит с ним от имени народа и закона, позволяя ему после привлечь это должностное лицо к суду народа, чтобы наказать его за злоупотребление властью.

— Они, следовательно, не пользуются возмутительным правом безнаказанности?

— Напротив! Избранные как наиболее достойные, должностные лица должны подавать пример всех гражданских и общественных добродетелей, в особенности соблюдения законов и братства. Любые их погрешности более серьезны, чем эти же погрешности у других граждан, и чем должностное лицо выше, тем его погрешность более серьезна. Нарушение закона является преступлением, особенно со стороны тех, кто его вырабатывает, или со стороны тех, которые обязаны исполнять его.

И более или менее обширная гласность, которой предаются преступления по должности или злоупотребления властью, выговор и смещение, которые являются наказанием за них, считаются такими тяжелыми карами, что нет ей одного должностного лица, которое подвергло бы себя судебному преследованию какого-нибудь гражданина, как нет никого, кто отказывал бы в почтении и уважении к должностному лицу, — так велика сила воспитания и общественного мнения.

— Скажите лучше, — сказал Евгений, — так многочисленны ли благодеяния общности!

Глава двадцать седьмая. БРАК. БАЛ. ТАНЦЫ

Корилла и Динаиза были уже несколько дней назад приглашены на венчание и свадебный вечер их общей подруги, а тем самым были приглашены и обе их семьи, ибо никогда не встретишь в местах для развлечения молодую девушку без матери, мать — без дочери, мужа — без жены, жену — без мужа.

Сначала думали было отклонить приглашение из опасения, что Вальмору будет слишком тяжело присутствовать при этой церемонии. Но Вальмор, догадавшийся о мотиве отказа, настоял, чтобы приняли приглашение. Он утверждал, что чувствует себя достаточно сильным, чтобы отныне переносить всякие испытания.

Так как каждая семья могла привести с собою одного или двух посторонних, то я с большой охотой принял предложение Вальмора пойти с ними. Я имел удовольствие быть кавалером Кориллы, которая взяла с меня слово танцевать с ней и Динаизой.

Мы пришли в пять часов в брачный дворец, где уже собрались все семьи, живущие на тех же улицах, что и новобрачные, — они были приглашены по праву, — и несколько других дружеских семей, приглашенных специально.

Госпожа Динаме, прибывшая с нами почти в одно время, заняла

место около нас.

Все семьи были в праздничных нарядах, и это собрание мужчин и женщин, стариков и детей, молодых девушек и юношей представляло очаровательное зрелище.

Все молодые девушки казались мне красивыми и милыми, но Кориллу я находил самой прекрасной, а Динаизу самой милой. Мне показалось даже, что многочисленные взгляды, обращенные на них, подтверждали мое мнение, и, не знаю почему, я испытывал тайное удовольствие.

Церемония длилась недолго, потому что будущим супругам еще до нее указывается важность союза, в который они вступают, и обязанностей, возлагаемых ими на себя по отношению к самим себе и республике. Коммунальное должностное лицо, одетое в парадный костюм, обратилось к ним, однако, с трогательным увещанием, которое могло служить косвенным назиданием всем слушателям, затем удостоило их звания супругов и поставило их союз под покровительство общности.

Оттуда мы перешли в большую залу, которая находится в том же здании.

Эта зала для публичных балов представляет собою все, что можно вообразить изящного, элегантно и великолепно. Позолота зеркала, обои, канделябры, освещение, цветы благоухания — все делает из нее волшебное место.

Расположенные амфитеатром кресла вмещают многочисленных зрителей, ибо все публичные залы так устроены, чтобы каждый мог удобно видеть все и быть всегда видимым для других.

Зала удлиняется или укорачивается по желанию с помощью легкой и подвижной перегородки, скользящей между потолком и полом.

Бал открыли молодые новобрачные, сначала вальсировали они одни. Их, казалось, мало смущали направленные со всех сторон на них взгляды, желавшие полюбоваться их грацией и ловкостью, так как все умеют танцевать и вальсировать.

Затем танцевали дети, все вместе, потом юноши, девушки, затем мужья и жены и даже старики, ибо все любят танцы. Бал всегда организуется, как драма или балет, где все имеют свою определенную роль.

Икарийские танцы состоят главным образом из фигур и упражнений.

Танцы граждан отличаются существенно от танцев театральных танцоров, как танцы мужчин от танцев женщин.

После танца детей один молодой человек танцевал несколько минут соло, затем двое вместе, затем трое, а потом все молодые люди танцевали группами.

Таким же образом танцевали молодые девушки, из которых одни сопровождали себе кастаньетами, а другие — различными инструментами.

Несколько стариков, мужчин и женщин, исполнило характерные танцы, вызвавшие много смеха.

Затем танцевали вальсы в различных видах, но мужчины вальсировали с мужчинами, а женщины с женщинами, так как только мужья могли вальсировать со своими женами. Сначала я думал, что будет мало танцоров, но все юноши вальсировали вместе, все девушки также, и много мужей танцевало со своими женами. Это разнообразие производило очаровательный эффект.

Наконец стали танцевать все вместе без различия возраста и пола, что представило весьма оживленное зрелище.

Так как большая зала находится против народного ресторана, то последний послал в качестве закусок и напитков фрукты и ликеры, которые все икарийцы очень любят. Они были поданы матерям — маленькими мальчиками, а отцам — маленькими девочками, причем начинали со стариков.

— Как видно, — сказал я Корилле и Динаизе, — вы все очень любите танцы. Вы, наверное, не имеете таких балов, как в Лондоне и Париже, частных балов, главное достоинство которых состоит в том, чтобы собрать так много людей, даже незнакомых, чтобы прибывшие последними оставались у двери или на лестнице, тогда как прибывшие первыми, битком набитые в маленьких залах, отдавливали бы друг друга ноги или задыхались бы, не имея возможности танцевать.

— Мы не так глупы, — отвечала Корилла, — мы редко танцуем в наших салонах, и лишь тогда, когда две или три близких семьи собираются вместе, и мы танцуем тогда, чтобы иметь удовольствие спокойно танцевать.

— Но мы часто танцуем здесь, — прибавила Динаиза, — потому что каждый брак влечет за собой бал, подобный этому, для всех семей, живущих на одной улице с каждым из бракосочетающихся, и для всех семей, связанных с их семьями, а так как нет улицы, на которой не было бы ежегодно восьми или десяти свадеб, то вы видите, что каждая семья посещает ежегодно восемь или десять свадебных балов. Каждую зиму у нас происходит, кроме того, четыре или пять балов, на которые жители каждой улицы собираются исключительно для того, чтобы танцевать.

— У нас еще бывают летние балы, — прибавила Корилла, — во всех наших местах гулянья, куда каждая семья может пойти на часок, посмотреть танцы и потанцевать на свежем воздухе, под сводами из зелени и цветов, среди которых светильники различных цветов и различной формы производят магический эффект.

— У нас есть еще, — прибавила Динаиза, — и полевые танцы или, вернее, куранты, и хороводы, которые скорее представляют бег, ярыжки и упражнения, чем танцы. Но мы их страстно любим, потому что можем импровизировать их всюду, в деревне и на прогулке, как только несколько знакомых семей собирается вместе.

— А музыка? — спросил я.

— Это почти всегда искусственный оркестр, как и эта музыка, которую вы находите прелестной, хотя и не видите ни одного музыканта. В деревне мы танцуем под звуки флейты или свирели, на которых танцоры играют поочередно, или под веселые песни танцующих.

Я знал, что Корилла танцует восхитительно, но танец Динаизы показался мне еще более восхитительным, и хотя я танцевал довольно прилично с Кориллой, я был так смущен, когда мне приходилось танцевать рядом с Динаизой или визави, и в особенности когда я чувствовал ее руку, которая мне казалась горячей, что я путал фигуры и терял темп. Я наступал на ноги одних, толкая других, путая всю кадрили. Это заставило сильно смеяться Кориллу и всех партнеров, а Динаиза была так же смущена, как я был раздосадован, но я скоро взял свой реванш и танцевал так хорошо, что слышал только лестные замечания.

Бал кончился танцем, исполненным лишь одним танцором, чтобы дать возможность другим танцующим отдохнуть до ухода, и в четверть десятого все семьи оставили бальный зал.

— Меня этот прекрасный танцор привел сюда, — сказала Динаизе Корилла со смехом, — тебя он отведет.

Я был поэтому вынужден предложить Динаизе руку и впервые, быть может, с удовольствием выполнил эту необходимость, ибо чувствовал потребность извиниться перед ней за мою неловкость, повидимому, не понравившуюся ей. Но эта неловкость, впрочем, сказал я ей, только в более блестящем свете выказала грацию одной из танцовавших.

Ответ ее, произнесенный голосом, который я никогда не мог слышать без волнения и показавшийся мне еще более приятным и проникновенным, чем всегда, был так великодушен и в то же время остроумен и скромн, что я расстался с ней, менее недовольный собою.

Глава двадцать восьмая. ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Я был так возбужден всю ночь, что не мог заснуть. Я так устал! И не знаю, почему я отверг два или три предложения Евгения, который звал меня пойти куда-нибудь вместе с ним.

Мне было неприятно, что я отказал ему, но я чувствовал потребность остаться одному, и я пошел посмотреть Клорамиду в музее в ожидании часа прогулки верхом, на которую Динаиза и Корилла предложили мне поехать вместе с ними.

Час, которого я ждал с нетерпением, наконец, настал, я побежал к Корилле, к которой не замедлили явиться Динаиза и ее брат, и мы вместе, в числе десяти или двенадцати человек, отправились верхом на лошадях.

Погода была великолепна. Я испытывал невыразимое наслаждение, сидя верхом в первый раз за долгое время на прекрасной лошади, с нетерпением переносившей узду, и чувствовал, что готов восхищаться всем, что меня окружало.

Прекрасная дорога, посыпанная песком и регулярно поливаемая, шла зеленым лугом Она была усеяна красивыми кавалькадами из которых одни ехали шагом, другие рысью или галопом, в то время как некоторые молодые люди развлекали своих компаньонов всякого рода трюками верховой езды.

Я с удовольствием вспомнил одну из своих прогулок в Гайд-парке,⁴¹ рядом с молодой герцогиней и очаровательной маркизой.

Я восхищался молодой икарийкой, которая только что работала в мастерской, а теперь верхом на лошади могла соперничать по своей элегантности и ловкости с наиболее блестящей частью нашей прекрасной английской аристократии.

Я не переставал удивляться смелости, ловкости и грации амазонок, которые все были более или менее красивы.

Я в особенности не мог налюбоваться моими обеими спутницами и испытывал почти, столько же гордости, сколько и удовольствия, находиться среди них, казавшихся мне еще более прекрасными, чем другие красавицы.

Я почувствовал некоторое беспокойство когда Корилла предложила пуститься быстрым галопом и увлекала нас, несмотря на сопротивление Динаизы, которая казалась мне менее смелой на своей более горячей лошади. Я даже несколько раз испугался за нее и невольно протягивал руку к узде ее лошади, но я скоро заметил, что она вполне спокойна, и отдался удовольствию скакать, между двумя очаровательными амазонками или, скорее, между двумя ангелами. Я был опьянен!

Но езда кончилась, и когда я остался один, я почувствовал какое-то недовольство, пустоту, волнение, которых еще не знал.

Глава двадцать девятая. МИЛОРД ЛЮБИТ ДИНАИЗУ.

ИСТОРИЯ ЛИКСДОКСА И КЛОРАМИДЫ.

ИСТОРИЯ ИКАРА

Я был еще в постели, когда Евгений вошел с серьезным видом.

— Что же это такое, — сказал он, — я больше этого выносить не могу, объяснимся начистоту: что вы имеете против меня?

Ничего, — ответил я ему, крайне удивленный.

— Ничего, — это невозможно. Не знаю, как вы ведете себя с другими, но с некоторого времени я вас больше не узнаю. Вы уже не тот, что прежде со мной. Вы избегаете меня, вы отказываетесь видеть меня. Можно подумать, что мое присутствие и моя дружба вам в тягость. Скажите, что я вам сделал?

— Я вас не понимаю, мой дорогой Евгений, я с каждым днем люблю вас все больше и больше.

— Ладно, но вы печальны, даже мрачны, иногда можно сказать даже, что вами овладел ваш проклятый сплин.⁴² Вам уже скучно стало вдаль от вашей Англии? Не заболели ли вы тоской по родине?

— Вы ошибаетесь, уверяю вас.

— Вот уже несколько дней вы стали очень нетерпеливы, вы находитесь в постоянном возбуждении; вы не можете сидеть на месте. Едва вы успеваете выйти, как вы уже возвращаетесь, и, едва вернувшись, вы опять уходите. Вы, несомненно, не замечаете этого, но ваше настроение и ваш характер изменились, вы уже не так мягки, добры, снисходительны, и бедный Джон, который вас так любит, уже не раз пострадал от вашей горячности.

— Что вы говорите? Вы меня огорчаете!

— Вы не спите, вы не едите, вы худеете. Под этим всем скрывается что-то, я убежден. И вы не хотите довериться вашему другу...

— Но вы ошибаетесь, Евгений, у меня ничего нет...

— У вас что-то есть, и очень серьезное, я убежден в этом! Не получили ли вы какого-нибудь плохого известия из Англии? Не сообщили ли вам о какой-нибудь крупной денежной потере? Не изменила ли вам мисс Генриетта?

— Нет, я не получил ничего, что могло бы меня огорчить.

— Никто вас не оскорбил?

— Нет, наверное!

— Так вы, мой дорогой, больны любовью, и я теперь спокоен; вы скоро уедете, и вид мисс Генриетты сумеет вылечить вас без всякой помощи медицины.

— Вы, действительно, очень опытный врач, если вы догадываетесь, что меня делает больным мисс Генриетта!

Значит, это не мисс Генриетта! — воскликнул он тогда. — Ах, несчастный, значит, вы любите икарийку, вы влюбились в мадемуазель Кориллу... или в мадемуазель Динаизу!

— Молчите, — сказал я ему, — вы с ума сошли!

— Да, один из нас, действительно, сошел с ума, но это не я. Или если я схожу с ума, то только по Икарии и ее общности, которую ничто не мешает мне обожать всеми силами своей души, тогда как вы... бедный Вильям! О, я уже опасался этого, когда видел вас так часто между двумя огнями. Я не осмеливался смотреть ни на одну, ни на другую из страха, что вспылаю страстью к обеим. Но вы англичанин, вы куда храбрее. Я не удивляюсь теперь, что вчера на прогулке верхом вы даже не заметили, что я поклонился вам. Вы никого не видели между двумя солнцами, которые вас ослепляли. Бедный Вильям, бедный Вильям, как мне вас жаль!

Я тщетно все отрицал. Евгений все же остался при своем мнении, не зная только на ком остановиться: на Корилле или Динаизе...

Я тоже тщетно старался обмануть самого себя. Я не мог уже скрывать ни от себя, ни от других страсти, которая пылала в моей груди. Правда, образы мисс Генриетты и Кориллы всегда соединялись в моем воображении с образом Динаизы, но с такими оттенками, которые не оставляли никакого сомнения насчет настоящего состояния моего сердца. Ничего в моей жизни не могло сравниться ни с дрожью, которую я испытывал всегда при звуках голоса Динаизы, ни с смущением, в которое меня повергало ее присутствие, ни с удовольствием, которое я чувствовал в последние дни около нее, ни с печалью, которую я не мог победить, расставаясь с ней.

Я тогда убедился, что любил ее уже давно, не отдавая себе в этом отчета, а красота и любезность Кориллы были только временным отвлечением, обманувшим меня. Я чувствовал, что болезнь, сначала слабая и скрытая, стала слишком губительной, чтобы не проявиться, и я с ужасом заметил пропасть, в которую я вслепую погружался.

Я сейчас же принял решение искать спасения в бегстве и покинуть

немедленно Икарию.

— Но, — сказал я себе, — если она меня любит!.. Раз, когда я сидел в кабинете ее брата, она вошла и сейчас же убежала, бледная и дрожащая, как будто она не знала, что я там. А она знала это! Для чего же этот предлог, это любопытство, замешательство? Но какое безумие! Ее холодность со мной, ее смущение, решение не вступать в брак, отказ выйти замуж за Вальмору... Но ведь только после моего приезда она отвергла предложение Вальмору... А если случайно!..

Я провел весь день в невероятной ажитации, стараясь собрать все свои воспоминания, но не мог составить себе определенное мнение о ее чувстве ко мне, хотя иногда останавливался на сладкой мысли, что я для нее не безразличен.

Но мысль о муках, которые испытал бы Вальмор, узнав, что я любим, о подозрениях, могущих у него возникнуть относительно моей лояльности, и упреках, которые могли бы сделать мне Корилла и ее семья, прекратила все мои колебания, и, пожираемый жестокой лихорадкой, с лицом, покрытым потом, я поклялся избегать всегда Динаизу.

Однако ввиду того, что я обещал провести вечер у Кориллы, дед которой хотел рассказать мне историю Икара, я счел возможным пойти туда еще один раз с Евгением.

Но как велико было мое изумление и смущение, когда я заметил госпожу Динаме, которую привела Корилла, и Динаизу, более привлекательную, чем когда-либо! Какая пытка это была для меня, когда она подошла ко мне и сказала голосом, который невозможно описать:

— Вы бледны, Вильям! Вы как будто больны! Что с вами?

Какая пытка также видеть, что глаза Евгения все время устремлены на меня, хотя он тотчас же смотрит в сторону, когда я поворачиваю к нему голову. И какая новая пытка видеть затем, как она приближается к Вальмору и говорит с ним с таким видом привязанности, который не был для нее обычным. Недоставало еще, чтобы я ревновал!

— Ну, — сказал дед некоторое время спустя, — так как милорд обратил такое внимание на портреты Икара, Клорамиды и Ликсдокса, надо рассказать ему их истории. Не сделаешь ли ты это, моя Корилла?

И Корилла рассказала историю Клорамиды и Ликсдокса. Затем она заставила Динаизу рассказать историю Икара.

Какая грация, какая прелесть, какой голос! И я вынужден был сдерживать себя, ничем не выдавать разнообразных чувств, которые волновали и переворачивали мне душу. И я должен бежать от нее навсегда! Нет, никто не поймет моего наслаждения и пытки!

Я был слишком смущен, чтобы вспомнить сейчас рассказы Кориллы и Динаизы. Но вот изложение, которое сделал Евгений, хотя и он был весьма рассеян.

История Ликсдокса и Клорамиды

После изгнания старого тирана Коруга, в 1772 году, икарийцы избрали или, вернее, получили в качестве королевы молодую и прекрасную Клорамиду, которая была им представлена или навязана Ликсдоксом, стоявшим во главе одной части аристократии.

Брат низложенного короля, безмерно богатый и могущественный, маленький, безобразный, кривой и горбатый, пожираемый честолюбием, умный, образованный, красноречивый, искусный, даже гениальный, Ликсдокс уже давно старался занять место своего брата и государя.

Тайно поддерживаемый частью аристократии, столь же коварный и лицемерный, как и честолюбивый и деспотичный, он истощил все хитрости и даже все низости, чтобы обмануть двор и народ и стать популярным. Пропливая лицемерные слезы по поводу ошибок и несчастий своего брата короля, он побуждал втихомолку своих сторонников, или, вернее, соучастников, судить его и обезглавить; он приказал тайно убить королеву, свою невестку, и отравить всех ее детей, за исключением младшего сына, которого верным слугам удалось увезти к соседнему королю.

Он мог легко взойти на трон, на который весьма усердно призывали его многочисленные сторонники среди дворянства и народа. Но он думал, что будет более безопасно и даже более легко царствовать под именем другого и, всегда лицемеря, притворяясь совершенно бескорыстным, он предложил избрать королеву и выбрать графиню Клорамиду, принадлежавшую к одной из первых дворянских семей.

Клорамида, едва двадцати лет отроду, была, быть может, самой красивой женщиной страны, как вы можете судить по ее портрету, выставленному в нашем Историческом музее. Никогда королева не заслуживала большего названия божества.

Со всех сторон раздавались неистощимые похвалы доброте ее характера, ее достоинствам, добродетелям, совершенству ее личности. Вдова одного из наиболее знаменитых генералов, от которого она имела троих детей, дочь и двух сыновей, она считалась лучшей из матерей и жен.

Простая и прекрасная, милосердная и великодушная, она имела все, что могло пленить и прельстить дворянство и буржуазию, бедных и богатых, и именно потому, что она была столь неотразимо обольстительна, ее и выбрал ловкий Ликсдокс.

Что касается его самого, то, имя только одного ребенка, воспитанием которого он лично руководил, Ликсдокс делал вид, что мечтает единственно о радостях частной жизни. Не только его сторонники не переставали всюду расхваливать его добродетели как мужа и отца, его таланты и огромные способности, но и бесчисленные депутации, приходившие к нему ежедневно и в своих адресах упрашивавшие его быть советником, руководителем и первым министром королевы.

Все эти хвалы и обращения к нему подготовлялись или направлялись тайне им самим, но, чтобы лучше скрыть свое честолюбие и обмануть легионеров, он долго отказывался, ссылаясь на свое плохое здоровье,

даже притворялся больным в течение пятнадцати дней, но дал, наконец, согласие, заявив, что приносит себя в жертву благу страны и повинуется только общей воле.

Абсолютный властитель всех помышлений Клорамиды, Ликсдокс был настоящим правителем, и королева, от которой он, вероятно, рассчитывал впоследствии избавиться, была в его руках только орудием.

В течение некоторого времени королева и ее первый министр, пуская в ход всякие демагогические средства, действительно сохраняли народное расположение.

Но когда Ликсдокс, опираясь на богатых и одного могущественного соседнего короля, который располагал тремястами тысяч солдат на границе, счел себя достаточно сильным, чтобы снять маску, он перестал скрывать свои аристократические и деспотические планы и заговорил только об утрашении и терроре.

В течение некоторого времени королева, красоту и кажущуюся доброту которой он весьма искусно использовал, служила ему защитой, эгидой и громоотводом.

Но его тирания стала, наконец, до того жестокой и кровавой, и сама королева, развращенная им, стала до того презренной и ненавистной, что народное негодование разразилось заговорами, покушениями и восстаниями, пока в 1782 году народу не удалось свергнуть своих тиранов.

Два министра были после сражения убиты разъяренным народом; четыре министра, бежавшие переодетыми в лакеев и женщин, были им с триумфом возвращены назад; Клорамида была арестована во дворце собственной охраной, а Ликсдокса, которого всюду искали, нашли и захватили спрятавшимся под кухонными тряпками.

Вскоре те, что осудили стольких невинных, были судимы в свою очередь.

Какая перемена! Королева, когда-то всеми обожаемая, Ликсдокс, столь наглый и жестокий, министры, столь безжалостные, теперь почти стояли на коленях пред представителями того самого народа, который они называли своими подданными.

Вы можете прочитать об этом печальном заседании, во время которого среди тысячи присутствовавших, раздавались крики ужаса, когда они услышали следующее показание: «13 июня, получив ложное известие, будто бы он победил, Ликсдокс, небрежно возлежавший на золоченых подушках, куря самые усладительные аравийские курения, отложил в сторону свою султанскую трубку на один момент, чтобы произнести следующие ужасные слова: «Пусть приведут к моему балкону Икара и десять других вождей бунтовщиков; я хочу, чтобы их разорвали мои лошади».

Народное представительство единодушно объявило королеву и Ликсдокса клятвопреступниками, изменниками, узурпаторами, ворами, отцеубийцами и народоубийцами, но, считая королеву завлеченной Ликсдоксом, а его самого настоящим королем, завлекавшим всех других, оно приговорило Ликсдокса и других министров к смерти, а королеву — к вечному заключению. Оно постановило, что Ликсдокс будет поведен на

казнь с босыми ногами, в рубахе, с лицом, покрытым черным колпаком, будет присутствовать при казни своих соучастников и затем ему отрежут руки и отрубят голову.

Однако Народное представительство дало президенту республики полномочие изменить приговор.

Затем оно осудило всех вместе на уплату одного миллиарда вознаграждения народу; оно желало этим показать благотворный пример, осуждая на нищету детей тех, кто не побоялся осудить на нищенство тысячи вдов и сирот.

По предложению Икара, смертная казнь осужденным была отменена народом.

Покинутые своими старыми льстецами, не имея никакого представления в своих камерах о том, что произошло, Ликсдокс и его сообщники были отведены к месту казни среди бесчисленных толп народа, величественное молчание которого леденило тех из них, кого не убила еще страх.

Когда они все взошли на эшафот, им прочитали приговор, затем сообщили о его смягчении.

Ликсдоксу затем обрил голову палач, и его поместили напоказ в железную клетку.

Я не буду рассказывать вам о проклятиях, которые посылали ему женщины, требовавшие у него своих детей или мужей. Больше всего бросали в него грязью и оскорбляли его именно бедняки, которых он привлек в свою партию, обманывая их, и лавочники, которые под влиянием его клеветы были наиболее свирепыми и жестокими по отношению к своим братьям.

Другие министры были заключены в тюрьму на всю жизнь. Клорамида была выпущена на свободу после того, как в течение месяца должна была просить милостыню у дверей Народного представительства.

Таков был конец подлого Ликсдокса и несчастной Клорамиды, поразительный пример бедствий, которые навлекают на голову угнетателей народа несправедливость и честолюбие!

Вы сейчас увидите, насколько была отлична судьба доброго Икара.

История Икара

Страстью Икара бы а любовь к человечеству.

С самого детства он не мог видеть какого-либо ребенка, чтобы не подбежать к нему и не приласкать его, не обнять и не поделиться с ним тем малым, что он имел.

В молодости он не мог видеть несчастного, не страдая сам от его несчастий и не утешая его. Часто видели, как он отдавал свой хлеб встретившемуся ему бедняку. Однажды, найдя одного молодого человека почти голым и умирающим от холода на мостовой, он отдал ему свою одежду, которую получил всего только два дня назад, и вернулся, исполненный радости, но почти нагой сам, к отцу, и последний, бедный и грубый, был так взбешен потерей платья, которое он с таким трудом добыл для Икара на зиму, что избил его до крови.

В другой раз во время страшного пожара, который леденил ужасом

самых бесстрашных зрителей, он бросился прямо в огонь и с пылающим платьем и почти совершенно сожженной правой рукой вынес в своих объятиях ребенка.

Сын бедного возчика, сам возчик в течение нескольких лет, он испытал все горе и нужду рабочего и бедняка.

Страстно любя книги, он посвящал чтению все время, которое дети и рабочие его возраста отдают играм. Когда он начинал чтение книги, он хотел дочитать ее до конца; он читал на ходу, на дорогах или на улицах, даже во время еды, даже по ночам, несмотря на запреты и гнев отца. Больше всего нравились ему философские книги; он пожирал их, как молодые девушки пожирали тогда любовные романы.

Все возбуждало его размышления и внушало ему полезные выводы, которые оставались неизгладимыми в его уме. Как раз первые два слова христианской молитвы «Отче наш» начали его убеждать, что все люди братья и равны, все должны составлять одну семью и все должны братски любить и помогать друг другу. Неожиданное наследство, которое внезапно сделало самого ленивого и самого злого его соседа, жившего в глубокой нищете, богатейшим человеком, в то же самое время как удар молнии обрек на нищету самого богатого, самого трудолюбивого и самого милосердного из других его соседей, дали ему первое представление о недуге общественного строя, в котором богатство или нужда зависят от каприза, от случая. Внимательно наблюдая каменотеса за работой, размышляя над мерами, принятыми архитектором, чтобы подготовить постройку дома, он впервые понял, как хорошо может быть управляема целая страна. И когда он со своей подводой попал однажды в большой монастырь, ему впервые пришла в голову мысль, что все жители страны могли бы работать и жить сообща.

Не буду говорить вам, какой странный случай сделал его священником, ибо он не видел ничего более прекрасного, как посвятить себя целиком благу людей. Не буду также рассказывать вам, как он попал из провинции в столицу. Его образование, нежная душа, горячее сердце, пылкое воображение сделали его скоро знаменитым проповедником. Исполненный скорби и негодования при виде ужасной нищеты рабочих, лачуги для блага людей, которых он посещал, он с высоты евангельской кафедры громил пороки общественного строя, бесчувственность богатых и вырождение христиан. Он неустанно ссылаясь на имя и слова Иисуса Христа в пользу равенства, братства и даже общности имущества, и его красноречие производило такое глубокое впечатление, что его начальство запретило ему проповеди и осудило его на бездействие и молчание.

Он покинул церковь, опубликовал против ее злоупотреблений несколько сочинений, которые навлекли на него новые преследования со стороны правительства. Он был выставлен публично на эшафоте, подобно вору, за то, что сказал, что Иисус Христос был самым бесстрашным пропагандистом и самым смелым революционером, который когда-либо появлялся на земле. Но это оскорбление не только не унизило его и не охладило его усердие, а, наоборот, лишь усилило его энтузиазм.

Только после того, как он глубоко изучил основы общественного строя, исследовал все системы древних и новых философов, иностранных и национальных после того, как он хорошо обдумал учение Иисуса Христа и изучил организацию тысяч религиозных общин, основой которых служит это учение; после того, как он составил план нового общественного и политического строя, основанного на принципе полного равенства и общности имущества, только тогда, говоря я, он пришел к твердому убеждению, что этот новый строй не только может составить счастье человеческого рода на земле, но что он вполне осуществим.

Брошюра, которую он написал в защиту принципа общности, повлекла за собой его арест и чуть не стоила ему жизни. Как первые христиане, он был обвинен в заговоре, призыве к цареубийству и гражданской войне; как и они, он был провозглашен анархистом, кровопийцей, врагом народа и человечества. Однако, угрожая Икару смертью, ему предлагали свободу, если он согласится отречься от своих убеждений; но он ответил, что предпочитает лучше умереть, как Сократ и Иисус Христос, чем отречься от истины, которая завоеует когда-нибудь весь мир. Половина судей его осудила, а другие оправдали только потому, что объявили его учение нелепым.

Ставши сразу владельцем огромного состояния, завешанного ему дядей, умершим в Восточной Индии, он в порыве священного энтузиазма дал обет посвятить свое состояние и жизнь возрождению своего отечества; и его пылкость была тем сильнее, что он считал возрождение своей страны началом возрождения всего человечества.

С этого времени он стал революционером и пропагандистом, подобно Иисусу Христу, готовый, подобно ему, принести себя в жертву, готовый также выполнять подчиненную роль, если найдет кого-нибудь, кто был бы более способен, благодаря своему имени или своему гению, выполнять первую роль, объединить массы и обеспечить торжество преобразования.

С этого же времени он окружил себя образованными и благородными молодыми людьми, которые помогали ему в его писаниях и трудах. Он в особенности поручил им разыскивать и собирать все мнения древних и новых, иностранных и национальных ученых, в пользу принципа общности, или против него, чтобы представить народу не только свое индивидуальное мнение, но и всю человеческую мысль по этому вопросу, наиболее важному для блага человечества, и радость его соответствовала его надеждам, когда он в списке благоприятных мнений находил самые великие имена в области законодательства и философии.

С этого же времени, наконец, Икар ничем не пренебрегал, чтобы еще больше увеличить свою уже большую популярность.

Не буду говорить вам о средствах, которые он для этого употреблял, но в течение нескольких лет его умеренность, всегда одна и та же, несмотря на недавно и внезапно доставшееся ему богатство, простота его одежды и манер, приветливость, большое состояние, употребление, которое он из него делал, посвящая его целиком народному делу, верная любовь к народу, борьба против тирании, мужество и талант завоевали

ему в такой степени доверие и привязанность, что он стал признанным вождем партии реформ и революции.

Икар имел достаточно влияния, чтобы помешать индивидуальным покушениям, неразумным и преждевременным попыткам восстания, но когда акт очевидной тирании показался ему удобным поводом, именно он дал сигнал к восстанию, разжигая как своим примером, так и своими обращениями мужество и патриотическую преданность народа.

После ожесточенной и кровавой борьбы, которая длилась два дня, 13 и 14 июня 1782 года, народ остался победителем, и мужественный Икар, легко раненный, был провозглашен диктатором при шуме приветственных возгласов народа.

Достигнув власти, он, всегда думавший только о благе своего отечества, не пренебрег ничем, чтобы добиться еще полнее всеобщего доверия, чтобы остановить резню, восстановить единство, организовать народ, как единого человека, обеспечить торжество революции как вовне, так и внутри и осуществить, наконец, свой великий план радикальной реформы и возрождения.

Именно он, диктатор, предложил своим согражданам проведение социального и политического равенства, общность имущества и демократическую республику с планом переходного строя в течение пятидесяти лет.

После ожесточенной войны против коалиции соседних королей, после страшных неудач, закончившихся решающей победой, после заключенного на конгрессе народов всеобщего мира, все планы Икара были приняты с энтузиазмом. И безмерные груды, необходимые для реализации системы общности, были начаты во всех частях страны.

Несколько провинций и многие коммуны уже осуществили режим общности, и больше трех миллионов бедных пользовалось уже благами нового строя, когда 7 января 1798 года, на шестнадцатом году эры нашего возрождения, Икар, лучший и величайший благодетель людей из всех, которые когда-либо прославили человечество, твердо убежденный, что завершение его великого дела обеспечено, умер в возрасте пятидесяти девяти лет.

Никогда еще человек не получал столько единодушных благословений в течение своей жизни и после своей смерти. Незначительное должностное лицо в своей деревне, после того как он был диктатором, просто даже рядовой гражданин (ибо он хотел дать пример добродетели во всех общественных состояниях), он не мог выйти из дому, не будучи приветствуем возгласами народа и не получая на каждом шагу самых трогательных знаков любви и уважения. Он часто говорил, что он самый счастливый из всех смертных.

При известии о фатальном событии все граждане без исключения прекратили добровольно свои работы или развлечения и надели траур. Никогда смерть короля не вызывала столько слез!

Народное представительство решило: тело Икара будет перевезено в столицу; его похороны будут отмечены в один день во всех коммунах республики; республика будет носить траур в течение года; ежегодно

народ будет праздновать день рождения Икара; статуи Икара будут воздвигнуты на центральных площадях всех городов, и, наконец, бюст его будет помещен во всех национальных зданиях, а портрет – во всех частных домах. И тот, кто постоянно боролся против публичного выставления своего изображения, быть может, был тем человеком, изображение которого больше всего размножалось и почиталось после его смерти.

До этого годовщина только двух дней ознаменовалась чествованиями: День мучеников и День победы. Но Народное представительство постановило, что будет прибавлено третье празднество (против которого Икар всегда протестовал) – День установления диктатуры.

Оно постановило даже, что нация отказывается от своего имени, чтобы принять имя Икара; страна будет называться отныне Икарией, народ – икарийским, столица – Икарой и жители – икарийцами.

Многие утверждали, что Икар был второй Иисус Христос, и хотели, чтобы ему поклонялись как богу, ссылаясь в доказательство его божественности на те же доводы, которые приводились восемнадцатью веками ранее первыми почитателями Христа.

Но Икар никогда не выступал сам как бог и его поклонники должны были удовольствоваться тем, что память его будет чтиться как память благодетельного гения человечества.

Глава тридцатая. ТЕАТРЫ

– Вы с ума сошли, что будите меня так рано! – сказал мне Евгений, протирая глаза. – Я так хорошо спал. Если любовь мешает вам спать, следует ли тревожить сон тех, кто не имеет счастья быть влюбленным?

Бедный Вильям, я вам уже говорил: вы сошли с ума от любви. И вы безумец, если думаете, что вам удастся обмануть всех. И вы безумец, полюбив икарийку, на которой иностранец не может жениться. И вы безумец, влюбившись в ту, которая не хочет выходить замуж. Ибо напрасно вы будете это отрицать: вы любите Динаизу, да, Динаизу, на которую вы вчера старались не глядеть, а не Кориллу, на которую вы все время пытались обращать свой любящий взор.

– Но я уезжаю, – сказал я ему, – я бегу от всех икариек, я бегу от Кориллы и Динаизы.

– Вы уезжаете? Bravo, Вильям! Для меня это большое огорчение, но я радуюсь за вас, мой дорогой друг, ибо бывают враги, которых можно победить, только бежав от них, опасности, которые мудрость советует скорее избегать, чем желать упорно их победить. И если вы уносите с собой стрелу, которая вас уже пронзила, то по крайней мере новые стрелы не прибавятся к старой, чтобы сделать рану неизлечимой и смертельной.

Я принял его предложение проводить меня до границы, и мы условились, что покинем Икару через два или три дня.

Желая уехать, ни с кем не прощаясь и даже не повидавшись с Кориллой и Вальмором, ко не в состоянии оставаться один наедине с

самим собой, я уступил настояниям Евгения, который долго мучил меня, упрямывая проводить его на спектакль, на который он обязался пойти с знакомой семьей.

Алмаэс, друг Евгения, показался мне очаровательным молодым человеком, а сестры его – очень красивыми особами. Зала была полна, и пьеса возбудила всеобщий интерес. Но каким одиноким чувствовал я себя, слушая эту пьесу! Каким длинным показался мне спектакль! Как плохо я чувствовал себя среди всех этих лиц, дышавших счастьем!

Я не мог даже принять участия в беседе Алмаэса и Евгения о театре Икарии; и как ни была интересна эта беседа, я не мог бы изложить ее, если бы не имел возможности заимствовать ее запись из дневника Евгения, и переписать ее здесь.

Извлечение из дневника Евгения. Театры

– Скажите мне, – спросил Евгений Алмаэса, – как вы устраиваетесь с вашими спектаклями: ведь, с одной стороны, все у вас бесплатно, а с другой – все граждане имеют одни и те же права?

– Вы не догадываетесь? – ответил Алмаэс. – Ну, попробуйте сами решить это затруднение. Как поступили бы вы? Посмотрим!

– Нужно, не правда ли, – сказал Евгений, – чтобы все население Икары, провинциалы и иностранцы, которые в ней находятся, могли видеть один и тот же спектакль и видеть бесплатно?

– Да, без сомнения.

– Нужно также, чтобы каждый был уверен, что найдет место, когда придет, не будучи вынужден сидеть у дверей?

– Да, конечно.

– Так вот, как велико число жителей и путешественников, которые могут пожелать посмотреть спектакль?

– Около девятисот тысяч.

– Сколько зрителей вмещает зал?

– Около пятнадцати тысяч.

– Нужно, следовательно, чтобы пьеса была поставлена шестьдесят раз, если все хотели бы ее видеть?

– Да, приблизительно.

– Вы знаете число семей в Икаре и число лиц в каждой из них?

– Да, совершенно точно.

– Вы, следовательно, знаете, сколько есть семей, состоящих из тридцати человек, сколько из двадцати пяти, сколько из двадцати и т.д.?

– Да, без малейшей ошибки.

– Тогда администрация театра может устроить представление для известного числа семей из тридцати, двадцати пяти, двадцати и т.д. человек, известного числа провинциалов и иностранцев?

– Да, очень легко.

– Так вот, остальное так же легко устроить: можно сделать семейные и индивидуальные билеты для каждого представления и распределить их при помощи жребия. Каждая семья будет иметь свой билет, как и каждый отдельный индивид, и каждый будет знать заранее, на каком представлении он может присутствовать.

— Очень хорошо, именно так! Однако если день представления мне не подходит?

— Вы можете знать таблицу тиража билетов и найти семью, которая согласится поменять свой билет на ваш.

— Великолепно, вы верно угадали.

— Мы поступаем таким же образом, — прибавил Алмаэс, — для всех театров и всех пьес; мы принимаем аналогичные меры для всего, что интересует наших граждан, для музеев и научных курсов, даже для заседаний Национального представительства. Мы держимся той же системы для прогулок верхом, которыми каждая семья может пользоваться только каждые десять дней, ибо мы имеем верховых лошадей только для десятой части населения, и вы увидите, что нет ничего легче, как распределять развлечения, подобно пище, поровну и бесплатно.

— Но, — сказал ему Евгений, — так как каждая семья может смотреть только одно представление из шестидесяти, то она, следовательно, в течение долгого времени лишена возможности пойти в театр?

— Чтобы посмотреть спектакль, который она видела, да, — ответил Алмаэс, — но она может посещать музеи, научные курсы, гуляния, вечеринки и даже посмотреть какой-нибудь другой спектакль; ибо что сделали бы вы, если бы вы хотели предоставить народу возможность чаще наслаждаться спектаклями?

— Я организовал бы, — сказал Евгений — зрелища разного рода: трагедии, драмы, комедии оперы, балеты, пение, музыку, скачки...

— Так вот, мы так и организовали это дело. Мы имеем сорок или пятьдесят театров одного размера, но самых разнообразных типов, какие только вы можете вообразить, и семья, которая любит спектакли, может пользоваться этим удовольствием почти ежедневно, ибо спектакли можно смотреть даже на открытом воздухе и во всех местах гулянья. Вы, наверное, нигде не видели такого большого числа театров марионеток, китайских теней и в особенности полишинелей, которые доставляют такое удовольствие детям; нигде не видели вы таких красивых зрелищ, потому что здесь республика устраивает их, не щадя никаких средств, чтобы сделать их привлекательными во всех отношениях.

Нигде вы не найдете также так много спектаклей-чудес, как мы называем их, где физика, электричество, свет, химия, астрономия, а также и всякого рода фокусники производят действительно больше чудес, чем их когда-либо видели.

Мы все, пятнадцать человек, поехали в omnibusе (ибо служба общественных средств перевозки так хорошо организована, что в каждом квартале имеются специальные omnibusы для перевозки семей в театр и обратно) и, проехав небольшое расстояние, сошли под закрытый портал.

Входы, лестницы, кулуары — все показалось мне широким, удобным, великолепным, специально устроенным, чтобы избежать несчастных случаев.

— Какой огромный зал! — сказал Евгений, входя. — Ни в одной стране я не видел такого большого зала!

— Все наши театры построены так, чтобы вмещать возможно большее число зрителей, — ответил Алмаэс. — Наши архитекторы имели планы всех театров мира.

— И хорошо слышно?

— Вы сами будете судить. Не теряешь ни одного слова, потому что прежде всего театральный зал должен передавать хорошо звуки, и это главная задача, которую ставят себе наши конструкторы.

— Все ли театры ваши без лож, как этот?

— Да, все: ложа есть нечто по самому существу своему аристократическое и привилегированное, а мы — демократы, не выносящие даже тени привилегии. Ложа занимает много места, а мы хотим иметь место для всех граждан, она — очаг пожара, а у нас все устроено, чтобы избежать пожара. Но разве вам не нравятся эти полукруглые скамьи, расположенные друг над другом в виде амфитеатра?

— Конечно! Здесь очень хорошо сидеть, и публику видишь так же хорошо, как и сцену. Эти прекрасные туалеты, эти декорации — все великолепно: опера лондонская или парижская не более прекрасна!

— Ну, так вот, все наши театры так же обширны, и если бы вы могли их все посетить в этот час, вы нашли бы их одинаково наполненными такими зрителями. Наши детские театры, почти такие же большие, показались бы вам, быть может, еще более красивыми.

Занавес тотчас же поднялся.

Завтра я постараюсь дать набросок пьесы, а сегодня ограничусь несколькими словами.

Сюжет пьесы исторический. Это знаменитый «пороховой заговор», устроенный в 1777 году против Ликсдокса, и знаменитый процесс Калара, осужденного, хотя и безвинно, как виновного в организации покушения и руководстве им.

Заговор был организован сторонниками молодого претендента Коруга, подстрекаемыми к тому Ликсдоксом при помощи одного преданного придворного, который затем выдал заговорщиков. Однако Ликсдокс хотел спасти действительных заговорщиков — аристократов, и ему удалось скомпрометировать и осудить Калара, опасного демократа.

Сначала идет совещание между Ликсдоксом и придворным; решение устроить заговор; обязательство, взятое одним графом, убить Ликсдокса; попытка выполнения; арест графа; его допрос в тюрьме; маневры, пущенные в ход, чтобы убедить графа обвинить Калара, скрывшись под видом угольщика; допрос Калара в тюрьме, его отказ отвечать и его мужество.

— Как хорошо этот актер играет роль Калара! — сказал Евгений Алмаэсу, когда занавес опустился после окончания первого акта. — Как он хорошо произносит свое: «Я не хочу отвечать ничего», которое он повторяет раз двадцать и которое каждый раз звучит как новое! Какие прекрасные позы! Какие красивые жесты! Даже его молчание красноречиво! Впрочем, все роли хорошо исполняются, и ансамбль великолепный.

— Но роли их слишком легкие, чтобы вы могли судить об актерах, — ответил Алмаэс. — Мы имеем прекрасных актеров, и вы поймете это легко, так как они выбирают эту карьеру только по склонности и в течение долгого времени получают воспитание, наиболее способствующее развитию их таланта. Все наши актеры и актрисы в высокой степени отличаются своим литературным и драматическим образованием. Так как они все получают содержание от республики, то они не торопятся дебютировать и могут это сделать лишь после того, как экзамен доказал их способности.

— У нас это мало уважаемая категория и в общем даже мало достойная уважения.

— Это, вероятно, ваша ошибка, ибо здесь, где драматическое искусство — такая же национальная профессия, как и медицинская, актер воспитывается, питается, живет, как всякий другой гражданин, он не больше и не меньше уважаем, чем другие. Ни одной женщине у нас не придет в голову, что актриса, балерина, певица не может быть такой же хорошей супругой, такой же хорошей матерью или дочерью, как она сама.

Взгляните, например, как ведет себя публика! Таланту аплодируют, но молчание является единственной манифестацией, которую себе позволяют по отношению к несовершенству.

Второй акт изображал процесс и осуждение, трибунал сеньоров и судебное разбирательство преступления лжеугольщика. На сцене были: председатель главного уголовного суда, великий судья, сеньоры и портье, лжесвидетели, объединившиеся против Калара, защищавшегося с большой энергией. Мужество молодой девушки, которая отказывается быть лжесвидетельницей, дает повод к трагическим сценам; отчаяние жены и дочери Калара представляет раздирающую сцену; в преданности своему делу самого Калара было что-то возвышенное, и это вызвало возбуждение у всех зрителей.

Едва успел опуститься занавес, как появились последовательно на великолепных транспарантах имена актеров.

Имена тех, которые исполняли роли Калара, лжеугольщика и двух молодых девушек, были встречены единодушными аплодисментами. Другие вызвали больше или меньше знаков одобрения или были приняты молча.

Затем на других транспарантах появились имена персонажей исторической драмы. Имена Калара и дочери портье вызвали аплодисменты и энтузиазм, на которые я не считал счастливых икарийцев способными, а имена Ликсдокса, предателя-придворного, графа-лжеугольщика, председателя уголовного суда, великого судьи, обитателей королевского двора и портье вызвали крики, свистки, ругательства, которые в течение нескольких минут представили новое и весьма своеобразное зрелище,

— Эта пьеса, — сказал Евгений, выходя, Алмаэсу, — имеет сама по себе мало достоинств как драматическое произведение. Автор, кажется, ограничился тем, что воспроизвел на сцене историческое событие. Но я

понимаю интерес и энтузиазм, который внушает вам эта драма. И если вы имеете много пьес такого рода, то я понимаю нравственную и патриотическую пользу вашего театра.

— Эта драма была написана, — сказал Алмаэс, — очень скоро после революции; ее, кажется, в первый раз поставили в 1784 году, и с того времени ее ставили только раз в восемь или десять лет. Но мы имеем много других драм в этом жанре, а именно одну, которая вызывает еще больший энтузиазм: это суд над нашим последним тираном Ликсдоксом в 1782 году. Я ее не видел еще, но, говорят, что трудно себе представить что-нибудь более прекрасное, когда наш лучший актер излагает все обвинения против тирании. Последний акт показывает тирана, выставленного в железной клетке на публичной площади. Говорят также, что трудно представить себе что-нибудь более драматическое, чем проклятия народа по адресу тирана.

— К тому же, — продолжал Алмаэс, — наш театр бесконечно разнообразен. Мы имеем все жанры, веселые, комические, шуточные пьесы, но все они преследуют моральную и патриотическую цель. Нет ни одной пьесы, которую не могли бы смотреть и слушать дети и молодые девушки, и театр есть школа, где профессорами являются изящные искусства, обязанные совмещать все свои совершенства, чтобы наставлять, развлекая.

И вы не будете удивлены, если узнаете, что мы уничтожили почти все наши старые пьесы, а наши новые пьесы все заказаны или приняты республикой и составлены авторами, которые вдохновляются только чувством патриотизма и своим дарованием, поддерживаемыми самым совершенным воспитанием.

— А знаете, что именно из всех этих совершенств, — сказал Евгений, — доставляет мне больше всего удовольствия?

— Нет.

— Мысль, что эта публика, столь благопристойная и полная достоинства, не есть собрание избранных, а собрание случайных граждан, одним словом, что это народ.

— И что же в этом удивительного?

— В Англии, как и во Франции, почти во всех театрах слышишь крики, свистки, невероятный шум, даже тогда, когда актеры уже на сцене, и часто там можно быть также свидетелем драк и споров.

— Я вам отвечу еще раз, как и прежде: это ваша ошибка, ибо мы в старое время были так же шумливы и глупы, как ваш народ, и ваш народ мог бы быть так же разумен спокоен, как мы теперь.

— Ах, я это знаю слишком хорошо! — ответил Евгений со вздохом. — Наш гибельный общественный строй может порождать только пороки, беспорядки и нищету, тогда как ваша благодетельная общность может иметь своими детьми только совершенства, добродетели и благосостояние!

Глава тридцать первая. ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА. ПОРОХОВОЙ ЗАГОВОР. СУД И ОСУЖДЕНИЕ НЕВИННОГО

Если я даю здесь разбор исторической драмы, то не для того, чтобы цитировать ее как литературное произведение, но единственно для того, чтобы дать представление о моральном содержании икарыйского репертуара, имеющего главной задачей напоминать пороки старого политического и общественного строя и показать их губительные, но неизбежные последствия, в особенности поскольку дело идет о справедливости. Вот этот разбор.

Первый акт

Первая сцена. Почти совершенно темный кабинет. Два персонажа, голоса которых слышны, почти не видны. Но можно догадаться, что это Ликсдокс и герцог де Корон, его фаворит.

Напуганный заговорами и покушениями, которые ежедневно замышляются против него либо среди дворян, оставшихся верными делу молодого изгнанного претендента (сын Коруга), либо среди виднейших демократов, преданных делу народа, Ликсдокс ищет средства навести страх на своих врагов. Изучив все традиции макиавеллизма, старательно сохранившиеся в течение веков и занесенные в большой реестр, он замышляет план ужасного заговора, в который он пытается втянуть наиболее враждебных ему сеньоров и скомпрометировать наиболее опасных вождей народа.

Когда план был составлен, для выполнения его потребовался надежный и преданный друг, его второе «я». Он выбирает герцога де Корона.

Герцог притворяется оскорбленным и недовольным. Он официально порывает с Ликсдоксом, делая вид, что желает ему отомстить. Он становится во главе враждебного Ликсдоксу дворянства, осыпает ласками, возбуждает, подталкивает, провоцирует дворян и в то же время приходит почти ежедневно тайком к Ликсдоксу, чтобы дать ему отчет в своих успехах.

Все идет прекрасно. Двенадцать виднейших сеньоров, все в отдельности согласившиеся принять участие в заговоре, должны вечером собраться за его столом.

— Какую роль вы заставляете меня играть! — говорит герцог Ликсдоксу. — Провокация, клятвопреступление, измена, донос, подлость!

— Вы спасете государство, трон, религию, вашего друга... Моя благодарность будет безгранична... Только вы и я будем знать правду... Вас ожидает состояние и слава.

Вторая сцена. — Сцена представляет великолепный зал для пиров в замке герцога, где за столом сидят двенадцать сеньоров, говорящих с жаром о первом министре.

— Да, — говорит герцог, — после всего, что я для него сделал, он отказывает мне в месте фрейлины королевской принцессы, которое я просил для моей дочери. Это неблагодарный, нахал, которому я никогда не прощу его неблагодарности и его оскорблений.

— Это лицемер, лжец, вероломный человек! — говорит маркиз.

— Это нечестивец, который собирается провозгласить себя богом! — прибавляет прелат.

— Это антихрист и, возможно, сам сатана! — вторит другой священник.

— Он убил моего сына! — стонет барон со слезами.

— Он отнял у меня любовницу, этот преступник! — кричит с гневом граф де Жигаз.

— Он убил своего брата и своего короля. Он бросил в тюрьму королеву и своих племянников! — говорит другой.

Герцог. Его презирают, ненавидят, к нему питают отвращение. Если бы он умер, все обрадовались бы его смерти!

Граф. Если бы он был убит, никто не пожалел бы его, ибо никто не имеет меньше друзей и больше врагов.

Герцог. Никто не был предметом стольких заговоров и покушений.

Граф. Тех, кого постигла неудача, прославляют, как мучеников.

Герцог. Того, кому оно удастся, будут приветствовать, как освободителя. Но пока имеются только жертвы.

Граф. Заговорщики были все глупцами. Есть безошибочное средство успеха!

Все. Какое?

Граф. Вы знаете, что угольщик занимает подвал под дворцом королевы: так вот, двадцать бочек пороха в этом подвале, храбрец, который зажигает огонь в день королевского заседания... Королева и ее дети, тиран, его соучастник» и наемники — все взлетает разом!

Герцог. Да, но где этот храбрец?

Граф. Здесь.

Герцог. Кто?

Граф. Я.

Все. Долой тиранию! Да здравствует освободитель!

Однако некоторые все еще колеблются: они боятся, что аристократия будет обесчещена. Но граф и в особенности герцог напоминают им, вкратце, все примеры заговоров, убийств, отравлений, царевубийств, которые были совершены не только сеньорами и епископами, но и принцами королевских семейств, сыновьями королей — против своих отцов, королями, императорами или папами — против других государей или других пап... И покушение решено.

Граф переоденется угольщиком, захватит подвал угольщика, доставит туда двадцать бочек пороха, спрячет их под вязанками хвороста, сам зажжет фитиль, и у него будет возможность бежать до взрыва.

Другие должны все приготовить для восстановления на престол претендента.

Вероломный герцог предлагает всем связаться нерушимой клятвой, и все с энтузиазмом клянутся в верности и преданности.

Третья сцена. — Кабинет герцога, наполовину освещенный лампой. Он только что проводил заговорщиков и направляется во дворец, где его

ждет Ликсдокс, чтобы узнать, что произошло.

Но что ему делать? В чем он сам заинтересован? Предать ли заговорщиков? Или предать скорее самого Ликсдокса?

Он некоторое время обдумывает эти вопросы, ходит крупными шагами по своей комнате и удаляется, все еще не приняв окончательного решения.

Четвертая сцена. — Подвал. Слышен шум подъезжающих придворных экипажей, затем звон колоколов капеллы. Приближается угольщик. Это граф. Двадцать бочек пороха находятся там, под вязанками хвороста. Королевское заседание сейчас начнется. Звуки труб и фанфар возвещают появление королевы и Ликсдокса в сопровождении сеньоров. Граф снимает вязанку, которая скрывает один конец фитиля. В его распоряжении имеются пять минут, чтобы удалиться через заднюю дверь. Вдруг раздается звук трубы. Он вздрагивает. Он радуется, что ему придется взорвать узурпированный трон, королеву-узурпаторшу, тирана, двор, всю монархию. Одной рукой он зажигает огонь, другой он хватается за фитиль. Он зажигает его... Но из-под вязанок раздаются ужасные крики. Толпа солдат выбегает и бросается на него. Пять или шесть из них падают мертвыми к его ногам. Он бросается, как молния, к лестнице и уже готов исчезнуть, но другие солдаты, которые спускаются в подвал, преграждают ему дорогу. Он разит опять, убивает несколько человек и сам падает, обливаясь кровью; солдаты уносят умирающего, тогда как другие с ужасом видят приготовления для взрыва, который должен был потрясти землю.

Но один из солдат замечает, что фитиль перерезан!

Пятая сцена. — Темная и грязная тюрьма, немного соломы; несчастный, покрытый тряпками, кричит от боли... Это опять граф. Судьи, офицеры, придворные, окружающие его, осыпают его проклятиями. Но он ничего не видит, ничего не слышит, ничего не отвечает. Ему стараются сохранить жизнь, чтобы он выдал своих соучастников и погиб на эшафоте. Врачи и хирурги хлопочут вокруг него, оперируют, перевязывают, заставляют глотать ликер. Он оживает, дышит, смотрит и, кажется, уже видит и слышит.

— Ваше имя? — спрашивает его великий инквизитор.

— Мигуф, — отвечает несчастный едва слышным голосом.

— Ваше звание?

— Угольщик.

— Ваша родина?

— Пирма, в Кассии, в трехстах лье отсюда.

— Вы хотели убить королеву?

Нет, тирана.

— Какое зло причинил вам его светлость?

— Он угнетает народ.

— Какова была ваша цель?

— Освободить отечество, послужить человечеству.

— Преступник! — сказал ему один.

— Чудовище! — сказал ему другой.

— Кто ваши сообщники?

— Все... Сто... Никто...

Оскорбления, проклятия, угрозы — ничто не может его поколебать; он не имеет сообщников и требует смерти, как начала своего бессмертия.

Шестая сцена. — Снова тюрьма, в которой виден другой раненый заключенный. Это герцог.

Ликсдокс и он сговорились, что он будет арестован, дабы снять с него всякое подозрение. Герцог убьет одного из людей, которым поручено будет его арестовать, и нанесет себе сам легкую рану, а затем распространит слух, что был тяжело ранен в схватке.

Через несколько дней будет объявлено, что произошла ошибка: убитый солдат пустил в ход силу незаконно, а герцог использовал только свое право законной самозащиты.

Было подстроено так, чтобы список заговорщиков был на хранении у одного из них, где полиция могла найти его или подбросить.

Ликсдокс принял также все меры, чтобы Калар, один из вождей народной партии, мог быть тяжело скомпрометирован на основании некоторых данных.

Вскоре в тюрьму является человек, завернутый в плащ. Это переодетый Ликсдокс. Он рассказывает герцогу о том, что произошло. Все заговорщики бежали или скрываются. Полиция нашла список заговорщиков у того, на которого герцог указал, как на хранителя его, но приняты были все меры, чтобы скрыть эти обстоятельства и ввести в заблуждение общественное мнение, распространив слух, что ужасное покушение является адским предприятием демократической партии, а ее жалкое орудие — угольщик Мигуф.

Придворные, все еще напуганные опасностью, которая им угрожала, требуют уничтожения всех революционеров; сторонники Ликсдокса шумят почти так же сильно; сторонники претендента вопят вместе с ними против анархистов... Демократы запуганы.

Ликсдокс и герцог ликуют, видя полный успех своих маневров.

Но главная цель состояла в том, чтобы осудить Калара и обвинить всю демократическую партию. Как добиться этого? Вот план, придуманный Ликсдоксом. Он излагает этот план герцогу.

— Вы получите, — сказал он герцогу, — свидание с графом. Вы расскажете ему о вашем аресте, об убийстве солдата и вашей собственной ране. Затем вы будете упрекать его за неосторожность. Вы скажете ему, и газеты об этом расскажут, что его поведение и таинственное появление около подвала возбудили подозрения полицейского агента, в подвал вошли ночью при помощи подобранных ключа, и таким образом из-за его ошибки все было открыто.

Вы прибавите, что один из моих доверенных пришел сказать вам от моего имени, что я помилую графа. Вас я тоже выпущу на свободу и откажусь от преследования остальных заговорщиков, если граф выступит с обвинением, и поможет осудить как своего соучастника Калара, нашего общего врага.

Вы прибавите, что в этом случае настоящее имя графа никогда не станет известно, ему дадут имя и профессию, которую он принял (Мигуф, угольщик из Пирмы в Кассии), и тогда демагоги, в первую очередь Калар, один из их вождей, и жалкий угольщик, их агент, одни будут гнусными авторами этого отвратительного преступления.

Для поддержки обвинения графа против Калара мы купим одного или двух лжесвидетелей. А чтобы другие министры и судьи были тоже обмануты, нужно вам взять на себя все это дело с графом и лжесвидетелями.

Герцог станет принцем. Он соглашается, и вероломный Ликсдокс выходит, в то время как вероломный герцог готовится к беседе с графом.

Седьмая сцена. — Опять камера герцога. Он в постели. Кто-то входит, едва держась на ногах; это граф.

Ему сообщили по секрету, что герцог арестован, так как убил солдата, он тяжело ранен и почти умирает; их камеры находятся по соседству... Граф пожелал видеть герцога. Последний сперва отказывается от встречи, но потом соглашается.

Предатель-герцог берет наглостью. Он упрекает графа в том, что тот все погубил и скомпрометировал всех своих друзей.

Граф, одураченная жертва предательства, извиняется, почти бросается к его ногам и просит у него прощения.

Тогда герцог смягчается, становится сердечным. Затем он говорит о поручении Ликсдокса. Ликсдокс имеет список, он знает все. Все погибло, даже их партия, даже дело законного государя.

— Однако, — прибавляет герцог, — Ликсдокс хочет быть великодушным, милостивым. Что касается меня, то я отвергнул с негодованием предложение спасти себя, погубив невинного. Я сумею умереть мужественно. Я готов.

Но граф желал бы спасти всех своих друзей, свою партию, дело своего государя. Да, впрочем, разве не всякий демократ преступник, разбойник, изверг? Таким образом, сам граф умоляет герцога принять за всех предложение Ликсдокса, и он хвалит милосердие и благородство тирана.

Герцог продолжает притворно сопротивляться и соглашается, наконец, якобы только для того, чтобы спасти графа, их друзей и честь дворянства. Он передает графу план, набросанный Ликсдоксом, чтобы обвинить Калара.

Граф читает этот план: это выдуманная история жизни угольщика Мигуфа, его сношений с Каларом и их совместного заговора, это также детальная директива, которой должен следовать лже-Мигуф в самозащите и обвинении Калара.

Ликсдокс, герцог и граф одни только будут знать тайну; судей расположат в пользу Мигуфа. Весь гнев будет направлен против Калара. И судьи будут тем более настроены против него, что многие из них будут так же обмануты, как и публика, и будут действительно считать его автором и главарем гнусного заговора.

Граф соглашается на все и собирается изучать и играть роль

угольщика. Он сперва будет продолжать настаивать, что не имеет сообщников; он будет отрицать, что Калар виновен. Затем, как бы под давлением угрызений совести, откроет всю правду и решительно будет обвинять Калара как автора, зачинщика и главаря заговора. Он будет упрекать Калара, что он увлек его, будет обвинять его в трусости.

А герцог выйдет на свободу и будет искать двух лжесвидетелей.

Восьмая сцена. — Другая камера. Несколько солдат приводят красивого человека в разорванном платье, с непокрытой головой, с печальным, но спокойным лицом. Один солдат ударяет его палкой, другой хлыстом, один вырывает у него усы, другой — его бакены. Это Калар.

Его бросают на солому, и тюремщик оставляет ему немного черного хлеба и воды.

Оставшись один, он стонет. Но он сумеет пострадать за свободу.

— Судьи придут меня допрашивать, — говорит он. — Что я отвечу им? Но какие же это судьи! Враги, воры, убийцы! Я теперь в разбойничьей берлоге, окруженный западнями... Нет, отвечать я здесь не буду.

Являются великий инквизитор, председатель уголовного суда, великий судья, министры, сенаторы и телохранители.

Великий инквизитор. Знаете вы Мигуфа?

Калар. Прежде всего скажите, в чем вы меня обвиняете?

Великий судья. В том, что вы один из авторов, изобретателей и руководителей адского порохового заговора. Знаете вы Мигуфа? Отвечайте!

Калар. Вот мой ответ: я невиновен.

Председатель уголовного суда. Знаете вы Мигуфа? Отвечайте!

Калар. Мне нечего больше сказать. Если вы думаете, что я виновен, то докажите мою виновность. Отпустите меня на свободу или судите! меня скорее, тогда я отвечу, но я не хочу здесь ничего отрицать и ничего признавать. Я не хочу ничего отвечать, пока я не буду иметь адвоката и не буду находиться в присутствии публики.

Великий инквизитор. Но у вас требуют только правды, вам не нужен адвокат, чтобы отвечать по поводу фактов, которые относятся к вам лично. Вы здесь находитесь в присутствии правосудия, и так как вы не повинны, то вам легко будет оправдаться.

Калар. Я не хочу отвечать. Великий судья. Но ведь это в ваших интересах отвечать, чтобы доказать вашу невиновность.

Калар. Я не хочу отвечать. Председатель уголовного суда Долг каждого обвиняемого помочь правосудию.

Калар. Я не хочу отвечать.

Министр. Вы, следовательно, не боитесь оказывать неповиновение правосудию?

Калар. Я не хочу отвечать.

Синьор. Но вы оскорбляете правосудие!

(Молчание)

Великий судья. Вы, следовательно, не доверяете мне...

(Молчание)

Председатель уголовного суда. Вас будут считать виновным!
Великий судья. Вы вредите самому себе. Давайте разберемся.

Калар. Я не хочу ни разбираться, ни рассуждать, ни отвечать.

Великий судья. То, о чем я вас спрашиваю, не может вас компрометировать.

Калар. Я не хочу отвечать.

Министр. Вы были бы скорее свободны.

Синьор. Те, кто советовал вам эту систему молчания, не ваши друзья.

Калар. Но вы... Я не хочу отвечать.

Придворная дама. Вы приносите в жертву интересы вашей семьи.

Председатель уголовного суда. Арестованы Ксироль и Ярд, ваши друзья. Вы приносите в жертву их интересы.

Великий судья. Они будут знать, что вы задерживаете их освобождение.

Великий инквизитор. Ваше молчание бесполезно и может вас только скомпрометировать, ибо свидетели все показали.

Министр. Ваши сообщники поступают иначе, чем вы: в то время как вы жертвуете собой благородно для них, они вас оговаривают и обвиняют вас.

Синьор. Мы знаем все, что вы делали, ваше упорство может быть только губительно для вас, между тем как можно было бы принять во внимание вашу откровенность.

Калар. Еще раз: я не хочу отвечать.

Ни гнев, ни угрозы, ни ласки — ничто не может поколебать его решение.

— Мне было бы легко отвечать им, — говорит Калар, когда остается один, — и я не раз хотел уничтожить их или смутить, но я теперь более уверен, что избежал их ловушек.

Однако великий судья сейчас же возвращается.

— Мы одни, — говорит он, — с вами теперь говорит не чиновник, а человек, который удивляется вашему мужеству и вашему благородству, который интересуется вами. Я даже признаюсь вам, что в глубине сердца разделяю ваши мнения и убеждения.

Калар. Я не знаю друзей в тюрьме; я не беседую в тюрьме; я не хочу отвечать. Оставьте меня!

— Они все же осудят меня, я это знаю, — говорит он, бросаясь на солому, — но я им докажу, что они меня убивают, и смерть моя не будет бесполезна для отечества!

Второй акт

Первая сцена. — Огромный трибунал, старый, мрачный, освещенный мерцающими свечами. Сто судей, которым предшествуют многочисленные ликторы, два обвиняемых в оковах и в черных балахонах, многочисленные солдаты, свидетели, зрители — появляются один за другим.

Скамьи судей находятся на возвышениях, скамья подсудимых, напротив, внизу.

Посредине видны бочки с порохом и фитиль. Судьи — все придворные сеньоры, все сановники короны, все те, кто должен был взлететь на воздух.

Их великолепные платья, мундиры солдат, разнообразие костюмов, большое число зрителей на сцене представляют импозантное зрелище.

Лже-Мигуф имеет нахальный вид. Калар бесстрашен и спокоен.

Великий судья допрашивает Мигуфа. Мигуф признает свое преступление, он признает его чудовищность. Он плачет и раскаивается; он бросается на колени и просит прощения у королевы, министров и сеньоров, которые будут его судить. Он восхваляет их. Он взывает к добродетели, чести, верности государю, даже религии. Он раздражается звонкими фразами против революционеров и анархистов, гибельные доктрины которых ввели его в заблуждение. Он, наконец, обвиняет Калара в том, что тот завлек его и доставил ему средства для совершения покушения. Не из мести и не из желания добиться своего помилования обвиняет он Калара, а единственно из повиновения своей совести, чтобы помочь правосудию и послужить государству, отпугивая заговорщиков примером своих угрызений совести, своих мук и разоблачений, направленных против своего сообщника по преступлению.

Раз десять судьи и зрители поощряют его знаками одобрения, возгласами «браво!» и аплодисментами.

Великий судья и председатель уголовного суда торжественно расхваливают его за то, что он так откровенно рассказал правду.

Следует допрос Калара. Все верят в его виновность или притворяются, что верят. Со всех сторон он встречает только злобу. Великий судья и председатель уголовного суда допрашивают его с грозным видом. Как будет он вести себя?

Прежде чем ответить, он начинает с отвода судьей.

— Вы — генералы аристократического лагеря, — говорит он, — а я солдат демократического лагеря. Именно вам грозили бочки с порохом. Вы мои враги, вы не можете быть моими судьями.

Но суд гневно приказывает ему отвечать.

— Я призываю небо в свидетели, что я неповинен. Мне больше нечего сказать. Докажите, что я виновен!

— Мигуф утверждает! — отвечает грубо великий судья.

— Мигуф... Он противоречит себе раз двадцать. Он признал, что ошибся и даже что солгал.

— Но сегодня он говорит правду! — восклицает председатель уголовного суда.

— Вы знаете, что Мигуф — иностранец, вор, поддельватель; это убийца, убивший восемь агентов государственной власти; это цареубийца, который хотел убить королеву и вас всех; это негодяй, преступник, чудовище, и вы выдвигаете против меня его показания!

Мигуф, бледный и дрожащий, готов, быть может, отказаться от своего показания. Но ропот, топот ног, крики, раздающиеся со всех сторон, свидетельствуют о раздражении судей против Калара.

Председатель уголовного суда, великий судья, другие сеньоры

забрасывают его возражениями, вопросами, упреками, угрозами, но, всегда невозмутимый и твердый, Калар горячо отвечает им всем.

— Отвечайте на обвинение Мигуфа! — говорит ему председатель уголовного суда, вскочив в бешенстве.

— Разве царевубийца не является чудовищем в ваших глазах? — отвечает Калар. — И вы хотите, чтобы я унился до ответа Мигуфу, царевубийце, чудовищу!

— Вас спрашивает правосудие, — говорит великий судья, — и вы оскорбляете правосудие.

— Правосудие! Это слово здесь оскверняется! Я вижу здесь только врагов и ни одного судьи.

— Закон приказывает вам отвечать, — кричит председатель уголовного суда.

— Нет, — отвечает Калар, — обвинитель тоже старается обмануть меня, чтобы погубить! Это отвратительно.

Затем заслушивают нескольких свидетелей со стороны обвинения.

Портье дома, в котором жил Калар, заявляет, что он много раз видел Мигуфа, посещающего Калара, и видел, как Калар передал ему письмо, которое могло скомпрометировать Калара.

Судьи открыто выражают свою радость и торжество.

— Что можете вы ответить на это уличающее вас показание? — говорит великий судья вызывающе.

— Мигуф приходил, правда (взрыв радости среди судей), и я убежден теперь, что он замыслил тогда какую-нибудь адскую махинацию против меня (ропот), но он никогда не говорил мне о заговоре. Он гнусный лжец. Я никогда не передавал ему письма, и свидетель тоже гнусный лжец. Это лжесвидетель.

Председатель уголовного суда. Все преступники говорят то же самое.

Калар. И невинные также!

Великий судья. Был ли свидетель вашим врагом?

Калар. Он относился ко мне с уважением (взрыв радости среди судей).

Сеньор. Что же могло побудить его стать лжесвидетелем?

Калар. Не знаю: быть может, его свидетельство куплено.

Председатель уголовного суда. Вы клеветаете на суд!

Калар. Я не давал письма, и это лжесвидетель.

— Хорошо, — говорит великий судья, — вы сейчас услышите ребенка, самую невинность и искренность.

Вводят дочь портье, ребенка двенадцати лет.

— Дитя мое, — говорит ей великий судья ласковым тоном, — вы видели, как Калар дал угольщику Мигуфу письмо, не правда ли?

Ребенок колеблется, бледнеет, краснеет. Его принуждают, ласкают, поощряют, угрожают.

— Ваш отец сказал это. Неужели ваш отец лжет?

Ребенок опять колеблется и плачет... Затем, снова принуждаемая, девочка говорит слабым голосом: «Да» (при этом слове судьи ликуют).

— Вы слышите ее! — кричит великий судья с торжеством. — Вы видите, с каким трудом эта невинность сказала правду, которая вас уличает!

— Я вижу, — отвечает Калар, — что терзают невинность, чтобы убить невинного! (сеньоры выпускают крики бешенства).

— Посмотрите хорошенько на обвиняемого, — говорит великий судья ребенку.

Девочка не осмеливается поднять глаза.

— Посмотрите на меня, бедное дитя, — говорит ей Калар голосом, который невозможно передать.

— Это он! — восклицает она, — да, это он!.. Но я не видела, что он дал письмо... (После этих слов или, вернее, крика она падает в страшных конвульсиях).

Удивление, смущение и возбуждение доходят до предела. Девочку выводят и на время прерывают заседание.

Девочка возвращается, на нее опять оказывают давление. Она отрицает.

— Но вы только что признали это здесь перед великим инквизитором. Значит вы лгали? Берегитесь!

— Меня обязали... мне сказали, что мое показание не может никому повредить.

— Но кто? Скажите!

Девочка склоняет голову и снова плачет, не отвечая.

— Мы не можем допустить такого скандала! — восклицает председатель уголовного суда. — Либо отец лжесвидетель, либо дочь! Мы требуем, чтобы заседание было прервано на полчаса и чтобы оба были изолированы без права сообщаться с кем-либо. Нужно, чтобы правда восторжествовала.

Вторая сцена. — Мрачная тюрьма, видны страшные орудия пытки.

Ребенок приходит в слезах... Почти сейчас же приходят председатель уголовного суда, великий судья, несколько сеньоров и даже герцогиня. Девочку ласкают, ей льстят, ее стараются запугать.

— Вы его видели, — говорят ей, — ведь это правда. Скажите правду... Ваш отец обесчещен, погиб. Галеры, быть может, смерть!.. Вы убиваете отца и мать, чтобы спасти негодяя, который будет все же осужден!

Является также мать, плачущая, кричащая, в отчаянии. Приводят отца в оковах. Все соединяют усилия, чтобы добиться признания.

Девочка, наконец, обещает сказать, что видела, как Калар вручил письмо Мигуфу, и все выходят, чтобы вернуться на заседание.

Третья сцена. — Суд заседает.

— Два свидетеля, — говорит великий судья, — запертые отдельно в двух различных комнатах, не имевшие возможности сноситься ни между собой, ни с другими какими-либо лицами, имели время подумать, и мы узнаем, наверное, правду.

Приводят отца и дочь; на всех лицах написано беспокойство.

— Продолжаете ли вы утверждать, что видели, как было передано

письмо? — спрашивают отца.

— Да.

— Ваша дочь видела также, как письмо было передано? Мы хотим знать только правду.

— Да (судьи ликуют).

— Ваш отец сказал правду, — говорит великий судья девочке, — следуйте ему, говорите правду. Видели ли вы, как было передано письмо?

Ребенок, все еще смущенный, опустив голову, плача, отвечает едва слышным голосом:

— Да.

— Не слышно, — восклицают некоторые судьи. — Что она ответила?

— Она ответила: «Да», — говорит великий судья (бурная радость на всех скамьях).

— Вы не судьи, — восклицает Калар, — а тигры, жаждущие крови!

Тогда председатель уголовного суда, великий судья, несколько судей сообща стараются одолеть Калара, противопоставляют ему заявление девочки как решающее, потому что оно подтверждает заявление отца и Мигуфа.

— Вы видели, — восклицает председатель уголовного суда, — борьбу девочки, она вас обвиняет!

— Нет, нет, нет! — восклицает девочка со своего места. — Я ничего не видела, я ничего не видела! — и падает без чувств (всеобщее изумление, на некоторых скамьях возбуждение).

Девочку поднимают, ее приводят на середину зала, осыпают вопросами. Но раздается пронзительный крик, и она опять падает. Она откусила себе язык.

Заседание прерывается среди невероятного переполоха.

После возобновления заседания и допроса других свидетелей председатель уголовного суда поддерживает обвинение. Он восхваляет раскаяние и искренность лже-Мигуфа, изображает его как жертву Калара, почти как героя и ангела. Он находит тысячи доказательств виновности Калара; противоречия! Мигуфа, его ложь, его наглость, его оскорбления против Калара — все является доказательством. Колебания, отказ от своих слов, несчастный случай с девочкой — также доказательства. Молчание Калара, его отрицание, его уверения в своей невиновности, его мужество тоже являются доказательствами.

— Это главный виновный, единственный виновный, преступник, от которого следует поскорее очистить землю!

Лже-Мигуф, уверенный, что жизнь ему будет сохранена, берет слово только для того, чтобы лицемерно потребовать для себя смерти во искупление своего преступления и уговорить народ отказаться от заговоров.

Но Калар, не сомневаясь в своем осуждении, протестует и заявляет, что он жертва какой-то адской махинации, которую он не может раскрыть.

— Вы убийца! — говорит он председателю уголовного суда. — Вы все

убийцы! — говорит он судьям.

Тщетно стараются заставить его замолчать, а солдаты — усадить его на место.

— Моя смерть давно решена! — восклицает он. — Аристократия хочет выдать тирании демократа и друга народа! Я умру мучеником (ему хотят заткнуть рот), но народ отомстит когда-нибудь за меня!

Солдаты уводят его, и суд удаляется на совещание.

Четвертая сцена. — Зал совещаний. Судьи сидят.

— Нет доказательств, — говорят одни. — Его обвинитель очевидно лжет; Мигуф к тому же гнусный преступник, которому нельзя верить. Калар не виновен... Мы опозорим себя... Это был бы мученик!

— Он виновен, — говорят другие. — Это преступник, анархист, революционер!

Тогда появляется Ликсдокс и закликает их принять во внимание государственную пользу, спасение королевы и дворянства, ежедневно подвергающихся нападкам демагогов. Необходимо вынести осуждение. А королевская милость сделает остальное.

— Виновен ли Калар? — спрашивает великий судья.

Почти все встают. И оба обвиняемые осуждены как убийцы.

Пятая сцена. — Лже-Мигуф находится в чистой, изящной и хорошо меблированной комнате, которая служит для него тюрьмой.

— Этот бедный Калар! — говорит он себе. — Но ведь он демократ!

Прибегает герцог и сообщает Мигуфу приговор. Он ищет Мигуфа, чтобы выпустить его на свободу. Вместо него в камере поместят преступника, который только что повесился, а судебная газета сообщит, что Мигуф удавился.

Шестая сцена. — Ужасная тюрьма Калара. Он в оковах... Он спит, истощенный усталостью. Тюремщик является, чтобы разбудить его и заковать покрепче.

Является палач и объявляет ему приговор. Через полчаса он будет колесован, четвертован и сожжен!

Калар посылает проклятия правосудию, обществу, аристократии и тирании.

Он представляет себе с ужасом отчаяние жены и дочери.

Он вспоминает их добродетели, их достоинства, свою любовь к ним, их любовь к нему... Он растроган этими воспоминаниями.

Мысль о казни заставляет его вздрогнуть. Но любовь к отечеству возвращает ему мужество.

Является министр королевы, который предлагает ему помилование, если он согласится возвести обвинение на другого вождя народной партии, который только что умер. Он отказывается с негодованием.

Является другой сеньор и предлагает ему только признать себя виновным. Он как будто раздумывает. С него снимают оковы. Но он снова отказывается.

— Просите только о помиловании! — кричат ему.

Тогда появляются жена и дочь, которые с криком бросаются в его объятия. Он горячо обнимает их.

Сеньор показывает им помилование, подписанное королевой и объясняет, что она ставит единственным условием, чтобы он сам просил помилования.

— Просить помилования, — восклицает он, — это значило бы признать себя виновным, а я невинен!

Жена его обнимает, дочь у ног его, протягивая к нему помилование, которое сеньор вложил ей в руки.

Он колеблется, он борется с собой. Думают уже, что он соглашается.

— О, отечество! — восклицает он, — какую жертву я приношу тебе сегодня!

— Колесован, четвертован, — говорит ему сеньор.

Жена и дочь испускают ужасный крик.

Он силой вырывается, отталкивает их обеих, падающих без чувств, и бросается вперед, чтобы идти на казнь.

Но он тотчас же возвращается назад, как вдохновленный, поднимает свою дочь и разражается слезами, прижимая ее страстно к сердцу.

Слышны только отрывочные слова:

— Свобода... Отечество... Народ... Тирания!

— Помилование! Просите помилования! — кричат ему все окружающие.

Но он снова бросается вперед и исчезает навсегда, оставив всех в слезах, в холодном поту, полных гнева против тирании и восхищенных его преданностью свободе.

Глава тридцать вторая. РЕВНОСТЬ И БЕЗУМИЕ. РАЗУМ И ПРЕДАННОСТЬ

Я не видел их два дня, и я должен уехать сегодня вечером (24 мая), покинуть ее навсегда, даже не сказав ей о том горе, которое она мне причинила!

Я напишу только Вальмору, чтобы сказать ему, что уезжаю на несколько дней. Буду его просить передать мои извинения семье и друзьям. Позже я снова напишу, чтобы извиниться, что уезжаю из Икарии, не поблагодарив их. Как жалели бы они меня, если бы знали о тех муках, которые я испытываю!

Я начал письмо, но кровь кипела в моих жилах, голова горела и готова была лопнуть; затем ледяной холод пробежал по всему моему телу, и меня охватила сильная дрожь; в глазах потемнело, перо выпало из рук и... я не помню, что было дальше.

Болезнь, бред, первое пробуждение.

Какой скверный сон! Какая долгая бессонница! Как ужасна ночь и хаос!.. Черные вихри, которые беспрестанно появляются и исчезают так быстро, что глаз не может за ними уследить!..

— Это вы, Евгений? Почему вы оставили меня на такое долгое время? Я видел Динаизу, которая плакала. Что с нею? Где она, Динаиза? Когда кончится мое путешествие? Мое тело все разбито. Но где я нахожусь!

— У верного друга, — ответил Евгений, мягко пожимая мне руку. — Отдохните еще немного, мой дорогой Вильям! Спите спокойно.

И этот голос, это нежное дружеское пожатие руки, казалось, вливали в мои жилы свежесть и жизнь.

Но сейчас же я снова впал в забытие.

Выздоровление

Я возвращаюсь к жизни. Добрый Евгений сказал мне, что я был нездоров, но скоро поправлюсь.

Я думал, что нахожусь в Англии, а я, оказывается, в одной из больниц Икары.

Но мне не разрешают еще говорить.

Он узнает, что произошло

Силы мои возвращаются, и Евгений, который с чрезвычайной осторожностью сообщал мне о случившемся, наконец, рассказал мне все.

В течение семи дней горячка держала меня на краю смерти. Я никого не узнавал, даже Евгения и Вальмора. Я видел не Динаизу, а Кориллу, которая плакала навзрыд. Врачи не опасаются теперь ничего; но нужны еще благоразумие и осторожность, если я хочу быть в состоянии скоро уехать.

Нескромность бреда

Осыпaeмый моими настойчивыми вопросами, Евгений признался, что я в бреду все время называл Динаизу, что Вальмор, который присутствовал раз при этом, был так потрясен этим, что внезапно ушел и больше не являлся. Но не проходило дня, чтобы Корилла несколько раз не справлялась о моем здоровье.

Славная Корилла! Бедный Вальмор! Лишь бы только Динаиза не знала о моей невольной нескромности! Но почему не приходит Динар?

Полное разоблачение

Мои волосы поседели, однако я чувствую себя так хорошо, что Евгений позволяет мне прочитать письмо Кориллы. Скорей!

Письмо Кориллы милорду

30 мая

«Наконец, мой дорогой Вильям, вы поправились! Если бы вы знали, сколько слез мне стоила ваша болезнь и как я счастлива теперь, когда вы выздоравливаете!

И, однако, я должна была бы, может быть, ненавидеть вас, несчастный! Сколько беспокойства причинили вы нам всем! Сколько горя вы вносите в две семьи, которые вас приняли с такой любовью! Сколько зла вы причиняете моему бедному брату! Сколько зла вы причинили госпоже Динаме, Динару, моей бедной подруге!..»

— Динаизе! — воскликнул я. — Что случилось с ней? Не скрывайте от меня ничего. Евгений, говорите, Евгений! Как поживает Динаиза?

— Лучше.

— Она была больна! Как? Почему? Скажите мне все, мой дорогой Евгений!

— Успокойтесь, я вам все скажу. Корилла и Динаиза были вместе, когда Динар сообщил им о вашей внезапной болезни. Динаиза не

проявила никакого волнения, тогда как Корилла была сильно взволнована. На другой день, когда Вальмор прибавил, что в вашем бреду вы часто произносит имя мисс Генриетты, Динаиза, точно пораженная молнией, упала в ужасных конвульсиях.

— Она любит меня!

И я сам упал в обморок.

— А где она? — воскликнул я, придя в себя.

— Она уже несколько дней находится у матери, но она была долго в больнице и была почти так же опасно больна, как и вы.

— Она меня любит... А Вальмор?

— Вальмор уехал на некоторое время и, надеюсь, скоро вернется. Но успокойтесь, дорогой Вильям, отдохните.

— Бедный Вальмор! Евгений, мы все же уедем! Но если бы вы знали, какой бальзам влила в мою кровь весть, что я любим!

После нескольких часов отдыха мы закончили чтение письма Кориллы.

Окончание письма Кориллы

«Сколько зла вы причинили госпоже Динаме, Динару, бедной подруге, покой которой навсегда исчез!

Мы все теперь очень несчастны, Вильям, и я, быть может, страдаю больше всех, ибо страдаю жестоко и из-за несправедливости, предметом которой являетесь вы. Одна из моих теток и муж ее обвиняют вас, что вы причина всех наших бед. Госпожа Динаме бывает иногда очень раздражена и упрекает меня, что я ввела вас в их семью, тогда как Динар едва осмеливается произнести несколько слов в вашу защиту, Вальмор возмущен вами. Ах! Сколько мужества и дружбы к вам нужно было мне иметь, чтобы самой не проклинать вас, когда я видела Динаизу почти при смерти, всех в слезах, а моего брата, моего горячо любимого брата почти безумным от отчаяния!

Но мое сердце никогда не обманывалось на ваш счет, я знала вас лучше, чем другие, и я была уверена, что вы несколько не виноваты, что мы можем жаловаться только на природу и случай.

Евгений (как вы должны любить его, этого славного Евгения!), Евгений, впрочем, все рассказал мне, все, и ваш друг нашел новые силы, чтобы защищать вас.

Я успокоила добрую госпожу Динаме. Динар скоро будет у вас. Я написала два-три письма бедному Вальмору и надеюсь, что моя нежность пробудит его разум. Моя тетка и дядя все еще упорствуют, но мы их скоро образумим.

Будем же надеяться, мой друг, но только не на счастье, ибо я боюсь, что мы уже не будем иметь его. Но будем надеяться, что мы поможем друг другу найти утешение в дружбе. Что касается меня, я буду сильна и мужественна, поскольку вы сохраните еще немного дружеских чувств к той, у кого их так много к вам.

Корилла.

P.S. Не знаю, будете ли вы упорствовать в своем намерении уехать, как только вы совершенно оправитесь. Возможно, что вы поступите

хорошо, но я прошу вас, Вильям, не уезжайте, не попрощавшись с нами. Во всяком случае, не прощайте!»

— Какой друг! — воскликнул я, обнимая Евгения. — Какой смертный был бы более счастлив, чем я, на земле, если бы друг Кориллы был еще супругом Динаизы. Но Вальмор! Бедный Вальмор... Мы уедем сейчас же, Евгений. И не попрощавшись.

Записка Кориллы

3 июня

«Евгений сказал мне, что вы умоляете меня рассказать вам все о Вальморе и Динаизе и что вы мне обещаете быть благоразумным и мужественным. Я уступаю и посылаю вам письмо несчастной, но будьте мужественны, Вильям! Вы мне обещали».

Письмо Динаизы Корилле

1 июня

«Ты, должно быть, очень устала, моя нежная подруга! Ты провела столько ночей без сна у моей постели. И я тебя еще утомляю моими письмами! Но когда я не вижу тебя, мне нужно писать тебе или читать твои письма, моя милая Корилла!

Как ты чувствуешь себя? Приходи скорее, чтобы я могла обнять тебя. Как я тебя люблю! Скажи мне, что ты придешь. Я хорошо спала, мне снились разные вещи. Я расскажу тебе мои сны. Я чувствую себя лучше, хорошо, очень хорошо. Это ты меня спасла одним словом, которое ты сказала мне на ухо.

Не приводи ко мне твою тетку. Я не хочу больше видеть ее. Разве это моя вина, что я не могла справиться с моим сердцем? Мне говорят о достоинствах, талантах, добродетелях Вальмора. Но никто не знает лучше и не ценит больше его души; никто не ценит и не уважает его так, как я; никто даже не находит более привлекательными его характер и его манеры. Я любила его, твоего брата! Я думала это, по крайней мере, и я даже люблю его еще настолько, насколько я люблю тебя, насколько ты любишь его сама. Я вышла бы за него замуж. Я думала, что могу составить его счастье. Я была бы счастлива быть его женой, и я не подозревала, что другой может внушить мне другие чувства.

Но явился Вильям, и с этого момента все мое существо перевернулось. Почему? Я ничего не знаю, ибо я уже любила Вальмора, моего друга детства, брата моей возлюбленной, тогда как Вильям был иностранцем, которого я никогда не видела и к которому я была так же равнодушна, как и он ко мне.

Он никогда не говорил мне, что любит меня; он никогда не давал мне понять это. Я этого не знала. Я думала даже, что я для него ничто. И, однако, я испытывала при нем смущение, какого я ранее не испытывала. Когда я сравнивала его с Вальмором, разум мой приводил меня к твоему брату. Но какая-то непреодолимая сила толкала и влекла меня к твоему другу.

Ты тоже любила его, Корилла, и вместе с тем любила своего брата!.. Вальмор тоже любил его, вы все его любили, даже мать моя и брат мой...

Бедная мать, как она неутешна из-за Вальмора! Как я страдаю из-за нее! Пожалей меня, Корилла! Ибо сердце мое изранено и обливается кровью, когда я вижу слезы матери... Несчастливая женщина, она не решается упрекать меня! Однако сегодня утром после твоего ухода она почти жаловалась, что я скрыла от нее свою любовь... Но ты хорошо знаешь, Корилла, я сама не знала этого, и ты не знала вместе со мной. Первый раз, когда я его увидела на пароходе с твоим братом, я спряталась совершенно машинально, как будто тайное предчувствие меня предупреждало, что это враг, который приближается, чтобы заковать меня в цепи. С тех пор, ты это видела, я его почти всегда избегала. Ты упрекала меня за мою дикость и робость, и без того удара, который мне нанесла ревность (и я краснею, когда думаю об этом), я, вероятно, и теперь не знала бы, что люблю его.

Он тоже любил меня, не зная и не желая этого. Он хотел уехать, не сказав мне о своей любви, не зная моих чувств. Он приносил себя в Жертву для меня; он приносил в жертву меня ради Вальмора и ради чести. Только горячечный бред и близкая смерть открыли вам нашу любовь. И твоя тетка, которая, быть может, никогда не любила, обвиняет нас вместо того, чтобы жалеть! Ах, эта несправедливость заставляет молчать мою природную робость и дает мне смелость и мужество. Я чувствую в себе теперь пламенную душу, энергию, способную бороться с несчастьем. Да, я люблю его! Да, я счастлива, зная, что я любима! Да, уедет ли он или останется, я всегда буду любить его! Я могла бы умереть от горя, но ни твоя тетка, ни кто-либо другой не может отнять у меня мою любовь к нему, так же как мою дружбу к тебе.

Но Вальмор, славный Вальмор, бедный Вальмор! Я говорила тебе и повторяю: я люблю его больше, чем когда-либо! Ты не думай поэтому, что я могла бы быть счастлива его несчастьем, нет, мой друг, я клянусь тебе, как и ему, я никогда не доставлю ему горя видеть меня женой другого. Именно я, слабое и жалкое создание, хочу дать ему пример и покажу, что можно искать счастья в чистой и святой дружбе. Тогда я смогу любить их обоих, любить вас всех и еще нежно любить мою Кориллу всей силой своей души.

Динаиза».

Я не буду даже пытаться передать те чувства, которые возбудило во мне чтение этого письма: нет, я не нахожу слов, которые могли бы дать представление о моем волнении, смущении, восхищении, счастье, сладких слезах...

Я не мог бы также выразить то удовольствие и те восторги, которые вызваны были чтением следующих писем... Я не знаю даже, как все эти волнения не убили меня.

Вторая записка Кориллы

6 июня

«Хорошее известие, мой дорогой Вильям! Вальмор возвращается. Я посылаю вам все его письма и одно из тех, что я ему писала. Но будьте благоразумны»

Первое письмо Вальмора Корилле

Мола, 24 мая

«Успокой нашу мать, моя дорогая сестра! Я прошу у нее прощения за беспокойство, которое причиняю ей.

Я сделал двести лье в двадцать часов, пешком, на лошади, в экипаже, по железной дороге, на пароходе, даже на воздушном шаре. Я совершенно истощен, разбит, надломлен, и голова моя еще больше устала, чем тело. Но я доволен, что искал спокойствия в усталости. Я забылся...

Завтра я напишу тебе. Пиши мне сейчас же, до востребования, в Вальдиру».

Второе письмо Вальмора Корилле

Мола, 25 мая

«Ах, как хорошо, что я бежал! Я не узнавал себя больше. Я мог бы натворить бед.

Да, моя сестра, у меня было страшное помышление убить его, убить ее и после покончить с собой. И даже несколько часов спустя, когда я уже был в деревне, я был еще (мне стыдно сказать тебе это) во власти самого ужасного искушения.

Но скажи сама, моя дорогая сестра, видели ли еще когда-нибудь несчастье, равное моему? Я принимаю его, я осыпаю его знаками дружбы, я обращаюсь с ним, как с братом, я доверяю ему свою любовь, и он крадет у меня мое счастье!

Я был почти уже излечен, и он раскрывает все мои раны.

Как только я узнал, что он болен, я бегу к нему, отказавшись от сна и отдыха, и только для того, чтобы слышать, как он неустанно повторяет, что он мой наглый соперник!

И когда я забываю о своих страданиях, чтобы думать только о том, что касается неблагодарной, она сама сообщает мне, что предпочитает мне предателя!

Бесчувственная к десяти годам любви, не верная дружбе детства, нарушившая свои обещания, она отвергает мои предложения под лицемерным предлогом, что дала обет никогда не выходить замуж, и через несколько дней вероломная бросается на шею первому иностранцу, с которым знакомится.

Они любят друг друга, Корилла! Они умерли бы друг за друга. Они будут счастливы и будут торжествовать. Они смогут смеяться над моим легковерием, над моим доверием, моими пытками!

Нет, нет, я буду несчастен не один! Я возвращаюсь в Икару... Они меня скоро увидят!..

P.S. Я открываю свое письмо. Нет, моя сестра, я не возвращаюсь еще. Я был безумен! К счастью, у меня еще сохранилось достаточно рассудка, чтобы продолжать свой путь».

Ответ Кориллы Вальмору

Икара, 26 мая

«Твое письмо, мой дорогой брат, заставило нас, меня и мать, пролить много слез. Как я жалею тебя, мой бедный Вальмор! Как ты несчастен! Они были бы оба виновны, если бы заслуживали твоих

упреков, и я ненавидела бы их, я, питавшая к ним такую дружбу!

Но, друг мой, разве внешность не обманчива зачастую? А если ты ошибся! Если они невиновны! Если Вильям никогда не предавал тебя! Если Динаиза... Ты, может быть, больше не увидишь ее, мою бедную Динаизу! Ни Вильяма, который сегодня утром был при смерти!

Евгений все нам рассказал — маме, бабушке и мне. Выслушай меня хорошенько, брат мой!

За три дня до кризиса Вильям еще сам не знал своих чувств к Динаизе; это Евгений разгадал его чувство и сказал ему об этом.

Вильям, думая только о тебе и о горе, которое он мог причинить тебе, принял тотчас же решение покинуть Икарию, ничего не говоря Динаизе, не зная даже ее чувств и не попрощавшись с ней. Он должен был через три дня уехать с Евгением, который хотел проводить его до границы. Но за несколько часов до назначенного времени горячка помешала ему уехать, и ты знаешь остальное.

Так вот, мой дорогой Вальмор, ты, голова которого обыкновенно так превосходно работает и сердце которого так благородно, скажи мне, как можем мы назвать бедного Вильяма вероломным и предателем? Не является ли он, напротив, верным, благородным и преданным другом?

Ты можешь упрекнуть его только в том, что он не мог безнаказанно видеть Динаизу. Но подумай, мой друг, разве это не несчастье, первой жертвой которого он является сам? И разве не все мы являемся причиной, в первую очередь, ты, который все время говорил ему о совершенствах предмета твоей любви, моя мать и я, которые часто расхваливали ему достоинства Динаизы и сделали его свидетелем нашей дружбы к ней? Да, мой дорогой друг, обвиняй твою мать и в особенности твою сестру, ибо именно они (они, которые отдали бы свою жизнь за тебя) познакомили так хорошо Вильяма с Динаизой и подвергли его опасности стать навсегда несчастным.

Что касается несчастной Динаизы, которую мы все так нежно любим, — ты это слишком хорошо знаешь, мой брат, — то ничто не сделало бы нас столь счастливыми, как ее любовь к тебе, и ничто не могло меня так огорчить, как невозможность назвать ее своей сестрой. Я ненавидела бы ее, если бы она была неблагодарной, вероломной, неверной! Но, верь твоей Корилле, я убеждена, что она сама себя не знала, она жертва какого-то рока; я уверена, что она питает к тебе самую искреннюю и самую нежную привязанность. С тех пор как она больна, я не могла расспрашивать ее, но я знаю ее достаточно хорошо, чтобы решиться сказать, что она никогда не выйдет замуж за Вильяма. Бедная девушка, она тоже может обвинять нас, что мы разрушили ее покой и счастье! Пожалей же ее, мой брат, мой добрый брат! Я только женщина, но я твой друг, и если голос дружбы недостаточно силен в тебе, то посоветуйся с собственным разумом: вспомни твои думы, твоё мужество, твоё решение победить себя, твои клятвы г-ну Ми-ролю, твою борьбу и твою победу. Твоё благоразумие вылечило тебя, и обнаружение факта, который тебя не касается, растравило все твои раны. Тебя вводит в заблуждение твоя ревность. И эта страсть вульгарных душ завладеет Вальмором! Нет, мой

брат, нет. Ты обязан всем нам показать пример мужества, справедливости, доброты и добродетели. Ты обязан нам его показать — и ты его покажешь! Но не забудь, что сестра твоя не будет спать, пока не получит ответа от своего возлюбленного брата.

Корилла».

Третье письмо Вальмора

Вальдира, 29 мая

«Я получил твое письмо от 28-го. Он умирает! Она в опасности! Он хотел уехать из-за меня, не говоря ей, что ее любит. Правда ли это? Ах, Корилла, сестра моя! Беги скорее к Вильяму! Нет, беги к Динаизе! Беги!

Пиши мне, пиши».

Письмо Кориллы Вальмору

Икара, 2 июня

[Это письмо, упоминаемое в следующем письме, содержало копию письма Динаизы, сообщенного выше.]

Четвертое письмо Вальмора

«Радуйся, дорогая Корилла! Ибо ты доставила мне величайшую радость, сообщив мне, что оба они вне опасности. Я получил твое письмо от 2-го числа и копию письма Динаизы.

Как! Вильям хочет непременно уехать, и Динаиза приносит мне в жертву свою любовь! Как я ничтожен в сравнении с ними!

Моя голова слишком пылает, чтобы я мог тебе сейчас же ответить. Мне нужно теперь ходить, бегать на свежем воздухе. Я скоро напишу тебе... Ты будешь довольна».

Пятое письмо Вальмора

Вальдира, 4 июня

«Я отомщу, Корилла! Я отомщу себе!

Я перечитал твои письма и письмо Динаизы. Я их перечитывал раз десять, я осыпал их поцелуями!

Как я слаб и безрассуден, несправедлив и безумен, труслив и жесток. Но я отомщу.

Да, это ревность, смейся, глупая, жестокая ревность, которая меня запутала и совратила. Но я отомщу!

О, добрая сестра моя, как я тебе благодарен, как я горжусь тем, что я твой брат! С каким удовольствием я заключу тебя в свои братские объятия! Обними Вильяма! Прижми Динаизу к твоему сердцу!

Я хочу вернуть им жертвы, которые они принесли мне. Я хочу, я решил это, видеть мое счастье в их счастье.

Пусть они любят друг друга, сохраняя свою дружбу ко мне!

Мне придется, быть может, бороться, делать еще усилия, переносить горе, мне нужно будет еще время, и я не вернусь к вам сейчас же, но я хочу победить или умереть, и я надеюсь победить.

О, если бы я мог вернуть вам всем счастье, чтобы искупить, поскольку возможно, зло, которое я всем невольно причинил! Но в одном я уверен, моя прекрасная и добрая Корилла: что брат твой будет всегда любить тебя очень нежно».

Выздоровление

Через семь дней, 11 июня, за два дня до празднеств, Вальмор вернулся домой. Динаиза вполне оправилась, а я был уже так близок к выздоровлению, что возвращение Вальмора совершенно вернуло мне силы. Он обнял нас всех с такой нежностью и горячностью, что мы начали, после этих страшных двух недель, наслаждаться счастьем, которое мы все считали навсегда потерянным.

Однако Динаиза упорно оставалась при своем обете никогда не выходить замуж, я хотел непременно уехать, и именно Вальмор упрасивал нас обоих отказаться от нашего решения.

Не будучи сначала в состоянии убедить нас, он заявил, что хочет этого, просит нас, требует, приказывает и сумеет нас заставить сделать это, а так как мы много смеялись над его новым безумием, которое сменило прежнее, то он прибавил с торжествующим видом:

А если я женюсь сам — даже раньше чем через месяц, уверенный в том, что женюсь на женщине, которая сделает меня счастливым, и уверенный в особенности, что сделаю счастливой супругу, которая доверит мне свое счастье?.. Если я женюсь на Алаэ, кузине Динаизы, которая меня всегда очень любила; к ней я всегда питал большую дружбу... [Вообразите наше удивление!]

— Так вот, — продолжал он, — все улажено. Прежде чем вернуться, я провел четыре дня у дедушки Динаизы. Я ему все рассказал. Алаэ, которая хорошо знает мои чувства, не отвергла моего предложения; обе наши семьи согласны, и через два месяца мы устроим в один день три свадьбы.

И теперь, когда я облегчил свое сердце, прошу вас, молчите!

Корилла подала сигнал, бросившись к нему на шею; мы обняли его с неопишуемым восторгом и начали новую эру счастья вместе с празднествами в честь годовщины новой эры счастья Икарии.

Глава тридцать третья. ПРЕЛЮДИЯ К ЮБИЛЕЙНЫМ ПРАЗДНЕСТВАМ.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ШКОЛЬНИКА, РАБОЧЕГО, ГРАЖДАНИНА

Завтра годовщина икарийского возрождения. Празднование открывается тремя актами огромного, общенародного значения.

Так как год начинается 13 июня, в день восстания народа, то к этому дню приурочиваются рождение школьное для всех детей, которым исполнилось пять лет, рождение рабочего — для всех юношей восемнадцати лет и девушек семнадцати и рождение гражданское — для всех мужчин двадцати одного года.

Уже утром в этот день на великолепных афишах был опубликован в каждой коммуне список новых школьников, т.е. всех детей пяти лет.

Равным образом был опубликован список всех новых рабочих, т.е. всех юношей восемнадцати лет и всех девушек семнадцати лет различных профессий, избранных ими на конкурсах, происходивших в последние дни.

Сегодня вечером будет опубликован список всех новых граждан, которые в течение дня будут признаны достигшими гражданского

совершеннолетия. Эта последняя церемония настолько интересна, что Вальмор хотел повести нас туда вместе с Евгением, который отныне стал нашим неразлучным спутником.

Принятие в граждане

Мы все трое пришли в коммунальный дворец как раз к началу заседания.

— В кресле сидит, — сказал нам Вальмор, — президент народного собрания коммуны. С правой стороны его сидит президент коммунальной исполнительной комиссии, с левой стороны — священник. А вокруг них разместились главные должностные лица.

Красивые юноши, стоящие за первой оградой, — это все молодые люди коммуны, которым исполнился двадцать один год. Их будут принимать в граждане.

Мужчины всех возрастов, которых вы видите за ними, — это их восприемники, т.е. друзья их семей, которые представляют их обществу (ибо здесь наше настоящее социальное рождение) и будут служить им советниками и друзьями в течение всей их жизни.

Верхние скамьи заняты всеми молодыми людьми коммуны, которым исполнилось уже двадцать лет. Они обязаны присутствовать при этой церемонии и в течение года прилежно посещать народные собрания, чтобы закончить свое гражданское воспитание. В следующем году они будут объявлены гражданами, и их допустят к пользованию всеми гражданскими правами.

Другие зрители, как и мы, — только простые любопытные, которых живо интересует эта церемония.

Когда музыка умолкла (в Икарии слушаешь восхитительную музыку во всех общественных местах, как в других странах в церквах), президент открыл заседание и дал слово одному из должностных лиц, который произнес небольшую речь о значении этой гражданской церемонии. Затем секретарь начал вызывать молодых граждан и их восприемников.

Президент и члены бюро задали пятнадцати или двадцати юношам, на которых пал жребий, вопросы о конституции и о правах и обязанностях гражданина. Нечего говорить, что все отвечали с уверенностью и достоинством.

Президент прочитал им гражданскую присягу (преданность отечеству, повиновение законам, исполнение всех обязанностей и братство со всеми согражданами) и объяснил им значение этой присяги, которую республика требует от каждого гражданина только один раз, каковы бы ни были функции, какие ему будут доверены впоследствии. Все принесли ее вместе, стоя и протянув обе руки.

Тогда президент от имени республики провозгласил их гражданами, членами суверенного народа, с активным и пассивным избирательным правом. Он распорядился, чтобы имена их были внесены в списки членов народного собрания и национальной гвардии.

Он приказал также, чтобы им было выдано платье полноправного гражданина, и сам передал знаки гражданства их восприемникам,

которые при звуках патриотической музыки пристегнули их к груди своих молодых друзей.

Президент закончил эту величественную церемонию кратким словом о любви, которую все икарійцы должны питать к своей республике.

Около миллиона новых граждан родилось таким образом в один и тот же час в шестидесяти коммунах Икары и в тысяче коммун Икарии!

А между тем все уже усердно готовятся к великой годовщине революции, завтрашнее празднество которой должно быть представлением, точно восстанавливающим революцию. Организуются две армии, которые должны изобразить историческую драму. Одна из них будет представлять королевскую гвардию, другая — восставший народ. Роты, маленькие отряды, банды, патрули готовятся и получают пароли. Посты и роли распределены: одни будут изображать Икара и его генералов, другие — Ликсдокса и Клорамиду.

Материалы для баррикад собраны на площади Восстания, расположенной около большого колокола, который ударил в набат утром 13 июня 1782 года и один только сохранился в Икаре. Дощатое здание, изображающее бывший дворец королевы, возвышается на одной из краин большой площади Победы.

Все готово: и солнце, великолепное при закате, обещает быть великолепным и завтра, чтобы закончить целиком репетицию двух блестящих и славных дней.

Годовщина революции

Первый день: восстание, сражение, победа

Воздух чист. Солнце, еще ярче сияющее, чем вчера, кажется богом, который желает осветить освобождение великого народа.

С пяти часов я слышу набат, затем возгласы и барабанный бой.

Я бегу вместе с Евгением, чтобы зайти за Вальмором и Динаром, как мы сговорились, и вчетвером мы устремляемся на звуки набата.

Едва мы вышли, как встретили многочисленные отряды молодых людей, поющих гимны борьбе и свободе и расклеивающих призывающую к восстанию прокламацию Икара. Они бегут, размахивая маленькими знаменами и взывая: «К оружию, к оружию, граждане!»

Скоро мы замечаем огромное черное знамя, развевающееся на высокой башне, где набат усиливает свой торжественный гул.

Затем мы видим граждан, сбегających и толпящихся вокруг прокламаций. Этим прокламаций тысячи, они писаны рукой и все различны, ибо каждый составляет прокламацию на свой лад.

Патрули королевской гвардии берут в штыки или стреляют и разгоняют сборища.

Отряды граждан несут трупы, с возгласами: «Мсть! К оружию!»

Но войсковые части сопротивляются. Выстрелами отвечают на выстрелы, всюду строят баррикады из веревок, цепей, жердей и повозок; стреляют с обеих сторон.

Мы принуждены отступить, чтобы пройти по другим улицам.

Затем следует пальба взводами и батальонами, потом пушечная, и мы слышим во всех направлениях ружейные и пушечные выстрелы,

смешавшиеся с набатом, барабанным боем, криками: «К оружию! На площадь Восстания!»

Все эти новые для меня картины меня сильно волновали и в то же время нравились мне, а Евгений был так возбужден, что казался безумным.

— Бежим, бежим! — повторял он все время. — Мне все кажется, что это 27 июля!

Продолжая свой путь, мы встречаем группы бегущих повстанцев или солдат.

Мы встречаем также группы пленников: то граждан, уводимых гвардейцами, то обезоруженных королевских гвардейцев, уводимых вооруженными гражданами.

Несколько раз нас задерживают то повстанцы, которые хотят нас увлечь с собой, то солдаты, которые захватывают нас в плен. Но нам удается уйти.

Вместе с толпою мы приходим к площади Восстания. Мы устраиваемся на уступах, окружающих арену и усеянных любопытными, ибо треть населения состоит из зрителей, а другая треть выступает в качестве актеров в этой величественной драме.

Много инсургентов находится уже на арене, где видны мундиры буржуазной гвардии и ораторы, обращающиеся с речами к окружающим.

Все время прибывают граждане, женщины, дети в одежда рабочего или буржуа, которые тащат всякого рода оружие и инструменты.

Икар верхом находится в самой гуще повстанцев; он их организует и призывает всех к бою.

Динар обращает мое внимание на одного из адъютантов Икара, лучше одетого, чем он. Он находится рядом с Икаром и, кажется, уже ранен. Я узнаю деда Вальмора.

И все время набат, барабаны, трубы, ружейные и пушечные выстрелы.

Вскоре пушечная и ружейная пальба становится слышнее. Восставшие, схватившиеся с королевской гвардией, но обращенные в бегство, сбегаются со всех сторон. Воздвигаются баррикады, чтобы остановить солдат.

Первая баррикада подвергается стремительной атаке, ее упорно защищают, но она взята, вторая также, третья становится на наших глазах местом героического боя. Пушки грохочут. Мальчик воздвигает на баррикаде знамя, долго выдерживает огонь и падает, пронзенный пулями.

Солдаты испускают победные крики и хотят подняться на баррикаду, но бой набата усиливается по мере нарастания опасности. Гром труб и барабанов воодушевляет сражающихся. Икар бросается вперед, увлекая за собой сосредоточенные на площади отряды. Все бросаются вперед с пением «Гимна борьбы», и натиск гвардии отражен. Огонь становится ужасным перед первой баррикадой, занятой солдатами, но она взята обратно. Крики, трубы, затихающая пальба возвещают, что победившие повстанцы преследуют королевскую гвардию со стороны площади

Победы.

Но грохот затихает. Слышны только отдельные выстрелы. Площадь Восстания очищается, и с наступлением жары все возвращаются домой.

После трех часов мы опять идем все вместе — Динаиза, Корилла и обе семьи, — чтобы направиться к площади Победы.

Все население также направляется туда — одни как актеры, другие как зрители, все в полном порядке, так как путь и место каждого квартала указаны в программе, и каждый знает, что будет иметь хорошее место, откуда он сможет все видеть.

Ни жандармов, ни шпионов — только комиссары торжества, выбранные в каждом квартале, всеми уважаемые и сами относящиеся ко всем с уважением.

Большая площадь неизмеримо велика, гораздо больше, чем Марсово поле⁴³ в Париже. Почва совершенно ровная, покрытая цементом, который поливают, как что нет ни грязи, ни пыли.

Кругом, на высоте десяти футов, устроены чистые и удобные террасы, возвышающиеся кругом в виде амфитеатра. На них может разместиться свыше миллиона зрителей, укрывающихся под легким навесом, поддерживаемым небольшими колоннами.

Население каждого из шестидесяти кварталов Икары, провинциалы, колонисты, иностранцы, их послы, различные должностные лица имеют свои отдельные места и свои знамена различных цветов.

Тысячи знамен, развевающихся на тысячах палаток, множество зрителей и разнообразие костюмов представляют величественное зрелище.

Но на площади другое великолепное зрелище: она наполнена королевскими войсками в красных, зеленых, желтых, черных мундирах, пехотой, кавалерией, артиллерией; дворец королевы, расположенный у одного из выходов, переполнен и окружен пушками и солдатами.

Скоро опять гремит набат, ружейная и пушечная пальба разгорается и приближается, и от пятисот до шестисот тысяч зрителей заполняют скамьи амфитеатра, когда, около четырех часов, бой снова разгорается на наших глазах

Мы видим, как королевская армия маневрирует, чтобы начать сражение. Клорамида, Ликсдокс и двор в великолепных нарядах, гарцующие на превосходных лошадях, производят смотр армии и употребляют все усилия, чтобы добиться нескольких приветствий.

Пушечная и ружейная пальба, все более приближаясь, возвещает, что королевская гвардия отступает.

Набат, трубы и барабаны, призывающие к наступлению, усиливающаяся ружейная стрельба со стороны инсургентов и их крики указывают, что они приближаются.

Вот показался королевский авангард, бегущий в беспорядке. Все смешалось: солдаты, лошади, пушки.

Несколько пушек защищают вход и непрерывно стреляют. Но дети, прокравшись через колонны портиков или добравшись ползком через поле, захватывают батарею, которую граждане тотчас же направляют

против армии, в то время как некоторые народные кавалеристы захватывают другую, соседнюю батарею, на которую лошади их бросились с быстротою молнии.

Солдаты тоже складывают баррикаду. Но инсургенты сбегаются массами, одни в рабочих и буржуазных платьях и с оружием всякого рода, другие полуодетые. Начинается атака баррикады. Ожесточенная ружейная пальба поддерживается пушкой, захваченной инсургентами. Молодая девушка взбирается на баррикаду и первая появляется на ее вершине, размахивая знаменем, а рядом с ней молодой человек в военном мундире.

Бесчисленные крики приветствуют их появление, и баррикада взята.

Резервная масса королевской армии приходит тогда в движение и бросается на нападающих. Обе армии находятся теперь друг против друга: одна, состоящая из масс, другая — из небольших отрядов, среди которых можно видеть Икара, на лошади, окруженного адъютантами, и среди последних деда Вальмора.

Ружейная и пушечная стрельба возобновляется с обеих сторон, но несколько полков пехоты и кавалерии опускают свои ружья и сабли, склоняют свои знамена и переходят на сторону граждан с возгласами: «Да здравствует народ!» Зрители аплодируют и кричат «браво!», а инсургенты отвечают возгласом: «Долой тиранию! Да здравствует армия!»

Испуганная этой потерей и криками, королевская гвардия, и в особенности иностранная, возвращается во дворец или бежит, скрываясь за ним.

Икар, продвигающийся вперед во главе своих, падает с лошади, повидимому, раненный пулей, но он скоро снова появляется, и его ранение еще больше воспламеняет народный пыл.

Тогда начинаются атака на дворец, штурм и приступ, причем осаждающие проявляют чудеса военной изворотливости и техники.

Наконец, после ужасающего ружейного и пушечного обстрела дворец взят.

Звуки ста труб, которые рассекают воздух с высоты дворцовой террасы, возвещают что трон королевы уничтожен.

Видны только красные мундиры или придворные костюмы, выбрасываемые из окон победителями, и королевское знамя падает при аплодисментах зрителей.

Вскоре за тем королеву, арестованную собственными телохранителями, приводят под шум радостных возгласов. Гнусного Ликсдокса, которого только что видели в расшитом золотом одеянии и теперь нашли спрятавшимся в угольном сарае, приводят одетым в платье кухарки, под гул грозных криков и проклятий.

Тем временем во дворце вспыхивает пожар. Клубы дыма и пламени вырываются через окна во всех направлениях, запасы пороха взрываются, колонны трещат и рушатся с треском, — и все это в сиянии ослепляющего света.

Внезапно тысячи труб оглашают воздух, затем сотни барабанов и не

знаю уже сколько оркестров, составленных из тысяч инструментов, и к девяти часам королевская власть погребена под пеплом дворца, при звуках песен победы, которые поются хором, составленным из пятидесяти тысяч победителей-инсургентов, и повторяются восьмьюстами тысячами свидетелей их боя и торжества.

И все население, сопровождаемое многочисленными отрядами барабанщиков, трубачей и музыкантов, направляющихся во все кварталы, возвращается, распевая гимны свободе и отечеству.

Я не рискну описать взрывы энтузиазма и восхищения, которые вызвал этот первый день.

Второй день: погребение, почести мученикам старого режима, героям и последним жертвам

С утра большой колокол, пушечные выстрелы, раздающиеся с большими промежутками во всех кварталах города, похоронный барабанный бой, раздающийся по всем улицам в одно и то же время, возвещают большую похоронную церемонию.

Все граждане, женщины и дети надевают свои траурные платья: национальное знамя всюду покрыто черным крепом.

Всюду читают или произносят хвалебные речи в честь мучеников старого режима и последних жертв, и все граждане приглашаются составлять надгробные речи.

После пяти часов шестьдесят похоронных процессий, каждая из четырех или пяти тысяч лиц, выходят из шестидесяти кварталов Икары, в то время как семьсот или восемьсот тысяч зрителей покрывают террасы большой арены.

В каждой процессии можно видеть барабанщиков, несколько оркестров музыки, группу молодых девушек, несущих корзины с цветами, группу юношей, несущих венки и гирлянды, три группы, представляющие раненых граждан, бойцов, несущих свое оружие, и тех, кто отличился каким-нибудь актом героизма, а также белых коней, покрытых черными попонами, колесницы, везущие раненых, другие колесницы с гробами, третьи — везущие жен и детей убитых, а также можно видеть коммунальных должностных лиц и батальоны национальной гвардии, пешие и конные.

Посреди площади — огромный костер, окруженный сотней алтарей, на которых возжены курения. Над костром под венками иммортелей вспыхивают имена известных борцов, павших жертвой в закончившихся боях. Кругом, но несколько ниже, появляются имена героев, а затем имена ста мучеников старого режима. Эти три категории отличаются одна от другой различными цветами.

В шесть часов колокол и пушки возвещают прибытие первой процессии.

Она входит на арену — кони и колесницы впереди — и останавливается около костра. Пока туда переносят гробы, раздается барабанный бой, музыка играет похоронный марш, молодые девушки бросают цветы, юноши кладут венки, а национальная гвардия опускает свое оружие и знамена. Затем процессия возобновляет свое шествие,

возвращается обратно, проходя бок-о-бок с той, которая следует непосредственно за нею, останавливается у входа, через который она вошла, фронтом к костру, — молодые девушки во главе, потом юноши, барабанщики, музыканты, национальная гвардия, кони, наконец, колесницы, прислоненные к уступам амфитеатра.

Раненые, стоящие на ногах, герои и бойцы садятся на первых уступах, а должностные лица — на свои места.

Шестьдесят процессий дефилируют таким образом одна за другой без перерыва, как одна огромная процессия.

Затем появляется раненый Икар верхом, вслед за ним Национальное представительство в парадных черных костюмах, и все они располагаются вокруг гробов.

До сих пор движение процессий и их различная расстановка представляли такое же оживленное, как и величественное, зрелище.

Теперь, к восьми часам, когда все процессии заняли свои места, площадь являет собою великолепную картину. Мы видим: в центре — костер; вокруг — сто алтарей; вверху — сотни венков и надписей, свисающих среди возносящихся курений; вокруг алтарей — широкий круг Национального представительства; затем в одном плане — шестьдесят радиусов, образуемых шестидесятью процессиями, и в другом — множество различных кругов: сперва широкий круг молодых девушек в белом, затем широкий круг юношей в черном, круг барабанщиков и музыкантов, два круга национальных гвардейцев, пехотинцев и кавалеристов в мундирах, два круга белых и черных лошадей, круг свободных колесниц, круг колесниц, занятых вдовами и сиротами, а над ними уступы, заполненные ранеными, героями и бойцами; затем двенадцать смешанных кругов и еще выше — вершина из тысячи палаток, украшенных тысячами знамен! И каждый видит все, будучи видим всеми! Каждый в одно и то же время зритель и действующее лицо.

Тогда начинаются похоронные почести. По данному сигналу раздаются последовательно похоронный звон большого колокола, торжественный бой всех барабанов и звуки шестидесяти оркестров. Фимиам воскуривается снова и более обильно, Икар и Национальное представительство бросают венки мученикам, героям, жертвам, затем они восходят на свои места на террасах, в то время как все другие круги приближаются к костру.

Какая волшебная гармония напевов! Круг молодых девушек поет, бросая цветы в костер, первый куплет гимна во славу жертв, героев и мучеников, а юноши вместе с ними поют припев; круг юношей поет, бросая венки, второй куплет, а девушки вместе с ними поют припев; национальная гвардия поет, опуская оружие и знамена, третий куплет, а юноши и девушки вместе с ними повторяют припев; и все вместе поют четвертый куплет, и шестьсот тысяч зрителей повторяют с ними припев.

Затем при звуках ста труб появляется, на высоте пятидесяти футов над костром, ослепительный свет и следующие слова огненными буквами: «Отечество берет на себя заботу об их детях и женах».

В это самое время появляется шестьдесят ярких звезд на

шестидесяти группах колесниц, на которых сидят вдовы и сироты. Затем, при новом раскате ста труб, Национальное представительство, приезжие из провинций, колонисты, народ и должностные лица поднимаются все вместе, чтобы утвердить обязательство, взятое на себя отечеством.

Тогда исчезает первая надпись, и появляется на ее месте другая: «Слава героям» И шестьдесят звезд загораются над их головами; и все зрители вновь встают при звуках пения и музыки.

Затем следуют другие звезды и новые приветствия с надписями: «Честь раненым! Честь борцам!»

Затем, при звуках колокола, пушек, барабанов, музыки и пения, костер воспламеняется и становится центром огромного и великолепного пожара, пламя которого, то красное, то фиолетовое, освещает небо и арену.

За этим ослепительным светом следуют клубы черного дыма и глубокая темнота, среди которой внезапно опять появляются имена жертв, героев и мучеников, освещенные венками из искрящихся звезд, а над ними следующая надпись огромными огненными буквами: «Бессмертная слава нашим революционным мученикам!»

Все гаснет. Однако не все еще кончено. Еще выше, на высоте в пятьсот или шестьсот футов, появляется сто больших световых венков, поддерживаемых ста огромными воздушными шарами, и один колоссальный венок, образуемый светящимся шнуром, который соединяет эти сто шаров, расположенных кругом.

И население возвращается под свои своды, теперь темные, лишенные света, при звуках шестидесяти оркестров, которые обходят шестьдесят кварталов города.

И опять-таки не берусь описывать чувства населения, восторженного, экзальтированного, увлеченного энтузиазмом и благодарностью тем, кто пожертвовал собой для республики.

Третий день: диктатура Икара, торжество

Пушечная пальба и большой колокол, теперь сопровождаемые гармоничным перезвоном, возвещают праздник торжества, и в течение всего утра можно видеть только группы музыкантов, следующих по улицам, — одни — пешком, другие на лошадях или в экипажах; слышны лишь воинственные фанфары, победные мотивы и песни торжества.

В четыре часа почти все население Икары, ее шестидесяти кварталов, или коммун, сто тысяч приезжих из провинций, десять тысяч колонистов (из которых восемь тысяч черных или медно-красных) и двадцать пять тысяч иностранцев собираются на огромной площади Победы.

Все образуют многочисленные группы, отличающиеся своими костюмами, цветами и знаменами. Вот две тысячи депутатов, составляющих Национальное представительство, сто тысяч приезжих из провинций, десять тысяч колонистов, семьсот двадцать депутатов, делегированных провинциальным представительством Икары, коммунальные должностные лица ее шестидесяти кварталов, двадцать пять тысяч иностранцев и их посланники, которым отведено почетное

место между Национальным представительством и народом.

На скамьях, занятых народом, видны на первом плане группы детей, молодых девушек и юношей, которые скоро спустятся на арену и там будут танцевать и петь.

Вскоре прибывают триста тысяч национальных гвардейцев, пехотинцев и кавалеристов, составляющих национальную гвардию шестидесяти кварталов, или коммун, Икары, со своими оркестрами, которые помещаются на уступах, оставляя между собою одинаковые промежутки, тогда как шестьдесят бригад национальной гвардии располагаются в центре, против зрителей.

Все должностные лица одеты в блестящие костюмы, все граждане надели свое праздничное платье. Все украшения из перьев, цветов, блестящих материй и камней сегодня вынуты, чтобы придать блеск красоте: всюду гирлянды из зелени и цветов, развернутые и развевающиеся знамена.

И посредине сто алтарей, на которых воскуривают фимиам у ног женщины высокого роста, представляющей Икарию, сидящую на возвышенном троне. Парадные мундиры, роскошные шлемы, кони, блестящее оружие, сверкающие каски и знамена, — нет, трудно найти что-нибудь более великолепное!

И я сижу между Динаизой и Кориллой, нарядными и прекрасными, как божества. И душа моя, опьяненная счастьем и надеждами, открыта для наслаждений и восторгов.

Колокол, пушки, шестьдесят оркестров возвещают начало праздника диктатуры.

И тотчас же на арену выходит отряд бойцов, состоящих из мужчин, женщин и подростков, одни пешком, другие на конях, вооруженные различным образом; одни в одежде разного вида, другие с обнаженными руками, с возгласами: «Диктатор Икар! Диктатор Икар!» Они обращаются со своими бурными криками к человеку на лошади, который находится среди них и изображает раненого Икара. Корилла, с глазами, сияющими радостью, указывает нам своего деда.

Икар и его свита объезжают арену между зрителями и круговым фронтом национальной гвардии, и, по мере того, как они подвигаются вперед, под шум барабанов и звуки музыки, национальная гвардия опускает свои знамена и отдает честь, восклицая: «Икар — диктатор!»

Потом они второй раз объезжают арену, поворачиваясь к трибунам, и все зрители встают, испуская тот же возглас, смешивающийся с шумом барабанов и музыки.

Затем Икар поднимается к Икарии, которая возлагает ему на голову лавровый венок, а в это время все барабаны бьют, все оркестры играют, вся национальная гвардия отдает честь, все знамена склоняются перед ним, все зрители встают, размахивая шляпами или шарфами, и вся арена повторяет возглас: «Икар — диктатор!»

Вслед за этим начинается церемония триумфа.

Отряд победивших инсургентов, сопровождавший Икара при его прибытии, возвращается через противоположный вход и проходит под

триумфальной аркой, скрытой до этого времени под полотном.

Отряд несет в виде трофеев или влачит по земле эмблемы королевства, обломки трона, придворные костюмы, гербы дворянства и обходит кругом арену под гром и трезвон колокола, пушек, барабанов, труб, музыки и победных песен, под дождем венков, лавров и цветов, бросаемых народом с трибун.

Отряд ведет за собой королеву, которую сопровождают арестовавшие ее телохранители; ее министров — одних в расшитых костюмах и других — переодетых в лакеев и нищих, сеньоров в роскошных одеяниях, изорванных в клочья, и, наконец, Ликсдокса в платье кухарки, запертого в клетке, на подводе, с которой он хорошо виден.

Королеву встречают молча, но министров ее, придворных и в особенности Ликсдокса забрасывают насмешками и проклятиями.

Наконец, являются победители на конях или колесницах, затем на триумфальной колеснице — Икар, с обнаженной головой, у ног Икарии, одетой в великолепную мантию и с блестящим венком.

Триумфальная церемония кончается, Икария и Икар возвращаются на свои места в центре, она — на трон, он — на первую ступень, чтобы присутствовать при играх и упражнениях, которые тотчас же начинаются.

Шестьдесят мачт как бы вырастают из-под земли, и в продолжение четверти часа раздается веселый смех при виде молодых людей, которые сменяют друг друга, пытаясь взобраться на вершину мачты, и скользят вниз, пока одному из них не удастся добраться до вершины.

Мачты исчезают, а смех удваивается при виде мальчиков, которые бегают, закутанные в мешки, большинство из них падает раньше, чем добирается до цели.

И другие игры быстро сменяют друг друга и вызывают всеобщее веселье.

Следует бег юношей и молодых девушек, коней и колесниц, при звуках труб, а затем упражнения в верховой езде.

Затем происходит смотр национальной гвардии, организованной Икаром через несколько дней после революции. Верхом на превосходном коне, сопровождаемый дедом Вальмора и некоторыми генералами, гарцующими на горячих конях, Икар быстро проезжает перед фронтом между дедом Вальмора и зрителями.

Начинаются военные упражнения, национальная гвардия выполняет тысячи различных пехотных и кавалерийских упражнений.

Затем Национальное представительство, организованное и созданное Икаром после революции, покидает свои скамьи и дефилирует пред Икаром и Икарией, разбившись на сто отрядов по двадцать человек и неся сто знамен провинций и тысячу коммунальных.

Разместившись вокруг ста алтарей, окруженное национальной гвардией, оно приносит присягу республиканской и коммунитарной конституции, представленной Икарией и Икаром. Эта присяга повторяется национальной гвардией и зрителями, которые все встают, обнажив головы и подняв руки.

Вот двадцать тысяч детей, от шести до десяти лет, спускаются с

трибун на арену, проходят между бригадами национальной гвардии и образуют первый центральный круг.

Тридцать тысяч молодых девушек и тридцать тысяч юношей, от десяти лет до двадцати одного года, опускаются, в свою очередь, и образуют два других круга: одни несут цветы и венки, другие — шарфы и гирлянды, ветви и знамена.

Затем начинается балет, танцы, хороводы из восьмидесяти тысяч танцоров, которые проделывают различные фигуры, бросая цветы и венки по направлению к Икару и Икарии и размахивая своими ветками и шарфами, гирляндами и знаменами.

Вот пение: двадцать тысяч детей, за ними тридцать тысяч молодых девушек, после них тридцать тысяч юношей, затем свыше одного миллиона голосов поют гимн благодарности общности.

А потом концерт: колокол и его трезвон, пушки на всех площадях города, пятьсот или шестьсот барабанов, пятьсот или шестьсот труб, шестьдесят оркестров, разбросанных на трибунах, все эти оркестры вместе, и около десяти тысяч инструментов, собравшись в центре арены, оглашают воздух то различными победными и торжествующими гимнами, то самой чарующей музыкой.

А тем временем надвигается ночь. Но уже приготовлен колоссальный фейерверк на срубках, разбросанных всюду и замаскированных гирляндами, листвой и знаменами. И вскоре небо загорается тысячами огней, которые взлетают со всех сторон, перекрещиваясь во всех направлениях, в бесконечном разнообразии форм и цветов, и кончаются гигантским и великолепнейшим букетом.

Но празднество все еще не окончено, и, покидая арену, сопровождаемый шестидесятью оркестрами, народ находит свои балконы украшенными гирляндами и знаменами, а обычное освещение заменено иллюминацией (все при помощи газа). На улицах, как и на фасадах памятников или в листве деревьев общественных мест гулянья, горят тысячи огней различного цвета, формы и множество всевозможных надписей.

Но это еще не все: придя к Вальмору, мы все поднимается на террасу, где ужин был приготовлен еще до ухода, и там, за ужином, мы наслаждаемся зрелищем, совершенно новым в своем великолепии.

Мы видим, что все террасы иллюминированы и заполнены семьями, которые ужинают, смеются и поют; все балюстрады тоже иллюминированы и, кроме того, верхние части всех памятников иллюминированы и озарены светом.

Затем, в заключение празднества, широкий свод небес, затемненный уже ночью, вдруг зажигается тысячами огней всех цветов, пущенными во всех направлениях ста шарами, рассеянными в пятистах или шестистах футах над городом и изливающимися на него густой дождь звезд и огней.

Конечно, после этого нельзя себе представить зрелища, которое можно было бы созерцать с удовольствием.

Глава тридцать четвертая. ПРАЗДНЕСТВА, ИГРЫ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ, РОСКОШЬ

Придя к госпоже Динаме, где мы должны были провести вечер, мы с Евгением нашли обе семьи на свежем воздухе, в саду, среди зелени, цветов и их благоуханий. Динаиза, в платье садовницы, сажала цветы, тогда как дети поливали их, а Корилла руководила поливкой.

Так как Корилла сделала мне знак, я подошел к ней.

— Посмотрите, — сказала она мне тихо, — что за кокетка!.. Она надела свое рабочее платье, желая вам показать, что она в нем еще более красива, чем в праздничном наряде и чем я в вечернем туалете.

— О негодная! — ответила Динаиза.

— О плутовка! — возразила Корилла.

— О, льстец! — сказали они обе, когда я сказал им, уходя, что они обе очаровательны.

— Ну, господа, — сказал нам дед Вальмора, — как вы чувствуете себя сегодня? Я не спрашиваю моего друга Евгения, хорошо ли он спал, но я уверен, что он всю ночь стрелял из ружья. А вас, милорд, все еще лихорадит? Ведь вы вчера и в течение двух предшествовавших дней так же безумствовали (я хочу сказать: были таким же энтузиастом, — поправился он, смеясь), как наш милый Евгений. Как вы загорелись при виде нашего праздника!

— А как можно, — сказал Вальмор, — не загореться, когда находишься под огнем, между двумя огнями, окруженный огнями!

— Хорошо, мой сын, — сказал старец, смеясь. — Счастлив ты, что Динаиза и Корилла не слышат тебя! Думаете ли вы, милорд, что наши икарийские празднества менее прекрасны, чем ваши английские празднества?

— О, да, — воскликнул Евгений, — они прекрасны, английские празднества! Для аристократии — приемы при дворе, куда являются в прекрасных туалетах и прекрасных экипажах, в которых имеешь несравненное удовольствие ждать очереди в течение целых часов, чтобы иметь честь и счастье сделать низкий реверанс королю, королеве, мальчишке в колыбели, если таковой имеется; фестивали, на которых имеешь преимущество схватить насморк в церкви, слушать от четырехсот до пятисот музыкантов; скачки лошадей, где многие разоряются на пари; военные смотры, где стреляют из ружей и пушек; большие обеды в золоченых залах или большие завтраки в парках!.. А для народа ничего, абсолютно ничего, кроме жалкой процессии в дни праздников святых патронов корпораций, несколько иллюминаций без вкуса и без разнообразия в день рождения короля, и для малого числа тех, кто может потерять трудовой день, зрелища экипажей, лакеев и роскоши аристократии!

— А вы, Евгений, — сказал ему старец, — думаете ли вы, что наши празднества менее прекрасны, чем ваши французские празднества?

— О, да, они прекрасны, французские празднества, — ответил я, предупреждая Евгения. — Поклонение королю Карлу X, как Наполеону, триумфальные арки для малолетнего принца или труса, равно как и для

героя; балы и обеды для аристократии, а для массы — смотры, которых она не видит, жалкие фейерверки, которые с трудом можно видеть только отчасти, поднимаясь на кончики пальцев и протискиваясь в толпе с риском быть задушенным, или задавленным, или обокраденным. А я забыл жандармов, которых можно всюду встретить и которые оскорбляют и арестовывают зрителей. Я забыл также вареную колбасу и вино, раздаваемые черни, чтобы доставить себе удовольствие смотреть, как она дерется и пьянствует. Я забыл еще годовщину славных июльских дней...⁴⁴ да, она прекрасна, эта годовщина Июля!..

— Ах, — воскликнул Евгений печальным голосом, — не говорите больше о годовщине Июля! У нас ее больше нет! Мы даже никогда не имели ее, ибо только здесь я видел празднество годовщины народной революции!

Вот что действительно можно назвать празднеством годовщины! Вот правительство, рожденное на революционных баррикадах, которое не изменило тому, чему оно обязано своим происхождением, не старается уничтожить рассказы о героизме восставших граждан, не уничтожает следов пуль, выпущенных против тирании свободы; не отвергает, как катастрофу, славу законов революции; не изгоняет победителей тотчас же после того, как провозгласило их героями; не боится ни прокламаций повстанцев, ни призывов к оружию, ни сборищ, ни воспоминания о военных поражениях, ни восстания гвардейцев против тирана и не заменяет королевскими и династическими празднествами годовщину великого дела народа, проливавшего свою кровь, чтобы завоевать освобождение и счастье.

— Мой дорогой друг, — сказал старец, — позвольте мне сказать вам прямо, ваши жалобы кажутся мне мало резонными. Как хотите вы, чтобы королевская власть и аристократия могли любить воспоминание о народном восстании и революции? И как могло бы празднество быть прекрасным без добровольного сотрудничества народа? У нас здесь празднование годовщины организует республика. Это предписывает народ. Именно для него они даются, и он празднует их со всем своим энтузиазмом и, силой. Это наш карнавал, наш любительский театр, одна из наших великих пьес, исполняемых в великой семье!

— Увы! — ответил Евгений. — Мы надеялись...

— Вы надеялись, бедный Евгений! Так надейтесь еще, ибо мы тоже надеялись, пока продолжительность и бесполезность наших надежд не довели, наконец, до отчаяния весь наш народ.

— Но, понимаете ли вы, милорд, — продолжал старец, обращаясь ко мне, — что все граждане хотят и могут быть актерами в наших политических драмах, а наши празднества так великолепны?

— Несомненно. Я понимаю это очень хорошо.

— Нет, нет, — вскричали, смеясь, Динаиза и Корилла, которые вернулись к нам, — он не понимает, он не понимает!

— В самом деле, милостивые государыни, не понимаю? Посмотрим. Мне никто не говорил, что все, касающееся празднества, например празднество годовщины, регулируется законом; закон же этот

составляется на основе проекта, представленного комитетом общественных празднеств, а этот комитет мог собрать опыт всех празднеств древних и новых народов; закон подлежал одобрению народа, и сам народ регулировал и установил празднества, и, следовательно, нет ничего удивительного в том, что народ выполняет им же добровольно установленный порядок. Мне этого не говорили, но я это хорошо знаю!

— Bravo, bravo! — закричала вся компания.

— Мне не говорили также, что, так как, согласно закону, в празднествах должно принять участие столько-то певцов, столько-то танцоров и столько-то музыкантов, воспитание организовано таким образом, что все дети, от пяти до двадцати одного года, умеют петь, танцевать и играть на каком-либо инструменте. Мне этого не говорили, но я в этом убежден!

Аплодисменты удвоились.

— Я также прекрасно понимаю, что народ хочет и может присутствовать на своих празднествах, не страдая ни от пыли, ни от грязи, без жандармов и шпионов, защищенный от непогоды, может удобно сидеть, так, чтобы все могли видеть и слышать одинаково хорошо.

Я понимаю также прекрасно, что все празднества организуются как драматические пьесы, все они преследуют моральную и политическую цель, и цель эта — не личное удовольствие и лесть королю, а интерес, слава и счастье народа.

И я больше всего восхищаюсь великолепием ваших празднеств, я не меньше удивляюсь порядку, предусмотрительности, мудрости, — не знаю уже, что больше сказать о вашей республике.

— Как далеко вы успели продвинуться, — сказала Корилла, — по пути энтузиазма и республиканского чувства.

— Это правда, — сказал Вальмор, — демократизм Евгения скоро побледнеет в сравнении с демократизмом милорда. Какое чудо! Мы можем похвалиться, — мой дед, Динар, Евгений и я, — что нам удалось произвести чудесную метаморфозу.

— И вы забываете, — сказал Евгений, — четырех других лиц, которые для этого чудесного превращения поработали гораздо больше, чем мы четверо: республика, общность и... и...

— Два других? — закричал Вальмор.

— Вы их не знаете? — спросил Евгений. — Назовите их, назовите их!

— Вы их не знаете?

— Это Динаиза и я! — воскликнула Корилла.

— Нет... Да...

И бедный Евгений, совсем побежденный в своем последнем убежище Кориллой и Динаизой, утверждал, что труднее сопротивляться коварству двух молодых девушек, чем отбить атаку двух сильных чемпионов.

— Вы смеетесь, — сказал дедушка, — но знаете ли вы, мои дети, что эти две маленькие девушки могли бы вас в действительности хорошо обучить, и никто из вас, быть может, не написал бы прокламацию,

призывающую к восстанию, столь электризирующую, как это сделала Корилла, ни такие пылающие патриотическим энтузиазмом стихи, как Динаиза.

Мы прочитали их произведения и прекрасную прокламацию Динара, и мы так сильно смеялись, критикуя ее и приветствуя первые два произведения других, что наши соседи с правой стороны, сидевшие в своем саду, стали смеяться вместе с нами.

Вальмор объяснил нам, что все икарыйцы приглашаются писать подобные вещи для всех трех празднеств и их выпущено огромное количество; многие были весьма замечательны, а десять лучших каждого жанра будут премированы, напечатаны и распределены через некоторое время, согласно докладу комиссии, которая должна их рассмотреть.

Разговор коснулся других празднеств и больших публичных зрелищ, которые всегда устраиваются на одной из обеих арен. Вальмор рассказал нам, что там можно видеть иногда всех работниц и рабочих, сгруппированных по профессиям, с различными знаменами для каждой из них, или всех лошадей, или все средства транспорта, или всех собак. Он рассказал, что иногда арену заполняют водой на десять футов, и тогда там можно видеть множество кораблей, пароходов, лодок и пловцов, которые своим числом, своими упражнениями, разнообразием своих форм, цветов и знамен представляют одно из самых великолепных зрелищ, как катанье на коньках зимой является одним из самых приятных и веселых развлечений.

— Вы видите, — сказал Динар, — насколько республика превосходит монархию в организации прекрасных и благородных празднеств, точно так же как она превосходит ее и своим общественным и политическим строем.

Она превосходит ее равным образом и в организации игр и развлечений, общественных или частных, ибо нет ничего в древнем и современном мире, чего мы не изучили бы тщательно, чего мы не знали бы и чего мы не использовали, чтобы заимствовать хорошее и отвергнуть плохое.

С другой стороны, мы любим развлечения и находим, что мудрость обязывает нас развивать все физические способности, данные нам благодетельной природой, и пользоваться всеми сокровищами, которые она рассыпала вокруг нас и для нас, если только разум, бесценный дар ее доброты, присутствует во всех наших наслаждениях.

Поэтому вы находите у нас, как и в других местах, все виды театров, все игры, все развлечения, которые не имеют в себе ничего вредного, и сама республика предоставляет с этой целью гражданам необходимые помещения и предметы.

Республика не запрещает даже роскоши или излишка, ибо нельзя назвать излишним наслаждение, которое не имеет никаких неудобств. Но мы мудро установили три основных правила: первое — все наши наслаждения должны быть дозволены законом или народом; второе — о приятном следует заботиться лишь тогда, когда есть все необходимое и полезное; третье — допускаются только такие развлечения, которыми

может пользоваться одинаково всякий икариец.

Таким образом, мы построили наши мастерские раньше наших памятников, мы обставили наши спальни раньше, чем позолотили наши салоны; мы производили шерстяные материи раньше шелковых и бархатных. Всего только двадцать лет, как мы имеем верховых лошадей для прогулок, и всего пять лет, как мы завели их для детей. Через десять лет каждая семья будет иметь на своей террасе бильярд, который будет в то же время служить обеденным столом, тогда как в настоящее время мы имеем одну бильярдную залу на тридцать две семьи. Скоро наши галереи будут превращены в сады или, по меньшей мере, будут украшены зеленью, растениями, цветами и гирляндами, которые сделают их еще более красивыми.

Подобно царю персидскому, обещавшему награду тому, кто изобретет новое развлечение, мы приглашаем всех граждан усовершенствовать или разнообразить наши удовольствия, но, в то время как деспотизм требовал новых наслаждений только для деспота, республика требует их только для народа, и в то время как аристократия, например английская, захватывает все для себя, запрещает все развлечения по воскресеньям, делает их доступными только праздным и богатым в течение будней и не предоставляет английскому народу никакого другого развлечения, кроме возможности напиться допьяна в кабаках, чтобы забыть свою ужасную нищету, — икарийский народ, лелеемый республикой, как ребенок своей матерью, пользуется ежедневно всеми развлечениями, более счастливый, чем все народы земли и все аристократы всего мира.

— Ах! Да, счастливая Икария! — сказал со вздохом Евгений.

И вздох его вызвал всеобщий смех...

И пылкий патриот, почти рассерженный нашим весельем, разразился против нас самой убийственной патриотической тирадой, и только добрый старый дедушка один поддержал его и аплодировал ему.

Глава тридцать пятая. КОЛОНИИ

Я видел на празднестве свыше десяти тысяч колонистов: почти все они были черные, смуглые и медно-красные. Я слышал много подробностей о нравах и обычаях нескольких диких народностей, живущих по соседству с Икарией, а также о поразительной быстроте, с которой растут икарийские колонии, и я просил Динара объяснить нам детально их систему колонизации.

— В течение долгого времени, — сказал он нам, — мы несколько не нуждались в колониях. Но, предвидя, что мы можем когда-нибудь иметь избыточное население, мы начали уже заранее создавать колониальное поселение на плодородной и почти пустынной территории, населенной небольшими, еще дикими народностями, среди которых мы хотели начать осуществлять обширный план цивилизации.

Чтобы лучше достигнуть этой двоякой цели, мы вступили в соглашение с соседними союзными народами и предложили им основать общую колонию, куда каждый народ посылает одинаковое число

семейств, которые составляют один народ при режиме общности; их дети должны вступать только лишь в смешанные в расовом отношении браки.

Чтобы! лучше подготовить выполнение этой задачи, мы просили прислать нам красивых детей иностранцев, которых мы воспитали вместе с нашими и затем отослали их в колонию.

В то же самое время мы, по соглашению с нашими союзниками, пустили в ход все средства, чтобы понравиться дикарям и привязать их к нам. Мы послали к ним стариков и детей, которые не могли вызывать у них страха или возбуждать их ярость, приносили им всякого рода подарки, селились среди них и изучали их язык и обычаи.

Нам удалось также привлечь в нашу страну несколько дикарей и даже детей, которых мы осыпали ласками. Мы показали им все, что могло их прельстить, и научили нашему языку. Затем мы их отослали назад, дав им все, что могло нам обеспечить доверие и привязанность их соотечественников.

Нас не отпугнули трудности и препятствия, и эта система, проводимая с терпением и постоянством, настолько удалась, что дикари поклонялись нам почти как благодетельным богам и просили нас селиться среди них, чтобы пролить на них больше благодетельных.

Таким образом, когда мы сочли целесообразным организовать колонию, мы не нуждались ни о каком насилии. Раз упрочившись там, мы увеличили число наших миссионеров среди них и количество их людей, посещающих нас; мы подавали им пример труда, не требуя труда от них. Мы постепенно приучали их к труду, и они видели, какие чудесные результаты он приносит. И в настоящее время, после неполных тридцати лет, мы создали великолепную колонию, почти такую же цветущую, как Икария; мы цивилизовали семь или восемь небольших народностей, которые соревнуются с нами, и мы дали сильный толчок цивилизации, чтобы она продолжала там развиваться.

Мы, правда, несли большие расходы. Мы платили дикарям, чтобы они позволили нам сделать их счастливыми. Но зато какая награда! Наши благодетельные завоевали мирным путем новую Икарию для нас, а дикарей — для культуры, подготавливая этим завоевание не цивилизованной еще части мира для человечества.

— А мы, европейцы и христиане, — воскликнул Евгений, — мы хвастаемся нашей цивилизацией и покупаем рабов, т.е. мы поощряем разбойников похищать мужчин, женщин и детей; мы подвергаем их затем пыткам, чтобы заставить их работать, и их потом и кровью мы добываем сахар и кофе!

Мы истребляем дикие или полудицилизованные народы, чтобы завоевать сокровища!

Возобновляя все ужасы великого нашествия варваров и испанского нашествия в Америке, мы убиваем, грабим, поджигаем, чтобы сохранить колонии и укрепить нашу власть!

Мы тащим окровавленные головы, привязанные к седлам наших лошадей, точно мы хотим научиться быть свирепыми!

И бедный Евгений, краснея от стыда и гнева, закрыл лицо руками.

Глава тридцать шестая. РЕЛИГИЯ (продолжение главы XX)

Я часто упрашивал Вальмора дать мне о религиозных верованиях Икарии те сведения, которые он обещал мне во время наших первых бесед о религии, но он всегда уклонялся от ответов на мои вопросы. Наконец, он удовлетворил мое любопытство, и беседа оказалась в высшей степени интересной, коснувшись также Франции и Англии.

Но ввиду того, что Евгений изложил эту беседу в своем дневнике и принял активное участие в ней, я заимствую его запись.

Извлечения из дневника Евгения Религия

Так как Вильям просил Вальмора изложить ему религиозную систему Икарии, то эта просьба вызвала следующую беседу.

— Я уже рассказывал тебе, — сказал Вальмор Вильяму, — что спустя два года после революции, когда она уже принесла много благодетельных последствий, Икар предложил Национальному представительству созвать большой собор, составленный из священников, избранных всеми священниками, профессоров, избранных всеми профессорами, наиболее знаменитых философов, моралистов, ученых и писателей, чтобы обсудить все вопросы, касающиеся божества и религии.

Этот собор, в состав которого, таким образом, входили наиболее образованные, мудрые и рассудительные люди, собрал, кроме того, все индивидуальные мнения, которые ему пожелали адресовать граждане.

Все мнения были рассмотрены и обсуждены в течение четырех лет. Все вопросы были разрешены громадным большинством и зачастую единогласно.

Так вот, представь себе, что собор собрался, что он обсуждает и решает все на одном продолжительном заседании, а ты присутствуешь при его совещаниях. Представь себе... ты можешь их видеть и слышать там... Смотри и слушай внимательно. Но не прерывай! Ты после сделаешь свои замечания... А теперь слушай!

— Существует ли бог, т.е. первопричина, следствием которой является все, что мы видим? Голосовать будут вставанием. Смотри. Все собрание встает. Голосуют обратное предложение, смотри опять внимательно. Все члены собора продолжают сидеть.

— Известен ли этот бог?

Единогласно: нет!

— Известен ли его образ?

Единогласно: нет; тысячи народов придают ему тысячи различных образов.

— Сотворен ли человек по его подобию?

Мы хотели бы так думать, но мы ничего не знаем об этом.

Верит ли собор в откровение, сделанное Моисею, по его словам, богом в образе человека?

Единогласно: нет!

— Как! — вскричал Вильям.

— Что делать? Весь собор не верит в это. Ты, впрочем, прочтешь изложение его доводов.

— Верит ли собор, что Библия — человеческое произведение?

— Да.

— Как! — вскричал он опять.

— Ты видел: все члены собора встали. Ты узнаешь их соображения!

— Верит ли собор в то, что говорит Библия?

— Нет. Нет такой истории фей, волшебников, привидений, сказок тысячи и одной ночи, мифологических басен, которые не были бы почти столь же достойны веры.

— Верит ли собор, что Иисус Христос есть бог?

— Тысячи религий, существующих на земле, суть все человеческие учреждения, придуманные и созданные с целью сдерживать народы и править ими... Все основатели главных религий — Конфуций в Китае, Лама в Татарию, Синто в Японии, Брама и Будда в Индии, Зороастр в Персии, Озирис и Изиды в Египте, Юпитер и его двор в Финикии и Греции, Минос на Крите, Моисей в Иудее, Пифагор в Италии, Нума в Риме. Один на Севере, Магомет в Аравии, Манко-Капак в Перу и все другие во всех других странах — были гениальными людьми, но только людьми, законодателями, цивилизаторами и правителями своих народов.

Иисус Христос, непризнанный и осужденный своими соотечественниками, отвергаемый более трехсот лет философами, т.е. ученым и просвещенным миром, есть, очевидно, также человек, но человек, который заслуживает первого места в человечестве благодаря своей преданности благу человеческого рода и провозглашению принципа равенства, братства и общности.

— Как был создан мир и в особенности человек?

— Мы ничего не знаем об этом.

— Почему человек осужден на физические и нравственные страдания?

— Мы ничего не знаем об этом.

— Следует ли признавать Библию самой замечательной книгой?

— Нет. Во времена невежества и варварства она могла быть полезна, потому что другие книги были еще хуже, чем она, но в стоящее время в ней нет ничего хорошего, кроме нескольких нравственных наставлений, которые можно из нее извлечь, а все остальное стало ошибочным, нелепым, даже неприличным, бесполезным и вредным. Она, например, учит, что Солнце вращается вокруг Земли, тогда как давно уже доказано, что, наоборот, Земля вращается вокруг Солнца! Моисей и Иисус Христос были правы для своего времени, но они никогда не полагали, что их учения будут вечными, и желание сделать их неизменным правилом для народов на все будущие времена — самая дикая бессмыслица, самая чудовищная нелепость.

— Верит ли собор в рай?

— Угнетенные и несчастные народы имеют потребность верить в рай, но мы не имеем других несчастий, кроме болезней и нравственных

страданий, и мы радуемся за несчастных, если надежда на лучшую жизнь может помочь им переносить их скорби.

— Верит ли собор в ад?

— Жертвы тирании имеют потребность верить, что тираны будут там наказаны, и это верование полезно для них, доставляя им некоторое утешение, если оно только не усыпляет их и не мешает им самим наказать своих тиранов. Боязнь ада была бы еще полезнее, чтобы остановить угнетателей, но угнетатели не верят в ад, и, наоборот, именно они хотят, чтобы угнетаемые верили в него, ибо это мешает им думать о своем освобождении. Но мы не имеем в Икарии ни тиранов, ни преступников, ни злодеев, и мы не верим в ад, в котором не имеем надобности.

— Верит ли собор в святых, в чудеса, в непогрешимость папы?

— О! — воскликнул Вильям, — я тебя освобождаю от ответа!

Но, поистине, — прибавил он, — ваша религия не есть религия! У вас нет религии!

— Что понимаешь ты под религией? — возразил ему Вальмор. — Разве, чтобы иметь религию, необходимо верить в бога в образе человеческого, со всеми людскими навыками и страстями? Если ты веришь в бога Моисея, в бога ревнивого, требовательного, желчного, мстительного и кровожадного, то неужели все, кто не верит в него, тысячи народов, которые верят в других богов, не имеют, по-твоему, религии? Если бы ты не прервал меня, ты узнал бы, как собор решил этот вопрос. Ибо собор поставил вопрос: полезна ли для икарийцев религия (т.е. религия, соединенная с особым культом)? И собор единогласно ответил: нет! Что можешь ты сказать против этого? Собор, состоящий из священников, профессоров, избранной части страны, и, можно сказать, весь народ ответили: нет!

— И собор был прав, — сказал я в свою очередь [я — Евгений]. — Рассудите-ка, Вильям!

— Так как собор не верил ни в божественность Иисуса Христа, ни в божественное происхождение Библии, ни в откровение, данное Моисею, ни в бога в образе человеческого, награждающего, наказующего, принимающего молитвы, то неужели ты хотел бы, чтобы собор сделал вид, будто он верит во все это, чтобы он принял эту мнимую религию, предписал народу верить в нее и воспитывал детей в этой вере, которую он объявил ошибочной и ложной?

Но было ли бы возможно предписать это икарийскому народу, когда народ этот был, так сказать, тот же собор, когда он образован и просвещен, когда, одним словом, он не верил?

И было ли возможно воспитывать в этой вере детей, когда отцы их не верили и хотели дать детям воспитание, которое сделало бы из них людей, руководящихся всегда разумом и истиной? Обманывать детей — разве не значило бы подражать идолопоклонникам, язычникам, магометанам, аристократии и повернуться спиной к революции и прогрессу?

Если даже предположить, что в некоторых отношениях могло быть

полезно внушить детям веру, которую считают несостоятельной и ложной, то вред превысил бы пользу, потому что заблуждение, ложь, суеверие притупляют человека и делают из него дитя, тогда как икарийцы хотят, чтобы их дети были людьми.

И для чего, к тому же, нужна боязнь ада, например, для икарийцев, с их системой общности? Разве эта общность — не самое совершенное резюме всей философии и самая стая нравственность в действии? Не есть ли она наиболее полное осуществление принципа братства? Не заключает ли она в самой себе все добродетели? Не достигает ли она более верно цели, которой хотят достигнуть все религии, никогда не бывшие в состоянии ее достичь, — блага рода человеческого? Разве, одним словом, эта общность, проповедуемая Иисусом Христом, не есть сама религия, и наиболее совершенная из религий? И еще раз, Вильям, какую пользу, найдете вы в другой религии для счастливого народа, которому не нужно совершать преступления, который никогда не совершает их и который так же мало нуждается в наказаниях священника и в боязни адского правосудия, как и в уголовном кодексе, уголовных трибуналах и тюрьмах?

— Ты нам заметишь, — сказал Вальмор, — что принцип общности не может устранить болезней и некоторых несчастий, для которых религия была бы утешением? Я отвечу тебе, что общность значительно уменьшает их число, она дает при помощи воспитания больше силы их переносить, и разум в этом отношении играет достаточную роль. Впрочем, именно для таких случаев наши законы допускают Молитву в надежде на более счастливую жизнь и учреждают храмы с священниками — советниками и утешителями.

— У вас священники являются только священниками разума, — ответил Вильям.

— Они потому и более разумны, — возразил Вальмор.

— Твои законы и ты — вы одинаково безбожны!

— Какое страшное слово! — сказал Вальмор. — В старое время нас бы из-за него сожгли. Однако попробуем столкнуться и не будем поступать, как безумные, которые начинают драться и, объяснившись после того как избili друг друга, крайне удивляются, открыв, что они были согласны. Что понимаешь ты под словом безбожник? Если ты под этим словом понимаешь тех, кто не верит в бога в образе человека, как Юпитер или бог Моисея, то ты найдешь здесь много безбожников, и если они тебя пугают, то спасайся, ибо тут много таких, которые готовы проглотить тебя. Но если под словом безбожник ты разумеешь тех, кто не верит ни в какого бога, то ты не найдешь таких среди нас.

Применяя это различие, ты найдешь, что наши законы безбожны или не безбожны. Но что касается нас, то мы находим, что никогда не было более религиозных законов, ибо все они основаны на принципе общности и преследуют только наше благо.

— Я совершенно согласен с вами, — вмешался я [я — Евгений], — и я очень сожалею, что моя родина не использовала своих многочисленных революций, чтобы установить религию общности и счастья.

— О, — сказал Вильям, — хорошо известно, что вы, французы, при всей вашей любезности и остроумии, все, неверующие, нечестивцы и безбожники, которые в воскресенье бегут в театры и избегают церкви. Даже ваши короли, что меня шокировало, нарушают священный закон воскресенья и заставляют людей работать, чтобы доставлять развлечения их дворцу. Поэтому вам и обеспечено столько мест в царстве сатаны!

— Смелее, добрый милорд, — сказал я ему, — смелее, продолжайте! Судите нас по-христиански и благочестиво за то, что мы имеем глупость быть философами и весельчаками, за то, что мы достаточно глупы, чтобы не поклоняться ни набожному Карлу IX, который, в согласии с папой и духовенством, перерезал сто тысяч реформистов, ни ханже Карлу X, который, в согласии с иезуитами и духовенством, расстрелял тысячи парижан!

Не стесняйтесь! Как и некоторые из ваших сограждан, которые не подозревают даже, что являются орудиями своих угнетателей, называйте нас французскими собаками!

Но так как вы обвиняете моих соотечественников в том, что они безбожники, то я утверждаю, что ваши англичане тоже неверующие, и так как вы бросаете мне перчатку, то я поднимаю ее, чтобы защищаться, и, в свою очередь, нападаю на вас.

Сперва позвольте мне, мой дорогой друг милорд, задать вам лично небольшой вопрос: я не спрашиваю вас, действительно ли вы, в Лондоне или в ваших поместьях, всегда отправляетесь слушать проповеди и запрещаете себе всякое развлечение, скучаете и зеваете все воскресенье,⁴⁵ чтобы угодить богу. Но скажите мне, пожалуйста, когда вы бываете в Париже или других местах, вы тоже ходите в протестантский храм и также избегаете всех воскресных развлечений?

— Конечно, нет!

— Великолепно, я уже поймал моего нечестивца!

— Как, каким образом?

— Да, я поймал моего неверующего и безбожника и сейчас же докажу вам это.

Но предварительно я прошу у общества разрешения рассказать ему небольшую историю, касающуюся меня лично.

Меня выслушали с удвоенным вниманием.

— Бедный Вильям даже не подозревает, — сказал я тогда, — что тот, кого он так легко осуждает, в своей молодости едва не сходил с ума от набожности, и вот каким образом [движение удивления].

Мне было уже тринадцать лет, когда один уважаемый приходский священник, полюбивший меня и пожелавший сделать из меня священника, убедил меня, что бог имеет отверстое око и видит все, ничего нельзя сделать без его помощи, а получить его помощь можно, обратившись к нему искренно, и все лишения, которым подвергают себя ради него, ему приятны. Я верил ему в чистоте души своей; я был самый невинный и самый пылкий среди благочестивых и верующих.

И вот последствия! Слушайте меня внимательно, Вильям!

Мне казалось всегда и всюду, что я вижу око господа, огромное око,

отверстое и глядящее на меня [взрыв смеха]. Я с ужасом видел это око в высях неба, и я не сделал бы даже во тьме ничего такого, что он мог бы осудить... Когда я ходил в школу, я был убежден, что не могу написать хорошее сочинение без его помощи. Я воссылал к нему молитву с доверием и делал сперва крестное знамение так, чтобы никто не заметил, а для этого я делал большие паузы между всеми четырьмя положениями руки [новый взрыв смеха]. Однако я сделал бы это открыто, если бы считал необходимым... Возвращаясь с прогулки, голодный, я лишал себя охотно одного из блюд, которые доставляли мне большое удовольствие, если мне приходило в голову, что я делаю приятное богу, отказываясь от этого блюда [новый смех], и если я ловил себя на том, что останавливал с удовольствием взор на молодой девушке, я скорее делал крестное знамение, чтобы призвать божью помощь против духа искушения. [Последние слова вызвали еще более веселый смех.]

— И как вы освободились от этого? — спросил меня Вальмор.

— Один разговор с добрым стариком, отцом одного из моих школьных товарищей, навел меня на размышления, которые излечили меня от моего безумия (ибо я был уже сумасшедшим или близок был к тому, чтобы стать им). Сначала я просил бога со всем пылом своей души, я заклинал его на коленях, я умолял его, сложив руки, дать мне познать истину каким-нибудь знаком, мановением ока, например, обещая ему, что посвящу ему все свои дни и все мгновения своей жизни и без колебания брошусь в огонь, если он прикажет...

Я говорил ему даже, ясно помню это: «О бог мой, бог всемогущий, бесконечно благий, явись еще раз всему миру, как ты уже раз явился Моисею! Явись, говори с высоты небес, приказывай! И все люди, все без исключения, я убежден в этом, падут ниц перед тобой, как я, и будут повиноваться тебе, как я, и род человеческий, который осужден на вечные муки, будет спасен! Бог всемогущий, благий, справедливый, милостивый, бог наш отец, говори, явись, спаси твоих детей!!!

— И затем? — спросил Вальмор.

— Но мое большое око не сделало ни малейшего движения, и я перестал верить, и совесть моя не сохранила даже самого легкого беспокойства.

— А если бы вы верили теперь? — сказал мне Вильям.

— Если бы я верил! Я пал бы сейчас же ниц перед его верховным величием. Я сделал бы все, что могло бы ему понравиться, абсолютно все... Я убил бы вас, мой дорогой милорд, я убил бы Кориллу, Динаизу, если бы думал, что ваша смерть может быть ему приятна, или, скорее, я заклинал бы его обратить и спасти вас. Быть может, я поступил бы, как те святые, которые истребляли идолопоклонников, окропив им головы несколькими каплями, чтобы не дать им попасть в ад и обеспечить им вечное блаженство. Или, скорее, я просил бы его, склонив голову, просветить мое отечество и человечество.

И эти французы, которых вы считаете преступниками, потому что они веселятся в воскресенье, по примеру их королей, если бы эти

французы поверили внезапно, они бы тотчас же бросились ниц перед своим рассерженным властелином или поспешили бы в церкви, чтобы утихомирить его гнев!

И предположите, что вся земля вдруг слышит голос, призывающий людей с высоты небес, — тотчас же все народы пали бы ниц перед своим божественным властелином!

Но мои соотечественники — не более верующие, чем я, и в этом так же мало их вины, как и моей, ибо мы были бы мусульманами или протестантами, если бы мы родились в Константинополе или Лондоне, как вы и ваши сограждане были бы католиками, если бы случай сделал вас парижанами или римлянами. Мои соотечественники смеются над ханжами, в то время как ханжи их отлучают от церкви.

И вы, мой благочестивый милорд (ибо пора уже вернуться к вам), вы, смеявшийся только что над моим безумием, вы, обвинявший нас в нечестивости, я докажу вам сейчас, как я это обещал, что вы сами нечестивец, или, вернее, я уже доказал это.

Ибо прошу вас ответить на этот простой и единственный вопрос: почему вы не соблюдаете воскресенья в Париже так же строго, как в Лондоне? Почему во Франции вы идете в оперу в воскресенье, в то время как в Англии вы не пожелали бы в этот день даже слушать музыку? Ну! Отвечайте... Я жду вашего ответа! Вы не можете привести мне никакого довода... А это потому, что вы не верите в воскресенье, потому что вы не верите в бога, который сотворил мир в шесть дней и расположился на отдых в седьмой, приказав одному еврею (чтобы он повторил это, если сможет, остальным людям) праздновать этот день отдыха создателя и приняться опять за работу в понедельник, хотя сам создатель продолжает с тех пор отдыхать.

Но тогда вы не верите также в Библию, в откровение, в Моисея, в Иисуса Христа! Да, милорд, вы такой хороший, вы, кого я люблю так и кого мы все уважаем, вы тоже грешник, неверный, нечестивец! Вы будете прокляты, бедный милорд. [Прекрасно, прекрасно! — кричали мне Вальмор и Динар, восхищенные моей сильной атакой.]

Я понимаю, что настоящий верующий, который видит всегда мое большое око, всегда горяч, пылок, ретив. Я понимаю, что он становится таким же безумным, каких мы видим столько в Шарантоне и Бедламе.⁴⁶ Я понимаю, что он становится фанатиком, как те индусы, которые дают себя сокрушить под колесами колесницы, везущей огромную статую их бога Джагернаута. Я понимаю, что он становится убийцей, сжигателем, истребителем еретиков. Я понимаю даже вашего депутата Эндрю, который, будучи недоволен тем, что почта не рассылает писем в воскресенье, требует закона, запрещающего в этот день движение фиакров, кабриолетов и omnibusов. Но я не понимаю холодности и равнодушия, когда дело идет о рае или аде, я не понимаю, как вы можете ходить в воскресенье в парижскую оперу. Нет, вы вовсе не верующий, мой дорогой милорд!

Когда вы являетесь ко двору маленького королька той песчинки, которую вы называете великой Британией, вы взволнованы и смущены,

не правда ли, при виде его величества? А когда вы входите в храм, вами не овладевает священный трепет при виде короля королей, суверена бывших, настоящих и будущих народов, властелина земли и вселенной! Ах, вы нечестивец, безбожник, мой добродетельный милорд!

Когда речь идет о деле, представляющем для вас ничтожный интерес, вы волнуетесь, не скупитесь ни на слова, ни на письма, ни на беготню. А когда речь идет о вашем спасении или о вечных мучениях, вы остаетесь пассивным, погруженным в безразличие. Вы нечестивец, милорд!

Но смотрите! Через этот потолок, там наверху, посреди неба, я замечаю большое око бога, который взирает на вас и только ждет ваших молитв, чтобы обеспечить благо вашей Англии. Как, вы не падаете ниц, вы не молитесь, вы не видите этого ока! Так вот, это значит, что вы не верите, что вы нечестивец, мой дорогой милорд! Это значит, что вы позволили себе притвориться верующим и набожным только для того, чтобы нас испытать! [И при каждом моем аргументе все смеялись, хлопая в ладоши.]

— Он вам, быть может, скажет, — заметил Вальмор, — как многие священники и аристократы: «Мы не так глупы, чтобы верить, но необходимо, чтобы народ верил, потому что это свирепое животное, которое иначе нас пожрало бы».

— О нет, — ответил я, — Вильям слишком любит народ, чтобы держать такие речи, но если бы он был настолько безумен, чтобы произносить их, я ему ответил бы: народ зверь только потому, что аристократия делает его зверем. Это может засвидетельствовать икарыйский народ, у которого нет аристократии, и он не приравлен, как скотина. Народ свиреп только потому, что его угнетатели — варвары и вводят его гнев до бешенства. Это могут подтвердить икарыйцы, не знающие ни тиранов, ни кровожадности. И аристократия, требующая религии, чтобы сковать народ, составляющая законы устрашения, чтобы придушить его, похожа на тех воров, которые, избив и ограбив прохожих, навязали бы им религию, чтобы они примирились со своей участью и довольствовались бы молитвами и надеждами.

— Очень хорошо, очень хорошо! — воскликнули Вальмор и Динар.

— И так как вы нападаете на моих соотечественников (которых я не могу не любить, хотя и ненавижу их), то согласитесь, господин англичанин, чтобы я немного пощупал ваших после того, как я уже исследовал вас самого.

— Правда, всякий, кто возвращается из Франции, старается всеми силами громить французов, народ грешников и неверующих, что не мешает благочестивым клеветникам возвращаться ежегодно массами в эту страну позора и скандала, чтобы заимствовать ее моды, привычки, развлечения и искусства в надежде, что они смогут усвоить ее философию и веселье.

Правда, некоторые из ваших наиболее знаменитых людей, ваш О'Коннель,⁴⁷ например, которым я часто восхищался, позволяют себе проклинать всю Францию как неверующую, не замечая, что они, может

быть, больше вредят в глазах Европы своей репутации мудрости и рассудительности, чем репутации Франции. Ибо кто на этой земле имел право воскликнуть, как это мог бы сделать какой-нибудь бог: я непогрешим, я хочу заклеймить французскую нацию как нечестивую и, на этом основании, объявляю ее недостойной свободы!

Правда, ваши англичане считали бы себя погибшими, если бы они допустили малейшее нарушение воскресного отдыха; английские ханжи откажутся даже сказать иностранцу название апельсина, потому что это было бы светское дело [взрыв смеха]; усердный священник станет публично обличать пивовара, который варил пиво в субботу, потому что он окажется сообщником пива, которое виновно в том, что бродит также и в воскресенье [новые взрывы смеха], и вместо всяких невинных развлечений молодые девушки благочестиво читают непристойные рассказы Библии или просматривают в еженедельных журналах длинную серию скандалов, происходивших в течение недели среди аристократии [слушатели переглядываются].

Но давайте сосчитаем ваших набожных. Сперва вычтем тех, кто совершенно не соблюдает обрядов церкви. Сколько молодых фешенебельных людей, сколько элегантных женщин, сколько аристократов, которые много говорят о религии и никогда не ходят в церковь и, никогда не заглядывают в Библию, в то время как народ, лишенный всяких развлечений в течение недели, в воскресенье бежит чаще в кабаки, чем в церкви, не имея никакого другого наслаждения, кроме пьянства в трактирах! И среди этих заведомых неверующих сколько членов парламента, сколько людей, выдающихся по уму и знаниям!

Вычтем еще всех, которые бывают на проповедях одно воскресенье и не бывают в другое, которые поклоняются богу в Лондоне и дьяволу в Париже. Все эти полуверующие – смехотворные верующие. Я называю их неверными и неверующими!

Из числа тех, кто строго выполняет все религиозные обряды, вычеркнем также всех Тартюфов,⁴⁸ ибо разве Англия, как и Франция, не имеет своих святош, которые делают из религии товар и ремесло и всегда входят в соглашение с небом? Разве она не имеет священников, которые бьют своих жен, де-Лаколонжей,⁴⁹ которые душат своих любовниц, Менгра, которые разрезают на куски члены жертв их святотатственной похоти?

Остаются только искренне религиозные люди, а у вас их не больше, чем во Франции, ибо ваши храмы не более переполнены, чем наши церкви, и в числе молящихся сколько людей религиозных по принуждению, сколько детей и старух, сколько кухарок и лакеев, сколько невежд и дураков, которые верят потому, что им велено верить, которые верят всем священникам земли или, скорее, думают, что верят, но преклоняют колени и молятся механически, без убеждения и без руководителя в серьезных обстоятельствах! Разве мое «большое око», всегда отверстое, мешает этому стаду присваивать себе чужое добро, лавочникам – надувать своих покупателей, слугам – обкрадывать своих

господ или клеветать на своих господ, мужьям – бить своих жен, женщинам всячески обирать своих мужей и детей?

Иду дальше: разве вы не знаете про набожного капитана каперского судна,⁵⁰ просящего бога послать ему хороший груз – негров, который даст ему возможность заработать много денег; про набожную женщину, которая просит бога, чтобы ее супруг потерпел кораблекрушение; про неаполитанского разбойника, перечитывающего свой «Отче наш», чтобы бог послал под выстрел его ружья какого-нибудь богатого английского милорда, или про того короля, который на коленях перед святой девой умолял ее разрешить ему еще одно маленькое убийство! Ибо поистине, если подумать о всех злоупотреблениях религии, приходишь к заключению, что история ее есть история всех нелепостей, всех преступлений и всех преступников, которые обездоливали человечество!

И ваша гордая аристократия, которая говорит с таким лицемерным почтением о религии, – как та ее часть, которая выполняет обряды, так и та, которая пренебрегает ими, – разве она имеет религию, она, которая так долго притесняет несчастную Ирландию, она, которая кормится нищетой бедного английского народа? Нет, Вильям, ваша аристократия не имеет религии и ваша нация также!

– Ах, мой друг, – воскликнул Вильям, – разве ваша любовь к народу не делает вас несправедливым по отношению к английскому дворянству и слишком строгим даже по отношению ко всей нации?

– Несправедлив! Я был бы безутешен, если бы был несправедлив, ибо прежде всего я люблю справедливость как по отношению к аристократам, так и по отношению к бедным рабочим. Я готов признать, даже с большим удовольствием (ибо я всегда испытываю удовольствие при виде добра и неудовольствие при виде зла), я готов признать, что я знаю в Англии, как и во Франции, много дворянских семей, характер которых, благотворительность и великодушие я очень уважаю; что я знаю равным образом много буржуазных и рабочих семей, достоинствами и добродетелями которых я восхищаюсь; что я почитаю человечность и милосердие некоторых ваших религиозных сект; что я ценю и уважаю вашу нацию, что я часто защищал ее против несправедливых упреков; что в вашей стране есть много вещей, которые возбуждают мой восторг, но это не потому, что вы исповедуете религию, милорд, а напротив, хотя вы набожны.

Что я говорю, набожны! Ханжи и суеверы, – должен был бы я сказать! Ибо все это множество различных сект, эти ребяческие обряды, которым придают такое большое значение, разве они достойны людей?

– И все же я признаю опять, без всякой претензии проводить параллель между двумя нациями, что англичане мне больше кажутся людьми, чем французы. Я сказал бы почти, что они люди, окруженные очаровательными детьми, и что французы – милые дети, окружающие нескольких гениальных людей.

– Но я все-таки буду настаивать, что ваша нация не религиозна, и так как вы меня обвинили в несправедливости, то я прибавлю, чтобы быть вполне справедливым, что вы не имеете более совершенных

верующих, чем те, которые находятся в Бедламе, а вашим наиболее благотворительным благочестивцам я сказал бы: «Вы соблюдаете простоту в вашей одежде, жилище, пище? Хорошо. Вы добры по отношению к вашим женам, вашим детям, вашим слугам, вашим единоверцам? Очень хорошо! Но вы богаты, а имеются бедные; у вас излишек, тогда как миллионы ваших братьев не имеют ни одежды, ни хлеба! Если вы верите в Иисуса Христа, довольствуйтесь необходимым, расширьте круг вашей благотворительности, отдайте весь ваш излишек, и вы будете иметь наградой невыразимое благо нравиться богу, и вы умножите до бесконечности ваши благодеяния, умножая число ваших подражателей! Но глухие к голосу Иисуса Христа, вы сохраняете излишек! И в таком случае вы не христиане!»

К тому же, Вильям, самая религиозная нация должна быть наиболее добродетельной и наиболее счастливой. Так вот, при вашей религии, вашем ханжестве и вашей Библии, меньше ли приходится вашим трибуналам, чем трибуналам ваших соседей, судить и наказывать преступников? Имеют ли ваши дети больше сыновнего почтения? Разве ваши женщины более благоразумны, мужчины более добродетельны, народ более счастлив?

Вы не осмелились бы утверждать это, Вильям! Не говорите нам поэтому никогда о благочестии англичан и нечестивости французов.

Но мы должны говорить, всегда говорить об икарйцах, и, я прошу у вас извинения, господа, что так долго отвечал на провоцирование нашего друга, и так как он критиковал также и религию Икарии, я ограничусь тем, что скажу ему:

«Вы, милорд, так много путешествовавший, скажите нам, в какой стране видели вы родителей более нежных к своим детям, детей столь почтительных и преданных своим родителям, таких разумных девушек, таких верных супругов, такое отеческое правительство, таких свободных граждан, так мало преступлений, столько братства, столько добродетелей и столько счастья, наконец, достойных уважения и уважаемых священников? В какой стране видели вы, чтобы человек так хорошо соответствовал благожелательным намерениям создателя и делал такое хорошее употребление из возвышенного и божественного разума, который дан ему провидением как неистощимый источник совершенства и счастья? При господстве какой религии видели вы столь счастливый народ, так далеко продвинувшийся вперед по бесконечной дороге усовершенствования, народ, который мог бы так мало упрекать природу и имел бы столько оснований быть ей благодарным за ее бесчисленные благодеяния? Назовите мне хоть один народ, который умел бы так же хорошо ценить и использовать чудеса творения и вселенной, так искренно поклоняться богу в его великолепных творениях, так полно признавать его справедливость и его доброту, так почитать его и оказывать ему такую достойную почесть, подражая этому отцу всего рода человеческого в его любви ко всем своим детям?.. Признайте же, провозгласите, мой дорогой милорд, что религия Икарии есть наиболее совершенная из всех религий!

Республика получила за несколько дней перед этим пакет английских, французских и других журналов и газет и опубликовала статистический анализ тех из них, которые были получены за предшествовавшие шесть месяцев.

— Какая ужасная картина! — вскричал дед Вальмора. — Сколько пожаров и несчастных случаев, происшедших по вине правительств! Сколько банкротств, сколько рабочих без работы, вынужденных жить милостыней! Сколько процессов, дуэлей и самоубийств! Сколько краж, убийств, преступлений всякого рода, осуждений и казней! Сколько бунтов, заговоров и покушений! Сколько зверств и массовых убийств в Испании и Алжире!⁵¹

И наряду с сообщениями о стольких бедствиях, которые всегда давят своей тяжестью бедные народы и наполняют душу скорбью, мы находим в виде утешения подробнейшие повествования о празднествах, развлечениях и играх аристократии!

Я читаю сегодня в речи, произнесенной при открытии палаты депутатов, что народ счастлив, правительство мудро, уважаемо, любимо, ценимо, всюду царят удовлетворение, доверие и мир, а завтра я не могу притти в себя от изумления, когда читаю об ужасной нищете, страшных заговорах, тревожных событиях, системе устрашения и репрессий.⁵²

Всюду, кроме Икарии, я вижу только противоречия и ложь, путаницу и хаос, угнетение и бедствия. Я знаю хорошо, что это неизбежное следствие вашего плохого общественного строя, однако, я не постигаю ваших стран, мой дорогой Евгений и мой дорогой милорд.

Я еще кое-как постигаю политический строй Англии, понимаю, что старая аристократия, которая владеет всем богатством и всей властью, держит короля в полной зависимости, осуждает на казнь государей, короля и непослушных министров и достаточно умна, чтобы щадить народ и оставить ему некоторую свободу, — я понимаю, говорю я, что эту аристократию трудно вырвать с корнем, в особенности, когда страна организована на аристократических основах, народ с давних пор привык падать ниц перед своими сеньорами, но не подвергается ежедневно придирам и стеснениям, когда он совершенно чужд военному делу и народная партия ежегодно добивается каких-нибудь завоеваний, дающих ей некоторое удовлетворение и склоняющих ее к терпению.

Но Франция! Я вижу, что тех, кого она назвала героями Июля или баррикад,⁵³ подвергают преследованиям, бросают в тюрьмы, осуждают, изгоняют, заключают в оковы! Тот, кого называли избранником народа,⁵⁴ служит объектом бунтов и заговоров. Избиратели избирают врагов революции, присяжные осуждают известных писателей!

— Представьте себе, — сказал я ему, прося извинения в том, что прервал его, — присяжные осудили нашего Евгения за то, что после июньских расстрелов и предшествовавших им апрельских расстрелов,⁵⁵ он сказал: «Власть с таким же основанием решила расстрелять бунт, с каким Галилей был осужден за его учение о вращении земли вокруг солнца».

– Но, заглядывая вперед, – прибавил старец, – я вижу, как Франция переходит от феодального королевства к королевству конституционному, затем к Республике, потом нисходит к Империи, а за нею – к Реставрации.

Я вижу, как она поднимается в 1830 году, потрясает весь мир шумом своей гражданской славы, как она прежде потрясала его шумом своей военной славы, и почти сейчас же устремляется вспять к состоянию, в котором пребывала прежде.

Я вижу, как в течение сорока семи лет она дает другим народам пример революции,⁵⁶ вызывает их на подражание ей, затем отступает, как раз тогда, когда ее призывы и примеры их увлекли!

Я вижу, как она делает героические усилия и приносит огромные жертвы, чтобы завоевать равенство, как она обладает им в течение нескольких лет, затем дает себя обуздать аристократии, допускает, что последняя дает ей только сто пятьдесят тысяч избирателей на тридцать три миллиона французов, мирится с тем, что у нее отбирают право ассоциаций и собраний, свободу печати и даже суд присяжных, и, наконец, повергается ниц пред господином!

И если бы ему пришла фантазия изображать из себя льва, я не был бы удивлен, если бы прочитал в один прекрасный день в одной из ваших газет, что президент палаты депутатов сказал ему, стоя на коленях:

И вы принесли им, сеньор,
Растерзав их, большую честь.⁵⁷

Я очень сожалею, мой дорогой Евгений, что эта картина принесет вам огорчение, но Я не понимаю Франции, или, вернее, я хорошо понимаю, что она позорит себя.

– О да, вы разрываем мою душу, – вскричал Евгений со слезами в глазах, – вы заставляете меня краснеть от стыда! Трусы, жалкие люди! Ах, как я их презираю, как ненавижу, как хотел бы!.. Но что я говорю? Какое святотатство! Нет, нет, не там настоящая Франция, мое отечество, мое отечество, которое я люблю и буду всегда любить!

Не останавливайтесь на поверхности, не давайте себя обманывать внешностью, мой уважаемый друг! Есть две Франции: Франция демократическая и Франция аристократическая. В 1789 году, в 1792 году, в эпоху Республики, Консульства, Империи, Реставрации, в 1830 году и позже вы можете различить эти две Франции: одну – благородную, храбрую, жаждущую прогресса, справедливости и свободы, друга всех остальных народов; другую – эгоистическую, жаждущую богатств и власти, трусливую и жестокую... Первая делала все революции, проливая свою кровь, вторая провела все контрреволюции, снабжая их своими деньгами!

Если народ позволил вырвать у себя победу, то только потому, что он слишком доверчив, слишком горяч. Если вторая Франция могла так часто избегать революции, то только потому, что она всегда пускала в ход хитрость и вероломство, ренегатов и предателей и даже иностранные штыки. Демократической Франции – честь и уважение, почет и слава! А Франции аристократической...

Но нет! Ибо обе Франции составляют одну единую Францию,

разделенную деспотизмом, который стремится господствовать, и эта единая Франция является жертвой неурядицы и хаоса, создаваемых пороками общественного и политического строя. Разве Икартия не походила бы на Францию еще и теперь, если бы она не имела счастья быть руководимой Икаром? И не походила ли бы теперь Франция на Икартию, если бы Наполеон или государь, выдвинутый баррикадами, имели сердце и волю Икара?

– Но, мой дорогой Евгений, – сказал я ему, – если Франция находится позади, а Англия впереди, то не объясняется ли это их характерами: у первой пылким, но легкомысленным и непостоянным, у второй – холодным, но благоразумным и настойчивым?

– Молчите, мой дорогой Вильям, молчите! Не хвастайтесь вашим представительным правительством, которое является представительством только вашей аристократии, ибо ваш народ, погрязший в самой ужасной нищете, не имеет настоящих представителей, и слово «народ», которое вы употребляете так часто и торжественно, есть только обман и ложь! Не хвастайтесь вашей свободой для народа, ибо эта свобода нисколько не помогает ему вырваться из нищеты, а ваша аристократия лишает его печати, ассоциаций и собраний, когда они ей кажутся опасными, и даже убивает и расстреливает народ при помощи своих наемников, когда он дерзает прибегать к бунту! Не чваньтесь, что вы нас обогнали, ибо что касается философии, обычаев и нравов, аристократических и религиозных предрассудков, в особенности равенства, этого важнейшего вопроса, ваш английский народ отстал от нашего французского народа на полвека! Мы больше угнетены, это правда; наша аристократия более агрессивна и наша демократия более свобододобивы, потому что они более требовательны, потому что мы переживаем по существу революционную ситуацию, и наша аристократия находится на вулкане, ежедневно грозящем извержением, которое поглотит ее; потому что народ уже отвоевал бы все отнятые у него права, если бы ему оставили свободу печати и право ассоциаций, которые английская аристократия не боится оставить английскому народу. Мы поработены свободной аристократией, но наше порабощение только временное, мы протестуем и сопротивляемся, и рано или поздно истинные принципы восторжествуют, как они уже часто торжествовали, и мы тогда обгоним вас на полвека.

И если бы действительно было верно, что вы нас опередили, то не обязаны ли вы этим Франции? Она с 1789 года не дает вам заснуть, она задела вашу честь в 1830 году и принесла вам вашу парламентскую реформу,⁵⁸ ваш единственный прогресс за последние полтора столетия!

И если бы было верно, что Франция отстала, то может ли ее упрекать в этом англичанин, когда она в течение сорока семи лет сделала столько героических усилий и принесла столько жертв, чтобы освободиться, между тем как английская аристократия субсидировала или поддерживала ее врагов за все эти сорок семь лет и становилась всегда опорой всякого зарождающегося деспотизма? Но остережемся,

мой дорогой Вильям, обвинять взаимно друг друга! Не будем никогда смешивать оба народа с их аристократиями и правительствами! Не будем даже смешивать в нашей ненависти учреждения и людей! Одинаковые жертвы аристократического господства и пороков общественного строя, английский народ и французский народ будут вместе в братском союзе бороться за наше освобождение и освобождение всех других народов! И будем стараться подражать Икарии, во имя нашего блага и блага человечества!

Эти благородные заявления Евгения доставили такое большое удовольствие старому другу Икара, что он несколько раз пожал ему руку и кончил тем, что нежно обнял его.

Глава тридцать восьмая. БРАК МИЛОРДА РЕШЕН

Сегодня состоялась давно уже задуманная прогулка по реке.

Мы пришли все, около тридцати шести человек, к берегу реки Таира и поднялись на маленькое судно, или большую лодку, которая должна была повезти только нас, ибо имеются суда различной величины, и каждая семья или каждое общество может обеспечить себе подходящее судно, заказав его за несколько дней.

Некоторые лодки, самые маленькие, передвигаются с помощью весел; но почти все приводятся в движение паром или различными другими способами.

Все лодки имеют очаровательную форму, разрисованы, расцвечены флагами, снабжены изящно декорированными палатками.

Погода была великолепная, и вся река, во всю свою ширину, была покрыта лодками и представляла самое оживленное, разнообразное и восхитительное зрелище.

Но мы имели еще более удивительное зрелище: вид обоих берегов и деревень с двух сторон, где искусство соперничало с природой в украшении, ибо республика для удовольствия своих туристов и путешественников строит деревни на берегах рек или около дороги, как богатый собственник в других местах разводит свой парк или сад.

Но ничто, я думаю, не может сравниться с прелестями цветущего острова, где мы высадились после часа езды и провели весь день в играх, среди смеха и песен.

Так как все наводило нас на мысль о счастье, мы держали большой совет о нашей любви и наших будущих судьбах.

Тщетно старался Вальмор, гордый своей победой над самим собой и находивший невыразимое наслаждение в своем благородном самопожертвовании, уговаривать ежедневно нас, Динаизу и меня, согласиться на его проект одновременно тройного брака. Казалось, он находил большое удовольствие, укрепляя нашу взаимную любовь, но мы не хотели принять окончательное решение, пока мы не будем иметь доказательства, что наш союз не причинит горя ни Вальмору, ни мисс Генриетте. Но два письма, которые я получил накануне из Англии, помогли Вальмору возобновить свои настояния с большей энергией. Он уверял нас, что он вовсе не такой дурной человек, чтобы мог решиться

сделать Генриетту несчастной, и он найдет двойное счастье в своем собственном браке и в нашем счастье.

Он так горячо убеждал нас, что мы дали себя, наконец, убедить, и когда вопрос был поставлен на голосование, было единодушно решено, при общем взрыве радости, что все три наши свадьбы будут праздноваться в один день, через два месяца.

Динаиза поставила только одно условие, которое было единогласно одобрено, а именно, чтобы я объявил себя сторонником принципа общности и посвятил свое влияние и свое состояние пропаганде ее в других местах. Еще раньше, чем она кончила, я уже ответил, что вместе с ней я буду самым ярким пропагандистом, но она прибавила и, второе условие, которое было принято такими же единодушными аплодисментами, — что каждый второй год я буду привозить ее к матери, семье и друзьям.

Оставалась еще одна трудность: закон разрешает икарийке выйти замуж за иностранца только в том случае, если он сперва получит малую натурализацию (которая не вынуждает его отказаться от своего первого отечества), причем закон дозволяет эту натурализацию только иностранцам, оказавшим какую-нибудь большую услугу республике. Но дед Вальмора уверил нас, что пропаганда принципа общности в Англии будет рассматриваться как одна из самых больших услуг, которую иностранец может оказать Икарии, и взял на себя добиться моей натурализации. Мы возвращались, исполненные радости, и уже приближались к Икаре, как вдруг один инцидент поверг нас в ужас: одна из девочек, семи лет, упала в воду. Двое мальчиков, один десяти и другой двенадцати лет, и даже Евгений готовы были уже броситься на помощь, когда Вальмор бросился сам, крича, чтобы никто не двигался и не опасался ничего. Динар бросился с ним почти в одно время, убедившись сперва, что судно остановилось и вернулось назад, и после того как он просил меня взять шест или веревку и держать их наготове. Затем, по сигналу маленького колокола, имевшегося на этот случай, все соседние лодки поспешили на линию, по которой должно было проплыть тело. Но все эти меры помощи оказались ненужными, а Вальмор и Динар даже не имели удовольствия спасти девочку, к которой они не успели прикоснуться, когда увидели, что она появилась на поверхности воды и плывет без боязни и в безопасности.

Мать ее мягко пожурела, обняв ее. Все смеялись при виде ужаса, показавшегося на моем лице, так как все знали, что дитя умеет плавать и ему не грозит никакая опасность с таким ныряльщиком, как Динар, и таким пловцом, как Вальмор.

Глава тридцать девятая. ЖЕНЩИНЫ

Мы были в сборе и забавлялись, когда Вальмор заметил Евгения, входившего через сад.

— Хотите, — сказал я живо, — чтобы я вывел его из себя и доставил вам несколько веселых минут? Я заговорю с ним о женщинах, и вы увидите, как он вспылит!

– Да, да! – закричали Корилла и ее подруги.
– А, вот галантный француз! – вскричал я, смеясь.
– А, вот коварный англичанин, – ответил он, протягивая мне руку, после того как галантно приветствовал всех собравшихся.

– А почему коварный?
– А почему галантный?
– Как, вы не галантны?
– Кто же из двух?

– Слушайте! Однажды старая кокетка, которая нарядилась, удивлялась, что молодой человек не делает ей комплиментов по поводу свежего цвета ее лица; она вознегодовала затем, что он не бросился поднять перчатку, которую она нарочно уронила. «Как мало он галантен!» – сказала она с презрением. Вы видите, таким образом, коварный милорд, что тот, кого вы называете галантным французом, вовсе не галантен.

– О, это были вы! Вы, стало быть, походите на господ икарыйцев, которые сочли бы себя обесславленными, если бы обратились к своим женам с самой легкой лестью, и обесчещенными, если бы говорили с ними о пустяках.

– И потому вы думаете, что икарыйцы не галантны. Они правы, икарыйцы. И если бы эти дамы не были здесь, я сказал бы...

– Говорите смело... дамы вам позволяют...

– Я скажу, что когда есть женщины... когда можно говорить правду...

– Как вы запутываетесь, мой бедный Евгений, желая защищать плохое дело!

– Так вот, да, икарыйцы правы! У них хорошая, настоящая галантность, не галантность губ и слов, а галантность поступков. Не та, которая приличествует ничтожеству всяких ветрениц и смешных кокеток, но та, которая делает честь и тем, кто ее проявляет, и тем, кто ее внушает. Они любят женщин, обожают их, боготворят.

– Как вы увлекаетесь!

– Они украшают их, совершенствуют и делают все, чтобы дать им счастье и получить от них счастье.

– Как вы горячитесь!

– Я сужу об их отношении к женщинам не по пустым комплиентам и детским хвалам, с какими к ним обращаются, а по получаемому воспитанию и на основании всего того, что делают для них в мастерской, в домашнем быту, всюду. И вот почему я утверждаю и буду всегда утверждать, что икарыйцы галантны.

– Как вам угодно! Но я противоположного мнения.

– Никогда не увидишь здесь мужей, которые развлекаются вместе в клубах или в других местах, в то время как жены их скучают дома, никогда не видишь, чтобы мужчина захватил лучшее место, отняв его у женщины, которой оно нужно.

– Но в какой дикой стране вы видели подобное скотство?

– Редко в моей стране, и часто в другой, которую милорд знает

хорошо и которая начинает исправляться... Здесь я вижу, что брат так же галантен со своей сестрой, как в других местах галантны со своей любовницей. Я вижу больше: я вижу то, чего, к сожалению, не замечал нигде в других местах. Я вижу, что каждый применяет принцип, который охватывает всю область нравственности: «Делай другому то, что ты желал бы, чтобы он сделал для тебя». Я вижу, что каждый относится к женщинам других семей, как он хотел бы, чтобы другие относились к его матери или дочери, к жене или сестре.

– Как бы ни были мы испорчены в других странах, нет никого, кто не был бы готов рисковать своей жизнью, чтобы защитить честь, не говорю своей жены и дочери, но матери и сестры. И, однако, как мало среди нас людей, питающих уважение и почтение к матерям и сестрам других! И на каком основании наши матери и сестры могли бы ждать лучшего обращения? Отсюда исключительная внимательность к молодым и красивым женщинам, но общее пренебрежение к пожилым, между тем как здесь молодые люди почтительны и внимательны ко всем старухам, как к своим матерям, ко всем женщинам одного с ними возраста, как к своим сестрам. Да, мой фешенебельный сеньор, икарыйский народ самый галантный из народов земли [дамы аплодируют].

– Наши дамы слишком вежливы, чтобы вас опровергать, особенно в присутствии мужчин. Однако разве не говорят, что именно в Париже находится женский рай?

– Да, в Париже, во Франции он должен был бы быть. Но в настоящее время, если Париж – рай для некоторых молодых и красивых фавориток фортуны и аристократии (да еще рай ли!), то для огромного числа несчастных женщин из народа он является адом, в то время как здесь, где женщин любят и заботятся о них в течение весны и лета их жизни, где их любят и уважают в течение осени и зимы их жизни, всегда спокойные и счастливые икарыйки – все икарыйки – всегда находят рай в своей стране [новые аплодисменты дам].

– Наши дамы не осмелятся признать это, но вы, не считаете ли вы, что икарыйцы немного эгоистичны и ревнивы, они не хотят, чтобы жены их выходили без них, чтобы они ходили одни на спектакль или в гости?

– Да, это была бы тирания, если бы они искали развлечения без своих жен, но так как они сами никогда не выходят, чтобы развлечься без своих жен, не имеют никаких отдельных развлечений, делят с ними все свои развлечения и видят свое счастье в том, чтобы сделать их счастливыми, то они тысячу раз правы. Муж, который принуждает свою жену искать развлечения с другим мужчиной, не ее защитник и друг, а вероломный человек и почти ее враг, если он не сумасшедший... Слышите?

– Вы, стало быть, одобряете мужей, когда они требуют, чтобы их жены одевали свои наиболее элегантные наряды для них одних?

– Конечно! Так как воспитание приучает женщин чувствовать себя счастливыми, кокетничая только с мужьями, то я самым искренним образом хвалю их за это, и тех и других, потому что такое поведение кажется мне самым мудрым. И если бы я не боялся унижить вас перед

этими дамами, я сказал бы вам, что... именно икарийцы... [на ухо] лучше других знают любовь и ее небесные утехи.

— О, не бойтесь меня унижить! Говорите громко, галантный француз, который мне кажется таким же эгоистом и ревнивцем, как икарийцы! Что касается меня, я хотел бы иметь жену на английский или, скорее, на парижский манер!

— Как, вы допустили бы, чтобы вашу жену обнимали при так называемых невинных играх!

— А почему нет? Что плохого в том, если я попрошу вас отвезти ее о моей карете в Булонский лес, когда я не могу сопровождать ее сам туда? Разве это не образец цивилизации? Да, мой друг, вы были бы моим заместителем и ее кавалером; вы вальсировали бы с ней дома; вы танцевали бы с ней галоп; вы обнимали бы ее невинно в невинных играх; вы ее защищали бы от галантных кавалеров, если они надоедали бы ей своими галантностями; вы сохранили бы ее для меня, как делали бы это для себя; вы доставили бы ей большое удовольствие, так же как и мне, желающему только ее счастья. И какую опасность может это повлечь для нее с вами, с моим лучшим другом?

— Какую опасность... какую опасность?.. Для нее... никакой, конечно... наверное... она внушала бы столько уважения... Но если бы прикосновение солнца зажгло все вокруг нее...

— Тогда вы бросились бы в воду, чтобы потушить пожар...

— Вы хотите рассмешить этих дам [они, действительно, много смеялись]. Но, шутки в сторону, отвечайте! Если бы блеск солнца...

— Вы, льстец, и я не оставлю больше свою жену с вами!.. Но, впрочем, почему нет? Посмотрите, как она покраснела от гнева, слушая ваши льстивые речи!

— Я знаю хорошо, что не всякая правда приятна, и я знаю людей, которые за это сильно мстят, но я знаю более благородные души и надеюсь, что получу прощение за мое безрассудство... Кроме того, я чересчур глуп, что отвечаю на все ваши плохие шутки! Ваша жена была бы более разумна, чем вы. И если бы англичанин был так безумен, что хотел бы этого, икарийка была бы так разумна, что не позволила бы этого.

— Не позволила бы! Разве я не был бы господином, разве закон самих галантных французов не предписывает категорически женщине повиноваться своему мужу?⁵⁹ [все дамы вскрикнули].

— Это правда, точно так же как закон мудрых англичан позволяет мужу повести свою жену, с веревкой на шее, на скотный рынок и продать ее с аукциона, как плохую овцу, с наддачей в шесть су! [Какой ужас, какой ужас! — раздалось со всех сторон.]

— Но наш закон был установлен во времена варварства, тогда как ваш родился в век цивилизации и просвещения!

— Это, тем не менее, позорный закон, изданный деспотом, который хотел обязать женщин повиноваться супружескому деспотизму, чтобы подготовить повиновение мужей императорскому деспотизму!⁶⁰

— Вы хотите, быть может, мой галантный господин, чтобы муж повиновался жене?

— Нет, господин шутник, я считал бы вас тогда смешным, и я уверен, что ваша жена слишком умна и слишком хорошо знает свой настоящий интерес, чтобы желать сделать своего мужа смешным. Но я хотел бы, чтобы закон провозгласил, как в Икарии, равенство между супругами, сделав только голос мужа перевешивающим,⁶¹ я, кроме того, создав в других странах все, что закон делает здесь для того, чтобы супруги жили всегда в согласии и были счастливы.

— Но разве ваш закон о подчинении жен не является необходимым в стране, где один из самых крупных сеньоров сказал самой королеве, что нет ни одной женщины, которую нельзя было бы соблазнить при помощи золота?

— И вы верите этой клевете, повторяемой вашими красивыми леди, считающими себя более благоразумными и стирающими свою чопорность до того, что стыдливо краснеют, когда кто-нибудь совершает такое страшное неприличие, как произнесение в их присутствии самых безразличных слов? И затем пригласите всех ваших милордов принести все их гинеи, чтобы соблазнить хотя бы одну икарийку.

— Да, но Франция не Икария.

— Увы, я это прекрасно знаю. И именно это приводит меня в бешенство, именно то, что я вижу, как плохой общественный строй делает несчастными столько француженок. И именно для них я желаю так пылко республики и общности, которые дали бы) им всем столько счастья, сколько его имеют счастливые женщины Икарии.

Глава сороковая. ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ. ПРОЕКТ КОММУНИТАРНОЙ АССОЦИАЦИИ

Иностранцы, обедавшие вместе в своем отеле, каждый день обменивались друг с другом сведениями, получаемыми об Икарии, и обсуждали вопрос, в какой степени система, чудесные результаты которой они наблюдали, применима в их странах. Единодушные в своем восхищении, они далеко не были согласны в вопросе о возможности и средствах применения этой системы, и очень часто прения разгорались до такой степени, что превращались в спор.

Многие говорили:

— Несомненно, общность имущества, организованная так, как мы ее здесь наблюдаем, есть наиболее совершенная из всех форм общественного строя, и когда-нибудь она составит счастье всего мира. Никто не желает больше меня ее осуществления, и я отдал бы ей свой голос сегодня же, если бы другие тоже хотели дать свое согласие. Но мы недостаточно добродетельны, и только наши дети будут иметь счастье наслаждаться системой общности.

— Я тоже, — говорил другой, — я тоже посвятил бы ей свое состояние и жизнь. Но...

Это гнусное «но» неизменно повторялось.

Евгению, который каждый день ломал копыя в защиту принципа

общности и получил за свой проповеднический пыл прозвище икаромана, пришла в голову мысль собрать в одной зале, где можно было бы обсуждать и голосовать, всех иностранцев, находившихся тогда в Икаре.

— Вы увидите, — сказал он мне, — что если мы сможем заставить их голосовать, то почти все «но» превратятся в «да», и мы, может быть, придем к какому-нибудь полезному результату, ибо стыдно, что общность уже так давно составляет счастье Икарии, а иностранцы ничего не сделали, чтобы пропагандировать ее в своих странах. Будем первыми, подающими пример! Будем действовать!

Мы сообщили его предложение некоторым из виднейших иностранцев, в первую очередь старому и уважаемому шотландскому миссионеру, отцу Френсису, который пользовался репутацией человека большой мудрости. Он одобрил план Евгения, обязав нас только заручиться сперва помощью некоторых влиятельных икарийцев.

Мы в тот же вечер сообщили об этом деду Вальмора, который нас обнял от радости и при этом случае рассказал нам о сношениях Икарии с другими народами,

Внешние сношения

— Провозгласив принцип братства между Икарией и другими народами, — сказал нам старец, — Икар и республика не отвергли ни одного из последствий этого принципа. Никогда они не сделали ничего такого, что могло бы оскорбить другой народ, никогда не отказывали в услуге, которую могли оказать, и чем больше им обязаны были благодарностью, тем меньше они давали чувствовать свое превосходство.

Но великий принцип Икара заключался также в том, чтобы как можно меньше вмешиваться в дела наших соседей, предоставить их самим себе, ничего не делать с целью ускорить у них установление системы общности, ибо он был убежден, что Икария была той страной, где опыт мог наилучше удалиться к выгоде всех народов, и опасался, что неудачные попытки в других странах могли бы скомпрометировать икарийскую систему общности.

Один из наиболее славных заветов Икара заключался в том, чтобы мы занимались исключительно нашими собственными делами, пока общность не будет организована у нас в совершенстве.

Далекие от того, чтобы побуждать наших соседей ускорять их развитие, мы использовали наше влияние, чтобы склонить их вождей умерить свой пыл.

И наше влияние было велико, ибо мы никогда не думали ни о каких завоеваниях. Мы не хотели даже согласиться на присоединение одного небольшого народа, владения которого вклиниваются в наши естественные границы, хотя он сам нас просил об этом, и только после упорных настояний, повторяемых в течение нескольких лет, и с добровольного согласия всех других соседей, мы удовлетворили его желание, заявив при этом, что мы не допустим никакого другого присоединения.

Мы довольствовались только тесными союзами, дружескими и

братскими сношениями, торговым обменом, добрыми услугами всякого рода и ежегодным конгрессом, чтобы облегчить наши общие операции, в первую очередь относительно наших колоний.

Но теперь мы достаточно сильны, чтобы применить более широко наш принцип братства, и я уверен, что все мои сограждане склонны будут теперь облегчить установление всюду системы общности. Именно поэтому мы недавно приняли некоторые меры, чтобы привлечь к нам иностранцев, и именно поэтому Вальмор предложил на своем народном собрании расширить отель, предназначенный для приема иностранцев.

Но нужно, чтобы иностранцы помогали себе сами. И я с большим удовольствием приветствую идею нашего молодого друга Евгения, как я с большим удовольствием приветствовал приезд милорда.

Собирайтесь, обсуждайте, обсуждайте и даже соединитесь в общество, если можете! Да, попытайтесь организовать большую ассоциацию иностранцев всех стран для пропаганды принципа общности, и если вам это удастся, я гарантирую вам помощь Икарии. По крайней мере, я ничем не пренебрегу, чтобы вам ее обеспечить.

Сговоритесь поэтому с вашими товарищами, чтобы они собрались и обсудили ваши планы. На себя беру достать вам залу для ваших собраний.

Эти столь благосклонные слова и обещания со стороны старого друга Икара, почитаемого в Икаре и во всей Икарии (ибо каждый день приносил новые доказательства почтения, которые внушал дед Вальмора), возбудили в Евгении столько надежд и доставили ему такое удовольствие, что, казалось, он совсем потеряет голову.

Глава сорок первая. ПЕРВОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА АССОЦИАЦИИ

Сообщенный нашим почтенным другом наш план был принят с таким интересом, что нам предоставили одну из самых больших зал для народных собраний, и большое число видных икарийцев, депутатов и других видных лиц, обещало присутствовать на вашем собрании.

Это замечательное собрание, возвещенное уже за несколько дней национальной газетой с самыми живыми выражениями одобрения и симпатии, наконец, состоялось.

Изложив цель собрания и указав на интерес, который оно представляет для республики, председатель открыл совещание.

Все ораторы выразили свой восторг! и энтузиазм по поводу организации общества в Икарии. Несмотря на это, высказано было много возражений, всяких, но и если бы, и конференция затягивалась без решения и результата, когда Евгений, желавший дать высказаться другим, попросил слова и произнес очень короткую речь;

— Мы все знаем Икарию и не имеем нужды в длинных речах, чтобы оценить ее строй. Я прошу поэтому, чтобы собрание сперва обсудило следующий вопрос: желательно ли введение политического строя Икарии в вашей собственной стране? Мы посмотрим тогда, что можно дальше предпринять.

Так как собрание одобрило это предложение, с добавлением, что

Часть вторая. ДИСКУССИЯ. ВОЗРАЖЕНИЯ. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ВОЗРАЖЕНИЙ. ИСТОРИЯ. МНЕНИЯ ФИЛОСОФОВ

Глава первая. ИСТОРИЯ ИКАРИИ

Великодушное предложение Динара было принято с энтузиазмом массой иностранцев, собравшихся в отеле и пославших многочисленную депутацию, чтобы выразить ему благодарность.

Единодушными аплодисментами ему вновь была выражена благодарность, когда он появился в большой Исторической аудитории.

— Мои намерения, — сказал он, — заключаются не в том, чтобы изложить вам во всех деталях историю Икарии. Моя цель — лишь ознакомить вас с тем, как установилась у нас система общности, рассказать вам о препятствиях, которые она преодолела, и об использованных ею для этого средствах.

Я считаю, однако, необходимым дать вам вкратце представление о нашей национальной истории и нашем строе в эпоху нашей бессмертной революции.

Лет четыреста назад жестокие чужеземцы завоевали нашу страну и утвердились в ней. Борьба длилась более полувека, в течение которого завоеватели разрушили почти все города, перебили большую часть жителей, а остальных обратили в рабство.

Победители разделили между собой все земли и рабов со всем, чем последние владели, и образовали нацию господ, собственников и аристократов.

Если бы эта аристократия дворян и священников была всегда едина, рабство народа из поколения в поколение увековечилось бы, но эти варвары, столь же невежественные, сколь и жестокие, установили у себя неравенство имущества и власти, наследственную власть короля и выборного верховного первосвященника, между которыми шла постоянная война. Короли объединялись то с духовенством против дворян, то с дворянами против духовенства или с одной частью дворянства против другой, тогда как дворяне и духовенство иногда объединялись против королей.

Все средства были для них хороши — не только сила, открытая война, резня, грабеж и конфискация, но также заговоры, отравления, тайные убийства и воровство.

Часто короли угнетали аристократию, вешали или жгли аристократов и грабили дворян, обогащая духовенство, или, наоборот, грабили духовенство, обогащая дворян.

Часто также аристократы и духовенство притесняли королей, низлагали их, заключали в монастыри или тюрьмы, убивали или обезглавливали на эшафоте.

В длинном списке наследственных королей и королев (ибо женщины тоже наследовали корону) мы находим большое число таких, которые еще детьми вступали на трон; много других, которые находились в

голосовать могут только иностранцы, приехавшие не менее десяти дней назад, то вопрос был поставлен и решен вставанием.

Мы надеялись на большинство в четыре пятых. Судите же, каково было наше удивление, когда собрание поднялось, как один человек, в защиту икарийской системы.

Радость была так велика и шумна, что председатель счел удобным на время прервать заседание. Казалось, что собрание решает судьбы вселенной, до такой степени преувеличивают люди свое значение и свою власть, когда собираются вместе!

— Если бы мои соотечественники знали Икарию, как мы, — вскричал вне себя Евгений в одной группе, — и если бы они были собраны, как мы, то вся Франция, в этом я убежден, ответила бы, как мы, что она желает общности.

Каждый высказывал такую же уверенность относительно своей страны.

— Если бы человеческий род был весь собран в этой зале, — вскричал голос, который господствовал над всеми, — он пожелал бы иметь республику и общность!

— И он будет скоро иметь их, — прибавил другой голосом Стентора.⁶²

Четверть часа спустя председатель вновь открыл собрание и предложил другой вопрос: «Применима ли эта система?» и спросил, не хочет ли кто-нибудь высказаться против.

Мы ожидали, конечно, встретить много оппонентов по вопросу о применимости системы, но были удивлены большим количеством тех, которые встали, чтобы привести мотивы своей оппозиции, а так как они были слишком многочисленны, чтобы прения закончились на этом собрании, то обсуждение было отложено на другой день. Выбрана была комиссия для составления доклада.

Мы одержали уже крупную победу, добившись торжественного заявления, что иностранцы, собравшиеся в Икарии, желали бы установления общности для своих собственных стран, и мы надеялись убедить многих оппонентов по вопросу о применимости.

Но наша надежда возросла еще больше, когда, по совету и приглашению деда Вальмора, Динар согласился читать по утрам для иностранцев небольшой курс истории Икарии или, вернее, истории установления режима общности.

Конец первой части

состоянии идиотизма или безумия; много распутников, кутил и погрязших во всяких пороках; много злодеев, кровожадных, способных на всякие преступления. Только трое или четверо из них были достойны престола.

Вот почему многие из них кончили свою жизнь низложенными, разжалованными, в заключении или изгнании, или погибли от руки убийцы или палача.

Не больше добродетели и не меньше насильственных смертей находим мы и в длинном списке верховных первосвященников. А священники и дворяне были ничем не лучше своих главарей.

Здесь оратор привел имена многих королей и первосвященников, которые отличались своими преступлениями или погибли насильственной смертью.

— Но в то время как аристократия сама себя истребляла на глазах у народа, последний воспользовался раздорами своих угнетателей. Сперва короли освободили своих рабов, чтобы заручиться их помощью против аристократии, а затем аристократия освободила своих, чтобы получить их помощь против королей. Мало-помалу освобожденный народ приобрел право работать для себя, заниматься промыслами, вести торговлю, владеть землей и имуществом. Некоторые обогатились и образовали буржуазию, но в массе народ оставался нищим.

Тогда народ, ставший более сильным и просвещенным, но попрежнему несчастный, попытался улучшить свою судьбу и завоевать себе свободу. Заговоры, бунты и насилия народа происходили наряду с заговорами и насилиями аристократии. Некоторые наиболее могущественные аристократы, а часто и честолюбивые члены королевской семьи почти всегда возбуждали народ, подкупали его и руководили его борьбой с угнетением.

Иногда народ, одержав на время победу, мстил аристократии резней, поджогами, хищениями и грабежами.

Но народные восстания, бессильные перед мощью и коварством организованной власти, почти всегда потоплялись в крови народа, и история Икарии представляет, так сказать, лишь непрерывную цепь угнетения и бунта, гражданских войн и массовых убийств.

Однако народ завоевал себе право организоваться в общины и выбирать представителей либо в провинциальные, либо в генеральные штаты¹, и эти важные завоевания доставили ему средство добиться других прав.

Пройдя через двадцать более или менее кровавых революций, испытав все формы правления (аристократия, теократия, абсолютная монархия, конституционная монархия, республика, демократия и диктатура), одинаково обманутые диктаторами и королями, возведя на трон несколько новых династий, пережив несколько реставраций и свергнув с трона старого тирана Коруга в 1772 г. и своих последних тиранов Ликсдокса и Клорамиду в 1782 г., икарийцы дождались, к своему счастью, наконец, диктатора, который искренно хотел их свободы и благосостояния.

Бессмертный Икар, убежденный, что причина стольких революций

коренилась не только в недостатках политического строя, но и в недостатках общественного строя, мужественно взялся за радикальную реформу этого двойного строя (в действительности составляющего одно целое) и заменил его тем, который составляет теперь наше счастье.

Вы видите, что история Икарии до появления Икара похожа в общем и целом на историю всех народов.

Завтра вы увидите, что наш общественный строй был тогда так же порочен и заключал в себе столько же недостатков, сколько и строй ваших собственных отечеств, и что эта болезнь может быть излечена у вас применением того же средства, которое имело такой блестящий успех у нас.

Новые аплодисменты приветствовали искусного оратора (речь которого я передаю здесь в сокращенном виде), и собрание разошлось, скорбя об угнетении и бедствиях человеческого рода.

Глава вторая. НЕДОСТАТКИ СТАРОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

— Вы видите нас до такой степени счастливыми, — сказал Динар, — вы находите наши учреждения до такой степени разумными и совершенными, что вы только с трудом поверите, как глубоко порочен был наш старый общественный строй.

А между тем, как мог он не быть порочным, этот общественный строй, если он был делом не одного человека или одного собрания людей, создавших его по согласованному и совершенному плану, а делом времени и смены поколений, исподволь присоединявших одни учреждения за другими; если он был не результатом размышления и обсуждения, а случая или попытки, не опыта и мудрости, а невежества и варварства, не добродетели и желания блага народа, а порока, насилия, завоевания и стремления угнетать.

Можно сказать даже, что не было ни настоящего общества, ни людей, объединенных общими интересами, если не считать аристократии, и что масса представляла только стадо побежденных, угнетенных и рабов, эксплуатируемых небольшой кучкой завоевателей и господ.

Прогресс цивилизации и просвещения и многочисленные революции, несомненно, исправили много первоначальных недостатков, но осталось еще бесчисленное множество несправедливостей, злоупотреблений, предрассудков, ошибок и бедствий, когда Икар, наш славный Икар, предпринял в 1782 г. радикальную реформу.

Соблаговолите поэтому слушать меня со вниманием, ибо все страны организованы приблизительно одинаково, и следовательно, изображая вам старый строй Икарии, я рассказываю историю организации всех ваших так называемых обществ, хотя каждое из них в отдельности не совмещает в себе всей совокупности недостатков, которые я сейчас перечислю.

Как ни была отвратительна эта картина, я изложу вам откровенно всю правду, потому что когда болезнь угрожает жизни, то спасти больного можно не закрыв глаза, отвернув лицо и отрицая опасность, а

напротив, только смело исследуя рану, чтобы установить всю серьезность болезни и отыскать ее причину, а затем применить пригодное средство.

Если эти недостатки, которые я сейчас опишу вам во всей их неприглядности, вызовут в вас чувство негодования, то все же не смешивайте людей и учреждения. Возмущайтесь, если хотите, недостатками, ошибками, предрассудками, злоупотреблениями и крайностями, причиняющими человечеству бедствия, но будьте снисходительны и справедливы к нашим бывшим организаторам, из которых многие грешили только по неопытности, желая на самом деле блага себе подобным, считая полезными все учреждения, которые они допускали, и нисколько не предвидя зла, какое должно было явиться их следствием. Не негодуйте также и на завоевателей, потому что их насилия и захваты были почти неизбежным следствием их воспитания или, скорее, их нравов, т.е. невежества и варварства их времени. Я укажу вам на бедствия, которые мы переживали пятьдесят лет назад, с той лишь целью, чтобы сравнить их с нашим настоящим процветанием и убедить вас, что никто из вас не должен терять надежду на то, что его собственное отечество обретет счастье. Я начинаю.

Первым основным пороком, породившим все другие, было неравенство имущества и благосостояния. Я не останавливаюсь теперь на том, было ли это несправедливостью. Я только констатирую факт и его последствия. Я ограничиваюсь замечанием, что это неравенство делило икарійцев на два народа: богатых и бедных, счастливых и несчастных, угнетателей и угнетенных, и возбуждало между этими двумя народами зависть и постоянные войны.

Второй основной порок — это право собственности, которое римский закон определял как право употребления и злоупотребления благами, созданными природой.

Завоеватели или аристократия сначала завоевали, т.е. захватили и украли, все земли и даже все предметы движимости и распределили их между собой неравномерно таким образом, что все они стали очень богатыми, а многие из них чрезмерно богатыми. Со времени этой эпохи завоеватели, желая к сделать свою собственность или завоеванную добычу неприкосновенной и священной, доставили законы, которые гласили, что каждое покушение на нее со стороны их рабов или народа есть воровство, преступление, самое гнусное из всех преступлений, за которое следует наказывать смертью или галерами и позором.

Чтобы упрочить собственность на землю за своими семьями, они установили закон субституций или майоратов и закон о праве старшинства, которые запрещали дворянам продавать свои имения и предоставляли старшему в семье право наследовать землю отца, а часто и других родственников, так что аристократия должна была навеки сконцентрировать все блага в своих руках и навеки обречь народ на нищету.

Субституции и право старшинства были затем отменены, и все имения могли быть отчуждаемы, но все же каждый сохранял неограниченное право приобретать и сосредоточивать сколько он мог,

пользуясь либо привилегией рождения, либо иными способами, так что только аристократия и несколько богатых буржуа постоянно владели всеми богатствами. Аристократы, которые сами составляли законы, и составляли их всегда лишь в своих интересах, постановили, что одна только собственность может давать власть, уважение и почет, даже тогда, когда богатый запятнан пороками и преступлениями, а даже самый трудолюбивый и добродетельный бедняк не может заслужить ничего, кроме пренебрежения, унижения и презрения.

В эпоху революции на двадцать пять миллионов жителей,² которые составляли население Икарии, приходилось приблизительно двадцать пять тысяч богачей, сто пятьдесят тысяч состоятельных и двадцать четыре миллиона восьмьсот двадцать пять тысяч бедняков. Двадцать пять тысяч богачей владели большим имуществом, чем двадцать четыре миллиона восьмьсот двадцать пять тысяч, составлявших остальную часть нации. Они владели почти всем. Сто пятьдесят тысяч состоятельных владели немногим. Двадцать четыре миллиона восьмьсот двадцать пять тысяч бедняков не имели ничего, если не считать рук, которыми они зарабатывали хлеб. И можно было назвать некоторых аристократов, владевших богатствами, которые могли бы составить счастье двухсот или трехсот тысяч несчастных.

Эти двадцать пять тысяч богачей жили в изобилии, в удовольствиях и в утонченной роскоши, тогда как народ был лишен необходимого.

Аристократия была не только праздна и бесполезна, она была и вредна, так как скармливала лошадям и породистым собакам продукты земли, предназначенные природой для пропитания человека, и бесполезно занимала земли под громаднейшими садами, парками, полями и лугами, отводя их для охоты и прогулок. Можно было даже встретить и таких аристократов, которые оставляли необработанными колоссальные земельные пространства, не извлекая из них ни прибыли, ни удовольствия и не давая хлеба тысячам несчастных, умирающим от голода.

Эта аристократия вредила обществу еще тем, что отнимала у него огромное количество рабочих для услуг и производства предметов роскоши, которые были нужны только ей.

Можно даже сказать, что весь народ (который она называла своими рабами и своей собственностью) оставался еще ее рабом, хотя уже не носил этого названия, так как этот народ постоянно работал на нее, а она ничего не делала для него.

Этот народ бывших рабов был освобожден, но его освобождение было только формальным. Его свобода была частичной и несовершенной, он пользовался только гражданской свободой в области некоторых частных отношений, но не имел политической свободы, и следовательно, его так называемая свобода была в действительности рабством, но видоизмененным и отличным, подобно тому, как рабство в Спарте отличалось от рабства в Афинах. Каждая семья народа в отдельности не была рабом и собственностью тех или других аристократов, а последние не делили между собою семей народа, чтобы владеть ими

индивидуально, но весь народ оставался рабом и собственностью всей аристократии. Последняя продолжала владеть народом и его эксплуатировать, но сообща и нераздельно, в другой форме и на других условиях, и предоставляя ему право работать на самого себя, возлагая на него заботы об обеспечении себя пищей, одеждой и жилищем на свою заработную плату, продолжая располагать его личностью на случай войны и подчиняя его всем своим законам, а следовательно и всем своим капризам.

Таким образом народ, на словах свободный, в действительности оставался рабом.

Этот раб терпел большие притеснения и был очень несчастен. Он был обречен трудиться и в детстве, и в старости, и в болезни, когда у него еще не было сил или когда они уже иссякли, изо дня в день с утра до ночи, как вьючное животное или как машина. Он был осужден на грязные, отвратительные, мучительные, нездоровые и опасные работы.

Чрезмерный труд расслаблял подростка, истощал взрослого и убивал старого. Очень немногие достигали старости, многие умирали от истощения или болезней или гибли от несчастных случаев. Масса рабочих вырождалась, женщины теряли свою красоту и грацию вместе с здоровьем. Так что, когда сравнивали известные категории рабочих с аристократами, то казалось, что это существа различных видов.

Так как рабочий имел только заработную плату, а эта заработная плата была недостаточна, то он плохо питался, плохо одевался, жил в плохих условиях и всегда терзался беспокойством о будущем. Многие не ели ни хлеба, ни мяса, ходили почти голыми или были покрыты лохмотьями и грязью, ютились в подвалах или чердаках, в трущобах или клоаках, без мебели и без огня. Почти все они жили хуже не только слуг, но даже лошадей или собак аристократов, а многие были несчастнее древних рабов и даже рабочего скота, который хозяева были заинтересованы хорошо кормить и бережно за ним ухаживать.

Многие не могли даже получить работу и были в обществе людей несчастнее, чем дикари или звери в лесах.

Всюду можно было видеть толпы нищих и бродяг, скорее похожих на грязных животных, чем на людей.

Если вынуждаемый голодом бедняк покушался на излишек имущества аристократа, последний называл его вором, негодяем и присуждал его к тюрьме, галерам, а часто и к смерти. Знатный сеньор убивал бедняка, который присваивал себе кролика или куропатку.

Нередко можно было также видеть детей и стариков, мужчин и женщин, умирающих от голода или холода.

Нередко случались и самоубийства от отчаянья.

И нередко даже бывало, что отцы и матери убивали своих детей, чтобы избавить их от нищеты.

Налог в пользу бедных, частная милостыня, несколько благотворительных учреждений, распределяющих пособия и пищевые продукты по домам, несколько приютов для стариков и инвалидов, несколько мастерских для здоровых — не могли устранить и тысячной

доли бедствий.

Мы негодуем теперь по поводу таких несправедливостей, мы даже с трудом верим, что такое варварство могло существовать, но многие из вас найдут вполне правдоподобной и точной не одну часть этой ужасной картины.

И, несмотря на это, не забывайте никогда, что я рисую вам эти гнетущие картины не для того, чтобы вызвать в вас гнев против людей, но единственно для того, чтобы указать вам средство, показать вам его благодетельные последствия и внушить вам надежду увидеть излечение этой болезни у вас.

Деньги, придуманные с полезной целью, лишь усугубляли зло, давая аристократу, который не мог накапливать и сохранять в натуре продукты земли, возможность обращать их в деньги, копить золото и непрерывно увеличивать свое состояние.

Так как деньги представляли, таким образом, все вещи, каждый думал только о том, чтобы приобрести золото и серебро, богатство и состояние. Это было высшее благо, главное занятие, и все средства казались хороши, чтобы разбогатеть.

Мы действительно увидим, что деньги, имущественное неравенство и собственность были причиной всех пороков, всех преступлений и всех несчастий для богатых в такой же степени, как и для бедных.

Иметь и удерживать излишки, когда тысячи и миллионы были лишены необходимого, было явной несправедливостью.

Ибо разве не неоспоримо, что природа дала всем людям в момент их рождения, всем детям в колыбели равное право на существование и счастье? Возможно ли отрицать, что она создала все, что находится на земле, для всех людей, для удовлетворения одинаковых у всех потребностей?

Разве не бесспорно, что она не создала ни бедных, ни богатых, а хотела обеспечить изобилие и равенство в этом изобилии для всех людей? И когда излишек у одних возможен только за счет нужды других, то разве это не постоянная узурпация, с точки зрения природы, разума, справедливости и человечности?

Более того, разве эта первая и основная несправедливость не заключает в себе по существу все несправедливости и все пороки — эгоизм, тщеславие, гордыню, бесчеловечность и даже жестокость?

И не должны ли, следовательно, эти пороки неизбежно проявляться во всех действиях тех, кто владеет богатствами? Поэтому они напрасно кичились своей добродетелью и благотворительностью: обладание этими богатствами и нищета, на которую они неизбежно осуждали бедных, постоянно разоблачали их мнимые добродетели.

Они не имели даже права считать себя религиозными и христианами, ибо Христос возвестил, что все люди — братья и среди них не должно быть ни богатых, ни бедных.

Но богатые, испорченные воспитанием и предрассудками, были не только безжалостны по отношению к бедным. Неравные между собой, менее богатые ревновали и завидовали судьбе более богатых. И все,

алчные и жадные, делали столько же и даже часто еще больше усилий, чем бедные, чтобы увеличить свое состояние, не останавливаясь ни перед какой низостью, ни перед каким преступлением.

Скупость, тупая и пагубная скупость, часто была их самой невинной страстью.

Праздность толкала аристократов на все причуды и безумства роскоши, на всякие азартные игры и вовлекала в разврат. Не довольствуясь тем, что они убивали трудом и нищетой сыновей, отцов и мужей бедных людей, они с помощью своих богатств соблазняли дочерей и жен рабочих и вносили стыд и позор даже в недра их семейств.

И это еще не все: аристократы, всегда побуждаемые неизбежным следствием основной несправедливости, старались держать бедных в невежестве и даже развивать в них пороки, чтобы оболванить их и поработить.

Тщетно они затем проповедывали народу мораль, честность, умеренность, терпение и смирение, тщетно бесстыдные и утопающие в роскоши священники проповедывали религию – их дурные дела говорили громче их лицемерных речей, и их пороки, приносящие им выгоду, служили постоянным примером для подражания.

Так как изобилие или излишек неизбежно являлись, как я уже сказал, несправедливостью и узурпацией, то бедные часто думали о том, как бы обокрасть богатого, и кража во всяческих формах (мошенничество, жульничество, банкротство, злоупотребление доверием, обман, надувательство и т.д.) была почти постоянным явлением как среди бедных, так и среди богатых.

И бедные обкрадывали не только богатых, но и таких же бедных, как они сами, так что все – богатые и бедные – и сами крали и страдали от краж.

Я не мог бы перечислить все виды воровства и все категории воров.

Тщетно издавали богачи грозные законы против воровства, тщетно тюрьмы и галеры наполнялись ворами-бедняками и кровь последних проливалась на эшафоте. Толкаемые нищетой и надеждой не быть пойманными, бедные крали по ночам в полях, в домах, на дорогах и на улицах.

Ловкий жулик крал даже на глазах: у людей, среди бела дня, на улицах, на гуляньях и на собраниях.

Смелый мошенник крал, пуская в ход ложь и хитрость, чтобы сбыть те или иные предметы по цене, неизмеримо превышающей их действительную стоимость, или вытащить деньги, злоупотребляя легковерием и часто благотворительностью.

Говорить ли о фальшивомонетчиках и поддельвателях всякого рода?

Говорить ли о ростовщиках, об этих крупных ворах, о биржевых и банковских волках, о скупщиках, монополистах и поставщиках?

Говорить ли о тех, кто обогащался на общественных бедствиях, кто желал и провоцировал вторжения врага или войны с целью составить себе состояние, и вызывал голод, чтобы нажить золото на трупах?

Говорить ли о тех ворах, которые губили общественное здравие,

фальсифицируя продаваемые ими пищевые продукты и напитки, и о других крупных ворах, военачальниках, которые грабили чужеземные народы, подвергая их страны ужасным притеснениям?

Говорить ли, наконец, о бесчисленных средствах накапливать деньги за счет других и о бесчисленном количестве лиц, которые почти во всех классах постоянно прибегали к ним? Все эти деяния законами не квалифицируются как воровство; самые бесчестные, самые вредные из них, имевшие место только среди богатых, пользовались даже легальной безнаказанностью. Но все они, согласно правилам здоровой морали, тем не менее были воровством.

В каждом классе, несомненно, было большое число исключений. Было несколько богачей столь честных, сколько это возможно и много рабочих или бедных безукоризненно честных. Но можно сказать, что по существу и по непреодолимому следствию неравенства имущества все индивиды, богатые и бедные, в общем были вынуждены совершать действия, которые в действительности были только различными видами воровства.

А часто воровство вело ко всяким жестокостям, к убийствам, даже к самым варварским пыткам, чтобы заставить признаться, где спрятано золото.

Сколько отравлений и отцеубийств возбуждала жажда золота и наследства!

Существовали воровы, которые уводили и крали детей, чтобы бросить их в проституцию.

Воровали и резали молодых людей даже для того, чтобы продать их мясо или трупы.

Одним словом, при таких условиях не могло быть ни доверия, ни безопасности; каждый человек считал врагами почти всех других людей, и общество казалось, можно сказать, разбойничьим притоном среди леса.

И все эти ужасы, которые вы в большей или меньшей степени найдете всюду, были у нас и в других местах, – я не устану это повторять, – неизбежным следствием неограниченного права собственности.

Но воровство и убийство были не единственными последствиями неравенства имущества. Вы увидите еще и другие.

Собственность порождала миллионы тяжб между соседями, между продавцами и покупателями, между наследниками и т.д., и миллионы процессов, порожденных стремлением к наживе и жадностью, изводили истцов и часто их разоряли.

Гонимые нуждой, многие девушки осуждены были на проституцию. Матери продавали своих детей, мужа – своих жен.

Деньги были решающим соображением при заключении брака: искали скорее имущества, чем достоинств и добродетелей. Часто отец и мать препятствовали своей молодой дочери выйти замуж за молодого человека, которого она любила, и принуждали ее выйти за богатого старика, которого она не могла любить. Часто также молодой человек

женился на богатой старой деве, чтобы воспользоваться ее приданым. Отсюда бесчисленные неурядицы в хозяйствах, семьях и в обществе, отсюда неоскудевающий источник скандалов и несчастий для супругов и детей, отсюда супружеские распри, прелюбодеяния, процессы из-за непризнания отцовства, разводы и часто отравления или убийства, отсюда плохие примеры для детей, плохое воспитание их, отсюда смута в тех хозяйствах и семьях, где супруги не подходят друг к другу.

Руководимый постоянным стремлением к богатству и тщеславию, аристократ имел только одного или двоих детей, чтобы оставить им больше богатства, тогда как бедняк, который ничего не мог оставить своим детям, кроме нищеты, оставлял десятерым не меньше, чем двум или трем, и, не зная никакого другого счастья, кроме счастья отцовства, имел обычно многочисленную семью и порождал только несчастных.

Так как бедность мешала многим лицам обоего пола вступать в брак, то бесчисленные холостяки вносили разлад в семьи и имели внебрачные связи. Напрасно безжалостно позорили невинные создания, девушек, соблазненных мужчинами, жертв пороков общественного строя. Это лишь усугубляло зло, вызывая частые аборт, подкидывание детей и детоубийство.

Несколько приютов для бедных беременных женщин и покинутых детей были почти незаметным средством, а дома терпимости, допускавшиеся как другое средство, только поощряли и усугубляли порчу нравов.

Нужда в деньгах порождала также грязные и безнравственные книги и картины, которые не могли доставить никакой славы их авторам, но развращали воображение, умы и сердца читателей и увеличивали не порядки. Изобилие и нищета оказывали губительное влияние на общественные развлечения, на мнения, нравы и обычаи.

Изнывающие от праздности аристократы проводили часть года на охоте, и их привычка к жестокости по отношению к безобидным животным делала их равнодушными и бесчеловечными по отношению к людям.

Азартные игры и пари приучали их сразу удваивать свое состояние или разоряться, обогащаться за счет тех, кого они называли своими друзьями, радоваться отчаянно тех, кого они разоряли, или разорять своих жен и детей в надежде приобрести побольше золота.

Роскошь в жилище, обстановке, одежде, пище, лакеях, экипажах, лошадях и т.д. была безгранична, как желания безумных. Она поглощала колоссальные состояния, порождала самое рьяное состязание в тщеславии и делала честолюбие ненасытным.

Вещи, которых больше всего искали и которые стоили дороже всего, были не самые полезные или самые приятные, а самые редкие, экзотические или модные, а мода, менявшаяся почти ежегодно, постоянно вовлекала людей в новые расходы.

Золото, серебро, алмазы, жемчуг, камни, перья, дорогие материи концентрировали на одной богатой женщине больше богатств, чем нужно было, чтобы прокормить, приютить и одеть тысячи несчастных.

Ухаживание и кокетство были главным занятием аристократов. Даже женатые люди имели любовниц, которых они содержали в роскоши, а жены их заводили любовников.

Поэтому в театрах, в романах, в салонах — всюду самые соблазнительные картины, казалось, задавались целью только возбуждать любовные страсти.

Балы, концерты, спектакли, ассамблеи, торжества представляли вообще предмет жадных стремлений как случай выставить напоказ свое богатство или как средство взаимного соблазна.

Ночь проводили в истошающих, пагубных наслаждениях, а день — в беспокойном сне.

Вместо того чтобы кормить своих детей, матери отдавали их на руки наемницам, а сами проводили время в интригах и развлечениях.

Так как только богатство доставляло вес в глазах людей, то буржуа и бедняки старались во всем подражать аристократии и казаться богатыми.

Азартные игры и лотереи, роскошь во всем и в особенности в туалете, дух ухаживания и кокетства, публичные и частные развлечения развращали и разоряли как бедных, так и богатых.

Религиозные церемонии, всенощные и мессы были обыкновенно только поводом для свиданий, интриг и распутства.

Я не буду говорить вам о бесчисленных кабаках или тавернах всякого рода, в которых бедняк отравлял себя, чтобы забыть в вине свою нищету, и где человек привыкал опускаться ниже животного.

Не буду вам также говорить о тех крохах, которые во время известных публичных празднеств выбрасывались народу аристократией, как кости собакам, не для того чтобы накормить их, а чтобы потешиться их прожорливостью и драками.

Я не буду излагать в деталях губительные последствия всех этих злоупотреблений и пороков, каждый из которых порождал тысячи других. Вы были бы поражены, если бы я рассказал вам о самоубийствах, дуэлях и убийствах, повод к которым подавали игра и роскошь, ревность и любовь, грубость и нищета. Я, быть может, уже сделал слишком много, чтобы ознакомить вас с пороками общественного строя, который так долго составлял несчастье наших предков. Позвольте мне, однако, прибавить несколько слов о материальном положении страны.

Всегда угнетающая и всегда опасаящаяся нападения или всегда угрожающая и всегда находящаяся под угрозой, аристократия только и думала о самозащите или об упрочении своего господства.

Этим объясняется то, что она способна была управлять страной и что, с другой стороны, опасаясь народной активности и мощи, она не хотела даже допустить, чтобы общины пользовались самоуправлением.

Поэтому все, что можно назвать управлением, было запущено или порочно, ничто не делалось в интересах народа, и страна прозябала в плачевном состоянии.

Города почти все были построены неправильно, без плана, плохо расположены и плохо оборудованы. В них можно было найти несколько красивых улиц, заселенных богачами, но и много грязных, узких,

душных, нездоровых, без тротуаров, улиц, которые зачастую были только водосточными ямами и клоаками.

Аристократ чувствовал себя в безопасности в своем экипаже, который часто давил или забрызгивал грязью бедняков, но бедняк обязан был ходить, часто босой, в грязи, подвергаясь всякого рода неудобствам и опасностям. Вы ужаснулись бы, если бы я привел данные о несчастьях, увечьях и смертях, которые обычно происходили ежегодно в большом городе.

Так как собственность была объявлена неприкосновенной и каждый собственник имел право располагать своим достоянием как ему вздумается, то каждый приносил в жертву общественный интерес своему частному интересу.

Аристократы и главные государственные деятели, которые, впрочем, все были богатыми людьми, имели прекрасные отели или дворцы, а дома бедных и их мастерские были часто тесными и вредными для здоровья лачугами.

Аристократы имели великолепные замки в сельских местностях, но деревни и фермы часто представляли собою только груды грязи и навоза.

Что касается столицы, то там можно было найти великолепные здания и великолепные кварталы, но ее украшали для удовольствия богатых в ущерб остальной стране, да и рядом с этим великолепием можно было видеть самые грязные и отвратительные улицы, как рядом с самой наглой роскошью можно было встретить самую ужасную и удручающую нищету.

Большие дороги, почти все проложенные как попало, часто были почти непроходимы, не были приспособлены к удобствам бедного пешехода и представляли тысячи опасностей, которые можно было бы предупредить. Вы опять ужаснулись бы, если бы знали число несчастных случаев и аварий, происходивших ежегодно на дорогах и реках!

Дороги, которые вели к замкам, были всегда безопасны и удобны, а дороги, обслуживающие нужды земледелия и крестьян, обыкновенно изобиловали трясиными, опасными обрывами или пропастями. И опять-таки сколько несчастных случаев на этих дорогах!

Праздность и бесполезный труд представляли два других больших зла.

Вообразите себе все огромное число праздных аристократов, ненужных чиновников, полицейских, солдат, лакеев, монахов и рабочих, производивших предметы роскоши, и вы увидите, что миллионы рук терялись таким образом для полезного производства. Судите о потерях!

Сельское хозяйство, кормящее человеческий род, было в пренебрежении. Я не знаю точно, какая часть территории, но, несомненно, больше трети страны оставалось необработанной. Животноводство также было в запущении или пренебрежении, и на земле, которую небо так щедро одарило, что она могла бы доставить изобилие населению вдвое или втрое более многочисленному, массы несчастных крестьян умирали, не имея ни хлеба, ни мяса.

Отсутствие порядка в труде было источником потерь всего общества

и нищеты каждого в отдельности. Находясь под постоянным гнетом, бедные требовали, по крайней мере, свободы выбирать труд и профессию, но, лишённые возможности знать, что происходило вокруг них и вдали от них, они выбирали себе ремесло наугад, так что трудящийся люд как бы работал в мастерской, в которой царят путаница, беспорядок и хаос. Поэтому было слишком много рабочих, например, в деревообрабатывающей промышленности и недостаточно в железоделательной, слишком много продуктов одного рода и недостаточно продуктов другого рода, слишком много, например, вина и слишком мало хлеба. Вследствие невежества применялись устарелые и плохие способы обработки, в то время как новые способы обеспечивали превосходство за более совершенными или менее дорогими продуктами. И вы уже без дальнейших деталей поймете, сколько трудолюбивых рабочих должно было разоряться со своими семьями и сколько продуктов должно было теряться для общества.

Отсюда бесчисленные колоссальные банкротства, следовавшие одно за другим. Отсюда торговые и промышленные кризисы, которые распространяли разорение и ужас. Даже машины, появляющиеся благодаря случаю или изобретаемые гением, который сам представляет случай, подобно красоте, — машины часто служили только для того, чтобы создавать огромные состояния немногим и разорять тысячи людей. Толкаемые отчаянием, последние ломали механизмы, жгли мастерские и убивали их собственников, а затем обезумевшие массы сами становились жертвами избивавших их солдат или казнивших их палачей.

Я, как и вы, почти в гневе останавливаюсь на этом общественном строе, который порождал столько ужасных бедствий.

И, к несчастью, — вы это увидите завтра, — наш старый политический строй представлял не меньше пороков и не меньше затруднений, чем наш общественный строй.

Глава третья. ПОРОКИ СТАРОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

— Вчера я развернул перед вами картину пороков нашего старого общественного строя с их губительными последствиями. Я доказал вам, думается мне, что все эти бедствия были неизбежным следствием трех главных пороков: неравенства имущества, собственности и денег.

Сегодня я хочу изложить вам пороки нашего старого политического строя с их не менее губительными последствиями, и вы увидите, что этот порочный политический строй и его бедствия были, в свою очередь, следствием тех же главных пороков: неравенства имущества и его двух несчастных спутников.

Вы увидите также, что история этого былого политического строя Икарии является не чем иным, как историей политического строя Европы и всего мира, и, следовательно, вы не должны терять надежду на то, что в ваших странах реформа так же осуществима, как и у нас.

И, конечно, мне нет нужды повторять вам, что справедливость и философия призывают вас никогда не смешивать людей и учреждения, ибо плохие политические или социальные учреждения — это бурный

поток, уносящий как богатых, так и бедных и превращающий их почти одинаково в жертвы, топя их часто всех то поочередно, то вместе... Перехожу к фактам.

Вы помните, что в 1772 г., за десять лет до нашего социального и политического возрождения, Ликсдокс и двадцать пять тысяч аристократов или богачей нашей страны, толкаемые страстью сохранить свои богатства, приложили все усилия для того, чтобы захватить власть, и, действительно, завладели ею.

Именно они и их уполномоченные составили конституцию и установили правительственный или политический строй.

Заметьте хорошенько: аристократия одна вырабатывала конституцию. Это объясняет все одним словом, выявляет коренной порок, который должен был породить тысячи других, показывает, что все было устроено с целью обеспечить господство одних и угнетение других. Вы увидите поэтому сейчас плачевные, но неизбежные последствия всего этого.

Руководясь постоянно необходимостью сохранить за собою богатство и могущество, аристократия присвоила себе всю законодательную и исполнительную власть. Поэтому закон был выражением воли только аристократии, и она пользовалась абсолютной властью, или самодержавием, а парод был в действительности только стадом рабов, которых господа более или менее притесняли.

Решив, однако, обмануть народ, чтобы поработить его, эти господа говорили в своей конституции о суверенитете народа, о представительном правлении и о свободе; они признали даже, что все икарійцы равны перед законом, надеясь, что эта ложь обманет дурачков, не возмутит в то же время тех, которые были только животными.

Аристократы, присвоившие себе законодательную власть и осуществлявшие ее при помощи двухсот депутатов, избираемых ими каждые десять лет, доверили исполнительную власть наследственной королеве, бывшей в действительности их орудием.

Я не буду доискиваться, является ли учрежденное таким образом правительство аристократическим королевством или королевской аристократией. Несомненно то, что интересы королевы, ее семьи и династии, как и интересы аристократии, были противоположны интересам народа, что королева по существу была его противником, чтобы не сказать — врагом, что аристократия, ее депутаты и королева были деспотами и господами народа. Поэтому королеву титуловали величеством, госпожей, дети ее были принцами или принцессами и королевскими высочествами, министры были превосходительствами, а народ был подданным.

Чтобы лучше и всегда в своих интересах обеспечить покорность народа, аристократия, вполне естественно, старалась сделать из королевы какое-то божество, показывая народу пример преклонения перед нею и рассматривая ее малейшие милости как высшее счастье. Кроме того, так как аристократия считала нужным соблазнять, подкупать и разъединять бедных, чтобы поработить их, то наиболее могущественным

средством достигнуть этого было удовлетворение тщеславия бедных. Королева приглашала на свои торжества и даже к столу жен буржуа и наиболее уважаемых бедных. Она давала им целовать свою прекрасную руку, расспрашивала их о детях, мужьях, об их делах, а иногда — об их обезьянах и попугаях. Голова кружилась у этих жен буржуа, в которых старались развить тщеславие, между тем как мужья совсем теряли голову, когда королева называла их своими кавалерами подвязки или туфли, шпильки или гребня,³ и в особенности, когда ее величество удостоивало избранных высочайшей чести лично преподнести им маленькую подвязку из золота или маленький гребень из серебра. И скажите, как могла бы при этом не желать королева возбуждать тщеславие бедных? Как могли бы бедные не быть тщеславными!

На том же основании аристократия дала королеве право назначать около ста тысяч государственных служащих или королевских агентов, и королева выбирала их всегда среди аристократов и буржуа или среди бедных, которых она хотела купить. Это обыкновенно были низкие и жадные люди, которые торговали совестью, чтобы избавиться от нищеты. Но как могла бы королева не покупать и не обогащать низость, если низость соглашалась продавать себя? И каким образом могла бы нищета не поддаваться соблазну коррупции?

Так как народ требовал ответственности министров, а аристократия не могла согласиться на это, не подвергая себя опасности, то необходимо было удовлетворить это требование для вида, а по существу отклонить его. Поэтому конституция объявляла, что министры и их агенты ответственны за злоупотребления властью, но только аристократия имела право их судить. Поэтому преступные действия министров против бедных в пользу аристократов оставались безнаказанными и даже поощрялись, поэтому и ответственность министров была только обманом и видимостью. Трудно представить себе, до каких размеров доходила наглость низших чиновников и агентов полиции по отношению к народу, хотя эта наглость, поощряемая аристократией, должна вам показаться столь же естественной со стороны ее агентов, как и поощрение со стороны министров.

Независимо от капитала в пятьдесят миллионов, принадлежавших как королеве и ее семье, так и Ликсдоксу, аристократия предоставила королеве из государственной казны цивильный лист более чем в двадцать пять миллионов ежегодно, для поддержания пышности трона, блеска короны и помпы королевства. Королева, кроме того, пользовалась множеством великолепных дворцов.

Ее двор был местом свидания богачей, очагом лести, постоянным центром интриг и злоумышления против народа. Это был также отравленный источник, откуда роскошь, честолюбие и жадность разливались по всей стране.

Но разве все это не было неизбежно? Кроме двадцати пяти миллионов цивильного листа, аристократия предоставляла ежегодно в распоряжение королевы больше девятисот миллионов, взимаемых в виде налогов, и вместе с ней регулировала бюджет, т.е. поступление и

расходование суммы налогов. Эти девятьсот миллионов, взимаемые, как вы сейчас увидите, главным образом с бедных, использовались почти исключительно в интересах аристократии и королевы, либо для выплаты огромного содержания аристократам, занимавшим государственные должности, либо для подкупа приверженцев среди бедных, либо для содержания огромной армии и многочисленной полиции, предназначенных для охраны аристократии и королевской власти.

И опять-таки разве все это не было неизбежно?

Из всей этой колоссальной суммы только несколько миллионов шло на просвещение народа. Едва только сорок или пятьдесят миллионов расходовалось в интересах народа, да к тому же эти пятьдесят миллионов обслуживали нужды народа лишь косвенно, а сперва шли на потребу аристократии, интересы которой определяли всю систему налогов, да и всего законодательства.

Но разве интересы аристократии не требовали этого настоятельно?

Что касается взимания налогов, то аристократия почти совсем освобождала от них богатых, чтобы свалить их на бедных. В то время как роскошь была освобождена от налогов, в то время как у аристократии оставались громадные излишки, а огромнейшие состояния в рентах или капиталах были освобождены от налогов, каждый бедняк должен был отдавать королеве и аристократии часть своих средств и оплачивать право питаться, дышать воздухом, входить в свою лачугу, получать в ней солнечный свет, согреваться в ней, работать, чтобы добывать средства к жизни, даже учиться. Соль и почти все предметы пропитания бедняка, вино и другие его напитки, его дрова и уголь, его двери и окна, разрешение работать и газеты — все, что его интересовало, было обложено налогом, даже убогое ложе и отрепья, которые оставляли ему, умирая, отец и мать, даже правосудие, даже долги в наследствах, даже несчастье и потери при банкротствах!

Лотереи, игорные дома, дома терпимости были также обложены, но не для того, чтобы воспрепятствовать их распространению, а чтобы обогатить казну и отнять у бедняка его последний грош. В интересах казны аристократия разрешала эти вертепы разврата и разорения.

Одним словом, бедняки, жившие только на жалкую заработную плату, платили в целом свыше трех четвертей налогов.

Налоги эти были бичом не только потому, что они обрекали народ на нищету, но и вследствие той деморализации, которую они распространяли в массах, и тех актов произвола, которые влекло за собой их взимание.

Так как каждый рассматривал налог как несправедливость и почти как воровство, то никто не стеснялся лгать, совершать клятвопреступления, пускать в ход все хитрости и обманы, чтобы обокрасть казну и надуть ее агентов. Богачи сами подавали пример такого воровства. Отсюда общая привычка презирать законы, обманывать и лгать.

С другой стороны, хорошо знакомые со всеми обманами, которые пускались в ход налогоплательщиками, агенты фиска состязались друг с

другом во всякого рода хитростях и мерах предупреждения, чтобы разоблачить и предупредить эти обманы. Фиск поощрял их бесчеловечность и такие эксцессы, уделяя им часть взыскиваемых средств. Отсюда самые стеснительные и убыточные обязательства, налагавшиеся на известные отрасли промышленности. Отсюда домашние обыски, распространявшиеся вплоть до постели больного или женщины в родах. Отсюда городские и государственные таможи, осмотр вещей путешественников и даже их самих, часто при этом раздеваемых донага чиновниками. Отсюда неурядицы, убытки, неизбежные злоупотребления всякого рода, бесчисленные придирки и невыносимые, унижительные для людей оскорбления, подробный рассказ о которых вызвал бы ваш гнев.

И действительно, разве все это не возмутительно? Но раз аристократии приходилось облагать народ огромными налогами, то не было ли все это неизбежно?

Налог денежный все же не был еще столь тяжел, как налог крови. Ежегодно, кроме бюджета в девятьсот миллионов, аристократия предоставляла королеве сто тысяч солдат, нанятых из молодых людей восемнадцати лет. Богатые освобождались, или находили себе заместителей за небольшое количество золота, или командовали другими. Бедные одни доставляли сто тысяч солдат, цвет их детей, и эти сто тысяч работников, отнятых у промышленности и их бедных родителей как раз тогда, когда их труд начинал становиться полезным их семьям, вынуждены были давать убивать себя, чтобы защищать парки и дворцы аристократов, служить их честолюбивым замыслам против иностранных держав и поддерживать их господство над бедными. Сыновья служили, чтобы поработать отцов и убивать братьев.

Это было самое жестокое рабство. Но так как аристократия добивалась счастья исключительно для себя, то не вынуждала ли ее неумолимая логика сваливать все тяжести и опасности войны на бедняков и даже натравливать один народ на другой?

Мне нет нужды приводить вам другие законы. Вы понимаете, что, составленные аристократией, они все неизбежно должны были служить интересам последней против ее подданных. Я не мог бы вам привести хотя бы один закон, продиктованный интересами народа.

И эти беспорядочно нагроможденные в течение веков законы, наследство двадцати революций, были до того бесчисленны, спутаны, несообразны, противоречивы или неясны и обманчивы, что самый опытный юрист едва мог понять их.

И что столь же нелепо, сколь и несправедливо: большинство бедных, которым эти законы постоянно что-либо предписывали или запрещали, которых наказывали в случае нарушения этих законов, не могло знать их и не умело даже их прочитать.

Как же бедные могли ценить и уважать законы, которые были в их глазах лишь делом несправедливости и угнетения? Тщетно аристократия величала, и все в своих же интересах, эти законы священными и непрестанно твердила об уважении и подчинении закону. Каждый старался увильнуть от исполнения их; только угрозами, наказаниями насилием

можно было добиться их выполнения.

Более того. Дураки не чувствовали тирании, трусы терпели ее, слепые служили ей, а другие волновались и сопротивлялись. Отсюда непрерывные заговоры, общества всякого рода для защиты или нападения, бунты и восстания, убийства, казни и всяческие ужасы гражданской войны.

Но, спрошу я вас опять, разве все эти ужасы, жертвами которых богачи являлись столько же, сколько и бедняки, не были фатальным следствием стремления аристократии к богатству, к господству и свойственной человеку жажде независимости и свободы?

Аристократия и королева, дрожа за свое благополучие, думали только о том, как бы защищаться и парализовать своих противников. Точно так же, как в других странах белые хозяева составляли законы, чтобы держать в подчинении черных рабов, аристократы каждый день изготавляли новые законы, направленные на то, чтобы держать в повиновении своих белых рабов, дезорганизовать народ или помешать ему организоваться, запретить ему союзы и собрания, обезоружить его, помешать ему свободно читать, говорить и писать.

И каждый день новые законы порождали новые наказания, штрафы, конфискации, тюрьмы, изгнание, галеры и смерть. Господствовал террор.

И чтобы применять эти страшные законы, другие законы давали королеве полномочия организовать многочисленную полицию, многочисленную армию, многочисленную гражданскую милицию и всякого рода трибуналы.

И разве все это не было непрерывной цепью следствий и необходимости?

Полиция произвольно вторгалась, под самыми различными предлогами, и днем и ночью в жилища бедных, копалась в их мебели, разыскивая секретные бумаги, хватала все, что считала нужным схватить, похищала мужа у жены или жену у мужа, отца у детей и детей у отца, а иногда и, всех вместе, и бросала их в тюрьмы, чтобы предать затем суду.

Она клеветала на тех, кого она не могла арестовать, и чем опаснее был ее противник своими добродетелями, тем больше она старалась обесчестить его своей клеветой.

Ее бесчисленные шпионы проникали повсюду, чтобы сеять раздоры среди бедных, возбуждать между ними взаимную зависть, вражду и недоверие, предавать и доносить, соблазнять и подкупать, вербовать предателей и доносчиков.

Толпа агентов-provокаторов даже провоцировала бедных на заговоры, чтобы затем предать их и погубить, тогда как агенты так называемого черного кабинета нарушали тайну корреспонденции и копались в письмах, чтобы затем арестовать сотни людей.

И для выполнения этих адских замыслов аристократия расточала золото на привлечение агентов среди самых отверженных, среди воров и каторжников. Этой страшной орде отдавали жилище, личность, свободу и

честь семей.

В то же время аристократия, не переставая, говорила о порядке, нравственности, добродетели, лояльности, чести.

Я вижу, что вы с трудом сдерживаете ваше негодование и гнев.

И все-таки вы должны только жалеть несчастное человечество, жертву основного органического порока. Ибо если было изобилие и нищета, то возможно ли, чтобы аристократия не использовала насилия, произвола, клеветы, коррупции, провокации, доноса, предательства подонков общества, из которых состоит полиция? Возможно ли, чтобы толпа несчастных не предпочла золото и власть нужде или каторге?

Вы догадываетесь, чем были суды, созданные аристократией и королевой, и, естественно, созданные в их интересах. Набранные из среды аристократов или их приверженцев, всегда зависимые от королевы, жаждущие ее милостей для себя и своих детей, даже самые добродетельные судьи не были в состоянии соблюдать необходимое для правосудия беспристрастие, без которого невозможно подлинное правосудие. И, с другой стороны, с точки зрения человеческой природы, возможно ли было, чтобы аристократия не желала обеспечить осуждение всех своих врагов, которых она хотела осудить?

Вот почему тюрьмы, хотя и многочисленные, были наполнены политическими преступниками. И какие тюрьмы! Обычно отвратительные и нездоровые, они служили в одно и то же время орудием мести, унижения и притеснения.

Но вместо того, чтобы обеспечить покорность и подчинение, законы и полиция, трибуналы и их приговоры, гнет и террор только усиливали недовольство и ненависть и доводили гнев до бунта и восстания.

И если гнев неудержимо толкал угнетенных на восстание, то разве необходимость, фатальная необходимость, не толкала так же неудержимо аристократию на усмирение восставших, чтобы сохранить свое господство? А затем в ее распоряжении находились так называемая гражданская милиция и армия.

Гражданская милиция, — вы догадываетесь уже, — была организована, чтобы держать в подчинении народ.

Что касается армии, набравшейся из рядов народа и симпатизировавшей народу, то она находилась под командой аристократов, была организована для защиты аристократов, и солдаты, обманутые, увлеченные или запуганные грозными законами, а кроме того, усмиренные и вышколенные дисциплиной и могуществом военной организации, неизбежно служили орудием угнетения своих отцов и братьев и своего собственного угнетения. Но посмотрите, с какими затруднениями приходилось сталкиваться аристократии. Полагая, что она не вполне избавлена от опасности под защитой гражданской милиции и армии, в рядах которых находилось много людей из народа, эта аристократия дала королеве полномочия организовать не только дворянскую гвардию и дворцовую гвардию, но еще и иностранную гвардию⁵ — пятьдесят тысяч наемников, которые под давлением нужды за хорошую плату были всегда готовы сражаться против народа.

Однако все эти армий не могли ни устранить недовольных, ни помешать бунтам, настолько сильно было возмущение. Дралась в городах, на улицах и в домах.

Но прежде чем перейти к истории гражданской войны и революций, неизбежным следствиям нашего строя, бросим еще взгляд на общественное воспитание и религию, которые тоже служили орудием в руках правительства.

Могла ли аристократия, безусловно желавшая неравенства, дать бедным воспитание и образование, которые ознакомили бы их с правами на равенство?

Напротив, больше всего опасаясь этого, аристократия разрешала преподавание только учителям, которые были ей преданы, но и им разрешала преподавать лишь то, что ей было полезно или, по крайней мере, не могло ей вредить, и тот из них, кто осмеливался бы говорить о политике со своими воспитанниками в каком-либо другом смысле, кроме почитания королевы и слепого повиновения законам аристократии, был бы немедленно уволен как изменник.

Почти половина населения не умела ни читать, ни писать, да и остальная часть бедных едва ли знала что-нибудь. Буржуазная молодежь тратила свое время на изучение древних языков или другие почти бесполезные занятия. Аристократы обучались почти одним только изящным искусствам. Газеты были отягощены залогами, налогами и всякого рода законами. И все, что народ узнавал о своих правах, он узнавал вне школ, против воли правительства и только в силу неудержимого прогресса цивилизации.

Что касается домашнего воспитания, то как могли отцы и матери воспитывать людей, когда большинство из них, огрубевшие и озверевшие под влиянием нищеты, на которую их обрекал общественный строй, были сами только взрослыми детьми?

Да и сами аристократы, плохо воспитанные своими родителями, плохо воспитывающие собственных детей, исполненные заблуждений, предрассудков, привыкшие к обожанию со стороны своей челяди как высшая и божественная раса, убежденные, что они созданы для властвования, а народ для повиновения,— сами аристократы считали совершеннейшим достижением правительства увековечение невежества и слепую покорность большинства.

Это было, несомненно, преступление или, скорее, несчастье для человечества. Но не было ли это еще и неизбежным следствием плохого принципа? Все пороки богатых, как и все пороки бедных, не были ли дурным последствием их жалкого воспитания, сохраняющего свои черты из поколения в поколение?

Могли ли богатые и бедные быть иными при таком ужасном воспитании? Если мы сами не можем не проклинать это гибельное воспитание с его гибельными причинами и гибельными следствиями, то разве разум, философия и справедливость не предписывают нам властно (я не устану повторять это) прощать и жалеть все его жертвы?

В то время как аристократия захватывала в свои руки общественное

просвещение и воспитание только для того, чтобы парализовать его и держать народ в невежестве, повторяя при этом, что она хочет его просветить, она искала действительную помощь в религии.

Христианские священники, веками бывшие кровожадными и неутомимыми преследователями, продолжали господствовать.

Чтобы успешнее использовать легковерие и суеверие, невежественные монахи и иезуиты уже с колыбели оказывали влияние на детей, стараясь сделать из них болванов. Они распространяли басни о посланиях, недавно пришедших с неба, и других чудесах этого рода.

А в своих катехизисах, в проповедях, в молитвах они обожествляли королеву.

Их миссионеры бродили по деревням и городам, фанатизируя женщин и старцев.

Но почти совершенно бесплодно повторяли они неустанно слова религия и мораль. Их жадность к деньгам, гнусная торговля священными предметами и таинствами, которые они повседневно фабриковали, светская роскошь, которую они выставляли при похоронах богатых, и главным образом пороки и даже преступления, порождаемые их вынужденным безбрачием, покрывали религию и мораль презрением и ненавистью.

Каким образом можно было с пользой проповедывать нравственность, когда самый могущественный из проповедников — правительство — проповедывало всеми своими действиями безнравственность, когда законодательные и судебные трибуны часто были только трибунами безнравственности, когда предательство полиции, мерзости черного кабинета⁴, взяточничество и клятвопреступления государственных служащих являли постоянный пример безнравственности, повод к воровству, предательству и клятвопреступлению, когда, наконец, благополучие многих интриганов, ренегатов, подхалимов и предателей являлось торжеством воплощенной безнравственности?

И тем не менее, все эти злоупотребления религии и духовенства, все это презрение к ним и пренебрежение к их проповедям, словом, вся эта безнравственность, — разве не была всегда необходимым следствием пагубного прошлого?

А что мне сказать вам о гражданской войне и революциях?

Вы понимаете, что роскошь и привилегии аристократии именно потому, что по существу они являлись узурпацией и несправедливостью, могли породить жадность и честолюбие среди аристократов даже в отношениях их друг к другу.

Вы понимаете также, что, поскольку угнетение держало народ в неизменном состоянии нищеты и недовольства, честолюбцы очень легко могли купить приверженцев среди бедных, щедро раздавая им обещания.

Отсюда раздоры среди аристократии и даже в королевских семьях, претензии на трон, партии и крамола, интриги и заговоры, покушения и бунты, гражданские войны и революции, узурпации и реставрации, месть и проскрипция, казни и массовые убийства.

Я не буду вам перечислять все ужасы этого рода, покрывающие черной или красной краской все страницы древней истории нашей Икарии. Вам достаточно знать, что вы найдете там всю мерзость, которая вас возмущает, когда вы читаете историю греков и римлян, Франции и Англии, Испании и Португалии, всех несчастных народов, составляющих несчастное человечество.

Вы найдете там больше пятидесяти тысяч невинных, сожженных или убитых священниками только потому, что они исповедывали другие верования; сорок или пятьдесят бунтов; двадцать пять попыток овладеть короной, восемнадцать вооруженных восстаний, девять продолжительных гражданских войн, не считая семнадцати внешних войн; тридцать одну династию, двадцать революций, двенадцать узурпации, пять реставраций, шесть проскрипций такого рода, как проскрипции Суллы, Мария и Октавия⁶; восемь таких массовых убийств, как Варфоломеевская ночь; больше ста заговоров, из них некоторые такого рода, как заговор Каталины, пороховой заговор в Лондоне и адские машины.

Вы увидели бы уж не знаю сколько миллионов людей, убитых в войнах гражданских или внешних, более миллиона изгнанников, свыше трехсот тысяч убитых наемниками или задушенных палачами, одиннадцать сожженных и разрушенных городов.

Вы увидите там женщин и детей, избиваемых вместе с мужчинами, невинных, избиваемых вместе с виновниками восстаний.

Вы увидите различные партии, дворян и буржуа, богатых и бедных, аристократов и народ, поочередно победителей и побежденных, гонителей и гонимых, притеснителей и притесняемых.

Вы увидите аристократию, пожирающую себя самое, двадцать двух министров, осужденных и казненных ею, свыше десяти тысяч сеньоров, обезглавленных королями и другими сеньорами, и сорок пять принцев, убитых принцами.

Я мог бы назвать вам семь королей или королев, отлученных от церкви первосвященниками, двадцать одного низвергнутого детьми или братьями или родственниками, пятнадцать убитых дворянами или священниками, пять осужденных и казненных на эшафоте; двух осужденных их наследниками просить милостыню у входа в церковь после того, как их ослепили, и четыре или пять вынужденных запереться в своих укрепленных дворцах, не осмеливаясь довериться ни своему цирюльнику, ни повару, ни даже жене или детям.

Я мог бы даже назвать вам двух принцев и священников, которые, как герцог Бургундский и иезуиты во Франции, публично провозглашали и проповедывали доктрину тираноубийства⁷ в Икарии.

Меня, как и вас, возмущает и приводит в негодование эта ужасающая доктрина, которая оправдывает человекоубийство и предумышленное убийство, рассматриваемые всюду и всегда как страшное преступление, и одинаково грозит главам республик и королям, лучшим так же, как и худшим, потому что среди них нет ни одного, кто не имел бы врагов, ненависть которых, даже несправед-

ливая, не объявляла бы их тиранами.

Меня, как и вас, возмущают и приводят в негодование эти заговоры и гражданские войны, эти проскрипции и массовые убийства, которые бесчестили и опустошали нашу несчастную Икарию, превращали людей в тигров и делали из общества огромную бойню.

Но, спрошу я вас, разве это не история почти всех народов на всей земле с начала мира?

Разве общество не было всегда и не есть почти всюду смесь двух или трех враждующих народов, находящихся в постоянной войне между собой и заключающих время от времени перемирие или мир только для того, чтобы подготовиться к новым битвам? Не есть ли это вулкан, всегда готовый к извержению?

И все они – короли и подданные, аристократы и буржуа, богатые и бедные – разве не являются они почти в одинаковой степени Жертвами тревог, мучений и несчастий?

Разве не все они заинтересованы в искоренении этого ужасного зла, которое превращает мир в настоящий ад?

Но это зло, которое длится с тех пор, как существуют человеческие общества, не будет ли оно вечным, если мы не применим целительных средств?

И этими целительными средствами не являются ни угнетение, ни рабство и террор, ибо тирания и самые жестокие пытки всегда были на земле и всегда приводили к усугублению зла.

Следовательно, нужно вырвать с корнем причину зла.

Но что это за причина, всеобщая, постоянная, которая действует всюду и всегда, при всех религиях и всех формах правления, в республике и в монархии?

Не есть ли это жадность, честолюбие?

Или, вернее, не есть ли это плохое воспитание, способствующее развитию жадности и честолюбия?

И не есть ли, скорее, главная и порождающая причина именно неравенство имущества, собственность и деньги, которые порождают привилегии и аристократию, богатство и нищету, плохое воспитание, жадность, честолюбие, все пороки и преступления, все беспорядки и хаос, все бедствия и катастрофы?

Да, исследуйте, обсуждайте, размышляйте, старайтесь во всех обществах добраться до установления собственности и денег, а главным образом неограниченного неравенства имущества; восходите от фактов к фактам, от событий к событиям, от учреждений к учреждениям, от законодателей к законодателям, от одних причин к другим причинам, от следствий к началам, от необходимостей к необходимым, от одного дня к другому и от одного века к другому – и всюду и всегда вы найдете единственную причину зла: богатство и нищету!

А потому целительное средство, единственное целительное средство от этого зла – это уничтожение богатства и нищеты, т.е. установление равенства, общность имущества и хорошее воспитание.

Таково было мнение Иисуса Христа, который, будучи провозглашен

богом, основал на этом принципе великую революцию христианства. Таково было убеждение Икара, который в качестве диктатора, совмещая любовь к человечеству с мужеством и прозорливостью гения, осуществил на этих основах наше социальное и политическое возрождение.

Завтра я изложу вам, каким образом ему удалось совершить это чудо.

Но прежде чем расстаться, позвольте мне еще раз спросить вас: можете ли вы не надеяться на счастливое будущее ваших стран, видя, как наш старый ад превратился в рай?

Глава четвертая. РЕВОЛЮЦИЯ 1782 г. УСТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА ОБЩНОСТИ

До сих пор я вам показывал только зло, теперь я хочу вам указать средство излечить его. Вы увидите Икара, возрождающего Икарию.

Вы знаете, что до восстания, вызванного отменой конституции и захватом неограниченной власти, Икар убедил народ отказаться от всякой индивидуальной мести.

Едва закончилась борьба, как он, хотя и раненый, не теряя ни одного мгновения, постарался приобрести доверие всего народа, остановить бойню, организовать народные силы и закрепить победу.

Икар сейчас же издал и повсюду расклеил воззвание, которое я вам прочту, как прочту и другие, ибо думаю, что для меня было бы невозможно изложить его принципы и планы в более краткой форме.

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К НАРОДУ

«Позвольте прежде всего поздравить вас за ваше героическое мужество: вы хорошо послужили отечеству и человечеству.

Я принимаю диктатуру. Я горжусь этой честью и я посвящаю свою жизнь тому, чтобы оправдать ваше доверие. Я вижу свою славу в том, чтобы отдать жизнь вашему счастью.

Вы знаете мои принципы: суверенитет народа, всеобщее голосование, равенство, братство, общее благо. Начертаем их на наших знаменах.

Когда ваши представители соберутся, я сложу с себя диктатуру и явлюсь перед ними без стражи, чтобы дать отчет во всех моих действиях. Я заранее подчиняюсь их приговору.

Но анархия была бы самым губительным вашим врагом. Наши интересы властно требуют, чтобы мы действовали сообща, как один человек, если это возможно.

Я созову ваших лучших друзей, чтобы составить из них Совет диктатуры.

Сплотитесь вокруг нас! Пусть самые полезные граждане окажут нам свое содействие. Имейте доверие ко мне! Прислушивайтесь к моему голосу. Контролируйте, но позвольте вами руководить в течение некоторого времени, ибо никто, призываю небо в свидетели, не желает вашего счастья сильнее, чем я».

Он сейчас же назначил министров и комиссаров для посылки во все провинции. Он организовал множество специальных комиссий, в которые

вошло множество граждан, поспешивших предложить свои услуги.

Через несколько часов появились воззвания: одно к армии, другое – к иностранным полкам, декрет об устройстве раненых, о погребении мертвых, о принятии на государственное обеспечение их детей и вдов.

Одновременно появился другой декрет – об организации народной гвардии со следующим воззванием:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К НАРОДНОЙ ГВАРДИИ

«Мало победить, надо обеспечить победу!

Будем великодушны, но будем и благоразумны!

Пусть сейчас же организуется народная гвардия!

Пусть все граждане, способные носить оружие, явятся в свои муниципалитеты!

Те из вас, кто живет только своим трудом, получают жалованье, оружие и одежду.

В течение нескольких дней оставайтесь непрерывно под знаменами, всегда наготове исполнять приказы вашего правительства.

Явитесь все, ибо это ваш общий интерес!

Чем скорее мы будем организованы, чем более многочисленны мы будем, тем лучше сможем мы действовать, тем меньше встретим мы сопротивления».

Вслед за этим опубликовано было два новых декрета, из которых один предписывал разоружение побежденной партии и удаление ее членов со всех общественных постов, а другой провозглашал амнистию.

Только королева, Ликсдокс, министры и десять главных администраторов были исключены из декрета. Все судьи главных уголовных трибуналов и двадцать поставщиков, которые позорным способом составили себе состояния, тоже были подвергнуты судебному преследованию, но только для присуждения их к денежным взысканиям в пользу их прежних жертв или к возвращению награбленного нации.

Оба декрета сопровождались (ибо все было заранее подготовлено) двумя следующими воззваниями к победителям и к побежденным:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К ПОБЕДИТЕЛЯМ

«Наши противники сложат оружие или будут обезоружены, а вы увеличите ваше вооружение; они будут дезорганизованы, а вы будете обладать всей мощью организации; у них будут отняты все общественные функции, а вы займете все должности и вся власть будет в ваших руках; вы будете полновластными, а они будут лишены возможности нападать и сопротивляться.

Нужно, чтобы правосудие воздало великим преступникам по заслугам. Слишком долго жестокие тираны терзали бедных и человечество! Пусть они отвечают головами за кровь и слезы, которые они заставляли проливать. Они предстанут пред вашими представителями, чтобы публичная народная кара устарила их и предупредила в будущем всякую новую тиранию.

Строгий суд ожидает и тех несправедливых и подкупных судей, которые разорили столько семейств, и тех крупных воров, которые внезапно обогатились за счет бедных или государственной казны. Из их имущества должно быть выплачено вознаграждение пострадавшим и

обратно возвращены взятые из общественных средств деньги.

Что касается других, то для них — забвение, амнистия. Преследовать их теперь, когда они уже не могут больше вредить, было бы только мезью.

Я знаю, сколько вы страдали и насколько гнев ваш справедлив, но разве наказания тирана и его главных соучастников недостаточно для вашего справедливого недовольства? Разве месть этой кучке людей, которая, подобно вам, была жертвой плохого общественного строя, не была бы несправедливостью? Было ли бы разумно доводить их до отчаяния и вынуждать их возобновлять бой, который повлек бы за собой лишь новые жертвы с обеих сторон?

Я обращаюсь к вашему разуму.

Рассчитывайте на ваше правительство. Если бы наши старые враги восстали! Но они разбиты и не могут больше оправиться.

Будьте поэтому так же великодушны, как вы были мужественны. Пусть все добрые граждане присоединят свой голос к моему.

Будьте милостивы! Как избранный вами диктатор в вашем собственном интересе я предписываю это. Как ваш лучший друг, я прошу вас!»

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К ПОБЕЖДЕННЫМ

«Когда вам благоприятствовала победа, вы ею злоупотребляли, чтобы избивать нас или изгонять. Теперь, когда вы побеждены, что могли бы вы сказать, если бы мы применили к вам закон возмездия?

Что могли бы вы сказать, если бы, подобно вам, мы издали все террористические законы, которые нам казались бы необходимыми?

Что могли бы вы сказать, если бы мы применили к вам ваши собственные законы, как вы применяли их к нам, чтобы заключать нас в тюрьмы, разорять и предавать нас казни?

Но народ, — я его знаю и отвечаю за него, — народ великодушен: он готов протянуть вам руку!

Сложите оружие, распустите вашу организацию, покиньте ваши должности, покоритесь!

Вы должны понимать, что мы имеем право требовать этого в интересах нашей безопасности.

Вы заинтересованы в этом так же, как и мы, ибо всякое сопротивление было бы бесполезно и мы хотим с ним безусловно покончить. Мы не хотим больше, — поймите это, — мы не хотим больше ни войны, ни волнений в стране. Чего бы это ни стоило, повторяю вам, мы хотим идти вперед, не встречая никакого сопротивления.

Подчинитесь! Этого требует от вас справедливость так же, как и ваша безопасность.

Подчинитесь искренно, без задней мысли, и мы будем в скором времени счастливы тем, что обнимем вас, как братьев!

Погруженные до настоящего времени вместе в хаос угнетения, мы не могли понимать друг друга, потому что наш общий угнетатель разъединял нас и клеветал на нас. Но теперь, когда мы можем объясниться, было бы непорочно с вашей стороны отвергать наши

братские предложения.

Еще раз, подчинитесь! Я, диктатор, страстно желающий счастья всех моих сограждан, заклинаю вас сделать это».

Нет нужды приводить вам все другие воззвания и декреты диктатора и говорить, что все эти меры вызвали энтузиазм народа и всеобщее доверие, все просвещенные и энергичные люди сплотились вокруг него и вся пресса пришла к нему на помощь. И хотя некоторые роялисты, ослепленные страхом, убежали или скрылись, все же большинство, успокоенное диктатором, подчинилось совершенно искренно.

Народ в особенности вызывал удивление своим благородством. Некоторые несчастные жертвы прежней тирании, увлеченные гневом, попытались совершить несколько актов индивидуального мщения, но рабочие помешали им сделать это.

Люди из народа, которые были введены в заблуждение клеветой официальной власти, также усердно высказывались в пользу революции и диктатора: «Если бы мы знали, — говорили они, — как нас обманывали!»

Через несколько дней диктатор опубликовал декрет о выборах Национального представительства, составленного из двух тысяч депутатов, и сопроводил его следующим воззванием:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К ИЗБИРАТЕЛЯМ

«Народ суверенен! Вы сами должны выработать свою конституцию, и если бы можно было собрать вас всех вместе, чтобы обсудить ее и голосовать, я вас собрал бы.

Но так как это совершенно невозможно, то выберите представителей, которые здраво обсудят конституцию и затем представят ее на усмотрение вашей суверенной воли, и она будет принята или отвергнута ею.

Вы все члены общества, все его участники, все вы граждане: вы все трудитесь для него, вы все сражались за него и будете еще сражаться, если это будет необходимо. Поэтому все вы по существу избиратели. Только лица, не достигшие двадцати лет, и слуги, находящиеся в зависимости от своих господ, будут пока лишены этого права до того времени, когда конституция установит по этому поводу другой порядок.

Ваши угнетатели, которые отказывали вам в средствах просвещения, объявляли вас неспособными избирать депутатов. Но это была не только возмутительная несправедливость, — это была еще клевета, так как избирательное право составляет ваше неоспоримое право.

Запишитесь поэтому в избирательный список вашей общины, соберитесь и обсуждайте кандидатов, которые вам будут представлены и будут достаточно уверены в своих добродетелях, чтобы решиться подвергнуться вашему голосованию.

Обсуждайте вполне независимо, но с спокойствием и серьезностью, которые приличествуют гражданами, достойным свободы.

Пусть вас также просвещает пресса, которая сама должна руководствоваться только истиной и любовью к отечеству.

Выборы будут происходить лишь через двадцать пять дней, чтобы вы

имели достаточно времени хорошо разобраться во всем и не стали бы жертвой какой-нибудь неожиданности.

Выбирайте в первую очередь ваших лучших друзей, лучших друзей бедняков и рабочих, и среди них наиболее уважаемых, а среди этих последних — наиболее способных и наиболее энергичных.

И чтобы вы могли выбрать тех, у кого нет другого достояния, кроме патриотизма, добродетелей и талантов, ваши избранники будут получать достаточное содержание.

Не забудьте, что ваши представители должны будут вынести суждение и о вашем диктаторе, должны будут решить участь ваших старых притеснителей, выработать конституцию и временно осуществить ваш суверенитет.

Помните, что вы держите в своих руках вашу судьбу, судьбу отечества и судьбу вашего потомства».

Со второго дня диктатор организовал Комиссию публикаций, составленную из пяти наиболее популярных и наиболее уважаемых писателей для редактирования официальной газеты, в которой должны были печататься все его постановления. Эту газету решено было распределять даром в таком количестве (кажется, свыше миллиона экземпляров), чтобы все граждане без исключения легко могли ее получить и читать.

В тот же день диктатор организовал Конституционную комиссию, составленную из девяти наиболее ученых и почитаемых публицистов, на которых возложена была обязанность подготовить проект новой конституции. Он представил им свой собственный труд, подготовленный уже давно, в трех отдельных частях, которые содержали: первая — описание всех пороков старого общественного и политического строя, вторая — очень детальный план нового строя, основанного! на общности имущества, осуществимой через пятьдесят лет, и третья — план переходного строя в течение пятидесяти лет.

После нескольких дней рассмотрения и обсуждения комиссия с энтузиазмом приняла в принципе оба плана и предложила некоторые изменения, которые были приняты Икаром.

Чтобы каждый мог хорошо ознакомиться с его новой системой общественного и политического строя и оценить его, диктатор приказал напечатать весь труд в огромном количестве экземпляров с кратким изложением принципов, которые служили основой временного и окончательного плана обобществления имущества.

Вы понимаете, в какой мере эта система общности должна была показаться новой, поразить воображение и очаровать умы. Но детальный план, который был к ней приложен и представлял эту систему в действии, такой мы имеем ее теперь, доказывал, что эта система вполне осуществима, как это и было с тех пор фактически подтверждено опытом.

Радость народа была столь же велика, как вначале велико было его изумление. Приглашаю вас прочитать и даже изучить весь напечатанный труд Икара и комиссии, и если кто-нибудь из вас пожелает получить

какие-нибудь объяснения по поводу этого труда, я с большим удовольствием дам их на одном из последующих наших собраний.

Но уже сегодня я хочу изложить вам главные идеи Икара, которые легли в основу его плана общности. Я прочту вам еще два его воззвания, потому что ничто другое не ознакомит вас так хорошо с этим планом, как его воззвания.

Икар признавал, что не следовало одним ударом уничтожать собственность, деньги и неравенство имущества и тотчас же поставить на их место общность имущества. И вот почему: 1) богатые и собственники (мелкие, как и крупные) неизбежно были бы задеты в их привычках и предрассудках; лишение имущества, даже с возмещением другими благами, было бы для них так же невыносимо, как если бы у них хотели отнять жизнь. Это значило бы сделать их несчастными в противоречии с самой целью нового общества; это значило бы вызвать у них отчаяние и толкнуть на сопротивление, задержать и подвергнуть опасности все дело социального возрождения; 2) сами бедные, задавленные тиранией, не обладали, быть может, в достаточной степени привычками и качествами, необходимыми для того, чтобы начать это дело, не подвергая опасности его успех; 3) наконец, и в особенности, немедленное выполнение или скорое и полное осуществление плана казалось ему физически невозможным, так как предстоял колоссальный труд, самый огромный из всех, какие когда-либо предпринимались на земле с начала мира, — организовать и целиком осуществить принцип общности, например построить и доставить всем семьям удобные и одинаковые жилища.

Икар поэтому считал переходную систему абсолютно необходимой. Именно это в высокой степени и по существу отличает его проект от всех тех, которые были до того выдвинуты различными философами.

Позже я изложу вам принципы его переходной системы. В настоящее время лишь скажу вам, что он предложил устроить демократическую республику, сохранить право собственности в течение жизни всего живущего поколения собственников, уважать все, что называли приобретенным правом, избегать всего, что могло довести богатых до отчаянья; немедленно улучшить судьбу бедных, сделать все, что могло бы обеспечить их счастье, уничтожить постепенно неравенство и установить постепенно режим полного равенства и общности.

Вы поймете изумление и энтузиазм, которые должны были вызвать у бедных икарийцев эти столь новые предложения диктатора, в особенности когда он к ним присоединил следующее воззвание, излагавшее его принципы:

ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА В ЗАЩИТУ ОБЩНОСТИ

«Дорогие сограждане, разве вы не были несчастны до сегодняшнего дня?

А вы, богатые, были ли вы вполне счастливы?

Бедствия, которые нас отягощали всех и лежали бременем на наших предках с начала мира, разве все они не являлись результатом пороков общественного и политического строя, в особенности имущественного неравенства, собственности и денег?

И не будут ли эти бедствия вечными, если не уничтожить их источник?

Разве общность имущества не есть единственное средство сделать всех людей счастливыми?

Разве невозможно осуществить эту новую систему, если ваше правительство будет вместе с вами способствовать этому?

Разве не стоит попытаться осуществить это дело, как бы ни казалось оно трудным?

Сколько бы времени ни понадобилось для его осуществления, оно удастся нам тем раньше, чем раньше мы его начнем.

А так как ваше мужество опрокинуло самое серьезное из всех препятствий, — сопротивление власти, угнетавшей нас, так как небо нам благоприятствует, позволяя нам совершить то, что не удавалось нашим несчастным предкам, то смело взяться за дело не есть ли обязанность по отношению к небу, по отношению к нам самим, нашим потомкам и ко всему человечеству?

Рассмотрите эти вопросы, мои дорогие сограждане, обсуждайте их всюду, пока ваши представители не рассмотрят их предварительно и не отдадут на ваше суверенное решение.

При режиме общности нет больше ни бедных, ни праздных, нет ни преступлений, ни казней, нет больше ни налогов, ни полиции, нет больше тяжб и процессов, нет ни хлопот, ни забот. Все граждане — друзья и братья, все не только счастливы, но и одинаково счастливы.

Если вы, вместе со мной, убеждены в этом, то возьмемся тотчас же за дело, примем принцип и мужественно приступим к подготовительным работам.

Но я заклинаю вас именем отечества, ваших детей и человечества, — не будем компрометировать слишком большим нетерпением и поспешностью самое великое предприятие, когда-либо задуманное человеком!

Если, как я полагаю, общность не может быть тотчас же осуществлена во всей полноте и точности, отсрочим то, что может быть отсрочено.

Вы — хозяйева власти, а поэтому, доверяя вашим представителям, которые желают вашего счастья, заручитесь терпением.

Если вы достаточно благородны, чтобы предпочесть интерес отечества вашему личному интересу, то что значит несколько лет ожидания для полного и окончательного завершения подобного дела!

И если вы хотите думать только о собственном счастье, то не разумно ли довольствоваться тем счастьем, которое возможно уже сегодня?

Менее счастливые, чем ваши дети, вы будете, по крайней мере, счастливее ваших отцов!

Богатые, вы, надеюсь, пожелаете способствовать счастью вашего потомства!

Бедные, — я не сомневаюсь в этом, — вы больше всего будете думать о счастье ваших дочерей и ваших, сыновей!

Дорогие сограждане, не забудьте, что вы будете решать судьбу ваших потомков и всего человечества!»

Икар обратился также с воззванием к духовенству и христианам:
ВОЗЗВАНИЕ ИКАРА К ДУХОВЕНСТВУ И ХРИСТИАНАМ

«Слуги и служители Иисуса Христа! Я желаю вашего счастья так же, как и счастья всех моих сограждан.

Вы сохраняете свои храмы и можете свободно поклоняться богу под покровительством государственной власти.

Проповедуйте поэтому нравственность и справедливость, миссионеры и служители бога, который проповедывал нравственность и справедливость! И, подобно ему, проповедуйте их столько же вашими действиями, сколько и вашими словами!

Проповедуйте для бедных! Ибо кто в мире резче осуждал фарисеев и богатых, чем Иисус Христос? Кто больше, чем Иисус Христос, провозглашал свою любовь к несчастным и страждущим?

Проповедуйте равенство и братство. Ибо разве Иисус Христос не умер для того, чтобы установить равенство и братство среди людей и уничтожить все виды рабства и угнетения?

Проповедуйте общность имущества! Ибо разве не Иисус Христос установил ее среди своих учеников и рекомендовал ее всем людям? Разве апостолы не жили в режиме общности? Разве первые отцы церкви не проповедывали общность имущества? Разве в течение первых веков христианства все христиане не жили, в меру возможности, сообща? А с тех пор разве самые пылкие почитатели Иисуса Христа, тысячи благочестивых рабочих не жили в религиозных общинах, проповедуя общность своими действиями и своими словами?

Да, вы были бы не настоящими христианами, если бы отвергли принцип общности!

Но так как Иисус Христос отдал свою жизнь для возрождения при помощи общности человеческого рода, то вы пожелаете, надеюсь, способствовать делу возрождения.

Вы пожелаете заслужить благословение земли, чтобы получить награду на небе».

Вообразите себе впечатление, которое произвели воззвания диктатора, опубликованные через несколько дней после падения долгой и ужасной тирании.

Вообразите, как велик был толчок работе мысли. Как разгорелись дискуссии!

Вообразите всю силу толчка, данного властью!

Представьте себе, сколько ученых, писателей, философов, священников (в особенности среди низшего духовенства), влиятельных граждан во всех классах приняли и пропагандировали с энтузиазмом идеи диктатора. Даже богатые и дворяне соперничали в своем энтузиазме с его наиболее пылкими поклонниками.

Представьте себе впечатление, которое произвели на массы эти обращения, и революцию, совершившуюся в общественном мнении.

Казалось, что завеса спала со всех глаз или что каждый подвергся

счастливой операции катаракты!

Трудно было понять невежество или ослепление прошлого. Одни смеялись над глупостью предшествовавших веков, другие извергали проклятия против тирании, и среди проклинаящих в особенности отличались те, которых угнетатели привлекли в свой лагерь фальшивыми обещаниями, ложью и клеветой.

Я не буду говорить ни о некоторых честолюбцах, которые, желая казаться еще более популярными или демократичными, чем диктатор, требовали аграрного закона или немедленного, полного осуществления режима общности, ни о некоторых интриганах, которые тайно старались вызвать недоверие к Икару, ни о некоторых беспомощных фанатиках, которые не могли выносить авторитета какого бы то ни было человека. Эти тщетные попытки оппозиции тотчас же провалились ввиду всеобщего одобрения, как легкое испарение исчезает в лучах солнца.

Я не буду говорить вам ни о памятниках, временно воздвигнутых на всех полях сражения, где происходили последние народные бои, ни о мавзолеях, воздвигнутых на всех местах, где покоились останки мучеников свободы, ни о большом похоронном торжестве, где рядом с диктатором можно было видеть удивительного мальчика двенадцати лет, получившего двадцать две пули в то время, когда он водружал знамя над грудой трупов, и молодую девушку, потерявшую обе руки, когда она сражалась около своего отца.

Я обойду молчанием генеральный смотр народной гвардии и армии, который был проведен диктатором в столице и его комиссарами в провинции. Всего лишь через пятнадцать дней после революции (так велик был энтузиазм) на этом смотре выступало двести тысяч вооруженных солдат и два миллиона граждан, одетых в форму демократических войск.

Я подхожу к выборам Народного представительства или, точнее, следующее заседание я начну сообщением о них.

Я, может быть, слишком распространяюсь в моих объяснениях [«Нет, нет!» — закричали ему со всех сторон], но я хочу показать вам, что народ всегда доверяет вождям, которые искренно хотят его счастья, и что нет ничего

невозможного для правительства, пользующегося доверием народа. Я в особенности хочу вам показать, какими средствами наш бессмертный Икар сумел завоевать любовь своих сограждан и осуществить свой план общности.

Аплодисменты, еще более оживленные, чем в два предшествовавших дня, показали оратору, с каким удовольствием все слушали его подробные объяснения

Глава пятая. ВЫБОРЫ. КОНСТИТУЦИЯ. ПРИГОВОР. ВОЙНА. МИР (Продолжение истории революции)

— В прошлый раз я обещал побеседовать с вами о выборах Народного представительства.

Это было 20 июля, немного больше месяца после революции. Это

был также первый акт суверенитета народа. Диктатор сделал его народным празднеством.

Избирательные залы были великолепно украшены; всюду знамена, гирлянды из цветов и зелени, патриотические надписи и воззвания диктатора.

Собрания открывались при звуках музыки, звоне колоколов и громе пушек.

Все напоминало народу, что ему предстоит совершить великий акт.

Некоторые интриганы решились предстать перед избирателями или, точнее, подвергнуться их суду, и все они были с позором отвергнуты и заклеяны.

Во многих городах кандидаты сами уступали место тому, кто казался более достойным избрания.

В некоторых местностях избиратели вынуждены были разыскивать скромных граждан, которые не решались выставить свою кандидатуру.

Часто самые богатые голосовали за способного и честного рабочего, часто также рабочие удаивали своим доверием богатого и даже дворянина, который оказывался другом народа.

В одних местах избрание было единогласным и производилось без голосования, в других поднятие рук или разделение на два мирных отряда быстро указывало большинство.

Избранные заслуживали во всех отношениях названия лучшей части народа.

И через несколько дней Народное представительство, заседая во дворце, который некогда позорила аристократия, возвестило диктатору, что оно организовалось, объявило ему, что диктатура его кончилась, и предписало ему явиться.

Икар тотчас же ответил, что даст пример подчинения суверенитету народа, слагает с себя власть и будет повиноваться Народному представительству.

На другой день, без стражи и оружия, он явился в залу заседания с обнаженной головой и стал у перегородки, отделявшей представителей, сидевших с покрытыми головами. Он отдал отчет во всех своих действиях, отвечал на все обращенные к нему вопросы и удалился точно подсудимый, ожидая решения своих судей.

Я не считаю необходимым излагать вам дебаты. Собрание единогласно присудило ему титул Возрождителя отечества, назначило его временно президентом республики (ибо республика была провозглашена с энтузиазмом уже в первом заседании) и проводило его до Национального дворца среди неопикуемых криков одобрения всего населения.

Так как Икар сам потребовал, чтобы его избрание было предложено на одобрение народа, то Народное представительство предписало это сделать, прибавив, что специальные депутаты должны возвестить волю суверена и что после их прибытия большое национальное празднество будет, в один и тот же день по всей стране, чествовать победу народа и новую эру возрождения, ныне начавшуюся.

Нет нужды говорить вам о решении народа. Не буду говорить и о том, что Икар, твердо решивший приучить своих сограждан умерять выражение своей благодарности, отверг предложение датировать новую эру со дня его рождения и сам потребовал, чтобы она была датирована 13 июня, днем народного восстания.

Через несколько дней начался процесс королевы и министров.

Вам уже известно, что все они были осуждены. Ликсдокс и его соучастники были приговорены к смертной казни, королева – к вечному заключению, все, кроме того, к возмещению суммы в один миллиард, причем приговор предоставлял Икару право помилования или смягчения наказания.

На другой день Икар опубликовал следующее воззвание:

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИКАРА ПО ПОВОДУ ЛИКСДОКСА

«Если бы ваши угнетатели умерли до вашего освобождения, следовало бы вырыть их трупы, судить и навсегда заклеить их память.

Но они в ваших руках. Народное правосудие произнесло свой приговор. Законы, которые они так часто обращали против вас, теперь, наконец, обратились против них, и их головы, по справедливости, должны пасть на эшафоте, который так часто орошался вашей кровью.

Пять голов должны упасть, если вы этого хотите.

Однако подумаем! К чему эти головы теперь, когда наша власть непоколебима, когда их преступления, хотя они были совершены только несколько дней назад, кажутся теперь уже удаленными на двадцать веков, и когда вы обязаны тирании тем величественным усилием, которое вас освободило от нее?

К чему послужит нам небольшое количество крови и праха этих бывших угнетателей в момент гигантской революции, возрождающей нас?

Аристократия, всегда слабая и дрожащая за себя, почти всегда вынуждена быть беспощадной. Народу, сильному и уверенному в своей силе, народу, который иногда в один день сражения и гнева мстит за зло, накопившееся в течение веков, но почти всегда милостив после победы, этому народу следует быть великодушным.

Зная ваше великодушие, я заранее знаю и ваш ответ: «Сохраним им жизнь. Отменим смертную казнь».

Но чтобы правосудие и закон не были пустыми словами на земле, пусть они будут лишены свободы. Пусть Ликсдоксу обреют голову на эшафоте рукой его бывшего палача. Пусть он затем будет публично выставлен в той самой железной клетке, которую он изобрел, чтобы выставить в ней одного из ваших наиболее славных мучеников. И пусть памятник увековечит преступление, справедливую суровость вашего народного представительства, милость великого народа и новую эру религиозного уважения к человеческой крови!»

По просьбе Икара, Национальное представительство предписало, чтобы народ был опрошен, и редкие возражения матерей, еще оплакивавших своих детей, лишь ярче показали поразительное народное великодушие.

Я не покажу вам ни Ликсдокса в железной клетке, ни королеву,

просящую милостыню у дверей Национального представительства, я не хочу останавливать ваши взоры на этом несчастье королевской семьи. Хотя и вполне заслуженное, оно все же является тяжелым воспоминанием, ибо только министры и ее двор погубили несчастную Клорамиду, а эти министры, сделавшие так много людей жертвами, сами были жертвами общественного и политического строя.

Но прошу вас обратить внимание на великолепное зрелище.

Две тысячи представителей народа торжественно обсуждали основы нового общественного и политического строя, свободу нации и задачи будущего.

Они уже почти единогласно приняли два главных принципа: общность имущества и отсрочку на пятьдесят лет его полного осуществления. Всего сто пятьдесят четыре члена голосовали отрицательно по первому вопросу и сто шестьдесят два по второму, но президент республики просил Народное представительство рассматривать это голосование только как предварительное и отсрочить окончательное решение. Он доказывал, что в таком чрезвычайно важном вопросе несколько месяцев, даже несколько лет промедления не имеют большого значения в сравнении с теми неудобствами, которые приносят разногласия. Единогласие при голосовании имеет неоценимое преимущество: ввиду этого следует всячески стараться, чтобы меньшинство, как бы оно ни было малочисленно, не чувствовало себя подавленным. Гораздо лучше продолжать обсуждение, чтобы дать оппозиции возможность развить свои доводы и убедить ее присоединиться к господствующему мнению.

Были организованы новые комитеты и новые конференции; были опубликованы и всюду обсуждались возражения, и вдруг военная тревога возвестила, что все эти планы могут быть похоронены под руинами революции.

Икар желал мира, чтобы можно было заняться исключительно выполнением его великого плана. Он желал бы распустить армию, чтобы с большей пользой употребить затрачиваемые на нее средства и ее рабочие руки.

Но он не боялся войны, ибо надеялся, что она принесет победу и мир, прочный, длительный, быть может вечный мир.

Он считал войну неизбежной потому, что некоторые соседние короли, делавшие уже попытки восстановить сына Коруга, не преминули бы использовать новую конъюнктуру, а другие короли, побуждаемые своими аристократами и уже составившие коалицию для поддержки тирании, не преминули бы вступить в союз против демократической революции, торжество которой служило бы заразительным примером для их народов и грозило бы их тронам.

Он, впрочем, хотел быстро покончить с неопределенным положением и заставить своих соседей дать гарантии мира или объявить войну.

Мы будем готовы принять нападающих, ибо нападение было предвидено!

И действительно, разве могли они не напасть на нас теперь, эти деспоты и аристократы, столько раз посылавшие свои армии на помощь нашим притеснителям?

Разве наше восстание против их союзников могло не показаться им восстанием против них самих?

Могли ли эти тираны собственных подданных, эти враги всякой свободы и всякого прогресса, простить и терпеть демократическую и республиканскую революцию, которая хочет дать народам пример великой нации, завоевывающей себе свои неотъемлемые права и осуществляющей общность имущества?

Чем более мы умеренны, милостивы, счастливы, чем больше мы возбуждаем уважение, удивление, одобрение и зависть их народов, тем больше они должны бояться нас и ненавидеть!

Да, короли и аристократы, испокон веков связанные общим интересом держать под своим господством народы, фатально вынуждены объявить нам войну, чтобы попытаться спасти свой деспотизм, погубить нашу революцию и нашу свободу, восстановить аристократию и укрепить ее навсегда.

Они перебили бы самых благородных среди нас. Они сослали бы других в пустыни. Они вырвали бы у нас детей и искалечили бы их! Они отдали бы наших жен в жертву скотской похоти своих солдат! Они разделили бы между собой развалины нашего отечества!

Они объявляют нам поэтому войну, войну и на жизнь, а на смерть, войну уничтожения и рабства.

Позволим ли мы себя поработить, истребить таким образом? Разве смерть в пылу сражения не предпочтительнее в тысячу раз?

Мужественные сограждане, мне кажется, что я уже слышу ваш ответ: «Война! Победить или погибнуть, сражаясь!»

Да, мы будем сражаться. Мы будем сражаться за каждый кусок нашей земли, до последнего бойца и до последнего издыхания. Мы не подставим свои головы нашим палачам. Скорее мы сожжем наши города, разрушим наши дороги и мосты, похороним наших жен, наших детей и себя самих под развалинами отечества. Подражая нашим предкам и древним народам, оставившим нам столько примеров героической патриотической преданности, мы, в свою очередь, покажем, на какие жертвы способна любовь к свободе.

Более того. Мы покажем, что такое народ на войне, что в состоянии сделать великий народ, когда он объединен, какую силу имеет свобода, сражаясь за независимость.

Коалиция деспотов грозит послать против нас два миллиона наемников. Но разве мы не имеем шести миллионов солдат и народных гвардейцев, которые встретят их ружейными и пушечными выстрелами, и восемнадцать миллионов старцев, жен, детей, которые смогут сражаться против них при помощи тысячи других средств? Разве наши враги не разъединены распрями из честолюбия и взаимной зависти, в то время как мы тесно сплочены?

Их вооруженные рабы только нехотя будут нападать на нас в защиту

деспотизма и аристократии, тогда как мы будем защищать с энтузиазмом наше дело и дело всех народов.

Вероятно, мы на первых порах допустим некоторые ошибки. Но мы будем учиться на этих ошибках.

Мы испытаем несколько неудач. Но в чем заключалась бы слава, если бы можно было побеждать без риска? Мы добьемся того, что станем непобедимыми.

Вы уже уничтожили вашу аристократию, вы уничтожите также; коалицию, которая хо чет ее восстановить. И если короли имеют преступное безрассудство напасть на нас, то чем они будут многочисленнее, чем дальше они проникнуть в глубь нашей страны, тем более несомненно – вы можете быть в том уверены – наши поля явятся для них могилами.

Но раз мы обнажили меч, мы не остановимся, пока вокруг нас не будет больше ни аристократов, ни деспотов. Мы напишем на наших знаменах: «Никаких завоеваний! Братство народов!» И мы пойдем в поход как друзья, для освобождения человечества.

К оружию! К оружию! Пока мы не добьемся мира, нашим единственным делом должна быть война!

Пусть нация будет только армией, страна – арсеналом и полем сражения!

Старики, воодушевляйте молодежь! Женщины, воодушевляйте ваших детей, ваших мужей и ваших братьев!

Граждане, солдаты, поспешим к границе с возгласами: Да здравствует отечество! Да здравствует общность!»

Диктатор выпустил много других воззваний к народам других стран, генералам, крестьянам, в особенности к бывшим сторонникам аристократии.

Твердо решив не терпеть внутренних врагов, которые могли бы устраивать заговоры вместе с внешним врагом и в случае неудачи предать страну, он пустил в ход все средства, чтобы предупредить или устранить все опасности.

Некоторые дворяне покинули страну. Но многие старые умные аристократы, убежденные в том, что дело их навсегда проиграно, но в то же время вполне успокоенные всем, что произошло, искренно соперничали в патриотизме с лучшими гражданами.

Самые уважаемые люди, государственные служащие, даже крупнейшие из богачей, наиболее красноречивые священники, самые блестящие женщины – все они, увлеченные диктатором, помогали ему, в свою очередь увлекая других.

Каждый старался превзойти другого, отдавая отечеству свое имущество, себя и детей, так непреодолимо влияние власти, когда она подает пример справедливости, доброты и преданности народу и стране!

Я не буду говорить вам о всех средствах, которые употреблял Икар, чтобы вызвать энтузиазм. Пресса, поэзия, песни, музыка, спектакли, клубы, военные упражнения, празднества – все служило этой цели.

Военный гимн, названный Гимном отечеству, распеваемый всюду

населением, воодушевлял все сердца.

Всюду крестьяне сбегались на дорогу при прохождении граждан, первыми отправлявшимися в поход. Население городов собиралось при их прибытии и провожало их при отправлении.

Солдаты и народные гвардейцы, рабочие и молодые студенты, граждане всех классов братались и воодушевляли друг друга.

Всюду видны были вооруженные люди, можно было видеть даже небольшие женские полки, которые предлагали свои силы для ухода за ранеными или обслуживания бойцов.

Видны были рабочие, изготовлявшие и перевозившие оружие и военное снаряжение.

Всюду слышна была военная музыка или военные песни. Везде рабочие, зрители, собравшиеся вместе граждане, солдаты в походе пели Гимн отечеству среди неописуемых взрывов одушевления.

Короли могли сколько угодно увеличивать число своих лицемерных манифестов. Ничто помогало. К тому же воззвания диктатора всегда сводили на-нет их ложь и вероломные обещания.

Двадцать пять армий, питающих полное доверие к избранным ими начальникам, подняли свои знамена на всех границах. Когда первый пушечный выстрел был дан коалицией королей, все села были заняты бесчисленными небольшими отрядами вольных стрелков, все соседние города были переполнены отрядами народной гвардии, пятьсот народных представителей находились рядом с генералами, а остальная часть Народного представительства находилась подле диктатора, чтобы оказать ему в случае надобности содействие.

Я обхожу молчанием частичные победы и поражения, успехи и неудачи, гениальные операции и ошибки, подвиги героической храбрости и поразительной преданности.

Скажу вам только, что когда икарийские армии бросались вперед по всему фронту с криками энтузиазма, каких никогда еще не слышали, то иностранные солдаты, которые сражались нехотя, и в особенности короли и аристократы, увлекавшие их за собой, приходили в ужас, тогда как подвластные им народы, ободряемые видом знамен равенства и братства, молились за своих освободителей и готовились принять их как братьев.

Говорить ли вам о великом сражении или, скорее, о бессмертной победе при Дораке через семь дней после начала кампании? Никогда, быть может, энтузиазм, способный внушить людям любовь к отечеству и человечеству, не производил столько чудес!

Говорить ли о следствиях этой победы: деморализация иностранных армий, раздоры среди их генералов, восстание нескольких корпусов в их армиях, отпадение двадцати тысяч мираков, которые только недавно были покорены соседним королем и вынуждены были сражаться за него, а теперь повернули на поле сражения свои пушки против притеснителя?

Стану ли я рассказывать вам о восстаниях народов, их новых более или менее демократических правительствах и об их благодарности к благородным освободителям?

Заметим только, что три крупнейших соседних страны, к которым затем присоединились другие, послали своих полномочных представителей на конгресс, где были провозглашены мир, всеобщее разоружение, братство народов, свобода импортной и экспортной торговли, отмена таможен, даже уничтожение на публичных памятниках всех эмблем, которые у каждой нации напоминали другим нациям унижительную повесть их поражений.

На этом первом конгрессе была даже организована конфедерация и постановлено ежегодно созывать федеральный конгресс для обсуждения общих дел союзников.

Поспешим вернуться вместе с победоносными армиями и, не останавливаясь ни на наградах и почестях, присужденных солдатам, ни на празднествах, во время которых чествовали храбрость, победу и мир, обратимся опять к Икару, снова сложившему диктатуру, и к Народному представительству, возобновившему свои дебаты о конституции.

Вы, наконец, увидите их сейчас или, точнее, завтра, как они без помех занимались установлением режима общности.

Но эти славные воспоминания слишком волнуют меня, и я прошу у вас разрешения повторить, кончая нашу беседу, наш национальный клич: «Слава нашим предкам! Вечная слава доброму Икару!»

И вся воодушевленная аудитория повторила этот клич с таким пылом, что он заглушил шум аплодисментов.

Глава шестая. ПЕРЕХОДНЫЙ ПОРЯДОК, ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВЕНСТВО.

УМЕНЬШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА, ПРОГРЕССИРУЮЩЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО

Вы можете себе представить, что после войны, победы и мира влияние Икара было безгранично. Его почитали почти как божество.

Было предложено назначить его пожизненным диктатором, но он отверг это предложение, говоря, что народ должен приучиться сам вести свои дела. Он отказался даже от титула президента республики и согласился только на звание президента исполнительной, заявив, что суверенитет народа и его представителей не должен отныне иметь ни соперника, ни тени соперника. Но, тем не менее, он был душой, гением-хранителем и действительным диктатором республики.

Таким образом, принцип общности, снова обсужденный, был принят единогласно, а Полное и окончательное осуществление его отсрочено на пятидесятилетний срок, как предложил Икар.

После долгого и серьезного обсуждения была принята также с более или менее значительными изменениями его система переходного общественного и политического строя.

Я не вижу надобности описывать строй общности, ибо это строй, который вы теперь у нас видите, но я изложу вам бегло принципы переходного строя.

Вот его резюме:

Принципы переходного общественного строя

«1. Строй абсолютного равенства, общности имущества и обязательного труда будет осуществлен вполне и окончательно только через пятьдесят лет.

2. В продолжение этих пятидесяти лет право собственности сохраняется, и труд остается свободным и необязательным.

3. Существующие имущества будут неприкосновенны, как бы неравны они ни были, но, начиная с настоящего дня, строй уменьшающегося неравенства и прогрессирующего равенства послужит переходом между старым строем неограниченного неравенства и будущим строем совершенного равенства и общности.

4. Все существующие теперь собственники продолжают сохранять свою собственность. Изменения могут быть произведены только для будущих наследств, дарений и приобретений.

5. Ни один из граждан, которому минуло пятнадцать лет, не будет обязан работать, пока устанавливается строй общности. Но дети моложе пятнадцати лет, рожденные теперь и имеющие родиться, получают общее элементарное техническое образование, чтобы они были в состоянии работать по той или иной специальности, когда будет установлен строй общности.

6. Начиная с настоящего дня, все законы будут иметь целью уменьшать излишки, улучшать участь бедных и устанавливать постепенно равенство во всем.

7. Бюджет может не сокращаться, но система доходов и расходов будет изменена.

8. Беднота, предметы первой необходимости и труд освобождаются от всякого налога.

9. Богатство и излишек облагаются прогрессивно.

10. Все бесполезные государственные расходы отменяются.

11. Все общественные функции вознаграждаются или оплачиваются.

12. Все они оплачиваются в достаточной и умеренной степени.

13. Заработная плата рабочего будет регулироваться, и цены на предметы первой необходимости будут нормированы так, чтобы каждый земледелец, каждый рабочий и каждый собственник мог жить прилично на средства, доставляемые ему трудом, и на свою собственность.

14. Минимум пятьсот миллионов будет ассигновываться ежегодно для доставления работы рабочим и жилища беднякам.

С этой целью все подготовительные работы для установления системы общности будут начаты немедленно.

15. Армия будет распущена, как только это будет возможно, с выплатой вознаграждения.

Впредь до этого она будет использована со специальным вознаграждением для общественно-полезных работ.

16. Национальные домены⁹ будут по возможности тотчас же использованы для введения общности, превращены в города, или деревни, или фермы и предоставлены бедным.

17. Будут приняты все меры для увеличения населения и прекращения безбрачия.

18. Браки рабочих будут поощряться и облегчаться.

19. Образование и воспитание новых поколений будут одним из главных предметов общественного попечения.

Они будут иметь своей целью воспитать граждан и рабочих, которые будут трудиться для установления строя общности.

20. На это будет ежегодно ассигноваться, если окажется нужным, сто миллионов. Все усилия будут направлены на подготовку необходимого числа учителей. Республика обеспечит благосостояние для них и их семейств и будет рассматривать их как наиболее важных из государственных служащих».

Таковы были принципы переходного общественного строя, основанного на собственности и уменьшающемся неравенстве имущества. Этот переходный строй, как видно, не затрагивал всех приобретенных прав, тогда как строй общности должен был существовать только для малого числа детей ниже пятнадцати лет и для будущих поколений.

Динар затем изложил принципы политического строя в течение переходного периода.

Не буду повторять то, что он сказал об этом предмете, потому что я уже достаточно обрисовал эту правительственную организацию, которая мало отличается от существующей (см. часть первую, главу V).

Я ограничусь добавлением, что Динар изложил нам основы демократической республики: ими являются суверенитет народа и равноправие провинций, коммун и граждан. Динар объяснил нам, какие средства употребляются, чтобы облегчить гражданам частое посещение народных собраний и использование гражданами всех своих политических прав.

Повторю, однако, изложение уголовного права и судопроизводства. Так как собственность должна была сохраняться в течение пятидесяти лет, то нельзя было надеяться, что в течение этого времени не будет больше преступлений, и поэтому было необходимо сохранить репрессивные меры.

Динар сперва говорил нам о несчастных осужденных, которые в момент революции! наполняли тюрьмы и каторги, куда их бросали массами аристократы и богачи. Он сообщил нам, что Икар немедленно освободил их и вернул семьям, допустив их либо в армию, либо в мастерские республики; даже воры, желавшие работать, были помилованы. Почти все они впоследствии отличались безупречным поведением.

Затем он прочитал нам конец резюме, составленный в следующих выражениях:

«Организация судебная будет упрощена. Судьи будут выборные и временные. Присяжные будут высказываться по существу обвинения как в гражданских и исправительных, так и в уголовных делах. Уголовный кодекс будет пересмотрен; смертная казнь отменяется; позорящие наказания будут уничтожены. Свод уголовного судопроизводства будет переработан; индивидуальная свобода будет гарантирована от всех

злоупотреблений власти; только обвиняемые в убийстве могут быть арестованы до суда, с разрешения жюри. Тюремны будут гигиеничны и удобны».

— Таковы были, — закончил Динар, — принципы переходной конституции, и эта конституция, заботливо изданная и хорошо известная всем, была единогласно принята народом, среди торжеств и ликований.

С таким же одушевлением конституция была проведена в жизнь путем окончательной организации всех народных коммунальных собраний, избрания провинциальных представительств и введения в должность всех новых государственных служащих.

Таким образом укрепилось республиканское демократическое правительство. Народное правительство в согласии с Икаром, президентом Национальной исполнительной, занялось, наконец, делами народа и могло себя целиком посвятить его благосостоянию, так как теперь ему не мешали никакие гражданские раздоры и внешние угрозы.

Весь народ принял участие в обсуждении своих дел, ибо народные коммунальные собрания, составленные из всех граждан, объединенных в каждой коммуне, обсуждали коммунальные дела. Представительства провинции, составленные из депутатов, избранных гражданами каждой провинции, обсуждали провинциальные дела. И те, и другие обсуждали также более общие дела, вверенные им конституцией, а Национальное представительство, избранное всеми гражданами республики, обсуждало все национальные дела.

Чтобы справиться с огромной организационной работой, которую ему нужно было выполнить, Национальное представительство разделилось на пятнадцать главных комитетов (земледелия, пищи, одежды, жилищ, промышленности, торговли, народного просвещения и воспитания, статистики и т.д.), составленных из ста тридцати трех членов каждый и подразделенных на шестьдесят подкомиссий из тридцати трех членов. Оно даже организовало при каждом комитете комиссии, составленные из граждан-недепутатов, имевших специальные познания и дававших свое заключение. Все эти комиссии составляли необходимые анкеты и вели переписку с аналогичными комитетами, организованными во всех провинциальных представительствах и во всех народных коммунальных собраниях, так что весь народ был распределен по всем этим различным комитетам.

А для того, чтобы народ мог обсуждать все вопросы с полным знанием дела, каждая коммуна стала издавать коммунальную газету для жителей коммуны; каждая провинция — свою провинциальную газету для жителей провинции, а нация — национальную, или народную, газету для нации и всех граждан. Каждая газета, редактируемая государственными служащими, избранными гражданами, распределялась за счет коммун, провинций и страны (что влекло лишь незначительный расход для каждого), так что каждый глава семейства получал даром газету своей коммуны, провинции и национальную, или народную. Этот расход рассматривался как расход на народное просвещение или расход на осуществление суверенитета народа.

С этой же целью всюду были назначены специальные и постоянные служащие для организации статистики или составления инвентаря коммун провинций и республики в целом.

Каждая коммуна должна иметь свою статистику числа, состояния и назначения домов: числа, состояния и имущества семей; числа лиц, из которых состоит каждая семья, с указанием пола, возраста, профессии, числа женщин и мужчин, женатых и холостых или вдовцов; числа лиц одного года, двух, трех лет и т.д.; числа каменщиков, плотников, сапожников и т.д.

Коммунальная статистика должна была регистрировать также число и состояние доменов и ферм; число арпанов земли с указанием культур и продуктов; число лошадей, быков и т.д.

Провинциальная статистика должна была суммировать статистику всех коммун, из которых составлялась провинция, а национальная статистика подводила итог статистике всех провинций.

Каждое из этих статистических учреждений имело свое специальное здание в главном городе каждой коммуны, в каждой провинции и в столице.

Каждое из них должно было ежегодно печатать и распределять свои труды по мере изготовления таким образом, чтобы каждый глава семьи получал статистические сводки своей коммуны, своей провинции и нации.

Правительство могло, таким образом, знать численность населения каждой коммуны, каждой провинции и всей страны, каковы его нужды и средства труда и как велика продукция земли; оно всегда находило там все необходимые сведения, чтобы устранять неполадки, использовать все ресурсы, удовлетворять необходимые нужды и улучшать административный аппарат.

Все планы реформы и улучшения могли, таким образом, исходить беспрестанно от каждой семьи, каждой коммуны, каждой провинции — для осведомления Национального представительства; они могли также исходить от Национального представительства — для руководства или осведомления народа, а в самых важных случаях окончательно и суверенно решал весь народ.

Один из первых вопросов, к которому Икар и Национальное представительство привлекли серьезное внимание всех граждан, был следующий: как можно, сохраняя на переходный период собственность, уничтожить нищету и прогрессивно улучшать судьбу бедных, чтобы все, по возможности скорее, могли хорошо питаться, хорошо одеваться и иметь хорошее жилище?

Судите, какой интерес вызывал в умах один только этот вопрос, подвергшийся рассмотрению всех просвещенных людей! Какой новый мир!

Сначала взялись за устранение злоупотреблений.

Бесполезно говорить вам, что они были сметены, точно ударом метлы.

А так как почти все было никуда не годно и вело только к

злоупотреблениям, то изменили почти все: веса и меры, счет времени и деление страны, имена, нравы и обычаи; произведена была всеобщая и радикальная революция, полное обновление, настоящее возрождение.

Граждане даже отказывались от своих имен, чтобы выбрать себе новые. Казалось, будто новый народ занял место старого. Вся страна также совершенно преобразилась, названия провинций, городов, улиц и рек были заменены другими.

Когда злоупотребления были устранены, взялись за перестройки или улучшения, и всюду установлено было следующее общее правило: сперва необходимое, потом полезное, затем приятное.

Чтобы обеспечить бедных надлежащей пищей, одеждой и жилищем, одни предложили снизить стоимость припасов, одежды и жилищ и повысить заработную плату, организуя для всех работу; другие – распределить необходимые припасы, одежду, жилища или же деньги, чтобы на них можно было все это приобрести, и с этой целью установить налог в пользу бедных; третьи – заключить займы и даже выпустить бумажные деньги, чтобы дать республике возможность помочь бедным, не слишком отягощая богатых.

Все эти средства, комбинированные вместе, вели к одной цели и предоставили в распоряжение республики колоссальный капитал, достаточный для всех ее расходов.

Земледелие было одним из главных предметов общего попечения. Были приняты все необходимые меры, чтобы земли были обработаны полностью и по возможности лучше; были посланы комиссары во все чужеземные страны для изучения их приемов обработки; для каждого рода! почвы были указаны продукты, которые лучше всего произрастали на ней, были указаны продукты, которые находились в стране в изобилии, и те, которых не доставало; поощряли улучшение зерновых хлебов, овощей, плодов, животноводства и всех предметов пропитания, чтобы все граждане могли хорошо питаться. Правительство подавало пример на национальных фермах и коммунальных землях. Кроме того, тысячи комитетов земледелия, организованные в тысяче коммун, постоянно вводили различные усовершенствования, и специальный земледельческий журнал руководил всеми земледельцами, сообщая им всякие полезные сведения.

Комитеты питания, составленные главным образом из медиков, химиков и поваров, обсуждали тысячи вопросов, касающихся числа и времени приема пищи; числа, состава, порядка приготовления и приправы блюд; хороших и плохих съестных припасов; необходимого разнообразия соответственно времени года, возрасту, полу и профессии. Они давали указания не только относительно всех недостатков старой системы питания, которых следует избегать, и всех улучшений, какие необходимо ввести, но и о лучшей системе питания для того времени, когда будет установлена система полной общности, когда все припасы будут распределяться республикой и все граждане будут питаться одинаково.

Народное представительство установило эту окончательную систему,

подготовило ее применение и даже применило ее частично во всех случаях, где это было возможно, например в больницах и школах и в мастерских. Оно последовательно голосовало за все переходные мероприятия, какие стали осуществимы, и неустанно трудилось над улучшением питания народа.

Комитеты одежды, составленные главным образом из медиков, рисовальщиков и опытных рабочих, также обсуждали тысячи вопросов, касавшихся одежды мужчин, женщин, детей, рабочих и т.д., и указали для массы народа лучшие типы одежды, наиболее удобные и изящные.

Народное представительство определило систему, которая будет применена, когда все граждане будут одинаково одеваться, и голосовало за все переходные мероприятия, которые казались ему наиболее для этого полезными.

А так как законодатели избирались народом и пользовались полным его доверием, так как все проекты обсуждались и одобрялись самим народом и все эти законы преследовали лишь одну цель – благо народа, то законы не встречали никакой оппозиции, и каждый старался выполнять все решения и даже простые указания Национального представительства, касавшиеся пищи и одежды.

То же самое относилось к жилищам и обстановке.

Так как все граждане должны были при режиме полной общности иметь одинаковое жилище, и по возможности лучшее, то Народное представительство постановило, что будет присуждена щедрая награда и во всех домах республики от имени народа будет помещен бюст того, кто представит план образцового дома, наиболее совершенного во всех отношениях.

Когда все эти планы были рассмотрены на публичном конкурсе, Народное представительство приняло один увенчанный премией план и постановило, чтобы отныне все дома строились согласно этому плану.

Отсюда – и это было ясно всем – проистекало и следующее неценное преимущество: так как все двери, окна и т.д. были совершенно одинаковы, то можно было заранее приготовить в огромных количествах все составные части городских и деревенских домов.

А пока множество общественных зданий отдано было для размещения большого числа бедных семей и приняты были все переходные меры, оказавшиеся необходимыми для немедленного улучшения жилищных условий народа.

Удовлетворение, какое дала народу эта великая мера справедливости и человечности, до такой степени возбудило всеобщий энтузиазм, что большое число богатых, увлеченных примером Икара, предложило свои дома республике для того же назначения.

Таким же образом получены были образцовые планы для ферм, разных мастерских, больниц, школ и т.д.

Так же было поступлено по отношению к обстановке и к каждому виду мебели.

Так как все коммунальные города должны были при режиме полной общности быть одинаковы, то тому, кто представит наиболее

совершенный план образцового города, были обещаны огромная награда и его статуя во всех коммунах.

Подобные же мероприятия были приняты по отношению к главным городам провинций, к столице, памятникам.

Были обследованы все плохо расположенные или плохо устроенные города. Некоторые нужно было реконструировать целиком, другие можно было подвергнуть только перестройке, причем были указаны все необходимые изменения и переходные меры, которые следовало принять немедленно.

Народное представительство предписало тотчас же реконструировать города, сожженные во время войны, и построить несколько городов, где были бы размещены раненые солдаты и бедные и где немедленно применена была бы система полной общности.

Оно постановило реконструировать почти все деревни.

Разделить территорию республики на провинции, по возможности равные по пространству.

Каждую провинцию разделить на десять почти равных коммун.

Употребить все старания, чтобы каждый главный город провинции помещался в центре своей провинции и каждый главный город коммуны – в центре своей коммуны.

Обеспечить каждую коммуну такими средствами сообщения, чтобы можно было в течение часа собрать в коммунальном городе всех ее жителей.

Каждый провинциальный город и его территория должны заключать территорию и население трех коммунальных городов и трех коммун. Столица должна заключать их шестьдесят.

Приняты были также все меры для равномерного распределения населения таким образом, чтобы в каждой общине, а следовательно в каждой провинции, было равное число населения.

Отмечены были все плохо проложенные большие дороги и необходимые на них изменения, а также изменения в каналах и реках, которые почти все следовало выравнять, углубить и сделать судоходными. Указаны были все дороги, которые надо было проложить или починить, и предписано было немедленно произвести наиболее неотложные работы.

Всюду разведывались минеральные месторождения, какие могли найтись в стране.

Так как предстояла огромная работа, то комитет промышленности использовал все инженерные и промышленные кадры народа и даже иностранцев, чтобы изобрести и ввести все машины и механические орудия, которые могли бы увеличить производство и заменить человека на всех опасных, тяжелых или неприятных работах.

На всех производствах, например в производстве одежды, искали форм, которые облегчали бы изготовление одежды, чтобы уменьшить число портных и использовать их труд более производительно.

Республика постепенно получила даже миллион иностранных рабочих, которые устроились и обзавелись семьями в стране. Но она

допускала только красивых или талантливых людей, чтобы в одно и то же время улучшить тип населения и развить промышленность.

Народное представительство организовало и регулировало торговлю и промышленность, планируя производство товаров и размещение рабочих.

Оно даже превратилось в крупного торговца и фабриканта от имени народа, ибо оно предписало экзекутиве произвести за границей громадные закупки сырых материалов и организовать огромные республиканские мануфактуры и мастерские, чтобы производить наиболее необходимые для народа ткани, одежду, мебель и изготовлять все части – каменные, деревянные, металлические, необходимые для постройки домов.

Оно предписало построить также огромные республиканские заводы для эксплуатации копей и производства машин.

Многочисленные рабочие, занятые в этих мастерских, получали плату или, точнее, пищу, одежду и жилище от республики.

И чтобы облегчить этот огромный труд реконструкции производства, комитет публичных работ при содействии комиссии, составленной из ученых и промышленников, определил порядок работ и наметил те, с которых следовало начать, чтобы подготовить другие и преодолеть все трудности.

Комитет общественного здоровья указал все предохранительные меры, которые необходимо принять в мастерских и на всех прочих работах. Руководство по гигиене, премированное Национальным представительством и распределенное даром в нескольких миллионах экземпляров, популяризировало правила, какие необходимо соблюдать для сохранения здоровья в различных случаях жизни. А комитет усовершенствования человека неустанно работал над улучшением человеческого рода.

Народное воспитание и просвещение были, быть может, главным предметом внимания Икара и сосредоточивали на себе внимание философов и всего народа.

Народное представительство постановило создать школы переходного времени и отвело для них наиболее красивые общественные здания.

Оно приняло все меры для немедленной подготовки необходимых учителей и профессоров.

Оно сперва занялось взрослыми от пятнадцати до тридцати лет, которых оно распорядилось обучить чтению, письму и некоторым другим практическим знаниям, наиболее полезным для рабочего и гражданина.

Оно декретировало для режима полной общности систему воспитания, наиболее совершенную во всех отношениях.

Оно декретировало также переходную систему, которая по возможности меньше отличалась от окончательной системы.

Все дети одного пола, богатые и бедные, от десяти до пятнадцати лет, были обязаны изучить профессию по своему выбору и были ознакомлены с новой организацией и системой общности.

Все дети моложе десяти лет бесплатно воспитывались сообща до восемнадцати лет и были вполне приучены к жизни в новой социальной обстановке.

Наконец, были составлены необходимые пособия для подготовки учителей, обучения учеников и просвещения всех граждан.

Один из проектов, наиболее нравившихся Икару, заключался в изобретении нового языка, рационального и правильного, не имеющего никаких исключений из принятых принципов и заключающего минимальное количество правил,— следовательно, наиболее простого, лаконичного и легкого для изучения.

Этот проект был принят Народным представительством, постановившим воздвигнуть стацию во всех школах в честь того, кто представит лучший образец. Затем оно предписало обучение этому языку всех детей и молодых людей и перевод на него лучших старых произведений, так что плохие были таким образом уничтожены.

Религия и священники также получили соответствующие указания от Икара, Народного представительства и всей нации для установления окончательной или переходной религиозной системы.

Провозглашены были уважение ко всем верованиям и веротерпимость для всех культов.

Религия была вполне отделена от государства и сведена к почитанию божества и проповеди нравственности.

Все молодые священники должны были избираться своими единоверцами и могли жениться.

Духовенство само объявило себя независимым от всякого иностранного первосвященника и признало свое подчинение закону.

И в то время как щадили привычки старых священников и старых набожных людей, основывали учебные заведения для подготовки новых священников, которые были бы так же почтенны, как и полезны, а также для воспитания религиозных чувств новых поколений и приведения религии к той чистоте и простоте, которая внушает к ней любовь и почитание.

Таким образом Икар, народные представители и сам народ организовали переходный период! и трудились над подготовкой режима полной общности.

Все было так хорошо комбинировано, что смерть Икара, в 1798 г., не повлекла за собой почти никаких неурядиц.

Тысячи учеников и апостолов исповедывали его учение, и можно сказать даже, что народ разделял все его принципы.

Все было заранее разработано, и выполнение было так организовано, подготовлено и продвинуто вперед, что дело сводилось только к труду простых исполнителей.

Более того. Старые воззрения и старые навыки были в такой степени изменены воспитанием, новыми привычками, рассуждением и опытом, что богачи сами отдавали свое имущество республике, чтобы вступить в какую-нибудь начальную коммунистическую организацию.

Икар подал пример, пожертвовав все свое состояние на основание

коммуны, в которой он устроил сто бедных семей, образовавших деревню.

Один из наиболее богатых сеньоров, герцог Ализор, тоже пожертвовал все свое колоссальное состояние на основание коммуны, составленной из трехсот бедных семей, которые он сам выбрал.

Другой, граф Марбель, в подражание им набрал в сиротских приютах двести мальчиков от девяти до десяти лет и двести девочек от пяти до шести, которых он воспитал и допустил в свою коммуну, после того как они выросли и переженились между собой,

Третий соединился с двадцатью другими, чтобы организовать законченную коммуну. Один почтенный священник побудил всех собственников своего небольшого городка сложить сообща все свое имущество и организовать коммуну.

Больше того. Все эти примеры вызывали такой энтузиазм, что тысячи петиций, на которых первыми стояли имена богачей, требовали, чтобы переходная эпоха была сокращена. Подготовительные работы подвигались вперед так быстро, что пятьдесят лет были последовательно сокращены до сорока, затем до тридцати, и система полной общности была целиком и окончательно установлена в 1812 г., через четырнадцать лет после смерти Икара, в тридцатый год возрождения.

Вы понимаете теперь, надеюсь, как эта счастливая общность была организована у нас? Если, впрочем, кто-либо из вас желает еще кое-каких новых объяснений (а я знаю, что некоторые желают дополнительных сведений), то я, как уже сказал вам, с великим удовольствием готов ответить на все вопросы, ибо сам горячо желаю, чтобы у вас не оставалось никаких сомнений. Посвятим нашу ближайшую беседу рассмотрению возражений.

Но прежде чем кончить, разрешите мне сказать еще два слова.

Представьте себе, если можете, эту переходную эпоху: грандиозный размах строительства и производства; развитие промышленности и торговли; деятельность мозга и рук, массу открытий, изобретений или усовершенствований в искусствах и науках. В течение этих тридцати лет нация выполнила больше работ и продвинулась в своем развитии больше, чем в течение всей предыдущей своей истории.

Представьте себе также благосостояние и счастье, которым наслаждались наши отцы после ужасных потрясений и грандиозных событий, которых они были жертвами или свидетелями.

На другой день революции, тотчас же как только были изложены планы Икара, у народа не было иных чувств, кроме доверия, удовлетворения и надежды. Каждый день приносил новое завоевание или новое достижение, с каждым днем возрастала любовь к отечеству и ко всему человечеству. И наши отцы, более несчастные в детстве, чем мы, нашли в своих успехах и победах больше духовных и материальных наслаждений, чем нам их доставляет в настоящее время система полной общности.

Глава седьмая. ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ РАВЕНСТВА И ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА

Хотя Динар должен был только отвечать на поставленные ему вопросы, речи его доставляли слушателям такое удовольствие, что зал был так же полон, как и в предыдущие дни.

Новое обстоятельство еще удваивало любопытство. Старый испанский исследователь, по имени Антонио, известный своей эрудицией и тонким умом, заявил, что у него имеется много возражений, и его сторонники, побуждавшие его поддержать дискуссию, заранее радовались в предвкушении его будущего торжества.

— Я, кажется, слышал, — сказал Динару один из присутствовавших, — что были переустроены все фермы и все дома, все деревни и все города. Но каким образом можно было закончить все это строительство в течение только тридцати лет?

— Я понимаю, насколько могущественны были различные средства выполнения, о которых вы нам говорили, однако мое воображение все еще теряется при мысли о колоссальных размерах этого труда. Быть может, существовали еще и другие средства, мне неизвестные. Если это так, то будьте добры ознакомить нас с ними.

— Действительно, главная задача состояла в том, — ответил Динар, — чтобы приготовить все жилища к определенному времени, и не столько в постройке красивых и прочных домов, сколько в быстрой их постройке.

После того как был установлен, как я уже сказал вам, образцовый план дома и города, установили также способ строить их по возможности скорее. Были приняты все меры, чтобы достигнуть этой цели, поэтому были построены менее прочные дома, которые должны были служить, быть может, не больше тридцати или сорока лет, а затем постепенно заменяться более прочными.

В городах отложили постройку всех памятников, которые служили только для украшения, оставив свободными предназначенные для них площадки.

Точно так же поступили с мебелью и остальными вещами. В течение тридцати лет производили только необходимые вещи, оставляя производство полезных или приятных вещей до осуществления полной общности.

Я, впрочем, уже сказал вам, что были использованы все машины, известные в иностранных государствах, причем изобрели бесконечное множество новых машин. Все умственные силы страны были направлены на их изобретение. Трудящийся народ стал поразительно искусен, и огромное количество праздных или плохо использованных прежде рук выполняло теперь полезный труд. Мы получили свыше миллиона иностранных рабочих, а совокупность наших машин составила силу в двести миллионов лошадей, или три миллиарда рабочих.

Прибавьте к этому, что всюду были построены громадные мастерские и гигантские мануфактуры, что изготовлялись в огромных количествах все составные части построек (тесаный камень, кирпич,

строевой лес, двери, окна и т.п.), а потому строительство подвигалось вперед почти с невероятной быстротой. Под надзором самого Икара был построен дом в один день, и при нем же построили целую улицу в пять дней, а коммунальный город — в три месяца.

Заметьте еще, что большинство городов, которые были намечены к постройке, содержали на плане больше домов, чем нужно было для начала, так что постройка целых кварталов была отсрочена и заканчивалась по мере того, как увеличивалось население.

— Я понимаю, — сказал другой из присутствовавших, — но мне труднее понять переход от временного режима к режиму полной общности. Каким образом мог этот переход совершиться одним ударом, сразу по всей стране?

— Но переход совершился не таким образом, — ответил Динар, — а частично и последовательно. Слушайте меня внимательно.

Начали с провинций, больше всего пострадавших от войны, а затем последовали провинции, находившиеся в наиболее благоприятных природных условиях. Ежегодно новый режим вводили в одной, двух, трех или четырех провинциях таким образом, что начинали организацию полной общности со второго года, а заканчивали к тридцатому году.

Вы видите, что операция была не так уж сложна и трудна. Вот каким образом она выполнялась в провинции или, вернее, в коммуне.

Я должен вам сказать, во-первых, что закон определял число и образцы всех предметов, которые должны были составить движимость каждого дома или каждой семьи, и различные предметы, составлявшие эту установленную обстановку, производились в больших количествах; поэтому каждый мог ограничить свою обстановку этими предметами и получить то, чего ему нехватало.

Во-вторых, коммунальная статистика указывала число семей и лиц, живущих в коммуне, и число необходимых им предметов всякого рода. Поэтому магазины могли быть заранее снабжены всем необходимым.

Так вот, как только новый дом был построен, сделан жилым и снабжен установленной обстановкой, его передавали бедному, а старую обстановку последнего передавали в общественные магазины, чтобы по возможности использовать ее.

Все бедные жители коммуны получали таким образом жилище и мебель, и большинство домов было занято уже в течение шести месяцев, затем постепенно вселялись состоятельные и богатые, которые, в свою очередь, отдавали республике всю свою обстановку или сводили ее к законной норме.

Когда все семьи таким образом получали жилище и мебель, через год или два, выбирали новых должностных лиц и провозглашали в коммуне полную общность.

Сделали еще больше, и вы сейчас увидите, что работа частично началась во всех коммунах республики одновременно.

Прошу вас быть внимательными. Как только было решено, в первом году, что провинции и коммуны, города и деревни, дома и фермы будут одинаковы и постепенно все будет изменено, составлен был план каждой

новой провинции со всеми ее новыми общинами, каждой новой общины со всеми ее новыми деревнями, новыми фермами и новыми путями, и были намечены места для дорог, ферм, деревень и городов.

Решено было, какие города будут построены на новых и какие будут перестроены на старых местах. Для первых набросан был план на земельном участке со всеми площадями, кварталами и улицами; для вторых план был сделан на больших картах, были даже сделаны рельефные планы. Затем, по образцовому плану, указывали на бумаге все изменения, какие следует произвести. Применяя эти изменения на земельном участке, вехами указывали линию расположения всех новых улиц и площадей, памятников, мест гулянья и т.д. Так как инженеры достигли поразительного искусства в этих операциях, то труд был везде закончен в четыре года.

Везде начинали с самых необходимых дорог, ферм и деревень. Почти во всех городах застроили несколько улиц и несколько кварталов, чтобы поселить там наиболее нуждающихся, и как только улица или дом были готовы, в него переводили жителей плохого дома, а этот разрушали, чтобы использовать материалы.

Вы понимаете, таким образом, что всюду бедные могли лично воспользоваться благами новой системы уже с первых лет, тогда как в некоторых пунктах целые коммуны и даже провинции могли с того же самого времени ввести режим полной общности. Вы понимаете, что теперь, в 1836 г., у нас нет провинций, в которых этому режиму не исполнилось бы менее двадцати четырех лет. Почти во всех он установлен гораздо раньше. В одних он существует уже сорок восемь лет, в других — сорок семь, в третьих — сорок шесть, и так далее из года в год.

Вы должны теперь понять, каким образом режим полной общности мог установиться последовательно, или одновременно в коммунах одной провинции, затем последовательно или одновременно в нескольких провинциях, затем, наконец, во всей республике.

Вы должны также понять, что хотя много зданий и предметов движимости было уничтожено, потеря была не так значительна, как это можно было сперва предполагать. И это потому, что можно было сохранить лучшие здания и использовать материалы других, можно было утилизировать старую мебель, видоизменяя ее или даже оставляя ее старым хозяевам, пока она окончательно не износится, что, во всяком случае, не могло длиться больше) тридцати лет переходной эпохи.

Вся мебель, изготовленная со второго года, была сделана по новым образцам, и вся старая износилась или почти износилась через тридцать лет, так что не было почти никакой потери национального движимого имущества.

— Но, — заметил третий, — алмазы, драгоценности, предметы роскоши... Так как закон запрещал их, то они были совершенно обесценены, когда установился режим полной общности?

— Да, но эти предметы не имели никакой реальной стоимости. Кроме того, количество их постепенно уменьшалось либо потому, что

терялась привычка к роскоши, либо потому, что производство предметов роскоши мало-помалу прекратилось.

Следовательно, вы поймете, что после тридцати лет богатые легко соглашались передать все свои предметы роскоши общественным магазинам, потому что, не будучи в состоянии ими пользоваться, они не имели никакого интереса сохранять их.

— Но ведь то же самое должно было произойти и с деньгами? — сказал четвертый.

— Несомненно, так как они сделались совершенно бесполезными. К тому же привыкли не придавать им никакой цены.

— И те, кто имел ценные бумаги, потеряли не больше, чем те, кто имел золото?

— Не потеряли ни те, ни другие, потому что система общности обогатила их, дав им все, в чем они нуждались.

— А долги и обязательства были отменены? — сказал пятый.

— Несомненно, ибо должник и кредитор должны были передать свои деньги общественным магазинам.

— Но это должно было помешать ссудам и обращению капиталов в течение переходного времени? — сказал шестой.

— Прежде всего это не мешало краткосрочным ссудам. А затем, к чему капиталистам было хранить и зарывать свои капиталы в землю, раз они были вынуждены либо передать их обществу, либо держать без употребления! Капиталист-эгоист мог тратить свои деньги на удовольствия, и тогда его капиталы обращались, но благородный капиталист давал или ссужал с процентами или без них, в особенности с приближением режима полной общности. Принятие принципа полной общности производило даже тот знаменательный и счастливый эффект, что уже в середине переходной эпохи и по мере ее приближения к концу все меньше стремились к роскоши, все меньше боялись бедности и все прочнее устанавливалось равенство имуществ.

— А государственная рента?

— Вы можете легко догадаться: она была погашена после тридцати лет и погашалась даже последовательно каждый год по мере того, как ее держатели входили в коммунальную общность. И в течение тридцати лет рента аккуратно выплачивалась, ее можно было даже продавать, как прежде, хотя биржевая игра была отменена.

— А биржевые маклера? Как перенесли они отмену их функций и гибель их состояния?

— Как все богатые. Режим полной общности их одним ударом разорил и обогатил, чтобы сделать более счастливыми.

— А иностранцы, которые владели недвижимостью в стране?

— Они были вынуждены продать ее икаррийцам или были экспроприированы и получили вознаграждение в силу старого закона об экспроприации в интересах общественной пользы. Иностранцам было запрещено также приобретать в будущем какую-либо собственность.

— Вы, значит, изгнали таким образом иностранцев?

— Нет, мы допустили их, как и вас теперь, но они должны платить

республике справедливое вознаграждение за питание и другие расходы.

— А несчастные, которые не могут ничего заплатить?

— Мы желали бы иметь удовлетворение разрешить им пользоваться нашим счастьем, но вы понимаете, что для нас материально невозможно принять к себе всех несчастных, существующих на земле. Мы принимаем, во всяком случае, всех, кто нам может быть полезен своими талантами, и даже некоторых жертв иностранных тираний.

Когда Антонио, которого ждали с нетерпением, попросил наконец слова, внимание на всех скамьях удвоилось.

— Я желал бы, — сказал он, получить разрешение представить вам несколько замечаний, но, признаюсь, мое смущение весьма велико при виде чудес, которые поражают нас в Икарии.

— Говорите, — сказал ему Динар.

— Говорите! — кричали ему со всех сторон.

— Я допускаю, — сказал он, — что икарийцы действительно так счастливы, какими они кажутся и как они об этом говорят, и что счастье их так же прочно, как и полно. Я не останавливаюсь на том чуде, как выполнение в такое непродолжительное время столь многочисленных работ, потому что, если бы тридцать лет оказались в другом месте недостаточными, их можно было бы растянуть до шестидесяти, восьмидесяти, до ста. Но я осмелюсь высказать некоторые свои размышления о системе равенства и полной общности по существу, поскольку она применима к европейским странам, если, конечно, мои замечания не будут кому-либо неприятны.

— Говорите! Говорите! — повторил Динар.

— Говорите! — кричали ему его сторонники.

— Так вот. Я думаю, что социальное равенство противно природе, несправедливо, бесполезно и даже вредно и невозможно. Прибавлю, что оно отвергалось во все времена и у всех народов, и утверждаю, что это относится также к режиму полной общности. И я доказал бы это, если бы не боялся оскорбить людей, доброта которых внушает нам столько же признательности, сколько талант их вызывает у нас восхищение.

— Говорите! говорите! — кричали ему Динар и все собрание.

— Итак, я воспользуюсь вашим разрешением, — начал Антонио. — Впрочем, мои замечания, относящиеся только к нашим старым европейским государствам, не будут затрагивать Икарию, достаточно счастливую, чтобы находиться в привилегированном положении в совершенно особых условиях.

Возражения против равенства и принципа общности

— Так вот, господа, я спрашиваю вас, что мы видим на земле: естественное равенство или неравенство?

Сама природа, предшествующая обществу, создала людей, неравных по полу и цвету, по наружности и здоровью, по росту и силе, по красоте и плодovitости, по разуму и гению, по мужеству и добродетелям, точно так же, как она создала животных, неравных между собой по силе и инстинктам, и страны, неравные по плодородию и климату. И когда во всех этих бесчисленных объектах творения мы не находим двух существ,

двух людей, двух животных, даже двух листьев и двух песчинок, которые были бы в полной мере равны между собой во всем, то как можем мы утверждать, что провидение, всемогущество, бесконечная премудрость, не хотело неравенства? Пытаться заменить его творение равенством не значит ли восставать против самого бога? [Отдельные возгласы: «Браво!»].

Естественно, неравные по силе, способностям, активности, предусмотрительности, потребностям и умеренности, люди должны, следовательно, быть неравными по влиянию, авторитету, власти, имуществу и уважению. Следовательно, социальное и политическое равенство было бы, очевидно, величайшей несправедливостью.

Далеко не будучи полезно для слабых и неспособных, это равенство было бы вредно всем, потому что задержало бы и задушило соревнование, активность, усилия, развитие гения и изобретательности.

Если бы общество даже совершило такое безумие, как уничтожение естественного неравенства, чтобы установить равенство имущества и владения, это равенство не могло бы быть прочным. Усидчивость одних в труде, их ловкость, благоразумие, воздержанность, экономия и тысяча других обстоятельств должны были обогатить их, тогда как леность или болезни других, тупость или невежество, несчастные случаи или неумеренность и тысяча других причин должны были сделать их бедными и обречь на нищету. Одним словом, естественное неравенство способностей, добродетелей или пороков должно было неизбежно, в свою очередь, разрушить дело общества и привести снова к естественному неравенству имущества и власти. [Браво, браво!].

Итак, вы видите теперь, что сделала мудрость наших отцов, когда они основали общества во времена первобытной невинности, справедливости и добродетели, в золотом веке человечества. На всей земле, во всех странах, во всем человеческом роде, у всех: народов, великих или малых, во все века, начиная от сотворения и до настоящего времени — видите ли вы что-нибудь иное, кроме неравенства имущества и власти?

А мнение, я не говорю — невежественных масс, но тех классов, которые приближаются к божеству своим просвещением и разумом, а мнение историков, ученых, философов, законодателей, правительств, святых истолкователей небесной воли и даже сект и светских обществ, наиболее смелых в революции и реформе? Разве неравенство не есть их общий призывный клич?

То же самое я скажу о собственности и общности имущества.

Если провидение создало для человеческого рода все, что находится на земле, то разве не правда, что оно никому ничего не давало в виде исключения, но предоставило каждому способность присваивать себе животных, плоды и поля, которые были ему необходимы? Разве не правда, что каждый имел возможность достать себе при помощи труда все, в чем он нуждался?

Разве не сама природа дала человеку предвидение будущего, дух экономии, умение обрабатывать землю, любовь к собственности,

желание накапливать богатства, чтобы наслаждаться ими и дать возможность наслаждаться ими и своим детям? Не следует ли из этого, что сам бог установил собственность?

Разве не справедливо, чтобы каждый был собственником и хозяином животных, которых он захватил на охоте (преследуя их и сражаясь с ними с опасностью для своей жизни), плодов, которые он разыскал и собрал, хижины и земельных участков, которые он построил и возделал благодаря своему искусству и труду?

Не было ли бы, напротив, безусловно несправедливо, чтобы все было общим между трудолюбивым и ленивым, между умным и тупым, между трезвым и невоздержанным, между бережливым и расточительным и чтобы первый работал для второго и делился с ним, тогда как второй ел бы и спал, ничего не делая для первого?

И если из двух людей один обладал всеми достоинствами и добродетелями, а другой – всеми недостатками и пороками, если у одного было много детей, которых он хорошо воспитал, много слуг, которыми он хорошо руководил, и много рабов, которых он умел использовать, тогда как другой был одинок и обречен на малозначительность, если обе семьи продолжали таким образом жить в течение нескольких поколений, то не было ли естественно и справедливо, что один из этих людей увеличил свою собственность, а другой потерял свою, уступив ее, что одна из этих семей стала богатой и могущественной, а другая оказалась бедной, слабой и подчиненной?

Не естественно ли, одним словом, что собственность, сперва равная вследствие первого раздела между первыми народами и первыми гражданами, превратилась скоро благодаря добродетели одних и пороку других в собственность неравную?

Таким образом везде и всегда, у всех народов и во все времена, собственность и неравенство имущества служили основой общества, в то время как равенство имущества и система полной общности не могли нигде и никогда установиться.

Позвольте мне напомнить вам выгоды этого учреждения, продиктованного природой и принятого человечеством, сравнив с ним все невыгоды общности имущества. Позвольте мне очертить вам некоторые из бесчисленных благодеяний собственности и богатства не только для собственников и богачей, но и для каждой нации в целом и, в частности, для бедных и неимущих.

Кто может отрицать, что богатство есть источник наслаждения и счастья, что любовь к собственности и любовь к детям (которая побуждает отца стремиться к богатству для них так же, как и для самого себя) представляют вместе с любовью к власти три самых сильных страсти, которые природа вложила в сердце человека?

Кто может отрицать, что именно эти пылкие страсти побудили человека совершить столько усилий и попыток и пренебречь столькими опасностями, чтобы открыть, создать и произвести столько богатств, которых не сумели бы извлечь из ничего вялость и равнодушие, связанные с общностью имущества?

Кто может, наконец, отрицать, что собственность и богатство были необходимы, чтобы доставить досуг, спокойствие души, просвещение, воспитание, привычку размышлять и обдумывать, одним словом – ту способность, в которой имеют настоящую нужду законодатели, администраторы и ученые?

Без собственности и имущества человек вынужден был бы удовлетворять только свои физические и материальные потребности, был бы лишен более тонких и более благородных наслаждений ума и сердца, которые доставляют учтивость, благородство, благотворительность и милосердие. Он просто не знал бы этих возвышенных добродетелей, составляющих славу человечества.

И что было бы с бедными без милосердия богатых? Что случилось бы с рабочими без труда и заработной платы, которые дают им собственники? В каком положении были бы земледелие, промышленность и торговля без содействия крупных капиталистов? Куда делись бы культурность, любезность, вежливость, мягкость и утонченность нравов и все блага и развлечения общества, если не было изобилия? Что случилось бы, наконец, с науками, изящной литературой и изящными искусствами без импульса роскоши?

Да, прогресс во всех областях, чудеса и сокровища наук и искусств в Китае, Индии, Персии и Египте, в Греции и Сицилии, в Карфагене и Риме, в Италии и Франции, в Англии и Америке, величие и пышность Людовика XIV и Наполеона, гигантские предприятия и героические добродетели, одним словом – все, что составляет могущество, счастье и славу человечества, есть плод неограниченной собственности.

Что касается общности имущества, то что могла она создать и что создала на земле? Какой народ осмелился рискнуть произвести с ней опыт?

В наших старых и богатых европейских обществах (я все время оставляю в стороне Икарию) она могла бы только заменить смертоносными вялостью и равнодушием счастливое соревнование, плодотворное состязание науки и гения, благородное честолюбие, которые все оживляют и создают общественное благо из частного блага?

И в эту Европу, идолом которой теперь является свобода, не внесла ли бы общность имущества несноснейших помех для этой неоценимой свободы – первой потребности наиболее благородного из созданий природы?

При общности имущества нет ни собственности, ни имущества, нет наследования и дарения, нельзя ничего приобрести даже ценой самых прекрасных открытий и самого богатого дарования. Нельзя ничем располагать: ни своей личностью, ни своими детьми, ни плодами своего труда и таланта. Нельзя ни отдохнуть, ни работать, ни путешествовать, ни охотиться, ни заставить себя обслуживать как хотелось бы. Нельзя иметь ни слуг, ни собак, ни лошадей, ни экипажей, ни замков, ни парков, и нужно работать по принуждению. Нельзя пользоваться свободой ни в выборе пищи и одежды, жилища и обстановки, ни в развлечениях и наслаждениях, ни в бодрствовании и сне, ни в жизни и смерти. Это

самый ненавистный деспотизм, самая унижительная тирания, самое невыносимое рабство!

Человек, наиболее выдающийся и наиболее полезный своими знаниями и способностями, своими открытиями и заслугами, при этой системе нисколько не отличался бы от других. Неблагодарность и несправедливость служили бы принципом, регулирующим этот новый совершенный социальный и политический порядок.

Вот почему все разумные и рассудительные люди, настоящие и искренние друзья народа и человечества всегда единодушно восставали против несправедливой, неблагодарной и губительной общности имущества.

Только Платон и Томас Мор осмелились ее проповедывать. Но разве оба они, чьи благородные намерения я нисколько не склонён оспаривать, не рассматривались ученым и рассудительным миром, как фантазеры, мономаны и безумцы? Разве общность имущества греческого мечтателя не была признана химерой и слова платоническая химера не стали ли синонимами мечтательности, сумасбродства и безумия, как утопия английского мечтателя стала синонимом невозможности и почти нелепости?

И кто когда-либо пытался осуществить их туманные и пустые теории? Какой монарх, какой первосвященник, какой сенат, какой законодатель, какая нация пожелали тратить свое время на такой опыт? Сам Платон не мог найти государя или народ, который согласился бы пойти навстречу его желанию, И когда ученик его Плотин¹⁰ рискнул обратиться к римскому императору, просьбы его были презрительно отвергнуты императорской мудростью.

Никогда не удавалось осуществить даже аграрный закон или раздел земель и равенство собственности, и не только сенаторы и богачи этому энергично сопротивлялись, но и сами мелкие собственники, быть может еще сильнее привязанные к своему скромному участку, чем крупные к своим обширным именьям. И чем объясняется это сопротивление? Тем, что всегда было сильно убеждение: этот раздел и равенство будут только эфемерными; тем, что это дробление до бесконечности национального богатства между всеми гражданами могло дать каждому только совершенно ничтожную часть и создать равенство нищеты, непрестанно увеличивая бесплодие почвы и населения. Самые ярые сторонники аграрных законов требовали раздела лишь для того, чтобы захватить все, не оставив ничего другим, и сказать прежним собственникам (употребляя тривиальное выражение): «Убирайся отсюда, чтобы я мог сесть на твое место!»

И кто те, которые требовали или требуют теперь в Европе общности имущества или аграрного закона? Разве это не главным образом революционеры и анархисты, все, кому нечего терять и кто может только выиграть в революции, все, кто не отступает перед покушениями и восстаниями, перед пожарами или убийствами, перед грабежом и разбоем, тогда как консерваторы проповедают только порядок и мир, труд и спокойствие, уважение к религии и законам, счастье народа и

прогресс человечества.

Благотетельная для Икарии, общность имущества была бы для Европы только бичом!

Едва только он произнес эти слова, как сторонники Антонио, которые уже часто поддерживали его своими одобрениями, попытались воздействовать на своих противников пылкостью своего энтузиазма и аплодисментами, тогда как остальная часть собрания, сохраняя глубокое молчание, казалось, была потрясена и заколебалась.

Динар хотел ответить сейчас же, но обе стороны, втайне одушевленные различными мотивами, потребовали, чтобы дискуссия была отложена, и мы ожидали — Евгений и я — завтрашнего собрания с нетерпением и не без некоторого беспокойства.

Глава восьмая. ОТВЕТ НА ВОЗРАЖЕНИЯ ПРОТИВ РАВЕНСТВА И ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА

На всех лицах видно было живейшее любопытство, когда Динар взял слово.

— Ученый и почтенный оратор, которому я буду отвечать, — сказал он, — несомненно, как и я, одушевлен только любовью к истине и человечеству, и точно так же, как и он, я отверг бы общность имущества для Европы, если бы думал, что только собственность и неравенство могут составить ее счастье.

Но как бы ни были многочисленны возражения, выдвинутые с такой силой, и какими бы основательными ни казались эти возражения некоторым умам, я желал бы, чтобы к ним прибавили еще другие, ибо я уверен, что не оставлю ни одного без убедительного опровержения и докажу, что только общность имущества может составить счастье всех европейских стран, как она составляет счастье Икарии. Поэтому я с полной уверенностью отвечаю уважаемому Антонио. [Внимание усиливается].

Вы считаете, Антонио, что природа создала людей неравными во всем, что, следовательно, общество должно сохранить их неравными и социальное и Политическое неравенство должно быть подтверждением и освящением естественного неравенства. Я, наоборот, поддерживаю противоположное положение, я утверждаю, что природа не разделила людей на классы или виды: один — высших, которые должны повелевать и владеть всем, другой — низших, которые должны повиноваться, трудиться и прозябать.

И чтобы оправдать свое мнение, я отличаю различие от неравенства, силу от права, и говорю:

Да, люди различны по росту, цвету, физической силе и так далее, но люди вовсе не неравны.

Два человека могут быть частично неравны в некоторых отношениях, по физической силе, например, или силе интеллектуальной; сильный и тупой человек может победить интеллигентного и слабого человека, точно так же как он может быть сам побежден слабым, но ловким и вооруженным человеком. Но полная сила человека по отношению к силе

другого человека представляет вопрос или вещь бесконечно сложную. Она состоит из множества различных элементов (роста, силы, ловкости, хитрости, сноровки, образования, опыта, оружия, богатства, числа детей или помощников, тысячи случаев и случайностей), все в различных и постоянно изменяющихся пропорциях; сложность эта такова, что невозможно установить, кто более силен, до тех пор, пока этого не покажет победа. И больше — если два человека сражаются, не убивая друг друга, каждый из них может быть поочередно победителем и побежденным.

Но разум, если и неравный у всех людей, то по крайней мере в общем достаточный у каждого, советует более слабым объединиться против сильного, чтобы при помощи численности восстановить равенство сил. А так как разум есть главное оружие, которое природа дала человеку в качестве руководителя и защитника, то можно с полным основанием сказать, что в самом общем смысле природа сделала людей равными по силе.

Она, их сделала даже равными по уму, ибо различие, замечаемое в этом отношении между двумя людьми, происходит от различия множества обстоятельств, в которых каждый находился со времени своего рождения. Органы их были одинаковы при рождении и имели одно и то же назначение; оба были одинаково невежественны, оба одинаково нуждались в просвещении и воспитании. И если бы оба были поставлены в одинаковые условия, то их ум и просвещение оказались бы одинаковыми или, по крайней мере, достаточно близкими, чтобы установить между ними настоящее равенство.

Следовательно, не природа, а общество делает людей неравными по уму и просвещению. И если бы даже было верно, что некоторые лица оказались бы от природы более способными в умственном отношении, то де менее верно, что природа не разделила человеческий род на виды или классы, одаренные природным или наследственным умом, который создал бы народ ангелов или гениев среди других народов и отличал бы их от остального человечества, как человек отличается от других животных.

Одним словом, если существуют некоторые умы, высшие по природе своей, то это редкие исключения, которые мы не встречаем в одном классе чаще, чем в другом, но встречаем во всей массе, во всех семьях и даже среди слабых и бедных чаще, чем среди сильных и богатых. И кто на земле осмелился бы сказать: «Я принадлежу к более умной расе, чем ваша»? Кто, в особенности, осмелился бы сказать своей нации: «Я самый умный среди вас и больше всех способен управлять вами»?

Скажем поэтому, напротив, беря это выражение в его самом общем и распространенном смысле: все люди по природе вообще равны или почти равны по силе физической и интеллектуальной, а потому по природе равны в правах.

[Здесь нескончаемые аплодисменты покрыли заключительные слова Динара.]

Но предположим, что люди по природе неравны по силе. Были бы

они, в силу одного этого, неравны в правах?

Неужели одни созданы, чтобы командовать, а другие — повиноваться, одни — быть праздными, а другие — работать на них и служить им, одни — быть богатыми в счастливыми, другие — быть бедными и несчастными, как будто между обоими классами существует такое же различие, как между человеком и животным, как будто первые являются полубогами, предназначенными для наслаждения, а вторые — скотами, осужденными на страдания и прозябание?

Какое же это было бы оскорбление для божества! Как? Вы чтите бога как бесконечную доброту, как высшую справедливость, соединенную со всемогуществом. Вы называете его отцом человеческого рода, вы говорите, что все люди — его дети, одного рода, одной расы, одной семьи, все братья.

И вы утверждаете, что этот бесконечно благий и справедливый отец, вместо того чтобы объединить всех своих детей в своей любви, равномерно распределить между всеми ними свои благодеяния, одарить всех их одинаковым умом, одинаковыми желаниями, одинаковыми страстями, одинаковыми средствами для их удовлетворения и одинаковыми правами на этом земном шаре, который благодать его сотворила для них, — вместо всего этого разделил бы их на категории и касты хозяев и рабов, деспотов и подданных, аристократов и париев, собственников и пролетариев, богатых и бедных, потребителей и производителей, счастливых и несчастных.

Как смотрели бы мы на отца многочисленной семьи, который вместо того, чтобы относиться к своим детям одинаково, распределял бы между ними свою отеческую привязанность в соответствии с их ростом, фигурой и цветом их волос, портил бы своими ласками самых красивых и самых способных и гнал бы самых слабых и самых некрасивых, отдал бы все свое имущество здоровым и ничего не оставил бы больным, благословлял бы великих и проклинал бы малых?

И еще: в первый период существования человеческого рода) все люди были дикарями и блуждали голые, пожирая траву или жолуди и раздирая зубами сырое мясо; теперь они живут в дворцах и хижинах, одеваются в пурпур и лохмотья, воспитываются в золоченой колыбели или на соломе в хлеву. Но каким образом, при помощи какого божественного признака различали и различают еще благословенных и проклятых, избранных и осужденных?

Нет, нет, это была бы хула на провидение, если бы мы ему приписывали такую несправедливость. Оно создало людей различными между собою, но равными по силе и, в особенности, в правах, оно сделало их всех выше остальных существ, но оно дало всем им одинаковые потребности и одинаковые желания, оно возложило на них одно и то же обязательство удовлетворять эти желания и одни и те же обязанности, оно дало им одни и те же инстинкты, одни и те же средства, одни и те же права пользоваться всеми своими чувствами, всеми своими органами и всеми окружающими их внешними предметами.

Если природа внушила некоторым людям желание нападать и

управлять, то она дала его одинаково всем, как внушила одинаково всем желание защищаться.

Если она дает одним эгоизм, самолюбие, любовь к командованию, гордость и тщеславие, она их дает одинаково всем, как она дает всем ненависть к рабству и подчинению, любовь к независимости и равенству.

И в первую очередь она всем дает разум. Разум! Почему провидение сделало всех людей не только равными, но и схожими во всем: в росте, в красках, в цвете, в физической силе, в уме? Почему? Разве не дало оно им разума? И разве недостаточно разума, чтобы указать человеку средство осуществить свои права, обеспечить свое счастье и установить равенство?

Разве недостаточно разума, чтобы хорошо организовать общество, чтобы создать равенство воспитания, а следовательно и способностей, равенство труда и имущества, равенство социальных и политических прав? Да, разум — это второе провидение, которое может создать равенство во всем, а так как этот разум есть благоденствие природы или божества, то равенство оказывается, как я уже сказал, косвенным делом самой природы или самого бога. [Гром аплодисментов.]

Все признают, что человек был на первых порах дикарем: таким мы находим его на всем почти пространстве и Америки, и Африки, и на всех островах, открытых в последние три или четыре столетия. Он сначала походил на животных, был гол, как они, не имел крова, блуждал в лесах. Подобно им, лишенный всяких знаний и руководимый лишь инстинктом, не имея никакого представления о стыде, пороках и добродетелях, без промысла, без искусства, без науки, он жил скорее стадом, чем обществом, без собственности, без каких бы то ни было имущественных, сословных и правовых отличий. В это время разум его был еще только бесполезным орудием, или рулем, или, точнее, зародышем, которому предстояло медленно развиваться и совершенствоваться.

Этот животный и растительный образ жизни, это последовательное развитие длилось долго, тысячи и, быть может, миллионы лет, ибо воображение не может определить срока, необходимого для того, чтобы изобрести языки, а особенно письмо, и сделать миллиарды открытий, сопровождающих существование человеческого рода от его начала до настоящего дня.

Что значат эти миллионы лет от начальной стадии существования человечества в сравнении с миллионами лет, которые должны, вероятно, последовать за ними, в сравнении с вечностью вселенной до и после создания этого бедного маленького человеческого рода? В продолжение детства человечества только животная и грубая сила царил на земле; охота на людей и животных долго составляла единственное или главное средство существования; война и воровство долго были единственными или главными промыслами; победа и завоевание были самыми могущественными средствами приобретения и обогащения; сильные и ловкие промышляли лишь убийством, грабили, пожирали или уводили людей в рабство. Так всюду основаны были правительства и аристократия, неравенство имущества и власти. Так! как каждый народ

считал себя самым сильным, то война и восстания были постоянным явлением на земле: после бесчисленных сражений и ужасных массовых убийств, после колоссальных завоеваний, жертвой которых являлись многочисленные мелкие пастушеские или земледельческие племена, — завоеватели, победители и воинствующие герои были, в свою очередь, побеждены и покорены. Земля покрылась костями и руинами. Развалины Вавилона, Фив, Карфагена, Тира, Иерусалима, Афин и Рима, как и могила на острове св.Елены¹¹, свидетельствуют о хрупкости силы. И несмотря на это, до сих пор еще все нации обуревают дух завоеваний, неизбежным следствием которого является неравенство. То же самое происходило во всех странах среди граждан и партий. И там сила и завоевание учреждали так называемое общество, власть, законы, собственность и неравенство, и так как каждая партия считала себя наиболее сильной, то гражданская война и восстания, так же как: убийства и казни, почти не прекращались. Всюду сила оставалась госпожей на поле сражения и устанавливала неравенство.

Несмотря, однако, на свою молодость, человечество с течением времени все же становилось более зрелым. Чувство справедливости развивалось при угнетении; позднее мудрость зародилась из опыта, разум созрел в несчастье, а в настоящее время... Оставим, в самом деле, прошлое и займемся настоящим, оставим неизвестное и неопределенное прошедших веков и рассмотрим положительное настоящее; забудем исчезнувшие в небытии поколения и спросим совета у живущих.

Разве теперь, как и во время оно, нет природы и человечества? И нужно ли, подражая тем, кого Сократ упрекал, что они смотрят на небо и пренебрегают землей, останавливать наши думы на мертвых, пренебрегая живыми?

Разделена ли была земля между народами, а затем между людьми добровольно или нет, были ли общества и неравенство признаны формально или нет, — какое это имеет значение для тех, кто страдает теперь? Лишь человеческий род, ныне живущий, а не тот род человеческий, которого уже нет, интересует нас теперь; его чувства и мнения, права и волю нам нужно теперь установить и исследовать, поскольку мы в настоящее время обладаем разумом более совершенным, чем когда-либо.

Так вот, позвольте мне сделать одно предположение, быть может, странное, но не безрассудное. Предположим, что после чумы или какого-нибудь другого бедствия на земном шаре остались только беременные женщины и старцы, предположим также, что эти старцы собрались обсудить вопрос о правах человеческого рода, находящегося еще в материнском чреве. Я спрашиваю вас, нашелся ли бы в этом незаинтересованном сенате хоть один голос, который утверждал бы, что эти еще наполовину рожденные дети не должны быть равны в правах по самой природе своей и что они не должны быть равны в отношении воспитания, имущества, социальных и политических прав?

Предположим еще, что человеческий род собрался для обсуждения вопроса о равенстве. Думаете ли вы, что ничтожное меньшинство

аристократов и богачей осмелилось бы отрицать равное право всех на счастье и существование? И если бы часть этого меньшинства была бы настолько безумна, чтобы сделать это, прибегнув к силе и войне, если бы общество было всюду распущено и заменено естественным состоянием, то разве это меньшинство не лишилось бы тотчас же своей собственности и власти? Допустим даже, что оно могло бы, благодаря своей ловкости, поддержать и продлить борьбу, — не привело ли бы это к войне и всеобщему истреблению? А разум, вмешавшись как посредник, не сказал бы всем, что общий интерес человечества заключается в признании равенства прав и в создании, наконец, общества на этой отныне непоколебимой основе?

Да, разум, или природа, или бог продиктовал бы, а человеческий род принял бы социальное и политическое равенство. [Бурные аплодисменты].

Даже гениальность не давала бы никаких прав на власть, господство или командование другими, так как только путем избрания народом гений достигает признания и только лишь по полномочию народа он может получить некоторый авторитет в его делах.

Равенство не знало бы поэтому никакого другого исключения, кроме обязанностей и почестей, присужденных народом.

Но вернемся назад, чтобы ответить на некоторые детальные возражения, хотя то, что было сказано, косвенно уже отвечает на них.

Вы утверждаете, Антонио, что первые люди были более невинны и более добродетельны, более мудры и более совершенны, вы говорите о золотом веке, вы вызываете к старости, опытности и авторитету древности.

Но разве это утверждение не является пристрастным, неосновательным, слабым и нелепым? Разве не бесспорно, что в период рождения человечества состояние его было младенческим, тогда как чем больше мы приближаемся к нашей эпохе, тем оно кажется более зрелым. Именно в древности, во времена детства человечества, оно было невежественно, не умело еще говорить, пытаясь только лепетать и ходить, и только в настоящее время оно имеет зрелость и опыт. Сколько невежества, сколько ошибок, пороков, мерзостей, гнусностей, сколько несправедливостей и жестокостей ознаменовало его детство!

Разве мы не знаем теперь все, что знала древность? А между тем, она не знала огромного количества вещей, которые мы недавно открыли.

Нет, никогда не ссылайтесь на ее авторитет! Не говорите в особенности, что она допускала неравенство, ибо я вам отвечу, что она допускала также рабство, людоедство, пытки, костры и тысячи других ужасов!

Вы допускаете, что существовало формальное соглашение, договор, согласие людей соединиться в общество или установить неравенство имущества и власти. А между тем очевидно, что это двойное неравенство всюду явилось следствием насилия и завоевания.

Вы приписываете богатству аристократии почти небесное и божественное происхождение, считаете причиной его труд, талант,

бережливость, все достоинства и добродетели, а для нищеты, бедных пролетариев вы находите почти адскую причину, лень, тупость, обжорство и все пороки. Если верить вам, все богатые стали богатыми потому, что были трудолюбивы и имели все хорошие качества, а бедные стали бедными только потому, что были ленивы и порочны. По вашему мнению, бедность есть наказание за пороки, а богатство — награда за добродетель.

Если бы это было так, я сказал бы: так как бедные бедны только по собственной вине, то тем хуже для них. Но нет, это утверждение столь же несправедливо, как и бесчеловечно. Я их скорее жалел бы, потому что они наши братья, потому что они имели бы те же самые качества, что и богатые, если бы они получили такое воспитание, потому что все их пороки являются следствием ошибок и преступлений общества.

Впрочем, вы признаете тем самым, что если бы у всех людей были одни и те же качества, они имели бы одинаковые права на богатство и должны были бы все быть одинаково богатыми или бедными (ибо богатство относительно), и я принимаю к сведению ваше признание.

Но хорошо ли вы это продумали? Таково ли действительно происхождение богатств и бедности, какое вы приписываете им? Точен ли и верен ли этот факт? Не является ли истиной прямо противоположный факт?

Есть ли на земле и в истории более очевидная и более ясная истина, чем то, что народы земледельческие и промышленные изобрели и произвели все и что народы пастушеские, охотничьи или воинственные завоевали их, покорили, ограбили, обратили в рабство и принудили работать на себя? Разве не бесспорно, что в течение всей древности до рождения Христова труд всюду был заклеимен, объявлен позорным и возлагался только на рабов, только война и разбойничество считались почетными занятиями, и даже в Греции и Риме свободный рабочий считался общественным рабом, не достойным звания гражданина, и был исключен из народных собраний? Разве даже в новые времена промышленность и торговля не считались недопустимыми для дворян занятиями?

Можете ли вы отрицать, что богатство римской аристократии было только плодом завоевания и гнусным скоплением добычи, награбленной во всем мире, а великое вторжение, начавшееся в III в., обогащало варваров за счет цивилизованного мира; что завоевание Англии норманнами в XI в. обогатило завоевателей за счет англичан, а вторжение испанцев в Америку в XV в. обогатило убийц добычей, полученной с двенадцати миллионов американцев, перебитых ими?

Хотите вы, чтобы я перечислил вам приобретения церкви — монахов, духовенства и пап, обогатившихся при помощи обмана, мошенничества и вымогательства, и приобретения придворного дворянства, обогатившегося при помощи грабежей, конфискаций и щедрот государей в награду за низость, проституцию, доносы, предательства и убийства?

Разве наиболее невинным происхождением богатства современной аристократии не считается случай рождения и наследственная передача

старинных наследств, загрязненных кровью и преступлениями?

И если некоторые крупные состояния составились на законном основании благодаря действительным заслугам перед страной или промышленностью и торговлей, то сколько же из них свободно от примеси обмана, несправедливости, страданий и слез населения?

Будете ли вы отрицать, что общество — эта несправедливая и бесчеловечная мачеха — дает богатым, своим избалованным детям, возможность быть всегда богатыми, тогда как оно плохо воспитывает бедных или, скорее, лишает их всего просвещения и осуждает их на вечное прозябание в нищете?

Таким образом с первых шагов развития человеческого рода можно различать два класса, правда перемешанных и неопределенных: один — состоящий из хороших, деятельных, прилежных, трезвых и т.д., другой — из ленивых, невоздержанных, жестоких и т.д. Первые обрабатывали землю, положили начало искусствам и наукам и создали собственность и богатство, тогда как вторые занимались только охотой и войнами, воровством и разбойничеством, потребляли, не производя, не знали иного подхода, кроме силы, иного права, кроме победы, иных добродетелей, кроме жестокости, убийства и угнетения.

Таким образом ленивый и дурной грабил мирного рабочего, обжора, расточитель и порочный грабил трезвого, бережливого и добродетельного, бедный был опутан, бессилён и обречен на вечное несчастье до такой степени, что вряд ли нашелся бы среди бедных хоть один на тысячу, который мог бы улучшить свое положение при помощи труда. А общество организовано так дурно, что при известных условиях человек заслуженный, способный и добродетельный, брошенный в ваш Париж или Лондон, попал бы в очень затруднительное положение, если бы пожелал там найти работу, чтобы заработать на кусок хлеба.

Не старайтесь поэтому оправдать неравенство имущества его происхождением.

Но вы хотите оправдать это неравенство его назначением и его последствиями? Посмотрим!

Вы утверждаете, что неравенство имущества необходимо для счастья человеческого рода — для бедных так же, как и для богатых, и оно подсказывается разумом в интересах общего блага. Вы полагаете, что неравенство имеет бесчисленные преимущества и незначительные недостатки, а богатство дает богатым досуг и средства просвещаться, чтобы быть более полезными бедным, тогда как бедность ставит народ в счастливую необходимость трудиться и мирно повиноваться законам. Вы говорите, что богатые употребляют свое состояние на то, чтобы приобретать образование, а затем свое образование, свои богатства, свой досуг посвящают тому, чтобы помогать бедным, занимаясь общественными делами, доставляя работу рабочим, кормя их, строя для них школы, мастерские и больницы. Вы утверждаете, что крупные капиталы необходимы для развития промышленности и для того, чтобы ни один участок земли не оставался заброшенным и непроизводительным. Одаряя государей и аристократов, священников и богатых

величием души и добротой сердца, вы превращаете их в ангелов. И из этого вы заключаете, что при неравенстве и вследствие неравенства человеческий род счастлив или, по крайней мере, так счастлив, как это допускает природа. Вы прибавляете даже, что историки и философы признали это в своих сочинениях, а народы — своим молчанием.

О, если бы эта картина была так же верна, как блестяща, как я благословлял бы вместе с вами неравенство! Я благословлял бы даже аристократию, даже деспотизм, даже суеверие! Ибо я не знаю другой страсти, кроме счастья человеческого рода, и я готов принять с восторгом все средства, каковы бы они ни были, чтобы обеспечить его благоденствие!

Но скажите чистосердечно, есть ли что-нибудь более призрачное и фантазмагоричное, чем эта картина? Можно ли придумать, простите мою резкость, более горькую насмешку? Признаюсь вам даже, я слишком взволнован, слишком удручен нищетой и страданиями бедных, слишком возмущен бесчеловечностью богатых, слишком раздражен пороками и жестокой наглостью аристократов, чтобы решиться выразить все свои чувства и свое мнение об этих лицемерных притеснителях народа, достаточно наглых, чтобы ссылаться в оправдание на его интересы и счастье. Позвольте мне поэтому ответить только по некоторым пунктам.

Богатые, говорите вы, милосердны и благотворительны. Допускаю это, по крайней мере для некоторых. Но если богатым доставляет удовольствие давать милостыню, то не является ли для бедных унижением необходимость ее получать? Если это благо и добродетель, то не потому ли, что бедность есть зло, излечение которого является актом благотворения? Согласились ли бы богатые поменяться ролями? То, чего требует рабочий, — это равенство, право, труд и благосостояние в труде, а не милостыня и госпиталь, в который он, впрочем, часто даже не может попасть, чтобы умереть в унижении.

Просвещение, прибавляете вы, воспитание, добродетели и досуг являются благотворными следствиями богатства. Что ж, разделите национальное богатство между всеми, и они будут иметь досуг, просвещение, воспитание и добродетели. Тогда уже не будет богатых, а будут только бедные и равенство нищеты, — говорите вы. Да, если вы все прочее оставите так, как оно есть сегодня; но этого не будет, если вы примените подходящие средства, указываемые разумом, например те, которые применяются в Икарии. И все эти так называемые ученые, которые арифметически делят доход государства между всеми его жителями, чтобы с торжеством сделать вывод, что каждый имел бы в год не больше ста или ста пятидесяти франков и умер бы с голоду, — эти так называемые ученые, говорю я, только бесстыдные шарлатаны.

Изящные искусства будут в пренебрежении? — Ну, так что же? Изящные искусства, которые существуют только для удовольствия богатых и совершенно не существуют для огромного большинства бедных, изящные искусства не безусловно нужны для счастья человечества, тогда как, с другой стороны, более совершенная социальная организация развила бы их так же и еще лучше для

удовольствия всего народа.

Мир имеет столько чудес только потому, что существовало неравенство имущества? — Нет, не говорите потому что, а говорите несмотря на то...

Крупные капиталы необходимы? — Как будто национальный капитал будет уничтожен, потому что будет находиться в руках всех вместо того, чтобы быть в сундуках некоторых. Как будто капиталы, доставляемые добровольными и многочисленными ассоциациями (которые всегда можно иметь для полезных предприятий), были менее производительны, чем те же капиталы, доставленные монополией нескольких аристократов.

Если бы в силу какого-нибудь аграрного закона, говорите вы еще, земли были разделены поровну, многие из них остались бы необработанными и бесплодными и были бы потеряны для их владельцев и для общества. Как будто маленькие поля бедных не обрабатывались более тщательно, чем обширные имения богатых! Как будто аристократы не отводили для своих удовольствий огромные парки и сады! Если бы какой-нибудь лентяй небрежно обрабатывал свой участок, это было бы тем хуже для него самого; он не мог бы ни на кого жаловаться и не был бы, впрочем, более беден, чем в настоящее время, так как общество не потеряло бы больше, чем оно теряет теперь благодаря замкам. И если бы это равенство имело бы даже и другие неудобства, оно все же имело бы их меньше, чем неравенство, богатство и нищета.

Но какое химеричное предположение! Как можно допустить, чтобы могла найтись хоть одна семья, которая, не имея других источников существования, кроме своего поля, оставила бы его необработанным посреди других, прекрасно обработанных полей? Не очевидно ли, напротив, что при хорошем социальном и политическом строе и, в особенности, при хорошем воспитании все земли будут обрабатываться, прекрасно обрабатываться, лучше обрабатываться, чем в настоящее время, и что равный раздел повлек бы за собой равенство богатства и счастья?

Равенство было бы тотчас же нарушено вследствие отчуждений и увеличения числа членов в одних семействах и уменьшения в других, — утверждаете вы. Нет, ибо общество могло бы издать все аграрные законы и законы против роскоши, которые нужны были бы, чтобы поддержать равенство; оно могло бы объявить собственность неотчуждаемой, как это было в Иудее и Спарте, оно могло бы совершить поголовный раздел, как в древнем Перу, и чаще возобновлять его, чтобы повысить долю разросшихся семей и снизить долю семей уменьшившихся.

Все народы разделили земли при организации общества не поровну? — Прекрасное доказательство, как я уже сказал, справедливости и мудрости неравенства. Верен ли к тому же этот факт? Разве, напротив, философы не предполагают, даже с целью оправдать собственность богатых, что первый раздел был умышленно произведен поровну между всеми тогдашними людьми? Разве избранный богом народ, евреи, поселившись в обетованной земле, не разделили землю,

по приказу Моисея, сославшегося на повеление божественного промысла, на равные части, как это сделали позже Ромул и его товарищи в местности, которая стала территорией Рима и центром Римской империи, и как это сделало, быть может, множество других народов, ибо все воинственные народы делили поровну добычу и снятые с побежденных вещи. Да, впрочем, как можно знать то, что происходило в эти первые времена невежества и варварства, когда еще не было письменности, не было летописца?

Ни один народ не допустил аграрного закона после того, как уже создал неравенство? — Да, так поступили спартанцы, но разве другие народы не желали его всегда и даже требовали, как это было в Риме? И если аристократы всегда противились ему, чтобы сохранить свои чрезмерные богатства, то это вовсе не довод против равенства, а скорее решающий довод в его пользу.

Бедняки и мелкие собственники не желают аграрного закона? — Я отрицаю это: соберите их, спросите их, и вы увидите. Если некоторые мелкие собственники не желали его, то только потому, что сознание их еще не было достаточно просвещено. Но общественный разум постоянно крепнет, сознание просвещается, и раньше или позже, очень скоро быть может, масса бедняков и мелких собственников, т.е. огромное большинство народа, будет единодушно требовать равенства. Я не буду останавливаться на опровержении клеветы, будто только смутьяны, анархисты, воры и разбойники требуют равенства, чтобы обогатиться, разорив других, — клеветы, повторяемой некоторыми добросовестными людьми, но коварно придуманной самими аристократами, которые никогда не останавливались ни перед каким насилием и грабежом, чтобы захватить все богатства и укрепить свое несправедливое господство. И действительно, можно ли не возмущаться и не негодовать против римских патрициев, которые обвиняли в жадности сторонников аграрного закона, сами будучи наиболее ненасытными и наиболее кровожадными из всех захватчиков и воров?

Народы одобрили неравенство своим молчанием, — утверждаете вы. Как будто не аристократы сами запретили народам говорить, жаловаться и требовать! Как будто молчание, которое царило в тюрьмах и преисподней, служило доказательством одобрения и довольства! И как будто своими бунтами и восстаниями народы не протестовали беспрестанно против угнетения и неравенства!

И историки одобряли неравенство? — Но в те времена, когда только богатые и их приспешники обладали образованием, досугом и историческими документами, необходимыми для писания истории, все эти апологеты аристократии и неравенства были их подкупленными придворными или слугами.

Философы отвергали равенство? — Мы сейчас увидим, верно ли это, а пока я ограничусь тем, что противопоставлю им Иисуса Христа.

Потребность в обогащении, желание иметь состояние, надежда на приобретение, конкуренция, соревнование и даже честолюбие являются душой производства? — Нет, нет, ибо все в Икарии производится без

этого, но гнусный эгоизм, бесчеловечная жадность, ненасытная и роковая жажда: золота (*quid non mortalia pectora cogis, auri sacra fames!*),* роскошь и ее неразлучный спутник – нищета, толкающая на преступление (*malesuada fames*),** являются неистощимым источником того моря зла, которое грозит потопить человечество. И чем больше я размышляю об этом, тем более убеждаюсь, что только равенство может спасти людей от гибели.

Резюмируя сказанное мной по вопросу о равенстве, я заключаю, что если бы даже природа не сделала людей равными, разум советовал бы обществу установить равенство, и что сама природа, мать разума и общества, хочет, чтобы человек искал и нашел счастье в равенстве.

Однако не аграрный закон⁸ и равный раздел собственности кажутся мне совершенством. Не останавливаясь на пути, я делаю шаг вперед и прихожу к последней грани, к общности имущества.

Ответ на возражения против общности

Я предпочитаю систему общности системе аграрного закона и индивидуальной собственности, потому что она не имеет их невыгод и потому что она имеет столько же или еще больше выгод.

Общность имущества не имеет неудобств собственности, так как она устраняет частный интерес, чтобы потопить его в общественном, – эгоизм, чтобы заменить его братством, – скупость, чтобы заменить ее щедростью, – обособленность, индивидуализм и дробление, чтобы уступить место ассоциации или социализму, преданности и единству.

Она имеет все действительные выгоды собственности, ибо главная выгода собственника заключается в разумном пользовании своей фермой или своим домом и садом, и общность имущества дает это пользование так же, как и собственность, отнимая только неразумное право злоупотреблять ею и удовлетворять капризы, вредные для общества.

Но общность имеет много больше выгод, ибо позволяет гораздо лучше установить во всем реальное и совершенное равенство, предупреждая даже неравенство, которое могли бы породить несчастные случаи и происшествия.

С другой стороны, являясь хозяином всего, централизуя, сосредоточивая, сводя все к единству, обдумывая, комбинируя, направляя все, она может лучше – и она одна только может – дать неограниченную, и несоизмеримую выгоду: позволить избежать всяких излишних затрат труда, осуществлять целиком экономии производительных сил, использовать всю мощь человеческого ума, увеличивать до бесконечности могущество промышленности, умножать продукты и богатство, беспрестанно совершенствуя человека и расширяя постоянно пределы его счастья, расширять и пределы его совершенства.

Однако Антонио нападает на систему общности и предпочитает ей систему собственности. Он заявляет, что если бы он даже мог допустить равенство имущества, он все же отверг бы систему общности, как особенно несправедливую, вредную, неосуществимую и отвергнутую всеобщим мнением. Он рассматривает собственность как божественное учреждение, а общность – как дело человеческого безумия. Приходится

ему ответить и по этому вопросу.

– Но защитив уже – и, полагаю, успешно – равенство имущества и равный раздел собственности, я уж без особого труда могу защитить общность имущества.

Вы говорите, что собственность есть божественное учреждение и что поэтому сам же отвергает общность. Но что такое общность? Есть ли это вещь столь же отличная от собственности, как небо от земли? Разве это не есть просто видоизмененная собственность, нераздельная и общая собственность как между наследниками, которые не разделили еще наследства, как между братьями, которые пользуются отцовским наследством, не желая делить его, обрабатывая его сообща и потребляя все его плоды сообща или разделяя их поровну, и как между жителями деревни, пользующимися сообща их общими пастбищами вместо того, чтобы делить их и пользоваться ими порознь? Общность имущества есть, следовательно, не что иное, как собственность, принадлежащая нескольким или многим лицам, семье, или деревне, или городу, или народу, не разделенная между собственниками. Эта собственность эксплуатируется и используется братски сообща, обеспечивая всем одинаково пищу и одежду, существование и счастье, вместо того чтобы быть использованной индивидуально и служить источником неравного счастья. Заключается ли в этом незначительном различии достаточный мотив, чтобы называть божественной собственностью разделенную и дьявольской общность или собственностью неразделенную; божественным – раздельность, дьявольским – нераздельность!

Не будем смешивать понятие собственности с вещами, которые являются ее объектом. Правда, что вещи эти божественны, ибо все, что находится на земном шаре, есть творение природы или божества. Но природа, которая предлагает человечеству пользоваться созданными ею предметами, не предписывает ему пользоваться ими одним способом, а не другим, по принципу собственности, а не по принципу общности. Собственность является не более божественным учреждением, чем общность, а общность не является более человеческим учреждением, чем собственность.

Поэтому (и это есть доказательство, на которое нет возражения, доказательство весьма и весьма убедительное, ибо нет более очевидной и бесспорной истины) каждый народ и каждая эпоха его жизни имеют различные законы о собственности, так что существуют тысячи различных законодательств о собственности у тысячи различных народов, которые составляют человеческий род, и тысячи законодательств у каждого народа в течение тысячи лет его существования, т.е. миллионы законов о собственности.

Ни одна история не имеет больше революций, чем история собственности.

Более того. Я убежден, что если одна из обеих систем – собственности и общности – есть учреждение естественное или божественное, то это есть именно общность.

Разве природа в действительности не сделала человека

общительным, нуждающимся в обществе и ищущим общества? Разве он не был создан ею и не родился с самого начала в обществе и в общности, как муравьи и пчелы?

Разве природа всюду и всегда не взывала больше к единению, чем к разделению, к ассоциации больше, чем к обособлению, к сплочению больше, чем к расчленению, к объединению и единству больше, чем к раздроблению, к сотрудничеству больше, чем к противодействию, антагонизму и соперничеству?

Посмотрите на творение — на вселенную, на огромные массы предметов пропитания, данные природой человеку, на великие источники жизни, воздух и электричество, свет и теплоту, воды небесные и море,— разве все это может стать индивидуальной и исключительной собственностью, если не считать части, поглощаемой каждым существом, усваиваемой им и ассимилируемой его телом? Разве природа не хотела, чтобы все эти элементы принадлежали человеческому роду сообща и составляли его общую собственность? Разве она не установила общность воздуха и света? Разве солнце не светит для всего мира? Разве разум не указывает, что то же следует сделать с землей, продукты которой так же необходимы для жизни, как воздух и вода? Разве все философы не признают существования естественной, первобытной всеобщей общности (все для всех), которая длилась века, до первого раздела и установления собственности? Разве они не признают, что действие и право этой первобытной общности существуют и теперь еще в известных отношениях, что раздел мог быть совершен только под молчаливым условием, что он никому не помешает существовать и что в том состоянии, которое они называют случаем крайней необходимости, никакой человеческий закон не мог бы помешать человеку взять из собственности другого плоды, необходимые для того, чтобы избавить себя от голодной смерти? Посмотрите также, что происходило на земле в течение тысяч лет, которые предшествовали земледелию и организации земледельческих народов, в течение еще более продолжительного времени у охотничьих или пастушеских народов и до наших дней у диких народов Америки, Африки, Азии и всех неизведанных стран! Разве у всех этих народов в течение тысячелетий земля не была общей собственностью и не использовалась сообща для охоты, пастбищ, жилища и плодосеяния? Разве у всех этих народов, т.е. на всем земном шаре, и в течение всего этого времени, т.е. в течение наиболее длительного периода существования человеческого рода, не существовала общность земли подобно общности воздуха? Разве в течение всего этого времени не было все общим: поселения и переходы на другие места, поле, сражение и добыча, даже женщины до установления брака? Оглянитесь на путь, пройденный от первых шагов земледельческих народов, от так называемого раздела, о котором говорят философы, от установления собственности и до настоящего времени. Сколько вещей остались общими! Обширные национальные земли в каждой стране; обширные коммунальные земельные участки в каждой коммуне, большие дороги, пути и проходы; реки и каналы; бухты и гавани, все общественные места

и здания, площади, места гуляния, фонтаны, «крепления, храмы, театры, школы, больницы, бани. Разве все города, все деревни не являются общностями, называемыми на этом основании коммунами? Разве сами королевства не называются общностями? Разве все семьи не представляют столько же маленьких общностей? А что говорить о бесчисленных монастырях, называемых религиозными общностями, и о бесчисленных промышленных ассоциациях, которые в действительности представляют не что иное, как общности? Говорить ли мне о всех учреждениях, обслуживающих народ (дилижансы, omnibus, почта, рынки, лавки, магазины, мельницы, печи, пресса, празднества, общественные игры и развлечения), основанных на началах общности? Разве принцип общности не является душой всех легальных сервитутов, установленных для собственности, например общего владения стенами и проходами? Не является и он также душой множества законодательных установлений, которые предписывают, чтобы все было общим при кораблекрушении, наводнении или пожаре? Признаем же, что один из главнейших импульсов природы, более могущественный, чем Эгоистические страсти, есть именно тот, который влечет человека к ассоциации, обществу и общности.

И заметьте, что я не говорю вам об Иисусе Христе, проповедующем и устанавливающем, общность, ни о его церкви, образующей огромный коллектив, или общность.

И не возражайте мне, что все народы в конце концов приняли собственность и ни один не предпочел общности, ибо я, с одной стороны, назову вам несколько народов, которые предпочли общность и были счастливы, как народы Спарты, Перу и Парагвая, а с другой — отвечу, что другие народы приняли собственность, как они приняли рабство, в силу невежества и варварства, и они не имели при этом никакого представления об общности, как не имели никакого представления о книгопечатании и о паре.

Я пойду еще дальше. Человечество должно сожалеть о том, что оно не приняло принципа общности, как приходится жалеть о том, что оно не знало раньше об оспопрививании. Не удивляюсь медленности его прогресса. Я думаю, что общность легче осуществима у цивилизованных народов, чем у диких народов, в больших государствах легче, чем в маленьких, во Франции, Англии или Америке легче, чем у других народов, и теперь легче, чем прежде, как она будет еще легче осуществима через двадцать лет, чем в настоящее время.

Но Антонио обвиняет систему общности в неблагодарности и несправедливости, потому что она не дает гениальному человеку, сделавшему важное открытие, большую часть продукта, чем обыкновенным рабочим. Это слишком серьезное обвинение, чтобы оставить его без опровержения.

Так вот, я утверждаю, что система общности имеет основание поступать таким образом, я утверждаю, что гений, его открытия и его заслуги являются созданием общества, а поэтому общество должно пользоваться ими безвозмездно. И действительно, для чего пригодилось

бы вашему Фультону¹² открытое им применение пара, если бы не было общества, которое могло бы использовать его? Более того, как мог бы он развить свой гений и сделать это открытие, которое должно изменить лицо мира, если бы со дня его рождения общество не заботилось о нем, не просветило его и не дало ему возможности развить свои интеллектуальные способности, если бы из чрева своей матери он был перенесен на пустынный остров, чтобы там в одиночестве прозябать, состариться и умереть!

Да, человек есть только то, что делает из него всемогущее общество или всемогущее воспитание, беря это слово в самом широком его смысле, — не только воспитание, которое дают нам учитель, школа и книги, но и влияние на нас вещей и лиц, обстоятельств и событий, воспитание, которое с самой колыбели не оставляет дитя ни на одно мгновение. Идеи, привычки, нравы, язык, религия, профессия, знания — разве все это не зависит от воспитания, которое укрепляет и формирует способности ребенка? Двадцать совершенно различных детей, если они рождены и воспитаны в двадцати различных странах, будут сходны друг с другом, если они будут воспитаны вместе; не покидая друг друга никогда, как мы уже видели это в Икарии. Двадцать детей одной страны и одного возраста будут, как мы уже убедились, почти одинаковы или совершенно различны, смотря по тому, будут ли они воспитаны одинаково или различно. Так что один человек мог бы проявиться в двадцати различных личностях, соответственно Двадцати различным видам воспитания, которые он получил бы. Сколько людей, кажущихся дураками, могли бы быть гениями, если бы они получили соответствующее воспитание! Сколько гениев были бы дураками, если бы они были поставлены в другие условия!

Обязанный своим гением обществу, каждый гражданин обязан, в вознаграждение за воспитание, полученное от него, передать ему плоды своего гения. Когда он предоставляет обществу выгоды какого-нибудь полезного изобретения, он только уплачивает свой долг. Когда он получает от общества все, что ему необходимо, он не может жаловаться, что не имеет более крупного состояния, чем его сограждане. И если общество, которое не должно ему больше ничего, предоставляет ему какую-нибудь награду, то это должно быть только в интересах общества, чтобы возбудить соревнование, а не в личных интересах вознаграждаемого.

Думаете ли вы, что чисто почетная награда недостаточна, чтобы достичь цели, и общество должно было бы, в своих собственных интересах, для повышения активности, вознаграждать материально за открытия и заслуги? Но это уже другой вопрос. И я опять отвечаю, согласно нашему и вашему прежнему опыту, что денежные награды влекут за собой большие и многочисленные опасности, между тем как наш недавний опыт показывает, что патриотизм, честь и слава имеют огромную силу, когда всемогущее воспитание подготавливает в этом направлении сознание людей, когда богатство равно для всех и достаточно, чтобы обеспечить материальное благосостояние. Изучение,

опыты, наука и открытия имеют столько привлекательного, что их любят только ради них самих, жертвуя всеми другими интересами, пренебрегая всеми опасностями и несчастьями, нищетой и преследованиями, тюрьмой и смертью. Судите поэтому, какое наслаждение, какое удовольствие доставляет наука людям, хорошо воспитанным и образованным, беззаботным и счастливым. Посмотрите на нас. Наука — наше величайшее удовольствие, самый обильный источник наших наслаждений. Для чего нам послужило бы более крупное состояние, чем у других? Разве любовь к труду, отечеству и человечеству не является для человека достаточным стимулом к соревнованию? И разве вы не видите у нас во сто раз большего напряжения интеллекта и большего числа открытий, чем во всех других странах, вместе взятых?

Я перехожу, наконец, к наиболее тяжкому из всех обвинений, выдвинутых Антонию против общности, а именно: что она несовместима со свободой. Но это обвинение пугает меня так же мало, как и другие. И вот мой ответ.

Несомненно, общность налагает стеснения и узы, ибо ее главная миссия — создавать богатства и счастье. Чтобы она могла избежать ненужных затрат труда, сделать более экономной и удешевить производительность земледелия и промышленности, совершенно необходимо, чтобы общество сосредоточило в своих руках, располагало и управляло всем; нужно, чтобы оно подчинило все воли и все действия своим правилам, своему порядку и своей дисциплине.

Но сравните сами свободу в обеих системах — в системах собственности и общности — и судите, какая представляет больше свободы и более действительной свободы.

Прежде всего столкнемся насчет смысла слова свобода, — слова, бесконечно сложного, слишком неясного и слишком неопределенного. Что такое свобода? Есть ли это право поступать согласно собственному капризу, даже делать то, что может повредить другому, например красть или убивать? Нет, закон запрещает это. Есть ли это право ничего не делать, если угодно, не платить налогов, не быть солдатом? Нет, закон запрещает это.

Есть ли это право ходить голым, когда жарко? Нет, нравы не позволяют этого. Есть ли это право быть неблагодарным? Нет, общественное мнение клеймит неблагодарность. Есть ли это право безнаказанно объедаться или вовсе не есть? Нет, природа не терпит этого.

Человек всюду находится в зависимости от природы и ее стихий (воздуха и ветра, дождя и бури, тепла и холода), как гражданин всюду зависит от общества, его законов, нравов, обычаев и общественного мнения, которые также являются законами.

Свобода, следовательно, есть только право делать все, что не запрещено природой, разумом и обществом, и воздерживаться от всего, что не предписывается ими; она подчинена бесчисленным законам природы, разума и общества.

Однако верно, что свобода есть ныне страсть всеобщая, пылкая, не

мирящаяся со стеснениями и доходящая почти до разнузданности, но не есть ли это крайность, ошибка, предрассудок, причину которого можно установить и который можно исправить и излечить? Посмотрим.

Да, слепая страсть к свободе есть ошибка, порок, тяжкое зло, порожденное могучей ненавистью, внушаемой деспотизмом и рабством. Именно чрезмерная тирания вызывает чрезмерную любовь к независимости; это противодействие, впадающее в противоположную крайность.

Человек по своей натуре воспринимает настоящее зло гораздо сильнее, чем будущее зло, даже более могучее, и настоящее зло слишком поглощает его, чтобы оставить ему способность думать об отдаленном зле или представлять себе все его значение. Страдание часто! мутит его разум до такой степени, что он пускает в ход самые опасные средства, чтобы избавиться от него какой бы то ни было ценой.

Так несчастный, который тонет, хватается за все и готов схватить даже раскаленное железо; так путешественник, умирающий от жажды, пьет из болота; так человек, над головой которого занесена сабля, хватается за клинок с риском отрезать себе пальцы; так, чтобы избежать ярости врага, ищут убежища у другого врага, который убивает.

По этой же причине в войне против тирании народы выступают с требованием: «Свобода! Свобода во что бы то ни стало!» — свобода печати против угнетения мысли; свобода преподавания против обскурантизма невежественных монахов; свобода промышленности против цехов, контроля, принудительных корпораций и фиска; свобода торговли против привилегий монополий и адских таможен; свобода собственности против произвольных конфискаций и претензий деспотов быть единственными собственниками; наконец, свобода слова и деятельности против полиции, которая хочет всему мешать или все предписывать в интересах деспотизма.

Но разум учит народы, наиболее ревностно добивающиеся свободы, что свобода не есть ни разнузданность, ни анархия, ни беспорядочность, что она должна быть ограничена во всех случаях, когда этого требует интерес общества, установленный народным суждением.

Сравним теперь свободу при двух системах — при системе собственности и при системе общности.

Общность имеет много законов, — говорите вы. — А собственность, защищаемая монархией, не имеет их?

Общность стесняет свободу. — А монархия? Разрешает ли она вам делать все, что вам угодно? Оставляет ли она вам свободу вашей личности, вашего жилища, ваших детей, вашего имущества, ваших действий, даже ваших мыслей и ваших верований, ваших чувств и ваших надежд? Разве нищета оставляет массе несчастных свободу иметь необходимое и полезное? Разве королевская полиция дает вам свободу оставаться на спектакле сколько вам угодно, танцевать или обедать как вам угодно, носить букет из фиалок или красную ленту или палку, доставляющие вам удовольствие? Нет такого запрещения, установленного общностью, которое не было бы установлено собственностью, и даже в

более тяжелой, капризной, вздорной, придирчивой, деспотической форме.

При режиме общности все общество, весь народ создает свои законы, даже свои нравы, обычаи, свое общественное мнение, и он это делает согласно природе и разуму, всегда в своих интересах, всегда с общего согласия, после обсуждения, выясняющего все выгоды предложенного проекта; и эти законы, на которые дано было согласие, всегда выполняются с удовольствием и даже с чувством гордости.

А при системе собственности, под господством аристократии или монархии?

Нет, нет, только общность и демократия, совершенное равенство и счастье, порядок и мир составляют свободу! Собственность, неравенство, нищета могут порождать только угнетение и рабство!

И все друзья свободы должны желать общности.

И я не отвечал бы даже по этому пункту почтенному Антонию, если бы не считал его искренним другом свободы., потому что я не хотел бы защищать ее против ее врагов, скрывающихся под маской друзей, против вероломных аристократов и лицемерных деспотов, ссылающихся на свободу для того, чтобы осквернить ее, и всячески расписывающих свою любовь к ней и ревность лишь для того; чтобы предать ее, удушить и заковать в цепи.

И я, надеюсь, доказал вам, что лозунгом человеческого рода должно быть: «Равенство! Общность!» [Продолжительные аплодисменты].

— Как был бы я счастлив, — прибавил Динар, — если бы я мог передать всем вам глубокое убеждение, что общность может установиться в ваших отечествах, ибо я считал бы себя способным на самую бессмысленную гордость, если бы думал, что Англия, Франция и Америка, например, не могут совершить то, что сделала Икарция.

Я хочу поэтому, чтобы у вас не осталось никакого сомнения, я хочу довести доказательство до очевидности, я хочу, чтобы ваши души были преисполнены, как и моя, утешительным сознанием, что человечество создано для счастья и держит это счастье в своих руках. Послушайте меня еще немного.

Считают, что равенство невозможно. Так вот, если вы хотите; меня выслушать, я разверну перед вами процесс развития и поразительного процесса равенства и демократии со времен рождения человечества.

Опасаются, что равенство ведет к бесплодности. Так вот, если вы хотите, я разверну перед вами картину открытий наук и искусств и чудеса современной промышленности.

Ссылаются на мнения философов против равенства и общности. И вот, если вы хотите, я перед вами произведу смотр всем философам, древним и новым, являющимся светочами и маяками человеческого рода.

Говорят о невозможности. И вот, если вы хотите, я представлю вам картину осуществленной «невозможности». Мы рассмотрим, каким может быть будущее человечества. И вы сможете увидеть, наконец, что его перспективы должны быть так же безграничны, как и его способность

совершенствования, и что общность есть в одно и то же время его стремление, его цель и его назначение. Хотите вы этого?

– Да, да, да! – кричали со всех сторон с энтузиазмом.

– Так до завтра!

И когда Динар, произнесший свои последние слова с большим воодушевлением, поднялся, чтобы выйти, возгласы «браво» и аплодисменты были до такой степени бурны, что, казалось, свод здания готов был обрушиться на нас.

И мне нет нужды говорить, кому доставляли самое большое удовольствие эти аплодисменты, которыми приветствовали брата моей Динаизы...

Глава девятая. ПРОГРЕСС ДЕМОКРАТИИ И РАВЕНСТВА

Любопытство, казалось, было еще более напряженно, чем накануне.

– Сомневаются, – воскликнул Динар, – в возможности равенства и в торжестве демократии! Посмотрим же, каков был исходный пункт развития человечества, путь, который оно прошло, его прогресс, и пункт, до которого оно дошло. Мы увидим, как равенство, созданное природой, почти задушенное силой, снова оживает, как феникс, возрождающийся из своего пепла, растет и блистает и делает чудеса, чтобы снова пасть под гнетом деспотизма, почти потухает и исчезает в ночи варварства, затем снова восходит подобно солнцу, которое сперва едва пробивается через облака, чтобы затем появиться во всем своем сиянии посреди неба и залить мир светом и теплом.

Следуйте же за мной. Бросим вместе беглый взгляд на историю человечества.

В течение тысячелетий первого периода, когда человек больше походил на животное, чем на человека, жил везде скорее стадами, чем обществами, мы нигде не находим ни королей, ни первосвященников, ни аристократов и священников, ни маркизов и баронов, ни корон и скипетров, ни гербов и вышитых платьев. Тогда, конечно, существовало равенство.

В течение тысячелетий второго периода, когда тысячи народностей покрывают поверхность земного шара, когда самые великие, самые сильные, самые храбрые, самые опытные и самые искусные люди или люди, сделавшие какое-нибудь открытие, избираются своими равными для защиты их интересов и замещаются более способными, как только этого требуют общие интересы, когда все члены каждой народности собираются для обсуждения вопросов двигаться ли дальше или остаться на месте, об охоте или войне, когда избранный начальник есть только военачальник или судья, – где были тогда короли со своим божественным правом и наследственное дворянство? Разве это, скажите мне, не равенство и демократия?

Но некоторые народности, осевшие на островах, или среди болот и гор, или в хорошем климате и на плодородной почве, становятся земледельцами, промышленниками, тогда как другие остаются охотниками и номадами, воинами и кочевниками, становятся завоева-

телями, покоряют и последовательно объединяют большое число других земледельческих народностей и образуют большие народы, большие нации, обширные империи, Китай и Японию, Индию и Халдею, Ассирию и Персию, Финикию и Египет. Тогда путем завоевания и захвата устанавливаются монархия и деспотизм, аристократия и теократия, разделение на касты, система, предусматривающая невежество народа, изолированность от других народов, неподвижность, одним словом – рабство или почти рабство, организованное на таких основаниях, чтобы пребыть вечным. Для народа во всех этих цивилизованных странах устанавливается лишь равенство угнетения и огрубения.

Но, с одной стороны, рабство, заменяющее истребление на войне, является относительным прогрессом, с другой стороны – эти большие цивилизованные нации (в особенности индусы, ассирийцы, персы, финикияне и египтяне) часто смешиваются в результате войн и завоеваний и делают большие открытия в науках и искусствах. Египетские жрецы собрали более тридцати тысяч сочинений, которые они приписывали Меркурию, тогда как остальная часть человеческого рода продолжала оставаться в состоянии варварства и сохранять равенство. И когда после огромной длительности этих первых трех эпох (тридцать тысяч лет до рождения Христа – согласно финикиянам и египтянам: сто тысяч лет – согласно персам; семьсот тысяч – согласно вавилонянам; два миллиона – согласно китайцам и японцам; четыре миллиона – согласно индусам, и всего четыре тысячи пятьсот лет – согласно Библии) мы подходим к двухтысячному году до рождения Христа, вы видите, как равенство возрождается, растет и торжествует в центре мира.

Вы видите, как за две тысячи – тысячу шестьсот лет до рождения Христа восточные народы начинают основывать колонии на Западе, точно так же как на три тысячи или три тысячи пятьсот лет позже (около тысячи пятисот лет после рождения Христа) начинается эмиграция в Америку и основание там европейских колоний.

Множество небольших колоний снимается из Египта, Финикии, с островов и берегов Малой Азии (под именем пелазгов) и оседает в Иудее, Греции, Сицилии, Италии и северной Африке, где они воздвигают множество городов (Иерусалим, Афины, Спарта, Фивы, Коринф, Карфаген и т.д.), основывают множество мелких государств, истребляют или присоединяют к себе и цивилизуют диких жителей этих стран.

Составленные из недовольных, оппозиционеров, изгнанников, авантюристов, одним словом – из людей более всего жадных к свободе, все эти колонии приносят в свое новое отечество любовь к независимости и равенству.

Не будем останавливаться на евреях, хотя этот народ бежит из Египта только из ненависти к рабству, и Моисей признает уже суверенитет народа, давая на его рассмотрение конституцию, хотя эта конституция, будто бы написанная и продиктованная самим богом, устанавливает уже республику, демократию и равенство, в особенности равенство имущества и голосования; хотя мы могли бы видеть, что

каждое из двенадцати колен собирались раз в месяц поочередно и что у евреев существовали народные собрания в пятьдесят тысяч человек; хотя мы могли бы найти у них пророков, обращающихся с речами к гражданам, и даже ассоциацию из четырех тысяч человек, осуществившую общность имуществ! Оставим в стороне эту Иудейскую республику, которая, однако, существовала около четырехсот, лет и, после приблизительно шестисот лет царской власти и плена, опять возрождается и существует еще несколько веков, чтобы уступить место монархии до рассеяния евреев в 134 г. после рождества Христова. Но бросим взгляд на Грецию.

Что касается греков, то хотя их многочисленные народности избирают царями начальников, которые руководили ими, все эти царьки только военачальники и судьи, исполнители установленных законов и решений, принятых собравшимся народом.

Но так как эти цари становились узурпаторами и деспотами, народ уничтожил царскую власть, и в скором времени республика стала господствовать в Греции, Малой Азии, Иудее, Финикии, в Карфагене и северной Африке, на восточных островах Средиземного моря, в Сицилии, в южной Италии и в Италии центральной или Этрурии, многочисленные города которой составляли федерацию уже с 2050 г. до рождества Христова.

Некоторые из этих республик, например Лакедемония, сохраняют царя, подчиненного народу и сенату, но почти все управляются без царя общим собранием, состоящим из всех граждан, и многочисленным сенатом.

В одних, как в Афинах, господствует демократия, а в других, как в Спарте и Карфагене, аристократия, но даже в последних демократия заставляя себя уважать и неустанно борется за политическое равенство.

Эти республики еще достаточно невежественны и признают законность рабства. Самые аристократические из них даже презирают обыкновенные ремесла и отказывают в правах гражданства рабочим, продающим свой труд, и мелким торговцам. Но демократия обращается лучше с рабочими и рабами, и всюду масса народа страстно стремится к равенству и свободе.

Почти повсюду упрочилось неравенство имущества, разделяющее граждан всех этих республик на богатых и бедных, и именно это является источником всех раздоров. Но Минос¹³ устанавливает общность имущества на Крите; Ликург (855 лет до рождества Христова) устанавливает ее в Спарте, добившись от богатых отказа от их богатств и согласия на равный раздел земли; Солон отменяет долги в Афинах, и всюду народ неустанно борется за равенство состояний.

Даже аристократы хотят равенства для себя и между собой, и это стремление к равенству до такой степени всеобщее и настойчиво, что всюду сопротивление узурпации, восстание против узурпаторов и тираноубийство провозглашаются правами народа, обеспечивающими его свободу.

Грек уже больше не грубое животное, как азиат и египтянин. Это

человек, сознающий свое человеческое достоинство, и в греческих или соседних с Грецией республиках насчитывается больше граждан, чем в обширном Египте и необозримой Азии, населенных рабами.

Вскоре после того как Афины прогнали тиранов, а восточный деспотизм начинает угрожать греческой свободе иностранным вторжением и реставрацией, любовь к отечеству и независимости порождает чудеса. Леонид и его триста спартанцев идут на верную смерть, чтобы задержать на несколько дней персов в Фермопильском ущелье; афиняне покидают и сжигают свой город, и тридцать тысяч республиканцев, отразив два миллиона персов на земле и море, при Марафоне, Платее и Саламине, за 490 лет до рождества Христова, спасают Европу от азиатского деспотизма.

Освобожденная тогда от своих тиранов, избавленная от страха перед восточным игом, демократия разливается широким потоком. Во всех городах можно видеть, как народ, занятый государственными или общественными делами, почти ежедневно собирается на своих совещательных собраниях из пяти, десяти, пятнадцати или тридцати тысяч граждан; сенаты из трехсот или пятисот или тысячи ежегодно избираемых сенаторов; трибуналы из пятисот или тысячи заседателей; ежегодные выборы, на которых граждане выбирают всех должностных лиц и заслушивают их отчеты; должности, поручаемые по жребию всем без различия, как, например, должности судей или даже сенаторов; театры, вмещающие двадцать и тридцать тысяч зрителей; бедные, получающие плату для того, чтобы они имели возможность посещать народные собрания и зрелища; общественные площади, портики, места для гуляния, где обычно собираются граждане, чтобы побеседовать об общественных делах и поучиться; общественные даровые бани, храмы, национальные, религиозные празднества и всенародные игры, на которые население собирается со всех сторон.

Все эти учреждения, борьба обнаженных атлетов, состязания, награды, венки, статуи, ассоциации из трехсот или пятисот братьев или друзей – все это дышит равенством.

Более того. Освободившись от каст, от египетской и азиатской теократии и от всех препятствий, воздвигаемых против общения народов и прогресса, признавая тысячи различных богов, посещая Персию, Индию, Финикию, Египет, в особенности с тех пор, как один из египетских царей (Псамметих) призывает греческую армию на помощь против своего соперника (670 г. до рождества Христова), воспринимая всюду знания, приобретенные человечеством, свободные в деле преподавания и воспитания, как и в мысли, обсуждая все на публичных собраниях, греческие республиканцы гигантскими шагами продвигались вперед в области наук и искусств, в особенности в морали, философии и политике.

У них нет еще ни книгопечатания, ни общих и даровых школ, но они желают распространения просвещения и отвергают его ненавистную монополию. У них есть бесчисленные переписчики. Республика впервые дает человечеству публичные библиотеки (в Афинах, в 524 г. до

рождества Христова), школы, гимназии, институты, академии, лицеи и музеи, в то время как Спарта показывает ему всемогущество воспитания. Впервые народ пользуется общим языком для всех, и этот великолепный гармоничный язык распространяет всюду (со времен Орфея и Гомера, за 1300 и 1000 лет до рождества Христова) посредством чарующей поэзии познания всякого рода, тогда как, опять-таки впервые, мудрецы и философы выступают перед согражданами, публично обсуждают права и интересы человеческого рода и придумывают всевозможные формы управления, даже лиги и федерации, даже представительные собрания и конгрессы.

Республика или равенство доводит до совершенства изящные искусства, поэзию и трагедию, архитектуру, скульптуру и живопись.

И эта республика до такой степени увеличивает свое население, что Греция, в свою очередь, покрывает республиканскими колониями Малую Азию, Сицилию и половину Италии, удостоившуюся названия Великой Греции; Римская республика может быть рассматриваема как дочь Греции, получившая свое просвещение от матери. Византия, или Константинополь, и Марсель являются тоже двумя греческими республиканскими колониями.

Не будем поэтому останавливаться на этих азиатских, сицилийских и итальянских республиках, детищах Греции и похожих на нее в большей или меньшей степени. Мы сейчас только беглый бросим взгляд на Римскую республику.

Мы не остановимся даже не торговом и воинственном Карфагене, который основал вокруг себя триста городов, или африканских республик, и кончил тем, что подпал под римское господство.

Заметим только, что с появлением Александра Аристотель смог собрать двести пятьдесят республиканских конституций и насчитывает еще гораздо больше республик в Греции и вокруг Греции, тогда как Египет и южная Азия все еще остаются странами рабства, а остальная часть земли пребывает еще в диком или почти диком состоянии, пользуясь естественным равенством.

Но, быть может, скажут, что подобно армии, которая останавливается или возвращается назад, чтобы подождать отставших или соединиться с ними и более уверенно следовать вместе вперед, так и Греция останавливается и идет назад, чтобы соединиться с другими народами, оставшимися позади, возобновить затем свое движение вперед и увлечь их за собой.

Пока же рассмотрим вкратце четыре великих события, следовавших друг за другом в течение короткого промежутка в семь или восемь столетий: завоевания Александра, превращение Римской республики во всемирную Римскую империю, христианство и великое нашествие варваров.

Просмотрим бегло завоевания македонца Александра, который покоряет Грецию (около 340 г. до рождества Христова) и с небольшой армией греков покоряет и присоединяет Малую Азию, Иудею, Финикию, Персию, часть Индии и Египта, основывает Александрию и

распространяет в своей обширной империи язык и знания греков, смешивая вместе старую и новую цивилизации.

Александрия скоро собирает в своей библиотеке семьсот тысяч томов, т.е. все познания человечества, и становится новыми Афинами цивилизованного мира, расположившимися между Африкой, Европой и Азией.

Греция выигрывает мало и теряет много от этого контакта и смешения цивилизаций, но другие соединенные народы выигрывают больше, чем теряют. Так кипящая вода теряет часть своей теплоты, смешиваясь с холодной водой, тогда как последняя получает потерянную теплоту, и обе, нагреваясь, могут кипеть вместе.

Но Римская республика, поглотив Грецию и завоевания Александра, смешала вместе два моря горячей и холодной воды. Вернемся поэтому к Риму и проследим его историю со дня его рождения.

С первых дней своих Рим, основанный колонией из Альбы под предводительством Ромула (753 г. до рождества Христова), делит свои земли поровну и хочет равенства. Ромул — царь, но избранный и ограниченный в своей власти. Сенат кладет начало аристократии, которая кончит тем, что захватит все, но все граждане имеют вначале право голоса, и народ образует могущественную демократию.

Вскоре Рим разделяется на богатых и бедных, кредиторов и должников.

Затем цари стремятся угнетать аристократов; народ, но аристократия призывает народ к сопротивлению. После семи выборных царей и двухсот сорока лет народной монархии царскую власть свергают, внешнее нашествие, несущее с собой реставрацию, побеждено, и республика торжествует.

Отсюда высокие республиканские добродетели, сознание человеческого достоинства, любовь к отечеству и слава, рост демократии, общественная жизнь, сборища на форуме и Марсовом поле, комиции, или народные собрания, состоящие иногда из двухсот тысяч граждан, ежегодные выборы, публичные дискуссии, приговоры, выносимые народом, посылка комиссаров для изучения законов и обычаев Греции и других стран, триумфы, празднества, игры, колоссальные театры, огромные цирки, обширные арены и все, что дышит равенством и общностью.

Но с первых дней республики аристократия, уже богатая и могущественная, стремится занять место королевской власти и остается одна лицом к лицу с демократией — неимущей, буйной и вооруженной, которая тщетно требует отмены долгов и издания аграрного закона или раздела завоеванных земель.

Отсюда постоянные распри, бесконечные раздоры, смуты, бунты, гражданская война, проскрипции, тираноубийства и, наконец, императорский деспотизм и тирания меча.

Однако воинственный и победоносный, часто под угрозой покорения и разрушения. Рим завоевывает всю Италию и Сицилию. Карфаген, северную Африку. Испанию, всю Галлию до Рейна, даже

Великобританию, наконец Грецию (146 г. до рождения Христа), Малую Азию, Египет и наибольшую часть империй Александра.

Рим непрерывно распространяет свои завоевания и скоро будет управлять на юге Африкой до Нигера, на западе и севере Европой до океана, до Ирландии, до Дуная, от его истоков до устья, и на востоке – Азией до Евфрата.

Огромная, колоссальная, гигантская, почти всемирная республика!

Рим присваивает все и расширяется по всем направлениям. Он захватывает земли Карфагена, Сиракуз, Коринфа, Афин, Спарты, Эфеса, Иерусалима, Александрии.

Он берет у Греции ее науки и искусства, ее статуи и библиотеки (если только война не уничтожает их, как библиотеку Карфагена и Александрии), ее законы и философию, у Малой Азии – ее природные богатства, промышленную продукцию и ее роскошь, – он всюду берет, что можно.

Он обогащается и украшается за счет всего мира. И его цивилизация становится сводкой всех тогдашних цивилизаций.

Но Рим, в свою очередь, цивилизует Северную Италию, Испанию, Галлию и Великобританию.

Он строит дороги, укрепленные лагеря, водопроводы, храмы, бани и арены, он перевозит на запад животных и плоды Восток?

Он основывает академии в Отене, Лионе, Тулузе.

Он организует коммуны, или муниципалитеты, которые представляют собою столько же маленьких республик.

Он посылает повсюду свои легионы и смешивает все народы в своих армиях, он ставит всюду своих чиновников и вызывает новых сенаторов и новых граждан, посланников и представителей из всех стран. Из Рима отправляются во все стороны, и в Рим съезжаются со всех сторон.

Это фокус, где сходятся лучи, исходящие из всех пунктов обширной окружности. Это солнце, лучи которого освещают и согревают все окружающее.

И, хотя в нем есть еще рабство, тысячи несовершенств и тысячи пороков – неизбежное следствие детского возраста человечества – он всюду распространяет дух равенства, стремится к единству и уравнению, создает могучую демократию, борющуюся против аристократии.

Но скоро к потокам тепла, разливаемым республикой, прибавляются охлаждающие потоки, изливаемые империей. Империя – это торжество аристократии, аристократии новой, военной, вооруженной, глава которой выступает то господином, чтобы подавлять свободу, то орудием, служащим для этой же цели. Это царство грубой силы. Чудовища с человеческими лицами, Тибериус и Калигула, Нероны и Гелиогабалы, сопровождаемые их сенаторами, патрициями, герцогами, маркизами и графами, преторианцами и евреями, заставляют поклоняться себе как богам.

Философы изгнаны, науки и прогресс умолкают среди треска оружия и под мечом деспотизма.

Искусство управлять и администрировать становится только

искусством подавлять; порядок вырождается всюду только в организованное рабство.

И в течение четырехсот лет вы увидите только бунты, гражданские и внешние войны, массовые убийства и убийства тиранов.

И однако всюду опять равенство. Для народа это равенство огрубения и нищеты, но все подданные становятся гражданами: варвары (готы, франки, парфяне и т.д.) допускаются в армию, ко двору, ко всем должностям; последний из солдат, даже варваров, может мечтать об императорской власти; последний из рабов, вольноотпущенников и евнухов может быть министром императора и царствовать его именем; и трупы деспотов, пронзенные кинжалом тираноубийцы или мечом преторианца, падают один на другой, подобно трупам их жертв.

Некоторые либеральные императоры (Веспасиан, Тит, Адриан, Нерва, Антонин) покровительствуют наукам и искусствам и основывают Атеней в Капитолии и школы повсюду; Рим, Милан, Марсель, Бордо, Тулуза, Нарбонна, даже Карфаген становятся убежищем наук; Нерва и Траян предоставляют свободу мыслить и писать, которая дает потомству Тацита, двух Плиниев и Плутарха.

Но равенство получает еще более значительный импульс. Горячим потоком разливается христианство, воспламеняя человечество. Поспешим поэтому вернуться к Иисусу Христу и не будем останавливаться больше на империи. Ограничимся только замечанием, что Константинополь, поставленный во главе Греции (в центре мира, между Европой, Азией и Африкой), единственная столица всей империи, становится отныне очагом всей греческой и римской цивилизации, и именно там мы найдем ученых, сочинения, даже те знаменитые своды римских законов, составленные по распоряжению Юстиниана, которые позже станут источником просвещения и основой правовой науки Европы.

Однако остановим свое внимание и на определении верований человечества в ту эпоху.

Греческая цивилизация, а вслед за ней и цивилизация римская, составляет продукт религиозных идей древних пелазгов, идей, смешанных с наукой, пришедшей из Египта и Азии. Согласно первым, на земле распространена вера в то, что существуют смертные боги, т.е. люди, рожденные от богов и одаренные бессмертной душой, и люди без души, объекты собственности, подобно зверям, земле, домам и т.д. Республика существует только для смертных богов; остальные люди так же мало идут в счет, как и животные. Согласно науке Египта и Индии, люди – бывшие ангелы, по происхождению равные, но павшие в наказание за грехи, совершенные на небе, и осужденные на то, чтобы остаться на земле и страдать на ней, пока их грехи не будут искуплены и прощены. Пока не совершено это очищение, виновная душа подчинена метемпсихозу, т.е. постоянному переходу из одного мертвого тела в другое. Души делятся, в соответствии с тяжестью их грехов, на шесть или семь каст, начиная со священника и до раба и скотины.

Отсюда – превосходство каждой касты над всеми низшими, которые считаются более виновными и более опустившимися. Кроме того, души

остаются всегда в одной и той же касте, отсюда неподвижность каст и невозможность для какой-нибудь из них смешиваться с другими.

И хотя философы не разделяют всех этих представлений, можно сказать, что таковы взгляды человечества в тогдашнюю эпоху.

Отсюда — не только касты, деспоты, аристократы и рабство, но и право жизни и смерти, принадлежащее мужу над женой и отцу над детьми.

Отсюда — всеобщее народное верование, что бог придет искупить все грехи и освободить всех людей.

Таково было социальное, религиозное и политическое положение человечества! в начале Римской империи.

И вот из одной наименее просвещенной провинции этой империи, между Европой, Азией и Африкой, раздается голос, возвещающий пришествие Мессии или возвещенного и ожидаемого бога, искупление первородного греха, освобождение человеческого рода, великую реформу или великую революцию.

«Истинно говорю вам, — восклицает Иисус, — все вы дети одного и того же отца, который есть бог; вы все — братья, все равны; на небе не будет ни малых, ни великих, ни богатых, ни бедных, ни мужчин, ни женщин; будут только ангелы господни... Тот, то захочет быть первым среди всех, будет слугой всех остальных. Любите поэтому ближнего, как самого себя, и господя превыше всего».

И он проповедует даже общность имущества.

И он умирает на кресте, говорит св. Матвей, чтобы искупить одной жертвой все несправедливости всех людей, чтобы снять с них тяжесть первородного греха, положить конец их наказанию и восстановить между ними первобытное равенство, уничтожив причину их случайного неравенства.

И этот голос повторен был с высоты маяка в Александрии, бывшей тогда центром философии, чтобы его услышала вся земля.

Одни говорят, что это голос философа мудреца, великого человека, но масса думает, что это голос бога.

И божественность Иисуса Христа становится основой новой религии.

И мораль этой новой религии — равенство, братство, милосердие и любовь к ближнему, общность, преданность правителей интересам народа, преданность народа человечеству, миру и свободе.

И Иисус Христос завещает своим ученикам проповедывать по всей земле объединение всего человеческого рода в один народ и в одну семью.

Вскоре апостолы нового бога начинают проповедывать эту новую религию в Риме и во всей Римской империи и приобретают бесчисленных прозелитов.

Вскоре христиане образуют тысячи общин и обширную республику, рассеянную по всей империи, и осуществляют на практике равенство, братство и общность имущества.

Ни преследования, ни казни не могут остановить их пропаганду; тайные общества и мученичество приносят им торжество (320 г. после

рождества Христова); церковь и крест вытесняют языческие храмы; Иисус Христос занимает место Юпитера (кто счел бы это возможным?); христианство сменяет язычество. А затем съезды и соборы, представляющие христианскую республику, религиозная конституция, всеобщее голосование для христиан, выборы, на которых оцениваются достоинства людей всех положений для назначения пастырей или священников и отцов или епископов, публичные проповеди, особые школы, богадельни для бедных и странников, наконец энергичная и страстная пропаганда распространяют всюду на востоке и на западе, вплоть до варварских народов, дух равенства и братства.

Но какой ледяной ветер, дующий с севера, какой знойный ветер, дующий с юга, вдруг затемняют и леденят или зажигают атмосферу человечества!

С севера Европы и из Азии (называющейся фабрикой рода человеческого) вырываются сотни диких и варварских народов (готы, остготы, вестготы, франки, саксы, англ, алеманы, кимвры, тевтоны, лангобарды, герулы, гепиды, аланы, свевы, гунны, авары, болгары, скифы, татары и т.д.), которые устремляются на Римскую империю сверху, словно буря или поток, тогда как Магомет и его арабы (сарацины, мавры, мусульмане, оттоманы, турки) поднимаются снизу, точно всепожирающий пожар.

Мужчины и женщины, дети и старцы, полуголые и страшные, питающиеся сырым и сочащимся кровью мясом, наступают со всех сторон со своими палатками и стадами, одни пешком или на повозках, другие на лошадах или верблюдах.

Одни прибывают в Рим через Малую Азию, Грецию и Италию, другие через Галлию и Испанию, откуда они перейдут в Сицилию и Италию, а позднее страшные дети Магомета покорят всех этих первых завоевателей и обойдут всю империю, с юга, запада и севера, если их не остановит у Пуатье Карл Мартелл, и затем с севера и востока, если их не остановят у Вены поляки. Рим взят, отвоеван, снова взят, ограблен, сожжен, разрушен, и его аристократия идет умирать на развалинах Карфагена или запирается в стенах Константинополя.

Вся империя наводнена, покорена, завоевана, полна варваров, и один только Константинополь остается невредимым, окруженный и блокированный, сохраняя в своих стенах небольшой очаг культуры Греции, Рима и всего мира.

И какое опустошение после этого ужасного землетрясения и многочисленных сотрясений, которые ему предшествовали и следовали за ним в течение почти четырехсот лет! А затем следует опустошение, которое произвели христианские иконоборцы во исполнение предписания Моисея относительно идолов, разрушив на Востоке все церкви, все статуи и уничтожив все картины.

Земля всюду покрыта пеплом, окровавленными руинами и трупами. Города разрушены, половина населения погибла, а остальное население становится рабами и вынуждено обрабатывать поля для варваров, завладевших теперь всем: людьми и землями, движимостью и стадами.

И все эти варварские народы, прежде свободные и равные между собою, имевшие демократические правительства и общие собрания, на которых вся нация составляла законы и решала свои дела, меняют все свои обычаи после завоевания: рассеянные по всей стране, они объединяются только против своих жертв и, разрозненные друг с другом, кончают тем, что остаются без собраний и предоставляют своим военачальникам полномочие выбирать королей. Эти короли, сперва выборные и почти безвластные, становятся наследственными, стремятся стать деспотами, как римские императоры, и, как они, заставляют называть себя богами или королями в силу божественного права или королями божьей милостью. Все остальные превращаются в аристократию, принцев, герцогов и пэров или равных королю — маркизов, баронов, графов, виконтов и сеньоров, составляющих лестницу рангов, подобно офицерам армии. Или, вернее, все эти жестокие и гнусные аристократы создают самую ужасную анархию, желая быть независимыми и хозяевами у себя, желая предписывать законы своим подданным, судить, чеканить монету и вести войну, запираясь в своих укрепленных замках, занимаясь только междоусобными войнами и грабежом и предоставив своим крепостным или рабам лишь трудиться и умирать в сражениях за них.

Науки и искусства исчезли. Почти все памятники Востока, Греции и Италии были снесены или разрушены. Все ученые погибли, не оставив ни одного ученика; школы и библиотеки были уничтожены; в течение долгого времени франки для варки пищи жгут библиотеки Реймса и Галлии, а монахи употребляют их на обертки; в течение шести месяцев магаметане топят свои бани новой Александрийской библиотекой; все греческие произведения погибли на Западе, даже пандекты Юстиниана;¹⁴ некоторые сочинения Цицерона не существуют больше, как и многие другие произведения римских писателей; лишь немногим удается избежать гибели, но они долго остаются неизвестными и бесполезными в пыли какой-нибудь церкви или монастыря, так как никто уже не понимает ни латинского, ни греческого, и только с трудом можно найти среди священников и монахов, — которые одни сохраняют искру знания, — епископа, способного читать что-нибудь кроме «Отче наш».

Науки и искусства, философия и религия, история и политика — все исчезло. Нет, быть может, никого на Западе, кто знает, что существовали Греция и Рим, республика и христианство, проповедывавшие равенство и братство.

Невежество и тупое легкоеверие, грубая сила и варварство, аристократия и крепостничество — вот что характеризует это время. Для человечества и для равенства это холод, ночь и почти смерть.

Не казалось ли тогда восстановление равенства невозможным?

Но не отчаивайтесь! Следуйте за мной. И вы мне скажете затем, что провидение все же решило, что равенство должно восторжествовать.

Но я нахожусь в большом затруднении, потому, что многие из вас так же хорошо знают, как и я, то, что я хочу вам бегло изложить, тогда как многие не знают ничего, потому что не могли ознакомиться с этим.

Каким же образом могу я сказать достаточно для одних, не говоря слишком много для других? И с чего начать? Однако, если вы будете терпеливы, я осмелюсь развернуть пред вами большое и великолепное зрелище. Попытаемся.

Посмотрите на Рим, освобожденный Константинополем, восстановленный, вновь населенный, затем восставший против своего освободителя, признанный независимым и свободным со своей маленькой территорией, называемой Церковным государством, или Патримонием¹⁵ св.Петра, и республикански управляемой своим выборным епископом, в одно и то же время и светским и духовным государем. Разве это уже не есть начало возрождающегося равенства?

Посмотрите на этого римского епископа, избранного новым римским народом, который добивается того, что его называют папой, преемником св.Петра, председателем апостолов Иисуса Христа, признают председателем и главой всех епископов, всех священников, всех монахов, всех церквей, всех христиан Запада, который упрочивается среди феодальной анархии, как выборный президент колоссальной религиозной республики, имеющей свои выборы, своих представителей, свои соборы, или съезды, свое правительство и свой совет.

Единственный просвещенный правитель, единственный человек, имеющий возможность постепенно просвещаться, лелеемый, ласкаемый, обогащаемый всеми королями за его влияние на побежденных и даже на победителей, единственный владетель немногих книг, избежавших уничтожения, знающий латинский язык и пользующийся неизмеримой выгодой пребывать в Риме, имеющий в своем совете больше образованных людей и правительственных традиций, чем все короли вместе взятые, отличающийся большей хитростью и даже коварством, большей стройностью, последовательностью и настойчивостью своей политики, чем любой из них, — он скоро предстанет перед вами как всемирный монарх, наподобие одного из первых римских императоров, как суверен и господин королей и народов.

И заметьте тут же, что в то время как все новые королевства и новые аристократии располагают в общем почти одними наследственными бездарностями и ничтожествами, христианская республика всюду выдвигает своих правителей по их достоинствам путем выборов, и вы знаете сами, что последний крестьянин, если он только учен, может стать епископом и папой. Поэтому мне нет надобности зачитывать перед вами весь длинный список людей из народа, достигших папства.

Разве это не является обширным источником равенства? Посмотрите на Востоке на истребителей Александрийской библиотеки, свирепых арабов, которые не хотели признавать никакой другой книги на земле, кроме смехотворного Корана. Став хозяевами Египта, Иудеи, или Палестины, Персии, части Индии и старых греческих республик Малой Азии, они воспринимают цивилизацию побежденных ими народов: они изучают язык, искусства и науки Греции, превращают Багдад в новые Афины, куда призваны ученые из Константинополя, переводят

Аристотеля, распространяют арабский алфавит и арабские или, вернее, индийские цифры, которые будут приняты всем миром, распространяют также свои сочинения, переводы, свою архитектуру, рыцарство, свою галантность и турниры в Африке, Италии, Испании, откуда позже они передают их Франции и всему Западу. Разве это не поступательное движение к равенству?

Вот Карл Великий. Он восстанавливает Западную империю, заставляет папу короновать его императором в Риме, объединяет и связывает вместе Францию, часть Испании, Италию и всю Германию, принуждает последнюю присоединиться к жизни и цивилизации Европы, распространяет христианство на Севере, восстанавливает народные собрания, призывает ученых, основывает школы и покровительствует наукам и искусствам, в то время как в Англии уже основывается Кембриджский университет и несколько позже великий Альфред покровительствует свободе, научным занятиям и философии. Разве это опять-таки не шаг к равенству?

Но вот Западная империя переходит под власть одного из германских государей, охватывая уже лишь Германию и Италию, перестает быть деспотией и становится конфедерацией государей или аристократических республик, которая составит свою писанную конституцию.

Вот Кресценций изгоняет папу из Рима и на время восстанавливает республику (998), Коммуны Италии добиваются независимости от германского императора (1050), и главные из них — Пиза, Лукка, Парма, Пьяченца, Флоренция, Венеция, Генуя, Милан — превращаются в республики.

Вот коммуны, которые освобождаются, с оружием в руках, с 951 г. или покупают свое освобождение во Франции (при Людовике Толстом в 1112 г.), Англии, Германии и позже в Испании.

Разве это освобождение коммун Европы не является огромным шагом в направлении равенства?

Вот папа Григорий VII, сын тосканского плотника, провозглашает себя викарием Иисуса Христа, всемирным монархом, императором всего христианства, судьей и господином всех королей, всех народов и всех стран на земле, отнимает и дарит короны, империи и нации. Он могущественнее любого римского императора, и нет крестьянина, который не мог бы, подобно ему, стать королем королей.

Несомненно, папы будут злоупотреблять этой колоссальной концентрацией всех народов при всей ее пользе для человечества, но, принимая во внимание, что человечество еще слишком молодо для того, чтобы выйти из варварства, нельзя не признать, что это все же революция против идей неравенства в пользу равенства.

Вот потомки Вильгельма Завоевателя (Генрих I в 1101 г., Иоанн Безземельный в 1215 г.) дают Великую хартию английской аристократии, подготавливая таким образом допущение депутатов общин в британский парламент (в 1265 г. графом Ленстером, узурпатором, для получения от народа поддержки его узурпации), как освобождение общин в Испании

подготавливает Великую испанскую хартию и допущение депутатов народа в кортесы в 1283 г., как освобождение коммун во Франции подготавливает учреждение Генеральных штатов и допущение депутатов третьего сословия (1301), когда Филипп Красивый нуждается в них, чтобы получить деньги на борьбу с папской властью.

Вот Крестовые походы (1095—1262), увлекающие в Палестину, или Иудею миллионы людей — аристократов и королей всех стран Европы, разоряющие и обессиливающие аристократию, развивающие промышленность и торговлю Италии с Востоком, смешивающие вместе все народы, ведущие их во взятый штурмом Константинополь (1204) и оставляющие их там на несколько лет, создающие даже французские королевства в Иерусалиме, Антиохии, на Кипре, переносящие искусства и науки от арабов и греков и множество их книг, в особенности Аристотеля. Они всюду несут веяние духа свободы и равенства.

Открытие экземпляра пандект Юстиниана, вновь найденного в 1135 г. в Амальфи, в Неаполитанском королевстве, порождает множество переводов, комментариев, школ, профессоров, писаний против папских узурпаций и класс легистов,¹⁶ которые скоро пойдут как равные рядом с дворянством шпаги.

С 1143 г. Арнольд Брешианский начинает проповедывать реформу в Риме и на время устанавливает там республику. Казнь Арнольда не мешает его доктрине развиваться и восторжествовать впоследствии.

Изумительный гений, английский монах Рожер Бекон, восстанавливает с 1294 г. царство, нападает на ошибки и предрассудки, указывает пути познания, изобретает порох, увеличительное и зажигательные стекла, суда и средства перевозки, приводимые в движение механической силой, тогда как другой Бекон, канцлер, начертит позже таблицу всех человеческих познаний, предложит ассоциацию или республику ученых всего мира и откроет новую дорогу разуму и прогрессу человечества.

Чтобы ослабить аристократию, Людовик X освободил крепостных своих доменов (1314) и принудил сеньоров разрешить своим крестьянам внести определенную плату за свое освобождение, признав тем самым, что, согласно естественному праву, каждый должен быть волен и свободен.

Изобретение пороха, начатое монахом Беконем и завершено монахом Шварцом в Кельне (1340), и артиллерия, которой мавры начали пользоваться при осаде Алжезираса (1342) и англичане при Креси (1346), производят революцию в военном искусстве, берегут кровь людей, которую они, казалось, должны были бы более щедро проливать, уничтожают неравенство физической силы, лишают феодальную аристократию рыцарского вооружения, которое ее отличало, делают укрепленные замки почти бесполезными и восстанавливают в этом отношении равенство как между городами, так и между армиями.

Три швейцарских кантона вступают в 1307 г. в федерацию, чтобы сбросить иго Австрии, и вся Швейцария, разделенная впоследствии (1514) на тринадцать кантонов, завоевывает вновь свою независимость и

образует федеративную республику, объединяющую тринадцать маленьких республик, более или менее демократических, в большинстве которых царит более совершенное равенство, чем в былые времена в Греции и Риме.

Риенци может восстановить республику в Риме и во всей Италии только на время (1342), точно так же как венецианский дож — демократию в Венеции (1354), но эти попытки не потеряны для дела равенства.

И посмотрите, какое движение возникает во Франции! Генеральные штаты там отказывают в налогах (1355), провозглашают национальный суверенитет, диктуют закон королевской власти и почти устанавливают республику. Парижская буржуазия восстает под руководством Марселя, старшины купцов, который хочет организовать французскую республику. Вспомните гражданскую войну Жакерию, восстание крестьян против аристократии и пожары замков. Вспомните также восстание майотенов,¹⁷ или парижских буржуа, против налогов.

Королевская власть и аристократия побеждают, потому что они более искусны и более дисциплинированы, но равенство все же гигантский шаг вперед.

Вскоре гражданская война вспыхивает во Франции; арманьяки и бургињоны оспаривают друг у друга власть; первые призывают англичан в Париж, и герцог Бургундский, который хочет защищать столицу, подвергшуюся нападению предателей и иностранцев, организует банду убийц под названием кабошьены,¹⁸ арестовывает и избивает в тюрьмах и всюду свыше трех с половиной тысяч противников, которых он обвиняет в заговоре и измене.

Англия также имеет свою Жакерию: налог на всех старше пятнадцати лет вызывает восстание (1381); пылкий священник проповедует народу равенство;¹⁹ сто тысяч крестьян захватывают Лондон, убивают министра и сжигают его дворец. Аристократия скоро, при помощи сорока тысяч человек, сокрушает армию без дисциплины и без начальства, но идея равенства зародилась во всех умах.

Вскоре после этого (1399) оксфордский доктор Виклеф проповедует реформу церкви, учение Иисуса Христа и равенство; его многочисленных сторонников, называемых лоллардами, преследуют и сжигают, но энтузиазм мучеников распространяет любовь к равенству.

Обратите внимание на другое движение, тоже весьма обширное, хотя и другого рода, на Констанцский собор, созванный в 1414 г. чтобы реформировать христианство.

На нем собрались огромное число кардиналов, прелатов и докторов, свыше ста суверенных государей Германии с императором во главе; двадцать семь королевских посланников; бесчисленные депутаты из почти всех религиозных обществ Европы.

Этот конгресс, эта европейская Конституанта, объявляет себя суверенной, низлагает трех пап, выбирает нового папу и расходится только после того, как получает от него обещание, что он приготовит проект конституции и созовет через пять лет новый собор, чтобы

представить ему свой проект, и затем будет регулярно созывать собор через каждые десять лет.

Папы были настолько вероломны, что нарушили это обещание, но всё же все продолжали думать о реформе.

Собор осуждает на сожжение как еретиков двух реформаторов: Яна Гуса, ректора пражского университета, и Иоанна Пражского, его ученика. Гуситы истребляются после двадцати лет войны, но их героическое самоотвержение Продолжает еще возбуждать умы.

Базельский собор (1430) приносит только три реформы, после чего он низлагает как клятвопреступника и еретика папу (Евгения IV), который, в свою очередь, отлучает членов собора как глупцов, сумасшедших, бешеных, диких животных и нового папу (Филиппа V) — как Цербера, золотого тельца, Магомета, антихриста. Но все эти оскорбления, все эти клятвопреступления, все эти отлучения и низложения обеспечивают торжество реформы и равенства.

Быстро следуют одно за другим события, подготовляющие это торжество: изобретение книгопечатания в Страсбурге (1437), взятие Константинополя (1453), царствование Людовика XI (1464), открытие мыса Доброй Надежды (1486), открытие Америки (1492) и Реформация (1517).

Книгопечатание, которое вскоре повлечет за собой замену латинского языка французским и появление газет, вызвало опубликование для всех народов и почти всех людей литературных произведений Греции и Рима в области наук и искусств, истории и политики, морали и права, философии и религии. Даже Библия, неизвестная народу, была наконец напечатана, переведена и стала всем доступна. Это было равносильно созданию миллиона учителей и миллиона школ. Это было рождение литературной республики, более обширной, чем все другие республики или монархии, охватывающей и объединяющей всех ученых земли. Это был как бы голос, слышимый всему миру. Это было создание впервые общественного мнения, народного, всеобщего. Какое орудие для разума и истины, которая всегда ране» или поздно кончает тем, что торжествует!

Константинополь был взят турками, или магометанами. Все греческие ученые спасаются в Италию. Они приносят туда все, еще неизвестные, греческие и латинские произведения историков, философов и политиков, Пифагора, Платона, Аристотеля. Книгопечатание размножит эти книги на греческом, латинском и всех современных языках. Перекочевавшие ученые открывают школы и преподают древние языки. Возрождается Греция или, вернее, душа ее появляется вместо нее, чтобы просвещать и толкать вперед Запад и весь мир.

Все с большим удивлением узнают, что божественное право аристократии есть не больше как недавно придуманная ложь, что Аристотель мог собрать двести пятьдесят республиканских конституций и наибольшая часть человечества в древние времена была республиканской и демократической.

Взвесьте, если можете, все доводы в пользу равенства.

Скажу вам только несколько слов о Людовике XI. Он сразил аристократию и феодализм, покровительствовал торговле и промышленности, основал почту, учредил орден св. Михаила, чтобы награждать за гражданские заслуги, т.е. плебеев (ибо аристократы признают только военное дело, презирают учение и остаются невежественными, как и варвары), возвысив таким образом простолюдинов до уровня дворян, между тем как Генеральные штаты во время несовершеннолетия Карла VIII снова провозглашают принцип национального суверенитета, а Людовик XII получает прозвище короля простолюдинов и отца народа.

Говорить ли вам о компасе, изобретенном в 1200 г. или принесенном из Китая и усовершенствованном в 1301 г., компасе, который сделал возможным длительные и далекие морские путешествия и подготовил важнейшие события, а именно открытие морского пути в Индию, мимо мыса Доброй Надежды?

Вы предвидите, конечно, все результаты открытия этого морского пути, который приведет европейцев в Индию, Японию и Китай, ознакомит с древней и новой азиатской цивилизацией, смешает колонии португальские, испанские, итальянские, французские, английские и голландские и даст судоходству, промышленности, торговле, наукам, искусствам, философии и политике новый толчок, который продвинет человечество к равенству.

И, однако, это еще почти ничто в сравнении с открытием Нового мира — Америки, где находят древнюю и обширную империю (Перу), четырехлет лет назад установившую у себя общность имущества. Английские пуритане, квакеры и моравские братья устанавливают ее в Пенсильвании, а иезуиты в Парагвае. Зародыши свободы и равенства, попав туда из Европы, будут развиваться там на просторе и возвратят старому миру великую и мощную демократию.

И все это очень мало в сравнении с Реформацией.

Поэтому, несмотря на все огромное значение, которое имела федерация свободных городов или небольших республик Швабии,²⁰ я обхожу их молчанием, потому что самые блестящие звезды исчезают, затмеваемые солнцем Реформации.

Реформация! Какое великое дело! Прекращение всех злоупотреблений, закравшихся в церковь, и жестокостей духовенства и папства. Реформа в великой христианской республике, ставшей универсальной монархией. Разбор прав христианского народа и авторитета первосвященника, выдающего себя за заместителя Иисуса Христа и суверена королей.

И эту реформу, которую тщетно требовали уже народы, духовенство и соборы, вновь требует неизвестный монах Лютер, и к нему скоро приходит на помощь другой священник Цвингли, в Швейцарии, и третий, Кальвин, в Женеве. Именно эти три карлика нападают на папский колосс, на короля королей, на полубога и заместителя бога.

Но книгопечатание разносит их голоса по всей Европе, но разум уже

значительно окреп и может понять истину, но пигмеи атакуют гиганта, опираясь на Библию, на слова и учение самого Иисуса Христа, взывая к правам человека и христианина, к равенству и братству. Они нападают на него перед судом всей Европы в интересах религии, народом и королей.

Хотя и сильно заинтересованные в свержении папского ига, короли и аристократы понимают, однако, очень ясно, что религиозная реформа неизбежно влечет за собою политическую реформу и что равенство одинаково угрожает папству, королевской власти и аристократии. Они отвергают реформу, чтобы сохранить свои короны, и предпочитают Його пап свободе народов, надеясь, впрочем, впоследствии сами освободиться от ига пап. И все христианство делится на две партии, или на два лагеря: один, включающий папу и прелатов, императора и почти всех королей, другой — низшее духовенство, мелких государей, несколько благородных сеньоров и много народов; один, включающий протестантов, или реформистов, революционеров, республиканцев, или демократию, другой — католиков, или папистов, консерваторов, монархистов, или аристократов.

Это борьба демократии против аристократии, республики и равенства — против монархии и деспотизма.

И процесс ведется во всех странах Европы. Он ведется в проповедях, памфлетах, на соборах, конгрессах и на полях сражения.

Это величайший процесс, величайший суд, величайший спор из всех, какие когда-либо наблюдались.

Это новое явление Иисуса Христа на более обширном театре, с его учением о братстве и равенстве, и с более значительными средствами для ведения пропаганды.

Поводом служат деньги, продажа папой разрешений совершать преступления и особый папский налог.

И после ста пятидесяти лет споров, переговоров и кровавых боев в Германии и

Франции, после ужасных казней и героических мученичеств, Реформация кончит победой.

Ибо хотя Генрих VIII стремится занять место папы, хотя он пытается остановить Реформацию, он все же служит ей и одушевляет ее, закрывая все монастыри, захватывая их имущество, разоблачая все плутовство и безнравственность монахов, созывая собор духовенства, который составляет религиозный устав и постановляет перевести и напечатать Библию. Позже Англия принимает полулиберальный полупротестантизм, который она распространяет в своих колониях, т.е. во всей Северной Америке и в большей части земного шара, тогда как во Франции Нантский эдикт, изданный Генрихом IV, гарантирует протестантам свободу совести и вероисповедания, а в Германии знаменитый Вестфальский мир устанавливает и гарантирует религиозную веротерпимость и равенство религий. Половина Германии и Швейцарии, Бельгия и Голландия, почти весь Север, несколько миллионов французов, одним словом — большая часть человечества присоединяется к реформе.

И реформа, распространяющаяся на все вопросы и все учреждения дух

исследования, усовершенствования и обновления, независимости и свободы, равенства и республики, подготавливает реформу философскую и политическую, универсальную и радикальную и торжество равенства.

Взгляните теперь на события, которые, следуя одно за другим, ведут к осуществлению равенства.

1517. — Лютер начинает атаку; Цвингли его поддерживает, Кальвин также.

1519. — Карл V, избранный германским императором, атакует также папу, подвергает Рим разграблению и, таким образом, против своей воли благоприятствует Реформации, между тем как в Женеве устанавливается республика.

1523. — Швабские и франконские крестьяне поднимаются на призыв Лютера и Мюнцера.

1526. — Другие крестьяне следуют за ними под предводительством Иоанна Лейденского, который проповедует равенство имущества, принятое также анабаптистами и моравскими братьями. Вся Германия восстает за дело реформы.

1529. — Сейм в Спири осуждает реформу.

— Так как реформисты протестовали (отсюда название протестантов) и представили свое исповедание веры, то Аугсбургский сейм разрешает им исповедывать свою веру.

— Сервет, идя дальше Лютера и всех других, отрицает божественность Иисуса Христа и подвергает исследованию истинный характер всех религий.

— Франциск I борется против реформы, но он невольно служит ей, основывая в Париже институт для публичных лекций

(College de France) и королевскую типографию, предписывая употребление французского языка в официальных актах и покровительствуя ученым. Эти заслуги дают право называть его возродителем литературы.

1552. — Мирный договор в Пассау гарантирует реформу.

1540. — Иезуиты основывают общества для защиты папства против реформы, но они невольно служат ей, организуя республику, которая будет проповедывать доктрину тиранубийства и неустанно стремиться унижить королей и аристократию.

1559. — Огненная палата,²¹ созданная с целью подавления реформы во Франции, постановляет повесить и сжечь как протестанта президента парламента (Анн Дюбур). Преследуемые таким образом, французские протестанты, состоящие главным образом из дворян и буржуа, устраивают заговор с целью схватить короля и его двор в Амбуазе. Тысяча двести человек перебиты или казнены, тысячи повсюду перерезаны, но движение к демократии началось, и протестанты, которые долго защищают свои права с оружием в руках, получают наконец свободу совести.

В то же самое время католический король Испании притесняет Фландрию и Голландию, но сами сеньоры организуют заговор и соединяются под народным названием гезов, и семь провинций,

объявивших себя независимыми, образуют федеративную республику.

1572. — Сто тысяч протестантов подвергаются избиению во Франции в день св. Варфоломея по приказу Карла IX, в согласии с испанским королем. Папа предписывает организовать процессию в Риме, парламент устраивает процессию в Париже. Но это избиение вызывает ужас Европы, и протестанты, мужественно защищающиеся в Ла Рошели, готовятся провозгласить там республику и добиваются нового эдикта умиротворения.

1588. — Католическая лига, в свою очередь, восстает против Генриха III, которого она считает недостаточно нетерпимым, возводит баррикады, изгоняет его из Парижа, проповедует, что Библия разрешает тиранубийства, и организует убийство его в Сен-Клу.

1600. — Генрих IV в Нантском эдикте провозглашает религиозную свободу и наносит сокрушительный удар аристократии, организующей заговор с целью установить аристократическую республику. Он также падает под ударом кинжала агента иезуитов, а в том же году английские аристократы-католики и те же иезуиты организуют пороховой заговор против протестантского короля Якова I.

1610. — Сорбонна осуждает доктрину цареубийства, исповедуемую и осуществляемую иезуитами, но генерал иезуитов публично протестует против этого постановления.

Немного спустя иезуиты захватывают монополию преподавания, внушают своим ученикам восхищение греческими и римскими республиканцами, Муциями Сцеволами и Брутами и публично исповедуют доктрину цареубийства, которую они снова применяют против Людовика XV.

1624. — Ришелье заканчивает сокрушение аристократии и основывает Французскую академию.

1647. — Фронда восстает против Мазарини, снова воздвигает баррикады, изгоняет молодого Людовика XIV и его министра, говорит опять много о республике и распространяет во Франции дух критики и оппозиции. А неаполитанцы в это время восстают и заменяют своего короля рыбаком Мазаньелло.

И в то же самое время (1648) Вестфальский мир провозглашает окончательное торжество реформы, признает республики Швейцарскую и Батавскую и окончательно превращает Германию в федерацию свободных городов и государей, избирающих своего главу.

И смотрите, как события последуют одно за другим и ускорят прогресс демократии!

1649. — Вот один из могущественных королей, Карл, I, который сложил свою голову на эшафоте. Вот Англия, дающая миру пример великой современной нации, торжественно судит и осуждает своего короля, отменяет звание короля, провозглашает республику и достигает благодаря этому в десять лет высшей ступени могущества.

В Англии создаются секты не только пуритан, которые хотят учредить республику на основе морали Иисуса Христа во всей ее частоте, но также и многочисленная секта уравниателей (левеллеров), которые

требуют абсолютного равенства в имуществе и во всем.

Какое несчастье, что Кромвель не был Икаром или Вашингтоном!

1660. – Вот другая страна, Дания, дающая своему королю абсолютную власть с тем, чтобы он сокрушил аристократию, – столь ненавистны ей аристократы и столь велика ее страсть к равенству.

1661. – Посмотрите, как деспот Людовик XIV служит против своей воли делу равенства. Его честолюбие заставляет королей Европы, ополчившихся против него, что бы помешать его честолюбивым войнам, требовать как условия мира восстановления и регулярного созыва Генеральных штатов, упраздненных с 1614 г. Его гордость благоприятствует расцвету литературы и республики ученых (возникшей вместе с реформой при Франциске I и расширенной кардиналом Ришелье), в которой простолюдины идут рядом с аристократами или обгоняют их. Отмена Нантского эдикта, вследствие которой свыше миллиона протестантов покидают Францию и распространяют по всей Европе свою промышленность и республиканский дух, способствует также прогрессу европейской демократии. А Кольбер дает ему мощный толчок, развивая торговлю и промышленность, оживляя науки и искусства, прокладывая дороги и каналы, учреждая мануфактуры и школы, основывая обсерватории, военную школу в Метце, военные школы в Бресте и Тулоне, школу живописи в Риме, кафедру государственного права, множество памятников и Академию наук, которая будет служить центром для всех ученых и образцом для таких же академий почти во всех европейских странах.

1688. – Вспомните еще изгнанного короля, католика и притеснителя Якова II! Припомните также английскую аристократию, объединившуюся в национальном конвенте и действующую от имени народа, дающую снова пример великой нации, наказывающей короля, который посягнул на права нации. Во имя этих-то прав аристократы свергают короля, но тем самым они учат народ, как свергнуть аристократию, и поощряют его, назвав эту революцию славной.

1695. – Вскоре Англия провозглашает также свободу печати, и Франция, следуя ее примеру, требует и добивается ее.

Правда, во Франции Людовик XIV, последовавшее за ним регентство, Людовик XV, аристократия и католическое духовенство еще отличаются нетерпимостью, жестокостью, распущенностью, развратом и деспотизмом, но сопротивление, оппозиция, критика и революционный дух замечаются всюду, и крики ужаса раздаются со всех сторон, когда молодой дворянин де-Лабарр, обвиненный в оскорблении креста на Аббевильском мосту и осужденный на смерть, подвергается жестокой казни: пять палачей отрубая ему кисть, вырывают у него щипцами язык, пытаются его всяческими пытками и в заключение сжигают на медленном огне.

И общее желание политической реформы уже до такой степени настойчиво (1774), что Людовик XVI, руководимый Тюрго и Мальзербом, сознает необходимость уступить ему и начинает с отмены барщины. Но одна за другой разражаются две революции, которые потрясли мир и

поставили вопрос о равенстве.

Какие события! Какое зрелище!

Но вернемся немного назад.

Со времени изобретения книгопечатания, взятия Константинополя, открытия Америки и Реформации, философия и ее сестра политика сделали огромные успехи. В Англии Франции, Италии, Германии, Бельгии, Голландии философы все исследовали, все обсудили. Руководимая древней философией Греции и Рима новая философия скоро догнала и перегнала свою предшественницу. Она признала, установила, провозгласила права нации и человека, независимость и равенство, и тысячи сочинений, в первую очередь Энциклопедия (опубликованная в 1759 г.) и республиканский театр Корнеля, Кребийона и Вольтера популяризировали эту философию.

Но хотя и обсуждавшиеся и признававшиеся иногда в аристократических парламентах Англии и Франции права человека были все еще только теорией. И вот два из главных народов мира собираются осуществить их на практике и показать пример другим народам.

Удвойте поэтому ваше внимание.

Вот английская аристократия, так ревниво относившаяся к своим королям, начинает притеснять свои американские колонии и обращается с их населением, как с рабами, требуя от них налогов, на которые они не дали согласия. Но одна из них оказывает сопротивление, и двенадцать других солидаризируются с ней и встают на защиту своих общих прав.

Вскоре представители тринадцати колоний обсуждают, решают и провозглашают, что каждая из них равна по своим правам Англии.

И тринадцать колоний повторяют это.

И посланник их Франклин повторяет это торжественно перед британским парламентом.

И среди аристократии несколько благородных представителей ее повторяют это.

И пресса Европы, со вниманием прислушивающаяся к происходящему, повторяет это.

И когда притеснители упорно продолжают свою политику, тринадцать колоний провозглашают свою независимость, защищают свои права в манифесте (составленном Франклином, Джефферсоном и Адамсом), с которым они обращаются ко всему человечеству, организуются в союзные и федеративные республики и показывают миру столь же величественное, сколь и новое зрелище тринадцати больших республик, почти таких же обширных в совокупности, как и вся Европа. Каждая из них имеет конституцию, основанную на правах человека, на демократии и равенстве.

И когда английская аристократия обращается к силе оружия, европейские народы выражают одобрение Америке и воодушевляют ее своими пожеланиями, короли Франции и Испании, точно увлекаемые, роком, поддерживают революцию и демократию²².

И демократия торжествует,

И, к счастью, Вашингтон не был ни Кромвелем, ни Наполеоном, а

почти Икаром.

И английская аристократия вынуждена признать революцию, независимость и республику.

И все короли Европы признают равенство между народами, равенство между гражданами, между людьми.

И вскоре равенство принесет этим тринадцати республикам беспрецедентное процветание.

И вскоре одиннадцать других подобных республик присоединятся к конфедерации.

И вскоре за ними все испанские и португальские; колонии объявят себя независимыми.

И вся Америка станет республиканской, образуя более обширную республику, чем все греческие, карфагенские и римские республики, вместе взятые.

И республика Соединенных Штатов будет становиться все более демократической, и ,защищаемая двумя тысячами лье океана с его бурями американская демократия может не бояться всех королей и всех аристократий Европы, применить у себя все открытия и изобретения, пароходы и железные дороги, производить всякие опыты и провести все улучшения и реформы, чтобы затем передать их всему миру.

Противники равенства и общности имущества, обдумайте, взвесьте все возможности для равенства в Европе и скажите мне, разве не верно, что демократия хлынула потоком.

И что скажете вы, когда увидите, как французская революция уничтожила королевскую власть и дворянство, как она сражалась против всех европейских аристократий, создавших против нее коалицию, как она победила их и водрузила среди Европы знамя торжествующей демократии.

Но я должен немного передохнуть, чтобы последовать за ней в ее беге: поэтому — до завтра!

И вы не можете представить себе то глубокое впечатление, какое эта картина стольких поразительных событий произвела на удивленных и возбужденных слушателей.

Глава десятая. ПРОГРЕСС ДЕМОКРАТИИ И РАВЕНСТВА (Продолжение)

Вчера я дал вам обзор сотни революций, Реформации, английских революций 1649 и 1688 гг. и американской революции.

Я не говорю вам о нашей икарийской революции 1782 г., дочери этой прекрасной американской революции; без хвастовства, я могу назвать ее еще более прекрасной, чем ее мать. Какое влияние могла бы она оказать на остальной мир, если бы наша Икария находилась в центре Европы!

Но представьте себе, в каком состоянии волнения и возбуждения должна была находиться Франция после американской революции, которую она вдохновила, разожгла и почти совершила.

И разве Людовик XVI не был увлечен каким-то роком, когда безрассудно подражал английской аристократии, против которой он

боролся, и когда говорил точно султан, требуя новых налогов. Разве дворянство, нотабли и парламент²³ не были увлечены тем же роком, когда они первые отказали ему в финансовой помощи, в то время как парламентская аристократия выступила против королевского и министерского деспотизма, ссылаясь на) суверенитет нации, и требовала созыва Генеральных штатов, упраздненных сто семьдесят пять лет назад.

Королевская власть вынуждена уступить. И так как революция у всех на уме, то можно сказать, что революция свершилась.

Созваны избиратели: шесть миллионов! Составлены указы: они требуют реформ, конституции и равенства.

Избраны депутаты: тысяча двести, из которых триста от дворянства, триста от духовенства, шестьсот от третьего сословия, лучшие представители страны.

Национальное представительство — можно сказать, вся нация — собралось.

Тотчас же вспыхивает борьба между аристократией, которая требует разделения на три палаты и голосования по сословиям, и демократией, требующей соединения в одно собрание и поголовного голосования, или равенства голосования.

Я не буду рассказывать вам о страхе, испытанном королевской властью, о ее приказе разойтись, о закрытии зала, где собрались народные депутаты, об их мужественном сопротивлении, их торжественной присяге исполнить - поручение народа, о применении вооруженной силы против народных представителей, переходе солдат на их сторону, о достопамятном взятии Бастилии и капитуляции королевской власти. Я быстро перехожу к собранию, признанному единым, национальным, суверенным, к Учредительному собранию.

Европа все видит, все слышит, все знает!

Смотрите теперь, смотрите!

В одну ночь (4 августа) Учредительное собрание, возбужденное и вдохновленное просветительной философией XVIII в., заканчивая дело Реформации, провозглашает права человека, т.е. всех людей, всех народов, всего человечества, и главное из этих прав — равенство. Оно отменяет все, что осталось от феодализма, дворянскую и духовную аристократию, все привилегии и все монополии.

И сила разума и справедливости настолько неотразима, что большая часть аристократии приносит сама, с энтузиазмом, в жертву свои интересы, на алтарь равенства.

Затем в продолжение трех лет Учредительное собрание (и, заметьте хорошенько, это не только несколько философов в их уединении, а собрание тысячи двухсот лучших людей, представляющих страну) исследует и торжественно обсуждает все злоупотребления, которые должны быть исправлены, и все улучшения, которые следует ввести, т.е. почти все вопросы нравственности, философии, религии, общественного и политического строя.

Две партии ведут там борьбу: аристократия, которая собирается в клубе, или обществе фельянов, последователей английской школы,

требующей неравенства, двух палат, сильной королевской власти и минимума изменений, и демократия, которая собирается в клубе кордельеров, или орлеанистов, вскоре вливающимся в клуб якобинцев, называемых анархистами, потому что они следуют за французской школой, или философами, и требуют нововведений, единой законодательной палаты, ограниченной королевской власти и политического равенства.

Демократия побеждает огромным большинством. Она низвергает, разрушает, выметает, затем восстанавливает, перестраивает и составляет конституцию 1791 г.

Она формально не устанавливает республики, но королевская власть, которую она организует, с одной только палатой, есть республиканская и демократическая королевская власть, есть подлинная республика.

Она не уничтожает собственности и не вводит ни общности имущества, ни аграрного закона, ни равенства состояний, она создает лишь равенство в наследовании и равенство воспитания, источник всех равенств, и все эти учреждения ведут к уменьшению неравенства состояний, как и всех других неравенств.

Она делит территорию на восемьдесят три почти равных департамента.

Она провозглашает веротерпимость, свободу и равенство религий и культов и дает евреям права человека и права гражданина.

Я не буду доискиваться, могло ли бы собрание, насчитывавшее столько старых аристократов, имея пред собой поколение, воспитанное при старом режиме, сделать больше, все сразу, внезапно и, без постепенных переходов. Я только констатирую поразительный факт, что оно совершает неизмеримо много, гораздо больше, чем Англия в 1688 г., больше чем Америка в 1776 г., бесконечно больше чем это считали возможным за несколько лет перед тем самые революционные философы. Я в особенности констатирую, что оно провозглашает и безвозвратно завоевывает для человечества принцип абсолютного равенства прав, принцип в высшей степени плодотворный, из которого будущие собрания и поколения сумеют сделать все выводы.

И, повторяю, Европа все видит, все слышит, все знает!

И эта конституция послужит образцом для многочисленных новых конституций, принятых другими народами.

Это крепость, из которой демократия и человечество смогут совершить новые завоевания, но из которой аристократия уже никогда не сможет вытеснить их окончательно.

Но французская аристократия (какое преступление и какое несчастье!) прибегает к насилию, эмигрирует, вербует военные отряды на границе, призывает на помощь все аристократии и всех королей Европы, поносит, оскорбляет и грозит раздавить революцию.

И все аристократии Европы, с английской аристократией во главе, составляют коалицию и решают объявить войну Франции, войну новую, войну неравенства против равенства застоя против прогресса, силы

против разума и справедливости, интересов немногих против интересов всего человечества.

Прежде чем объявить войну, коалиция истощает весь арсенал Маккиавели, клевету и ложные слухи, раздоры и коррупцию, интриги и заговоры, гражданскую войну и предательство.

Но опасность, воодушевляя народ и Законодательное собрание (которое заняло место Учредительного), толкает их еще больше на сторону республики, демократии, равенства.

Какое прекрасное зрелище представляет Франция, или Национальное представительство, когда перед лицом войны и всех королей Европы она дает звание французских граждан Шиллеру и всем иностранным философам, защитникам свободы и равенства, когда она обсуждает план общественного воспитания, который должен дать ближайшему поколению радикальное равенство, когда она провозглашает, что нация никогда не будет вести завоевательных войн.

И дух демократии настолько всеобъемлющ и повелителен, что принц, домогающийся народного расположения,²⁴ в поисках популярности, не находит ничего лучшего, как назвать себя «Равенство», считая, что он приносит честь своей матери, называя себя сыном ее кучера, как Александр думал почтить свою мать, называя себя сыном Юпитера.

Я не буду рассказывать вам о вторжении иностранцев, злосчастных предательствах королевской власти, об опасности, надвинувшейся на революцию, о народном восстании, штурме дворца (10 августа), об аресте короля, избииении заговорщиков до отправления в поход (как в старое время герцог Бургундский распорядился перебить арманьяков,²⁵ прежде чем направиться против англичан, угрожавших Парижу), о бегстве наступавшей коалиции и новых выборах, которые послали в качестве представителей наиболее популярных людей и поручили им судить Людовика XVI, спасти революцию и восстановить равенство, дав ему новую силу.

Вот Конвент, облеченный новыми полномочиями народа и его суверенитетом.

И события от 1789 до 1792 г., открыв для народа обширный практический курс демократии, настолько ускорили его политическое воспитание, что республика, едва названная в 1789 г. и расстрелянная в 1791 г., единогласно провозглашается Конвентом уже с первого заседания, 21 сентября 1792 г.

Я не хочу сейчас судить о справедливости или несправедливости его действий, ибо мог ли Конвент не делать ошибок, когда он состоял из людей, развращенных, подобно королям и аристократии, ненавистным общественным строем, который он хотел реформировать. Я хочу только констатировать факты, постепенное и быстрое развитие демократии и равенства. Я продолжаю.

Французская демократия принимает войну против коалиции всех европейских аристократий, и дух равенства настолько свойственен человеку и настолько распространен в мире философией XVIII в., что

Франция считает возможным рассчитывать на симпатии народов.

Она провозглашает равенство и братство народов, призывает их к борьбе за свободу, находит всюду отклик и друзей, разделяет, одной только силой своего голоса, каждую страну на два лагеря — демократов и аристократов — и начинает свою войну пропаганды, войну не на жизнь, а на смерть, против королей и аристократов, швырнув им голову своего короля, торжественно судимого и объявленного клятвopреступником и изменником и осуждение которого утверждает семь восьмых всего населения.

Не буду останавливаться, чтобы выразить сожаление по поводу судьбы несчастного Людовика XVI, который мог бы быть так счастлив, составляя счастье Франции, если бы он следовал советам Тюрго. Его постигла судьба Карла I, после того как, подобно Карлу I, он навлек ужасные бедствия на свое отечество. Оба они жертвы, как и их народы, ужасных пороков общественного строя их стран.

Но присмотритесь к гигантскому росту общественного сознания. Каждый год с тех пор годовщина этой ужасной жертвы будет праздноваться как день торжества всеми должностными лицами, армиями и гражданами, которые будут клясться в ненависти к королевской власти.

Не обвиняйте целую нацию в жестокости и кровожадности. Признайте скорее, что без гнева против человека, почти равнодушная к судьбе одного виновного, когда столько катастроф угрожают двадцати пяти миллионам невинных, считая уже мертвым короля, лишённого трона, и полагая себя вынужденной лишить его трон, чтобы не погибнуть самой, эта нация хочет послать проклятие прошлому, гибельный строй которого осуждает ее на такие бедствия.

Можно ли сомневаться еще, что равенство пустило прочные корни в душе французского народа?

Вскоре после этого Конвент вырабатывает новую конституцию, свою конституцию 1793 г., более демократическую, чем древняя конституция Афин или какая-либо другая конституция на земле, за исключением конституции Икарии.

Но Конвент приостанавливает ее введение до заключения мира, в интересах самой же демократии, и временно заменяет соответствующий ей образ правления диктаторским и революционным правительством с Комитетом общественного спасения во главе, одно название которого указывает на всю серьезность опасности, грозящей существованию отечества.

В продолжение этой страшной диктатуры или, скорее, этой войны, самой опасной из всех войн, Конвент, который может спасти Францию только преданностью народа, доводит демократию до последних пределов возбуждения и энтузиазма.

Конвент не отменяет собственности, чтобы заменить ее общностью, и не издает даже аграрного закона. Но посмотрите, как он приближается к нему! Конвент объявляет национальными беспредельные земельные владения духовенства. Он конфискует все имущество эмигрантов и заговорщиков. Он отменяет все феодальные оброки и все сеньориальные

повинности крестьян, возвращает коммуна́м все земли, захваченные сеньорами. Он устанавливает право незаконных детей разделить отцовское и материнское наследство с законными детьми, продает национальные имущества и дробит их, чтобы увеличить число покупателей и собственников; он обещает миллиард защитникам отечества; он хочет, одним словом уничтожить богатство и нищету.

С одной стороны, народ — избиратель, судья, член национальной гвардии и носитель оружия; он ежедневно собирается на своих народных собраниях; он заполняет все судебные и гражданские должности, все профессии.

А с другой стороны, все граждане — солдаты и выбирают своих офицеров; все классы, прежде разрозненные, сливаются в армии, могут добиваться всех степеней в зависимости от своих способностей и своего мужества. Мы увидим барабанщика, ставшего генералом, и в течение этой долгой войны свыше ста тысяч простолюдинов, заменивших графов, маркизов и герцогов, станут офицерами всех рангов и генералами.

Наконец, Конвент, толкаемый событиями гораздо дальше, чем Учредительное и Законодательное собрания, которые, впрочем, уже хорошо расчистили ему путь, заканчивает дело разрушения и свержения старого режима, изменяет и революционизирует все, уравнивает и нивелирует все, централизует и приводит все к единству, обновляет все, даже общество, даже религию, и основывает равенство воспитания, чтобы приблизиться к действительному равенству.

Он вводит курс моральных и политических наук в Национальном институте, чтобы неустанно подготавливать новые демократические улучшения. Он устанавливает единство мер и весов, новый; календарь, телеграф, основывает политехническую школу, бюро по определению географических долгот, консерваторию, школу восточных языков и т.д.

Никогда еще ни у одного народа не видели большего энтузиазма, большей патриотической преданности и большего желания осуществить все идеи справедливости, братства и создать лучший общественный строй. И если бы богатые были согласны с другими или если бы Конвент был единодушен в требовании равенства, он установил бы общность!

К несчастью, известная часть аристократов и богатых вступает в коалицию королей против революции, многие родственники или друзья эмигрантов мешают спасению отечества, посылая им помощь, гражданская война удешевляет опасность внешней войны, и Конвент приходит к ужасной необходимости принять для самозащиты систему террора против контрреволюционеров, эмигрантов, их родственников и друзей, заговорщиков и инсургентов.

И, опять-таки к несчастью, в то время как народ хочет равенства, многие богатые хотят сохранить свои богатства, буржуа и бедные хотят использовать революцию, чтобы обогатиться, и сам Конвент делится на три партии: на народную демократию (или монтаньяров), которая хочет прогресса и действительного равенства; буржуазную демократию (или жирондистов), которая хочет сопротивляться, останавливается на полуравенстве и соединяется с аристократией, становясь ее послушным

орудием; аристократию, которая, хотя она и немногочисленна, все же надеется произвести контрреволюцию при помощи своих богатств, раздоров и при содействии иностранцев.

Как бы ни были плачевны эти раздоры, мы не можем удивляться, что старый общественный строй породил честолюбивых, скупых и жадных людей. Как бы ни был плачевен этот факт, но одна часть Конвента безусловно отвергает действительное равенство, тогда как другая часть безусловно стремится установить его.

Это, следовательно, социальная война, со всеми ее случайностями и риском.

Жирондисты, или буржуазные демократы, были первые раздавлены монтаньярами, или народной демократией, затем часть последних (эбертисты и дантонисты) – другой фракцией (робеспьеристами); эти, в свою очередь, были разгромлены (9 термидора второго года, или 27 июля 1794 г.) их объединившимися противниками, буржуазной демократией и аристократией, которые стараются заклеить их память и заменяют террор против роялистов новым террором, не менее кровавым, против демократии.

И во время этой ужасной реакции английская аристократия, с Питтом во главе в палате лордов и Берком в палате общин, с воплями требуют разгрома революции и французской демократии.

Не думайте, что я одобряю один террор больше, чем другой. Чуждый всем этим насилиям, отделенный от них сорока годами, почти двумя тысячами лье, свободный от всякой ненависти и пристрастия, оценивая Французскую революцию так же, как Римскую революцию, смотря на нее с высоты истории и философии, воспитанный в школе Икара, считавшего славою и счастьем осуществление своей радикальной реформы без кровопролития, приученный нашим воспитанием любить всех людей, я жалел Людовика XVI, аристократов, эмигрантов и контрреволюционеров, жертв демократии, как я жалею демократов и народ, жертв аристократии; я жалел их и оплакиваю их бедствия, потому что все они – жертвы пороков общественного и политического строя, одинаково их угнетающего со дня их рождения. Я отвергаю месть, даже оправдываемую обстоятельствами, как поступок безрассудный, часто несправедливый и гибельный, почти всегда вредный и всегда недостойный человека. Я отвергаю ее даже в интересах народа и демократии. Я отвергаю насилие как преступление, когда оно не является необходимостью, и опасаясь чего как несчастья для того, кто к нему прибегает, даже в случае самой настоятельной необходимости. Я отвергаю слепых и безумных друзей, компрометирующих дело, и чувствую омерзение к жестоким и вероломным, позорящим его своими насилиями, если только эксцессы нескольких индивидов могут позорить народ и самое справедливое дело.

Но вы не ждете также, что я стану осуждать отдельных лиц и разбирать мелкие факты или буду осуждать целиком демократию, Конвент и его страшную диктатуру. Как бы ни были мы уже далеки от сцены, если мы все же еще слишком близки к ней. чтобы правильно

судить о ней, перенесемся на сто лет вперед или перенесем сцену на сто лет назад; поднимемся на вершину истории и вооружимся беспристрастием философии. Будем оценивать события как взрослые люди, а не как дети, как незаинтересованные зрители, а не как озлобленные женщины или старцы, которые всегда видят позади себя призраки ужасов; будем судить мужественно и добросовестно, а не как трусливые друзья, боящиеся сказать неприятную правду, или как коварные враги, готовые клеветать.

Так вот, скажите, разве эпоха от 1792 до 1795 г. не есть эпоха войны, и самой опасной из войн, эпоха бурь и самых страшных бурь? Разве история повествует еще о каком-нибудь народе, окруженном таким множеством внешних и внутренних врагов, о подобной опасности, о более страшном стечении обстоятельств? Обманываемая, предаваемая, встречающая всюду опасность, могла ли демократия не страшиться, не впасть в ярость и почти в отчаяние? Разве в схватке всегда наносят только правильный удар? Не принимают ли в ней часто друга за врага и делают ли только то, что хотят, во время кораблекрушения или пожара? Разве ни один иностранный агент маккиавелизма не проник в лагерь, чтобы убивать аристократов и некоторых демократов с целью обвинить в этом демократию? Разве победители не всегда клеветали на побежденных, особенно на мертвых? Разве вчерашние герои не являются всегда завтрашними разбойниками? Разве не победа определяет преступление и добродетель? Разве самые безжалостные обвинители этой эпохи не являются сами отступниками, ренегатами, предателями, разве эти Фуше, побуждавшие к насилию и купавшиеся в крови, не продались затем врагу?

И затем, есть ли среди тысяч королевств и аристократий, господствовавших на земле, хотя бы одно – да, только одно, – которое для защиты своего несправедливого господства не совершило бы столько же и даже гораздо больше насилий, обвиняя в них демократию, защищавшую свои права и свое существование?

Разве аристократия не сделала своим министром царевубийцу, душегуба Фуше?²⁶

И затем, разве не сами короли, аристократия и коалиция провоцировали демократию, разве не они поставили ее в необходимость защищаться, объявив ей войну не на жизнь, а на смерть?

Одним словом, не являются ли века притеснения, Варфоломеевская ночь, драгонады,²⁷ предательство королей, клеветнические выдумки эмиграции, ужасающие угрозы коалиции и опасность вторжения главной, действительной причиной насилия демократии?

Я, быть может, мог бы не вдаваться в эти размышления. Поэтому я не буду останавливаться на том, не совершили ли демократы в вопросе внутренней реорганизации ошибку, забежав слишком вперед и взявшись сразу за слишком многое, не были ли предрассудки и привычки еще слишком сильны, чтобы можно было установить равенство состояний, сделали ли они все, что нужно было, чтобы расположить для этого умы, и обладали ли вожди достаточным влиянием, властью и способностями,

чтобы направлять общественное мнение?

Не буду также разбирать, не должен ли народ извлечь драгоценный урок из того поразительного факта, что после того, как он был господином и всемогущим, он был разбит за отсутствием вождей, дисциплины, солидарности, благоразумия и основательного образования.

Ограничимся замечанием, что Конвент организует победу для настоящего и будущего, что он спасает революцию и страну. Заметим в особенности и то, что в течение двух лет он достаточно глубоко внедряет во Франции демократию, чтобы она укоренилась в ней прочно.

Однако, начиная с 9 термидора, демократия идет к упадку. Население парижских предместий обезоружено; клубы его закрыты. Аристократия становится настолько могущественной и наглой, что осмеливается напасть на Конвент вооруженной силой, и конституция 1793 г. отменяется. Она уступает место конституции третьего года, гораздо менее демократической, сохраняющей собственность и богатство. Какое отступление!

Но эта новая конституция, устанавливающая демократическую республику, оказывается все еще наиболее демократической из всех существующих конституций, и даже отступив назад, демократия все еще находится несравненно дальше от исходного пункта революции, чем при Учредительном и Законодательном собраниях.

Поддерживаемые буржуазными демократами, аристократе в первый период Директории становятся снова агрессивными, между тем как народные демократы реорганизуются и замышляют большой заговор с целью установить равенство состояний и общность имущества.

Я опять-таки не буду разбирать, была ли эта попытка преждевременна, могла ли она увенчаться успехом при помощи силы и был ли этот план причиной всех злосчастий, обрушившихся затем на народ. Я спрашиваю вас только, не доказывает ли этот заговор огромный прогресс демократии с 1789 г. в пользу общности?

Но Директория, подавив аристократов, сокрушает демократов, отклоняет свободу печати и предаёт казни, несмотря на кассацию, или, вернее убивает двадцать демократов, осужденных военным судом, приговор которого кассируется после приведения его в исполнение. И однако все это не мешает демократии немного времени спустя почерпнуть новые силы среди народа, среди избирателей и их представителей.

И после одиннадцати лет революции демократия готова восторжествовать снова в Народном представительстве, когда наступает 18 брюмера восьмого года (9 ноября 1799 г.).

Проследите теперь развитие европейской и американской демократии от 1789 до 1800 г.

Константинопольский султан приказывает перевести на турецкий язык французскую Энциклопедию.

Негритянские рабы на Сан-Доминго восстают²⁸ и вновь завоевывают себе звание человека и свои права, к несчастью при зареве пожаров и путем избиения своих владельцев, а шведское дворянство убивает своего

короля.²⁹

Храбрая Польша восстает по призыву Костюшко. Хотя счастье не увенчивает успехом ее мужества, но ее могучий призыв к борьбе со своими притеснителями находит отклик во всей Европе.

Бельгия и Голландия принимают как освободителей французских солдат и опять, становятся республиками.

Вся Италия, также освобожденная французской демократией, руководимой Бонапартом, покрывается республиками: Лигурийская в Генуе, Римская в Риме (где пять консулов занимают место папы, четырнадцать кардиналов благословляют революцию и епископ Имола³⁰ проповедует в Италии республиканские идеи), Цизальпинская в Милане, Партенопейская в Неаполе, тогда как демократия торжествует в Венецианской республике и Швейцария демократизируется под названием Гельветической республики.

Ирландия хочет восстать, английский флот устраивает бунты в Спитхедде и Портсмуте. Американская демократия продолжает свое поступательное движение, в то время как французская армия, предводимая Бонапартом и сопровождаемая учеными, несет в Египет республиканские идеи и подготавливает освобождение этой древней колыбели цивилизации.

Скажите, пожалуйста, противники равенства, разве демократия не распространяется всюду вместе с Французской республикой, когда 18 брюмера Бонапарт становится диктатором?

Какое несчастье для человечества, что этот достославный Бонапарт не был Икаром, не был даже Вашингтоном!

Но он становится во главе буржуазной демократии и объявляет войну народной демократии, продолжая льстить народу, чтобы обмануть его. Он обвиняет, чернит, преследует демократию и стремится раздавить ее; он заменяет конституцию Директории конституцией консульства, в которой мы не находим больше ни деклараций прав человека, ни суверенитета народа, ни равенства; он в действительности отменяет избирательное право, право союзов, свободу печати, республиканское воспитание и курс моральных и политических наук в Национальном институте; он стремится принудить к молчанию даже мысль, идеологию, и немного спустя реставрирует монархию в свою пользу, восстанавливает дворянство и священников, провозглашает себя императором, императором божьей милостью, и восстанавливает деспотизм, тогда как за пределами своей страны он уничтожает республики и заменяет их королевствами.

Я не исследую здесь вопроса, не есть ли 18 брюмера самое великое из преступлений против Национального представительства и не является ли отмена республиканского воспитания и преследование моральных и политических наук и идеологии преступлением против человечества. Я не удивляюсь, но сожалею о том, что Наполеон, подобно многим другим — прекрасный плод, испорченный зловредным влиянием рокового общественного строя, пропитанного эгоизмом, честолюбием и жадностью. Я хочу только констатировать факт восстановления

деспотизма и аристократии.

Какое новое отступление!

И все же не кажется ли сам Наполеон, против своей воли, орудием равенства? Так сильно обаяние революции!

Послушайте, как он провозглашает, что французы могут обойтись без свободы, но что их господствующая страсть — это равенство. Посмотрите, как он льстит толпе и делает вид, что отдает на ее одобрение свое консульство и империю. Посмотрите, как он вынужден окружать себя простолюдинами, демократами, революционерами, царевубийцами и сделать из них посланников, министров, сенаторов, депутатов, трибунов, кавалеров Почетного легиона,³¹ маршалов Франции, крупных сановников империи и главных придворных, префектов и т.д. Сам простолудин, он хочет быть для народа и армии маленьким капралом, в маленькой шляпе и сером сюртуке, сыном и представителем революции, республики и демократии. Он расстреливает герцога Энгийенского, как простого солдата, и кончает тем, что сенат смещает его самого, как простого стражника, плохо исполняющего свои обязанности.

В его собственной армии под него подкапывается тайное республиканское общество филаделффов,³² его политика осуждается всей идеологией его времени, он скорее покинут демократией, чем побежден иностранцами, и, низложенный сенатом по обвинению в предательстве революции и свободы, он своим падением опять-таки доказывает могущество демократических идей.

А в других странах! Если он разрушает республики, порожденные Французской республикой, то он дает тем же народам конституции, в которых выражено признание народного суверенитета. Если он насилует суверенитет наций и торжественную декларацию Конвента — никаких завоеваний, замышляя завоевание мира и всемирную монархию для себя и завоевывая королевства и княжества для своих братьев и генералов, то он, по крайней мере, как сам уверяет, собирается провозгласить в Англии республику и демократию. Своих королей и князей он делает из простолудинов: в Испании — простолудин Иосиф, в Голландии — Луи, в Вестфалии — Жером, в Тоскане — Элиза, в Италии — Евгений, в Неаполе — Мюрат, в то время как простолудин Бернадотт избирается Швецией. Он переносит французское законодательство в Бельгию, Голландию, в Германию до Гамбурга, в Вестфалию, в Баварию, в Польшу, в Иллирию, в Италию до Рима и в Испанию почти до Мадрида, всюду освобождая крестьян и крепостных.

Его бесчисленные победы со времени консульства — Маренго, Аустерлиц, Йена, Эйлау, Фридланд, Экмюль, Эсслинг, Ваграм, Смоленск, Москва³³ и т.д. вынуждают коалицию признать себя побежденной, самораспуститься, признать республику, империю и революцию.

О, почему он не Икар! Почему он не устанавливает всюду республику и демократию! Он мог бы установить даже общность, если бы только захотел!

Он, по крайней мере, подкапывается (какой, в самом деле, сапер!), он подкапывается под аристократию и феодализм на Севере, разъединяя

германскую конфедерацию и германскую империю, организуя швейцарскую и рейнскую конфедерации, создавая королевства Вестфальское, Баварское, Вюртембергское, Саксонское, воздвигая Великое герцогство Варшавское, объявляя Данциг независимым и вольным городом, защищая мелких государей против крупных. Он унижает все старые королевские династии и все старые аристократии, даже папу, которого он арестует, лишает всего и уводит пленником в Париж; он вводит почти во все столицы Европы торжествующую демократию, всюду распространяет Марсельезу, смешивает все народы и все армии и всюду прививает революцию, либо объезжая все народы в качестве победителя, либо приглашая Европу прибыть в Париж, чтобы подивиться величию, блеску и могуществу революционной и демократической Франции.

Если он захватывает Испанию и Португалию, то он, по крайней мере, уничтожает там инквизицию; если он оскорбляет испанцев, то оскорбление, которое он им наносит, пробуждает мужественный народ, воодушевляет, в свою очередь, южную демократию и побуждает ее завоевать себе независимость, дать народам новые примеры чудес, порождаемых преданностью отечеству, и показать Европе новую демократическую и почти республиканскую конституцию, которая снова провозглашает равенство народов и людей, между тем как испанские колонии Америки, узнав о вступлении завоевателя-узурпатора в Испанию, объявляют себя последовательно независимыми и становятся республиками.

Посмотрите, какое другое чудо порождает его деспотизм в пользу равенства. Чтобы освободиться от его господства, короли и аристократии Европы вынуждены сделаться пропагандистами свободы и проповедниками демократии. Они вынуждены говорить о независимости и отечестве, ссылаться на права народов, призывать на помощь философов, профессоров и писателей, чтобы возбудить народный энтузиазм и в особенности чтобы воспламенить молодежь, организовать всюду тайные общества, и вынуждены твердо обещать ввести конституции, гарантирующие свободу и равенство.

Даже самое падение Наполеона полезно для демократии, ибо оно приводит во Францию, в Париж, все армии Европы, которые, сделавшись свидетелями чудес, произведенных Французской революцией, уносят обратно, вплоть до самых глубин России, семена революции и равенства.

О, да! Если он сильно охладил Францию, то потом он сильно разогрел Европу и мир.

И посмотрите, сверх того, какое движение вызвано революцией в других странах.

Сербия, Валахия и другие провинции восстают против турецкого султана; вся Турция вслед за тем восстает против турок; египетский паша также готовится свою независимость, и не кто иной, как русский император, поддерживает восстание.³⁴

Две революции вспыхивают в Константинополе, два султана низложены, и опять-таки суверены Англии, России и Франции поочередно

раздувают мятеж.

Ирландия восстает, требуя религиозной свободы, тридцать тысяч ирландцев погибают в сражениях или на эшафоте, но восстание завоевывает свободу католицизма.

Негры на Сан-Доминго (слушайте внимательно!), освобожденные рабы, провозглашают республику Гаити, и им помогает английская аристократия. В то же самое время подвластный этой аристократии народ Лондона устраивает против нее бунт в защиту Френсиса Бердетта, которого эта аристократия арестовала за его требование парламентской реформы.

Одним словом, несмотря на деспотизм Наполеона, демократия всюду идет вперед, но в 1814 г. Франция подвергается нашествию.

Коалиция победила благодаря демократическому напору народов Европы и в особенности немецкой молодежи. Нашествие приводит за собой реставрацию и эмиграцию. Королевская власть реставрируется европейскими королями, французская аристократия — феодальной аристократией. Октроированная хартия заменяет конституцию; палата пэров заменяет сенат; старое дворянство восстанавливается, а новое сохраняется; учреждены новые ордена; мы видим только принцев и герцогов, маркизов и графов, виконтов и баронов, старых и новых кавалеров так называемых почетных крестов, кресты и ленты лилии.³⁵ Раздаются угрозы контрреволюции ограбить всех бывших покупателей национальных имуществ и уничтожить все, что было создано в двадцать пять лет революции.

Коалиция иностранных государств разрушает все, что создала революция в Италии, Испании, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Германии. Производя таким образом европейскую реставрацию, отказывая народам в обещанных конституциях, отменяя все уже действующие конституции и нарушая одним ударом свои обещания и права народов, крупные державы захватывают мелкие государства, которые они грабят и делят между собой. Россия захватывает Польшу; Пруссия захватывает Саксонию и заключает в тюрьму ее короля, чтобы вынудить его отречься; Австрия захватывает Италию; прежний голландский король — Бельгию; Англия, которая протестует, тем не менее захватывает Ионические острова; Фердинанд отменяет в Испании конституцию кортесов и восстанавливает инквизицию; папа восстанавливает иезуитов; гамбургский сенат лишает евреев прав гражданства, а Людовик XVIII ставит снова Францию под покровительство святой девы.

Снова, какое отступление!

Однако не пугайтесь и продолжайте следовать за мной.

Демократия все еще так сильна и страшна, что аристократия и эмиграция, Бурбоны и коалиция вынуждены щадить ее, ласкать ее и уступать ей, чтобы затем ее обмануть,

Только рассыпая обещания, восклицая: «Никаких войн и никаких обременительных налогов», обещая признать национальный суверенитет и принять конституцию, граф Артуа и герцог Ангулемский³⁶ осмеливаются

перейти границу. Только после того, как они признали и гарантировали права нзоота и равенство перед законом, Людовик XVIII и коалиция осмелились вступить в Париж. Они вынуждены делать вид, что призваны народом, возложившим на них миссию оградить свободу от деспотизма. Если, вступив в Париж, они вероломно нарушают свои обещания и отвергают конституцию, то они, по крайней мере, принуждены дать хартию, и эта хартия, на которую дала согласие коалиция, провозглашает равенство перед законом, — правда, лицемерный принцип, лживый, бесплодный, нелепый, пока законодательная власть будет принадлежать аристократии, имеющей возможность внести только неравенство в закон, в особенности в избирательный закон, но принцип плодотворный, всемогущий и заключающий в зародыше равенство состояний и общность имущества, как только закон будет составляться демократией. И если хартия восстанавливает старое дворянство и сохраняет новое, она вынуждена оставить им только пустой титул без всяких привилегий. Если она более прочно укрепляет собственность, предоставляя исключительно собственникам право избирать и быть выбранным (первое — собственникам, платящим триста франков налога, второе — собственникам, платящим тысячу франков), то она, по крайней мере, вынуждена восстановить право прямых выборов, которого будет достаточно в демократической атмосфере вместе с восстановленной свободой печати и сохраненным судом присяжных, чтобы дать взрасти равенству. И если Реставрация всюду назначает аристократов, эмигрантов и контрреволюционеров, то она вынуждена допустить вместе с ними в свое министерство, в пэрию, ко двору, к руководству армией, фюше и талейранов, царевыйц и демократов, вплоть до бывшего бочьябантика, в среду своих пэров, маршалов Франции и ее министров. Одним словом. Людовик XVIII принужден стать демократом в глазах аристократии, которая называет его якобинцем.

И когда, наконец, аристократия уже чересчур явно проявляет свои контрреволюционные претензии, демократия пробуждается и сметает все по призыву Наполеона, покидающего 1 марта 1815 г. остров Эльбу.

Но чем был тогда Наполеон? Император ли он или консул? Империя или Республика понимаются, чтобы прогнать Реставрацию? Подчиняясь, в свою очередь, влиянию демократии, Наполеон, чтобы вновь добиться трона, вынужден обратиться с призывом к демократии, народу и армии, к пролетариям и солдатам, и взывать к национальному суверенитету, народным правам, к воспоминаниям о Марсовом поле и Майском поле,³⁷ к декретам Учредительного и Законодательного собраний, Конвента, против королевства, аристократии и эмиграции. Он обвиняет Бурбонов в том, что они ничего не забыли и ничему не научились, а коалицию в том, что она предала все народы и нарушила все их права. Он поручает Государственному совету издать самый революционный, самый демократический и самый суровый манифест против королей и аристократов. Он возвещает отмену нового дворянства, созыв народа для выработки им своей конституции. Одним словом — точно так же как коалиция, чтобы сокрушить Наполеона, так и Наполеон, чтобы сокрушить

коалицию, вынужден сделаться пропагандистом и проповедником демократии и равенства.

И демократия, доверчивая и обольщенная, пылающая ненавистью к аристократии, возносит его с торжеством, как борца за дело народа.

Как бурлит тогда демократия!

Ах! Почему Наполеон не Икар или Вашингтон! Он мог бы установить общность имущества на земле.

Но, увь! Он опять обманывает народ! Его Майское поле — только парад. Вместо того чтобы дать конституцию, он издает добавочный акт к конституции империи, инсценируя его одобрение. И хотя этот октроированный акт³⁸ значительно более демократичен, чем все так называемые консульские и императорские конституции и хартии Реставрации, демократия считает его обманом, предательством, узурпацией, она видит только императора и деспота вместо демократа и революционера, она покидает его или поддерживает только наполовину и неохотно, тогда как коалиция может теперь легко обвинить его самого в честолюбии и неисправимом деспотизме. Он падает при Ватерлоо!

О, если бы деспотизм действительно не укоренился так сильно в его душе, если бы он искренно любил народ, свое отечество и человечество, если бы он слушался только своего долга, разума и истинных интересов, если бы он мог подняться так высоко, как низко пал,— он провозгласил бы республику, предложил бы только свою шпагу как генерал или консул, отдался бы целиком демократии и, став во главе ее, ринулся бы вместе с нею на Европу. Тогда демократия опять смела бы королей и аристократов Европы. Но, находясь во власти клеветы 18 брюмера, он видит якобинцев в Лафайетах, Дюпонах де л'Эр и всех депутатах и сперва колеблется еще, не выступить ли ему опять против Национального представительства. Однако, отступив перед преступлением, которое, вероятно, не спасло бы его, он подписывает отречение и отправляется на остров св. Елены искупить свое безумное желание сражаться против демократии.

И вот французская демократия, покинутая, обманутая, дезорганизованная, блокированная всеми армиями, всеми королями и всеми аристократиями Европы, которые дышат только мстостью и горят желанием расчленив Францию. Вот возвращающаяся вслед за ними под защитой иностранных шлыков бешеная и пылающая жаждой мести Реставрация. Вот демократия, окруженная, словно группа осужденных, ожидающих качни, густой стеной наемников и палачей. Вот аристократия, которая обезоруживает, распускает, сменяет, сажает в тюрьмы, расстреливает, гильотинирует, изгоняет, убивает, вырезает, играет в кегли головами и останавливается только тогда, когда она устает наконец бить демократию.

Затем она объявляет революцию 1789 г. преступлением, осуждение Людовика XVI — отцеубийством и всю Францию виновной (т.е. демократическую. Какое признание!). Она заставляет ее признать себя преступной и покаяться пред памятником в честь короля-мученика; она называет всех солдат революции и империи разбойниками и всех

французов демократами и якобинцами; она осуждает их на уплату в пользу коалиции около двух миллиардов для покрытия военных расходов с 1792 г., не помню уже сколько сотен миллионов эмигрантам в покрытие их жалованья с, того же времени и миллиард за конфискованные у них земли, в ожидании пока им не вернут эти земли натурой; она отменяет развод; она восстанавливает старые суды, субституцию, право первородства, иезуитов, миссионеров и наказание за святотатство; она душит возрождающуюся демократию в Испании и, опираясь на коалицию, всегда готова призвать ее на помощь; она держит французскую демократию в оковах, тогда как коалиция держит в оковах всю европейскую демократию.

Даже Вольтер и Руссо везде подвергаются гонениям!

Какое отступление! Какой ледоход! Можно было бы сказать, что демократия умерла или замерзла!

Но не отчаивайтесь и следуйте за мной дальше.

Взгляните на чудеса демократии. Посмотрите на Людовика XVIII и всех соединенных королей, французскую и европейскую аристократии, которые, при всем их могуществе, не осмеливаются ни взять назад хартию, ни отказать в амнистии, ни оставить Реставрацию один-на-один с демократией без охраны в Тюильри и ста пятидесяти тысяч солдат на границах.

И когда аристократия хочет слишком резко повернуть назад, благоразумный Людовик XVIII вынужден остановить ее, распустить палату и дать свободу печати и несколько популярных законов, чтобы успокоить раздраженный народ.

Состоящие из богатых, платящих триста франков налогов, т.е. аристократов и буржуазных демократов, избиратели выбирают столько демократов, что палата депутатов оказывается в своем большинстве демократической, и напуганная аристократия спешит состряпать новый, еще более аристократический избирательный закон и распустить палату.

Со своей стороны, народная демократия бунтами и заговорами постоянно протестует против захватов аристократии. Лувель убивает герцога Беррийского, заявляя, что, по его мнению, все эмигранты заслуживают смерти, и он жертвует собой, чтобы пресечь продолжение рода Бурбонов. Молодежь организуется в обширное тайное общество (карбонарии), некоторые члены которого, как мученики, мужественно гибнут с возгласом: «Да здравствует республика!» И хотя парламентская оппозиция сведена к десяти или двенадцати депутатам, она с полным основанием заявляет, что за нею стоит весь народ.

Миссионеры, которые хотят привлечь народ в церкви, вынуждены заставлять петь церковные молитвы на революционные мотивы.

Когда Карл X хочет покровительствовать духовной аристократии, значительная часть дворянской аристократии и буржуазной демократии покидает его.

И когда он осмеливается поднять руку на хартию, народная демократия, которую считали мертвой или исчезнувшей, побивает его камнями мостовой, разносит вдребезги Реставрацию и аристократию,

чтобы вернуться к первым дням революции, и представляет брата Людовика XVI в полное распоряжение европейской аристократии.

Какой гигантский шаг вперед! Какой ослепительный горизонт над Францией!

Проследите развитие Европы с 1815 г.

Вспомните обещания королей, усилия и надежды народов!

Тщетно короли совершают клятвопреступления, тщетно коалиция еще теснее сплачивается под ложным именем Священного союза против революции, т.е. против народов и их свободы. Тщетно созывает она конгрессы в Вене, Карлсбаде, Лайбахе, Вероне, чтобы заглушить демократию. Тщетно следственная комиссия во Франкфурте непрерывно преследует печать и тайные общества. Тщетно самодержец, ставя себя точно непогрешимый Юпитер выше всех философов, пытается поразить императорским указом то, что он называет безумными доктринами современной философии. Буря уносит их в всех.

Все народы ссылаются на провозглашения и обещания королей и требуют конституции.

Некоторые вынуждены дать их (Саксен-Веймар, Вюртемберг), Англия дает конституцию Ионическим островам, образовавшим аристократическую республику.

Тайные общества всюду сохраняются и размножаются: в Италии, Испании, Франции, Бельгии, Германии, Пруссии, Польше, России, вплоть до Турции. Баронесса Крюднер разъезжает по Германии, проповедуя учение Иисуса Христа, а следовательно, равенство и братство. Студенты, собравшиеся со всех сторон на празднование столетнего юбилея протестантской Реформации, публично сжигают договор Священного союза. Молодой Занд, которого пал жребий пожертвовать собой для свободы, убивает Коцебу, секретного агента деспотов и проповедника деспотизма, и убивает его от имени тайных обществ. Толпа других фанатичных молодых людей присутствует при его казни и бросается на эшафот, чтобы омочить свои платки в крови мученика.

Тщетно Фердинанд³⁹ душит первый бунт и расстреливает Ласи и Портье, тщетно он подготавливает экспедицию с целью подчинить себе восставшие колонии: армия, предназначенная распространять рабство, поворачивается против тирана и заставляет его самого провозгласить конституцию, свободу и равенство. Еще один король — проповедник демократии!

Португалия, Неаполь и Пьемонт подражают Испании, и их короли, в спую очередь, провозглашают ту же демократическую конституцию.

В Бельгии происходят бунты, Венгрия ропщет, крестьяне Моравии восстают против своих сеньоров; Норвегия отменяет дворянство.

Греция, — да, Греция, — возрождается и героически сражается со своими прежними притеснителями. Вся европейская демократия громко желает торжества матери древних республик; лорд Байрон спешит принести ей свое состояние, свою шпагу, печать и перо, чтобы написать новые шедевры в демократическом духе; общественное мнение принуждает королей признать законность восстания. Русский самодержец

толкает Грецию на путь восстания. Император австрийский разрешает греческой аристократии подготавливать восстание в Вене против Константинополя. И, как всегда, честолюбивые и жадные короли являются орудиями провидения, которое использует их, чтобы дать торжество демократии.

Египет вскоре следует примеру Греции. Сама Турция вступает на путь реформ,⁴⁰ в то время как республиканский заговор, подготовленный в России и Польше,⁴¹ вызывает удивление Европы и сеет на Севере дух освобождения и свободы, хотя заговорщикам и не удается на обломках трона самодержцев открыть эру демократии на грани двух континентов.

Ирландия находится в состоянии такого возбуждения, что английская аристократия вынуждена там приостановить действие законов (Habeas Corpus).*

А в Англии бунт направляется против самого принца-регента и заставляет его приостановить действие законов об индивидуальной свободе, печати и союзах. Кестльри кончает самоубийством в припадке отчаяния, так как считал, что сделал слишком большие уступки Священному союзу. Британская аристократия вынуждена протестовать против принципов Священного союза в пользу идей свободы и независимости. Английская демократия одерживает большую победу, вызвав освобождение католиков и религиозное равенство, и Каннинг⁴² провозглашает непреодолимое могущество европейской демократии, угрожая всем европейским королям написать на своих знаменах магические слова: «Гражданская и религиозная свобода».

А Америка! В лице Боливара она дает миру пример второго Вашингтона; она ускоряет победу всемирной демократии, прибавляя на Севере одиннадцать новых республик к своим старым республикам, соединяя обе части Сан-Доминго в одну республику, признанную Францией, освобождая Перу, Мексику, Бразилию, Чили, превращая весь центр и Юг в огромные республики.

А Африка! Республика американских освобожденных негров, основанная на берегах Гвинеи, Либерия, подготавливает вместе с республикой кафров, Египтом и французской колонией Алжиром возрождение и торжество африканской демократии.

Отмена рабства черных в нескольких штатах Америки, отмена всеми правительствами торговли неграми, организованные всюду филантропические общества подготавливают всеобщую отмену рабства негров и обеспечивают отмену полурабства белых пролетариев, т.е. торжество демократии на земле.

Таково положение демократии в июле 1830 г. Проследим теперь ход нового землетрясения.

Проследите, как революционная демократия 14 июля 1789 г., 10 августа 1792 и 1815 гг. поднимается, как один человек, как она превосходит все чудеса революции, как она подражает нашему Икару и даже превосходит его, ибо препятствия на ее пути гораздо более велики, как она затмевает все прежние революции, как она после трех дней боев свергает ставленника Священного союза, как она пренебрегает всеми

опасностями, чтобы вновь завоевать свои права, права человечества, и совмещает с величайшим мужеством высочайшее благородство.

Посмотрите, как ей аплодируют все народы даже из глубины Азии и Америки!

Взгляните, как бледнеют все аристократы, как, дрожат все троны и как все демократии, разбуженные, воодушевленные, исполненные энтузиазма, принимают цвета французской демократии, поют ее Марсельезу и ждут с нетерпением ее выступления, чтобы всюду положить конец царству аристократии.

Да, имей Франция тогда Икара, и вся земля стала бы демократией и общностью!

Но, о несчастье, о разочарование! Все кончилось неудачей, и я не имею мужества изложить вам это печальное повествование, ибо хотя я только икариец, все же дело Франции есть дело человечества, а поэтому и наше, и я мог бы сказать вам, вместе с Энеем, повествовавшим Дидоне о бедствиях Трои: *Infandum, Regina, jubes renovare dolorem.*

Заставляя меня излагать вам историю революции 1830 г., вы оживили бы мою невыразимую скорбь.

Весьма печально признать, что после того как в три дня сражения за свободу принесены были в жертву восемь или десять тысяч сынов народа, народ все еще остается в рабстве. Тридцать три миллиона французов должны повиноваться законам, установленным только лишь половиною ста шестидесяти тысяч избирателей или их депутатов. Весьма печально к тому же, что непопулярность в народе признается принципом правительства и оно хвастает отменой равенства и демократии.

И демократия, кажется, действительно умерла вместе с равенством. Какое новое плачевное отступление!

Но не верьте внешности! Нет, нет, демократия не умерла! Нет, нет, революция, прогнавшая Карла X и его род, не была тщетной. Напротив, народ всегда и неустанно добивается результатов этой революции и возмещения за свои жертвы. И все, даже усиленные строгости против демократии, доказывает и свидетельствует о ее жизни, развитии и ее растущей мощи.

Эта народная демократия, правда, не торжествует, но не торжествует и аристократия. Торжествует буржуазия, т.е. буржуазная демократия.

И очень часто эта буржуазная демократия одерживает верх над оппозицией или народной демократией большинством только в несколько голосов.

И аристократия не может добиться у нее наследственности пэрства.

И если бы бунт и призрак 1793 г. не преследовали ее, вы увидели бы, что она сама бы потребовала демократических учреждений.

И когда пройдет время, тоже представляющее могучую силу, и сыновья займут место отцов, вы увидите, как Франция будет смелее требовать равенства и демократии.

А в других странах!

Какое потрясение вызвало известие об июльской победе народа!

Какой энтузиазм вызвали его мужество, героизм, благородство! Сколько аплодисментов, приветствий, симпатий, пожеланий во всех демократиях мира! Бельгия разрывает свои цепи; Испания сбрасывает с себя оковы; Швейцария с высоты своих гор запекает свои старые демократические песни; Польша ломает московское иго, героически отказываясь подчиняться указаниям Австрии и Пруссии; Италия поднимается и освобождается; Германия вырывает обещанные конституции; Венгрия волнуется; Греция ликует; Константинополь дрожит от беспокойства при виде русского орла; Египет возрождается; Америка аплодирует Франции и призывает божественную справедливость для Польши, посылая ей оружие. И в первую очередь Англия, более демократическая и более просвещенная, чем когда-либо, пишет тысячи приветствий и посылает комиссаров поздравить французскую демократию в городской думе, прогоняет Веллингтона и ториев из правительства и добивается наконец своей парламентской реформы, которую тщетно требовала в течение ста сорока лет, о которой Френсис Бердетт не мог говорить в 1809 г. без риска быть арестованным, реформы, едва еще мыслимой, — самая великая революция английского народа и Гибралтар британской демократии!

Слышите вы, как первый министр этой Англии, лорд Грей, заявляет с английской трибуны, что веяние французской демократии настолько непреодолимо, что если бы она захотела, ее голосу повиновались бы все короли?

О, если бы у Франции был тогда свой Каннинг, который написал бы на своем знамени: «Всеобщая свобода!» Или, лучше, если бы у нее был свой Икар!

Правду приносят в жертву народы и подавляют революции. Бельгия, которая хочет быть республикой, вынуждена принять короля;

Испания возвращается под иго Фердинанда, расстрелявшего Торрихоса⁴³ и пятьдесят его мужественных товарищей; благородная Италия, окровавленная, изувеченная с еще большей жестокостью заковывается в цепи; Швейцария унижена, задавлена и едва не становится жертвой вторжения; Польша, героическая и несчастная Польша... У нее отнимают ее воинов и посылают их в Америку, отнимают ее детей, чтобы рассеять их повсюду, уводят дочерей ее и отдают их солдатам. Европейская демократия кажется уничтоженной, сокрушенной навсегда.

Но это, к счастью, одна только видимость.

Позор и проклятие притеснителю Польши!

Да здравствует независимая и свободная

Польша! — вот клич Европы и мира, и клич этот непрерывно грозит аристократии.

Изгнанные несут всюду любовь к независимости и свободе и когда-нибудь вернуться в свое отечество с большим опытом и более просвещенные.

Испания и Португалия снова берутся за оружие, когда никто этого не ожидает, чтобы вновь завоевать свою демократическую конституцию и

даже республику; и (новое доказательство, что рок увлекает королей, чтобы сделать из них орудие демократии) опять-таки деспот и тиран Фердинанд возвращает Испании свободу, предпочитая свою дочь своему брату.

И Америка продолжает верить в демократию как в подлинную силу.

И Канада, подражая Америке, Франции и Англии, быть может скоро станет республикой и даст всем покоренным народам новый пример борьбы против их притеснителей, а всем демократиям — против аристократий, угнетающих их.

И Англия сохраняет свою парламентскую реформу, которая дает ей восемьсот тысяч и вскоре затем свыше миллиона избирателей. Ее демократия делает такие успехи, что она уже требует всеобщего голосования и отмены пэрства или, по крайней мере, его наследственной передачи, — отмены, которой несколько лет ранее никто не предложил бы, не рискуя попасть в Ботани-Бей.⁴⁴

И кто может оценить последствия этой английской реформы, которая рано или поздно повлечет за собою такую же реформу во Франции, ибо не нужно ли быть сумасшедшим, идиотом, дураком, слепцом (никакое выражение не кажется мне преувеличенным), чтобы надеяться, что на тридцать три миллиона французов не будет даже двухсот тысяч избирателей, когда рядом с ними двадцать четыре миллиона англичан насчитывают больше одного миллиона и скоро у них будет даже три или четыре миллиона избирателей? Не абсурд ли считать французского рабочего менее просвещенным, чем английский рабочий? Не верх ли это наглости, дерзости и оскорбления называть французских пролетариев варварами, признавать права только за праздными или денежными людьми, разлить Францию законную и Францию, поставленную вне закона, и претендовать, что на тридцать три миллиона населения Франция имеет тридцать два миллиона восемьсот тысяч неспособных и не достойных быть избирателями и выбирать депутатов?

Да, если есть в мире нечто несомненное, то это следующее: рано или поздно, одним прыжком или несколькими, Франция добьется своей избирательной реформы и всеобщего голосования, без которого, что бы ни говорили, народ — раб.

И тогда, пусть это называется монархией или республикой, это будет в действительности республика и демократия!

Не думайте поэтому, что июльская революция ничего не дала. Она, несомненно, сделала мало, если сравнить это с тем, что она могла бы сделать, имея во главе Икара, но она тем не менее дала огромный толчок вперед демократии Франции, Англии и Европы.

Да, несмотря на все усилия аристократии оказать сопротивление прогрессу, несмотря на все поражения, европейская демократия добьется победы, потому что народ всегда побивает одну часть аристократии в союзе с другой ее частью, а победоносная часть — это все же демократия, которая возобновляет борьбу против аристократии; она победит, потому что народ учится на своих ошибках и поражениях, потому что он может потерять сто сражений и не погибнуть, тогда как

одна победа может дать ему окончательное торжество, потому что равенство есть идея, которую не могут уловить пули и полиция и от которой человечество никогда не откажется.

Равенство восторжествует, потому что оно есть справедливость и разум, потому что его торжество есть закон природы.

Все было в свое время, и все прошло на земле: рабство и касты, империя Александра и Римская империя, язычество и всемирная монархия пап, феодализм и вассальная зависимость, пытки и костры, право жизни и смерти мужей над женами и отцов над детьми, — почему же аристократия и привилегии не уступят также места демократии и равенству?

Разве аристократия сама не бесчестит себя, не раздирает и не уничтожает себя? Разве не сами аристократы, папы или короли во всех странах и во все времена позорили, принижали, бросали в тюрьмы, убивали или казнили на эшафоте королей и королев? Список, который я держу в руке, содержит имена свыше пяти тысяч королей или королев, убитых или низложенных королями или королевами, или папами, или аристократами, даже их супругами, сыновьями или братьями.

Вот другой список, список пап, опозоренных, осужденных королями и аристократами, соборами или другими папами.

Вот папа Григорий V, приказывающий выколоть глаза папе Иоанну XVII и провезти его на осле задом наперед и с хвостом в руке вместо узды (998).

Вот папа Каликст II приказывает провезти папу Бурдена (1120), сидящим задом наперед на верблюде.

Вот император Германии Фридрих II, отлученный от церкви Григорием IX (за то, что издал книгу под названием «Три обманщика: Моисей, Иисус Христос и Магомет»), называет папу антихристом и князем тьмы.

Вот папа Николай V, брошенный в тюрьму другим папой (Иоанном XXII, сыном сапожника), после того как был вынужден признать свои ошибки на эшафоте, с веревкой на шее.

Вот еще один список свыше пятидесяти тысяч аристократов, убитых королями, против которых они организовали бесчисленные заговоры и бунты,

Людовик XI сажает их в железные клетки и проливает их кровь над головами их детей; Генрих VIII, в Англии, посылает их на бойню; король шведский Христиан II избивает девяносто шесть аристократов, приглашенных им на празднество, и египетский паша перерезывает пятьсот приглашенных им на праздник в свой дворец.

Посмотрите также, как аристократия дискредитирует себя, унижается и теряет уважение народа вследствие своих ошибок и злоупотреблений.

Вспомните нетерпимость, жестокость, роскошь, безнравственность и преступления, прелатов и пап, в особенности гнусного Борджиа.

Вспомните массовые убийства Карла IX; деспотизм и ханжество Людовика XIV; грязную распущенность эпохи Регентства; скандальный

разврат Людовика XV; предательство короля польского и Людовика XVI; честолюбие и деспотизм Наполеона; вероломство европейских королей в борьбе с французской революцией, их клятвопреступления по отношению к своим народам, их адский союз с целью ограбить и поделить нации; вероломство и предательство Людовика XVIII и Карла X; клятвопреступления и измены дона Мигуэля,⁴⁵ королей Испании, Неаполя и Пьемонта; варварство Николая,⁴⁶ ребячество Изабеллы, капризы Христины и донны Марии, когда так легко заставить себя обожать, будучи королевой, молодой и красивой королевой.

Посмотрите, как аристократия в настоящее время почти лишена всяких талантов во всех странах.

Посмотрите, наоборот, как демократия постоянно возвышается в лице ряда представителей церкви, законодателей, литераторов, простолюдинов, из которых я назову вам только Иисуса Христа (зачатого бедной девушкой до ее брака с бедным плотником), Магомета (приказчика), Григория VII (сына плотника), Лютера, Франклина, Вашингтона, Наполеона, Боливара, О'Коннеля, скажите, разве не кажется, что само провидение или судьба решила, чтобы равенство или демократия развивалась и росла, как зерно, которое должно произвести самый прекрасный плод, как зародыш, который должен стать Геркулесом?

Скажите, разве люди, дерзновенно напрягающие усилия, чтобы остановить демократию, и события, загораживающие ей путь, не похожи на плотину, останавливающую поток на один день, но затем делающую его течение еще более бурным?

Скажите, не походит ли аристократия на изношенную машину, которая разладилась и распадается на мелкие части?

Скажите, разве не правда, что, — как это сказал, кажется, Ройе Коллар, — «демократия движется полным ходом... демократия затопляет берега», и что, как сказал Кузен, «попытка остановить цивилизацию и задуть философию — это держать пари с самим богом, которое весь мировой ум не мог бы выиграть»?

Скажите, разве Шатобриан, приносящий дань уважения республике, королеве будущего, не имел основания сказать, что «те, кто хотят остановить век, рискуют быть сдавленными и размолотыми между остановленным веком и веком, столкнувшимся с ним»?

Скажите, разве Токвилль не был прав, восклицая;

«Куда мы идем? Посмотрите на великую социальную и демократическую революцию, которая уже семьсот лет делает постоянные успехи, во всем христианском мире, и в особенности во Франции, и которая ведет нас, непреодолимая и направляемая провидением, к равенству? Было ли бы благоразумно думать, что ее можно будет остановить или даже приостановить? Думают ли, что демократия, разрушив феодализм и победив королей, отступит перед буржуа и богатыми? Нет, повидимому, демократия и равенство шествуют вперед по воле суверенного господина. Пытаться их остановить значило бы бороться против самого бога, и народам остается только приспособиться

к новому общественному порядку, который им предписывает провидение».

Разве Ламартин не имеет основания сказать в своем «Путешествии по Востоку»:

«Эти революции, эти потрясения, эти крушения империи, эти повторные и гигантские движения всех частей старой Европы; их отголоски с Америке и Азии; бессознательный и непреодолимый импульс, который вносит, несмотря на индивидуальные воли, столько напряжения и солидарности в коллективные силы,— все это не есть следствие без причины; все это имеет смысл, глубокий и скрытый, но очевидный для глаза философа. Этот смысл — это общая идея, убеждение, социальный закон, истина, которая проникла во все умы и даже без их ведома в умы масс и стремится выявиться в фактах с силой божественной истины, т.е. с непобедимой силой. Этот закон есть всеобщий разум; слово есть его орган; печать — его апостол; он распространяется по миру с непогрешимостью и интенсивностью новой религии; он стремится переделать по своему образу религии, цивилизации и общества и перестроить последние на равенстве и братстве...»

Знаменитая леди Эсфирь Стенгоп (племянница знаменитого Питта, удалившаяся на гору Ливан) с полным основанием сказала виконту Марселлюсу и последний с таким же основанием повторяет ее слова:

«Что увижу я в Европе? Народы, достойные своих цепей, и королей, недостойных царствовать. Немного времени пройдет, и ваш старый континент будет потрясен до основания. Все в нем износилось: короли не имеют уже верного потомства; они падают, уносимые смертью или своими ошибками, и следуют один за другим, вырождаясь; аристократия будет стерта с лица земли и уступит место презренной и мимолетной буржуазии, бесплодной и бессильной; один только народ, но народ, который обрабатывает землю, сохраняет еще свои характерные черты и некоторые добродетели. Содрогайтесь, если он когда-либо осознает свою силу!»

Бывший префект Билльяр с правом восклицает:

«Разве вы не видите, как старые монархии рушатся? Со всех сторон раздаются только республиканские поизывы. Республика — во всех умах. Скоро она вновь появится, могучая и лучезарная».

А сам Гизо — разве вы не слышите его признания:

«Все, с удовольствием или прискорбием, согласны признать, что существующее общество демократично и что демократическая система завоеует его окончательно. Старый режим пал под ударами демократии. Страшное падение, но час его был записан в велениях бога».

И не слышите ли вы пророческого голоса Ламенне:

«Будьте готовы, ибо времена приближаются... Короли будут рычать на своих тронах; они будут стараться удержать обеими руками короны, уносимые бурей, и будут сметены вместе с ними».

А Наполеон, не предсказывал ли он на краю могилы, что Европа, быть может, станет республиканской?

Вы видите, следовательно, противники принципа общности, что времена равенства и демократии приближаются.

Энтузиазм собрания помешал мне заметить смущение Антонио и его товарищей.

Глава одиннадцатая. ПРОГРЕСС ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОИЗВОДСТВА

Динар был бледен. Я подбежал к нему, чтобы узнать причину этого, и когда он сказал мне, что это только усталость, я предложил ему прекратить беседу, но он решил продолжать, сократив только время беседы.

— Противники принципа общности! — сказал он (голосом, слабость которого, видимо, увеличивала интерес его слушателей). — Настоящий век есть не только век демократии и равенства, — это также век промышленности и производства.

Чтобы убедить вас в этом, мне достаточно сказать: откройте глаза, посмотрите кругом себя, здесь, в нашей Икарии; осмотрите наши огромные мануфактуры и наши бесчисленные машины, ознакомьтесь со статистикой наших гигантских производств; посмотрите на наше изобилие и наше благосостояние.

Однако я хотел вас убедить иначе, представив вам картину настоящего положения промышленности в Европе и в ваших собственных странах.

Я хотел сделать для вас беглый очерк истории открытий, наук и искусств, промышленности и торговли и показать их зарождение, их медленный прогресс до вторжения варваров, их состояние у народов древности, в Азии и Египте, в Тире и Карфагене, в Греции и Риме, в Сиракузах и Марселе.

Я хотел показать вам их возрождение после! долгого нашествия варваров, губительные последствия которого я изобразил вам третьего дня. Арабы изобрели ветряные мельницы и часы и распространили в Испании свою архитектуру и буквы алфавита, заимствованные из Индии и принятые всей Европой. Один константинопольский император специально посылал людей искать в Китае шелковичных червей и изучать там искусство изготовления шелка, которое затем было перенесено на Запад. Грек Каменик изобрел «греческий огонь» для сожжения магаметанского флота, как Архимед изобрел с целью уничтожения римского флота при Сиракузах сорок машин, тайну которых он унес с собой в могилу. Лангобарды изобрели вексель. Карл Великий и великий Альфред призвали ученых во Францию и в Англию. Один папа послал в Китай, чтобы добыть компас.

Я хотел вам показать, как крестовые походы оживили торговлю и промышленность, особенно в Италии, Венеции и Генуе, и принесли с собой все искусства Востока; как изобретение книгопечатания и бумаги упрочило и распространило все открытия; как взятие Константинополя повлекло за собой переход скульптуры и живописи в Италию; как открытие мыса Доброй Надежды привело европейцев в Индию, Японию и Китай и перенесло на Запад новые виды производства этих

промышленных стран; как открытие Америки и европейские колонии в Азии, Африке и в Новом мире дают снова сильный толчок судоходству, торговле и промышленности.

Я хотел проследить вместе с вами ускоренный ход развития человеческого ума со времени этих последних великих событий и со времени Реформации, т.е. в течение трехсот пятидесяти лет, что является одним моментом в сравнении с прошлым существованием человечества.

Я хотел указать вам на великие эпохи Медичи во Флоренции, Льва X в Риме, Франциска I во Франции, Генриха VIII и Елизаветы в Англии, Сюлли при Генрихе IV, Ришелье при Людовике XIII и Кольбера при Людовике XIV, на великие усилия, порожденные республикой и революцией в 1649 г. в Англии, революцией и республикой в Америке, революцией и республикой во Франции, морской и континентальной блокадой.

Я хотел показать вам, как всюду возникают школы, университеты, академии литературы и в особенности академии наук, музеи искусств и музеи ремесел, как выдаются награды изобретателям и устраиваются торжественные выставки продуктов промышленности, я хотел указать вам на научные экспедиции, организацию всемирной республики ученых, на их конгрессы, их переписку, сочинения и журналы и новые системы народного и всеобщего воспитания.

Я хотел вместе с вами проследить историю изобретателей, в особенности тех, кто открывал пути другим: обоих Беконов (один — монах с 1294 г., другой — английский канцлер в 1590 г.); Галилея, Кеплера, Коперника; Декарта и Локка; Лейбница и Ньютона; Папина, Уатта и Фультона...

Я хотел вам указать на прогресс в науках и искусствах, в философии, которая охватывает все, в математике, астрономии, физике и химии; в геологии, минералогии и естественной истории; в анатомии, физиологии, медицине, хирургии, ботанике и фармации; в истории и литературе; в трагедии, комедии и музыке; в рисовании, скульптуре и живописи.

Я в особенности хотел изложить вам успехи наук и искусств в практическом применении математики, астрономии, физики к химии к навигации, земледелию, мануфактурам, промышленности и, в частности, к механике и машинам.

Я хотел вам принести список открытий, сделанных в последние триста пятьдесят лет, всех новых машин и всей суммы возможного ныне в большой стране производства для обеспечения всего народа пищей, одеждой, жилищем, обстановкой и транспортом.

Я хотел доказать вам, наконец, не только то, что промышленность по своей производительности более могущественна, чем когда-либо прежде, но что она достаточно могущественна, чтобы осуществить равенство изобилия и благосостояния.

Но я слишком устал, чтобы взяться теперь за эту задачу.

Впрочем, вы можете просмотреть таблицы, изданные нашей

республикой и дающие понятие о развитии наук и искусств, об их успехах, изобретениях, и изобретателях, о сочинениях и машинах.

Позвольте мне ограничиться лишь несколькими замечаниями. Я вам скажу только: примите во внимание открытие силы пара, изобретение машин в Англии, Америке, Франции и Икарии; чудеса, которые создаются здесь нашей системой образования, и нашей системой содействия открытиям.

Взвесьте значение пара, который замещает все другие движущие силы: ветер и воду, лошадей и людей; тысячи применений его к машинам всякого рода, к судам, вагонам на железных дорогах и повозкам на желобчатых дорогах.

Посмотрите машину, настолько сильную, что она может перевезти пятьсот пассажиров из Лондона в Нью-Йорк, за тысячу пятьсот лье, в четырнадцать дней, другую, которая может перевезти тысячу человек из Парижа в Тулон, на расстояние в двести лье, в двадцать часов, и тысячи машин, перевозящих в один день два или три миллиона людей на расстояние в пятьдесят лье.

Посмотрите, как исчезают расстояния, время, трудности и почти все издержки для перевозки рабочих, сырых и обработанных материалов.

Посмотрите громадные размеры построек, новых распашек и промышленного производства в Америке, где каждые десять лет создают, так сказать, новую страну и новый народ.

Посмотрите з особенности на колоссальные размеры промышленного производства в Англии, где гигантские мануфактуры и бесчисленные машины производят в десять раз больше, чем нужно для страны, и достаточно для большей части стран всего мира.

И судите, как развились бы во Франции и в этих странах мануфактуры, машины и производства, если бы правительства, в полном согласии с народами, располагали всеми национальными силами и имуществом, чтобы организовать и вести промышленность.

Судите о массе открытий, которые сделаны были бы в короткое время в этих странах, если бы они хотели воспользоваться нашими открытиями в Икарии, если бы они признали нашу систему образования и если бы, как у нас, правительства побуждали всех граждан делать открытия и изобретать машины, облегчая им проведение всяких опытов и испытаний.

Судите сами, сколько могла бы, например, Франция производить и выработать, если бы правительство, желая организовать систему общности и довести производство до наивысшей степени, созвало на общий съезд пять или десять передовых представителей каждой науки, каждого искусства и каждого ремесла, всех Араго Европы и Америки.

Судите, наконец, какую новую огромную силу приобрела бы промышленность, если бы, как мы надеемся здесь, человек мог подчинить своей воле электричество, как пар, и применить его, как пар, ко всем машинам с большей мощностью, меньшими трудностями и меньшими издержками.

Нет, не следует разумному человеку говорить, что равенство

состояний или общность имущества были бы для Франции, Англии или Америки равенством нищеты.

И заметьте хорошенько! Великие открытия в науках и промышленности производят не только научные и промышленные революции, не, также и революции социальные и политические, ибо все сочетается, все связано или, вернее, все смешивается в природе, в этом огромном единстве, в котором мы различаем отдельные элементы только для того, чтобы помочь слабости нашего разума. И хотя мы различаем торговлю и промышленность, промышленность и свободу, свободу и равенство, разве все это не есть в действительности одно и то же или, по крайней мере, единый взаимно связанный и постоянный процесс? Разве промышленность не действует на торговлю и торговля на промышленность? Разве промышленность и торговля не влекут за собой свободу, а свобода не порождает промышленность и торговлю? Разве свобода не есть мать или дочь равенства, как равенство, в свою очередь, — дочь или мать свободы?

Разве открытие компаса, пороха и, в первую очередь, книгопечатания не вызвало одновременно три социальные и политические революции и три промышленные и торговые революции?

Разве пароходы не производят революции в морской войне, а следовательно и в политике, как в навигации и торговле?

А железные дороги! Железные дороги, превращающие, так сказать, каждое государство в один большой город, а города и провинции в кварталы и его большие дороги в улицы, — железные дороги, которые могут в один день перевезти весь народ в столицу и постепенно перевезут его туда целиком (ибо какой француз, например, не захочет видеть Париж, когда ему легче будет поехать туда, чем прежде куда-нибудь за четыре или пять лье от своей деревни?), которые будут перевозить в двенадцать или тринадцать часов англичан из Лондона в Париж и французов из Парижа в Лондон, которые смешают все народы более полным и быстрым образом, чем это возможно было в какую-либо другую эпоху, — разве эти железные дороги, говорю я, не произведут неисчислимой по своим последствиям революции в торговле и промышленности?

Когда, например, привычка путешествовать станет общей, когда будут насчитывать путешественников своих и иностранных тысячами вместо дюжин, когда негодяи, промышленники и ученые будут ездить за двести или триста лье, чтобы остановиться на несколько часов, закончить какое-либо важное дело и затем вернуться к себе домой, к своим основным занятиям, рассчитывая на твердые установленные сроки отъезда и прибытия, не теряя даже четверти часа, — как можно будет тогда сохранить чудовищные препятствия паспортной системы, жандармских осмотров, городских и пограничных таможен? Это вызвало бы настоящие бунты путешественников.

Как можно будет сохранить монополию почтовой корреспонденции?

Какое значение могут иметь препятствия, которые ставятся печати, когда сотни миллионов брошюр и журналов можно будет перевозить

каждый день в карманах путешественников, а правдивые сведения о фактах и разных мнениях будут получаться отовсюду и распространяться с быстротой ветра?

Да, машина, которая вызывает дрожь, когда слышишь издали ее рев или видишь, с какой силой и скоростью она приходит и уходит, носит в своих недрах тысячи маленьких революций и великую социальную и политическую революцию!

Да, наиболее могучие пропагандисты и наиболее великие революционеры — это Иисус Христос, Лютер, изобретатель книгопечатания и изобретатель паровой машины.

Им должна демократия воздвигать статуи! И эти статуи должен воздвигнуть народ! И когда прусский король воздает военные почести одному из изобретателей книгопечатания, когда первый министр Англии, лорд Ливерпуль, становится во главе подписки на памятник одному из изобретателей паровой машины, их увлекает нечто вроде рока, ибо пар взорвет аристократию.

И теперь, когда пар производит все свои чудеса в Америке и Англии, ничто не может лишить паровой машины Францию и весь мир. Можно сказать, что ее посылает провидение, которое кричит аристократии:

«Берегитесь, берегитесь! Вот идет паровоз! Берегитесь, берегитесь! Уступайте место демократии!»

А завтра вы услышите, что говорят философы.

И можно было думать, что собрание слышит или видит огромную машину, которая на длинной цепи вагонов везет тысячи реформ, сопровождающих равенство.

Глава двенадцатая. МНЕНИЯ ФИЛОСОФОВ О РАВЕНСТВЕ И ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА

— Вы, противники общности, утверждаете, что в ее пользу имеется только несколько мнений, шатких и не внушающих доверия. Так вот! Я перед вами допрошу историю и всех философов. Слушайте!

Не стану говорить о нескольких древних народах, которые, по словам Платона, Аристотеля, Диодора Сицилийского, Юстина, Цезаря и Тацита, практиковали в их время или до них общность имущества, пищи и даже женщин, а именно о древних египтянах и греках, жителях острова Цейлона, скифах, амазонках, линдрийцах, ахейцах, ваксеях, сирминиях, древних народах южной Италии и германцах.

Не буду также говорить ни о евреях, у которых существовало равенство состояний и общество йессеев, установивших у себя общность имущества, ни об египетских священниках, которые жили сообща, ни о Миносе, установившем в подражание им общность имущества на Крите (1000 лет до рождения Христа), где ее заимствовали Ликург и Пифагор, чтобы ввести в Спарте и в Италии.

Не стану говорить вам также о Конфуции и Яорятре, которые, один в Китае, а другой в Персии, задолго до Иисуса Христа провозгласили принцип нравственности, уже сам по себе ведущий человечество к совершенству: «Не делай другому того, чего ты не хочешь, чтобы он делал

тебе. Делай другим то, что ты желаешь, чтобы они делали тебе».

Ликург добивается от богатых добровольного отказа от еврей собственности и делит все земли на тридцать девять тысяч участков для тридцати девяти тысяч граждан, не имеющих права их отчуждать, отменяет роскошь и деньги, устанавливает равенство состояний и воспитания, даже совместные развлечения, трапезы, воспитание и все прочее лет до рождения Христа). И таким же образом устанавливает равенство и почти общность имущества брат короля, могущий сам стать королем, на деле носитель всенародной власти.

И он устанавливает его с согласия богатых и аристократии, с одобрения дельфийского оракула.

И этот общественный и политический строй существует пятьсот лет, подняв Спарту на самую высокую ступень могущества, славы и процветания, вызывавших удивление Ксенофонта, самого Аристотеля и всей Греции.

А теперь перейдем к Агису и Клеомену. Конституция Ликурга была отменена, когда Лизандр, победитель афинян, принес в Спарту огромную добычу и было разрешено дарить или продавать свой удел.

Как только страсть к золоту и серебру обуяла жителей государства, как только богатства породили жадность, роскошь, изнеженность, мотовство и наслаждения, Спарта пала до состояния бессилия, низости и унижения, которое длилось почти триста лет, до вопарения двух царей, Агиса и Леонида.

В ту эпоху в городе осталось только семьсот коренных спартанцев, и из этого числа сто владели всеми землями и всем имуществом, а шестьсот остальных были обременены долгами и нуждой. Обуреваемые ненавистью и завистью, последние отказывались защищать страну и постоянно мечтали со революции.

Молодой царь Агис, хотя и более богатый, чем все другие лакедемоняне вместе взятые, и воспитанный в роскоши и наслаждениях, поставил себе задачей реформировать свое отечество и восстановить старую конституцию Ликурга, т.е. равенство и общность имущества.

Он начал с того, что старался узнать мнения своих сограждан и подавать пример простоты и воздержанности.

Он завоевал расположение молодежи, привлек на свою сторону мать, которая была безмерно богата, и трех наиболее влиятельных лиц, главным образом Агезилая, своего дядю; но другой царь — Леонид, другие богачи и в особенности женщины, владевшие почти всеми землями в сельских местностях, воспротивились реформе и пытались оклеветать доброго и благородного Агиса.

Однако он предложил реформу — отмену долгов и раздел земель, но сенаторы отвергли его проект.

Агис собрал тогда народ и объявил, что отдает в общую собственность все свое состояние, и семья его, как и его друзья, принадлежавшие к числу богатейших спартанцев, последовали его примеру. Но Леонид и многие богачи открыто восстали против реформы, и сенат отверг ее большинством одного только голоса, тогда как народ требовал

ее вместе с Агисом.

Леонид был обвинен одним из эфоров, низложен за отказ явиться, заменен своим зятем, был осужден и бежал. Агис помогал его бегству и спас ему жизнь.

Затем дядя Агиса, Агезилай, сам по уши в долгах, коварно предложил сперва только отменить долги, и когда эта отмена, которая его обогащала, была решена, он злоупотребил своей властью эфора, стал постоянно отсрочивать раздел земель с целью сохранить свои земли и взимал новые налоги в то время, когда Агис, руководивший военными операциями, был в отлучке.

Осмелевшие вследствие недовольства народа богатые призвали народ и восстановили Леонида, и Агис, опасаясь последнего, был вынужден искать убежища в храме Минервы.

Трое негодяев, которые называли себя его друзьями и хотели захватить его имущество, сговорились между собой предать его и выдать Леониду. При помощи дружественных уверений и изъявлений преданности они убедили его оставить храм, захватили его и бросили в соседнюю тюрьму. Леонид сейчас же примчался с чужеземными солдатами и назначенными им эфорами, и с частью сенаторов, высказывавшихся против реформы. Организовав суд, они обвинили Агиса в желании изменить конституцию. «Вас, наверное, принудили, — сказал ему один из так называемых судей, — и вы рассказываете в том, что вы сделали?» — «Нет, — отвечал Агис, — восхищенный Ликургом, я хотел подражать ему и восстановить его законы, и я никогда не буду рассказывать в таком прекрасном, благородном, добродетельном предприятии, если бы даже смерть стояла предо мной».

Они тотчас же приговорили его к смерти. И так как народ собирался вокруг его тюрьмы и хотел освободить его, то они задушили его в тюрьме. Когда его мать и бабушка прибежали в слезах, они ввели их в тюрьму и задушили обеих без всякого даже подобия суда.

Народ был возмущен, но Леонид и богача все же сохранили власть и богатство.

Так погиб царь Агис, преданный богатыми, убитый царем, который был обязан ему жизнью, и несколькими сенаторами только за то, что хотел восстановить в Спарте равенство и общность.

Но вот Клеомен.

После смерти Леонида его сын и наследник, молодой царь Клеомен, воодушевленный своей молодой женой, вдовой Агиса, продолжал дело последнего.

Но, убежденный, что его постигнет судьба Агиса, если он потребует согласия богатых, Клеомен решил употребить силу и прежде всего приобрести военную славу.

После нескольких побед он вступил в Спарту во главе части своих солдат, убил пять эфоров, изгнал восемьдесят богачей, собрал народ, отдал отчет в своих действиях и мотивах, выразил сожаление, что вынужден был употребить насилие, предложил отмену долгов и раздел земель и подал пример, отдав свое имущество в общую собственность.

Вскоре старые нравы ожили в Спарте, она заняла свое высокое место в Греции, и Клеомен, одержавший много новых побед, стал одним из самых знаменитых царей.

Вот, следовательно, три государя — Ликург, Агис и Клеомен, много аристократов и богачей и оракул, соглашающиеся на раздел земель и общность имущества.

Солон, богач, первый человек по своему рождению, имуществу и образованию, получив поручение составить конституцию для своего отечества, хочет подобно Ликургу (549 г. до рождения Христова) установить раздел земель и равенство состояний, но из-за сопротивления аристократии ограничивается тем, что отменяет долги и устанавливает политическое равенство.

Современник его Пифагор, которому поклоняются как богу, предпринимает великую реформу, основанную на воспитании, и учреждает в Кротоне многочисленное общество, ставящее себе целью изучать, осуществлять и распространять принципы равенства, братства и общности имущества.

Тиранам и аристократам Сицилии и Италии удается оклеветать, подвергнуть преследованиям и рассеять пифагорейцев (540 г. до рождения Христова), но из этой школы выходит множество знаменитых людей и законодателей, исповедующих и распространяющих ее учение, а именно Эмпедокл из Агригента, Парменид, Зенон, Селевк, Харонд и Протагор, проповедующий в Афинах (444 г. до рождения Христова) доктрину равенства и излагающий план республики, основанный на общности имущества.

Но Сократ и его ученик Платон предпринимают преобразование Афин и Греции: один — проповедуя, другой — написав «Республику» и «Законы», и «мое», т.е. собственность, есть причина всех зол, гнетущих человечество.

Они устанавливают в принципе единство государства, равенство и братство между гражданами, воспитание для всех, уничтожение роскоши и денег, суверенитет народа, всеобщее голосование, выборы для всех и целью общества и общественного представительства — достижение общего благосостояния.

Считая необходимой известного рода выборную аристократию, составленную из правителей и воинов, на которых возложена обязанность управлять республикой и защищать ее от внешних врагов, они допускают различные законы для народа и аристократии.

Для народа они выдвигают следующие требования: равный раздел земель, неотчуждаемость земельной собственности, предел для приобретения движимости; отмена приданого и завещаний; одинаковые жилища; общее воспитание, — одним словом, не настоящую общность имущества, но только полное равенство в имуществе и во всем.

Что касается аристократии, которая должна посвятить себя счастью народа, то с целью сделать ее более совершенной и оградить ее от всех искушений личного интереса, они предлагают, чтобы она составляла общую семью, требуют для нее общности имущества и общности во всем:

общности жилища, трапезы, детей, почти общности жен, воспитания, деятельности внутри страны и опасностей на войне.

Они предлагают общность детей, так как они хотят, чтобы дети уже со дня рождения были помещены в общем здании, где женщины будут кормить безразлично всех детей и все будут воспитаны как дети отечества, не зная ни своих отцов, ни даже матерей, вынужденные поэтому считать друг друга братьями, иметь ко всем мужчинам и ко всем женщинам одинаковую сыновью привязанность, тогда как все мужчины и женщины будут питать к этим детям одинаковую отеческую или материнскую нежность.

Они хотят почти общности женщин, потому что, хотя они и устанавливают брак как священный союз и супружескую верность как священную обязанность, они хотят, чтобы все браки заключались и возобновлялись каждый год по жребию и чтобы каждая женщина могла иметь последовательно пятнадцать или двадцать различных мужей, как каждый мужчина — пятнадцать или двадцать супругов.

Вот то, что ошибочно называли общностью женщин, ибо это только браки на короткий срок, обставленные самыми строгими принципами целомудрия, чистоты, религии и патриотизма.

Какой бы странной ни казалась нам эта идея при нашем воспитании, наших нравах, навыках и предрассудках, в ней не было ничего шокирующего в то время, когда человечество имело совершенно различные представления о женщинах, стыдливости, целомудрии и приличии, в такое время, когда все мужчины и все молодые девушки появлялись совершенно нагими в гимнастических заведениях, на играх и празднествах. Ведь не для современной Европы, а для своей страны и для своей эпохи Сократ и Платон придумывают свою систему общности, и если бы они жили в наше время, они, наверное, не предложили бы ни общности детей, ни браков по жребию и на короткий срок, так же как они не предложили бы рабства.

Исключим поэтому из их республики то, что касается женщин и детей, и отметим только, что они хотят равенства и общности. Послушаем, что они говорят.

«Нужно добиваться благосостояния для всех, без избытка и без бедности. — До настоящего времени каждая страна состоит из двух враждебных народов: богатых и бедных. — «Мое» и «твое» — причина всех зол общества. — Одна только общность может быть средством против зла. — Пословица говорит, что между друзьями (а все люди братья) имущество должно быть общим. — Но возможно ли осуществление этой общности? Можно в этом сомневаться. Однако я указываю реформу, представляя план образцовой республики. — Все изменилось бы в государстве, если бы философы управляли или если бы правители были философами. Но до тех пор, покуда мудрость и власть не будут соединены, нельзя надеяться, что род человеческий, вечная игрушка честолюбия и жадности своих господ, увидит конец всех бедствий и что солнце будет освещать такую республику, как наша: человечество останется несчастным. — Его несчастья будут вечны,

покуда правители и воины будут иметь какую-нибудь собственность. — Но когда-нибудь, где-нибудь найдется какой-нибудь царь-философ... и тогда установится общность».

И кто эти люди, провозглашающие эти принципы между 400 и 350 гг. до рождества Христова?

Это две прекраснейшие души, лучшие сердца и два величайших человеческих ума, два независимых и бескорыстных философа, которые руководятся только вдохновением своего гения и любовью к отечеству. Это Сократ, которого дельфийский оракул назвал самым мудрым из людей; его почитали после смерти почти как бога, и потомство чтит его как самого добродетельного и возвышенного философа. Преследуемый как революционер языческими священниками, он проявил героическое мужество пред казнью и ответил своим судьям: «Не следует придавать никакой цены ни жизни, ни смерти, если только можно быть слезным людям... Я считал своим назначением просвещать их; я считал, что получил миссию на то от самого неба. Я должен мужественно охранять место, которое предназначили мне боги... Я пойду еще дальше. Если бы я был освобожден с условием хранить молчание, я сказал бы: «О, мои судьбы, я вас люблю и уважаю, но я должен повиноваться богу больше, чем вам. Пока я буду дышать, я не устану повторять: разве вы не стыдитесь гнаться за богатствами и почестями, в то время как вы пренебрегаете сокровищами мудрости и добродетели?»

Платон, названный божественным, также не испугался преследований, выступая в защиту своего учителя, отомстив за него и опубликовав массу сочинений о реформе. Он был встречен с триумфом в Сиракузах. К числу его учеников принадлежал знаменитый Дионисий, государь Сицилии и освободитель своего отечества. Платон был основателем Академии, главой самой многочисленной и самой славной школы. Многие народы просили его быть их законодателем, но он отказался дать им конституцию, потому что они не хотели отказаться от неравенства состояний. Учение Платона подготавливает учение Иисуса Христа или, по крайней мере, скоро смешается и сольется с ним.

И вот я вас спрашиваю: есть ли среди тех, кто позволяет себе отвергать, не говорю — частности, а принципы учения Сократа и Платона, хотя бы один, кто мог бы сравняться с ними по одаренности, независимости, бескорыстию, добродетели, любви к человечеству, преданности и мужеству?

Им противопоставляют Аристотеля, ученика Платона, наставника Александра, основателя Лицея, живую энциклопедию этой эпохи, сочинения которого снова появились на Западе после Крестовых походов, и его цитировали как оракула в школах задолго до того, как в них ознакомились с Платоном.

Правда, в своем трактате «Политика» Аристотель подвергает критике коммунизм Платона, поскольку он касается женщин и детей даже имущества.

«Должны ли быть, — говорит он, — все имущества общими и принадлежать народу? — Собственность более ценна при хороших законах

и хороших нравах (как будто собственность не является сама препятствием для хороших законов и хороших нравов!). Наилучшее — это собственность и общность совмещенные и слитые, как в Спарте, где пользование собственностью было общим согласно пословице: добродетель делает пользование имуществом между друзьями общим. Впрочем, общность кажется абсолютно невозможной и неосуществимой: никогда нельзя будет основать государство, если не начать с разделения людей на классы и с раздела земель».

И это робкое и скептическое «кажется невозможной» (опровергнуто примером Перу и Парагвая) превратили в следующую аксиому: общность невозможна и неосуществима.

Но какой вес может иметь против авторитета двух людей, углубивших и обсудивших вопрос, это столь неопределенное мнение наставника и друга деспота, касающегося всего, не будучи в состоянии все углубить, не приводящего доказательств, одобряющего рабство и отказывающегося в правах гражданства мелким торговцам и рабочим?

«Никогда, — говорит он, — хорошо устроенное государство не сможет сделать из ремесленника гражданина, ибо ремесленник — раб народа».

А впрочем, посмотрите, как его принципы сближаются с принципами Сократа и Платона относительно равенства состояний и даже общности имущества.

Он не хочет ни избытка, ни бедности, ни чтобы одни имели слишком много, а другие мало, но он хочет среднего достатка для всех, а следовательно равенства или почти равенства. Он считает неравенство причиной всех революций. Он хочет установления республики, которую он называет настоящей «золотой серединой»; он хочет суверенитета народа и всеобщего голосования. Он хочет общественных общин и бесплатных трапез и обобществления части национальных земель, отведенных с целью заготовления продовольствия для этих трапез и кормления народа. Он хочет даже общности пользования, как в Спарте, для части земель, разделенных между гражданами и неотчуждаемых, чтобы право собственности было только правом владения.

Можно, следовательно, сказать, что по существу Аристотель разделяет воззрения Сократа и Платона и что он принял бы общность имущества, если бы знал какую-нибудь лучше организованную систему общности, чем система его учителя.

Впрочем, среди собранных им двухсот пятидесяти конституций он с похвалой приводит некоторые из важнейших конституций, построенных на принципе равенства состояний или устанавливающих, как в Карфагене, общие трапезы.

Обратимся теперь к Гракхам в Риме.

В то время когда Рим уже утопает в богатствах двадцати покоренных народов, когда патриции, захватившие все, владеют неизмеримыми поместьями, бесчисленными рабами и огромными состояниями, — народ, своей кровью оплативший все эти завоевания, испытывает только крайнюю нищету, которую делает еще более тяжелой зрелище крайней роскоши.

Тиберий Грахх и брат его Кай, народные трибуны, предпринимают, подобно Ликургу и Солону, реформу этого чудовищного злоупотребления и требуют приведения, наконец, в исполнение закона, запрещающего владеть участками более чем в пятьсот арпанов и позволяющего республике отбирать излишек, возмеща его стоимость.

«Дикие звери, — говорят они, — имеют свое логовище, а у римских граждан, которых называют властителями мира, нет места, где приклонить голову, нет даже пяди земли для могилы».

Патриции тщетно ссылаются на давность владения. Закон принимают. Он постановляет, что будут отобраны с возмещением стоимости излишки сверх пятисот арпанов, будут отобраны даже земли, захваченные республикой, к ним присоединят сокровища, завещанные римскому народу пергамским царем, и все будет разделено между бедными.

Но патриции склонны прибегнуть ко всяким насилиям, лишь бы помешать осуществлению реформы. Чтобы добиться успеха, они пускают в ход ложь и клевету.

Так как Тиберий добился продления своего трибуната, то враги обвинили его в том, что он честолюбец и льстит народу, дабы сделать из него орудие своего честолюбия, и стремится к тирании. Под этим вероломным предлогом сенаторы в сопровождении своих клиентов являются на Капитолий, где собрался народ, и бросаются на трибуна, который погибает вместе с тремястами друзей под ударами убийц. Немного спустя Кай также погибает вместе с тремя тысячами своих приверженцев, публично перебитых патрициями, которые бросают их трупы в Тибр. А бедняки, обманутые клеветой богатых, прельщенные и подкупленные их деньгами, покидают этих двух наиболее преданных своих друзей, которых они сперва боготворили, чтобы довериться своим врагам. Убийцы прощены. Память жертв запятнана. И народ остается при своей нищете, потому что аристократия сохраняет свои огромные богатства.

А кто были эти Граххи? Победившие враги честят их смутьянами, анархистами, врагами народа, грабителями и разбойниками, как священники и богатые третировали Пифагора, Сократа, Агиса и самого Иисуса Христа. Но истина, рано или поздно разоблачающая клевету, воздает теперь честь возвышенной добродетели двух людей, славных своим происхождением и посвятивших себя деду народа и человечества.

Но вот бог, вот Иисус Христос, пришедший проповедывать равенство, братство, Общность имущества. В продолжение трехсот или четырехсот лет, следующих за его явлением, все или почти все Философы — христиане или платоники, и все принимают и пропагандируют общность имущества. А когда христианство принято было Константином, все священники публично проповедовали общность, и миллионы, сотни миллионов христиан осуществляли эту общность, которую Аристотель считал невозможной и неосуществимой.

Так вот, старайтесь не забыть этот громаднейшей важности факт. Думайте, размышляйте о нем неустанно! Вы все, кто смотрит на Иисуса

Христа как на бога, как можете вы отвергать равенство, братство и общность имущества, предписанные богом? Как осмеливаетесь вы не повиноваться ему? Что представляет собой мнение избирателей, депутатов, пэров, королей и народов в сравнении с велением бога?

Аристократы и придворные, окружающие императора Грациана, также говорят, что общность невозможна, когда Плотин требует уступки ему небольшого разрушенного города и разрешения испытать там общность Платона. Он хочет основать республику философов и построить город, который он собирается назвать Платонополем. Но мнение аристократов и императорских придворных не может, конечно, идти в сравнение с мнением философа, который, несмотря на то, что они его называли безумцем, имел многочисленных последователей и знаменитых учеников и пользовался такой замечательной репутацией, что достопочтенный Порфирий сравнивал его с Иисусом Христом.

Пифагореец Аполлоний Тианский также проповедует равенство, братство людей и народов и общность имущества, а александрийская школа считает его сыном бога и противопоставляет его Иисусу Христу. Согласно этой знаменитой школе, приход его возмещается как приход восстановителя человеческого рода; его рождение, юношество, вся его жизнь отмечены чудесами; он обладает всеми совершенствами души и тела; он знает все языки: он обходит все страны и владеет мудростью всех народов и, повторяю, этот так называемый бог также провозглашает равенство, братство и общность имущества.

Говорить ли мне вам о добром, добродетельном патриархе, который ведет школу философии в Риме и исповедует учение Платона об общности, тогда как все христианские философы проповедуют ее во имя Иисуса Христа?

Правда, основывая тысячи религиозных общин, христианские священники хотят захватить для них все богатства, становящиеся их собственностью; варвары также отвергают общность имущества. Но честолюбие и жадность священников и аристократов, так же как и жадность варваров, конечно, не может служить доказательством против общности.

Как жаль, что я не могу привести вам мнение всех отцов церкви и суждения соборов по вопросу о равенстве и общности.

Но вот с 1143 г. Арнольд Брешианский проповедует в Риме реформу и возврат к учению Иисуса Христа и Платона, т.е. к равенству, братству и общности имущества. Вспомните тысячи вальденсов и альбигойцев во Франции, английского проповедника, за которым следуют сто тысяч человек, доктора Виклефа и тысячи лоллардов в Англии, Яна Гуса и тысячи гуситов в Германии. Все они проповедуют или принимают все то же учение и готовы перенести ради него всяческие казни.

Все они подвергнуты сожжению на костре, или перебиты, или принуждены к молчанию. Но реформа все же в конце концов восторжествовала.

И еще до этой реформы, когда была открыта Америка, в ней находят огромную империю, в тысячу триста лье протяжения, в которой уже

свыше четырехсот лет осуществлены равенство состояний и общность имущества, «в которой никогда не видишь, — говорит Робине, — ни лентяев, ни воров, ни бедных, ни нищих; явление, которое кажется противоречивым всем наиболее ясным истинам. Этот общественный и политический строй оставляет позади все построения античных философов, ученых и законодателей, прославляемых в истории древнего мира».

Но вот и Томас Мор, который в своей «Утопии» повторяет вместе с Сократом и Платоном, что собственность есть причина всех зол и нет другого средства, кроме республики и общности имущества.

«Утопия» Мора — роман, ставящий целью показать общность в действительности, общность, в которой отсутствуют деньги, но в основу которой положено воспитание, коллективный труд, полное равенство прав, имущества и благосостояния.

«В других местах, — говорит Мор, — можно видеть благородных и т.д., которые богаты и счастливы, тогда как бедные рабочие несчастнее вьючных животных... Богатые под видом законности грабят и насилюют бедных. Когда я рассматриваю все эти республики (common-wealths), почитаемые цветущими, которые покрывают землю, я вижу в них только своего рода заговор богатых с целью все захватить под прекрасным предлогом общественного блага, удержать все, что они собрали незаконным путем, грабить и эксплуатировать бедных... Как только богачи освятили свои захваты законами, ими написанными и выдаваемыми ими как якобы составленными в общем интересе, их захваты становятся законными... И, однако, эти злые богачи, все захватывающие, не так счастливы, как жители «Утопии», которые, уничтожив деньги, уничтожили все заботы, все пороки и все преступления... Иисус Христос, хорошо знавший, что лучше всего пригодно для человека, рекомендовал общность, и он распространил бы ее на весь мир, если бы гордость богатых не помешала ему в этом.

...Самолюбие, вероятно, мешает общности составить счастье рода человеческого... Но, хотя и без особенной надежды, я желаю, чтобы мир был устроен по образцу государства, изображенного в «Утопии». Такова, по существу, «Утопия» Томаса Мора.

В ней можно найти, несомненно, всякие недостатки, бесполезные или неудачные детали, непригодные для его времени и, в особенности, для нашего. Но это первое произведение, в котором принцип общности применяется к целой нации, и к великой нации. Это наиболее крупный шаг, сделанный независимостью разума, нравственностью, философией и политикой, и основные принципы «Утопии» кажутся нам самым крупным достижением человеческого разума и будущей судьбой человеческого рода.

В какую эпоху родилась эта великая идея?

В 1516 г., до Реформации, когда невежество и варварство не исчезли еще, когда церковный, королевский и аристократический деспотизм притеснял почти всю землю.

И кто автор этой «Утопии»? Пролетарий, анархист, революционер,

атеист? Это человек, широкое образование которого, таланты и сочинения скоро делают знаменитым и чьи добродетели постепенно возвышают его до должности шерифа, члена тайного королевского совета, посланника, депутата, президента палаты общин, наконец канцлера Англии (первое место в королевстве после суверена), фаворита страшного Генриха VIII.

Ему уже исполнилось тридцать шесть лет, он занимает место посланника и прославился уже другими произведениями, когда он опубликовал свою «Утопию», и это сочинение не мешает Генриху VIII избрать его своим первым министром!

Эта «Утопия» вызывает удивление и восхищение ученого и философского мира, в особенности за пределами Англии. О ней так много говорят, она так хорошо известна, что название ее переходит в общеупотребительный язык, как новое существительное. Говорят всегда: утопия, когда хотят сказать, что речь идет о новом и воображаемом совершенстве, ибо короли и аристократы вполне признают, что введение «Утопии» было бы совершенством, но утверждают и повторяют при этом, что она так же неосуществима, как и государство Платона.

И присмотритесь, что за человек Томас Мор. Весьма религиозный, христианин, католик, убежденный, что папа есть единственный законный глава церкви, противник нарождающегося протестантизма, канцлер Англии предпочитает немилость своего короля и даже смерть — лжи! Генрих VIII объявил себя английским папой, отверг свою жену Екатерину Арагонскую, чтобы жениться на Анне Болейн, несмотря на противодействие папы, и приказал своим подданным принести ему присягу в том, что они признают его развод, брак и папство, а Томас Мор отказывается принести эту присягу и предпочитает подать в отставку, чем поступить против своей совести, высказав ложь. Его репутация мудрости и добродетели так велика и пример его может быть так заразителен, что Генрих VIII приказывает арестовать его. Так как угроза судебного процесса, затем осуждения не оказала на Мора никакого влияния, то он осужден комиссией на смерть через повешение, на четвертование, когда он будет еще наполовину жив, на вскрытие живота, на сожжение внутренностей, на прикрепление четырех частей его тела к четырем воротам Лондона и на выставление его головы на мосту на пике. Так как угроза этой ужасной и варварской казни не могла у него вырвать требуемой присяги, то тиран заменил наказание простым отсечением головы, и бывший канцлер Англии погиб в 1535 г., как Сократ и Иисус Христос, вызывая всюду удивление как мудрец и почитание у католиков как мученик.

Таков автор «Утопии», друг знаменитого Эразма, который восторгается им, один из людей, чьи знания, мудрость и добродетели приносят великую честь Англии, один из гениев, наиболее бескорыстных и наиболее преданных друзей человечества (гораздо более достойный статуи, чем те, которые изобретают машину в погоне за состоянием), новый Ликург, Солон, Пифагор, Сократ, Платон и, я сказал бы, почти Иисус Христос.

И скажите, что представляют собой хулители «Утопии» в сравнении с Томасом Мором?

Я мог бы высказать те же соображения по поводу неаполитанского монаха Кампанеллы, умершего в 1639 г., знаменитого своим умом и познаниями. Он провел двадцать семь лет в казематах инквизиции, считая тюрьму своей могилой, интересуясь исключительно счастьем человечества и обдумывая долго и без книг все его беды и средства против них, написал «Республику», или «Государство солнца», основанную, как государство Платона и Мора, на общности имущества.

И я вам мог бы перечислить и других деятелей того же рода. Но остановимся сначала на Реформации.

К сожалению, я не могу дать очерка учений Лютера, Цвингли, Кальвина, Сервета, ста других реформаторов или апостолов реформы. Вы увидели бы, что это опять-таки учение Платона и Иисуса Христа: равенство, братство, общность имущества.

Но послушайте священника Мюнцера, выступающего в Германии:

«Мы все — братья. Откуда же происходит эта разница рангов и имуществ, которую тирания ввела между нами и великими мира сего? Почему мы будем стенать в бедности и будем страдать от всяких зол, когда они утопают в наслаждениях? Разве мы не имеем права на равенство благ, которые по своей природе предназначены для распределения без всяких различий, между всеми людьми? Верните нам, богачи наших дней, жадные захватчики, верните нам блага, которые вы так несправедливо присваиваете себе! Не только как люди имеем мы право на равное распределение благ богатства, но и как христиане.

Потребуем обратно нашу свободу с оружием в руках; откажемся платить налоги, которыми нас давят (ибо налог есть определяющая причина почти всех революций), и сделаем все блага общими!»

Принятый как пророк, Мюнцер скоро получает в свое распоряжение армию анабаптистов, сбегавшихся со всех сторон Германии и провозглашающих общность имущества. Но три тысячи из них гибнут в сражении, другие рассеяны, а Мюнцер казнен.

Другие два апостола собирают более сорока тысяч анабаптистов в Швабии и Франконии и защищают с торжеством свое учение, пока не гибнут с энтузиазмом мучеников.

Иоанн Лейденский возобновляет борьбу, собрав другую армию, и захватывает город и епископство Мюнстер. Но епископ при помощи предателя берет его в плен, приказывает разодрать его тело раскаленными клещами и выставляет его труп в железной клетке на вершине башни.

Все эти поражения не мешают тому, что Германия и Север наводняются анабаптистами. Но они в конце концов терпят поражение и подвергаются всюду преследованиям.

«Сколько размышлений возникает здесь (говорят авторы «Библиотеки государственного человека») по поводу ужасов фанатизма, злоупотреблений религии, необходимости народного просвещения, а также из-за восстаний, вызываемых чрезмерными налогами, наглой

пышностью богачей и крайней нищетой бедных!»

Что касается меня, то я привожу эти факты не для того, чтобы одобрять или порицать, а чтобы показать, сколько приверженцев имеют равенство и общность имущества.

Богатые борются с новаторами,— это понятно; они более искусны, лучше дисциплинированы и побеждают, — и это опять-таки вполне понятно. Война свидетельствует об отвращении, которое народ питает к неравенству, но победа не свидетельствует о справедливости неравенства.

Преследуемые всюду, анабаптисты превращаются в моравских братьев, которые отказываются от насилия, но сохраняют свою любовь к братству и организуют несколько общин, от тысячи до трех тысяч рабочих в каждой.

Но в Англии, где, начиная с 1381 г., один проповедник мог привести в Лондон свыше ста тысяч человек под знаменем равенства и где в 1399 г. доктор Виклеф мог образовать многочисленную секту лоллардов, сторонников общности имущества, учение анабаптистов, или моравских братьев, распространяется простым рабочим, Фоксом. Он основывает новую секту квакеров, из которой скоро выходят армии пуритан и уравнилелей (левеллеров), тогда как все протестанты, т.е. миллионы людей, принимают в том или ином виде принципы равенства, братства и общности.

И после этого осмеливаются еще говорить, что равенство имущества и общность не имеют сторонников!

И не только пролетарии, бедные и невежественные, но богатые и благородные, философы и священники исповедуют эти принципы.

Послушайте, например, Массильона и, в особенности, отца Бридена, громящих аристократию.

Послушайте Фенелона, епископа Камбре, и, в особенности, аббата Флери, который, рассказав об общности имущества, установленной Иисусом Христом и осуществленной его апостолами и первыми христианами, восклицает:

«Вот, следовательно, осязательный и реальный пример этого равенства имущества и этой общей жизни, которую законодатели и философы древности рассматривали как наиболее пригодное средство сделать людей счастливыми, но не могли этого осуществить... Они хорошо видели, что для создания совершенного общества нужно отменить «твое» и «мое» и все частные интересы. Но только милость Иисуса Христа могла изменить сердца и излечить испорченность природы. Поэтому источником общности имущества среди христиан Иерусалима была благотворительность, делавшая всех братьями и объединявшая их как бы в одну семью, где все дети кормятся на одни и те же средства заботами отца, который, любя всех одинаково, не оставляет их в нужде».

Возьмите иезуитов, организующих общность имущества и труда в Парагвае и осуществляющих ее у 29 народностей, составляющих 32 поселка, охватывающих 22761 семью и 121000 человек!

Возьмите также Пенсильванию, колонизированную анабаптистами,

моравскими братьями, квакерами, устанавливающими там равенство, и немецкой сектой, думплерами, осуществляющими общность имущества в городе, ими построенном и названном Евфрат!

Но вернемся к эпохе Реформации и обратимся к философам и писателям.

Я не буду говорить вам ни о Бодене, первом политическом писателе нового времени, который в своей «Республике» объявляет равенство состояний невозможным, признавая в то же время, что богатство одних и нищета других являются причинами восстаний; ни о Ланке, который в 1581 г. провозглашает суверенитет народа и утверждает, что власть была доверена обществу только для того, чтобы оно защищало бедных против богатых. Я не буду говорить о канцлере Беконе, который в своей «Новой Атлантиде» требует, чтобы каждому обеспечили средства существования, считает, что нищета и недовольство являются причиной смут, и требует организации общества ученых, обязанных собирать все научные знания других стран и производить всевозможные опыты, необходимые для достижения новых изобретений; ни о Ла Боэси, который пытается оживить республиканские принципы в своем «Трактате о добровольном рабстве».

Но я перехожу к голландцу Гроцию, бежавшему в Париж. Он считается самым ученым человеком своего времени, он возбуждает удивление и энтузиазм современников, отделяя естественное, или божественное, право от права человеческого; он первый дает полную систему естественного права и в своем «Трактате о войне и мире», опубликованном в 1625 г. и посвященном Людовику XIII, от которого он получал пенсию, он признает (хотя и желая услужить королевской власти, которая платит ему), что бог установил общность имущества и что эта общность земли существовала бы еще и доньше, если бы пороки не разорвали связь братской дружбы; он утверждает, что собственность является следствием раздела между всеми народами и последующего равного раздела между всеми семьями с условием, чтобы в случае крайней необходимости имущества всегда считались общими.

Немного позже, в 1636 г., англичанин Гоббс, также выступивший в защиту королевской власти против республиканцев, угрожавших ей в Англии, превозносит абсолютную монархию в своей книге, названной «De Cive» («О гражданине»), затем в своем «Левифане», и утверждает, что человек от природы зол. Однако он признает также, что люди равны по природе, что она всем дала право на все и что неравенство есть порождение общества и злой воли. «Кто предоставил, — говорит он, — ранг и собственность каждому отдельному лицу? Почему одни живут в изобилии, а другие имеют средний достаток или живут в нужде? Почему существуют хозяева, слуги и рабы? В силу злой воли людей!»

Но Харрингтон опровергает учение Гоббса об абсолютной монархии и публикует свою «Республику Оцеана» (1656), система которой могла быть немедленно осуществлена в Англии. Он надеется, что Кромвель примет ее; признавая, что наследственная аристократия и неравенство имуществ суть причины всех революций, он устанавливает максимум

недвижимой собственности с доходом от двухсот до пятисот франков, суверенитет народа, всеобщее голосование, сенат из трехсот, палату из тысячи депутатов, исполнительный совет из семи членов, всех выборных и временных, без всякой наследственности, с совместным воспитанием.

И кто такой этот республиканец Харрингтон, сторонник равенства имущества?— Дворянин, связанный с Карлом I, которого он провожает до эшафота; придворные Карла II после Реставрации требуют от него, чтобы он изложил свои взгляды монарху, и он умирает жертвой своей преданности свободе. Разве не достоин вашего удивления также Сидней, сын графа Лейстера? Республиканец при Карле I, он в своем «Рассуждении о правительстве», найденном в рукописи среди его бумаг, с энтузиазмом защищает суверенитет народа и восхваляет свободу как наиболее драгоценное сокровище. Он погиб мучеником в 1683 г.

Разве не достоин удивления и бессмертный Мильтон? Получив от парламента поручение ответить на «Защиту короля Карла I», составленную Сальмазием по настоянию Карла II, он пишет в 1651 г. «Защиту английского народа», в которой утверждает, что короли — не отцы, а сыновья народа, создающего их, что народ включает всех граждан без различия, и если народ имеет недостатки, то они являются делом и преступлением деспотизма, результатом роскоши и нищеты. Получив от врачей предупреждение, что он потеряет зрение, если будет продолжать писать, он отвечает, что не может колебаться между своим долгом и своим зрением, и действительно слепнет. Накануне Реставрации, не боясь ее мести, он публикует план республики.

Но вот и Локк! Противники равенства и общности, послушайте Локка, одного из славных людей Англии, одного из самых блестящих светочей философии. Послушайте, как он с опасностью для жизни провозглашает при Карле II суверенитет народа, равенство, естественную и первоначальную общность имущества и порицает захватничество богачей. Послушайте, что восклицает он в своем удивительном «Гражданском правительстве»:

«Тот, кто владеет имуществом свыше своих потребностей, преступает границы разума и элементарной справедливости и похищает то, что принадлежит другим. Всякий излишек есть узурпация, и вид нищего должен был бы пробуждать угрызения совести в душе богача. Разверженные люди, утопающие в роскоши и наслаждениях, трепещите при мысли, что наступит день, когда несчастный, которому нехватает необходимого, научится познавать права человека». Послушайте его дальше: «Обман, недобросовестность, корысть создали то неравенство в имуществах, которое составляет напасти человеческого рода, нагромождавая, с одной стороны, все пороки вместе с богатством, а с другой — все бедствия вместе с нищетой. Поэтому философ должен считать деньги одним из самых губительных изобретений человечества».

Послушайте, что он говорит в другом месте: «Восстания всегда происходят из ошибок правительств... Как только король становится деспотом или тираном, он восстает против народа, он отрекается, он сам свергает себя с трона... Восставший народ есть суверен, защищающийся

от притесняющего его приказчика».

Послушайте также, что восклицает Кондорсе:

«Многие писатели (Гроций, Гоббс, Барбейрак и др.), предпочитая пенсию королей благу народов, предали народы королям. Не заслуживает ли поэтому удивления и признательности народов Локк за то, что он защищал их против королей оружием разума и морали!»

И Локк сообщает нам, что епископ Биллон, Брактон, Фортескью и автор «Зерцала писали в том же духе.

Послушайте еще английского епископа Кэмберленда. В своем «Философском трактате об естественных законах», опубликованном в конце XVII столетия, он основывает всю нравственность на божественном принципе всеобщего благоволения или братства, равенства и общности имущества. Он признает, что бог создал землю общей для всех, все имели право при разделе, этот раздел был произведен с целью обеспечить каждому навсегда его часть или его собственность, и, таким образом, не должны были бы существовать бедные; ради сохранения мира необходимо уважать существующую собственность, но богатый должен отдавать бедному свой излишек!

Послушайте барона Пуффендорфа, профессора естественного права в Германии и государственного советника в Стокгольме и Берлине. В своем «Естественном и международном праве», опубликованном в том же году, он опровергает учение Гоббса и Гроция об абсолютной монархии, провозглашает естественное равенство, братство, первоначальную общность имущества и признает, что собственность есть человеческое учреждение, сна возникла из полюбовного раздела, имевшего целью обеспечить каждому, и в особенности работнику, постоянное, нераздельное или раздельное владение, и, следовательно, несуществующее ныне неравенство имуществ есть несправедливость, влекущая за собой другие неравенства только в силу бесстыдства богачей и трусости бедняков.

И Барбейрак в Голландии (хотя и получающий пенсию от английского короля, которому он посвятил свое произведение), знаменитый Вольф в Германии, Бурламаки в Женеве, Ватель во Франции исповедуют те принципы относительно естественного же права.

И Боссюэ, епископ в Мо и наставник французского дофина, знаменитый Боссюэ, — разве не признает он в своей «Политике», извлеченной из священного писания, которую он составил для дофина, что «не будь правительств, земля и все блага были бы таким же общим достоянием всех людей, как воздух и свет; согласно примитивному естественному праву, никто не имеет особого права на что-либо; все принадлежит всем, и только гражданское правительство порождает собственность».

Вы думаете, быть может, что «Республика» Платона, «Утопия» Томаса Мора, «Государство солнца» Кампанеллы и «Республика Оцеана» Харрингтона — единственные политические романы этого рода? Есть еще много других, из которых я назову вам только те, которые появились в конце XVII или в XVIII столетии и основаны на равенстве и общности

имущества: «Республика Севарамбов», изданная в Брюсселе в 1677 г.; «Золотое зеркало», опубликованное в Германии Виландом; «Республика философов», приписываемая Фонтенелю; «Республика Сессаресов», изданная в Лондоне в 1764 г. и «Базилиада» Морелли, изданная в 1753 г.

Когда «Республика Севарамбов», изданная на французском, немецком, итальянском и английском языках, подверглась в Германии нападкам журналиста, пользовавшегося большой известностью, видные ученые, и в особенности знаменитый Томазиус, публично выступили в ее защиту и в защиту общности имущества.

«Все эти политические трактаты, — говорят авторы «Библиотеки государственного человека», — в форме романов, допускающие общность имущества, слишком легко отвергаются, как не имеющие почти никакого возможного применения к нашему общественному порядку и к нашим правительствам. На них смотрят как на честные мечтания, не принимая во внимание, что нескладные системы наших патентованных мыслителей часто значительно ниже этих мечтаний честного человека... Что бы о них ни говорили, являются ли эти планы осуществимыми или нет, они всегда содержат взгляды, достойные серьезного внимания законодателей».

Заметьте, впрочем, что автор «Республики Севарамбов» напоминает, что, согласно Юстину, Цезарю и Тациту, ранние народы Италии, ранние германцы и вообще все ранние народы практиковали общность имущества. Скажу вам только одно слово о «Совершенной Республике» знаменитого Давида Юма. Согласно его утверждению, ошибочно думать, что республика невозможна в большом государстве, как Англия или Франция, и он предлагает немедленно установить в Англии республику, основанную на суверенитете народа, разделении территории на сто провинций или сто республик, подразделенных каждая на сто округов, со всеобщим или почти всеобщим голосованием и ежегодными выборами всех сколько-нибудь важных должностных лиц, избираемых десятью тысячами представителей, которые, в свою очередь, избираются народом.

После всех этих политических романов я хотел бы с вами наскоро обозреть республиканский и демократический театр, трагедии Корнеля, Кребийлона, Вольтера, написанные в защиту равенства.

Но я спешу перейти к великим философам XVIII в. и начинаю с Монтескье.

Итак, что же именно говорит барон де Монтескье, президент Бордоского парламента, аристократ по рождению и положению, бессмертный автор «Духа законов», который называют шедевром человеческого ума? Слушайте:

«Естественное равенство и законы природы предшествуют обществу и положительным законам... Все граждане должны иметь право подавать свой голос для выборов своих представителей, за исключением находящихся в таком низком положении, что считаются не имеющими собственной воли... Избрание представителей вполне доступно народу... Народ прекрасно приспособлен для производства выборов и избрания тех, кому он должен передоверить некоторую часть своей власти,.. В

Риме Сервий Туллий провел аристократическое разделение на классы, давшее богачам монополию избирательного права... Как только устанавливается какой-нибудь ценз для избирателей, образуется аристократия... Лучшая аристократия — это та, где избирательный ценз в высшей степени мал и число лиц, не имеющих избирательных прав, в высшей степени незначительно.

Крит, Спарта, Пенсильвания, Парагвай представляют примеры того, что может сделать воспитание... Что касается Парагвая (где иезуиты установили общность имущества), то видели преступление иезуитов в том, что они там больше всего искали наслаждения властью, но властвовать над людьми, делая их более счастливыми (при помощи общности) — дело прекрасное. Слава им, что они первые осуществили в этих странах начала религии вместе с началами гуманизма. Они предприняли великое дело и добились успеха: они вывели из лесов рассеянные народы, дали им обеспеченное существование, одели их и развили промышленность среди них».

Слушайте, слушайте!

«Те, кто захотят создать подобные учреждения, установят общность имущества платоновской республики, почитание, какого он требовал к богам, отделение от иностранцев для сохранения нравов и ведения торговли только самой республикой помимо граждан; они будут развивать наши искусства без нашей роскоши и будут удовлетворять наши потребности без наших прихотей; они запретят деньги, действие которых заключается в том, что они увеличивают богатства людей выше пределов, поставленных природой, и развращают нас.

Учреждения этого рода могут быть пригодны в республике и могут существовать в небольшом государстве, где можно организовать совместное воспитание, воспитать целый народ как одну семью и производить обмен быстро и без денег. [Это можно делать и в большой стране.]

Так как люди отказались от своей естественной независимости, чтобы жить под сенью политических законов, они отказались и от естественной общности имущества, чтобы жить под сенью гражданских законов: отсюда — собственность.

Любовь к демократии — это любовь к равенству и умеренности. Каждый должен наслаждаться одинаковым довольством и одинаковым благосостоянием и пользоваться одинаковыми радостями, питая одинаковые надежды.

Действительное и совершенное равенство так трудно установить, что крайняя точность не всегда применима; достаточно, чтобы был установлен ценз, который суживает или фиксирует пределы, а уж после этого особенные законы выравнивают, так сказать, неравенство при помощи тягот, возлагаемых на богатых, и облегчений, предоставляемых бедным. Аграрные законы или новый раздел земель, которых так настоятельно требовали в Риме, были по своей природе спасительны. Они опасны только, если вводятся внезапно.

Ромул, Нума и Сервий Туллий тоже делили земли между римлянами

и хотели, чтобы каждая семья сохраняла свои участки но затем было разрешено передавать их по завещанию, и это разрешение повлекло за собой губительное различие между богатыми и бедными. Несколько участков сосредоточивалось в руках одного; одни граждане имели много, бесконечное число других не имело ничего. Так народ, постоянно лишаемый своего надела, требовал беспрестанно нового передела земель».

Вы видите, следовательно, что Монтескье не был врагом ни равенства, ни всеобщего голосования, ни аграрных законов, ни даже отмены денег, ни даже общности имущества.

Послушайте теперь Руссо, автора бессмертного «Общественного договора», который всегда будет вызывать восхищение грядущих веков. Слушайте!

«Люди равны по своим правам... Природа сделала все блага общими... Каждый мог завладеть необходимой ему свободной землей, которую он хотел обрабатывать сам: занятие земли сверх этой было узурпацией... До вступления в общество каждый имел только свое владение; вступив в общество, каждый его член отдает все в общую собственность, свою личность и свое достояние. Все блага принадлежат обществу, которое ими пользуется или делит поровну или не поровну. В случае раздела доля каждого становится его собственностью. Во всех других случаях общество является единственным собственником всех благ».

Слушайте дальше!

«Социальное равенство — более совершенно, чем естественное равенство, потому что в обществе все люди должны быть равны по соглашению, хотя они неравны по силе и уму... При плохих правительствах это равенство является только иллюзорным; оно служит лишь для того, чтобы держать бедного в нищете, а богатому обеспечивать то, что он захватил. В действительности законы всегда полезны тем, кто владеет, и вредны тем, кто не имеет ничего, откуда следует, что только такой общественный строй выгоден людям, при котором они все имеют что-нибудь и никто из них не имеет слишком много.

Если вы хотите сделать государство устойчивым, старайтесь сблизить крайние ступени насколько это только возможно. Не допускайте существования ни богатых людей, ни нищих; эти два состояния, неразлучные по своей природе, одинаково губительны для общества: из одного выходят тираны, из другого — пособники тирании».

Слушайте, слушайте дальше Руссо в его «Политической экономии»:

«Желаем ли мы, чтобы народ был добродетелен? Начнем с того, что научим его любить отечество... Но как будет он любить его, если оно не является для него чем-либо большим, нежели для иностранцев? Пусть оно защищает бедного против тирании богатого. Величайшее бедствие уже совершилось, если имеются бедные, которых нужно защищать, и богатые, которых нужно сдерживать... Поэтому одна из важнейших задач правительств заключается в том, чтобы предупреждать крайнее

имущественное неравенство, не отнимая сокровищ у их владельцев, не лишая всех средств накапливать их, не устраивая приюты для бедных, а гарантируя граждан от опасности стать бедными... Нужно, чтобы налог падал только на излишек и чтобы он был не только пропорционален, но и прогрессивен... И главным образом следует формировать людей и граждан при помощи государственного, равного и общего воспитания».

Слушайте, слушайте дальше Руссо!

«До того как были придуманы эти ужасные слова «твое» и «мое», до того как образовалась природа жестоких и грубых людей, которых называют господами, и другая порода людей — плутов, лжецов, которых называют рабами; до того как появились люди достаточно отвратительные, чтобы осмелиться иметь излишек, в то время как другие люди умирают с голоду, до того как взаимная зависимость вынудила их всех стать обманщиками, завистниками, предателями... я хотел бы, чтобы мне объяснили, в чем могли тогда заключаться их пороки, их преступления...»

Впрочем, под республикой Руссо понимает всякое правительство, даже монархическое, руководимое общей волей.

Слушайте, что говорит Гельвеций в книге «О человеке и его воспитании»:

«Все нормальные люди рождаются с почти равными умственными способностями; только законы, воспитание и условия создают различия между ними.

...Хорошо понятый частный интерес совпадает с общественным интересом.

...Порок и добродетель определяются только своим противоречием или согласием с общим благом.

Ели каждый гражданин является собственником в государстве, то число краж незначительно. Если, напротив, большинство граждан лишено собственности, то воровство становится общим стремлением.

Какое средство можно предложить против этой болезни? Единственное, которое я знаю, это было бы увеличение числа собственников и новый раздел земель... Но этот раздел всегда трудно осуществить.

Когда в одной и той же нации насчитывают богатых, нуждающихся, собственников, негоциантов и т.д., то невозможно, чтобы интересы всех этих различных групп были одинаковы... Нет ничего более противного национальному интересу, как большое число пролетариев, потому что они всегда находятся в полной зависимости от торговцев или аристократии.

Чтобы излечить зло, нужно было бы постепенно изменить законы и управление и, в особенности, отменить деньги, способствующие росту неравенства состояний.

Но можно ли без денег пользоваться известными удобствами жизни? — О, богатые и могущественные, вы, задающие этот вопрос, разве вы не знаете, что страны денег и роскоши — это те, где народы наиболее несчастны? Занятые исключительно удовлетворением ваших, фантазий,

неужели вы считаете себя всей нацией? Разве вы одни в природе? Разве вы живете в ней без братьев?.. Вы, люди, лишенные стыда, человечности и добродетелей, сосредоточивающие все свои привязанности только на себе самих, знайте, что Спарта не знала роскоши, не знала денег, и все же Спарта была счастлива. Знайте, что, согласно Ксенофону, из всех греков спартанцы были самыми счастливыми.

В странах с денежным обращением деньги часто являются наградой за порок и преступление... Богатства там часто скопляются в руках людей, повинных в низостях, интригах, шпионстве и т.д. Вот почему денежные награды, почти всегда присуждаемые пороку, порождают столько порочных и почему деньги всегда рассматривались как источник порчи нравов.

В стране, где нет денежного обращения, легко поощрять таланты и добродетели и изгонять пороки.

Жажда богатства... всегда сопряжена с грабежом и вымогательством... Строительство портов, снабжение армии, разрешение образовать торговую компанию, война, предпринятая, как говорят, для защиты чести нации,— все является предлогом, чтобы грабить народ... Все пороки, дети жадности... укореняются в государстве, заражают в нем последовательно все отрасли и приводят, наконец, к его разрушению.

Почему государства населены только несчастными? — Бедствие народов, являющееся почти всеобщим, вызывается несовершенством их законов и слишком неравным разделом богатств. В большей части королевств существуют только два класса граждан. Один лишен необходимого, другой утопает в избытке.

Первый может удовлетворять свои потребности только путем чрезмерного труда, который является физическим злом для всех и пыткой для некоторых; второй живет в изобилии, но томится в скуке.

Что делать, чтобы вернуть счастье? — Уменьшить богатство одних, увеличить богатство других, обеспечить каждому какую-нибудь собственность, поставить бедного в положение достатка, который делает для него необходимым труд только в течение семи или восьми часов, дать всем воспитание.

Но в каком европейском государстве можно было бы теперь (в 1770 г.) установить это менее неравное распределение национальных богатств? Рассчитывать на близкую возможность его несомненно нельзя... Однако изменения, наблюдаемые повседневно в строе всех государств, доказывают, что эта возможность, по меньшей мере, не есть платоническая химера [а что сказал бы он в 1836 г.?]... В более или менее отдаленном будущем, говорят мудрецы, все возможности должны стать действительностью. Зачем отчаиваться в будущем счастье человечества?.. Оно будет результатом лучшего законодательства».

И он предлагает установить республику во Франции, разделить ее на тридцать небольших союзных республик; каждая из них выбирает четырех депутатов, составляющих вместе Верховный совет из ста двадцати членов, и обосновать эту республику на прекрасном воспитании, в свою очередь построенном на морали и преданности

общественному благу.

«Но плохое правительство, — говорит он, — не может желать хорошего воспитания для народа, ни правды, ни реформ.

Однако государь должен говорить правду народу, он должен поощрять ее, потому что она необходима для будущего блага человечества... Налагать стеснения на печать — значит оскорблять, нацию; запрещать ей чтение некоторых книг — значит объявлять ее рабыней или слабоумной.

Правда всегда полезна народу и даже государям; она гибельна только для того, кто говорит ее.

Но разве каждый человек обязан говорить правду людям? — Если правда вызывает скандал, — говорит св.Августин,— то пусть будет скандал, но правда должна быть сказана. — Не защитник правды,— говорит св.Амвросий, — тот, кто узнав правду, не говорит ее без стеснения и опасения. Я говорю, как и они, и прибавлю, что правда, даже некоторое время сокрытая ложью, пробивается рано или поздно сквозь ее туман».

И кто этот Гельвеций, желающий установления республики, свободы печати, реформ, воспитания, более равного распределения богатств, какой-нибудь собственности для каждого, достатка и счастья для всех? — Это дворянин, генеральный откупщик, богатейший человек, чье первое сочинение «Об уме» вызывает удивление всей Европы и навлекает на автора немилость двора и гнев духовенства, готового осудить его на сожжение. Он запирается в одиночестве с целью написать свое второе произведение, и хочет, чтобы оно появилось только после его смерти как его завещание человечеству:

«Написать это сочинение меня побудила любовь к людям и к истине... Это сочинение покажется смелым людям робким... В истории каждой нации наблюдаются моменты, когда слово благоразумный является синонимом гнусного и когда считают разумным лишь раблепное произведение.

Мое отечество находится под игом деспотизма. Оно поэтому не дает больше знаменитых писателей, ибо свойство деспотизма — душить мысль и добродетель... Униженная Франция составляет теперь предмет презрения Европы. Никакой спасительный кризис не вернет ей свободы; она погибнет от разложения, и с Севера придет счастье человечества.

Но если я первый показал возможность равного распределения благосостояния между всеми гражданами и геометрически доказал эту великую истину, то я счастлив, я могу считать себя благодетелем людей».

Но вы знаете, что тогда образовалась школа философии, секта философов, которые, как и пифагорейцы в свое время, специально занимаются политикой, возводят ее в науку под названием политической экономии, называют себя экономистами, выбирают своим главой врача Кене и Мирабо-отца в качестве его заместителя, опубликовывают свое учение в сочинении под названием «Естественный и существенный порядок политических обществ» и защищают его в журнале под

названием «Эфемериды гражданина».

Они хотят, чтобы существовала земельная собственность, свобода во всем и, как следствие этого, неравенство состояний и власти. Но они хотят также братства народов и людей, общего блага, безопасности, воспитания народа, усовершенствования земледелия и промышленности, свободы накопления крупных капиталов, производства, изобилия, богатства, роскоши, свободы торговли, промышленности и конкуренции, без патентов и каких-либо препятствий с лозунгом: «Laissez faire, laissez passer»; единого налога, поземельного налога; любви, благотворительности и взаимной помощи между гражданами; общего блага как основы индивидуального блага; наследственной, конституционной и законной монархии, действующей только в интересах общества.

И чтобы достигнуть всех этих счастливых результатов, они хотят сохранения собственности и неравенства, крупных состояний и крупных капиталов, как будто последние не повлекли бы за собой прямо противоположные результаты и как будто результаты, которых они добиваются, не так же трудно получить, как и социальное равенство и общность имущества!

Поэтому все учение экономистов кажется мне чудовищной непоследовательностью, и вы, несомненно, придете к тому же заключению, что и я. Послушайте их!

Послушайте маркиза Мирабо, друга людей: «Человек общителен и жаден. Его общительность, толкающая его в ряды общества, порождает все добродетели, тогда как его жадность, побуждающая его присваивать себе все блага, имеет тенденцию разлагать общество и порождает все пороки. Отсюда следует, что первая и наиболее важная забота правительства заключается в том, чтобы направлять нравы к общительности и отвращать их от жадности... Из всех народов, во все времена, ни один не жил более просто, не дорожил больше своим образом жизни и не считал себя более богатым, чем те, которые жили в наибольшем общении».

Послушайте Тюрго в его «Основании и распределении богатств»:

«Только в результате труда тех, кто первыми обработали поля и огородили их, чтобы обеспечить себе урожай, все земли перестали быть общими, и установилась земельная собственность... Ряд причин естественно установил первенство между земельными собственниками... Каждый, однако, обрабатывал землю только для себя, и никто не хотел обрабатывать для другого... Но люди-насилыники придумали тогда обращать других в рабство и принуждать их работать для себя; это рабство представляет нарушение всех прав человечества, отвратительный, хотя и всеобщий, обычай, ужасный разбой».

И вот именно в этом заключается главный источник собственности и неравенства.

Послушайте знаменитого англичанина Смита в его «Богатстве народов»:

«Крупные собственники были вначале очень гостеприимны и

кормили много народу. Но торговля и мануфактуры доставили им средства накопления. Все для себя и ничего для другого, казалось, было всюду и всегда низким принципом господ человеческого рода». Он признаёт, что люди рождаются с почти равными умственными способностями, что мелкие собственники лучше обрабатывают свои участки, что хорошее правительство заинтересовано в том, чтобы дать воспитание народу, и что налог не должен падать ни на плату за труд, ни на предметы первой необходимости.

Не буду цитировать вам множество других экономистов, которые все допускают неравенство состояний, требуя невозможных при нем результатов.

Но послушайте Мабли, который в своей книге «Сомнения по поводу естественного и существенного порядка политических обществ» отвечает этим экономистам:

«Соответствуют ли или противны естественному порядку земельная собственность и неравенство положений? Я опасаясь, что ваш естественный порядок является, наоборот, противоестественным. Там, где я вижу земельную собственность, я вижу неравные состояния, и не должны ли из этих непропорциональных состояний вытекать различные противоположные интересы, все пороки богатства и все пороки бедности, огрубение умов, испорченность нравов, все предрассудки и все страсти, неизбежно затемняющие ясное понимание вещей? Раскройте труды по истории, и вы увидите, что все народы страдали от имущественного неравенства. Граждане, гордые своими богатствами, не хотели считать равными себе людей, обреченных на труд, чтобы поддерживать свое существование. И вы сразу видите, как нарождаются несправедливые и тиранические правительства, пристрастные и несправедливые законы и, — чтобы все сказать в одном слове, — множество бедствий, от которых стонут народы.

Вот картина, которую представляет история всех народов. Поднимитесь до источника всего этого беспорядка, и вы найдете его в поземельной собственности.

Я не могу обойти благотворное начало общности имущества, которая применялась в Лакедемоне в течение шестисот лет, и в Парагвае. Можно ли сомневаться, что в обществе, в котором корысть, тщеславие и честолюбие были бы неизвестны, последний гражданин был бы более счастлив, чем теперь наши самые богатые собственники?

Установить общность имущества, а после этого установить равенство состояний и положений и утвердить на этом двойном равенстве счастье людей будет уже самым легким делом».

Послушайте дальше Мабли, этого аббата, чьи таланты и милость его родственника, кардинала и министра, сулили ему почести и богатства. Но он предпочел им бедность, уединение, добродетель, научные занятия и философию. Слушайте, что он говорит в своих «Основах законодательства»:

«Законы, вызывающие стремление к приобретению богатств, к торговле, роскоши, жадности, честолюбию, разрушают взаимную

доброжелательность, основу счастья и мирного общежития... Излишки одних порождают нищету других... И законы, допускающие огромные состояния, являются причиной всех зол, картину которых рисует нам история.

Именно с равенством природа связывает счастье и сохранение всех социальных благ, и именно равенство должен законодатель поддерживать в имуществе и положении граждан. Имущественное неравенство порождает корысть или жадность, низость и жестокость; неравенство положений — гордость и тщеславие, честолюбие и узурпацию, и это двойное неравенство порождает деспотизм, тиранию, раздоры, гражданскую войну и революции.

Кто может отрицать, что, выйдя из рук природы, мы не находились в самом полном равенстве? Разве она не дала всем людям одинаковые органы, одинаковые потребности, одинаковый разум? Разве блага, которые она распространила на земле, не принадлежали им сообща? Разве она создала богатых и бедных?»

Слушайте, слушайте дальше!

«История Спарты доказывает, что мы можем найти счастье только в общности имущества и что собственность следует рассматривать как первую причину неравенства состояний и положений, а следовательно и всех наших бедствий...»

Когда люди сознали необходимость обрабатывать землю, их первая мысль вовсе не была — совершить раздел и установить право собственности. Гораздо вероятнее, что они работали сообща и собирали урожай сообща, как они странствовали, охотились и сражались сообща. Природа все приготовила, чтобы привести нас в общности имущества и удержать от падения в пропасть, куда нас бросила собственность.

Даже если бы при общности имущества урожаи были менее обильны и население менее многочисленно, то не было ли бы предпочтительнее для человеческого рода иметь больше добродетелей и меньше плодов и насчитывать на всей земле лучше один миллион счастливых людей, чем бесчисленные стада рабов, прозябающих в огрубении и нищете?.. Но при режиме общности земля как хорошо обрабатывалась бы и была бы плотно населена, как только это возможно, потому что именно счастье способствует росту населения,

Собственность делит нас на два класса: богатых и бедных, на богатых, предпочитающих свое счастье защите государства, и бедных, не могущих любить отечество, потому что оно не дает им ничего, кроме нищеты. При режиме общности, напротив, каждый любит и защищает отечество, потому что каждый получает от него жизнь и счастье.

Но разве равенство состояний и положения не есть химера, которую невозможно осуществить? — Тщеславие аристократов и корысть богатых представляют непреодолимые препятствия. [Но Мабли не находит препятствия в природе вещей.]

Было бы легче установить общность имущества среди дикарей.

Хотя нельзя надеяться на превращение всей Европы, причуды судьбы делают все возможным. Быть может, мы увидим, как будет

установлена в каком-нибудь кантоне эта общность имущества, на которую мы не осмеливаемся больше надеяться... Если бы Г. Пени направился в Америку на! двадцать лет раньше, когда усердие квакеров было еще во всем разгаре, он повел бы за собой гораздо большее число квакеров и установил бы общность имущества в обширной Пенсильвании. То, что могло произойти, может еще произойти.

На заре истории всякий закон, который, ослабляя общность имущества, стремился косвенно благоприятствовать установлению собственности, был порочен, но в настоящее время, напротив, всякий закон, стремящийся лишить наши страсти всякого средства нарушить собственность, будет разумен. Словом законы должны вырвать с корнем честолюбие аристократов и корысть богатых.

Чтобы достигнуть этого, нужно непрестанно искоренять любовь к деньгам, подавлять роскошь и бесполезные искусства, издавать законы против роскоши, издавать также аграрные законы, которые ограничивают наследство, приданое, завещание, субституции, которые мешают концентрации и поощряют раздробление. Словом, нужно установить республику без всякой наследственной власти, даже без пожизненной власти, с выборностью и избирательным правом для всех граждан, являющихся по существу рабами (если они лишены избирательных прав), с государственным, всеобщим и совместным воспитанием и преподаванием естественного права или равенства».

И, высказывая эти мысли, добродетельный аббат вовсе не ищет славы, так как он печатает и публикует их за границей, чтобы они принесли пользу человечеству.

И его репутация мудрости, основанная на множестве сочинений, такова, что Польша, Берн, Женева, Корсика и Америка просят у него совета по поводу пересмотра их конституций.

Вернемся к барону Тюрго, министру Людовика XVI в первый год его царствования. Он стремится устранить злоупотребления, проводит ряд реформ, хочет способствовать установлению нового языка и, с целью обеспечить свободу печати, работает лично над изобретением домашнего печатного станка.

Искренний и горячий друг народа, он неустанно старается улучшить его долю и обеспечить его благосостояние. В течение двадцати месяцев он отменяет привилегии и монополии, вознаградив владельцев; он отменяет двадцать три налога, тяготевшие над народом, в первую очередь барщину, и проектирует отменить и много других, главным образом соляной налог; обеспечивает изобилие и дешевизну предметов питания бедняка; prepares новые работы для улучшения дорог; создает Медицинскую школу, покупает много полезных лекарств и вводит их в употребление; основывает много предприятий и мануфактур; приглашает ученых и посылает многих из них в чужие страны.

Он хочет уничтожить крайнее неравенство состояний, помешать образованию громадных богатств, чрезмерным барышам, порче нравов; он хочет всюду распространить достаток вместе с трудом и основать общественное и индивидуальное счастье на воспитании.

«И не говорите, что я пишу роман, — говорит Дюпон де Немур (описывая в своих воспоминаниях о Тюрго благосостояние, какое должно было явиться результатом его планов), — ибо это результат, к которому он пришел бы и осуществление которого заставило бы меня плакать от радости и надежды».

«По его мнению, — говорит Кондорсе (рассказывая про жизнь Тюрго), — природа позволяет человеку присваивать себе только то что ему необходимо, не лишая необходимого другого, однако законы, изданные в угоду более сильным, освятили деспотизм богатых над бедными. Всюду богатые создали неравенство состояний, развращающее небольшую часть граждан и осуждающее остальную часть на унижение и нищету... Предположим, что эти законы заменены теми, которые нам указывают природа и разум. Состояния были бы разделены более равномерно, а самые бедные не страдали бы от зависимости, в какой они находятся от богатых коммерсантов и привилегированных фабрикантов. Не встречались бы больше огромные состояния финансистов и банкиров, источник роскоши и коррупции; собственность была бы так распределена, что все граждане были бы собственниками и избирателями, т.е. была бы республиканская конституция, лучшая и наиболее рациональная из всех конституций, тогда как без избирательного права для всех есть только более или менее порочная аристократия».

«Впрочем, — прибавляет Кондорсе, — Тюрго гораздо больше обвинял дурные учреждения, чем людей, и считал бесконечную способность к усовершенствованию одним из отличительных качеств человеческого рода, даже в отношении умственных способностей и морали».

Но главная замышлявшаяся Тюрго реформа, та, которая должна была породить все другие, состояла в реорганизации всей Франции и разделении ее на муниципалитеты, кантоны и провинции с представительными учреждениями: муниципальными, кантональными, провинциальными и национальными.

В докладной записке королю он предлагает ему признать права людей, реформировать законы, выработать конституцию и ввести затем все улучшения в согласии с представителями нации, провинций, кантонов и муниципалитетов:

«Первое и наиболее важное из учреждений, — говорит он. — более всего способное обессмертить ваше царствование, — это воспитание, нравственное и общественное просвещение, даваемое всем, с книгами, принятыми по конкурсу, и школами в каждом приходе... Если ваше величество одобрит этот план, я осмеливаюсь верить его, что в течение десяти лет нация станет неузнаваема и бесконечно выше всех древних и существующих народов по своему просвещению, нравам и патриотизму.

Необходимо, чтобы деревни были почти равны по своей территории, чтобы каждая имела свое собрание. Но чтобы избежать слишком большой численности и подкупов, только земельные собственники будут членами собрания, в котором каждый будет иметь число голосов, пропорциональное его состоянию.

Необходимо будет затем заменить все налоги и пошлины единым

налогом и пропорциональным поземельным налогом на все земли, даже на земли дворянства и духовенства, пока можно будет отменить и этот налог.

По истечении нескольких лет ваше величество будет иметь новый народ и первый из народов. Ваше королевство удесятерит свои силы; оно будет становиться с каждым днем прекраснее, оно будет походить на плодоносный сад. Европа будет смотреть на вас с восхищением и уважением и ваш народ, этот столь преданный народ, будет питать к вам глубокое почтение».

«Я вполне разделяю идеи Тюрго о воспитании, — говорит один из его друзей в письме к графу М..., — но я хотел бы, чтобы все собственники были в равной степени избирателями. Хорош тот образ правления, при котором учреждения наиболее приближают людей к равенству, ибо равенство было первым требованием природы... Чтобы быть гражданином, достаточно иметь определенный интерес».

Но министр Тюрго не может действовать или, вернее, говорить, как чисто умозрительный философ; окруженный препятствиями, противниками и врагами, подобно Солону, он предлагает не абсолютно лучшее, а лучшее применительно к обстоятельствам, возможно лучшее в тогдашних условиях.

И все-таки, в то время как король заявляет, что только он и его министр являются при дворе друзьями народа; в то время как народ осыпает Тюрго своими благословениями, а философы относятся к нему с восторженным уважением и Вольтер выражает желание поцеловать перед смертью руку, подписавшую столько улучшений в пользу народа, — аристократия устраивает заговоры, вызывает даже голод и бунты, чтобы погубить его, и своей клеветой и интригами натравливает все салоны Парижа против реформатора и губит самого Людовика XVI, принуждая его дать отставку добродетельному министру, который мог бы его спасти.

Говорить ли мне вам о «Словаре моральных и политических наук», или о «Библиотеке государственного человека и гражданина», которая следующим образом высказывается по вопросу об общности имущества;

«Утопия и другие образцы государственного правления, базирующиеся на общественном благе, быть может, неосуществимы лишь вследствие разнуданности человеческих страстей, порочности наших правительств, всегда стремящихся поднять интерес плохо понятого себялюбия выше интереса общности. Но как бы невозможными они ни казались, смешными они могут представляться только порочным людям, которым сознание их собственной испорченности мешает верить в добродетель».

Говорить ли мне об «Энциклопедии», этом обширном резюме древней и новой философии, где мы читаем:

«Старинный обычай Оверни разрешает семейные общины. Известно, что Пингоны, недалеко от города Тьера, существуют таким образом больше шести веков, в силу договора, предписанного мудрым отцом четырех братьев, завещавшим им сделать общими свое имущество и труд... Они живут в большом числе, согласно и разумно, в поселке, кото-

рый они образовали... В этой же местности существует еще несколько ассоциаций этого рода, и еще более процветающих».

Но вот и аббат Рейналь! Послушайте, что он говорит в своей «Философической истории торговли в обеих Индиях». Он признает правовое равенство, но отрицает фактическое равенство и считает его химерой:

«Всегда думали, что народ достигает некоторой силы и некоторого величия только через посредство незыблемой и даже-наследственной собственности. Без незыблемой собственности на земле существовали бы лишь отдельные кочующие и голые дикари, скудно живущие, собирающие плоды и корни. Без наследственной собственности все жили бы только для себя. Человеческий род был лишен всего того, что заставляют предпринимать отеческая нежность, любовь к своему имени и невыразимое наслаждение уготовить счастье своего потомства».

Не буду говорить вам, как эти доказательства легкомысленны и почти недостойны серьезного философа.

Но посмотрите, как он непоследователен:

«В первые века существования мира, до того как образовались гражданские общества, все люди вообще имели право на все блага природы; каждый мог взять, что хотел, пользоваться им и употребить то, что по своей природе годилось для потребления. Такое использование общих благ заменяло собственность, и когда кто-нибудь брал себе вещь таким способом, никто не мог ее отнять у него, не совершая несправедливости».

Не буду говорить вам ни о Кондильяке или Бернардене де Сен-Пьере, ни о благородных итальянцах Беккариа и Филанджиери, ни о швейцарском полковнике де Вейсе или американце Т.Пене, ни о других горячих защитниках равенства.

Но вслед за философами-теоретиками следует еще обратиться к философам-практикам. Посмотрим их дела.

Вот Франклин, изобретатель громоотвода и один из основателей американской республики! Простой рабочий, гений которого сумел похитить молнию у неба и скипетр у тиранов; философ, подобно Бекону, составляющий проект всеобщей ассоциации философов и ученых для нравственного усовершенствования человечества; знаменитый политик, посланный в качестве посланника к дикарям, в Англию и Францию; всюду почитаемый, почти всюду принятый с триумфом, по которому будет носить траур отечество, между тем как Национальное представительство воздаст его памяти торжественные почести.

Вот Вашингтон, американский диктатор и Икар!

Вот Джефферсон и Джон Адамс, которых Америка выберет последовательно своими президентами.

Вот избранные люди тринадцати штатов, собравшиеся на конгресс, чтобы реорганизовать свое отечество!

Слушайте! Они пишут и конгресс провозглашает в начале конституции перед лицом всего мира:

«Бог создал всех людей равными в правах».

Вот многочисленные и, надеюсь, основательные авторитеты в пользу равенства и даже принципа общности. А завтра вы увидите много других.

И когда собрание расходилось, слышно было со всех сторон:

— Я этого не знал! Я не имел об этом никакого представления!

Глава тринадцатая. МНЕНИЯ ФИЛОСОФОВ

О РАВЕНСТВЕ И ОБЩНОСТИ ИМУЩЕСТВА (Продолжения главы XII)

— Вы сейчас увидите других философов за работой.

Послушайте, что говорит Сийес в своей знаменитой брошюре «Что такое третье сословие?» — вышедшей в начале Французской революции!

«Третье сословие, или народ, — это все; если вычтешь дворянство и духовенство, нация стала бы не менее значительной, а более.

До настоящего времени народ был рабом аристократии, а между тем права гражданина принадлежат всем.

Народ требует ныне политических прав. Это законная собственность — одна и та же для всех, независимо от имущественного положения, собственность, которой каждый может свободно пользоваться... Так как закон должен быть выражением общей воли, то двести тысяч аристократов не могут диктовать законы двадцати пяти миллионам французов... Законы, составленные меньшинством граждан, по существу не имеют силы.

Привилегии аристократии — это насильственный захват, несправедливость, нелепость. Разум требует восстановления захваченных прав. Нужно, чтобы общественный порядок заменил беспорядок.

Аристократия предлагает платить налог, подобно народу, и говорит, что тогда все сравнится. Все уравниется! Но, платя налог, аристократия владела бы еще всем, в первую очередь правом издавать законы, составленные в ее пользу против народа. Хотят, чтобы народ был доволен только потому, что аристократия не будет больше освобождена от налогов. Хотят, чтобы новые поколения закрыли глаза на, Новую истину.

Аристократия говорит, что труд принижает, что ремесла презренны, как будто не один только порок должен быть презренным и как будто праздные богачи не более порочны и презренны, чем народ.

Народу нужна настоящая Конституция!

Крупное дворянство хочет иметь две палаты Как в Англии: верхнюю для себя, а нижнюю для мелкого дворянства и народа. Но мелкое дворянство отвергает это, потому что оно хочет равенства для себя, и народ отвергает также, потому что он хочет равенства для себя. Английская конституция, которая могла быть хороша для Англии в 1688 г., непригодна для Франции в 1789 г. Социальный опыт сделал за это время огромные успехи или, точнее, только теперь народился.

Так как французская нация не имела конституции или желает изменить якобы существующую конституцию, нужно было созвать всех граждан, чтобы выбрать представителей с специальным полномочием выработать конституцию.

Чего хотели бы эти привилегированные, так горячо защищающие свои излишки и так усердно старающиеся лишить народ необходимого?

Думают ли они, что возрождение, на которое возлагают столько надежд, коснулось бы только их? Хотят ли они пользоваться несчастным народом только как слепым орудием, чтобы укрепить и освятить свою аристократию?

Что скажут будущие поколения, когда узнают о неистовстве, тайных лигах, ложных тревогах, вероломных маневрах привилегированных против защитников народа?.. Как царствующий дом мог допустить жалких писак изрыгать столь же ужасную, сколь и смешную клевету, наполняющую невероятный мемуар, опубликованный от его имени! Какое насилие и какая глубокая несправедливость!

Реформ не хотят. Народ должен понять, что он может надеяться только на свое сознание и свое мужество. Разум и справедливость – за него Теперь уже не время хлопотать о соглашении партий: какое согласие возможно между ожесточением угнетенных и яростью угнетателей?

Напрасно закрывают глаза на революцию которая уже свершилась. Прежде народ был крепостным, а дворянство – всем. Теперь народ – все, а дворянство только слово, но под этим словом проскользнула новая и несносная аристократия, и народ прав, что не желает аристократов.

Привилегированные, выступающие как враги народа, должны быть лишены избирательного права... Я знаю, что такой принцип покажется сумасбродным большинству читателей, потому что истина должна казаться столь же сумасбродной предрассудку, как последний – истине... Он, может быть, неосуществим сегодня, но я как писатель обязан высказывать истину... Если бы все люди мыслили истинно, то самые крупные перемены не представляли бы ничего трудного, лишь бы они были полезны... Что могу я сделать лучшего, как помочь всеми своими силами распространению этой истины, подготовляющую пути ее осуществления? Сначала ее понимают плохо, мало-помалу умы привыкают к ней, создается общественное мнение, и наконец при ее осуществлении замечают принципы, которые сперва называли безумными химерами. Если бы писатели не соглашались сходить за безумцев, мир был бы теперь менее мудрым.

Правитель вынужден подвигаться медленно, но философ должен идти прямо к цели...

Откровенность почти всегда доказывает искусность, а умолчания или хитрость, которые принимают за благоразумие, являются обыкновенно подлинной глупостью... Преувеличением является мысль о том, что истина может быть разделена на части и легче постигается умом, когда он воспринимает ее постепенно. Гораздо чаще необходим сильный толчок: истина должна предстать во всем своем свете, чтобы произвести те сильные впечатления, из которых рождается страстный интерес к тому, что признаешь верным, прекрасным и полезным».

Послушайте дальше Сийеса в его проекте «Признания прав человека и гражданина», представленном Учредительному собранию 20 июля 1789 г.:

«Природа постоянно внушает человеку жажду благосостояния: это

благосостояние есть его цель.

Так как два человека в равной мере люди, они в равной мере имеют все права, которые вытекают из человеческой природы.

Два человека могут быть неравны по способностям, но из этого не следует, что у них должно быть неравенство прав.

Сила производит действие, но не налагает обязательств. Угнетение не может никогда стать правом для угнетателя, ни обязанностью для угнетенного. Свобода есть всегда право и даже настоятельная обязанность.

Ассоциация есть одно из средств для достижения счастья, которым природа внушает пользоваться; это дополнение к естественному порядку.

Целью ассоциации является счастье всех ее членов, не унижать, а облагораживать и совершенствовать, не ослаблять и уменьшать способности каждого, а увеличивать их и умножать... Следовательно, общественный строй не устанавливает несправедливого распределения прав наряду с естественным неравенством способностей; напротив, он защищает равенство прав против естественного, но вредного влияния неравенства способностей... Социальный закон составляется не для того, чтобы ослабить слабого и усилить сильного, но, наоборот, для того, чтобы защищать слабого против сильного и гарантировать ему полноту его прав.

В естественном состоянии человек не имеет права вредить другому (а потому и владеть излишком, когда другой не имеет необходимого).

Я расчищаю и обрабатываю поле. Оно принадлежало мне, как и всем, оно принадлежит теперь мне больше, чем другим, потому что я имею право первого заимщика (и этого достаточно, чтобы оно стало моей исключительной собственностью, если только для других остается достаточно земли). Ассоциация, возникающая затем, прибавляет, в силу общего соглашения между ее членами, санкцию закона. И нужно предполагать это соглашение и санкцию, чтобы иметь возможность дать слову собственность всю полноту значения, какое мы привыкли придавать ему в наших цивилизованных обществах.

Искусство извлеку все возможные блага из общественного строя есть наиболее важное из искусств

Ассоциация, организованная таким образом, чтобы обеспечить максимум блага для всех

разума и добродетелей

Равенство политическое есть ной и священный

Неравенство политическое было бы привилегией и оно явилось бы источником всех привилегий.

Закон может быть только выражением общей воли».

Послушайте, как ад в плане воспитания, представленном Конвенту, чтобы оно было всеобщим, бесплатным и основанным на принципе республики и равенства,

И кто этот идеолог? Аббат, ученый, который долго занимался наукой и размышлял в уединении; философ, мнение его оказывает огромное влияние на всю Францию в начале 1789 г.; Париж избирает его

инициативе депутатом в Генеральные штаты за его знаменитую брошюру; гений его Мирабо ценит так высоко, что называет его молчание в течение одного дня настоящим общественным бедствием; три департамента избирают его в 8 конвент, где он сидит рядом с Кондорсе и жирондистами и управляет республикански Францией сперва как один из пяти директоров, а затем как один из трех консулов.

Послушайте, что говорит Кондорсе в своем «Ответе Берлинской академии»:

«Мне небезызвестно, что при настоящем состоянии Европы народ неспособен быть истинно нравственным, но тупость народа есть продукт общественных учреждений и суеверий. Люди не рождаются ни тупыми, ни глупыми: они становятся ими. Говоря разумно с народом, обучая его только истинным вещам, можно научить его тому немногому, что ему необходимо знать. Даже идею уважения, которое он должен иметь к собственности богатого, ему трудно внушить только потому, что 1) он рассматривает богатство как форму узурпации и воровства, совершенных у него, и, к несчастью, это мнение в большей части своей истинно; 2) его крайняя бедность побуждает его всегда считать себя находящимся в состоянии крайней нужды, — а в этом очень строгие моралисты были на его стороне; 3) он считает себя презираемым и унижаемым как бедный в не меньшей степени, чем он был бы унижен из-за своего плутовства. Стало быть, единственно потому, что учреждения так плохи, народ сознательно так часто бывает немного вороват».

Послушайте того же Кондорсе в его «Картине успехов человеческих знаний»:

«Наши надежды на будущее человеческого рода могут быть сведены к трем положениям: уничтожение неравенства среди наций; прогресс равенства среди каждого народа; усовершенствование человека.

Существующее неравенство, почти целиком порожаемое несовершенством социальных учреждений, должно постепенно ослабляться и уступить место фактическому равенству — конечной цели общественного устройства.

Неравенство богатств, неравенство положений и неравенство просвещения — вот главные причины всех наших бедствий.

Можно уничтожить эти неравенства многими средствами, а именно при помощи сберегательных касс и страховых учреждений, приспособленных к нуждам масс народа; банков, которые ссужали бы бедным необходимые капиталы; профессионального образования и воспитания; усовершенствования прикладных искусств; усовершенствования законов, восстановлением равенства между женщиной и мужчиной, созданием всеобщего языка».

Послушайте, как он в своем плане воспитания, предложенном Законодательному собранию, признает, что именно: «имущественное неравенство погубило Грецию и Рим; древние историки все были аристократы, и нет ничего удивительного, что они представили как бунтовщические и внушенные духом крамолы и грабежа все попытки, предпринятые в целях восстановления равенства».

Послушайте, как он признает, что если и существует какое-либо естественное неравенство между людьми, то это естественное неравенство может исчезнуть под влиянием воспитания.

Послушайте, как он заявляет, что «воспитание должно быть бесплатное, равное, всеобщее, физическое и умственное, профессиональное, политическое и направленное к действительному равенству между всеми гражданами».

Послушайте, как в своем журнале «Социальное просвещение» он (вместе с Сийесом и Дюамелем) признает, что равенство прав не может быть действительным без имущественного равенства или почти равенства, что необходимое не должно быть обложено, а только излишек, что прогрессивный налог, возрастающий вместе с излишком, справедлив и полезен.

Он не требует ни общности имущества, ни абсолютного равенства богатств; он допускает собственность и некоторое неравенство в положении, а следовательно и в образовании и просвещении; он допускает даже крупных капиталистов. Но он хочет, чтобы не было никакой нищеты и все стремилось к действительному равенству.

Он думает, что все ученые каждой нации могут составить ассоциацию, а все национальные научные ассоциации могут образовать международную ассоциацию, или международную республику наук, чтобы трудиться над реформой и усовершенствованием человечества.

Он верит, наконец, вместе с Тюрго, Прайсом, Пристли в бесконечную способность человека к совершенствованию во всех отношениях, в умственном и нравственном так же, как и в физическом, и даже в продолжительности жизни. Он находит, что уже достигнут огромный прогресс [в 1799 г. Что сказал бы он в 1836 г.!?]; он не видит предела открытиям и усовершенствованиям в науках, искусствах, машинах, промышленности, в человеке, в общественном и политическом строе, и он всему неизменно ставит целью действительное равенство.

И кто такой Кондорсе? — Маркиз, ученый, неприменный секретарь Академии наук, философ. Подвергшись вместе с жирондистами преследованиям и бежав, он посвящает немногие мгновения, оставшиеся ему, чтобы изложить истины, которые он считает полезными для человечества.

Послушайте, что говорит знаменитый Мирабо о следующем законодательном вопросе: может ли собственник распоряжаться своим имуществом по завещанию?

«Если право, которым пользуются граждане, располагать своей собственностью и тогда, когда их уже не будет, может быть рассматриваемо, как естественное или элементарное право, то нет такого положительного закона, который мог бы их лишить этого права, ибо общество установлено не для того, чтобы уничтожить наши естественные права, но чтобы регулировать их использование и обеспечить их действие.

Нужно, следовательно, посмотреть, существует ли собственность в силу законов природы или это — благодеяние общества. Если мы

рассматриваем человека в его обыкновенном состоянии и вне регулярного общения с подобными ему, то кажется, что не может существовать исключительное право ни на какой предмет природы, ибо то, что одинаково принадлежит всем, в действительности не принадлежит никому.

Нет никакого участка земли, никакого естественного продукта земли, которые человек мог бы присвоить себе с исключительным правом. Только по отношению к своей собственной личности, труду своих рук, к хижине, построенной его руками, к животному, которое он сам убил, участку, который он лично обработал, или, скорее, к самой обработке и ее продукту, примитивный человек может иметь настоящую привилегию. С того момента, как он собрал плоды своего труда, земля, к которой он приложил свой труд, вновь становится общей собственностью всех людей.

Только раздел земли, произведенный по общему соглашению людьми, находящимися в близкой связи друг с другом, может быть рассматриваем как источник происхождения собственности, и этот раздел предполагает рождающееся общество, первоначальное соглашение, действительный закон.

Собственность есть, следовательно, социальный или гражданский закон, а потому закон может запретить или разрешить распоряжаться ею по завещанию. Он мог бы даже завладеть наследствами в пользу всего общества.

Но нужно оставить наследство родственникам, а что касается детей и завещаний, то с целью сохранить равенство, которое конституция устанавливает между гражданами и которое должно существовать в особенности между братьями, я думаю, что нельзя позволить отцу распоряжаться по завещанию больше чем одной десятой в пользу чужих, и дети должны разделить остаток совершенно поровну».

Послушайте Малуз, считающегося аристократом. На одном из первых заседаний Учредительного собрания он восклицает:

«Именно ваше безрассудное сопротивление, защитники старого режима, ваши возмутительные претензии могут все погубить... Вы не хотите равенства голосов, вы, пятидесятая часть нации, не хотите поделиться с этим большим народом, чьи богатства и просвещение, нищета и невежество равно страшны, когда вы вызываете его недовольство? Скажите же, что сделаете вы, когда миллионы голосов поднимутся против вашего голоса?.. Не забывайте, что после бога самый могущественный владыка – это просвещенный народ!».

Послушайте, как Учредительное собрание начинает конституцию этой торжественной Декларацией прав:

«Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Естественные права неотчуждаемы и неприкосновенны. Эти права – свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Цель всякого политического союза есть сохранение этих прав».

[А это предполагает, что с возникновением общества все его члены имеют собственность, подлежащую охране, и собственность достаточную,

ибо собственность может быть естественным правом только тогда, когда она создана не силой и не захватом и когда никто не имеет излишка в ущерб другим, не имеющим даже необходимого. Всякая другая собственность есть факт или социальное право, противное природе, но не естественное право.]

«Свобода состоит в том, что каждый может делать все, что не вредит другому. Пользование естественными правами всяким человеком ограничивается только пределами, обеспечивающими другим членам общества пользование теми же правами».

[И следовательно, никто не имеет естественной свободы захватывать и сохранять излишек, когда другие не имеют необходимого.]

«Закон есть выражение общей воли; все граждане имеют право участвовать, лично или через посредство своих представителей, в его составлении.

Собственность есть неприкосновенное и священное право.

Будет организовано учреждение общественной помощи для воспитания покинутых детей, оказания помощи бедным инвалидам и доставления работы здоровым безработным беднякам».

Посмотрите, как многочисленные философы партии жирондистов отвергают аграрный закон и абсолютное имущественное равенство, но допускают республику, политическое равенство, всеобщее голосование, предел для земельных приобретений, отмену наследования по боковой линии, прогрессивный налог, отмену налогов на предметы первой необходимости, искоренение нищеты, необходимость обучения и достатка для всех и постоянную тенденцию к действительному равенству.

Послушайте, что говорит один из вождей жирондистов, философ Кондорсе, 6 июля 1792 г. с трибуны Законодательного собрания:

«Издайте декрет, чтобы имущества трех эмигрировавших французских принцев (Людовика XVIII, Карла X и принца Конде) были немедленно пущены в продажу, с целью вознаградить граждан, ограбленных именем королей, которых эти принцы побуждали разорять свое отечество. Вы можете найти в этой мере средство наказать этих гордых виновников, заставив их способствовать усовершенствованию того равенства, против которого они устраивали заговоры. Пусть эти имущества, каково бы ни было их происхождение, продаются небольшими частями. Они достигают почти ста миллионов, и вы получите вместо трех принцев сто тысяч граждан, ставших собственниками; дворцы принцев станут кровом для бедных или убежищем для промышленности; хижины, в которых царят мирные добродетели, будут воздвигнуты в садах, созданных для неги и спеси. Ваши предшественники в Учредительном собрании установили основы политической свободы; дайте гражданам гражданскую свободу. Уничтожьте субституции; отмените завещания; установите порядок наследования, наиболее благоприятный для разделения собственности; дайте бракам наибольшую свободу; предоставьте так называемым незаконным детям права, признаваемые за ними природой; установите усыновление; разрешите развод; организуйте образование и учреждения

общественной помощи».

Послушайте, что писал Робеспьер в июне 1792 г. в четвертом номере «Защитника конституции»:

«С самого начала революции наши враги стараются запугать всех богатых идеей аграрного закона, нелепого пугала, показываемого тупым людям развращенными людьми. Чем больше опыт разоблачал эту вздорную выдумку, тем больше упорствуют в ее повторении, как будто защитники свободы были безумцы, способные придумать проект, одинаково опасный, несправедливый и неосуществимый; как будто они не знали, что имущественное равенство по существу своему невозможно в гражданском обществе, что оно обязательно предполагает общность имущества, которая, очевидно, еще более невозможна у нас; как будто был хотя бы один человек, занятый каким-нибудь промыслом, личный интерес которого не был бы затронут этим нелепым проектом! Мы хотим равенства прав, потому что без него нет ни свободы, ни общего блага, но что касается имущества, то раз общество выполнило свое обязательство обеспечить своим членам необходимое им существование при помощи труда,— ни граждане, которых не испортил уже избыток, ни друзья свободы не желают этого имущества. Аристид не завидовал бы сокровищам Красса».

Послушайте дальше Робеспьера в его проекте Декларации прав, принятом народной партией и встреченном в Конвенте единодушными аплодисментами:

«Цель всякого политического союза есть сохранение естественных и неприкосновенных прав человека и развитие всех способностей.

Главное право человека — это право заботиться о сохранении своего существования и свободы.

Эти права принадлежат равно всем людям, каково бы ни было различие их физических и моральных сил... Равенство прав установлено природой; общество, нисколько не нарушая этих прав, только, гарантирует равенство против насилия, делающего его иллюзорным.

Собственность есть принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться по своему произволу частью имущества, гарантированной ему законом.

Право собственности ограничено, как и все другие права, обязанностью уважать права другого... Оно не может причинить вред ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности нам подобных.

Общество обязано обеспечить существование всех своих членов, доставляя им работу или же обеспечивая средства существования тем, кто не в состоянии работать.

Помощь, которая должна быть безусловно оказана тем, кто лишен необходимого, есть долг того, кто имеет излишек: закон устанавливает способ, каким этот долг должен уплачиваться.

Граждане, чьи доходы не превышают того, что необходимо для их существования, освобождаются от участия в покрытии общественных расходов; остальные должны вносить на их покрытие по прогрессивной

шкале, пропорционально своему состоянию.

Общество должно, всей своей властью способствовать прогрессу общественного разума и сделать образование доступным всем гражданам.

Люди всех стран — братья, и различные народы должны помогать друг другу в меру своих сил, как граждане одного государства».

Послушайте Конвент, в его конституции 1793 г., составленной Камбасересом, Берлие, Гитоном де Морво и другими:

«Французский народ, убежденный, что забвение и пренебрежение естественных прав человека являются единственными причинами бедствий мира, постановил изложить священные и неотчуждаемые права человека.

Цель общества есть общее благо... Правительство учреждается для того, чтобы гарантировать человеку пользование его естественными неприкосновенными правами. Вот эти права: равенство, свобода, безопасность, собственность. Все люди равны по природе и перед законом.

Право собственности — это принадлежащее каждому гражданину право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и промысла. Общественная помощь — священный долг. Образование — потребность всех». Послушайте Комитет общественного спасения:

«Мы хотим такого порядка вещей, при котором все низкие и жестокие страсти были бы обузданы, все благодетельные и благородные страсти пробуждаемы законом; где честолюбие было бы лишь стремлением быть достойным славы и служить отечеству; где различия рождались бы из самого равенства, а гражданин был бы подчинен должностному лицу, должностное лицо — народу, а народ — справедливости; где отечество обеспечивало бы благосостояние каждого индивида, а каждый человек с гордостью наслаждался бы процветанием и славой отечества; где все души возвышались бы под постоянным действием республиканских чувств и под влиянием потребности заслужить уважение великого народа; где искусства являлись бы украшением свободы, облагораживающей их, а торговля — источником общественного богатства, а не только чудовищной роскоши нескольких семейств.

Мы хотим, чтобы в нашей стране нравственность заняла место эгоизма, честность — чести, принципы — обычаев, обязанности — приличий, власть разума — тирании; презрение к пороку — презрения к несчастью; гордость — наглости; величие души — тщеславия; любовь к славе — любви к деньгам; хорошие люди — хорошей компании; заслуга — интриги; гений — остроумия; истина — мишуры; прелесть счастья — скуки сладострастия; величие человека — ничтожества великих мира сего; великодушный, могущественный, счастливый народ — любезного, фривольного и несчастного народа, т.е. чтобы все добродетели и чудеса республики заняли место всех пороков и нелепостей монархии.

Мы хотим, одним словом, исполнить завет природы, завершить судьбы человечества, сдержать обещания философии, отпустить

провидению грех долгого царствования преступления и тирании. Пусть Франция, некогда знаменитая среди рабов, станет, — затемняя славу всех когда-либо существовавших свободных народов, — примером наций, ужасом угнетателей, утешением угнетенных, украшением мира. Пусть, скрепляя наше дело своей кровью, мы, по крайней мере, увидим, как заблестит заря всеобщего блаженства.

Наша цель — установить образ правления, при котором народ был бы счастлив, установить республику, руководствуясь лишь извечной мудростью и провидением, такую республику, которая, наконец, не подвергалась бы более потрясениям, вызываемым новыми преступлениями.

Изобилие сосредоточено в руках довольно большого числа врагов революции; Нужда ставит народ, который трудится, в зависимость от его врагов... Революция приводит нас к признанию принципа, что тот, кто вы« казал себя врагом своей страны, не может быть в ней собственником. Неужели только для того, чтобы обеспечить наслаждения этим тиранам, народ проливает свою кровь на границах и все семьи носят траур по своим детям?.. Не допустим, чтобы в государстве был хотя бы один несчастный, один бедный... Счастье есть новая идея в Европе.

Оно — средство укрепить революцию и повернуть ее в пользу тех, кто ее поддерживает, и на гибель тем, кто борется против нее».

Посмотрите, как Конвент декретирует следующий принцип:

«Все коммуны республики составят список нуждающихся патриотов, которых они содержат... Комитет представит доклад о способах вознаграждать всех несчастных за счет имущества врагов революции».

Послушайте Конституцию третьего года: «Право человека в обществе — свобода, равенство, безопасность и собственность».

Равенство состоит в том, что закон един для всех, — и когда он охраняет, и когда он наказывает.

[Отсюда следует, что закон должен также одинаково охранять существование, содержание и счастье всех, не только просто собственность, но и достаточную собственность.] Равенство не допускает никаких различий по рождению, никакой наследственности власти.

[Отсюда можно сделать вывод и об отмене наследования собственности.]

Собственность есть право пользоваться и распоряжаться своим имуществом, своими доходами, плодами своего труда и промысла. Каждый гражданин имеет равное право, непосредственно или косвенно, принимать участие в составлении законов и назначении представителей народа.

Все обязанности человека и гражданина вытекают из этих двух принципов: не делайте другому того, чего вы не хотели бы, чтобы делали вам; делайте постоянно другим добро, которое вы хотели бы получить от других.

[Отсюда вытекает также обязанность согласиться на имущественное равенство.]

Только на сохранении собственности покоятся обработка земель,

все производства, все средства труда и весь общественный порядок».

Как будто не было бы ни обработки земли, ни производства, ни средств труда, ни общественного порядка при режиме общности. Но Конвент хочет отвергнуть общность, не высказав своего настоящего мотива, коте рым являются эгоизм и оппозиция богатых.

Я не буду говорить вам о плане П.Л.Лакретелля относительно народного просвещения (1790), ни о плане, который был представлен Талейраном Учредительному собранию (1790).

Но послушайте, что говорит Комитет народного просвещения в своем докладе Законодательному собранию о плане воспитания, составленном Кондорсе (20 апреля 1792 г.):

«Народное воспитание должно доставить всем индивидам средства для удовлетворения своих потребностей, обеспечить свое благосостояние, познать и использовать свои права, понять и выполнять свои обязанности... Оно должно установить между гражданами фактическое равенство и сделать действительным равенство, признанное конституцией... Такова должна быть первая цель национального просвещения, и с этой точки зрения оно является для политической власти долгом справедливости.

Тридцать одна тысяча начальных школ, пятьсот средних, сто институтов, девять лицеев и Национальный институт составляют систему народного и бесплатного просвещения.

Одно из четырех отделений Национального института, отделение нравственных и политических наук, охватывает: 1) метафизику и теорию нравственных чувств, 2) естественное право, международное право и науку об обществе, 3) государственное право и законодательство, 4) политическую экономию, 5) историю».

Слушайте!

«Национальное собрание, благодарное наукам и философии, идеи которых произвели Французскую революцию и основали свободу и равенство, заявляет, что обязанности в области народного просвещения являются наиболее важными для общества, и причисляет всех, кто их исполняет, к разряду государственных должностных лиц.»

Послушайте теперь другой Комитет народного просвещения, представляющий 25 июня 1793 г. Конвенту свой доклад о проекте, внесенном ранее Мишелем Лепеллетье!

«Обучение должно быть бесплатным - литературное, умственное, физическое, нравственное и профессиональное.

Ученики должны обучаться танцам и пению, чтобы они могли участвовать в национальных празднествах.

Школьное общество должно быть организовано по плану большого политического и республиканского общества.

Нужно устраивать многочисленные национальные празднества, а именно следующие: книгопечатания, прав человека, учреждения первых собраний и суверенитета народа, народных выборов, равенства, свободы, справедливости, мира, природы, братства, уничтожения аристократии, революции 14 июля, отмены королевской власти - 10

августа.»[#]

Послушайте Б.Констана в брошюре, вышедшей в третьем году (1795) «О силе республиканского правительства»:

«Многочисленные и настойчивые голоса повторяют нам неустанно, что республика невозможна во Франции.

Все, что не существовало, кажется невозможным: история не представляет примера республики с населением в двадцать пять миллионов человек; из этого делают вывод, что республика с населением в двадцать пять миллионов человек - химера.

Однако, когда подумаешь, что природные катастрофы, политические бедствия наций, перевороты обществ поставили между нами и знанием всего, что насчитывает свыше четырех тысяч лет, непреодолимый барьер, то приходится только удивляться претензиям этих людей, которые хотя и на основании того, чего они не видели, решать, что именно невозможно, и хотят скрасить свою самоуверенность, облекая ее в форму голых отрицаний.

Они кажутся особенно нелепыми, когда подумаешь, что доказательство, приводимое ими, уже приводилось сто, двести тысяч лет назад, и таким образом все старые теории последовательно оспаривали невозможность всех открытий ума и всех случайностей.

До образования больших обществ, несомненно, утверждали, что многочисленное общество не может существовать, и при этом опирались на опыт. Чернь во все времена в напыщенных словах ссылается на прошлое, противопоставляя его будущему; тот, кто следует за ней, видит, что события опровергают ее, но, понося в свою очередь новое, он подражает ей и, переместив свои отрицания, неумоимо изрекает пророческие проклятия.

Если бы абсолютная королевская власть в той форме, в какой мы ее видели во Франции, никогда не существовала, невозможность ее существования казалась бы очевидной. Когда размышляешь об идее доверить воле одного судьбу всех, то чувствуешь, что будь эта идея новой, она казалась бы нелепой.

Если бы королевская власть существовала только в маленьких государствах, то против возможности создать монархию, охватывающую двадцать пять миллионов человек, приводили бы сотню специальных возражений, которые еще не были бы поэтому менее ошибочными.

Одним словом, ничто не доказывает и ничто не может доказать, что республика невозможна во Франции.

И если создание республики встречает еще столько помех, и в особенности такую пассивность, то в этом виновато монархическое воспитание.

Можно даже сказать, что великолепное открытие представительной системы в применении к республике, сохраняя возвышенную цель

[#] Переведенный на русский язык сборник выступлений, речей, планов и проектов, появившихся в годы Великой французской революции (точнее, в 1790-1795 гг.), с комментариями, можно скачать в нашей библиотеке: http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ecoles_syrk.pdf. - *ред. Vive Liberta.*

республиканского честолюбия и умеряя его напряжение, устанавливает «золотую середину» (между монархией и чистой демократией), и это благоприятное условие соответствует размерам республики, потому что благодаря величю целей, занимающих людей, исчезают мелкие страсти, мелкие средства, и это не дает им углубляться в свои личные разногласия, интересы или соперничество.

Никогда еще идея, раз пущенная в обращение, не направлялась обратно. Никогда еще революция, основанная на идее, не оказывалась безуспешной, если только эта идея вполне созрела. Тогда революция бывала только предвестником кризиса и завершалась, когда вновь появлялась вполне созревшая идея.

Идея равенства есть идея-мать, которая никогда не могла быть вытеснена целиком из сердца человека. Он проявлял эту идею во всем. Нет такой новой религии, которая не освящала бы равенства, и только церковный обман впоследствии искажал религиозное установление, чтобы вытеснить равенство.

Происхождение общественного порядка – великая загадка, но ход развития общества прост и однообразен. При выходе общества из непроницаемого мрака, скрывающего его рождение, мы видим, как человеческий род шествует вперед, к равенству, по обломкам учреждений всякого рода.

Каждый шаг, который он делает в этом направлении, – это шаг только вперед. Если иногда кажется, что замечаешь попятное движение, то это только потому, что сражение принимают за поражение и пыл схватки – за бегство.

Но касты, крепостничество, феодализм, дворянство навсегда уничтожены во Франции.

Думают восстановить престиж дворянства, украшая его благовидным названием наследственных должностных лиц: этим можно только вызвать новое потрясение.

Нужно, наконец, уступить влекущей нас необходимости. Не следует больше ошибаться в выборе пути для общества. Не следует больше вызывать тщетными попытками сопротивления кровавые бои и заставлять людей покупать свои права преступлениями и бедствиями».

Послушайте первого консула Бонапарта в его ответе сенату (14 термидора десятого года):

«Свобода, равенство, процветание Франции будут защищены от капризов судьбы... Лучший из народов будет и наиболее счастливым.

Довольный тем, что я был призван по приказу того, от которого все происходит, принести вновь на землю справедливость, порядок и равенство, я услышу, как пробьет мой последний час без всякого опасения за мнение будущих поколений».

Послушайте что говорил экс-император Наполеон на острове св.Елены:

«Я создал новое дворянство, чтобы уничтожить старое и дать удовлетворение народу, из среды которого вышло большинство тех, кому я пожаловал дворянское звание, и самый простой солдат имел право

стремиться к званию герцога. Я думаю даже, что я был неправ в этом отношении, ибо это значило ослаблять ту систему равенства, которая так нравилась нации».*

Послушайте Дидро в его «Кодексе природы» или, точнее, Морелли, действительного автора этого сочинения, которое вышло в 1755 г. и на которое ссылался Бабеф, как на сочинение Дидро:

«Дух собственности и интереса располагает каждого индивида приносить в жертву своему счастью весь род... Собственность есть всеобщая и господствующая причина всех беспорядков... Из-за нее все так плохо устраивается или, скорее, расстраивается, так что в бесконечном числе случаев необходимо возникают насильственные и упорные потрясения.

Они зажгли пожар великой жадности; они возбудили голод, хищность ненасытной корысти; их безумные постановления подвергли человека угрозам постоянной нужды. Удивительно ли, что для того, дабы устранить эти опасности, страсти разгорелись до бешенства? Можно ли было лучше все подстроить, чтобы помочь этому зверю терзать собственный род?..

Нужно было массою правил и постановлений закрыть прорывы плотины, неблагоприятно противопоставленной мирному течению ручья, который благодаря этой преграде переполнился и своими разливами уподобился бурному морю».

Посмотрите, как он, более смелый, чем его предшественники, категорически предлагает систему общности как возможную и осуществимую:

«Я указываю на удар, которым можно подрезать корни бедствий. Более искусные, чем я, сумеют, быть может, убедить всех в необходимости установления общности. Вы, смертные, созданные, чтобы управлять народами, хотите вы оказать великую услугу человеческому роду, установив наиболее счастливое и наиболее совершенное из правительств? Начните с того, что предоставьте полную свободу истинным мудрецам нападать на Ваши ошибки и предрассудки, поддерживающие дух собственности... И скоро вам не будет трудно убедить ваши народы признать законы, почти подобные тем, какие я собрал на основании того лучшего, что мог внушить разум людей.

Нужно было бы только дать хорошо понять обездоленному большинству, что этот порядок поддерживал бы между нами такую совершенную организацию взаимопомощи, что никто никогда не нуждался бы не только в необходимом и полезном, но даже и в приятном.

Повторяю еще раз, я убежден, что необходима только эта уверенность, чтобы гарантировать возможность. И я не думаю, чтобы нужно было обладать какими-либо выходящими из ряда добродетелями, чтобы принять порядок вещей, относительно которого доказано, что только в нем можно найти наибольшее благосостояние и максимум счастья. Нужно только обладать способностью любить самого себя, любить свой отдых, свое прочное и полное спокойствие во всех

отношениях, стремиться к наибольшей полноте личного счастья, и эту способность природа позаботилась внедрить в сердца: всех людей. Только потому, что эта способность засела там так глубоко, ослепление страсти увлекло людей на ложный путь. Себялюбие побудило каждого стремиться без меры увеличивать свое состояние. Можно было думать, что это единственный способ довести самое большое число до счастливого состояния. Покажите, что люди ошибались, убедите всех, что есть другое средство поднять большинство на вершину счастья. Вы увидите, что масса, не нуждаясь ни в какой другой добродетели, кроме любви к самому себе, не будет заставлять себя упрашивать принять этот план.

Совсем незначительны те мелкие затруднения, какие должны встретиться при отдельных случаях применения законов относительно распределения занятий, способов достаточного удовлетворения общественных и частных потребностей и равного обеспечения средствами существования без смятения, без споров множества граждан.

Все это только простое дело переписи предметов и людей, простая операция счета и учета и, следовательно, может быть произведено в полном порядке. Наши составители проектов, древние и новые, задумывали и выполняли несравненно более трудные задачи, так как, кроме непредвиденных случаев, они имели против себя случайности человеческой природы и бесчисленные препятствия, порождаемые заблуждением, с которыми человеческая природа едва справляется. Если есть чему удивляться, то только тому, что этим неблагоприятным людям все же кое-что удавалось».

Именно это учение приняли Бабеф и «Равные», но послушаем сначала Антонелля.

Послушайте Антонелля и Феликса Лепеллетье в их журнале «Плебейский оратор» и «Журнале свободных людей»:

«Право собственности есть самое плачевное создание нашей фантазии. Я убежден, что состояние общности есть единственно справедливое, единственно хорошее, единственно сообразное чистым помыслам природы и что без ее не может существовать мирных и воистину счастливых обществ» («Плебейский оратор», № 9).

«Бесконечно число тех, которые держатся мнения, что люди, объединенные в общество, могут найти счастье только в общности имущества. Это один из тех пунктов, в которых поэты и философы, чувствительные сердца и суровые моралисты, люди с живым воображением и люди со строгой логикой, искушенные умы и простые умы были и будут всегда единодушны как в своих чувствах, так и в мыслях» («Журнал свободных людей», № 44). «Осуществление этого социального плана есть постоянное пожелание чистых душ, самая естественная мысль здравых умов... Было бы счастьем успеть в этом деле...

Но возможность возвращения к этому порядку вещей (общности), столь осязательному и столь желанному, есть, быть может, только мечта...

Бабеф и я, мы явились оба несколько поздно в этот мир, и мы пришли с миссией рассеять заблуждения людей в отношении права собственности. Корни этого фатального учреждения слишком глубоки и держатся крепко. Они отныне неискоренимы у великих и старых народов» («Плебейский оратор», № 4),

«Все, чего можно надеяться достигнуть,— это терпимая степень неравенства состояний и законы против властолюбия и жадности...»

Однако этот Антонелль дает затем себя обратить Бабефу и участвует в заговоре, имеющем целью установить режим общности.

Я не буду излагать мнение Гракха Бабефа, который обсуждал и принял общность имущества в своем журнале «Народный трибун», опровергал все возражения Антонелля насчет возможности ее применения и взял на себя составление плана общности, тогда как другие тоже работали над этим.

Но заметьте этот важный и нозый факт. Вот масса людей, желающих установить режим общности. Вот Дарте, Антонелль, Бодсон, Марешаль, Буонарроти, Жермен, Феликс Лепеллетье, Друэ, Амар, Вадье, Робер Ленде, шестьдесят членов Конвента (монтаньяры, подвергшиеся преследованию после 9 термидора), множество демократов, объединившихся в «Общество равных» и в большом числе других обществ, большая часть парижского населения и большое число демократов в департаментах, обсуждающих и принимающих это учение общности и организующих заговор, чтобы силою установить ее после ниспровержения Конституции третьего года и провозглашения Конституции 1793 г.

Преданные агентом-provokатором (Гризелем), арестованные 21 флореаля четвертого года, пятьдесят девять из них были привлечены к суду, как заподозренные в намерении уничтожить; 1) конституцию и 2) собственность и заменить ее общностью.

Обвиняемые защищают перед Верховным судом принципы равенства и общности.

Признанные виновными только по первому пункту обвинения, семь из них были приговорены: Бабеф и Дарте — к смерти, Буонарроти и четверо других — к ссылке.

Бабеф и Дарте пытаются сейчас же покончить с собой, но их кинжалы ломаются в груди, и на другой день оба мужественно умирают на эшафоте.

Послушайте последние слова Бабефа к жене и трем детям!

«Не знаю, какова будет память обо мне, хотя я думаю, что вел себя самым безупречным образом... Но не думайте, что я испытываю сожаление, пожертвовав собой за самое прекрасное дело... Семье мученика свободы следует подавать пример всех добродетелей. Я не видел иного средства сделать вас счастливыми, кроме установления всеобщего счастья. Я потерпел неудачу; я пожертвовал собой, и я умираю также за вас. Сохрани мою защитительную речь, моя дорогая подруга: она всегда будет дорога добродетельным сердцам и друзьям своей страны. Единственное благо, которое останется тебе от меня,

будет моя репутация, и я уверен, что ты и твои дети найдете в этом большое утешение. Вам будет приятно слышать, как все чувствительные и честные сердца буду говорить о вашем супруге и о вашем отце: «Он был вполне добродетелен».

Я остерегусь нападать на это «Общество равных», в котором состояли почти все тогдашние демократы. Среди них фигурировали люди несомненной добродетели, искренно желавшие, — я не сомневаюсь в этом, — блага человечества; они посвятили себя ему, пренебрегая очевидной опасностью; многие из них были жертвами своей преданности, и их вожди проявили мужество самых славных мучеников, потеряв жизнь или свободу. Если я сожалею и отношусь снисходительно к богатым и аристократам, которых я считаю жертвами плохого общественного строя, делающего их эгоистами, то было бы варварской непоследовательностью с моей стороны быть неумолимым по отношению к тем, кого тот же самый строй делает жертвами их благородства.

Но я не могу не сожалеть о той едкости, мало философской, хотя и весьма естественной, с которой они обыкновенно говорили о своих противниках, а также о фатальном заблуждении, заставлявшем их верить в возможность установить прочно режим общности при помощи насилия.

Столько же, сколько и они, я желаю блага царода; я так же, как они, готов пожертвовать своей жизнью, чтобы помочь человеческому роду пользоваться благами общности, но, глубоко убежденный и путем размышления и путем опыта, что общность может быть установлена и упрочена только силой почти единодушного общественного мнения, я, чем больше желаю ее для народа, тем больше боюсь насилия.

Посмотрите, как гибелек был этот заговор для народа, для освобождения которого он был организован! Именно он запугал богатых, буржуа и аристократов, именно он заставил их сплотиться для самозащиты; именно он расположил их броситься в объятия первого встречного, достаточно сильного, чтобы защищать их; именно он бросил их в объятия Бонапартов, как он бросил бы их в объятия Бурбонов. Послушайте теперь Вьеллара, государственного обвинителя Бабефа и его товарищей!

«А какова была их цель?.. Читайте учение Бабефа, напечатанное, розданное и распубликованное Комитетом восстания... Вы найдете там осуждение права собственности, принцип фактического равенства и общности всех имуществ, всех наслаждений, всех плодов земли и даже всех продуктов и промышленности.

Исчезните, — говорит их манифест, — возмутительные различия богатых и бедных, великих и малых, господ и слуг, правителей и управляемых.

Жалость, быть может, одержала бы верх над негодованием, если бы можно было думать, что авторы подобных мечтаний добросовестно стремились к чудовищной химере общности и имуществ.

Каким ужасным переворотом явилось бы уничтожение этого права собственности, всеобщей и главной основы социального порядка! Нет собственности! А что станет сейчас же с искусствами? Что станет с

промышленностью? Земля не будет принадлежать никому! Где руки, которые будут ее обрабатывать? Кто будет! собирать ее плоды, если никто не может сказать: они принадлежат мне? Не видите ли вы уже, как разбой распространяется по опустошенной земле? Социальные различия и привилегии исчезли, но неравенства природы продолжают существовать, слабый подавляется сильным, и, становясь в силу необходимости более свирепым, чем животные, люди с бешенством оспаривают друг у друга находимую ими пищу. Потому что разве хватило бы достаточно пищи для многочисленного населения, когда промышленность и торговля перестали бы умножать запасы пищи, которые может производить природа, предоставленная собственным силам?

Истребление человеческого рода, остатки его, возвращенные в дикое состояние, блуждающие в лесах и страшных пустынях,— вот перспектива, которую представляет нам излюбленная система вождей заговора. Вот общее благо, к которому они призывают братьев и равных!»

Но обвинитель тут же отрицает, что обвиняемые действительно желали общности имущества: он утверждает, что это только честолюбцы, действительная цель которых была захват власти, угнетение народа и тирания. Сама Директория сказала в прокламации (опубликованной в жерминале четвертого года), что демократы хотели раздела всех домов и даже самых маленьких лавок. Затем обвинитель прибавляет:

«Несчастный народ, разгляди, наконец, в этих коварных льстецах твоих самых жестоких врагов! Оцени, наконец, по достоинству те чары, которыми они стараются обмануть твое легковерие, переведи на настоящий язык те лживые слова, которые источает их лицемерный энтузиазм: свобода, равенство, общее благо. Когда эта слова исходят из их уст, они означают лишь рабство, нищету, отчаяние. Вот предел, к которому они тебя ведут!»

И вот, я спрашиваю вас, есть ли это заблуждение или самая очевидная недобросовестность? Не следовало ли бы заклеить обвинителя, если бы мы не считали себя обязанными быть снисходительными ко всем жертвам общественного строя? И если печально видеть, что один прибегает к насилию, чтобы установить режим общности, то не так же печально видеть, как другие (глава правосудия и само правительство) прибегают к лжи и клевете, чтобы защищать собственность против общности?

Что сказать мне вам о Лагарпе, который (в своем «Курсе литературы»), после того как был революционером, республиканцем и якобинцем, осуждает революцию и философов, произведения которых вызвали революции, распинается перед победившей Директорией, нападая на демократию в дни ее неудач, называет республиканцев разбойниками и преступниками, искажает факты и позволяет себе самую чудовищную брань и самые бешеные выпады против Дидро и принадлежащего якобы ему «Кодекса природы». Лагарп называет Дидро софистом, шарлатаном, коварным, безнравственным, наглым, дерзким, идиотом или преступником, заслуживающим быть помещенным в дом сумасшедших или эшафота и даже вечного ада; защищает собственность,

не доказывая ее достоинств; находит почти совершенным существующий строй и видит в массе бедных только лентяев и бродяг, обязанных только себе самим своими пороками и лишениями, и, наконец, восклицает:

«Общность — это отвратительная глупость... Нужен был бы целый том, чтобы детально разъяснить все нелепости и несправедливости, которые содержит слово «раздел имущества»... Тому, кто требует этого раздела, можно ответить только пистолетом или виселицей. Учреждения Ликурга не могли существовать и не существовали долго [не менее пятисот лет!], они скоро сошли на-нет, и их обходили всеми способами; память о них стала настолько ненавистна, что один спартанский король был казнен за попытку воскресить их. [Иисус Христос и Сократ были также казнены. Он, следовательно, одобряет казнь Агиса и ничего не говорит о короле Клеомане, который поступал, как Агис!]. Равенство политических прав есть нелепость и невозможность... Лицемеры, софисты и безумцы, ваше равенство — нелепо и низко, тогда как наше неравенство — счастливо и разумно!».

Несомненно, что такой защитник собственности и неравенства должен приобрести для них больше врагов, чем друзей.

Послушайте теперь Буонарроти, товарища Бабефа, присужденного к ссылке, который в 1828 г., еще находясь в изгнании, отчаявшийся, на краю могилы, публикует историю этого заговора; и процесса, чтобы изложить учение «Равных» об общности.

Послушайте, как старец повествует об их дебатах по поводу принципа общности, о внезапном энтузиазме Амара к этому учению, которого он, как и многие другие, ранее не знал. Но оно ему сразу показалось способным — и только оно одно — составить счастье человеческого рода.

Посмотрите, как он излагает во всех случаях ее применения к Франции систему общности пользования и труда, основанную на воспитании, нравственности и добродетели.

Послушайте, как он утверждает, что эта система была искуплением человечества:

«Я знаю, — говорит он в своем предисловии, — что политические и экономические принципы, которые я должен был изложить, встретят много порицателей, но это не является основанием для того, чтобы не опубликовывать их: столь много есть так называемых заблуждений, которые стали неоспоримой истиной. Разве нет и в другом месте людей, не дающих ослеплять себя мишурой цивилизованного общества и системами, превозносимыми теми, кто претендует на право руководить общественным мнением? Они, быть может, оценят значение этих принципов и будут оплакивать память мужественных граждан, которые, сознавая справедливость этих принципов и гордясь тем, что могут отдать свою жизнь в их защиту, запечатлели их наконец своей кровью.

Тесно связанный с ними согласием наших идей, я разделял их веру и их усилия, их опасности и страдания, и если мы ошибались, то это нужно приписать только нашему заблуждению. Они упорствовали в нем до могилы, а я, после того как долго размышлял о них, остался

убежденным, что равенство, столь лелеемое ими, есть единственное учреждение, способное согласовать все истинные потребности, хорошо направлять полезные страсти и дать обществу свободную, мирную, счастливую и прочную форму устройства.

Незадолго до нашего осуждения Бабеф и Дарте, находясь на скамьях Верховного суда в Вандоме, перед тем как их должен был поразить топор аристократии, получили от меня обещание отомстить за них, опубликовав точный рассказ о наших общих намерениях, которые дух партийности так страшно исказил. И теперь, у предела жизни, я исполняю этот долг, который мне помешали раньше выполнить тюрьма и тысяча других препятствий!».

Взвесьте, какое серьезное значение имеют эти слова потомка Микель-Анджелло, благородного флорентийца, который был воспитан при дворе великого герцога Тосканского, но предпочел справедливость и философию ожидавшему его состоянию; слова философа, осудившего себя на жизнь в бедности и почти в нищете, чтобы жить независимо, посвящая себя только научным занятиям; человека, в течение долгого времени бывшего мучеником своей любви к человечеству и никогда не перестававшего размышлять о средствах сделать его счастливым.

Посмотрите, как тот же Буонарроти, всегда верный принципам философии, желает успеха шотландцу Роберту Оуэну, идущему другим путем, медленным и мирным, чтобы установить режим общности в Англии и Америке! Взгляните на этого Р.Оуэна! Он принимает принцип общности труда, пользования благами и воспитания; организует коммуну из более чем двух тысяч рабочих, собранных в обширной нью-ланнаркской прядильне, в Шотландии; предпринимает реформу общества; предлагает план установления общности во всем мире, увлекает за собой множество учеников; отправляется с некоторыми из них в Америку, чтобы основать там города-коммуны; проповедует свое учение всюду, даже перед американским конгрессом; приобретает многочисленных сторонников; покупает огромный участок в пустынях Запада и отправляется с семьей и многими учениками с целью основать там коммуну «Нью-Гармони»; возвращается в Англию, обращается с воззванием ко всем королям в надежде привлечь их на свою сторону; организует кооперативное общество в Лондоне и много обществ того же рода в Англии и привлекает таким образом сотни тысяч людей к системе общности.

И кто именно этот Оуэн? — Опять добродетельный человек, снисходительный и мирный философ, богатый друг человечества, который жертвует миллион двести тысяч франков и всю свою жизнь на благо себе подобных.

Как жаль, что он питал слишком большое доверие к доброте суверенов и аристократов, что он обескуражил народ, назначая слишком короткие сроки для осуществления своих надежд, и употребил на опыты частичных и слишком маленьких общин, обреченных на неудачу, капитал, который, хотя и был значителен, все же был недостаточен для удовлетворения всех потребностей образцовой общности, но при помощи

которого можно было оказать огромное влияние на общественное мнение, если бы он был употреблен единственно на пропаганду учения Оуэна.

Послушайте знаменитую мисс Райт, ученицу Оуэна, проповедующую, как и он, реформу! Вот что она говорит американцам в своих «Чтениях» и в своем журнале:

«Ваша декларация независимости 1776 г. провозглашает перед лицом бога и народов, что все люди свободны и равны. Но это только пустая теория, так как вы сохраняете рабство, притесняете индейцев, среди вас есть несколько богачей, живущих в обилии и роскоши, и много бедных, прозябающих в нищете. У вас нет даже равенства просвещения и воспитания! Вы чванитесь вашей свободой, и вы в то же время рабы ваших священников и суеверия. Вы чванитесь тем, что вы республиканцы, и вы ввели антиреспубликанское воспитание. Вы чванитесь вашей демократией, и вы не умеете использовать ваше избирательное право, чтобы рассеять невежество, организовать общее народное воспитание, осуществить постепенно равенство в пользовании благами, равенство благосостояния и достигнуть наиболее полного благосостояния для всех. Если вы хотите быть действительно свободными и равными, соединитесь, устройте союз, чтобы организовать систему общего воспитания».

«Многие ученики той же школы, — говорит Ахилл Мюрат, — поселились в больших городах и стараются произвести политическую революцию, завладев умами бедных и рабочих и направляя их против богатых. Они проповедуют аграрный закон, равный раздел собственности, всеобщность бесплатного воспитания и стараются таким образом достигнуть власти. Они уже успели, даже в городе Нью-Йорке, провести одну или две избирательные кампании. Но это увлечение может быть только временным».

Послушайте Сен-Симона, который оживил во Франции идеи равенства и общности, провозгласил бесконечную способность человечества к совершенствованию, постоянный и посланный провидением закон прогресса, проповедывал братство и ассоциацию, возвестил новое христианство, великую реформу, новое будущее. Послушайте, как он нападает на плохой общественный строй!

«Существующее общество есть воистину перевернутый мир, так как нация допустила как основной принцип, что бедные должны быть великодушнее по отношению к богатым, и в силу этого менее состоятельные лишают себя ежедневно части необходимого, чтобы увеличить излишек крупных собственников; наиболее виновные, главные воры, те, кто выжимают соки из всех граждан и отнимают у них ежегодно триста или четыреста миллионов, несут обязанность наказывать мелкие преступления против общества; невежество, суеверие, лень, страсть к расточительным удовольствиям составляют удел верховных вождей общества, а люди способные, бережливые и трудолюбивые являются их подчиненными и используются только как орудия; одним словом, во всех отбросах труда именно на неспособных людей возложена обязанность руководить способными людьми; в отношении нравственности именно

наиболее безнравственные люди призваны воспитывать граждан в добродетели, и в отношении карающей юстиции именно наиболее виновным поручено наказывать прегрешения мелких преступников».

Послушайте, как он требует, чтобы способные были организованы для наиболее скорого улучшения положения самого многочисленного и самого полезного класса в нравственном, умственном и физическом отношениях и чтобы каждый получал вознаграждение по делам своим!

И кто такой этот Сен-Симон? — Человек, происходящий от герцога Сен-Симона, который считал себя потомком Карла Великого; философ, основатель секты и школы, насчитывающий среди своих учеников множество молодых талантов и в особенности просвещенных воспитанников Политехнической школы, и эти его апостолы превращают его во второго Иисуса Христа.

Послушайте теперь сен-симонистов с Анфантенем во главе, нападающих на пороки общества:

«Рабство все еще существует среди нас, ибо имеются еще люди, живущие трудом им подобных; имеются еще несчастные, которые могут влачить свою печальную жизнь только благодаря существованию привилегированных бездельников... Что в том, если праздные не называются больше маркиз, граф, барон, дворянин, если их еще надо приветствовать именами рантье, капиталиста, собственника, буржуа.

Так как все собственники являются наследниками или заняли место старых сеньоров, то строй собственности есть только видоизменение крепостного права, как, в свою очередь, крепостное право есть только видоизменение рабства. Существующий строй собственности должен поэтому подвергнуться полной реформе.

Мы хотим отменить право наследования и преобразовать собственность, поставив на ее место учреждения, которые будут лучше удовлетворять требуемому от них отцовскому чувству и объединят не несколько классов людей, но все классы без исключения».

Взгляните теперь на их систему! Они выставляют следующие требования:

«Всеобщая ассоциация или окончательная организация человечества для прогрессивного улучшения народа: воспитание для всех: распределение по группам и использование каждого по его способностям; разделение и распределение труда; труд каждого для блага всех, и труд всех для блага каждого; общественная и общая собственность; общественные и общие продукты; вознаграждение по заслугам; честолюбие каждого свести к тому, чтобы не отставать от лучших и исправлять худших; отмена права наследования и всяких привилегий рождения; равенство между женщиной и мужчиной; право союза, голосования и выборности для всех; монархическое правительство, но выборное и доверяемое наиболее достойному наиболее достойными».

Вы видите, сен-симонисты хотят радикальной реформы, отмены частной собственности, труда для всех, образования и счастья. Их всеобщая ассоциация есть не что иное, как общность.

Как пифагорейцы, они образуют союз; они организуются; они имеют

общее жилище, новый костюм одного типа; они идут всюду проповедывать свое учение, и скоро они насчитывают большое число последователей, молодых людей и женщин, среди которых можно встретить много талантливых людей и богатых, жертвующих свое состояние на дело прогресса, на дело человечества.

К несчастью, сен-симонисты сводят все к религии, к религиозным идеям, формам и наименованиям; они хотят установить новое христианство; Сен-Симон — бог, который открывает миру новую религию; их новое общество есть церковь; все их должностные лица — священники, и их правительство, хотя и выборное, есть в то же время монархия, аристократия и в первую очередь теократия, вооруженная абсолютной властью.

И эти последние идеи, столь враждебные философии XVIII в., влекут за собой внутренние раздоры и останавливают прогресс новой секты.

Послушайте теперь» другого философа, также посвящающего свою жизнь благу человечества, основывающего другую школу, где блистают тоже талантливые люди, — Фурье и его учеников, которые ищут реформу общества в реформе промышленности, в ассоциации, в товарищеском режиме, заменяющем режим раздробленности.

Они добиваются промышленной реформы, организуя товарищескую коммуны; гражданской реформы, делая всех членом ассоциации собственниками и капиталистами; политической реформы, устанавливая административное единство и выборы или всеобщее голосование с наследственным королем; наконец, религиозной реформы, устанавливая единство верований и культа.

Их товарищеская коммуна должна владеть участком в квадратное лье и иметь в своем составе триста или четыреста семей или тысячу двести индивидов. Она образует товарищество на вере, эксплуатирующее имение с огромным недвижимым и движимым капиталом, живет и трудится в одном громадном здании, называемом фаланстерой, и имеет общий стол и одно хозяйство.

Они хотят, чтобы тысяча двести членом коммуны были разделены, соответственно их склонностям и вкусам, на группы, серии и фаланги.

Они хотят, чтобы труд был привлекателен, по выбору трудящегося, разнообразен, непродолжителен и облегчен машинами, производящими возможно больше.

Они хотят иметь не заработную плату, а долю, как члены ассоциации; они хотят не равного раздела всего продукта, а раздела пропорционально капиталу, труду и таланту каждого.

Они хотят, чтобы женщина и ребенок имели свою долю и были независимы.

Они хотят вместе с другими такими же товарищескими коммунами постепенно организовать кантоны, округа, департаменты, государства и весь мир.

Как видите, это в сущности общность с сохранением неравенства состояний, с богатыми без бедных: это общность недостаточная, но это общность.

Тщетно ищет Фурье четыре миллиона, а затем миллион двести тысяч франков, чтобы основать товарищескую коммуны, и надеется на содействие правительства, гарантируя получение производства на сумму, в четыре раза превышающую полученную ссуду. Он может, к несчастью, идти на риск опыта только со слишком маленьким капиталом, чтобы иметь шансы на успех, и, как все другие системы, его система также остается в области теории и доктрины.

Не буду говорить вам ни о других проектах промышленных ассоциаций, основанных на тех же принципах, ни о новой системе мануфактурной ассоциации, которую рекомендовал английским рабочим инженер Ч. Бебедж, профессор Кембриджского колледжа.

Но послушайте основателей другой школы, Бюшеза и Ру,* ссылающихся на религию и веру, Иисуса Христа и христианство, способность к совершенствованию и движению, прогресс и будущее, равенство и демократию, братство и преданность, единство и человечество, ассоциацию и все, что необходимо ведет к общности.

Послушайте писателя Молодой Италии,** Мадзини, который также призывает к будущему, к человечеству: союз народов, реорганизация и возрождение общества при помощи ассоциации, Иисус Христос и его учение о равенстве и братстве (которое ведет к общности) без пролетариата, как и без земельной или финансовой аристократии.

Послушайте идеи трех ассоциаций: Молодой Германии, Молодой Польши и Молодой Италии, взывающих к тем же религиозным и социальным принципам и требующих, чтобы каждый человек участвовал пропорционально своему труду в использовании общим фондом, создаваемым деятельностью всего общества.

Послушайте Ламартина в его «Путешествии по Востоку»:

«В ближайшем будущем Франция будет представлять собой прекрасное зрелище: подрастающее поколение, уже в силу своего возраста, будет совершенно свободно от наших распрей и взаимных попреков последних сорока лет. Для него безразлично, что те или иные носят ненавистную кличку одной из наших старых партий. Оно не принимало никакого участия в этих схватках: оно не имеет предрассудков и не думает о мести; оно появляется чистым и полным силы у врат новой дороги, воспламененное идеей... Как хотел бы я вступить на эту дорогу от его имени!.. Настало время зажечь маяк разума и нравственности над нашими политическими бурями, формулировать новый социальный символ, который мир начинает уже предчувствовать и понимать: символ любви и милосердия между людьми, евангельская политика... Пусть небо возродит людей! Ибо наша политика внушает чувство стыда человеку и заставляет плакать ангелов. Судьба предоставляет, один час в столетие человечеству, чтобы возродиться. Этот час — революция, и люди теряют его во взаимных раздорах. Они отдают мести час, данный богом для возрождения и прогресса!»

Семейное начало — вторая душа человечества. Современные законодатели слишком забывали это; они упускают из виду семью, единственный источник сильного и чистого населения.

Законодательство, даже после христианства, было в этом отношении варварским; оно воспрещало половине людей иметь жену, детей, очаг и поле. А между тем оно должно было дать эти блага всем!

Но когда по воле божьей истина спускается на землю, люди начинают проклинать и побивать камнями того, кто ее приносит; затем они овладевают этой истиной, которую они не убили вместе с ним, потому что она бессмертна, и она становится их наследством.

Разум есть солнце человечества, это верное и постоянное откровение божественных законов, применимых к обществам. Нужно следовать за ним, чтобы не остаться во зле и мраке. Но не нужно его обгонять, как как можно свалиться в пропасть. Понимать прошлое, не жалея о нем, переносить настоящее, улучшая его, надеяться на будущее и подготавливать его — вот закон разумных людей и благодетельных учреждений.

Человеческие идеи привели Европу к одному из тех великих органических кризисов, о которых история сохранила в своей памяти только одну или две даты, эпохи, когда одна изношенная цивилизация уступает место другой... Французская революция была набатом мира... Эта революция, которую позже будут называть европейской революцией, — ибо идеи устанавливают свой уровень, как вода, — есть не только политическая революция, преобразование власти, смена одной династии другой, республики вместо монархии,— все это только стечение обстоятельств, симптом, орудие, средство. Дело революции настолько серьезно и возвышенно, что оно могло бы совершиться при всех формах политической власти, что можно было бы быть монархистом или республиканцем, быть приверженцем одной династии или другой, сторонником того или другого состава правительства, не будучи еще поэтому менее искренно и менее глубоко революционером. Можно предпочесть одно орудие другому, чтобы расшевелить мир и сдвинуть его с места, — вот и всё, но идея революции, т.е. изменения и улучшения, всё же не меньше освещает ум, не меньше согревает сердце. Имеется ли среди нас мыслящий человек, человек сердца и разума, человек религии и надежды, кто, положив руку на сердце и задавая себе этот вопрос перед богом, перед лицом общества, которое рухнет от неупорядка и ветхости, не ответил бы себе: я — революционер...

Революция была только сражением, т.е. путаницей и беспорядком, победой и поражением, энтузиазмом и разочарованием. Теперь начинают понимать провиденциальный план этой великой борьбы между идеями и людьми... Это прекрасный и редкий момент для человеческого ума!.. Когда революция наконец понята, она закончена; успех может быть медленным, но он уже несомненен. Если новая идея еще не завоевала окружающую среду, то, по крайней мере, завоевала свое безошибочное орудие — печать... Для политических философов речь идет теперь не о том, чтобы сражаться, а о том, чтобы направлять непобедимое орудие современной цивилизации... Правовое равенство допускается в принципе; свобода слова освящается в правительственных постановлениях; писанное и устное слово имеет право всюду и всегда

апеллировать к общественному мнению. Оно снова ставит и будет ставить все вопросы — социальные, религиозные, политические, национальные — со всей силой, внушаемой ему общественным мнением, пока человеческий разум, освещенный лучом, который богу угодно было ниспослать ему, вступит во владение всем социальным миром.

Во Франции правовое равенство, породившее равенство требований, свобода обсуждения и исследования, просвещение, распространенное в массах, промышленное развитие, пролетарии — все делает революцию неизбежной.

Пролетарии находятся теперь в худшем положении, чем когда-либо: они вновь завоевали права, которые ничего им не дают и, не имея необходимого, они будут волновать общество, пока социализм не наследует ненавистному индивидуализму.

Именно положение пролетариев породило вопрос собственности, который теперь всюду обсуждается и будет решен борьбой и разделом, если он не разрешится при помощи разума, политики и социального милосердия. Милосердие — это социализм; эгоизм — это индивидуализм. Милосердие, как политика, предписывает человеку не предоставлять человека самому себе, а приходить к нему на помощь, организовать известную форму взаимного обеспечения, на справедливых началах, между имущим обществом и неимущим обществом. Оно говорит собственнику: ты сохранишь свою собственность, ибо, несмотря на прекрасную мечту общности имущества, тщетно испробованной христианством и филантропией, собственность является до сих пор необходимым условием всякого общества; без нее нет ни семьи, ни труда, ни цивилизации. Но это же милосердие говорит ему также: ты не забудешь, что твоя собственность установлена не только для тебя, но и для всего человечества; ты владеешь ею только на условиях справедливости, полезности, распределения и доступности для всех; ты поэтому доставишь твоим братьям из излишка твоей собственности средства и элементы труда, которые необходимы им, чтобы, в свою очередь, владеть своей частью; ты будешь признавать право, которое выше права собственности, — право человечности. Вот справедливость и политика».

Вы видите таким образом, что Ламартин отвергает общность имущества очень осторожно, без состоятельных доказательств и без твердого убеждения, называя ее прекрасной мечтой, осуществления которой желают христианство и филантропия.

Но он провозглашает равенство, братство, милосердие и безусловный долг для богатых употреблять их излишек для доставления бедным их доли в благах природы, т.е. он хочет того, что непреодолимо ведет к общности имущества!

Послушайте, что говорит Ламеннэ в своей «Книге для народа»:

«Люди, рожденные от одного отца, должны были бы составлять одну большую семью, объединенную нежной братской дружбой... Все имеют в виду общую выгоду, потому что все любят друг друга и все имеют долю в общем имуществе... Мало ли, много ли у них, — всё делят братски... Если

один заболевает, если он становится неспособным к труду, другие кормят и заботятся о нем.

Нет вражды там, где существует только один интерес. Порождает разногласия, ненависть, зависть только ненасытное желание иметь больше и только для себя самого. Провидение прокликает эти отдельные владения: они беспрестанно возбуждают жадность и никогда ее не удовлетворяют».

Не значит ли это требовать общности имущества?

Взгляните, наконец, на общих братьев, или моравских братьев, с происхождением которых я вас ознакомил в предыдущей главе, взгляните на это общество философов, или христианскую секту, распространенную во всех частях Европы и в Соединенных Штатах Америки, составляющую большие дома или большие семьи в Лаузице, Богемии, Польше, Саксонии, Голландии и, особенно, в Моравии.

Эти дома или семьи в Моравии и Саксонии насчитывают от тысячи до тысячи двухсот членов, которые называются братьями и сестрами. Община в Цейсте, близ Утрехта, в Голландии, насчитывает три тысячи пятисот человек, с тех пор как в 1760 г. один богатый немецкий дворянин, увлеченный их учением, вошел в общину и отдал ей все свое состояние.

Дом, в котором живет каждая большая семья, — не монастырь. Это обширное здание, в котором имеются небольшие квартиры для каждой малой семьи; обширные мастерские, одни для мужчин, другие для женщин; большая общая столовая; большие общие залы для игр, собраний и бесед; школы; больница, капелла, сад, место гуляния, земельные участки вокруг здания, общие склады и т.д.

Основами их общества являются действительное и полное равенство, братство и общность труда и потребления. Каждый должен иметь какую-нибудь профессию. Все продукты принадлежат всем сообща; все пользуются ими в равной степени без всякого предпочтения; все едят вместе и питаются, одеваются и живут одинаково.

Все братья вместе избирают хозяина, и все сестры — хозяйку, которые и представляют семью и несут постоянную ответственность.

Почти все выходят замуж без приданого; развод дозволен, но случаев развода не было. Детей воспитывают и кормят почти сообща.

Они исповедуют христианство, но самое главное значение придают евангельской морали, устраняя все, что относится к догме, придерживаясь простого культа первых христиан, без священников и икон.

Правительства их терпят, но короли и даже Наполеон никогда не хотели допускать их в свои армии.

И счастье, приносимое им общностью имущества, длится уже около трехсот лет.

Я не буду вам цитировать «Четыре исторических возраста» и «Безумцев» Беранже, потому что его песни или, вернее, его философские оды известны во всех концах земли.

Я процитировал бы вам экономистов Ж.-Б.Сэ, Шторха, Сисмонди и

т.д., затем Шатобриана, Ройе-Коллара, Гизо, Кузена, Баранта, Вильмена, Токвилля, Лерминье, Бильяра, Жорж Занд, Ог.Конта и т.д., и т.п., если бы я не был вынужден закончить этот затянувшийся обзор.

Я приведу, однако, несколько слов Сисмонди из его «Принципов политической экономии»:

«В современном состоянии общества большинство налогов тратится на защиту богатого против бедного.

Особенно справедливо это в отношении налога крови. В самом деле, говорят, что армия создана, чтобы защищать порядок и собственность. Но если собственность есть искусство поглощать труд бедного, то последний, составляя всю армию, образует часть бедного класса, которая изолирована и военизирована для того, чтобы притеснять другую часть своего же класса. Тогда не говорите больше о национальной армии и покупайте сами ваших рабов, ибо нация — это огромное большинство».

Теперь прибавьте ко всем этим мнениям свыше трех тысяч польских изгнанников, большинство эмигрантов, поднимающих знамя демократии и равенства, тогда как остальная часть протестует против обвинения в аристократизме.

Прибавьте ассоциации английских и бельгийских рабочих в Лондоне и Брюсселе, призывающих народы к равенству, тогда как масса французских рабочих призывает к общности труда и пользованию его плодами. Прибавьте множество книг и бесчисленные журналы, которые во всех странах провозглашают демократию и требуют социальных реформ.

Прибавьте бесчисленные филантропические общества во Франции, Англии, Америке, требующие избирательной реформы, всеобщего голосования, просвещения народа, приютов для детей, отмены рабства, исправления осужденных и приобщения дикарей к цивилизации.

И скажите, разве эта масса мнений и авторитетов не импонирует вам?

Я не останавливаюсь на том, что мне кажется несовершенным в этих различных системах, ибо вы знаете, что мы, икарийцы, не всё одобряем, что не есть полное равенство и общность.

Я не останавливаюсь также, чтобы выразить сожаление ни по поводу крайностей, естественных, но по существу несправедливых а потому менее убедительных, — некоторых писателей по отношению к богачам и аристократам, ни по поводу их злосчастной нетерпимости по отношению к людям, которые мыслят иначе, чем они, но которые, как и они, ищут блага человечества.

Я спрашиваю вас, противники общности, будете ли вы еще утверждать, что общность и равенство не имеют на своей стороне никаких значительных авторитетов, когда вы теперь видите их столь много и когда вы видите, что философский и ученый мир провозглашают равенство?

До завтра! Мы увидим, в завершение нашей беседы, будущее человечества, и вы, я надеюсь, убедитесь, что этим будущим является система общности.

Кто мог бы отрицать прогресс? Кто мог бы отрицать, что цивилизация лучше дикого состояния, рабство лучше истребления побежденных, свобода лучше рабства, христианство с его моралью лучше язычества; равенство, братство и взаимная любовь лучше кастового разделения общества; действенность, движение и прогресс лучше сопротивления и застоя; братство народов, сношения, концентрация и единство лучше барьеров, отделения и дробления; совершенствование, воспитание и истина лучше огрубения, невежества, суеверия и лжи; что мир лучше войны, свобода лучше деспотизма, коммуна лучше феодализма, независимость лучше принудительного подчинения, действительная представительная система лучше абсолютной монархии или аристократии, республика в Соединенных Штатах лучше королевства? Кто мог бы отрицать миллионы реформ, направленных против миллионов предшествовавших им злоупотреблений?

Кто может отрицать прогресс в науках искусствах, в открытии Америки, в изобретении книгопечатания, паровых машин, железных дорог и т.д.?

Кто может отныне отрицать человеческую способность к совершенствованию?

И кто может поставить пределы этой способности? Кто может указать пределы математических наук, геологии, химии, физики, астрономии, механики, медицины, фармации? Кто может опровергнуть Прайса, Пристли, Тюрго, тысячи других, в особенности Кондорсе, утверждавших, что способность к совершенствованию человека бесконечна, что человечество находится еще в периоде своего детства, что будущее для него — неизвестный творец последовательных усовершенствований, из которых каждое будет постоянно порождать тысячи других?

Послушайте Тюрго, который хотел в десять лет преобразовать всю Францию, сделать из ее народа первый народ мира и из ее территории великолепный сад!

Послушайте, как Кондорсе пророчески предсказывает бесконечное совершенствование человека в физическом, умственном и нравственном отношениях, как он предсказывает человеку улучшение его природы, более здоровое, более красивое, более совершенное тело, избавленное от страданий и болезней, более тонкий и более могучий ум, более любящее и более благородное сердце, более чистую и, так сказать, более божественную душу!

И все эти чудеса были бы делом социальных и политических учреждений, которые помогали бы природе вместо того, чтобы душить ее; делом главным образом воспитания, всемогущего воспитания, делом разума и провидения, которое преподнесло нам этот неоценимый дар, чтобы он мог произвести эти чудеса.

И эти социальные и политические учреждения, которые должны таким образом будить работу разума и исполнять требование природы и веление провидения, — каковы они, или, вернее, что составляет их сущность?

Вы это слышали. Все, кого человечество спрашивает, как своих оракулов, отвечают вам, что это — равенство, и, почти все прибавляют, что это — общность.

И тот, кому мир поклоняется как богу, провозглашает уже в течение восемнадцати веков, что это — равенство и общность.

Да, общность есть последнее социальное и политическое усовершенствование и цель, к которой стремится человечество. Все другие улучшения неизбежно ведут к ней, все они сами по себе могут быть только недостаточными и, следовательно, по существу переходными и подготовительными мерами.

Чем была бы, например, одна только республика, без искоренения нищеты, а следовательно и избытка, без обилия и счастья для умеренно трудящегося народа и, следовательно, без равенства воспитания и состояния?

Чего требуют те, кто говорит о социальной реформе (а о ней говорят все)? Каких социальных реформ они хотят? На какой социальной реформе хотят они остановиться, чтобы общество стало, по их мнению, совершенным? Зачем проводить какие бы то ни было реформы, если они не хотят достатка и образования для всех? Если они хотят достатка, образования и избирательных прав для всех, то зачем останавливаться на полпути и не принять полного равенства и общности?

Нет, не существует конечной остановки между рабством и ассоциацией или равенством, между неограниченным избытком рядом с нищетой и общностью.

Желать действительной ассоциации, или воспитания, или достатка, или всеобщего голосования — это неизбежно значит желать равенства и общности. Отвергать равенство и общность неизбежно значит отвергать всеобщее голосование, и всеобщий достаток, и общее воспитание, и даже действительную ассоциацию.

Реформа — это огромная лестница между небом и землей, по которой взбираются на небо, если можно беспрепятственно поставить ногу на первую ступеньку, затем на вторую и остальные, и от которой надо отгонять всех обступивших ее, не позволяя им взобраться на первую ступень, если хотят быть уверенными, что они не доберутся до последней.

Так вот, найдете ли вы таких аристократов, которые предоставили бы народу свободу союзов, образование, достаток и избирательное право? Не оказываются ли они, напротив, все более предусмотрительными и более последовательными, подобно английской аристократии, не признают ли они, что злоупотребления существуют, но что они неизбежны, и провозглашают принцип консерватизма вместе с принципом сопротивления и застоя, потому что, говорят они, если сделать одну уступку, то придется сделать тысячу, если коснуться одного злоупотребления, придется коснуться всех, если вынуть один камень, упадут два, три, а затем и всё здание, если допустить одну дыру в плоти — скоро будешь затоплен и если позволить демократии взобраться на первую ступень, она скоро доберется до общности.

Да, если бы я имел право обращаться к королям, я сказал бы им: «Сделайте человечество счастливым! Заявите торжественно, то вы принимаете общность, и начните с образования, со свободы печати и ассоциации, о всеобщего избирательного права. Выберите надлежащее время, идите медленно и подвигайтесь вперед. Народ вооружится терпением и бросит всякую мысль о революции, когда увидит, что вы решительно пошли по пути реформ, но не теряйте ни одного мгновения, когда речь идет об искоренении нищеты и уменьшении неравенства. Если вы отвергаете принцип общности для будущего то мне не о чем с вами говорить, ибо не будет недостатка в посланцах сатаны, которые скажут вам: «Берегитесь, остерегайтесь даровать право голоса, или образование, или достаток, или свободу союзов: у вас сейчас же потребуют общности!»

Я сказал бы равным образом людям, которые хотят блага человечества, но довольствуются тем, что требуют свободы союзов или избирательного права, достатка или образования, из опасения не добиться большего: «Не ослепляет ли вас ваше легковерие, когда вы надеетесь, что те, кто не хочет дать вам общность, предоставят вам сенсимонизм или товарищескую коммуну, свободу союзов или право голоса, образование или достаток, т.е. лестницу, чтобы взобраться до общности?

Я, без сомнения, не имею права говорить так, как это делали многие другие. Но, предлагая вам мое мнение и убеждение, я рискнул бы сказать вам: «Нужно выбирать между всем и ничем. Вы все, кто не хочет общности, откажитесь от свободы союзов, избирательного права, образования, достатка, всякого улучшения, всякого прогресса. Примите status quo, сопротивление, застой, существующий строй со всеми его пороками, нищетой и богатством! со всеми их бедствиями. Будьте консерваторами, ториями, легитимистами! Остановите и даже везите назад колесницу человечества! Вернитесь к аристократии с божественным правом, к первосвященникам и обожествляемым императорам, к суеверию, барьерам между народами, к огрубению человека, к кастам Египта и Индии, одним словом — к рабству, уподобляющему человека животному». Вы не можете, — скажете вы мне. Колесница слишком тяжела, спуск черезчур крут и лошади слишком горячи, чтобы спускаться. Тогда вперед, вперед по направлению к общности! Вперед все! И как бы ни была многочисленна армия, мы будем идти вперед без беспорядка, и мы придем небольшими переходами, без боев, без опасностей и без напряжения. И у всех народов будет общность! И земля будет только одним государством! И человечество составит только одну семью! И эта неизмеримая семья, опьяненная счастьем, будет преисполнена восхищением, благодарностью и почтением к природе или провидению.

Вы опять скажете, что это невозможно? Точно это не было сотворения мира банальным возражением против всего нового, что не нравилось! Было ли хоть одно изобретение, которое не объявлялось бы невозможным до его осуществления, хотя после всегда говорилось, что это самая простая и самая легкая вещь, и каждый хвастал, что он мог бы

сам его сделать, не допуская даже, что можно в этом сомневаться!

Сколько миллионов осуществленных мнимых невозможностей! Разве не объявляли невозможной отмену рабства; божественность того, кого, как, негодяя, распяли между двумя ворами; всемирную монархию папы, бывшего нищего и корсара? Не указывали ли на Колумба пальцем, как на сумасшедшего, и не хотели ли повесить его на мачте его собственные матросы, убежденные, что открытие Америки невозможно? Считали ли возможным, что компания купцов (английская компания Индии) завоюет сто двадцать миллионов подданных, а маленькое общество монахов (иезуиты) станет руководителем королей и народов? Разве парижский медицинский факультет не отрицал кровообращения, открытого Гервеем за пятьдесят лет до того? Разве он не отрицал в течение ста лет того, что картофель так же пригоден человеку, как и свинье? Разве Томас Пен не рисковал быть убитым за то, что предложил, как возможное, независимость и республику, провозглашенные немного спустя американским конгрессом? Разве не смеялись над тем, кто предложил освещать Лондон газом и кто должен был, как уверяли, взорвать и сжечь город своим вулканом из тысяч подземных каналов? Разве Институт, получивший запрос от Бонапарта, не заявил, что пароходы невозможны? Разве Наполеон не прогнал, как чудака, Фультон, предлагавшего ему средство осуществить предмет его самого пылкого желания? Разве мир считал возможными Французскую революцию, карьеру маленького капрала – императора, три парижских дня и любое из тысячи событий, последовавших за ними? Допускали ли ученые возможность, что небольшое количество кипящей воды может переместить вагон на расстояние в 720 лье в 24 часа?

Вычеркните же слово невозможно или, по крайней мере, не применяйте его к общности, когда столько гениев объявили ее возможной!

Не забудьте, что Моисей возвестил о реформаторе, которого ждали в течение веков на всем Востоке; что Иисус Христос возвестил благую весть пришествия этого реформатора и предсказал будущее пришествие другого мессии; что Платон сказал: «Когда-нибудь в какой-нибудь стране какой-нибудь государь установит общность» и что Т.Мор, Гельвеций, Мабли, Тюрго, Сийес, Дидро, Кондорсе, Б.Констан и др. возвестили, что когда-нибудь все возможности станут действительностью!

Не забудьте в особенности железных дорог, – да, железных дорог, – которые все революционизируют и подготовят объединение государств и народов.

И чтобы закончить наиболее решающим из авторитетов, я скажу вам: предположите, что сегодня, в 1836 г., Конфуций и Зороастр, Ликург и Агис, Солон и Пифагор, Сократ и Платон, Аристотель, Гракхи, Аполлоний, Плотин и Плутарх, Т.Мор и Локк, Монтескье и Руссо, Гельвеций и Мабли, Тюрго и Кондорсе, Вашингтон, Франклин, Т.Пен и Дидро, Сийес и Мирабо и т.д. и т.п. выходят из могил и собираются на конгресс здесь, в Икарии, под председательством Иисуса Христа, чтобы сделать выбор между равенством и неравенством, между собственностью и общностью.

Можете ли вы сомневаться, что, видя пред собой счастье Икарии, они провозгласили бы для человеческого рода равенство и общность!

Мы, икарийцы, так счастливы нашей благодетельной общностью, что все, мужчины и женщины, не знаем, как выразить нашу благодарность тем, кто доставил нам столько счастья, и с постоянно возрастающим пылом мы беспрестанно восклицаем: «Слава нашим освободителям! Вечная слава доброму Икару!» Но наши чувства всеобщего братства слишком искренни, чтобы я мог не воскликнуть здесь от имени всех наших сограждан: «Желаю вам и вашим отечествам скорейшего счастья коммунизма!»

Нечего говорить, что ответом на филантропическое пожелание оратора был гром аплодисментов: энтузиазм был так велик и благодарность Динару так сердечна, что собрание, почти в полном составе, проводило его домой. Можете судить о радости Евгения и о моем счастье, так как Динар был почти мой брат!

Глава пятнадцатая. АССОЦИАЦИЯ И ПРОПАГАНДА В ПОЛЬЗУ ОБЩНОСТИ

Иностранцы вновь собрались, чтобы обсудить вопрос, отложенный до окончания доклада Динара, а именно – о том, применима ли общность в их странах. Все заставляло предполагать, что преобладающее большинство даст утвердительный ответ. Однако оппозиция была настойчива. Антонио первый взшел на трибуну и заявил, что его мнение значительно изменилось в результате того, что он видел и слышал, но он, тем не менее, все еще сомневается в том, что икарийская система, как бы она ни была желательна, осуществима теперь в Испании.

– Я понимал бы это сомнение, – ответил один итальянский карбонарий, изгнанный папой в 1831 г. – если бы мы не имели опыта Икарии. Но когда Икария приступила к осуществлению на опыте своей системы в 1782 г., не была ли она в том же положении, в каком теперь находятся Испания, Италия и почти все цивилизованные страны? Разве положение всех этих стран теперь, в 1836 г., не более даже благоприятно, чем положение Икарии пятьдесят четыре года назад, в особенности когда они имеют перед собой в виде образца опыт, который так прекрасно удался? Чтобы добиться такого же успеха, как икарийцы, каждый народ должен только повторить то, что они сделали, и сможет даже лучше сделать, избегая ошибок, которые они, в силу своей неопытности, совершили в 1782 г.

Предположите, что принцип общности принят в Америке, Англии, Франции. Будет ли тогда что-нибудь легче, чем выполнение этого плана в Соединенных Штатах? Если бы весь промышленный гений англичан, если бы весь изобретательский гений французов были пущены в дело, чтобы осуществить то, что сделали икарийцы, то разве эти два народа не успели бы так же хорошо, как и икарийцы?

Почти все оппоненты заявили, что они допускают возможность осуществления общности, если все будут согласны, но аристократы и богатые не согласятся на это, и их собственное колебание происходит из опасения, что пришлось бы пролить много крови, чтобы победить

сопротивление.

— Буду работать медленно и осторожно, как это делал Икар, — ответил поляк.

— Впрочем, — сказал Евгений, — разве режим общности не составит одинаково счастье как богатых, так и бедных? Зачем сомневаться в том, что многие дворяне окажутся справедливыми и благородными и поймут свой настоящий интерес, как это сделали икарыйские дворяне в 1782 г., как это сделало французское дворянство 4 августа 1789 г., как это делает теперь наш друг лорд Керисдолл, один из наиболее богатых сеньоров Англии, который желает отдать все свое состояние для установления режима общности в его стране?

— Я знаю, — прибавил я [я — Вильям], — многих лордов и сеньоров во Франции, Пруссии, Венгрии, в Италии, Испании, даже в России и в других местах, которые желают в такой же степени, как и мы, блага человечества.

— Что касается пролития крови, — сказал другой оратор, — то я приведу рассказ, который я слышал несколько дней назад. В продолжение шестнадцати лет, которые он прожил после революции 1782 г., Икар любил говорить, что самое дорогое его воспоминание заключалось в том, что он имел счастье осуществить свою новую систему без кровопролития. И вот, мы последуем его примеру!

— Мы последуем его примеру! — повторило множество голосов.

Ораторы, родом из пяти или шести соседних стран (Виргиния, Тарон и т. д.), заявили, что пример Икарии был принят в их странах, не встретив сопротивления, хотя и с меньшим успехом, так как эти страны имели меньше ресурсов.

Два американца, из Нью-Йорка и Филадельфии, утверждали, что нет ничего более легкого, чем применение системы общности в двадцати четырех объединенных штатах. Они прибавили, что Америка уже провела много частичных реформ, которые ведут к режиму общности; в нескольких штатах аристократические банки теряют свои привилегии; почта на лошадях заменена специальными вагонами; что boarding-house (общие хозяйства) множатся в новых городах для организации совместного питания; рабочие хотят работать только как члены ассоциации, и домашнюю прислугу с каждым днем становится все труднее найти. Их речи были встречены продолжительными аплодисментами.

— Я был в молодости одним из наиболее нетерпимых аристократов, — сказал почтенный отец Френсис (шотландский миссионер), — затем я стал священником и объехал почти все части земного шара. Теперь я стар, возраст дал созреть всем моим идеям, и я не колеблюсь заявить вам мое глубокое убеждение, что система Икарии осуществима повсюду. Я тем менее колеблюсь сделать это заявление, что оно меня ни к чему не обязывает. Сейчас нам будут предложены пути осуществления. Если мы можем сделать мало, мы сделаем мало; если мы не можем идти быстро, мы пойдем медленно. Но я думаю, что кое-что мы можем...

Когда было предложено и решено закрыть прения, около двухсот

человек воздержалось от голосования, заявив, что не составили еще себе твердого убеждения, а свыше девяти с половиной тысяч объявили систему осуществимой. Это голосование было встречено долгими и шумными знаками одобрения.

Несколько членов меньшинства, увлеченные этим огромным большинством, заявили, что ввиду такого значительного большинства они присоединяются к его мнению, потому что это обстоятельство делает, как им кажется, осуществление системы более легким.

Тогда поставлен был вопрос, следует ли уже сейчас приняться за осуществление.

Другие ораторы — меньшинства — настаивали на том, что нужно предоставить это начинание ближайшему поколению или ждать, чтобы начала какая-нибудь великая европейская нация или явился новый Икар.

— И если второй Икар, — ответил один толстый немец, — будет собираться на землю так же долго, как Икар после Иисуса Христа, то придется ждать тысячу восемьсот лет! Если Франция будет ждать Англию, а Англия Францию, то каждая будет ждать еще больше! Если настоящее поколение передаст дело ближайшему поколению, то почему последнее не могло бы передать его также следующему? И мы поступим тогда, как тот цырюльник, который написал на своей двери: «Завтра здесь бреют даром», и когда кто-нибудь хотел побриться даром, отвечал ему, смеясь: «Читайте мое объявление: только завтра здесь бреют даром». [Взрыв смеха],

Что касается меня, то я принимаю принцип: «Помогай себе сам, тогда тебе небо поможет». Это был также и принцип Икара, который подготовил свои планы задолго до революции. Не знаю, сделаем ли много или мало, но мое мнение — мы не должны говорить, как цырюльник, завтра и должны начать сегодня.

Крики «голосовать» смешались с возгласами «браво», и голосование дало еще более значительное большинство, чем предыдущее.

Что можем мы сделать, чтобы установить режим общности? — гласил четвертый вопрос.

— Что можем мы сделать? — воскликнул самый пылкий оппонент. — Где наша армия, наша казна, наша власть, чтобы установить республику и режим общности, во Франции, Англии, Европе? Кто среди нас — Икар, облеченный полномочиями диктатора? Кучка иностранцев для каждой страны, — что можем мы сделать? Ничего, ничего, абсолютно ничего!

— Мы можем так мало, — сказал другой, — что поистине нам лучше также подождать.

— Так мы поступили бы лучше, — сказал третий, — потому что мы могли бы только задержать, а не ускорить событие, которого мы желаем: часто отступают назад, чтобы двинуться скорее вперед. Дело это еще не созрело.

— Где была бы теперь Икария, — ответил Евгений, — если бы ее Икар так ставил вопрос? Разве Икар не начал свое дело за несколько лет до революции? Разве он не начал, когда был один и не имел в своих руках власти? Поступим, как он, начнем сейчас же.

— Вы, следовательно, хотите установить режим общности при помощи насилия? — крикнул ему громовый голос. — Вы хотите, следовательно, чтобы были заговоры, бунты, покушения, революции?

— Нет, нет — ответил Евгений, — а так как вы мне делаете такое возражение, объяснимся начистоту! Я разделяю без всяких оговорок убеждения и принципы умеренности, терпимости и философии, изложенные Динаром. Более счастливый, чем вы, так как он меня удостаивает своей дружбы и я имею счастье беседовать с ним ежедневно, я вместе с ним глубоко убежден, что насилие было бы более губительно, чем полезно. Чем больше я размышляю о прошлом, чем больше я принимаю во внимание недостаточное просвещение масс и недостаточное благоразумие вождей, тем больше я опасаясь насильственной революции. Чем больше я люблю народ, чем больше я ему предан, тем больше я желаю реформы, которая не была бы эфемерна, тем более пылки мои стремления к режиму общности, тем больше горю я нетерпением увидеть ее основательно и прочно установленной и тем больше я хотел бы для нее всеобщего признания.

И так как истинный патриот должен всем жертвовать для действительных интересов народа, так как несколько лет не имеют никакого значения в существовании народов и человечества, то я предпочел бы, чтобы режим общности начался через десять лет с просвещенным народом, чем чтобы он начался через год с народом, мнения которого слишком мало определились. Не желая помешать успеху слишком большой поспешностью, я предпочитаю ждать его долго и, далекий от мысли о насилии, я, наоборот, если бы голос мой был достаточно силен, чтобы его могли услышать, громко кричал бы: «Никаких заговоров, никаких бунтов, никаких покушений! Будем только обсуждать, будем просвещать общественное мнение!»

— Но вы нападаете на французскую хартию!

— Нет, я хочу, чтобы просвещали избирателей, депутатов, нацию и правительство, не прибегая никогда к насилию.

— Но вы хотите разрушить монархию и установить республику!

— Нет, я опять хочу только, чтобы просвещали избирателей, депутатов, нацию и правительство, чтобы они согласились на установление всеобщего избирательного права (которое не запрещено ни хартией, ни законом). Я не придаю значения ни названиям, ни лицам. Для меня неважно, называется ли политическая организация монархией, демократией, обществом, представительным правлением или как-либо иначе, лишь бы народ имел свое избирательное право. Для меня мало важны даже число и титул правителей и их гражданский лист, если они дают народу равенство и общность. Пусть только явится благодетель народа, и я не буду возражать против того, чтобы ему присуждены были самые громкие титулы, всякие почести и все миллионы, которых он может пожелать, если только возможно, что благодетель человечества придает значение сокровищам!

— Но вы нападаете на собственность!

— Ничуть! Глубоко убежденный, что всякое сильное нападение на

собственность может породить только войну и бедствия для бедных, как и для богатых, я признаю ее, как и всё, что называют приобретенными правами. Я требую, чтобы они были оставлены настоящему поколению и чтобы изменение было сделано только для будущего поколения, подготовленного к тому, чтобы принять это не страдая. Я хочу только, чтобы просветили избирателей и депутатов, правительство и нацию, чтобы они допустили реформы, которые они бесспорно имеют право дать и провести, и вместе с Икаром и Динаром я требую, чтобы, допустив принцип общности и приняв его по убеждению, к нему готовились при помощи переходной системы, достаточно продолжительной, чтобы согласовать все интересы.

— Но вы возбуждаете ненависть бедных к богатым!

— Нет, нет, напротив! Бедный ненавидит богатого испокон веков, до меня и без меня, и именно его нищета порождает в нем эту ненависть. Далекий от того, чтобы усиливать ее, я хочу смягчить ее, направляя ее только на вещи; я хочу, чтобы бедных просвещали так же, как и богатых, и богатых так же, как и бедных, в их общем интересе, показывая им истину, указывая им настоящую причину их общих бедствий и средство, которое даст им возможность пользоваться общим счастьем. Одним словом, ничуть не обращаясь с призывом к насильственным мерам, я взываю только к разуму, философии, справедливости и, если это нужно, к благородным страстям, чтобы обеспечить благо человечества.

— Но что же мы можем, наконец, сделать? — крикнул ему другой из оппонентов.

— Что мы можем сделать? — ответил Евгений. — Вот мое предложение.

Мы здесь представители почти всех стран. Так вот, мы могли бы образовать большую ассоциацию, которая выбрала бы сторонников принципа общности среди наиболее уважаемых, наиболее популярных и наиболее влиятельных людей, издавала бы книги и пропагандировала организацию Икарии.

Если бы ассоциация даже не сделала ничего другого, она оказала бы огромную услугу человечеству. Ибо допустите, что миллионы французов, миллионы англичан, миллионы немцев, миллионы американцев высказались бы в пользу общности, и судите сами затем, какое влияние оказал бы один этот факт на общественное мнение!

И когда говорят, что мнение есть царица мира, то это не одно из тех лживых слов, которыми так часто обманывают людей, потому что торжество христианства свидетельствует, что даже пытки палачей бессильны против идей и убеждений.

Так что, если бы, как я уже сказал вам прежде, вся Франция была собрана в одном зале и выслушала объяснение об организации Икарии, то вся Франция, я в этом нисколько не сомневаюсь, пожелала бы для себя этой организации [Германия тоже! Испания тоже! Пруссия тоже! — слышались возгласы со всех сторон], и режим общности установился бы всюду без кровопролития, без малейшего насилия, одной только силой общественного мнения.

Но так как физически невозможно собрать весь народ Франции, например, ни в одном зале, ни на одной равнине, то соберем его на другой манер и ознакомим его с Икарией, распространяя сочинения, которые заменят для него дискуссию.

— Но ассоциация запрещена вашими французскими законами! — крикнул ему его противник.

— Я — это знаю, и меня это огорчает. Но законы, которые отнимают у человека из его наиболее драгоценных свобод — свободу создавать ассоциации и собираться, чтобы обсуждать и изучать средства быть счастливыми, могут быть только исключительными и временными в странах философии и цивилизации, в особенности когда граждане Англии и Америки обладают и пользуются неограниченным правом создавать союзы и собираться, проповедывать и издавать, говорить и писать. К тому же французский закон не запрещает дискуссию в печати.

Нам, быть может, потребуется долгое время, но что значат несколько лет в жизни нации? Не пройдет и двух-трех лет, как мы будем иметь миллионы голосов, вероятно, голоса людей, наиболее выдающихся своим образованием и добродетелями, и мы, наверное, достигнем цели, повторяя, единственно силой разума, убеждения и общественного мнения!

— На Англии... Но я замечаю, что мой уважаемый друг просит слова...

— Продолжайте, — кричали ему старый миссионер и многие другие.

— Главным образом на Англии, Франции и Соединенных Штатах Америки должна сосредоточить, по моему мнению, все свои силы наша ассоциация. И если икарийский народ захочет оказать нам какую-нибудь помощь, то никто, я думаю, не будет уже больше спрашивать, что может сделать ассоциация...

Аплудисменты были так бурны, что я был так же поражен, как и очарован,

Но тишина тотчас же была восстановлена, как только увидели на трибуне седую шевелюру почтенного отца Френсиса.

— Я поддерживаю всей душой, — сказал он торжественным голосом, — мнение молодого человека, который предлагает вам собирать всюду голоса в пользу принципа общности. Но, целиком одобряя его благоразумие и умеренность, я иду дальше, потому что мой возраст разрешает мне, быть может, большую смелость: нужно вести пропаганду! Нужно выполнить новую миссию! Апостолы Икара, будем подражать апостолам Иисуса Христа. Уедем из Икарии, чтобы объехать землю и проповедывать народам общность! Будем писать, говорить, обсуждать, убеждать, обращать!

Почти согбенный старостью, я хотел умереть спокойно в земном раю — Икарии. Но я готов снова пересечь моря. Я отправлюсь, если вы пожелаете, на север Америки, но не для того, чтобы опять увидеть дикарей, у которых я когда-то побывал, но для того, чтобы проповедывать общность той нации, которая, быть может, больше всего походит на Икарию. О, я умер бы там счастливым, если бы голос мой

способствовал принятию системы, которая дополнила бы ее благоденствие и составила бы счастье всей Америки!

Эти слова старца вызвали такое умиление и такой сильный энтузиазм, что со всех сторон потребовали голосования принципа ассоциации и назначения комиссии, которая представила бы собранию проект организации общества.

Собрание приняло это предложение единогласно и с таким одушевлением, как будто режим общности должен был уже завтра устанавливаться во всех пяти частях света.

Глава шестнадцатая. КРЕСТОВЫЙ ПОХОД В ИКАРИИ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЩНОСТИ

Я выхожу из зала Национального представительства. Какое заседание! Какое зрелище!

После собрания иностранцев, результат которого вызвал живейшие симпатии во всей республике, Динар и Вальмор добились созыва народных собраний Икары. И триста тысяч граждан столицы единогласно приняли петицию к представителям нации: принять дело иностранцев на попечение правительства Икарии.

Дед Вальмора возвестил, что завтра он внесет проект закона в пользу народов, которые обратились бы за помощью к республике, после того как они у себя установили бы режим общности.

Его предложение, розданное всем депутатам и опубликованное в национальном журнале, стало известно всем гражданам Икарии. Так как этот факт крайне заинтересовал общественное мнение, то зал был переполнен и вокруг здания столпилось множество граждан, с нетерпением ожидавших результата голосования.

— Представители Икарии, — сказал старый оратор медленным и слабым, но совершенно отчетливо слышным голосом, среди торжественного молчания, — я никогда еще не говорил перед вами о предмете, более важном и интересном для республики. Однако я буду краток, потому что знаю, что мои убеждения — также и ваши убеждения.

Наш Икар, бессмертной и славной памяти, советовал нам, — вы все это знаете, — смотреть на все народы как на наших братьев и не пренебрегать ничем, чтобы дать им возможность пользоваться счастьем общности, после того как она упрочилась у нас.

Мы хорошо сделали, что сперва занимались только нашими внутренними делами и не стремились распространять наши отношения вовне.

Мы даже хорошо поступили, когда не старались стать известными отдельным нациям и посылали к ним только тайных комиссаров. Но не настало ли время ознакомить с нами весь мир?

Посмотрите, как велико теперь наше могущество!

Нам больше нечего опасаться. Даже коалиция двадцати народов нам совершенно не страшна, ибо мы могли бы выставить против них свыше десяти миллионов граждан-солдат.

Семь ближайших к нам народов — наши союзники или, вернее, друзья и братья, которые нам служили бы оплотом или авангардом, тогда как четыре диких народа, которых мы цивилизовали и колонизировали, служили бы резервом.

Наш флот, соединенный с флотами двух наших союзников, может предпринять самые отдаленные экспедиции. Свыше двух миллиардов в золотых и серебряных слитках и сосудах и свыше миллиона солдат позволяют нам предпринять все, ибо если бы республика провозгласила крестовый поход в пользу общности, то я убежден, что свыше миллиона молодых граждан добровольно стало бы под знамя пропаганды коммунизма.

И если бы это знамя явилось народам, сколько союзников, сколько миллионов угнетенных в первую очередь захотело бы стать в ряды вокруг знамени свободы!

Никогда народ или завоеватель не имел в своих руках подобной силы.

При таких условиях должны ли мы ограничиться участием только к нашим несчастным братьям — черным рабам? Не должны ли мы также заинтересоваться активно и судьбой наших несчастных братьев — белых рабов?

И так как мы теперь можем решиться на то, чего мы не могли делать до настоящего времени, то мы не должны больше ограничиваться только своими собственными делами. Нужно поднять знамя общности во Франции или Англии, потому что это знамя, отправившись из одной или другой из этих великих стран, обойдет всю остальную Европу, и мы одним ударом освободим весь мир.

Провозгласим же наши принципы во всем мире; направим посланников ко всем народам; заключим союзы со свободными народами; призовем к нам иностранцев, чтобы они видели наше благоденствие; окажем помощь ассоциации, которая организовалась здесь, и заявим Англии и Франции, что если одна из них провозгласит общность и остальная Европа захочет объявить ей войну, то наша республика предоставляет в ее распоряжение миллион человек и два миллиарда.

Но было бы недостойно избранных мудрого народа действовать поспешно в деле этого рода и поддаваться энтузиазму вместо того, чтобы слушаться только разума.

Обсудим поэтому спокойно это дело, запросим всех наших братьев, объединенных в их народных собраниях. И чтобы быть более уверенными, что мы не поступаем вразрез с нашими интересами, дав себя увлечь нашим благородным чувствам, отсрочим на шесть месяцев окончательное обсуждение.

Представители Икарии, вы, быть может, будете решать судьбы человечества!

Что касается меня, старого соратника Икара, то я счастлив, что жил достаточно, чтобы сделать вам это предложение. Я кончил.

Лицо почтенного старца сияло... Я ожидал бесконечных аплодисментов, но был так же поражен, как и другие, когда увидел, что

он сошел с трибуны среди самого глубокого молчания, хотя все собрание по своей воле поднялось в знак уважения и провожало его глазами, пока он не вернулся на свое место. Вальмор показался мне бледным; Динар улыбался; Евгений и я задыхались от волнения.

Президент спросил, не желает ли кто-нибудь высказаться за это предложение или против него. Молчание... Не желает ли кто-нибудь внести поправку. Опять молчание... Тысячи ламп освещали тогда зал, и свыше шести тысяч человек слушали. Судите сами, какое величественное зрелище!

— Вы будете сейчас голосовать, — сказал президент. — Пусть те, кто за принятие предложения, встают.

Две тысячи законодателей встали.

— Пусть те, кто против, встают. Все остались сидеть.

И все та же глубокая тишина в зале, хотя у каждого сердце колотилось в груди.

— От имени Национального представительства, — сказал президент, — объявляю предложение принятым.

Вы не можете себе представить взрыв энтузиазма, разразившийся тогда среди иностранцев, на галереях и на скамьях представителей народа.

Крики повторились и снаружи; новость с быстротою молнии распространилась во всех шестидесяти народных собраниях Икары, собравшихся в экстраординарном порядке для этой цели. И всюду она была принята с радостью и одушевлением, каких уже давно не видели.

— Мы увидим еще, — сказал мне Евгений опьяневший от радости, — такое заседание в Париже или Лондоне! Икария, Франция, Англия! О, мой дорогой друг, мы ее увидим, эту дорогую общность, которая составит счастье человеческого рода.

Глава семнадцатая. СЧАСТЬЕ МИЛОРДА

Все улыбается мне: наша ассоциация организовалась окончательно под защитой республики; право жить здесь, исходатайствованное для меня дедом Вальмора, делает меня икарийцем, оставляя англичанином; мисс Генриетта, давно уже терзаемая старой теткой, ищет своего счастья в посвящении себя религии; Вальмор и Алаэ так счастливы в надежде на свой брачный союз, что срок в два месяца, положенный для нашего тройного брака, был уменьшен наполовину, и завтра начинается для нас рай.

Все в движении, все дышит радостью!

Уже счастливого дружкой сегодня, завтра любовь сделает меня счастливейшим из супругов и людей, и я скоро смогу увидеть опять мою дорогую Англию, показать ей свою Динаизу и трудиться для блага отечества, знакомя его с чудесным счастьем Икарии и поразительными благодеяниями общности.

Как я буду счастлив послезавтра, когда набросаю для своих детей рассказ о нашей свадьбе, которая будет так радостна!

Если бы я был суеверен, я испугался бы такого огромного счастья!

Глава восемнадцатая. БРАК И СВАДЬБА

Эта глава, название которой написано рукой милорда в его дневнике, даже не начата, и записи были прерваны самым ужасным несчастьем.

Я заполнил их на основании собранных мною сведений.

Глава девятнадцатая. КАТАСТРОФА

21 июня прошлого (1837) года я получаю от лорда Керисдолла записку, в которой он меня извещает о своем приезде и настоятельно просит зайти к нему. Я бегу к нему, желая поскорее обнять его.

Хотя он всегда относился ко мне очень сердечно, но он меня обнял с такой сердечностью и даже нежностью, что я был растроган. Я нашел его страшно усталым, печальным, убитым; лицо его показалось мне изменившимся и искаженным, как будто сильное горе сделало его бледным и избородило морщинами. Я едва осмелился задать ему вопрос. Мы, однако, беседуем, и я нахожу новую прелесть в его рассказе, в котором печаль смешивалась с энтузиазмом.

— О, мой друг, — повторил он несколько раз, — что за чудо эта Икария!

Но вдруг черты его сразу изменяются; лицо воодушевляется; он делает движение ужаса; взгляд его становится блуждающим, он смотрит пристально в окно на небо и внезапно вскакивает с криком:

— Ты бежишь от меня, моя Динаица! Ты оставляешь меня одного в Англии! Приди, мой ангел, приди вернуть мне жизнь!

Но физиономия его опять быстро изменяется, радость и счастье блещут в его глазах; улыбка появляется на его устах; он обращается к вернувшейся к нему Динаице с самыми трогательными словами; потом он падает назад в свое кресло, точно истощенный от усталости, засыпает и оставляет меня во власти самого живого беспокойства.

Джон сообщил мне тогда, что его господин внезапно помешался в Икаре и бежал.

Они потратили три месяца, чтобы вернуться в Лондон, и в продолжение этого времени с ним случилось только пять таких припадков. Как только проходит кризис, разум возвращается к нему. Что касается его доброты, то можно сказать, что она все время растет, и он занят только счастьем других.

Когда я спросил Джона, что вызвало его болезнь, он ответил мне:

— Разве вы не знаете еще? Он любил мадемуазель Динаицу, за которую готов был умереть. В день брака (как милорд был счастлив!), спускаясь после брачной церемонии, чтобы войти в бальный зал, она упала, неизвестно по какой несчастной случайности, к ногам милорда, который поднял ее... Она была... мертва.

И рыдания заглушили голос бедного Джона.

На другой день Джон входит ко мне, задыхаясь и вне себя:

— Сударь, сударь! Идите скорей! Она не умерла! Мне передали

письмо... Она в дороге! Она очень долго была в обмороке, холодная, точно без жизни. Все оплакивали ее. Это точно чудо!.. О, какая история!.. Вы прочтете письмо... Но идите сейчас же!.. Я не знаю, как сообщить ему эту новость! Я боюсь. Идите сообщите ему сами. Идите, идите!..

И я сейчас же бегу сообщить милорду, что он скоро увидит свою Динаицу.

Коней второй части

Часть третья. РЕЗЮМЕ УЧЕНИЯ, ИЛИ ПРИНЦИПЫ ОБЩНОСТИ

Единственная глава. ОБЪЯСНЕНИЯ АВТОРА. УЧЕНИЕ ОБ ОБЩНОСТИ

Многие мои друзья были удивлены тем, что я проповедую общность, тогда как прежде я говорил только о прогрессе и улучшении судьбы народа. Поэтому я должен представить им объяснение. Вот оно.

Я был слишком долго жертвой своей преданности народному делу, чтобы не остаться ему преданным навсегда, и я решил, подобно Кампанелле, использовать время изгнания, чтобы изучать историю, размышлять и стараться быть полезным согражданам. Я подготовил для народа три элементарных истории (всеобщую историю, историю Франции, историю Англии).^{*} Потом мне захотелось прочесть на английском языке «Утопию», о которой я, как и многие другие, часто слышал, но мало знал.

Несмотря на многочисленные недостатки этого произведения, в особенности если пытаться осуществить его план в настоящее время, я был до такой степени поражен его основной идеей, что закрыл книгу, не желая вспоминать о мелочах, дабы серьезно подумать об этой идее общности, которую я никогда не имел времени глубоко исследовать, предубежденный против нее, как почти все, кто осуждает общность как химеру.

Но чем больше я размышлял, тем меньше идея эта казалась мне химерической. Я исследовал теоретическое применение ее ко всяким условиям и потребностям общества; чем больше я продумывал ее частичные применения, тем больше для меня выяснялась возможность и даже легкость ее осуществления.

Мне трудно описать радость, какую я испытал, найдя, наконец, средство против всех недугов человечества, и я уверен, что в своих дворцах и празднествах изгоняющие не имеют столько чистых наслаждений, сколько их имеет изгнанный, с каждым днем все яснее различающий зарю счастья рода человеческого.

Закончив разработку своего плана общности, я прочитал и перечитал сочинения всех знаменитых философов,^{*} которые я здесь излагаю в двенадцатой и тринадцатой главах очень сжато,^{***} и я опять не могу описать удовольствие, какое испытал, когда увидел, что те из этих философов, которых я не знал, и те, которых я когда-то читал, не замечая всех их сокровищ, подтверждали мое мнение почти по всем

интересовавшим меня вопросам.

Подкрепленное таким образом, мое убеждение стало непоколебимым, и я решил опубликовать свой труд.

Однако некоторые друзья во Франции, которым я сообщил свой проект и свои главные идеи, пытались убедить меня отказаться от них.

«Общность! — писали мне одни. — Но это всеобщее пугало, химера! Вы восстановите против себя общественное мнение, или вы встретите полное равнодушие. Вы заставите многих ваших друзей отказаться от вас. Даже народ вас покинет, ибо он слишком просвещен, чтобы не видеть, что его настоящий интерес заключается не в общности, а действительное равенство может быть только равенством нищеты. Вы лишаете себя таким образом всякой надежды на карьеру, на помощь, на будущее. Что же, вы с ума сошли?» Но эти возражения так же мало удивили меня, как мало заставили меня отступить назад.

Я восстановлю против себя, говорят, общественное мнение! — Как? Общественное мнение восстанет против философского обсуждения, против исследования истины и средств излечения всех недугов, терзающих человечество! Нет, нет, для этого нужно было бы, чтобы общественное мнение было слепо, так же слепо (*si parva magnis comperere licet* — коль сравнить нам малое можно с великим), как тогда, когда оно восстало против Сократа и Иисуса Христа, а это было бы еще одним основанием больше, чтобы стараться просветить его.

Или же оно отнесется к моим идеям совершенно равнодушно? — Тогда они ни в чем не будут мешать другим. И это опять-таки основание, чтобы разбить это равнодушие, столь же гибельное в философии и общезнании, сколько оно может быть в области религии.

Мои друзья отвернутся от меня? — О, я буду огорчен за тех, кого я столь же люблю, сколь уважаю. Но изгнание приучает обходиться без многих проявлений дружбы, и я не колебался бы сказать: «*Amicus Cato, sed magis amicus Plato et magis adhuc arnica Veritas*» (люблю Катона, но еще больше Платона, и еще больше Истину). Впрочем, нет, мои истинные друзья не откажутся от меня, ибо я думал, как они, когда не изучал еще вопроса, и они, вероятно, думали бы, как я, если бы они, подобно мне, размышляли о нем в течение трех лет, Я готов обсудить с ними этот вопрос, твердо убежденный, что они обратятся, и готовый позволить обратиться к себе, если мне докажут, что я ошибаюсь.

Сам народ покинет меня? — Нет, потому что он не имеет друга более искреннего, более постоянного и более преданного. Я, однако, хорошо знаю, что этот народ, всегда в общем хороший, справедливый и великодушный, может быть обманут и слушаться своих врагов, как во время оно лакедемонский народ покинул короля Агиса, как римский народ покинул Гракхов и как иудейский народ дозволил распять Иисуса Христа. Но это еще одно основание посвятить себя его освобождению.

Я лишаю себя всякой надежды на помощь, карьеру и будущее? — О, я это знаю и все делаю для этого уже слишком давно. Но многие из нас думают только о себе; нужно, чтобы были и такие, которые думают только о народе и о человечестве!

Я сошел с ума? — Увы! Разве не всё есть безумие на земле? Разве мы не все безумцы, отличающиеся друг от друга только по роду и виду? Когда столько так называемых мудрецов терзаются из-за эгоистических наслаждений, то разве самые безумные именно те, кто находят наслаждение в том, что приносят себя в жертву для своих братьев? И когда являешься безумным вместе с Сократом, Платоном, Иисусом Христом и столь многими другими, то разве Шарантон, в котором находишься вместе с ними, не стоит Шарантона, наполненного честолюбцами, жадными и алчными?

«Как, — писали мне другие друзья, — вы пишете роман, чтобы объяснить вашу систему общности? И вы не начинаете изложением вашего учения?» — Да, я пишу роман, чтобы изложить социальную, политическую и философскую систему, потому что я глубоко убежден, что это самая простая, самая естественная и самая ясная форма, чтобы дать понять самую сложную и самую трудную систему; потому что я хочу писать не только для ученых, но и для всех: потому что я хочу, чтобы меня читали женщины, которые были бы куда более убедительными апостолами, если бы их благородная душа была крепко убеждена в действительных интересах человечества; потому что я не хочу подражать экономистам и их подражателям, которые, как говорит Кондорсе, часто затемняли свои идеи, злоупотребляя научными терминами. Я, быть может, ошибаюсь, но эта форма, которую мне, впрочем, подсказала «Утопия», мне кажется предпочтительнее тех, которыми пользовались современные писатели для изложения аналогичных предметов. Я, несомненно, нуждаюсь в снисхождении моих читателей, в особенности что касается романтической части, но они поймут, что эта часть есть только аксессуар, которому я мог уделить возможно меньше места. Другие сделали это лучше. Что же касается меня, то я достигну моей цели, если романтическая часть может привлечь нескольких читателей без того, чтобы философская часть потеряла кого-либо из них.

Но так как эта система представляет нечто новое, то, вероятно, понадобится, чтобы ее хорошо понять, второе чтение, которое будет значительно легче, так как перед читателем уже пройдет вся совокупность фактов и рассуждений.

Что касается сущности системы, общественного и политического строя Икарии, то я прошу читателя точно отличать то, что является основным принципом, от того, что есть только пример и деталь. Так, когда я говорю, что план образцового дома устанавливается или должен быть установлен законом после конкурса, то это принцип, который я считаю неоспоримым; когда я даю план этого дома, то это только одна из тысячи идей, которые можно принять, и представители искусства смогут найти много ошибок в выполнении, которых я мог бы избежать, если бы писал мою работу в Париже, но которые сами по себе безразличны, ибо не в этом состоит система. И когда речь пойдет об исполнении, то народ и собравшиеся ученые сумеют найти лучшие планы и лучшие образцы.

Пусть поэтому не придираются ко мне из-за деталей, ибо я сам отказываюсь защищать их.

Вот, впрочем, то, что я считаю учением или принципами общности.

Принципы и учение об общности

Что такое естественные, или божественные, права? — Это права, которые даруются природой или божеством.

Что такое общественные, или человеческие, права? — Это права, которые даются обществом или придумываются людьми.

Какие права считаются естественными? — Главные из них: право существования и право использовать все свои физические и умственные способности.

Что понимаете вы под правом существования? — Я понимаю под этим право пользоваться всеми благами, созданными природой и служащими нам для пищи, одежды и жилища, и право защищаться против всякого рода нападающих.

Что понимаете вы под правом использовать все свои физические способности? — Я понимаю под этим право передвижения, труда, союзов, собраний, одним словом — делать все, что нравится, не нарушая прав другого. Я понимаю также право иметь супругу и семью, потому что это для каждого индивида, очевидно, завет природы.

Что понимаете вы под правом использовать свои умственные способности? — Я понимаю, что это есть право употреблять все средства для собственного просвещения.

Имеют ли все люди одни и те же естественные права? — Да, потому что права эти связаны со званием человека и все люди — в равной степени люди.

Но разве люди не неравны, по силе, например? — Это верно, но сила не есть право, а несколько слабых могут соединиться против одного сильного. Люди могут быть различными по силе, росту и т.д., но разум указывает нам, что они равны в правах в глазах природы.

Разделила ли природа землю между людьми? — Конечно, нет: она дала землю всему человеческому роду, не назначая никому особой части.

Все философы признают, что природа дала всё и всем безраздельно и что блага земли образовали естественную и Первоначальную общность.

Следовательно, собственность установлена не природой? — Конечно, нет. Природа не установила собственность, она не предписала общности; она предоставила людям свободу пользоваться благами земли, как они хотят, установив собственность или сохранив общность.

Имел ли каждый право на равную часть? — Очевидно да, ибо мы все — дети и наследники природы.

Было ли это равенство полным и безусловным, так что каждый мог иметь одинаковое количество пищевых припасов? — Нет, равенство было относительное к потребностям каждого индивида: тот, кто имел потребность в двойном количестве пищи, чтобы насытиться, имел право взять двойное количество, когда пищи хватало для всех.

Имел ли место когда-либо действительный раздел земли между людьми? — Нет, каждый занимал то, что ему подходило, никого не спрашивая, не получая ни от кого согласия и часто без ведома кого-либо.

Что называется правом первого заимщика? — Это право занимать все, что не занято еще никем.

Почему вы говорите: что не занято еще никем? — Потому что следует уважать владение первого заимщика, если можно найти всё в чем нуждаешься, среди не занятых еще предметов.

Кто регулирует право первого заимщика? — Естественная справедливость.

Что такое естественная справедливость? — Это мнение, которое разум дает всем людям относительно того, что справедливо или несправедливо, т.е. соответствует или противно природе и естественному равенству.

Имеет ли каждый право, согласно естественному равенству занимать излишек? — Конечно, нет; это несправедливость, узурпация, воровство по отношению к тем, кто не имеет необходимого.

А если другим остаются еще равные части, так что каждый имеет необходимое и даже излишек? — Тогда каждый может занимать излишек, потому что он никому не вредит, но с условием уступить его другим, когда явятся такие, которые в другом месте не могут достать себе необходимое.

Значит тот, кто имел бы излишек, должен был бы уступить его другим, которые не могли бы иначе получить необходимое? — Конечно, в том случае, когда занятие излишка было бы в принципе справедливо, так как несправедливо было бы сохранять его, ибо по существу оно условно. Естественная справедливость не может допустить, чтобы один человек имел излишек, когда другие не имеют необходимого, и удержание излишка в ущерб другим людям, лишенным необходимого, было бы постоянной несправедливостью и узурпацией.

Но если первый заимщик, владелец излишка, лично трудился? — Неважно: излишек составлял долю других, которые начали бы его обрабатывать, если бы он оставил его без обработки; его труд не может ему приобрести долю другого; он обрабатывал излишек только на условии вернуть его; он использовал свой труд в период владения; ничто не может лишить других необходимой им доли, в общих благах, данных природой всем своим детям, и ничто не может дать право владельцу излишка сохранить его.

Вы говорили об обязанности: что понимаете вы под обязанностью? — Я понимаю под этим то, что каждый обязан делать.

Имеют ли все люди естественные обязанности? — Да. Один не может иметь какое-либо право без того, чтобы другие имели обязанность уважать это право; право и обязанность порождаются взаимно, и одно не может существовать без другого, — это две вещи соотносительные и неотделимые.

Все ли люди имеют равные естественные обязанности? — Да, так как все люди имеют права, то все имеют обязанности, а так как все имеют одни и те же права, то они имеют одни и те же обязанности. Все, например, имеют право требовать свою долю в общих благах, и все имеют обязанность оставлять другим части, которые им принадлежат.

Какие обязанности считаются естественными? — Любить себе подобных, как своих братьев, и уважать все их права, или: «не делать другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе, и, напротив, делать другим все, что мы хотели бы, чтобы делали нам».

Вы говорили об общественных правах и об обществе: что такое настоящее общество? — Это союз людей, которые, свободно и добровольно, соглашаются соединиться в союз в их общих интересах.

Почему вы говорите: свободно и добровольно? — Потому что не было бы общества между людьми, которые не были бы все свободны и равны и которые не выразили бы согласия вступить в союз: если бы одни были принуждены к этому другими, то были бы господа и рабы или почти рабы, эксплуататоры и эксплуатируемые, а не члены общества; угнетатели и угнетаемые так же не могут составить общество, как пастухи и стада.

Почему вы говорите: соединенные в союз в их общих интересах? — Потому что нельзя представить себе, чтобы свободные и равные люди могли добровольно соединиться в интересах некоторых из них, когда они могут это сделать в интересах всех.

В чем заключается общий интерес членов общества? — В том, чтобы сохранить и гарантировать их естественные права и помешать более сильным нарушать права более слабых; в том, чтобы поддержать и усовершенствовать естественное равенство.

Следовательно, член общества должен пользоваться социальным и политическим равенством, как и естественным равенством? — Да, социальное и политическое равенство должно быть подтверждением и усовершенствованием естественного равенства.

Представляют ли нации настоящие общества? — Нет, во всех нациях существует общество только между аристократами, но его нет между аристократией и народом, между богатыми и бедными; последние по отношению к первым представляют то же, что рабы в Афинах по отношению к афинянам.

Следовательно, нации не образуются путем нарочитого соглашения? — Ни одна: завоеватели могли соединиться умышленно в целях завоевания, но великие нации были все образованы путем завоевания; всюду и всегда завоевательная аристократия покоряет народ, становящийся ее рабом или подданным.

Могут ли быть хорошо организованы эти так называемые общества? — Нет, потому что они — продукт завоевания, силы, насилия, несправедливости или неопытности, невежества или варварства.

Является ли недостаточным еще и существующий строй этих так называемых обществ? — Да, потому что одни представляют всё, а другие — ничто; аристократия имеет излишек, не трудясь, а народ не имеет необходимого, трудясь чрезмерно. Бедные лишены своих естественных прав.

Имеют ли дети бедных еще и теперь естественные права? — Конечно: теперь, как и всегда, дети при рождении суть все дети природы; все люди теперь так же люди, как и первые люди; все равны в

естественных правах; все имеют право на одинаковую часть благ их общей матери; и для всех их природа сегодня, как и всегда, распространяет свет и тепло, которые оплодотворяют землю и без которых их собственность была бы бесполезна. Значит, все существующие теперь люди имеют еще естественные права? — Без всякого сомнения: социальные законы, лишаящие одних необходимого, чтобы давать другим излишек, являются насилием, нарушающим естественную справедливость. Но божественные права священны, неотчуждаемы и неприкосновенны. Ограбленный сохраняет свое право, хотя он уже не пользуется им, как обворованный сохраняет свое право на украденную вещь, перешедшую во владение вора.

Но этот так называемый общественный строй — был ли он, по крайней мере, хорош для аристократов и богатых? — Нет: он составляет несчастье бедных, не доставляя другим настоящего счастья; он устанавливает между всеми постоянную войну, которая навлекает на всех их неисчислимые бедствия.

Каковы главные недостатки этого так называемого общественного строя? — Их три: неравенство состояния и власти, индивидуальная собственность и деньги. Размыслив хорошенько, мы находим, что это три главные причины всех пороков и всех преступлений, всех беспорядков и всех бедствий.

Почему люди приняли всюду эти три учреждения? — Одни их приняли из эгоизма, в своем исключительно интересе, а другие из невежества, надеясь, что они приведут к общему благу.

В чем заключается главный недостаток политического строя? — В том, что закон вырабатывается аристократами или богатыми.

Есть ли какое-нибудь средство против этого зла? — Конечно, имеется, ибо иначе для чего служил бы человеку разум?

В чем состоит это средство? — Нужно уничтожить причину зла, т.е. отменить неравенство, собственность и деньги, и заменить их равенством во всем и общностью.

Следовательно, общность позволяет сохранить естественное право? — Да, так как ее главный принцип именно и заключается в сохранении и усовершенствовании естественного равенства.

Каков ее принцип по отношению к личности? — Нация или народ образуют настоящее общество, организованное по взаимному соглашению в общих интересах; все члены нации являются членами союза, братьями, совершенно равными в правах и в обязанностях; нация — только единая семья; она также — единая моральная личность.

Каков принцип по отношению к имуществу? — Все блага составляют общую собственность и образуют только единый общественный капитал; территория образует общее достояние, эксплуатируемое сообща.

Каков принцип по отношению к промышленности? — Общественная промышленность едина, т.е. образует лишь одну промышленность, эксплуатируемую народом, как одним человеком, таким образом, чтобы производить все, что необходимо, разделяя и планируя труд, и производить как можно больше, без излишних затрат труда и без потерь.

Каков принцип по отношению к правам и обязанностям? — Они одинаковы для всех; каждый обязан трудиться одно и то же число часов в день, соответственно своим силам, и имеет право получать равную долю соответственно своим потребностям во всех продуктах.

Но разве! справедливо, чтобы талантливый и гениальный человек получил равную часть с другими? — Да, потому что талант и гений являются результатами воспитания, которое дает общество, и потому что талантливый человек был бы ничем без общества.

Как относятся к труду? — Как к общественной должности, и все общественные должности рассматриваются как труд. Труд и должности рассматриваются также как налог. Имеются ли другие налоги? — Никаких других, кроме равной доли каждого в труде и должности.

Каков принцип по отношению к труду? — Он общий и обязательный для всех; общий в больших общественных мастерских и, по возможности, привлекательный, короткий, и облегчается при помощи машин.

Каков принцип по отношению к машинам? — Их стараются производить как можно больше. При их помощи производят всё, что можно сделать машинами.

Каков принцип по отношению к пище, одежде, жилищу и обстановке? — Они, в меру возможности, одинаковы для всех, приготавливаются общностью и доставляются ею каждому. Все производится согласно образцу, установленному законом.

Каков принцип по отношению к развлечениям и роскоши? — Общность производит сначала необходимое и полезное; затем она производит приятное, ставя только пределы, полагаемые разумом.

Каков принцип по отношению к городам или домам? — Все строятся общностью по утвержденным образцам.

Каков принцип по отношению к дорогам и каналам? — Стараются всемерно увеличить количество механических средств передвижения.

Каков принцип по отношению к торговле? — Внешняя торговля находится в руках республики, а внутренняя торговля есть только распределение, производимое республикой.

Каков принцип по отношению к семье? — Каждая семья живет, в меру возможности, сообща и всегда без домашних слуг, составляя только одно хозяйство.

Каков принцип по отношению к браку? — Каждый может и должен вступить в брак; выбор совершенно свободен; супруги равны; брак может быть расторгнут, если это необходимо.

Каков принцип по отношению к воспитанию? — Оно касается всех сторон жизни человека и составляет основу общности; оно бывает физическим, умственным, нравственным, гражданским и профессиональным; оно частью домашнее и частью общественное; оно общее, или элементарное, и специальное, или профессиональное.

Каков принцип по отношению к общему воспитанию? — Оно дает всем основы всех наук и всех искусств.

Каков принцип политического строя? — Народ суверенен; всё делается народом и для народа.

В чем состоит политическое равенство?

Все члены общества суть в равной степени граждане, члены народных собраний и национальной гвардии, избиратели, избираемые. Каков принцип по отношению к законодательной власти? — Эта власть суверенна; она организует и регулирует всё при помощи законов.

Осуществляется ли законодательная власть народом? — Да! Законы обсуждаются и готовятся представителями, избранными народом, и передаются затем на одобрение народа.

Значит законы являются выражением общей воли? — Да, в полном смысле этих слов.

Вы сказали, что закон организует и регулирует все, но не есть ли это покушение на свободу? — Нет, потому что закон вырабатывается народом, а народ вырабатывает только такие законы, какие ему нужны.

Каков принцип относительно исполнительной власти? — Она по существу подчинена законодательной власти и осуществляется выборными, временными и ответственными должностными лицами; провинциальные и коммунальные должностные лица весьма многочисленны.

Каков принцип по отношению к судебной власти? — Так как общность уже сама по себе предупреждает почти все преступления, то уголовные законы бесконечно просты и мягки, а трибуналы почти бесполезны. Судьей является сам народ на своих народных собраниях.

Может ли народ легко посещать народные собрания? — Принимаются все меры, чтобы никто не отсутствовал на них.

Обеспечивает ли общность благополучие всех? Конечно: вся общественная власть осуществляется народом и, следовательно, для блага народа, равенство воспитания, труда, состояния и прав предохраняет от забот и зависти, пороков и преступлений и доставляет все доступные человеку наслаждения.

Одним словом, задача, требующая решения, состоит в отыскании средства сделать счастливыми людей и народы. А всеобщий опыт показал, что этим средством не являются ни упования на воздаяние в загробной жизни, ни страх перед вечными муками, ни внушающие страх человеческие законы, ни бдительность полиции, ни существующий общественный и политический строй, ни чрезмерное богатство, влияние которого, наоборот, так губительно, что, как говорил Иисус Христос, «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в рай». Следовательно, средство, которое мы ищем, находится в другом месте, и разум указывает, что его можно найти только в новой системе организации, которая сделает: 1) добродетель легкой, 2) порок и преступление трудными и даже невозможными. И этой новой системой может быть только общность, которая путем воспитания приучает человека к братству и всем общественным добродетелям, между тем как установлением равенства, достатка и благополучия, при единственном условии умеренного труда, она не оставляет у него никакого интереса вредить своим братьям.

Возможно ли сразу ввести систему общности вместо системы неравенства и собственности? — Нет, необходим переходный порядок.

Какой переходный порядок? — Порядок, который, сохраняя собственность, возможно скорее искореняет нищету и постепенно отменяет неравенство состояний и власти; который формирует при помощи воспитания одно и несколько поколений для общности и с самого начала дает свободу слова и ассоциаций, а также всеобщее избирательное право.

Почему не уничтожить сейчас же собственность? — Потому что собственники не согласились бы на это, а нужно во что бы то ни стало избегать насилия; потому что физически невозможно выполнить сейчас же все подготовительные работы, необходимые для установления общности.

Какова продолжительность этого переходного порядка? — Тридцать, или пятьдесят, или сто лет, смотря по странам.

Но это очень долго! — Правда, но абсолютно невозможно наладить раньше. К тому же счастье дает себя скоро почувствовать и с каждым днем будет возрастать, как только примут переходную систему и принцип системы общности.

Следовательно, нужно сначала принять принцип общности, если мы не хотим отсрочить ее полное и окончательное осуществление? — Конечно, потому что если аристократия отвергнет принцип общности, она отвергнет также переходный порядок и всякую реформу.

Но как побудить аристократию принять принцип общности? Следует ли употребить силу? — Нет, ни насилия, ни революции, — следовательно, ни заговоров, ни покушений.

Почему? — Я вам мог бы привести много оснований; но я ограничусь теми, которые диктуются интересами народа и общности. Слушайте внимательно!

Насильственные революции являются войной со всеми ее случайностями, они чрезвычайно трудны, потому что правительство, в силу уже одного того, что оно существует, обладает безмерной силой — своей государственной организацией, влиянием аристократии и ее богатств, законодательной и исполнительной властью, своей казной, армией, национальной гвардией, трибуналами, жюри и полицией с ее тысячами средств, ведущих к раздорам, и своими подкупам.

Для угнетенных недостаточно быть многочисленными, так как нужно, чтобы они могли организовать армию, а правительство пускает в ход всю свою мощь, чтобы помешать этой организации. Недостаточно иметь мужество, даже героическое мужество, ибо противники могут также обладать храбростью, а сверх того и преимуществами дисциплины и тысячами других преимуществ. Недостаточно иметь безграничную уверенность в своей преданности, потому что нельзя перехватить пушечные ядра голыми руками. И сколько ошибок (чрезмерная любовь к независимости и недисциплинированность, нетерпимость и несогласия, неопытность и неспособность, нетерпение и безрассудство), совершенно естественных, без сомнения, для молодой и преследуемой народной

партии, подрывает ее успех!

К тому же народ не только в настоящее время желает революции. Испокон веков не было, быть может, ни одного года, чтобы каждый народ не чувствовал потребность стряхнуть с себя иго аристократии и завоевать обратно свои естественные права. И, однако, как мало произошло революций в сравнении с числом революций, которых народ хотел осуществить! А среди предпринятых революций как мало окончившихся успехом! А среди последних как мало достигших своей цели и позже ловко использованных или просто сведенных на-нет аристократией!

Мне не нужно называть ни революций, которые пытались совершить в течение последнего пятидесятилетия, ни ошибок и предательств, которые обусловили неудачу многих из них. Но я спрашиваю: когда народ обладал такую властью, какую он имел в 1789 г., когда он был господином положения?

И, однако, не был ли он вследствие раскола его вождей и, быть может, излишней поспешности обезоружен, изгнан отовсюду и почти задушен аристократией? Разве в силу недостатка единства и опытности он не дал после 9 термидора два раза вырвать у себя победу!

И какое зло причиняет народу всякая недоконченная — побежденная или неудавшаяся революция! Сколько зла принесли заговор Бабефа и попытка Гренельского лагеря! Сколько силы дали аристократии бунты, заговоры и покушения, начиная с 1830 г.! Разве не утвердилось уже общее мнение, что аристократия желает и даже провоцирует насилия, которые ей почти всегда так же выгодны, как они губительны для всего народа, даже когда они являются делом нескольких индивидов! И разве не составляет одну из величайших опасностей революционных времен то, что немногие отдельные люди, — наиболее молодые и наиболее легкомысленные, как и наиболее рассудительные; наиболее безумные, как и наиболее благоразумные; самые порочные, как и самые преданные, — могут компрометировать народ, без его ведома и против его воли, ради своего честолюбия или своего тщеславия и жадности, не сознавая даже, что они ответственны за все зло, которое они приносят своей партией?

И поэтому повторяю, что в интересах самого народа я отвергаю насилие.

Но если бы насилие увенчалось успехом, то не было ли бы справедливым принудить аристократию и богатых? — Нет, потому что насилие не необходимо. Богатые — такие же люди и наши братья, как и бедные; они составляют даже значительную и прекрасную часть человечества. Конечно, следует мешать им быть притеснителями, но их следует притеснять так же мало, как им позволять притеснять себя. Общность, придуманная с целью составить счастье всех людей, не должна начать с того, чтобы вызвать отчаяние у значительной их части. Мы не должны даже ненавидеть их, так как их предрассудки и недостатки являются следствием их плохого воспитания и плохого общественного строя в такой же мере, как недостатки и пороки бедных. Этот плохой строй — сатана, который в равной степени портит всех людей. Следует их всех избавить от него, а не сжигать, чтобы изгнать из

них беса, как Иисус Христос явился в мир не для того, чтобы истребить богатых, а обратить их, проповедуя только уничтожение изобилия и нищеты. Одним словом, приносить богатых в жертву бедным следует так же мало, как бедных в жертву богатым, иначе вся жалость, всё сочувствие, вся справедливость, все добродетели, все усилия соединились бы против новых притеснителей в пользу новых притесняемых.

Стало быть, не следует ненавидеть эгоиста-лавочника? — Вы можете питать отвращение к эгоизму и в особенности к его причине, но ничто не кажется мне менее резонным, менее справедливым и в особенности более неудачным, чем оскорблять многочисленный класс торговцев и фабрикантов или угрожать ему; ибо, каковы бы ни были их недостатки, эти недостатки являются неизбежным следствием общей организации и их особенного положения. Необходимость быть аккуратным в своих платежах, чтобы сохранить свою репутацию и свой кредит, боязнь быть обесчещенным вследствие банкротства, возросшие шансы потерь и разорения, невозможность рассчитывать на помощь других в случае несчастья, постоянные заботы и тревоги в связи с необходимостью платить по векселям в конце каждой недели или каждого месяца, опасения и страхи компаньона или жены (которая при этих условиях знает все дела своего мужа и удваивает его беспокойство и эгоизм, напоминая ему беспрестанно об интересах его детей), — все это соединяется вместе, чтобы сделать эгоистом купца, фабриканта или лавочника. Конечно, это несчастье, что он вообще так мало образован и так легковерен, и аристократии весьма нетрудно сделать из него свое орудие, напоминая ему постоянно о бунтах, грабеже и анархии. Но если он мало образован, то это не его вина; если он легковерен, то это следствие плохого воспитания; если он верит в планы грабежа, то естественно, что он их боится. Одним словом, влияние его положения до того непреодолимо, что в общем рабочий, тот самый, который больше всего кричит против лавочника, сейчас же усваивает себе его убеждения и обычаи, как только заводит лавочку.

Каким же образом можно убедить аристократию принять принцип общности? — Так же, как и Иисус Христос: проповедуя, устно и письменно, обсуждая, уговаривая, убеждая богатых и бедных, пока все — народ, избиратели, законодатели и правители — не признают принципа общности. Народу мало желать реформы и даже совершить революцию — нужно в первую очередь иметь систему, принципы, учение, политическую религию. Недостаточно называть себя гражданином, братом, демократом, республиканцем или коммунистом, — слова, которые агент-провокатор может произносить так же хорошо, как и всякий другой. Нужно быть твердо убежденным и твердо уверенным; нужно хорошо знать и хорошо понимать, — и самый великий гений не сумеет сделать булавку, если он не учился этому ремеслу. Нужно, наконец, иметь решимость выполнить все свои обязанности вместе с желанием и волей осуществить все свои права. Не только теперь народ совершает революции. Почему же так много революций кончилось

неудачей? Не потому ли, что народ не усвоил себе определенного учения? Разве революции 1792, 1815, 1830 гг. не привели бы к совершенно иным результатам, если бы народ хорошо понимал все огромные преимущества общности? И если бы, начиная с 1830 г., весь народ занимался единственно тем, что изучал бы и пропагандировал эту систему, то не подвинулись ли бы мы теперь бесконечно дальше?

Единственная глава

Но разве не следует в первую очередь обратить богатых? — Без сомнения, и самое полезное было бы начать именно с них, потому что богатые и ученые располагают гораздо большим влиянием для обращения других богатых и даже бедных: сколько сторонников завоевали Ламеннэ и Ламартины, Аржансоны и Дюпоны де л'Эр для учения, апостолами которого они себя провозглашали!

Но можно ли надеяться, что богатые будут обращены? — Зачем сомневаться в этом? Разве нет богатых — образованных, справедливых, великодушных? Разве Ликурги, Агисы, Солоны, Гракхи, Томасы Моры, Сидней, Гельвеции, Мабли, Тюрго, Кондорсе и тысячи других не принадлежали к аристократическому и богатому классу? Разве во все времена аристократия не давала Лафайетов, Аржансонов и тысячи других блестящих исключений? Разве среди женщин и молодежи аристократии нашего времени не найдется ни одна душа, горящая священной любовью к человечеству?

За дело поэтому, за дело, все вы, богатые и бедные, признающие общность! Обсуждайте, проповедуйте, обращайтесь, пропагандируйте! Собирайте все мнения и все доводы, которые, могут облегчить обращение других! Я начал, другие могут сделать лучше, чем я.

И никаких заговоров, никаких заговорщических обществ, всегда склонных к нетерпению и раздору! Никаких задних мыслей! Только обсуждение.

Не нужно даже частичных опытов общности, успех которых принесет мало добра, но неудача, почти несомненная, принесла бы очень много вреда. Одна только пропаганда, и всегда пропаганда, пока масса не примет принцип общности.

Но если аристократия никогда не захочет его принять? — Это невозможно! Если общность — химера, то уже одного обсуждения будет достаточно, чтобы осудить ее, и сам народ отвергнет ее и примет другую систему. Но если это учение есть сама истина, оно будет иметь многочисленных сторонников в народе, среди ученых, среди аристократии, и чем больше она их будет иметь, тем больше она будет завоевывать их каждый день, между тем как Англия и Америка будут каждый день делать новые завоевания для других народов, как и для себя самих. Будущее принадлежит общности одной лишь силой разума и истины. И как бы медленно общественное мнение ни добывалось своего торжества, оно всегда добьется его скорее и решительнее, чем это сделало бы насилие.

И мое убеждение в этом настолько глубоко, что если бы я держал революцию в своей руке, я оставил бы ее закрытой, даже если бы мне пришлось из-за этого умереть в изгнании.

Таковы мои принципы относительно общности.

Быть может, пожелают искать в моем произведении намеки, ибо как можно не найти намеков в исторических и философских исследованиях, когда Ришелье требовал только пяти любых строк письма человека, чтобы найти в них преступление, за которое его можно повесить! Но я приобрел, думаю, право претендовать, чтобы не сомневались ни в моем мужестве, ни в моей прямоте, и я заявляю как друзьям, так и врагам, что во всей критической части моей работы я ставил себе целью только указать пороки всех социальных и политических организаций, не желая делать ни одного личного намека.

Люди всех партий, изучайте проблему общности, ибо это вопрос благополучия, первый и самый важный вопрос, — вопрос, который содержит все другие вопросы нравственности, философии, политической экономии и законодательства! Не было ли бы ребячеством скорбеть по поводу недугов человеческого рода, не исследуя их причины и не ища средства против них? Не было ли бы смешно заниматься только описанием недостатков народа и давать ему бесплодные советы, не увещевая властителей лечить зло справедливостью и человечностью?

Люди всех партий, религиозных или политических, послушайте, что говорит Гизо в своей книге «Религия в современных обществах»!

«Это в духе времени — оплакивать положение народа... но это правда; невозможно смотреть без глубокого сожаления на такое множество столь несчастных человеческих созданий... Это прискорбно, очень прискорбно видеть, очень прискорбно думать об этом. И все же нужно об этом думать, думать очень много, ибо забыть это было бы серьезной ошибкой и серьезной опасностью».

Укажите же средство, средство, средство!

Эгоисты, изучайте этот вопрос, ибо речь идет о вашем собственном интересе!

Добрые отцы и матери, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастье ваших детей и вашего потомства!

Благородные друзья народа, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастье бедноты и народа!

Благородные филантропы, изучайте вопрос, ибо речь идет о счастье всего человечества!

Конец «Путешествия в Икарию»

Ссылки на материалы к теме

А.Иоаннисян. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия

http://narod.ru/disk/25470577000/yoann_xix.pdf.html

А.Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-41 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/yoann_1840-41.pdf

А.Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842-47 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/yoann_1842-47.pdf

А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#410334653>

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.

http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв.половина 19 в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_s-simon.pdf

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть / Перевод с нем.

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфангена, Родрига) / перевод с франц.

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

П.Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений / пер. с франц.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Т.Дезами. Кодекс общности / Перевод с франц.

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Утопический роман XVI-XVII вв. Утопии и действительность - вступ.статья Л.Воробьева. Фрэнсис Бэкон, «Новая Атлантида». Дени Верас, «История севарамбов»

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p84146792.htm>

Все материалы об Этьене Кабе:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cabet>

На сводных страницах можно найти материалы, посвященные упоминаемым и цитируемым Кабе авторам - философам, общественным и политическим деятелям, литераторам (Бабеф, М.Робеспьер, Сийес, Констан, Р.Оуэн, Ш.Фурье и мн.др.)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm>

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm>

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm>

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm>

Примечания к первой части С. 636-645

¹ *Иисус Христос... провозгласил равенство.* Представление о Христе как о провозвестнике равенства, ставившем себе целью установление коммунизма на земле, — весьма распространено среди утопических социалистов, хотя оно и лишено всякого основания.

² *Я познакомился с лордом Керисдоллом в Париже, у генерала Лафайета... Лафайет, Мотье, Мари-Жозеф (1757—1834) — отпрыск старинной аристократической семьи. Принял участие в борьбе Северо-Американских Соединенных Штатов за независимость. В 1789 г. стал на сторону революции. В дальнейшем отошел от нараставшей революции и, в конце концов, бежал за границу. Вернувшись во Францию во время Директории, никакой политической роли при Империи не играл. При Реставрации был в рядах либеральной оппозиции. В 1830 г. много содействовал возведению на престол Луи Филиппа, находясь на посту командующего национальной гвардией.*

³ *Икария — это поистине вторая обетованная земля, Эдем, Элизиум.* Обетованная земля — страна, в которую бог, согласно библейской легенде, через Моисея обещал вывести еврейский народ из египетского плена. Эдем буквально значит земной рай. По библейскому сказанию, он находится в Леванте, омываемом рекою, откуда брали свое начало Тигр и Евфрат. Элизиум — у Гомера равнина на западной оконечно-

сти земли, где царит вечная весна и веет освежающий зephyр.

⁴ *Две или три тысячи гиней в кошельке.* Гиней — старинная английская монета, около 10 рублей золотом.

⁵ *Мадемуазель Марс.* Анна Франсуаза (действительная фамилия Буте) — одна из наиболее блестящих актрис французского театра первой половины XIX столетия. Пьесы Мольера, Мариво и Бомарше не имели более блестящих исполнительниц.

⁶ *Елисейские Поля* — одна из наиболее красивых улиц в Париже, соединяющая площадь Согласия с площадью Звезды.

⁷ *Бульвары Парижа.* При Кабе заканчивалась прокладка и застройка так называемых больших бульваров, тянувшихся на большом расстоянии от собора Магдалины до площади Бастилии. Этот длинный ряд бульваров не раз служил местом общенациональных манифестаций и жестоких классовых боев.

⁸ *Кабриолеты, фиакры... омнибусы... старомоги.* Кабриолеты — одноколенные двухколесные коляски; фиакр — закрытая карета; омнибус — большей частью двухэтажный экипаж, служивший до введения электрических трамваев главным средством передвижения пассажиров в крупных городах. Старомоги в Икарии — те же омнибусы, но более удобные и лучше обставленные.

⁹ *Все мы... входим в состав народной гвардии.* Национальная гвардия была создана во Франции в июле 1879 г. в результате победы буржуазной революции и состояла в основном из зажиточных слоев населения.

¹⁰ *Тоннель в Лондоне.* Это был едва ли не первый опыт прокладки большого тоннеля под широкой рекой. Тоннель прорыт под Темзой в 1823 г. инженером Брюнелем.

¹¹ *Город прекрасно освещен...* Таким прекрасным представлялось Кабе газовое освещение, впервые введенное на одной из мануфактур в Лондоне в 1798 г. Улицы Лондона освещены были газом с 1804 г.

¹² *Собор св. Павла.* Кафедральный собор св. Павла в Лондоне — замечательное архитектурное произ-

ведение нового времени. Выстроен в 1675—1710 гг. в стиле английского Ренессанса знаменитым архитектором Рен на месте старого собора, сгоревшего в 1664 г.

¹³ *Монархия так много кричит о добром короле...* Имеется в виду Генрих IV, который, умиротворив Францию, разоренную сорока годами междоусобных войн, выражал желание, чтобы каждый крестьянин мог по воскресеньям варить себе курицу.

¹⁴ *Муки Тантала.* Тантал — мифический царь Лидии. Когда боги пришли к нему, он, чтобы испытать их, подал им изжаренные части тела своего сына. Юпитер в гнев схватил его, низверг в преисподнюю и приковал там к дереву, где он был осужден на вечные муки от голода и жажды. К нему наклонились ветви со всякими плодами и вода поднималась до самых его уст, но как только он хотел сорвать плод или напиться воды, и то и другое удалялось от него.

¹⁵ *Мать-Гракхов,* Корнелия, жена Тиберия Семпрониуса, дочь Сципиона Африканского, женщина по тому времени исключительно образованная и мужественная. Когда ее сыновья Тиберий и Кай погибли в борьбе с римской аристократией из-за аграрного закона, мать их сказала: «Никогда я не буду считать себя несчастной, — ведь я родила Гракхов!»

¹⁶ *...которые ставят наших женщин в первом ряду в медицине, педагогике... литературе... даже в астрономии.* В области женского вопроса, как это видно из разных мест его книги, Кабе так и не мог побороть в себе отношения к женщине как существу неполноправному. Он считает, что достаточно много сделал, признав их способными проявлять себя в некоторых областях науки и литературы.

¹⁷ *Начальное нравственное воспитание опять-таки доверено семье и главным образом матери под руководством отца.* Даже в этой области, естественно принадлежащей матери, она может проявлять себя не вместе с отцом, не рядом с ним, а «под его руководством».

¹⁸ *Даже женщины знакомятся с элементами гражданского воспитания, чтобы... понимать все, что так сильно занимает их мужей.* Женщины сами по себе не гражданки, их самих «гражданские», т. е. общественные и политические, вопросы не интересуют, а знакомятся они с ними только потому, что они «занимают» их мужей!

¹⁹ *...Вскрытия, производимые женщинами-хирургами, опубликовываются как сделанные мужчинами-хирургами.* Эта нехитрая выдумка явно свидетельствует о том, что Кабе так и не мог свести концы с концами в области женского вопроса.

²⁰ *Привычка к лаконизму.* Лаконизм — манера выражаться с крайней краткостью, которую древняя история приписывает гражданам Лаконии, т. е. спартамцам. Так, когда Филипп Македонский потребовал, чтобы они впустили его в свой город, они ответили: «Нет!» А Леонид ответил Ксерксу, потребовавшему сдачи: «Приди и возьми!»

²¹ *Свирепый Омар* — преемник Абу-Бекра, второй калиф с 634 до 644 г. Захватил Сирию, Персию и Египет. Ему приписывают, что он сжег богатейшую Александрийскую библиотеку, объяснив свой поступок тем, что если в книгах этой библиотеки говорится то же, что в Коране, то они бесполезны, а если в них содержится нечто другое — они вредны.

²² *Люцифер* — имя падшего ангела, восставшего против бога.

²³ *Клеветнице — всегда что-нибудь останется,* — часто повторяемые слова одного из героев комедии Бомарше (1732—1799) «Севильский цирюльник».

²⁴ *Пантеон и Пандемониум.* Пантеонами, как называют самое значение этого греческого слова, назывались храмы, посвященные всем богам. Существующее под этим названием в Париже великолепное здание служит местом погребения выдающихся деятелей. Пандемониум — вместилище всех демонов.

²⁵ *Все говорило о... республике, более внимательной к удовольствиям своих дочерей, чем к благу других своих детей.* Здесь опять, по французскому выражению, «мертвый хватает живого». Раньше мы

видели, как Кабе ставит женщину в зависимое от мужчины положение и отказывает ей в самых элементарных гражданских правах. Здесь он ставит ее в привилегированное положение, по существу столь же унижительное.

²⁶ *К республике, разрешающей им развод.* Кабе отмечает это как особое достижение, потому что в его время верхняя палата во Франции (палата пэров) упорно отказывала в разрешении разводов, которые допущены были в годы Великой революции и сохранены с некоторыми ограничениями при первой Империи. Реставрация их отменила. Снова допущены были только при III Республике в 1884 г.

²⁷ *Докажите ему, что это вполне естественное следствие нашего воспитания.* Отстаиваемую здесь систему соединения в школьном деле теории с практикой Кабе воспринял у своего дижонского учителя Жако, учеником, а затем и помощником которого он был ряд лет. Эту же систему Кабе последовательно проводил в созданной им колонии Науво.

²⁸ *Лье* — дореволюционная мера длины во Франции — около 5 километров.

²⁹ *Бедный Вальмор! Ему придется еще много страдать... но у него будет утешение. А я... буду скоро подавлен тяжестью неутешной скорби!* Кабе упускает из виду, что он строит свой роман в форме дневника, и Керисдолл не мог, делая свою запись, знать, что произойдет с Вальмором и с ним самим в будущем.

³⁰ *В старое время... у нас наблюдалось нечто, совершенно противоположное.* Под видом описания парламентских нравов дореволюционной Икаррии Кабе описывает то, что он видел в цензитарном парламенте Франции эпохи Реставрации и монархии Луи Филиппа, когда на 25 миллионов населения было всего сперва 100 тысяч, а потом 200 тысяч избирателей, когда депутаты, избранные кучкой избирателей, появлялись в палате только в те дни, когда решались интересные их экономические и политические вопросы или предвиделся какой-нибудь очередной скандал.

³¹ *Гражданский лист для королевы, уделы для двух ее сыновей, приданое для ее дочери.* Намек на то, что Луи Филипп, несмотря на то, что получал огромное содержание и хранил в английских банках большое состояние, неоднократно выпрашивал у парламента крупные суммы то для своих детей, то для себя лично.

³² *И народ не подавал петиций, как в Англии?* Петиция в Англии — одна из форм выражения народной воли, народных требований. Еще в 1624 г. английский парламент подал королю Карлу I «Петицию о правах». В этой петиции парламент требовал соблюдения прав, установленных «Великой хартией свобод», и прекращения непрерывных беззаконий. Но особенно широкое распространение получило петиционное движение во времена чартизма, требовавшего избирательной реформы. 6 августа 1838 г. принята была в Бирмингеме петиция, которая покрыта была 1 280 000 подписей и в 1839 г. отвергнута была палатой общин 239 голосами против 66. 1 мая 1848 г. торжественно принесена была в палату общин новая петиция, покрытая 5 760 000 подписей.

³³ *И народ не собирался, как в Англии, совещаться на своих митингах?* В Англии рабочий класс завоевал право организовывать митинги и шествия в публичных местах, парках и на площадях, какого в других странах буржуазия в то время за рабочим классом не признавала.

³⁴ *Веллингтон, Артур Веллесли, герцог (1769—1852)* — английский генерал, вся карьера которого протекала главным образом в войнах с Наполеоном. Упорный консерватор, восставший против избирательной реформы. Возмущенные рабочие выбили стекла в окнах его особняка. Тогда он заказал железные ставни и двери.

³⁵ *Митральеза* — многоствольное артиллерийское орудие, стрелявшее пулями большого калибра или картечью.

³⁶ *Народ сумел добиться парламентской реформы.* Но народу эта реформа избирательных прав не дала. Проведенный в 1832 г. в Англии избирательный за-

кон в действительности дал избирательное право лишь состоятельному населению и преимущественно промышленному классу. Пролетариат и мелкая буржуазия, принимавшие такое деятельное участие в борьбе за избирательную реформу, были попрежнему лишены избирательных прав. Понадобились еще две избирательные реформы (1867 и 1884 гг.), чтобы они получили, наконец, право участвовать в выборах депутатов в палату общин.

³⁷ ...О вашем английском радикализме — т. е. о чартистском движении.

³⁸ ...Открытый и бесстыдный подкуп голосов. Избирательная коррупция, распространенная во всех буржуазных странах, достигла особенного расцвета в Англии. Практиковавшаяся там уже в течение ряда веков, она особенно широко стала применяться в XVIII столетии. На избирательные голоса существовали определенные цены, выплачивавшиеся либо наличными, либо в виде ренты.

³⁹ Пэрство. Во Франции пэрство никогда не играло не только крупной, но даже какой-либо определенной политической роли. В 1830 г. отменена была наследственность пэрства, а в 1848 г. оно было совершенно уничтожено. В Англии пэры по праву заседают в верхней палате (палате лордов), а в уголовных и гражданских делах подлежат суду «своих равных». Под пэрами Икарин Кабе разумеет все коммуны вплоть до мельчайших, на обсуждение которых передаются наиболее значительные законы, принимаемые народным представительством.

⁴⁰ Доверили редактирование газет государственным должностным лицам. Конец 30-х и начало 40-х годов отмечены во Франции захватом газет крупными капиталистами, и Кабе, борясь против этого зла, доходит до того, что готов превратить газеты в сухой протокол.

⁴¹ Гайд-парк — самый большой парк в Лондоне, постоянное место не только детских игр, гуляний и верховой езды, но и крупных манифестаций во времена чартизма и в другие моменты народных движений.

⁴² Проклятый сплин — неврастения, хандра. По-английски это слово (spleen) означает селезенка, потому что в древности считали, что мрачное настроение вызывается селезенкой.

⁴³ Марсово поле в Париже — огромная площадь длиной в целый километр и шириною в полкилометра, названная Марсовым полем в подражание римской площади, носящей то же название. На этой площади в разное время происходило много важных событий. На ней, между прочим, 14 июля 1790 г. происходил первый праздник Федерации в память взятия Бастилии.

⁴⁴ Забыл годовщину... июльских дней. Июльские дни (известные также под названием «три славных дня») — дни революции 1830 г. 25 июля были опубликованы ордонансы Карла X, которыми распускалась только что избранная, но еще не собравшаяся враждебная правительству палата депутатов, изменялись конституционная хартия и избирательный закон, значительно ухудшалось положение печати и т. д. Ответом послужило длившееся три дня восстание, в котором главными героями были рабочие, мелкая буржуазия и учащаяся молодежь. Карл X бежал в Англию, а его министры Полиньяк, Перонне, Гернон-Ранвиль и Шантелоз были арестованы и преданы суду.

⁴⁵ ...Действительно ли вы... скучаете и зеваете все воскресенья? Во времена Кабе (а отчасти и в настоящее время) воскресный отдых в Англии соблюдался особенно строго. Не допускались никакие развлечения и увеселения. Воскресные дни полагалось отдавать богу и отдыху.

⁴⁶ Шарантон, и Бедлам — дома для умалишенных близ Парижа и в Лондоне.

⁴⁷ О'Коннель, Даниэль (1775—1847) — в свое время очень крупный ирландский политический деятель, боровшийся за отделение Ирландии от угнетавшей ее Англии. Его энергичная агитационная деятельность создала ему большую популярность среди его народа. В 1828 г. он был избран в палату общин, но как католик не был допущен заседать в ней.

Через год после бурной борьбы проведена была эмансипация католиков, и О'Коннелль вступил в палату. Вскоре подоспела избирательная реформа 1832 г и вместе с О'Коннелем в палату вступила целая группа ирландцев. В 40-х годах О'Коннелль открыто стал стремиться к отмене унии между Англией и Ирландией и был предан суду. Обвинительный приговор был отменен палатой лордов.

⁴⁸ *Все Тартюфы. Тартюф* — герой комедия Мольера того же названия. Тип лицемера и ханжи.

⁴⁹ *Де Лаколонж и Менра* — имена двух преступников на сексуальной почве.

⁵⁰ *Капитан каперского судна*. На этих судах их капитаны подстерегали, ловили и увозили негров и продавали их в рабство. Этим делом не гнушались заниматься через подставных лиц высокопоставленные правители и даже сама английская королева Елизавета (царствовала с 1558 до 1603 г.).

⁵¹ *Сколько бунтов, заговоров и покушений! Сколько зверств и массовых убийств в Испании и Алжире!* Кабе имеет в виду ряд событий 30-х годов. В Испании в 1831 г. вспыхнуло восстание, поднятое сторонниками конституции, причем расстреляны были один из его вождей генерал Торрихос и пятьдесят его товарищей. Там же происходила война за пресгол между сторонниками малолетней королевы Изабеллы, с одной стороны, и претендентом Дон Карлосом, братом умершего короля Фердинанда, — с другой. В Алжире Франция вела в это время захватническую войну, начатую Карлом X в 1830 г. и длявшуюся с особенно свирепой жестокостью до 1844 г.

⁵² *О системе устрашения и репрессий*. Первое десятилетие царствования Луи Филиппа ознаменовано было рядом восстаний, покушением Флеси и его товарищей на короля, с одной стороны, а с другой — казнями и всякими мерами устрашения.

⁵³ *Герои июля или баррикада*. Имеется в виду преследование, изгнание, осуждение тех, кто своей борьбой обеспечили победу революции в 1830 г. во Франции и потом были возмущены наглым воцарением крупной буржуазии и банкиров.

⁵⁴ *Тот, кого называли избранником народа*, т. е. Луи Филипп.

⁵⁵ *Расстрелы июльские и апрельские*. Речь идет главным образом о событиях 5 и 6 июня 1832 г., во Франции, когда похороны видного оратора оппозиции генерала Ламарка послужили поводом для демонстрации против все наглевшей реакции, демонстрации, превратившейся вследствие провокации правительства в вооруженное восстание и вызвавшей очень много жертв.

⁵⁶ *Я вижу как она дает другим народам пример революции*. Победоносная Июльская революция 1830 г. во Франции вызвала революционное движение в Бельгии, Италии и Польше, которые сильно надеялись на помощь со стороны Франции. Но Луи Филипп отказался вмешаться в дела Италии, когда Австрия пришла на помощь папской власти против восставшего народа, и в дела Польши, которую он дал задушить царской власти. Это вызвало большое недовольство в революционных кругах.

⁵⁷ *И вы принесли им, сеньор... большую честь, Двустипшие из басни Лафонтена*.

⁵⁸ *...Которая принесла вам вашу парламентскую реформу...* Сами чартисты признавали, что революция 1830 г. во Франции оказала большое влияние на их движение и тем самым содействовала проведению английской избирательной реформы 1832 г.

⁵⁹ *Разве закон самих галантных французов не предписывает женщине повиноваться мужу?* В кодексе Наполеона действительно имеется такое предписание.

⁶⁰ *Императорский деспотизм*. Имеется в виду Наполеон I.

⁶¹ *Сделав голос мужа перевешивающим*. Здесь Кабе только лишний раз подчеркивает главенствующую роль, отводимую им мужьям.

⁶² *Голос Стенгора*. Стенгор — аривский герой, принимавший участие в осаде Трон, отличавшийся необычайной силой своего голоса и прозванный поэтому «медноголосым». Пятьдесят человек своими совместными криками не в состоянии были покрыть его голос.

Примечания ко второй части С. 509-514

¹ *Провинциальные, либо Генеральные штаты.* Провинциальные штаты — сословное представительство в провинциях средневековой Франции. Помимо вотиروвания налогов, провинциальные штаты занимались и другими административными вопросами и составляли «наказы» от трех сословий королю.

Генеральные штаты — государственное собрание представителей трех сословий — дворянства, духовенства и горожан, получивших с XV в. название третьего сословия. Первые Генеральные штаты были созваны в 1302 г.; созывались они королем и имели право совещательного голоса. После 175-летнего перерыва Генеральные штаты вновь были созваны 5 мая 1789 г. во время начавшейся Великой буржуазной революции во Франции, и через месяц объявили себя Национальным учредительным собранием.

² *В эпоху революции на двадцать пять миллионов жителей.* Приблизительная численность населения Франции к началу буржуазной революции конца XVIII в.

³ *Кавалерами подвязки или туфли, шпильки или гребня.* В Англии действительно до сих пор существует орден подвязки.

⁴ *Черный кабинет* — так называли отделение полиции, занимавшееся перлюстрацией писем частных лиц.

⁵ *Иностранная гвардия* — войска, укомплектованные иностранцами, которые французские короли дер-

жали при себе либо в качестве личной охраны, либо для пополнения своих армий вообще.

⁶ *Прокрипции Суллы, Мариа и Октавия* — в древнем Риме прокрипцией называлось публичное объявление списка лиц, стоящих вне закона. Впервые такие списки политических противников были вывешены Суллой.

⁷ *Доктрина тираноубийства* (или монархомахия) сложилась и получила распространение в эпоху религиозных войн XVI в. в условиях острой классовой борьбы во всех европейских странах. Согласно доктрине монархомахов, политический суверенитет принадлежит народу и может быть им передан монарху на определенных договорных условиях. Если монарх нарушает договор или если монарх правит без договора, он является узурпатором, стоит вне закона и может быть убит безнаказанно.

⁸ *Аграрный закон* — термин, заимствованный из классической литературы и означающий требование передела земли. Имел сторонников накануне и в эпоху французской буржуазной революции.

⁹ *Национальные домены* — земли, представляющие собственность государства и находящиеся в его распоряжении.

¹⁰ *Плотин* — греческий философ (204—270 н. э.), знаменитый представитель александрийской школы неоплатонизма, впервые систематически изложивший его принципы. Попытка Плотина основаг в Кампании коммуны философов не удалась.

¹¹ *Могила на острове св. Елены* — могила Наполеона I.

¹² *Фультон Роберт* (1765—1815) — американский механик, изобретатель парохода.

¹³ *Минос* — национальный герой Крита, сын Зевса и Европы, Легенда приписывает ему составление благодетельных для человечества законов.

¹⁴ *Пандекты Юстиниана* — пандекты — название, данное сборнику отрывков сочинений римских юристов, составленному в царствование римского императора Юстиниана (527—565).

¹⁵ *Патримоний* — вотчина.

¹⁶ *Лецисты* — в средние века — юристы, сторонни-

ки римского права, в противовес юристам, приверженцам феодального или канонического права.

¹⁷ *Майотены* (от фр. maillet — палица) — восстание плебейско-ремесленных масс в Париже и других городах Франции в 1380—1383 гг.

¹⁸ *Кабошены*. Кабош — прозвище вождя восстания парижских городских ремесленников и торговцев в 1411—1413 гг., по профессии мясника.

¹⁹ *Пылкий священник проповедует народу равенство*. — Кабе имеет в виду Джона Болла, английского религиозного реформатора и революционера. Болл принял участие в восстании Уота Тайлора и после неудачи его был казнен (1381).

²⁰ *Федерация свободных городов... Швабии* — швабский союз городов 1360 г.

²¹ *Огненная палата* (chambre ardente) — старинный уголовный суд, приговаривавший обычно к сожжению.

²² *Короли Франции и Испании... поддерживают революцию... Во время войны американских колоний с метрополией за независимость Франция и Испания, использовал затруднительное положение Англии объявили ей войну, оказавшись поневоле на стороне американской революции.*

²³ *Нотабли и парламент. Нотабли* (фр. — именитые люди) — собрания, члены которого не избирались сословиями, как Генеральные штаты, а назначались королем. Нотабли имели право совещательного голоса. *Парламенты* — высшие судебные органы во Франции. Они имели право «ремонстрации», т. е. возражения против того или иного королевского закона, отказа в регистрации их в парламентских книгах, без чего закон не имел силы.

²⁴ *Принц, домогающийся народного расположения*. Речь идет о Филиппе Орлеанском (1747—1793). Был представителем оппозиции при дворе Людовика XVI, что сделало его популярным среди буржуазии и парижского народа. Был членом Конвента, где получил имя Филиппа Эгалитэ («Равенство»).

²⁵ *Арманьяки* — в XV в. во Франции партия герцога Орлеанского, боровшаяся с партией герцога Бургундского.

²⁶ *Фуше Жозеф* (1759—1820) — политический деятель Великой французской буржуазной революции и первой империи. В Конвенте примыкал к якобинцам и голосовал за казнь Людовика XVI. Был комиссаром Конвента в Лионе, где проводил крайний революционный террор в отношении заподозренных в контрреволюции лиц. Бесприципный интриган и карьерист, Фуше участвовал в перевороте 18 брюмера Наполеона Бонапарта; во время консульства Наполеона и при первой империи был министром полиции.

²⁷ *Драгонады* — военные постой драгун при Людовике XIV, имевшие целью принудительное обращение гугенотов в католичество.

²⁸ *Негритянские рабы на Сан-Доминго восстают* — восстание негров-рабов 16 августа 1791 г. во французской части острова Сан-Доминго.

²⁹ *Шведское дворянство убивает своего короля*. Речь идет о шведском короле Густаве III (1746—1792), пытавшемся править в духе «просвещенного абсолютизма» и своими реформами и аграрным законодательством восстановившим против себя дворянство. Среди офицерства возник заговор. Густав III был убит офицером Анкарстремом.

³⁰ *Имола* — город в провинции Эмилия в Италии.

³¹ *Орден Почетного Легиона* — орден, установленный во Франции Наполеоном I в 1802 г. для награждения военных и гражданских лиц и существующий до настоящего времени.

³² *Общество филаделфов* — тайное общество во французской армии, возникшее после 18 брюмера в Франшконте. Общество стремилось к низвержению Наполеона. Несколько попыток покушений на жизнь Наполеона, сделанных филадельфами, не удалось. В 1812 г. общество прекратило свое существование.

³³ *Его... победы... Смоленск, Москва и т. д.* Во французской исторической литературе начала XIX века было распространено ложное представление о победах Наполеона под Смоленском и Москвой. Эту историческую легенду повторяет и Кабе.

³⁴ *Русский император... поддерживает восстание*. Кабе говорит здесь о поддержке, оказанной Нико-

лаем I грекам в их борьбе с турками за независимость (1827 г.).

³⁵ *Кресты и ленты лилии*. В королевском гербе Бурбонов было три лилии.

³⁶ *Граф Артуа и герцог Ангулемский*. Граф д'Артуа — будущий король Карл X (1824—1830); герцог Ангулемский — старший сын Карла X.

³⁷ *Воспоминания о Марсовом поле и Майское поле*. Марсово поле в Париже, на котором 14 июля 1790 г. в память годовщины взятия Бастилии, происходила праздник Федерации и Франция была провозглашена конституционной монархией. *Майское поле* — название, данное собранию, созванному Наполеоном I в 1815 г. во время «ста дней», на котором он провозгласил новую конституцию — «дополнительный акт к установлениям империи».

³⁸ *Октроированный акт*. Октроирование — дарование королевской властью каких-либо прав или конституций.

³⁹ *Фердинанд* — испанский король Фердинанд VII (1808—1833).

⁴⁰ *Сама Турция вступает на путь реформ*. Кабе имеет в виду правление Махмуда II (1808—1839), положившее начало новой эпохе в истории Турции. Махмуд II провел реформу турецкой армии, государственного аппарата, уничтожил ряд феодальных институтов и должностей и т. д.

⁴¹ *Республиканский заговор, подготовленный в России и Польше*. Кабе имеет в виду движение декабристов и их восстание 14 декабря 1825 г.

⁴² *Каннинг Джордж* (1770—1827) — английский гонимый государственный деятель, консерватор, верный сторонник Питта, участник ряда торийских министерств. В 20-х годах стал, однако, отходить от консервативных взглядов и сближаться с либералами, а в 1827 г., незадолго до смерти, составил либеральное министерство.

⁴³ *Торрихос* — генерал, один из вождей испанского восстания 1811 г., поднятого сторонниками конституции. Был расстрелян вместе с 50 его товарищами.

⁴⁴ *Ботани-Бей* — залив на восточном берегу Австралии. В 1788 г. англичане устроили там каторжную колонию, упраздненную в 1840 г.

⁴⁵ *Клятвопреступления и измены донна Мигуэля.*
Дон Мигуэль (1802—1866), сын португальского короля Иоанна VI, присягнув конституции, через короткое время распустил кортёсы и узурпировал власть короля.

⁴⁶ *Варварство Николая → Николая I (1825—1856).*